

Евразийский юридический журнал

№ 6 (73) 2014

Редакционный совет

Председатель

МАЦКЕВИЧ Игорь Михайлович, д.ю.н., профессор (Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА))

Заместитель председателя

БЕКЯШЕВ Камилль Абдулович, д.ю.н., профессор (Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА))

Члены редакционного совета

АБАШИДЗЕ Аслан Хусейнович, д.ю.н., профессор (Российский университет дружбы народов)

БАЙЛЬДИНОВ Даулет Лаикович, д.ю.н., профессор (Казахский Национальный Университет им. аль-Фараби)

БАТХИЕВ Рашид Хусейнович, к.ю.н., судья Верховного Суда Российской Федерации в отставке

БОНДАРЕНКО Виктор Николаевич, д.ф.н., профессор (Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы, г. Уфа)

БУГЕРА Михаил Евгеньевич, к.э.н. (Государственное Собрание Республики Башкортостан, г. Уфа)

БЫСТРОВ Григорий Ефимович, д.ю.н., профессор (Российский государственный аграрный университет – Московская сельскохозяйственная академия им. К.А.Тимирязева (РГАУ-МСХА))

ГАРЕЕВ Эдуард Сагидуллович, к.ф.н., профессор (Уфимский государственный нефтяной технический университет)

ГРАЧЕВА Елена Юрьевна, д.ю.н., профессор (Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА))

ИСМАИЛОВ Шавкат Махмудович, д.ю.н., профессор, государственный советник юстиции Республики Таджикистан

КАПУСТИН Анатолий Яковлевич, д.ю.н., профессор (Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, г. Москва)

КРИВЕНЬКИЙ Александр Иванович, д.и.н., профессор (Московский городской педагогический университет)

КОРБУТ Людмила Васильевна, ученый секретарь Российской Ассоциации международного права

КОЧАРЯН Виген Владимирович, к.ю.н., доцент (Ереванский государственный университет)

ЛАВРЕНТЬЕВ Сергей Николаевич, к.и.н., доцент (Башкирская академия государственной службы и управления при Президенте Республики Башкортостан, г. Уфа)

МАЛЕЕВ Юрий Николаевич, д.ю.н., профессор (Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России)

МИШАЛЬЧЕНКО Юрий Владимирович, д.ю.н., д.э.н., профессор (Евразийское Экономическое сообщество, г. Санкт-Петербург)

МУХАМЕТШИН Фим Баязитович, д.ю.н., профессор (Уфимский юридический институт МВД России)

НЕЧЕВИН Дмитрий Константинович, д.ю.н., профессор (Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА))

НИГМАТУЛЛИН Ришат Вахидович, д.ю.н., профессор (Уфимский юридический институт МВД России)

ПАШЕНЦЕВ Дмитрий Алексеевич, д.ю.н., профессор (Финансовый университет при Правительстве РФ)

ПОНЬКА Виктор Федорович, д.ю.н., профессор (Российский университет дружбы народов)

РАЯНОВ Фанис Мансурович, д.ю.н., профессор (Башкирский государственный университет, г. Уфа)

СИНЮКОВ Владимир Николаевич, д.ю.н., профессор (Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА))

СЫДЫКОВ Ерлан Батташевич, д.и.н., профессор, академик Международной академии наук педагогического образования (Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева, г. Астана)

ТОЛСТОПЯТЕНКО Геннадий Петрович, д.ю.н., профессор (Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России)

ФАРХУТДИНОВ Инсур Забирович, д.ю.н. (Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва), Председатель редакционной коллегии (Главный редактор)

ФАТКУДИНОВ Зуфар Максумович, д.ю.н., профессор (Университет управления «ТИСБИ», г. Казань)

ШЕВЕЛЁВА Наталья Александровна, д.ю.н., профессор (Санкт-Петербургский государственный университет)

ШЕМШУЧЕНКО Юрий Сергеевич, д.ю.н., профессор (Институт государства и права им. В.М. Корецкого НАН

Украины), академик Национальной академии наук Украины, иностранный член Российской академии наук

ШУВАНОВ Станислав Александрович, Председатель МОД Российской службы мира, ветеран Дипломатической службы России

Издается при содействии Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). Международный научный и научно-практический юридический журнал. Свободная трибуна по обмену мнениями по теории и практике права в Российской Федерации, странах Содружества Независимых Государств (СНГ) и дальнего зарубежья.

Журнал включен Высшей аттестационной комиссией Минобрнауки РФ в перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы новые научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Издается с октября 2007 г.
Выходит ежемесячно с января 2009 г.

Все права защищены и охраняются законодательством Российской Федерации об авторском праве. Ни одна из частей настоящего издания и весь журнал в целом не могут быть воспроизведены, переведены на другой язык, сохранены на печатных формах или любым другим способом обращены в иную форму хранения информации без предварительного согласования и письменного разрешения редакции. Ссылки на настоящее издание обязательны.

За содержание опубликованной рекламы редакция ответственности не несет. Точка зрения авторов статей, иных материалов, опубликованных в «Евразийском юридическом журнале», может не совпадать с точкой зрения редакции.

© Евразийский юридический журнал, 2014

Подписано в печать 17.06.2014
Формат 62x84 1/8. Усл. печ. л. 21,11.
Тираж 1500 экз.

Руководитель интернет-проектов – Фархутдинов Д. И.,
Компьютерная верстка – Гареев А. Р.

Адрес редакции: 119034,
г. Москва, ул. Пречистенка, д. 10.
тел.: (499) 766-91-92,
+7 (917) 40-10-889

e-mail: eurasia1aw@mail.ru,
eurasianoffice@yandex.ru
<http://www.eurasialaw.ru>,
www.eurasialegal.info

Eurasian law journal

№ 6 (73) 2014

Editorial council

Chairman

MATSKEVICH IGOR MIKHAILOVICH, Dr of Law, Professor (O.E. Kutafin Moscow State Law University (MSAL))

Vice-Chairman

BEKYASHEV KAMIL ABDULOVICH, Dr of Law, Professor (O.E. Kutafin Moscow State Law University (MSAL))

Editorial council members

ABASHIDZE ASLAN HUSEYNOVICH, Dr of Law, Professor (Russian University of friendship of the people)

BONDARENKO VICTOR NIKOLAEVICH, Dr of Philosophical Sciences, Professor (Bashkir State Pedagogical University of M. Akmulla, Ufa)

BATKHIEV RASHID HUSEYNOVICH, Dr of Law (candidate), judge of the Supreme Court of the Russian Federation in retirement

BAYLDINOV DAULET LAIKOVICH, Dr of Law, Professor (Kazakh National University of al-Farabi)

BUGERA MIKHAIL EVGENEVICH, Dr of Economical Sciences (candidate) (State Assembly of the Republic of Bashkortostan, Ufa)

BYSTROV GRIGORY EFIMOVICH, Dr of Law, Professor (Russian State Agrarian University – K.A. Timiryazev Moscow Agricultural Academy (RSAU-MAA))

FARKHUTDINOV INSUR ZABIROVICH, Dr of Law (Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow),
Chairman of the Editorial Board (Editor-in-Chief)

FATKUDINOV ZUFAR MAKSUMOVICH, Dr of Law, Professor (University of Administration «TISBI», Kazan)

GAREYEV EDUARD SAGIDULLOVICH, Dr of Philosophical Sciences (candidate), Professor (Ufa State Petroleum Technical University)

GRACHEVA ELENA JUREVNA, Dr of Law, Professor (O.E. Kutafin Moscow State Law University)

ISMAILOV SHAUKAT MAKHMUDOVICH, Dr of Law, Professor, State Counselor of Justice of the Republic of Tajikistan

KAPUSTIN ANATOLY YAKOVLEVICH, Dr of Law, Professor (Chairman of the Commission on international law of Association of Lawyers of Russia)

KRIVENKY ALEXANDER IVANOVICH, Dr of Historical Sciences, Professor (Moscow City Pedagogical University)

KOCHARYAN VIGEN VLADIMIROVICH, Dr of Law (candidate), Associate professor (Yerevan State University)

KORBUT LEUDMILA VASILIEVNA, Scientific Secretary of the Russian Association of International Law

LAVRENTYEV SERGEY NIKOLAEVICH, Dr of Historical Sciences (candidate), Associate professor (Bashkir academy of public service and management at the President of the Republic of Bashkortostan, Ufa)

MALEEY YURY NIKOLAEVICH, Dr of Law, Professor (Moscow State Institute of International Relations (University) of the MFA of the Russian Federation)

MISHALCHENKO YURY VLADIMIROVICH, Dr of Law, Dr of Economical Sciences, Professor (Eurasian Economic Community, Saint-Petersburg)

MUKHAMETSHIN FAIM BAYAZITOVICH, Dr of Law, Professor (Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the RF)

NECHEVIN DMITRIY CONSTANTINOVICH, Dr of Law, Professor (O.E. Kutafin Moscow State Law University (MSAL))

NIGMATULLIN RISHAT VAKHIDOVICH, Dr of Law, Professor (Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the RF)

PONKA VICTOR FEDOROVICH, Dr of Law, Professor (Russian University of friendship of the people)

PASHENTSEV DMITRY ALEKSEEVICH, Dr of Law, Professor (Financial University at the Government of the Russian Federation)

RAYANOV FANIS MANSUROVICH, Dr of Law, Professor (Bashkir state university, Ufa)

SHEVELYOVA NATALYA ALEKSANDROVNA, Dr of Law, Professor (St. Petersburg State University)

SHEMSHUCHENKO YURY SERGEEVICH, Dr of Law, Professor (V.M. Koretsky Institute of State and Law of the National Academy of Sciences of Ukraine), Academician of the National Academy of Sciences of Ukraine, member of the Russian Academy of Sciences

SHUVANOV STANISLAV ALEKSANDROVICH, Chairman of the Russian Peace Service, a veteran of the Diplomatic Service of Russia

SINYUKOV VLADIMIR NIKOLAEVICH, Dr of Law, Professor (O.E. Kutafin Moscow State Law University (MSAL))

SYDYKOV YERLAN BATTASHEVICH, Dr of Historical Sciences, Professor (Academician of the International Academy of Sciences of Pedagogical Education, Euroasian National University of L. N. Gumilev, Astana)

TOLSTOPJATENKO GENNADY PETROVICH, Dr of Law, Professor (Moscow State Institute of International Relations (University) of the MFA of the Russian Federation)

Journal is published with support of the O. E. Kutafin Moscow State Law University (MSAL). International scientific and practical law journal. A free forum for exchange of views on the theory and practice of law in Russia, the Commonwealth of Independent States (CIS) and other countries.

The journal is included by the Higher Attestation Commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation to the list of leading reviewed scientific journals and editions in which the basic scientific results of dissertations for scientific degrees of doctor and candidate of sciences should be published.

Published since October 2007.
Monthly Law Journal since January 2009.

All rights reserved and protected by copyright legislation of the Russian Federation. No part of this publication and the entire journal as a whole may be reproduced in any form, translated, stored in a retrieval system, or transmitted in any way or by any means of electronic, mechanical, photocopying, recording, or otherwise without prior consent and written permission of the publisher. References to this edition are required.

Editorial Board is not responsible for the content of the advertisements. The opinions of the members of the Editorial Board may not coincide with the opinions of the authors of the articles and other materials published in the "Eurasian Law Journal".

© Eurasian law journal, 2014

Signed for printing 17.06.2014
Format 62x84 1/8. Conv. print. sh. 21,11.
Issue 1500 copies.

Head of the Internet projects –
Farkhutdinov D.I.

Desktop publishing –
Gareyev A.R.

Address of the Editor's Office:
10, Prechistenka Str., Moscow, 119034

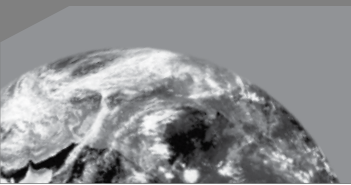
Phone: (499) 766-91-92,

+7 (917) 40-10-889

e-mail: eurasialaw@mail.ru,

eurasianoffice@yandex.ru

<http://www.eurasialaw.ru>,
www.eurasialegal.info

Редакционная коллегия

Главный редактор

ФАРХУТДИНОВ Инсур Забирович, д.ю.н.

Члены редакционной коллегии

первый заместитель главного редактора:

ВЫСТОРÓБЕЦ Евгений Анатольевич, к.ю.н.

заместитель главного редактора:

БОНДАРЕНКО Александр викторович, к.ф.н., доцент

ответственный редактор:

ЛУКИЯНОВ Михаил Юрьевич, к.п.н.

научный редактор:

ДЗЮБА Ирина валерьевна

литературный редактор:

ВИНОГРАДОВА Юнис Александровна

технический редактор:

ГАРЕЕВ Артур Рустемович

ГАБИНЕТ Дмитрий Анатольевич, старший преподаватель
ГУСЕЙНОВ Октай Рамазан оглы, к.ю.н., доцент
КОННОВА Елена владимировна, старший преподаватель, с.н.с.
КОПЫЛОВ Станислав Михайлович, к.ю.н.
ЛЫСЕНКО Владлена Владимировна, к.ю.н.,
доцент Приднестровского государственного
университета им. Т.Г. Шевченко, г. Тирасполь
МУРЗАГИЛЬДИН Наиль Таштимерович
САФРОНОВ Константин Юрьевич
ТРАПЕЗНИКОВ валерий Анатольевич, к.ю.н.
ФАЙЗУЛЛИН Гаяз Габдельисламович, к.ю.н., доцент
САЙМОВА Шолпан Алтынбековна, магистр юриспруденции
руководитель интернет-проектов:
ФАРХУТДИНОВ Динар Инсурович

Идея проекта и его осуществление принадлежат *Фархутдинову И. З.*

Учредитель:

ФУТХУТДИНОВ Инсур Забирович

(Свидетельство ПИ № ФС77-46472 от 2.10.2011 г.)

Editorial board

Editor-in-Chief

FARKHUTDINOV Insur Zabirovich, Dr of Law

Editorial board members

deputy Editor-in-Chief:

WYSTOROBETS Eugene Anatolievich, Dr of Law (candidate),

BONDARENKO Alexandr Viktorovich, Dr of Philosophical
sciences (candidate) Associate Professor

executive editor:

LUKIYANOV Mikhail Yurevich, Dr of Political Sciences (candidate)

scientific editor:

DZYUBA Irina Valerievna

literary editor:

VINOGRADOVA Iunis Aleksandrovna

technical editor:

GAREYEV Arthur Rustemovich

GABINET Dmitry Anatolyevich, Senior Lecturer
HUSEYNOV Oktay Ramazan oglu, Dr of Law (candidate)
KONNOVA Elena Vladimirovna, Senior Lecturer, Senior Researcher
KOPYLOV Stanislav Mikhailovich, Dr of Law (candidate)
LYSENKO Vladlena Vladimirovna, Dr of Law (candidate),
associate professor of the T.G. Shevchenko Transdnestrian State
University, Tiraspol
MURZAGILDIN Nail Tashtimirovich
SAFRONOV Konstantin Yuryevich
TRAPEZNIKOV Valery Anatolievich, Dr of Law (candidate)
FAIZULLIN Gaiaz Gabdelislamovich, Dr of Law (candidate),
Associate Professor
SAIMOVA Sholpan Altinbekovna, Master of Law
internet-project:
FARKHUTDINOV Dinar Insurovich

The project and its implementation are the work of *Farkhutdinov I. Z.*

Founder:

FARKHUTDINOV Insur Zabirovich

(Certificate PI № FS77-46472 of 2.10.2011)

PERSONA GRATA

- Быстров Г. Е.** Совершенствование кооперативного законодательства и концепция проекта федерального закона «О кооперации в Российской Федерации»..... 8

ЕВРАЗИЙСКАЯ ГЕОПОЛИТИКА И МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

Фархутдинов И. З.

- Россия и Китай: взаимные инвестиции (опыт правового регулирования для евразийской интеграции) 16

ЕВРАЗИЙСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ

Азанов Б. К.

- Роль В. В. Путина и Н. А. Назарбаева в евразийской геополитике (политико-правовой анализ) 30

Волова Л. И.

- Возрастание роли региональной экономической интеграции в современных условиях 40

Дихтяр А. И.

- Проблемы легитимации земельно-правового статуса иностранных лиц на территории Евразийского экономического союза 44

Писарев А. Н.

- Конституционно-правовые основы формирования комплексного правового института публичной собственности в странах Евразийского экономического союза 48

Левшин В. В.

- Анализ европейского опыта интеграции и выработка предложений для Евразийского Союза 54

Андреева Е. С.

- Правовое сотрудничество по вопросам обеспечения военной инфраструктуры между Российской Федерацией и Республикой Армения 57

ЕВРАЗИЙСКОЕ ПРАВОСУДИЕ: РЕШЕНИЯ И КОММЕНТАРИИ

Смбатян А. С.

- Решения Суда ЕврАзЭС не вызывают научного интереса? 63

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

Батлер У. Э.

- Гуго Гроций в переводах Эватса 69

Петров А. Ф., Шуст К. В., Урюпова Е. Ф., Бекашев К. А.

- Правовой режим морских охраняемых районов в Антарктике 71

Ананидзе Ф. Р.

- Дело «Эндоройс против Кении» 80

Иванов Д. В., Ганиева Р. Б.

- Обзор практики Международного Суда ООН по вопросу о возмещении ущерба, причиненного вследствие международно-противоправного деяния: дело А.С. Диалло 84

Солнцев А. М., Утенкова Е. В.

- К вопросу о создании Протокола о правах инвалидов к Африканской хартии прав человека и народов 90

Кадышева О. В.

- К вопросу о прецедентном характере решений Органа по разрешению споров во Всемирной торговой организации 97

Киселева Е. В.

- Новый уровень исследования международно-правового регулирования миграции 102

Мурзагалиев Е. Ч.

- Теоретико-правовые вопросы возмещения ущерба в современном международном праве, применимые к международному налоговому праву 104

Халед Миари

- О применимых принципах и нормах прав человека на оккупированных Палестинских территориях 108

Джапаридзе Ушанги

- Статус Иерусалима в контексте международно-правового статуса государства Палестины 112

Хорхе Луис Перес Альварадо

- Влияние международно-правовых стандартов на защиту прав инвалидов в Доминиканской Республике 116

Черных И. А.

- Арбитраж как средство мирного разрешения споров в области космической деятельности 120

ИНТЕРЭКОПРАВО

Копылов М. Н., Мишланова В. А.

- Нужна ли историография международному экологическому праву? 125

Ладейщиков А. А., Ушаков С. А.

- Правовые аспекты функционирования предприятий по переработке и утилизации опасных отходов в Англии и Уэльсе 129

МЕЖДУНАРОДНОЕ ЧАСТНОЕ ПРАВО

Толбузина Т. В.

- Особенности правового регулирования трудовых отношений с участием иностранцев 132

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Вильданов Р. Р.

- Государственная дума в начале XX и XXI веков: общее и особенное 136

Максимова О. Д.

- Проблемы теории советского права и понятие закона в СССР в первой половине 1930-х годов 139

Святогорова А. Э.

- О гармонизации национального законодательства России как конституционно-правовой категории 146

Толстых А. С.

- О некоторых признаках потерпевшего в праве с точки зрения интегративного правопонимания 149

Филиппова Ж. Д. Этимология и онтология понятия «гражданское общество» в России	152	Ильясов Р. Р., Измайлова Е. Н. Абнегизм: опыт правового и педагогического исследования	199
СРАВНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО		ПОЛИТИКА И ПРАВО	
Ерпылёв И. В. Методология сравнительно-правового исследования.....	155	Шкель С. Н. Авторитаризм как категория политической науки	202
ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО		Чистяков К. В. Экстремизм как реакция на произвол власти.....	204
Бухаров М. Я. Гражданско-правовые особенности предоставления банками потребительских кредитов через интернет.....	158	СОЦИОКУЛЬТУРНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ	
Карпикова Л. В. Развитие теоретических и законодательных представлений об обособленных подразделениях юридических лиц.....	162	Мехдиева Улькер Азербайджанская диаспора в контексте социокультурного взаимодействия России и Азербайджана.....	207
УГОЛОВНОЕ ПРАВО		РЕЦЕНЗИЯ	
Гусейнова Эльнара Интерпол и его деятельность в сфере борьбы с фальшивомонетничеством.....	166	Нечевин Д. К. Рецензия на рукопись учебного издания по программе учебной дисциплины «Административное право» под редакцией заслуженного деятели науки России, доктора юридических наук, профессора Л. Л. Попова.....	210
Третьяков К. В. Роль правил квалификации преступлений и назначения наказания при кодификации уголовного законодательства	171	ОБЗОР	
Фесик П. Ю. Возможность использования статистических методов при раскрытии преступлений	176	Боголюбов С. А. Международная конференция о правах на природные ресурсы (г. Линц, Австрия. Июнь 2014 г.)	214
Мартыненко С. Е. Международное сотрудничество в борьбе с насилием и хулиганским поведением во время проведения спортивных соревнований	178	Из поэтической тетради профессора Ю. Н. Малеева.....	217
КРИМИНАЛИСТИКА		ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ 220	
Азизян В. Г., Журавленко Н. И. Исследование проблемы разработки криминалистической характеристики компьютерных преступлений.....	183	СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ 221	
АДВОКАТУРА			
Киселев П. П. Некоторые изменения в российском уголовном процессе, расширяющие возможности адвокатского расследования	188		
МУСУЛЬМАНСКОЕ ПРАВО			
Арсанукаева М. С. Роль обычая и норм шариата в регулировании общественных отношений у народов Северного Кавказа (XIX – начало XX вв.).....	192		
ПЕДАГОГИКА И ПРАВО			
Макаев Х. Ф., Макаева Г. З. Формирование лингвокомпетентного специалиста через призму реализации права на образование.....	196		

PERSONA GRATA

Bystrov G. E. *Upgrading of the cooperative legislation and draft concept of the federal law «On cooperation in the Russian Federation»*..... 8

EURASIAN GEOPOLITICS AND INTERNATIONAL LAW

Farkhutdinov I. Z.
Russia and China: mutual investments (experience of legal regulation for Eurasian integration) 16

EURASIAN INTEGRATION

Azanov B. K.
The role of V. V. Putin and N. A. Nazarbaev in Eurasian geopolitics (political-legal analysis)..... 30

Volova L. I.
The increase of the role of regional economic integration in modern conditions 40

Dihtyar A. I.
The problem of making legitimate the land and law status of foreign persons in the territory of the Eurasian Economic Union..... 44

Pisarev A. N.
Constitutional and legal basis for the formation of complex legal institution of public property in the countries of the Eurasian Economic Union..... 48

Levshin V. V.
Analysis of the European integration experience and elaboration of the proposals for the Eurasian Union..... 54

Andreeva E. S.
Legal cooperation on the issues of provision of military infrastructure between the Russian Federation and the Republic of Armenia..... 57

EURASIAN JUSTICE: JUDGMENTS AND COMMENTARIES

Smbatyan A. S.
Don't the decisions of EurAsEC Court attract scientific interest? 63

INTERNATIONAL LAW

Butler W. E.
Hugo Grotius in Evats' translations 69

Petrov A. F., Shust K. V., Uryupova E. F., Bekyashev K. A.
Legal status of Marine Protected Areas (MPAs) in Antarctica 71

Ananidze F. R.
Case «Endorois v. Kenya»..... 80

Ivanov D. V., Ganieva R. B.
Overview of the jurisprudence of the International Court of Justice on the issue of reparation for damage caused by the internationally wrongful act: A.S. Diallo case..... 84

Solntsev A. M., Utenkova K. V.
Towards the creation of the Protocol on the Rights of Persons with Disabilities to the African Charter on Human and Peoples' Rights 90

Kadysheva O. V.
To a question about precedential value of decisions of the dispute Settlement Body of the World Trade Organization..... 97

Kiseleva E. V.
New level of researching international legal regulation of migration..... 102

Murzagaliyev E. Ch.
Theoretical legal questions of compensation of the damage in modern international law applicable to international tax law 104

Khaled M. M. Miari
Applicable principles and rules of human rights in the occupied Palestinian territories..... 108

Japaridze Ushangi
The status of Jerusalem in the context of the international legal status of the State of Palestine..... 112

Jorge Luis Perez Alvarado
The influence of international legal standards on the protection of people with disabilities in the Dominican Republic..... 116

Chernykh I. A.
Arbitration as a mean of peaceful settlement of disputes in outer space activities..... 120

INTERECOLAW

Kopylov M. N., Mishlanova V. A.
Does international environmental law need historiography? 125

Ladeyschikov A. A., Ushakov S. A.
Legal aspects of operation of enterprises recycling and utilizing hazardous waste in England and Wales..... 129

INTERNATIONAL PRIVATE LAW

Tolbuzina T. V.
The peculiarities of legal regulation of labor relations involving foreigners 132

THEORY AND HISTORY OF STATE AND LAW

Vildanov R. R.
The State Duma at the beginning of the XX and XXI centuries: general and special..... 136

Maksimova O. D.
Problems of the theory of soviet law and the concept of law in the USSR in the first half of 1930s..... 139

Svyatogorova A. E.
On the harmonization of national legislation of Russia as a constitutional legal category..... 146

Tolstykh A. S.
Some features of the offended person in law from the integrative legal consciousness point of view..... 149

Filippova J. D.
Etymology and ontology of the concept of «civil society» in Russia..... 152

COMPARATIVE LAW

Erpylev I. V.
Methodology of the comparative legal study..... 155

CIVIL LAW**Buharov M. Ya.***Civil law features of granting consumer credits by banks through the Internet* ..... 158**Karpikova L. V.***Development of the abstract and legal concepts of separate subdivisions of legal entities* ..... 162**CRIMINAL LAW****Huseynova Elnara***Interpol and its activities in the field of combating counterfeiting* ..... 166**Tretyakov K. V.***The role of rules of qualification of the crimes and sentencing in codification of criminal law* ..... 171**Fesik P. Yu.***The usability of statistical methods in detection of crimes* ..... 176**Martynenko S. E.***International cooperation in the fight against violence and misbehaviour during sports competitions* ..... 178**CRIMINALISTICS****Azizyan V. G., Zhuravlenko N. I.***Study of the problem of design of criminalistics character of cybercrime* ..... 183**ADVOCACY****Kiselev P. P.***Some changes in the Russian criminal procedure, expanding possibilities of lawyer investigation* ..... 188**MUSLIM LAW****Arsanukaeva M. S.***The role of tradition and norms of the Shariah in the regulation of the social relations among the peoples of the Northern Caucasus (19th – beginning of 20th centuries)* ..... 192**PEDAGOGY AND LAW****Makayev Kh. F., Makayeva G. Z.***Forming a linguistically competent specialist through realization of the right to education* ..... 196**Ilyasov R.R., Izmailova E.N.***Abnegism: experience of legal and pedagogical research* ..... 199**POLITICS AND LAW****Shkel S.N.***Category of authoritarianism in political science* ..... 202**Chistyakov K.V.***Extremism as a reaction to the arbitrariness of power* ..... 204**SOCIO-CULTURAL COOPERATION****Mehdieva Ulker***Azerbaijani Diaspora in the context of social and cultural interaction of Russia and Azerbaijan* ..... 207**BOOK REVIEW****Nechevin D. K.***Review of the manuscript of academic manual on the programme of «Administrative Law» discipline, 030900 «Jurisprudence» (qualification (degree) Bachelor) training course, edited by Honoured Scientist of Russia, Doctor of Law, Professor L.L. Popov* ..... 210**REVIEW****Bogolyubov S. A.***International conference on the rights to natural resources (Linz, Austria, June 2014)* ..... 214*From Yu. N. Maleev's poetic writing–book* ..... 217**INFORMATION FOR AUTHORS** ..... 220**ABOUT THE AUTHORS** 221

Быстров Г. Е.

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ КООПЕРАТИВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И КОНЦЕПЦИЯ ПРОЕКТА ФЕДЕРАЛЬНОГО ЗАКОНА «О КООПЕРАЦИИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

Интервью с Григорием Ефимовичем Быстровым, доктором юридических наук, профессором кафедры аграрного и земельного права Российского государственного аграрного университета – МСХА им. К. А. Тимирязева, академиком РАН, президентом Национальной ассоциации аграрного права, природоресурсного и экологического права, вице-президентом Европейского комитета аграрного права.

Bystrov G. E.

UPGRADING OF THE COOPERATIVE LEGISLATION AND DRAFT CONCEPT OF THE FEDERAL LAW «ON COOPERATION IN THE RUSSIAN FEDERATION»

An interview with Grigory Efimovich Bystrov, Doctor of Law, Professor of the Chair of Agrarian and Land Law at the Russian State Agrarian University – Moscow Agricultural Academy named after K. A. Timiryazev, Academician of the Russian Academy of Natural Sciences, President of the National Association of Agricultural, Natural Resources and Ecological Laws, Vice-President of the European Committee of Agricultural Law.

Быстров Г. Е.

Визитная карточка:

Григорий Ефимович Быстров – выпускник юридического факультета Ленинградского государственного университета, до 1967 г. работал в органах прокуратуры. В 1969 г., по окончании аспирантуры юридического факультета Ленинградского государственного университета, защитил кандидатскую диссертацию, в 1987 г. – докторскую диссертацию, 12 октября 1989 г. решением Государственного комитета СССР по народному образованию ему присвоено звание профессора.

С 1969 по 1978 г. работал в высших учебных заведениях Ленинграда; с 1978 по 1988 г. – на юридическом факультете Московского государственного университета; с марта 1988 по октябрь 2006 г. – заведующий кафедрой аграрного и экологического права Московской государственной юридической академии, с февраля 2007 г. до августа 2011 г. – заведующий кафедрой аграрного и земельного права, в настоящее время – профессор кафедры аграрного и земельного права Российского государственного университета – МСХА имени К. А. Тимирязева.

С 1988 по 1996 г. – заместитель председателя Экспертного совета ВАК при Правительстве Российской Федерации по юридическим наукам; академик Международной академии информатизации; академик Российской академии естественных наук; академик Международной академии информатизационных процессов и технологий; президент Национальной ассоциации аграрного права, природоресурсного и экологического права; член Международной коллегии адвокатов; консультант и арбитр Brunswick Chambers Barristers.

Под научным руководством Г. Е. Быстрова защитили диссертации 4 доктора юридических наук и 18 кандидатов юридических наук. Им опубликовано более 350 научных работ общим объемом более 460 п. л. С начала 90-х годов Г. Е. Быстров основательно занимается исследованием проблем земельной и аграрной реформ в странах с переходной рыночной экономикой. Итогом таких исследований явилась его монография «Земельная и аграрная реформы в зарубежных странах: правовая теория и практика», получившая высокую оценку юридической научной общественности России и других стран СНГ.

В 2009 г. издан Международный сборник научных трудов аграрных и юридических высших учебных заведений России, Украины, Белоруссии, Казахстана, других стран СНГ и государств ЕС «Правовое регулирование аграрных, земельных отношений, природопользования и охраны окружающей среды в сельском хозяйстве в России, Украине, Белоруссии, Казахстане, других странах СНГ и государствах ЕС: состояние, проблемы, пути совершенствования» (том 1 «Правовое регулирование аграрных отношений в России, Украине, Белоруссии, Казахстане, других странах СНГ и государствах ЕС: состояние, проблемы, пути совершенствования» – 30 п. л.; том 2 – «Правовое регулирование земельных отношений, природопользования и охраны окружающей среды в сельском хозяйстве в России, Украине, Белоруссии, Казахстане, других странах СНГ и государствах ЕС: состояние, проблемы, пути совершенствования» – 30 п. л.), в котором ответственным редактором является профессор Г. Е. Быстров.

В марте 2010 г. изданы материалы Международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы правового регулирования аграрных, земельных отношений, природопользования и охраны окружающей среды в сельском хозяйстве» (35, 11 п. л.). Ее организаторами являются кафедра аграрного и земельного права РГАУ-МСХА им. К. А. Тимирязева, Российская ассоциация аграрного и природоресурсного права, кафедра земельного и экологического права РУДН. В сборник материалов Международной научно-практической конференции, ответственным редактором которого являются профессор Г. Е. Быстров и профессор В. Ф. Понька, включены доклады и научные сообщения по актуальным проблемам совершенствования правового регулирования аграрных отношений и развития агропродовольственных рынков; повышения роли государственного регулирования сельского хозяйства; усиления роли закона и нормативных правовых актов, обеспечивающих развитие национальной кредитно-финансовой системы обслуживания сельскохозяйственных товаропроизводителей, продовольственную безопасность и повышение конкурентоспособности агропромышленного производства.

Г. Е. Быстров является ответственным редактором и соавтором учебников по аграрному праву, земельному праву и экологическому праву с грифом Министерства образования и науки Российской Федерации, по которым осуществляется подготовка юристов в юридических вузах России для работы в судебных и правоохранительных органах.

В марте 2012 г. в Берлине в издательстве Lambert Academic Publishing издана монография Г. Е. Быстрова «Кооперативное законодательство России и государств ЕС», посвященная рассмотрению комплекса проблем, составляющих учение о правовой природе и сущности кооператива как самостоятельной организационно-правовой формы, осуществляющей совместную экономическую деятельность

в различных социально-экономических областях, в том числе и в сельском хозяйстве, с соблюдением действующего кооперативного законодательства, кооперативных принципов и ценностей.

В 2013 г. в Екатеринбурге издан базовый учебник «Аграрное право» (кн. 1 – Общая часть – 17 п. л.; кн. 2 – Особенная часть – 18 п. л.), курс лекций для студентов высших аграрных учебных заведений «Аграрная политика и аграрное право ЕС, Украины, Белоруссии и Казахстана» – 11,9 п. л. (авторский коллектив: Г. Е. Быстров, Л. А. Биткова, В. В. Устюкова, отв. ред. д.ю.н., профессор Г. Е. Быстров, д.ю.н., профессор Б. А. Воронин).

В 2012 г. в Ульяновске издан учебник «Аграрное право» для студентов высших юридических учебных заведений (37 п. л.). Авторский коллектив: Г. Е. Быстров, Ю. Н. Андреев, Э. С. Навасардова, В. Е. Лукьяненко, Г. Г. Кузьмина и др. Отв. ред. д.ю.н., профессор Г. Е. Быстров, д.ю.н., профессор В. Е. Лукьяненко.

На 4 квартал 2014 г. в РГАУ-МСХА им. К. А. Тимирязева запланировано издание учебника «Аграрное право» (Общая часть; Особенная часть; Специальная часть – Аграрное право стран СНГ и государств ЕС – 46,3 п. л.) для студентов высших юридических учебных заведений. Авторский коллектив: Г. Е. Быстров, Л. А. Биткова, В. В. Устюкова, Ю. Н. Андреев, Э. С. Навасардова, В. Е. Лукьяненко, Г. Г. Кузьмина и др. Отв. ред. д.ю.н., профессор Г. Е. Быстров.

На 2 квартал 2015 г. в издательстве «Проспект» запланирована публикация в рамках Российского благотворительного фонда в Лондоне учебника «Аграрное право». Книга 1 – Общая часть – 20,5 п. л. для студентов Таврического государственного университета. Авторский коллектив: Г. Е. Быстров, Л. А. Биткова, В. В. Устюкова. Отв. ред. д.ю.н., профессор Г. Е. Быстров.

На 4 квартал 2015 г. в издательстве «Проспект» запланирована публикация в рамках Российского благотворительного фонда в Лондоне учебника «Аграрное право». Книга 2 – Особенная часть – 43,63 п. л. для студентов Таврического государственного университета. Авторский коллектив: Г. Е. Быстров, Ю. Н. Андреев, Э. С. Навасардова, В. Е. Лукьяненко, Н. Г. Кузьмина и др. Отв. ред. д.ю.н., профессор Г. Е. Быстров.

Григорий Ефимович Быстров активно участвует в рабочих группах российских законодательных органов по подготовке важнейших законопроектов, формирующих правовую основу для осуществления в России земельной и аграрной реформ, формирования и развития ипотечных земельных и агропродовольственных рынков, государственного регулирования предпринимательской деятельности в сельском хозяйстве.

Особую значимость имеет практическая деятельность Г. Е. Быстрова, которая связана с его работой в федеральных законодательных и исполнительных органах государственной власти в качестве эксперта по программе организационно-правового обеспечения государственного регулирования, энергетической безопасности и охраны окружающей среды в сфере природопользования.

В качестве члена научно-консультативных советов Верховного Суда РФ и Высшего Арбитражного Суда РФ ведет активную деятельность по обобщению судебной и арбитражной практики, способствуя тем самым укреплению законности, правопорядка и охране основ конституционного строя.

Известна большая практическая деятельность Г. Е. Быстрова, который представлял Государственную Думу Российской Федерации в Конституционном Суде Российской Федерации по спору о конституционности некоторых положений Лесного кодекса Российской Федерации и Правительство Российской Федерации в Верховном Суде Российской Федерации по спору, связанному с переводом лесных земель в нелесные в лесах первой группы. За активную деятельность по защите экологических прав граждан в Конституционном Суде Российской Федерации и в Верховном Суде Российской Федерации Г. Е. Быстрову присвоен классный чин генерал-лейтенанта Российской государственной службы лесного хозяйства.

Осуществляет активную деятельность по укреплению международного правового сотрудничества российских специалистов с юридическими научно-исследовательскими учреждениями и вузами стран СНГ, является организатором крупных международных научных конгрессов в Москве, Минске, Айове (США), Берлине с участием стран СНГ и государств Балтии, Великобритании, Франции, Германии, Италии, Испании, Бельгии, США по проблемам совершенствования природоресурсного, энергетического, экологического и аграрного законодательства в условиях реализации экономической реформы и формирования в России демократического правового государства. Участвовал в работе крупных Международных научных конгрессов в Лондоне, Мадриде, Альмерии, Париже, Страсбурге, Берлине, Бонне, Киле, Вашингтоне, Сизтле, Де-Мойне, Ванкувере, Праге, Будапеште, Зальцбурге, Корсике, Мехико, Неаполе, Люцерне по проблемам природоресурсного права, земельного права, аграрного права, энергетического и экологического права.

Научные исследования Г. Е. Быстрова отличаются фундаментальностью, принципиальностью, эрудицией, широкой правовой культурой. Благодаря этому он получил признание как ученый-юрист не только среди ученых и практических работников в России, но и в странах СНГ и европейских странах, в США, Канаде, Мексике. Является вице-президентом Европейского комитета по аграрному праву.

– Уважаемый Григорий Ефимович, какова история развития российской кооперации и насколько обоснованной и логичной является постановка вопроса о совершенствовании кооперативного законодательства и концепции проекта Федерального закона «О кооперации в Российской Федерации»?

– История российской кооперации началась за 30 лет до отмены крепостного права. Ее интенсивное развитие относится к послереформенному периоду, когда под влиянием либеральных реформ 60–80-х годов XIX в. возникли различные формы кооперативов. Это были кустарно-производственные кооперативы, общества потребителей, ссудо-сберегательные товарищества, сыроваренные артели, которые объединяли рабочих, крестьян, ремесленников для того, чтобы избавить их от безработицы, бедности, нищеты, защищать их интересы, удовлетворять их материальные и духовные потребности.

Термин «кооператив» в российском законодательстве XIX в. рассматривался в качестве организационно-правовой формы

предприятия, функционирующей на бесприбыльной основе. Кооперативная форма хозяйствования позволяет распределять по принципу справедливости риски и ответственность, права и выгоды от совместной деятельности, возлагает на членов кооператива обязанность использовать услуги своего кооператива и обеспечить капитал, обязывает кооператив предоставлять преимущественно, но не исключительно услуги членам кооператива.

Кооперация развивается как форма экономической демократии, социальный сектор рыночной экономики. Она рассматривается как ассоциация лиц, объединившихся для создания демократической хозяйственной организации, основанной на принципах равенства, единственной целью которой является оказание услуг своим членам.

В странах с развитой рыночной экономикой производственные кооперативы не получили широкого распространения. Потребности частного оборота в этих странах вызвали достаточно развитое законодательство, регулирующее коллективное предпринимательство при производстве сельскохозяй-

ственной продукции такими организационно-правовыми формами коммерческих организаций, как акционерные общества, партнерства, корпорации, ассоциации, общества и т. п.

Во многих странах (Франция, Бельгия, Германия, Австрия) кооперативы трактовались как торговые товарищества. По этой причине к ним применялись правила торгового права по вопросам счетоводства, публичной отчетности, подсудности торговым судам, где они функционировали.

– Не могли бы Вы с точки зрения Ваших фундаментальных научных исследований дать историко-правовой анализ понятия кооператива?

– Традиционно в законодательстве и правовой доктрине кооператив рассматривался в качестве особой организационно-правовой формы предприятия, которая отличается от акционерных обществ тем, что в кооперативе объединяется не капитал, а совместный труд.

Видный теоретик отечественной кооперации А. В. Чайнов понятие кооперации рассматривал в двух аспектах: «кооперативное предприятие» и «кооперативное движение» – и выделял особые признаки кооператива как организованной на коллективных началах экономической деятельности группы лиц, призванной обслуживать интересы этой группы. Для правового статуса кооперативного предприятия характерно то, что кооперативная деятельность несовместима с целью достижения высокой прибыльности.

Для кооперативного предприятия получение наибольшей чистой прибыли, в отличие от частного торговца, отходит на второе место. Кооперативное предприятие «никогда не может иметь собственные интересы, лежащие вне интересов создавших его членов; это предприятие, обслуживающее своих клиентов, которые являются его хозяевами и строят его управление так, чтобы оно было непосредственно ответственно перед ним и только перед ними»¹.

Сказанное в полной мере относится и к законодательству о кредитных товариществах, возникших в 60-е годы XIX в. Здесь главным источником кредитования крестьян, которые работали на рынок и пользовались услугами рынка, служили займы государственного банка, земств и частных лиц. Крестьяне могли пользоваться ссудами кредитного товарищества, не участвуя в создании их капитала. На них возлагалась лишь обязанность выплачивать проценты за полученные ссуды, за счет чего товарищества выплачивали взятые ими со стороны средства.

– Каково влияние на российское кооперативное законодательство законодательства Германии о кредитных кооперативах?

– В Германии в 1866 г. волостной старшина Райффейзен издал книгу «Кредитные товарищества как средство уничтожения нищеты». Тремя годами позже им было создано первое такое товарищество, которое функционировало как сберегательная касса и выдавало ссуды кредитоспособным членам за соответствующий процент исключительно на хозяйственные цели.

Кооперативы организовали сбыт продукции сельского хозяйства. Их отличительной чертой было отрицание паевого капитала, так как они объединяли лиц, не обладающих денежным капиталом. Беспаявые товарищества, которые получили наименование кредитных товариществ, получили широкое распространение и в России. Такие кооперативы возникали по инициативе государства, которое предоставляло ссуды кредитным товариществам и контролировало их деятельность.

Предусматривалась выдача краткосрочных ссуд сроком до 12 месяцев и долгосрочных ссуд до 5 лет за счет дополнительных займов и вкладов. Достаточно широкими были формы обеспечения ссуд. Наряду с личным доверием и поручительством допускалась выдача ссуд под залог сельскохозяйственной продукции, ремесленных и кустарных изделий, а также под залог недвижимого имущества, принадлежащего залогодателю на праве полной собственности.

Другой формой кредитных кооперативов были ссудо-сберегательные товарищества, которые выдавали дешевый и доступный кредит крестьянам на аренду земли, покупку инвентаря, рабочего скота, коров, семян, расширение торговли и другие нужды. В основу создания таких кооперативных товариществ был положен опыт ссудо-сберегательных товариществ Германии, которые вошли в историю кооперативного движения как кооперативы Шульце-Делича.

Главным достоинством законодательства о ссудо-сберегательных товариществах было предоставление ими кредита, которое не требовало имущественного залога, под гарантию личной порядочности должника и под круговую ответственность всех членов кооператива. Члены ссудного товарищества вместо того, чтобы занимать деньги у ростовщиков и платить огромные проценты, получали кредиты от товарищества на более выгодных условиях. Законодательно была решена таким образом сложная и важная задача: членам кооператива предоставлялась возможность получения дешевых кредитов без всякого материального обеспечения полученной суммы.

Во второй половине XIX в. в России были приняты и нормативные правовые акты (нормальные и образцовые уставы), регулирующие деятельность потребительских обществ, кустарных и ремесленных артелей, обществ поощрения земледелия и сельской промышленности, ссудо-сберегательных и кредитных товариществ, сельскохозяйственных обществ, трудовых артелей, сельскохозяйственных товариществ, которые были подчинены действию частного права. Нормальные уставы сельскохозяйственных товариществ и обществ, законы, регулирующие деятельность отдельных видов кооперативов: трудовых артелей, биржевых артелей, учреждений мелкого кредита – характеризовали кооперативы как организации, которые имеют иную правовую природу, нежели коммерческие предприятия или гражданские товарищества.

– Какие формы кооперации получили наиболее широкое распространение в пореформенной России?

– В пореформенной России традиционно доминировал артельный тип кооперации в сельском хозяйстве. Такие кооперативы строили свою деятельность на началах, далеких от преследования каких-либо коммерческих целей, т. е. на началах взаимопомощи и поддержки самостоятельного крестьянства.

В правовой доктрине и в законодательстве XIX–XX веков доминировало мнение о том, что кооператив является организационно-правовой формой предприятия, в котором объединялся не капитал, а совместный труд. Особым, не регулируемым гражданским законодательством видом товариществ, являлись трудовые артели. Положение об артелях трудовых 1882 г. определяет трудовую артель как товарищество, образовавшееся для определенных работ или промыслов, а также для направления служб и должностей личным трудом участников, за общий их счет и круговую их порукою².

Из этого определения видно по обоснованному убеждению профессора Д. И. Мейера, что «в артели на первый план

1 Чайнов А. В. Основные идеи и формы организации сельскохозяйственной кооперации. – М., 1927. – С. 17.

2 Статьи 2198.2–2198.3. Ч. 1 т. X Свода законов гражданских Российской империи.

выступает личный, трудовой элемент, а не имущественный; соединяются люди в товарищество не для приобретения имущества и извлечения выгоды непосредственно из него, а для совместной работы, посредством которой, конечно, тоже привлекают имущественную выгоду, но средством тут является, прежде всего, не имущественный оборот, а общий труд...

Во-вторых, характерной чертой артели закон выставляет круговую поруку – это, если можно так выразиться, особый привесок к товарищескому единению в виде солидарного обязательства, которое принимают на себя члены артели перед третьими лицами. Существуют артели и без такого привеска, но закон регламентирует лишь такие артели, которые построены на начале круговой ответственности³.

Такая трактовка артельного товарищества, для которого характерно совместное личное трудовое участие его участников «за общий счет и с круговой порукою», была достаточно четко выражена в проекте пятой книги Гражданского уложения о товариществах, где был особенно выделен раздел об артелях, в проекте Положения о трудовых товариществах и артелях 1901 г. Оба законопроекта подчеркивали четыре отличительных признака артели, отделяющие кооператив от различных товариществ капиталистического типа, товариществ полных и на вере, акционерных компаний: 1) хозяйственная цель, которая заключается в совместном занятии каким-либо промыслом; 2) равноправие ее членов; 3) обязательность личного труда; 4) круговая ответственность.

– Как Вы оцениваете понятие кооператива, закрепленное единым общим законом о кооперативных товариществах и их союзах, утвержденным Временным правительством России 20 марта 1917 г., и может ли быть это понятие использовано при разработке нового Федерального закона РФ «О кооперации в Российской Федерации»?

– Положение о кооперативных товариществах и их союзах от 20 марта 1917 г. было первым российским общим законом о кооперации, которым регулировалась деятельность всех видов кооперативов как добровольных объединений лиц, действующих на основе равноправия их членов и переменности их состава, в целях их хозяйственного и духовного роста, путем совместной организации как хозяйственной, так и культурно-просветительской работы. Закон выделял в качестве нового лица, субъекта гражданского и крестьянского права кооперативы, которые характеризовались как товарищества и отличались от коммерческих предприятий и гражданских обществ тем, что строили свою деятельность на бесприбыльных началах, на началах взаимопомощи и поддержки членов кооператива.

Положение о кооперативных товариществах и их союзах от 20 марта 1917 г. распространялось на все виды и формы кооперативов. Закон поддерживал ссудо-сберегательные и кредитные товарищества, расширял сферу кооперативной деятельности потребительских обществ, кооперативов в области сбыта, снабжения, переработки сельскохозяйственной продукции, предоставлял налоговые льготы мелким потребительским обществам. Хозяйственному укреплению кооперации способствовали правительственные заказы в области закупок и сбыта. В данном законе содержался полный набор правовых норм, которыми должен руководствоваться кооператив.

В кооперативе объединяется не капитал, а совместный труд. Основная цель кооператива состоит в том, чтобы объединить в особую организацию тех, кто на добровольной основе со-

единяет свои усилия для достижения общих задач или для удовлетворения общих интересов путем личного трудового участия и объединения усилий всех партнеров или членов кооператива. В основу правового регулирования кооперативов были заложены, таким образом, принципы Рочдейла, по крайней мере, те минимальные требования, которые были позже официально признаны Международным кооперативным альянсом (МКА).

Закон от 20 марта 1917 г. являлся важным правовым средством защиты кооперативного движения от произвола, обеспечивал право на свободное, открытое и независимое существование кооперативов, гарантировал распределение по принципу справедливости рисков и ответственности, прав и выгод от совместной деятельности членов кооператива, был одним из совершенных образцов кодификационных работ по кооперативному законодательству. Этот важнейший нормативный правовой акт и в современных условиях может быть использован при совершенствовании кооперативного законодательства России при разработке единого общего закона о кооперации в Российской Федерации.

– Каковы основные причины, которые препятствуют в современных условиях развитию кооперации как формы экономической демократии, социальному сектору рыночной экономики как ассоциации лиц, объединившихся для создания демократической хозяйственной организации, основанной на принципах равенства, единственной целью которой является оказание услуг своим членам в крупных масштабах своими силами и в своих интересах?

– Несмотря на изобилие нормативных правовых актов об аграрной и земельной реформе, после принятия в 1994 г. ГК РФ и в 1995 г. Федерального закона «О сельскохозяйственной кооперации» не все сельскохозяйственные производственные кооперативы (СХПК) смогли адаптироваться к условиям рыночной экономики. Во второй половине 90-х годов возник аграрный кризис. Причин тому множество. Есть причины экономического и политического характера. Во многом они носят общий характер и связаны с неблагоприятными финансовыми условиями деятельности предпринимателей. Это неплатежи, диспаритет цен, резкое сокращение государством финансовой поддержки фермерских товаропроизводителей от прежних монопольных структур в сфере агросервиса, торговле и переработке, отсутствие или слабость кооперативной структуры на региональном уровне, низкий уровень информированности и знаний сельских предпринимателей, крестьян о преимуществах кооперации, отсутствие квалифицированных кадров по сельскохозяйственной кооперации.

Действующее законодательство не учитывает в полной мере социальную сущность СХПК, в которых занято на селе более чем 800 тыс. сельских жителей, что составляет более 14% всех занятых в сельском хозяйстве.

Сложными являются процедуры получения СХПК инвестиций. Они не имеют каких-либо преимуществ в государственной поддержке. Большинство СХПК работает на арендованной, а не на собственной земле, что снижает их устойчивость. Сложившийся для целей оказания государственной поддержки подход не относит СХПК к «малым формам хозяйствования на селе», даже если они отвечают критериям, установленным для субъекта малого предпринимательства (около 35% всех СХПК).

В настоящее время нередки случаи нарушения кооперативных принципов со стороны органов управления СХПК, незаконного присвоения их имущества путем умышленного банкротства, рейдерских захватов, незаконного преобразования в

3 Русское гражданское право. Чтения Д. И. Меера, изданные по запискам слушателей под редакцией А. И. Вицына. Издание девятое. – С-Петербург, 1910. – С. 525.

иные организационно-правовые формы юридических лиц. В результате члены СХПК нередко остаются без своих имущественных паев, без земли и без работы.

В силу названных причин численность СХПК за последние годы постоянно снижается. На 1 января 2012 г. их число составило 10 319, что на 33% меньше в сравнении с 2011 г. По расчетам Минэкономразвития России на основании данных ФНС России и Росстата количество субъектов малого предпринимательства в сельском хозяйстве с 1 января 2012 г. по 1 января 2013 г. уменьшилось на 14,7%. В этой связи требуются срочные меры государственной поддержки СХПК. К важнейшим из них относятся:

- законодательное признание особой роли и места СХПК в экономике и социальной сфере села современной России;
- приоритетное выделение долгосрочных субсидированных кредитов на выкуп арендуемой земли и земельных долей в собственность СХПК;
- широкое вовлечение СХПК в сельскохозяйственную потребительскую кооперацию;
- принятие мер по усилению контроля деятельности СХПК и защите прав и законных интересов их членов.

– Видимо, болезненное и кризисное положение кооперативов в современных условиях имеет не только экономические и политические причины, связанные с неблагоприятными финансовыми условиями деятельности предпринимателей. Есть причины и чисто правового характера. Каковы эти причины, по Вашему мнению?

– Причин правового характера кризиса кооперативов множество. Главная из них состоит в том, что действующее и проектируемое кооперативное законодательство не учитывает дореволюционный исторический и современный зарубежный опыт развития кооперации, основанный на принципах идентичности кооперативов, сформулированных Международным кооперативным альянсом.

Кооперативы получили широкое распространение во всех областях социальной и экономической жизни, их сформировано столько типов, сколько у людей возникает экономических потребностей либо интересов. В Рекомендациях МОТ 2002 г. «О содействии развитию кооперации» закрепляется принципиально важное положение: «Признается, что кооперативы действуют во всех секторах экономики. Настоящая Рекомендация относится ко всем видам кооперативов». Тем самым Рекомендация призывает к устранению каких-либо ограничений сфер деятельности кооперативов, подчеркивает их универсальность. Отнесение же Рекомендации ко всем видам и формам кооперативов подтверждает их идентичность.

Современное зарубежное законодательство поддерживает традиционный взгляд на кооператив как на неприбыльную организацию, закрепляет всемирно признанные принципы и ценности и рассматривает кооператив как совместную форму экономической деятельности, осуществляемую для удовлетворения материальных, социальных, культурных и иных потребностей членов общества за счет результатов его деятельности. Авторское определение кооператива базируется на понимании того, что кооперативом является коллективная организация, обладающая правами юридического лица и собственной юридической природой, учрежденная лицами, добровольно объединившимися и вошедшими в состав кооператива для обеспечения потребностей или интересов своих членов через образование ассоциированной или предпринимательской организации, имеющий переменный капитал, достаточный для выполнения задач общества и осуществления предпринимательской деятельности, которая регулируется кооперативным законодательством и основывается

на собственных принципах, выражающихся в свободном вступлении в общество, демократическом управлении, ограничении дохода на вложенный капитал, взаимопомощи и солидарности, создании общественных фондов, образовании и деятельности в интересах членов кооператива.

В противоположность предприятиям чисто капиталистического типа, основанным на безграничности либерализма, с одной стороны, и хозяйствам марксистского коллективного типа, в которых труд никогда не учитывался в праве собственности, рисках и обязательствах предприятия, с другой стороны, кооперативы во всем мире, в том числе и в России, возникали и развивались в качестве объединения хозяйственной деятельности людей на основе безусловного признания свободы личности от государства, частной собственности и инициативы.

Статьи 106.1, 123.1 ГК РФ (в ред. Федерального закона от 5 мая 2014 г. № 99-ФЗ) сохраняют старые подходы к понятию кооператива, закрепленные в статьях 107 и 116 ГК РФ 1994 г., и не позволяют закрепить правовое устройство кооперативной системы как самостоятельного сектора экономики. В Федеральном законе от 5 мая 2014 г. № 99-ФЗ повторяется ничем необоснованная классификация кооперативов на коммерческие (производственные) и некоммерческие (потребительские) кооперативы, данная в ГК РФ 1994 г.

В действительности кооперативы не следует относить к коммерческим либо некоммерческим организациям, так как такое определение цели производственных кооперативов, как извлечение прибыли, противоречит общепринятому в мире понятию кооператива как неприбыльной организации, для которой извлечение прибыли не самоцель, а средство для наиболее полного удовлетворения материальных и иных потребностей членов кооператива, в первую очередь в обеспечении их рабочими местами и соответствующим вознаграждением за труд.

Данная организационно-правовая форма, предназначенная для кооперативов, которые получили широкое распространение во всех областях социальной и экономической жизни народов, сформировавших столько типов кооперативов, сколько возникает экономических потребностей либо интересов, нашла свое отражение в Декларации о кооперативной идентичности, принятой XXXI Конгрессом Международного кооперативного альянса, в соответствии с которой кооператив, вне зависимости от вида и формы, – одно характерное социальное явление.

В статьях 106.1 и 123.2 ГК РФ (в ред. Федерального закона от 5 мая 2014 г. № 99-ФЗ) не воспринимаются многие новации из практики МКА, который рассматривает кооперативное законодательство как способ установления справедливости в решении социально-экономических проблем в странах с переходной рыночной экономикой. В сбалансированном обществе должны существовать сильный государственный и частный сектора, сильные кооперативы, общества взаимопомощи, неправительственные организации. Именно в этом контексте правительства должны формировать политику и определять рамки, которые соответствовали бы характеру и функциям кооперативов.

В докладе Генерального Секретаря ООН относительно места и роли кооперативов с учетом новых социально-экономических тенденций, опубликованном в августе 1996 г. и представленном на рассмотрение 51-й сессии Генеральной ассамблеи ООН, выделен специальный раздел «Кооперативы и развитие предпринимательской деятельности». При этом особо обращается внимание на то, что «предпринимательская деятельность частного сектора, организованного на кооперативной основе, делает значительный вклад в создание различных

экономических благ. Кооперативы являются альтернативной формой организации экономики в интересах одновременно и производителей, и потребителей».

Потребности частного оборота земли в современной России требуют создания достаточно развитого законодательства, подкрепления статуса кооперативов соответствующими корпоративными нормами, системой национальных, региональных и международных стандартов кооперативного движения. В рамках единого закона о кооперативах должны быть закреплены понятие кооператива, функционирующего на основе общепризнанных кооперативных принципов, роль, место и значение кооперативов в социально-экономической стратегии Российского государства, принципы кооперации, классификация и особенности создания и функционирования кооперативов, формы взаимодействия государства и кооперативов, способы и методы поддержки государством различных видов кооперативов.

Нормами статей 106.1 и 123.1 Федерального закона от 5 мая 2014 г. № 99-ФЗ признаны утратившими силу положения статей 107 и 116 ГК РФ 1994 г. о том, что регулирование деятельности кооперативов в России осуществляется двумя отдельными законами: о производственных и потребительских кооперативах. Современный законодатель допускает, таким образом, возможность создания не двух законов о производственных кооперативах и о потребительских кооперативах, а объединения многочисленных специальных законов о статусе кооперативов в единый общий закон о кооперативах, регулирующий деятельность как производственных, так и потребительских кооперативов.

– Известно, что в марте 2012 г. в Берлине в издательстве Lambert Academic Publishing издана Ваша монография «Кооперативное законодательство России и государств ЕС». Что выявило проведенное Вами исследование правовой природы и сущности кооперативов как самостоятельной организационно-правовой формы, осуществляющей совместную социально-экономическую деятельность в различных социально-экономических областях, в том числе и в сельском хозяйстве, и к каким выводам по проблемам совершенствования кооперативного законодательства России Вы пришли?

– В результате научного исследования было установлено, что в государствах ЕС и Европейской ассоциации свободной торговли первые кооперативы возникли задолго до появления специального кооперативного законодательства. По этой причине их правовой статус определялся общим законодательством и правовыми нормами, относящимися к ассоциированным предприятиям и другим подобным организациям. Так, в Англии кооперативы учреждались на основании «Закона об обществах взаимопомощи», который в 1852 г. сменил «Закон о промышленных обществах и обществах взаимного страхования». Этот важнейший источник гражданского и кооперативного права (с изменениями от 2 июня 1965 г.) действует до настоящего времени, регулируя деятельность кооперативов в Соединенном Королевстве.

Во Франции «Закон об акционерных обществах» 1867 г. имел отдельную главу, посвященную кооперативам, которые рассматривались как общества с переменным капиталом. Позднее были приняты отдельные законы, касающиеся кооперативов различного типа.

Международная организация труда в специальном исследовании, посвященном кооперативному законодательству, отметила, что помимо указанного английского закона до сих пор продолжают действовать такие старые законодательные акты,

как австрийский закон 1863 г. и германский закон 1892 г. Последний продолжал действовать в ФРГ, но в ГДР он был отменен в 1950 г. и до объединения Германии деятельность кооперативов регулировалась только их уставами.

МОТ разделяет все страны на две группы в зависимости от того, в какой момент кооперативное движение стало регулироваться в них отдельным кооперативным законодательством:

– страны, в которых кооперативное движение возникло до принятия специальных законов о кооперативах;

– страны, находившиеся в тех же условиях, в которых не была проведена кодификация кооперативного законодательства, однако были приняты законодательные акты об отдельных видах кооперативов либо законодательные акты о кооперативах в отдельных субъектах федерации либо конфедерации.

К странам, в которых возникновению кооперативного движения предшествовала кодификация кооперативного законодательства, относятся 13 стран Африки и Латинской Америки, в 9 из которых кооперативное движение так и не возникло, по крайней мере, на момент публикации исследования МОТ.

В большинстве европейских стран (Франции, Германии, Бельгии, Голландии, Австрии, Италии, Швейцарии и др. государств) начиная с 60-х гг. XIX в. правовое положение кооперативов регулировалось единым законом. Все большее число стран принимает общее кооперативное законодательство, распространяющееся на все виды кооперативов, за исключением кредитных кооперативов, для которых принято особое законодательство. В ряде государств поддерживается существование самостоятельной отрасли кооперативного законодательства (Бразилия, Венгрия, Германия, Индия (на федеральном уровне и уровне штатов), Иордания, Испания, Кения, Кот-д'Ивуар, Мексика и Таиланд).

Существуют, конечно, и иные формы кодификации кооперативного законодательства. В ряде стран действуют законы, регулирующие правовое положение конкретных видов кооперативов в различных секторах экономики (Румыния, Уругвай, Эфиопия, Япония и др.). Самостоятельные разделы в общих законах содержатся в таких странах, как Швейцария (Гражданский кодекс), Бельгия, Гвинея (Торговый кодекс), Франция (Аграрный кодекс). В некоторых странах (Дания, Китай, Норвегия и в некоторых штатах США) отсутствует специальное законодательство о кооперативах.

Своеобразные формы имеет кооперативное законодательство в государствах с федеративной формой государственного устройства: общее федеративное кооперативное законодательство, но без законодательства в административных единицах (например, в Бразилии, Германии); без федерального законодательства, но с кооперативным законодательством в административных единицах (например, в Австралии, США); федеральное законодательство и законодательство в административных единицах (например, в Канаде, Индии).

– Уделяли ли Вы внимание при разработке концепции совершенствования российского кооперативного законодательства, направленного на создание условий для стабильного функционирования и развития социального сектора экономики, Рекомендациям МКА 1992 г. по проблемам содействия развитию кооперативов?

– Значительное внимание при исследовании правовой доктрины зарубежного кооперативного законодательства уделено анализу международных документов: докладов Генерального Секретаря, Генеральной ассамблеи ООН, Международного бюро труда, национальных и международных организаций кооперативов об их деятельности, направленной на использование и увеличение вклада кооперативов в социальное развитие в части

искоренения нищеты, создания полной и производительной занятости и углубления социальной интеграции. В международных документах содержится ряд важных положений, которые имеют особое значение для России и других стран СНГ с переходной экономикой, стремящихся адаптироваться к условиям рыночных отношений. В сбалансированном обществе должны сосуществовать сильный государственный и частный сектора, а также сильные кооперативы, общества взаимопомощи, неправительственные организации. Именно в этом контексте правительства должны формировать политику и определять правовые рамки, которые соответствовали бы характеру и функциям кооперативов.

– К каким выводам Вы пришли, изучив правовую доктрину государств ЕС, Европейской ассоциации свободной торговли и международных организаций по проблемам кооперативов в процессе социального развития?

– Более чем 20-летняя работа по изучению правовой доктрины развития кооперации в зарубежных странах позволяет заключить, что независимо от стран и исторических эпох кооперация в структуре трехсекторной экономики (государственная, социальная, частная) занимает ведущее место в социальном секторе. Это и предопределяет соответствующие принципы и подходы к формированию законодательства о кооперации, направленного на обеспечение участникам кооперативных отношений их прав и охраняемых законом интересов. Важнейшей отличительной чертой кооперации является социальная направленность хозяйственной деятельности. Кооперативные объединения – это форма защиты населения от посягательств на его экономические интересы, главным из которых является получение необходимого количества жизненных ресурсов. Именно потому ведущую роль в кооперативном движении все более и более играет не столько производственная, сколько кооперация потребительская, направленная на удовлетворение потребностей людей.

Поэтому в современных условиях существует настоятельная необходимость приспособить общее гражданско-правовое учение о физических и юридических лицах к современным особенностям сельского хозяйства и определить особенности правового положения сельскохозяйственных кооперативов, как производственных, в сфере производства сельскохозяйственной продукции и продовольствия, так и производственного обслуживания, реализации продукции, кредитования, страхования.

Все это требует с учетом зарубежного правового опыта принятия не только общего федерального закона о кооперативах, но и внесения соответствующих изменений в ГК РФ. Главная задача здесь состоит в том, чтобы создать благоприятный правовой режим деятельности кооперативов, обеспечить доступ сельскохозяйственных кооперативов к государственной кредитной и финансовой поддержке.

– Григорий Ефимович, поскольку мы заговорили о концепции проекта Федерального закона «О кооперации в Российской Федерации», я бы хотел подробнее рассказать Вас о том, какие проблемы должны быть решены в проекте этого общего единого федерального закона о кооперации?

– ГК РФ не проводит четкой дифференциации между кооперативами и коммерческими организациями, относит производственные кооперативы к коммерческим организациям наряду с хозяйственными обществами и товариществами. По этой причине в общественном мнении утрачивается понимание сущности кооперативов как социального явления, и предпочтение отдается таким формам коммерческой деятельности, как акционерные общества и общества с ограниченной

ответственностью. ГК РФ не только ограничивает возможность выбора сельскохозяйственных кооперативов этими двумя видами кооперативов (производственный и потребительский), но и относит к производственным и потребительским кооперативам несвойственные им и противоречащие мировой практике виды и принципы организации их деятельности.

Действующим законодательством предопределено, что кооперация в России развивается по направлениям деятельности, отражая их функциональную специфику (производственная, потребительская) и отраслевую принадлежность (сельскохозяйственная, садово-огородническая, строительная, жилищная и др.).

Такая ориентация в обеспечении правового регулирования кооперации не дает возможности создать завершенную правовую конструкцию ее системы. Она создает трудности, а по некоторым вопросам и определенные препятствия для углубленной проработки положений по налоговому и ценовому регулированию, а также финансовому и материально-техническому обеспечению.

Концепция развития системы сельской кооперации на период до 2020 года выделяет четыре направления совершенствования кооперативного законодательства. В рамках первого направления уже начата работа по реформированию гражданского законодательства. В первоочередном порядке должен быть разработан и принят Федеральный закон «О кооперации в Российской Федерации», в соответствии с которым должно быть приведено действующее законодательство об отдельных видах кооперативов.

В рамках второго направления совершенствования кооперативного законодательства должны быть внесены изменения и дополнения в ГК РФ, в котором должна быть закреплена трехчленная классификация юридических лиц: коммерческие, некоммерческие и кооперативные организации. Правовое регулирование кооперативов может быть выделено в ГК РФ в отдельный раздел «Кооперативы и их объединения». При этом должно быть закреплено единое понятие кооператива как объединения совместной хозяйственной деятельности людей, связанных одной общей целью – удовлетворение материальных и культурных потребностей его членов. Необходимо приблизить правовое определение кооператива, изложение его целей и принципов, основы образования и функционирования к общепризнанным международным нормам, приведенным в Декларации МКА «О кооперативной идентичности», Рекомендации МОТ 2002 г. «О содействии развитию кооперации», Резолюции 56-й сессии Генеральной ассамблеи ООН «Кооперативы в процессе социального развития».

В рамках третьего направления совершенствования кооперативного законодательства должен быть разработан новый Федеральный закон «О сельскохозяйственной кооперации», который должен закрепить срочные меры государственной поддержки сельскохозяйственных производственных кооперативов. К важнейшим из них Президиум Россельхозакадемии относит:

- законодательное признание особой роли и места СПК в экономике и социальной сфере села современной России;
- приоритетное выделение долгосрочных субсидированных кредитов на выкуп арендуемой земли и земельных долей в собственность СПК;
- широкое вовлечение СПК в сельскохозяйственную потребительскую кооперацию;
- принятие мер по усилению контроля деятельности СПК и защиты прав и законных интересов их членов.

В новом законе «О сельскохозяйственной кооперации» должны быть закреплены меры по созданию благоприятной законодательной среды для развития кооперативного предпринимательства. В частности, необходимо установить, что кооперативы, исходя из характера и объема хозяйственной деятельности, обладают правами субъектов малого предпринимательства и могут пользоваться всеми формами государственной поддержки, предусмотренной законодательством.

В рамках четвертого направления совершенствования кооперативного законодательства должны быть отменены законодательные и иные ограничения на пути создания кооперативных банков, кооперативных страховых обществ, кредитных кооперативов, создаваемых как гражданами, так и юридическими лицами, негосударственных пенсионных фондов, других финансовых учреждений, а также предоставления кооперативам права участия на рынке ценных бумаг.

– Уважаемый профессор, как Вы оцениваете перспективы развития системы кооперативного кредита в России?

– Необходимо внести изменения в российское банковское законодательство, дополнив юридический статус кредитных организаций кооперативной формой и сформировав к ним особые надзорные и регулятивные функции. Кооперативные банки, в случае законодательного признания их правового статуса, на первых этапах своего становления должны получить масштабную поддержку со стороны государства и контролируемых им системно значимых банков и институтов развития.

В силу ряда объективных и субъективных причин – рискованности большинства видов сельскохозяйственного производства, недостаточного уровня государственной бюджетной поддержки и способов страхования аграрных рисков, постоянного роста издержек и слабого влияния на ценовую политику оптово-розничных торговых сетей, слабой материальной базы и явного недостатка доказанного обеспечения взятых и будущих финансовых и кредитных обязательств, слабого интереса коммерческих банков к потребностям сельскохозяйственных товаропроизводителей – для большинства представителей малых и средних форм производства в аграрной сфере практически отсутствует возможность привлечь для текущих и инвестиционных потребностей ресурсы коммерческих банков.

В этих условиях только консолидация финансовых и материальных ресурсов большинства малых и средних хозяйств позволит обеспечить необходимый приток денежных средств в интересах их дальнейшего развития. Эту задачу должна будет взять на себя вновь создаваемая система кооперативного кредита.

– Какие дополнительные меры должны быть приняты по развитию кооперации в современных условиях?

– Уже давно назрела необходимость принять меры по усилению судебной защиты земельных и имущественных прав сельскохозяйственных кооперативов, усилению судебного контроля за законностью действий государственных и муниципальных органов при совершении гражданско-правовых сделок с земельными участками из земель сельскохозяйственного назначения, восстановлению нарушенных прав и законных интересов сельскохозяйственных кооперативов и других сельскохозяйственных товаропроизводителей.

Принятие закона о кооперации потребует его гармонизации с налоговым, трудовым, административным, уголовным, уголовно-процессуальным законодательством, законодатель-

ством о государственной регистрации юридических лиц, о федеральной контрактной системе, о закупках и поставках сельскохозяйственной продукции для государственных нужд, о противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма, о федеральной контрактной системе.

– Какие организационные и практические меры принимаются Вами для подготовки единого общего федерального закона «О кооперации в Российской Федерации»?

– Создана Рабочая группа по подготовке проекта общего универсального Федерального закона «О кооперации в Российской Федерации». Ее руководителем является профессор Г. Е. Быстров. В состав рабочей группы входят ведущие юристы и экономисты – специалисты по кооперативному праву России и зарубежному праву: профессор кафедры аграрного и земельного права Г. Е. Быстров; профессор Российской АНХ при Президенте РФ Н. И. Шагайда; профессора ИГП РАН В. В. Устюкова и Н. Н. Мельников; профессор Финансового университета при Правительстве РФ О. У. Ави́с; профессор Белгородского государственного университета С. В. Тычинин; профессор Государственного университета землеустройства Н. И. Калинин; профессор Всероссийского института аграрных проблем и информатики Р. Г. Янбых; профессор Всероссийского института экономики, труда и управления сельским хозяйством О. А. Родионова.

Концепцию проекта общего универсального федерального закона о кооперации поддерживают Советник Президента РФ, Председатель Совета при Президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека, профессор М. А. Федотов, Комитет Совета Федерации по аграрно-продовольственной политике и природопользованию, администрация Липецкой области, Комиссия АПК Торгово-Промышленной палаты РФ. Доклад профессора Г. Е. Быстрова «Гармонизация кооперативного законодательства Российской Федерации и ЕС в условиях глобализации и присоединения к ВТО» поддержал Аналитический центр при Правительстве РФ на Московском юридическом форуме VI Международной научно-практической конференции «Кутафинские чтения» «Гармонизация российской правовой системы в условиях международной интеграции».

В настоящее время ведутся переговоры о финансировании некоммерческим партнерством «Национальное агентство малоэтажного и коттеджного строительства» законопроектных работ по подготовке проекта Федерального закона «О кооперации в Российской Федерации».

– Уважаемый Григорий Ефимович, что бы Вы хотели пожелать сотрудникам редакции, авторам и читателям «Евразийского юридического журнала»?

– Прежде всего, хочу пожелать, чтобы вы так же держали высокую марку в российском и, в целом, евразийском юридическом мире. Доподлинно знаю, «Евразийский юридический журнал» является очень известным и авторитетным русскоязычным ежемесячным журналом не только в Российской Федерации, но и в других государствах Содружества Независимых Государств. Вас любят и уважают, ценят. Но, понятное дело, есть и злопыхатели. А как же иначе. Успех одних зачастую вызывает недовольство, а то и злость других. Такова логика жизни.

Дай Бог вам здоровья и терпения!

*Беседу вел И. З. Фархутдинов,
доктор юридических наук.*

Фархутдинов И. З. РОССИЯ И КИТАЙ: ВЗАИМНЫЕ ИНВЕСТИЦИИ (ОПЫТ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ДЛЯ ЕВРАЗИЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ)

Статья посвящена состоянию и перспективам инвестиционного сотрудничества между Россией и Китаем в контексте нового глобального передела мировых энергетических ресурсов.

Двухстороннему инвестиционному сотрудничеству России и Китая способствует взаимовыгодное стремление закреплять свои правоотношения на договорной основе. Источники регулирования иностранных инвестиций на территории Российской Федерации и Китайской Народной Республики содержатся как на национальном, так на международно-правовом уровнях. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Китайской Народной Республики о поощрении и взаимной защите капиталовложений (вместе с Протоколом от 09.11.2006) является основой для торгово-экономического и инвестиционного сотрудничества между Россией и Китаем. Анализируемый двусторонний инвестиционный договор между Россией и Китаем, как и все аналогичные соглашения, направлен на создание международно-правовых условий и гарантий для предпринимательской и инвестиционной деятельности инвесторов Российской Федерации и Китайской Народной Республики.

Анализируемый в статье ДИД предусматривает: «Ни одна из Договаривающихся Сторон не должна на своей территории подвергать мерам, равносильным по последствиям экспроприации или национализации (далее – экспроприация), капиталовложения инвесторов другой Договаривающейся Стороны, если только указанные меры не предпринимаются в общественных интересах и не отвечают всем следующим условиям: а) осуществляются в соответствии с процедурой, предусмотренной национальным законодательством; б) не являются дискриминационными; в) сопровождаются выплатой компенсации».

Ключевые слова: Россия, Китай, евразийская геополитика, глобальная евразийская экономика, мировая газовая война, инвестиционное и экономико-техническое сотрудничество, международное право, двусторонние соглашения о поощрении и взаимной защите капиталовложений, иностранный инвестор, экспроприация, национализация.

Фархутдинов И. З.

Farkhutdinov I. Z. RUSSIA AND CHINA: MUTUAL INVESTMENTS (EXPERIENCE OF LEGAL REGULATION FOR EURASIAN INTEGRATION)

The bilateral investment cooperation between Russia and China promotes mutual interest to consolidate their relationship on a contractual basis. The article is devoted to state and prospects of investment cooperation between Russia and China in the context of the new global redistribution of the world's natural resources. The bilateral investment cooperation between Russia and China promotes mutual interest to consolidate their relationship on a contractual basis. The sources of regulation of foreign investments in the Russian Federation and the People's Republic contain both the national and international legal levels. Agreement between the Government of the Russian Federation and the Government of the People's Republic of China on the Promotion and Reciprocal Protection of Investments (together with the Protocol of 09.11. 2006) is the basis for trade, economic and investment cooperation between Russia and China. Analyzed bilateral investment treaty between Russia and China, as well as all similar agreements, aimed at creating an international legal environment and guarantees for business and investment activities of investors of the Russian Federation and the People's Republic.

This BIT provides: «Neither of the Contracting Parties shall in its territory subject to measures tantamount to expropriation or nationalization (hereinafter – the expropriation), investments of investors of the other Contracting Party, unless these steps are taken in the public interest and do not meet all of the following conditions: a) carried out in accordance with the procedure laid down by national law, and b) are not discriminatory, and c) accompanied by the payment of compensation».

Keywords: Russia, China, the Eurasian geopolitics, Eurasian global economy, the world's gas war, investment and economic and technical cooperation, international law, bilateral agreements on the promotion and reciprocal protection of investments, the foreign investor, expropriation, nationalization.

Об авторе:

Фархутдинов Инсур Забирович, выпускник Дипломатической академии МИД России, ведущий научный сотрудник Института государства и права Российской Академии наук (сектор международно-правовых исследований), доктор юридических наук – специальность 12.00.10 – Международное право. Европейское право. Главный редактор «Евразийского юридического журнала». Живет в г. Москве.

Кандидатская диссертация на тему «Соотношение международного и национально-правового регулирования иностранных инвестиций в России» защищена в Институте государства и права Российской академии наук под руководством профессора А. Г. Богатырева. Там же в 2006 г. защищена докторская диссертация на тему «Международно-правовое регулирование инвестиционных отношений: теория и практика» (научный консультант профессор И. И. Лукашук).

И. З. Фархутдинов – автор около 80 научных работ на русском и английском языках, в том числе книг: «Международное инвестиционное право и процесс» (М.: Проспект, 2013); «Международное инвестиционное право. Теория и практика применения» (М.: Волтерс Клувер, 2005); «Инвестиционное право» (М.: Волтерс Клувер, 2006, в соавторстве с В. А. Трапезниковым); «Иностранные инвестиции и международное право» (Уфа: Изд-во Башкирского госуниверситета, 2001); «Международный инвестиционный арбитраж» (М., 2014, в соавторстве с А. А. Данельяном); а также статей «International Law and Russian Law concerning Nationalization of Foreign Investments»// Mark Boguslawskij, Alexander Trunk (Hrsg). Правовое регулирование положения иностранных инвестиций в странах с переходной экономикой. На нем., англ., русск. языках. Osteuropaforschung. Schriftenreihe der Deutschen

Gesellschaft fur Osteuropakunde. Band 47. BWV. Berliner. Wissenschafts-Verlag; «Foreign Investor and Host State: Need for Balance Interests»// Czech Yearbook of International Law (2011, vol. 2).

В 2007 г. на собственных концептуальных разработках учредил международное периодическое издание – «Евразийский юридический журнал» (с января 2009 г. выходит ежемесячно). В феврале 2010 г. журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Основные направления научных исследований: проблемы развития доктрины международного права, международное инвестиционное право, правовой режим иностранных инвестиций в России, арбитражная практика о мерах разумного государственного вмешательства в международный инвестиционный проект и др.

Проходил по гранту стажировку в США, участвовал на основе грантов в международных конференциях: Центральный Европейский университет (ЦЕУ, г. Будапешт, Венгрия); г. Тегеран (Иран); Берлин (Германия); Алматы (Республика Казахстан) и др.

И. З. Фархутдинов – член диссертационных советов при Институте государства и права Российской академии наук, Дипломатической академии МИД РФ, Институте законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ.

About the author:

Farkhutdinov Insur Zabirovich – Russian Diplomatic Academy graduate, the leading researcher at the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, the sector of international legal studies, LL.D. – specialty 12.00.10 – International law. European law. Chief editor of the «Eurasian Law Journal». Lives in Moscow.

PhD thesis «The proportion of international and national legal regulation of foreign investments in Russia» is defended in the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, led by Professor Aleksandr Bogatyrev. Also in 2006 defended his doctoral thesis on «International legal regulation of investment relations: Theory and Practice» (scientific advisor Professor Igor Lukashuk).

Insur Farkhutdinov – author of about 80 scientific works, including books: «International investment law and the process» (Moscow; Prospect Publishing, 2013); «International investment law. Theory and Practice» (M.: Wolters Kluwer Publishing, 2005); «Investment Law» (Wolters Kluwer Publishing, 2006, in collaboration with V. A. Trapeznikov); «Foreign Investments and International Law» (Ufa: Bashkir State University Publishing, 2001); «International Investment Arbitration» (M., 2014, in collaboration with A.A. Danelyan); «International Law and Russian Law concerning Nationalization of Foreign Investments» // Mark Boguslawskij, Alexander Trunk (Hrsg). Правовое регулирование положения иностранных инвестиций в странах с переходной экономикой. На нем., англ., русск. языках. Osteuropaforschung. Schriftenreihe der Deutschen Gesellschaft fur Osteuropakunde. Band 47. BWV. Berliner. Wissenschafts-Verlag; «Foreign Investor and Host State: Need for Balance Interests» // Czech Yearbook of International Law (2011, vol. 2).

In 2007, on his own conceptual design he established international periodical – «Eurasian Law Journal» (published monthly since January 2009). In February 2010, the journal was included in the List of the leading peer-reviewed scientific journals and publications, where major scientific results of dissertations for the degree of doctor and candidate of sciences should be published.

Main lines of scientific research: development of the doctrine of international law, international investment law, legal regime foreign investments in Russia, arbitration practice of reasonable measures of state intervention in international investment project and etc.

Served grant internship in the U.S., took part on grant basis in international conferences: Central European University (CEU, Budapest, Hungary); Tehran (Iran); Berlin (Germany); Almaty (Kazakhstan), etc.

Insur Farkhutdinov – the Member of Dissertation Councils of the Institute of State and Law of Russian Academy of Sciences, the Diplomatic Academy of the Russian Federation, the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation.

1. Роль России и Китая в глобальной евразийской экономике

Сразу следует указать на два колоссальных театра развивающихся газовых войн: Евразия и Северная Америка. Евразия является кладовой мировых нефтяных и газовых запасов. Возросшее значение Евразии в мировой газовой войне объясняется особым положением России и Китая, двух великих соседних держав, на этом крупнейшем континенте.

Российско-китайские экономические отношения расширяются. Укрепление внешнеэкономических связей России с Китаем, а также развитие международной инфраструктуры взаимодействия занимают важное место в планах наращивания российского нефтяного и газового экспорта в Азию.

Достигнутый объем торгового обмена, отражающий не только коммерческие сделки, но и значительную часть экономического, в том числе инвестиционного сотрудничества, обеспечил заметное усиление значимости Китая во внешней торговле России и прежде всего в импорте, отмеченное за десять лет XXI века. Если в 2000 г. на его долю пришлось 4,5% оборота (6 место), в том числе 5,1% экспорта (4 место) и 2,8% импорта (8 место), то в 2010 г. удельный вес Китая в российском внешне-торговом обороте возрос до 7,6% (3 место вслед за Германией и Нидерландами), в экспорте составил 4,5% (7 место), а в импорте достиг 13,0%. Это позволило Китаю опередить Германию, много лет бывшую постоянным лидером, и занять первое место в качестве поставщика товаров в Россию.

Наши дружественные страны являются крупнейшими евразийскими государствами, имеющими быстро развивающиеся партнерские отношения, особенно после заключения в Шанхае в конце мая с. г. крупнейшего газового контракта между РФ и КНР на 400 млрд долл. Взаимные отношения стратегического партнерства приобретают важное двухстороннее значение, а также имеют глобальное значение, они играют очень важную роль в содействии региональному и всемирному развитию и безопасности в международных отношениях. Стратегическая задача перед Китаем и Россией состоит в том, чтобы превратить небывалое высокотехнологичное политическое преимущество в деловое сотрудничество в сфере экономики, гуманитарной сфере и т.д., – как отмечается в совместном российско-китайском заявлении.

В евразийской глобальной экономике Россия действительно заняла весьма высокое место как поставщик природных энергоносителей. Китай, как ни одна страна в мире, нуждается в экспорте энергетических ресурсов, являясь мировой производственной базой. Все это и определяет особую роль этих крупнейших соседних стран в глобальной экономике. Обострение международной обстановки на евразийском континенте прежде всего вызвано далеко идущими планами США, которые, находясь на территории заокеанского континента, откровенно и нагло претендуют на роль новой сверхдержавы в мире, хозяина Евразии. Здесь кроются причины все

более ожесточающейся Мировой газовой войны, назовем ее так условно. По существу, речь идет о попытках передела мировых энергетических запасов. Не следует особо доказывать, что решающую роль при этом играют мировые потоки иностранных инвестиций.

Создание и обеспечение функционирования нового экономического мирового порядка требует более высокой организации мировой системы, существенного повышения степени ее управляемости. Сегодня это ключевая глобальная проблема, от ее решения зависит международно-правовое регулирование других глобальных проблем¹.

На фоне стремительного взлета на геополитические вершины стран Азиатско-Тихоокеанского региона (особенно Китая, Тайваня, а в 70-х–80-х годах — Японии, Южной Кореи), интеграции стран Западной Европы четко обозначилась тенденция относительного падения влияния и веса США на мировой арене. К концу XX в. Америка миновала свой звездный час, и мир стал свидетелем неуклонного заката «американского века». Об этом закате еще в 1975 г. писал известный американский социолог Дэниел Белл. В своей работе «Конец американской исключительности», опубликованной накануне 200-летнего юбилея независимости США, он утверждал, что американцы не верят в то, что их страна играет уникальную роль в мире².

Геополитический замысел Америки направлен на создание монополярного мира путем нового передела энергетических ресурсов планеты, чему препятствуют прежде всего Россия и Китай. Сначала США, по мысли З. Бжезинского, должны закрепить в Евразии геополитический плюрализм. Для этого приоритет должен быть отдан политическому маневрированию и дипломатическим манипуляциям, которые должны исключить возможность образования коалиций, враждебных США. Но у любого государства, существующего на карте Евразии, по мнению автора, нет для этого реальных возможностей. На втором этапе американизации Евразии должны появиться стратегически приемлемые партнеры, которые могут создать (под американским руководством) трансевразийскую систему безопасности. А в долгосрочном плане все это может стать основой системы подлинной политической ответственности в глобальном масштабе³.

Евразия — суперконтинент земного шара, играющий роль оси нашей планеты. Та держава, что станет доминировать на суперконтиненте, будет оказывать решающее влияние на два из трех наиболее развитых в экономическом отношении регионов планеты: Западную Европу и Восточную Азию, а также на Ближний Восток и в Африку.

Евразия исторически принадлежит Европе и Азии. Национальные интересы США уже географически находятся на американском континенте.

Для Америки Европа по-прежнему остается приоритетной в геополитическом раскладе сил. Она для нее — главный геополитический плацдарм в Евразии. Мощный военно-политический инструмент США, имеющийся в Европе, — НАТО дает Вашингтону возможность оказывать политическое и военное давление на страны, расположенные в самой Европе, а также и в Евразии. Свержение законного правительства Януковича и развязывание гражданской войны в Украине помогли США привязать страны ЕС к своей агрессивной национальной геополитике. Для этого Америкой потрачены громадные финансовые средства. По словам заместителя руководителя Бюро по демократии, правам человека и труду Госдепартамента США Тома Мелиа с момента распада СССР в декабре

1991 г. США потратили — Мелиа воспользовался термином «инвестировали» — около 5 млрд долл. на помощь Украине, и 815 млн из них были направлены непосредственно на финансирование демократии и программ обмена. Более того, с 2009 г. администрация Обамы направила 184 млн долларов на финансирование программ, направленных на поддержку гражданского общества, прав человека, добросовестное управление и укрепление позиций диктатуры закона в Украине.

Между тем, ключевая экономическая роль Китая в Евразии возрастает из года в год. КНР является постоянным членом Совета Безопасности ООН, располагает правом вето; входит в различные межправительственные организации регионально-го и глобального уровня.

Сегодня индустриализация Китая вступила в период международной конкуренции. Конкурентоспособность экономики — это вопрос организации экономической деятельности, формирования рыночной структуры эффективной конкуренции и организационной структуры. Ну и сплоченность китайской нации играет далеко не последнюю роль в экономической мощи своего государства. Процесс укрепления конкурентоспособности экономики Китая в условиях глобализации стал решающим фактором его индустриализации и модернизации, центральным вопросом его очень динамично развивающейся экономики.

С конца 70-х годов китайское руководство радикально изменило социально-экономический курс и приступило к глубоким и всесторонним реформам централизованно-плановой экономики, а также начало проводить «открытую политику». Преобразования в народном хозяйстве нацелены на формирование китайского варианта социальной рыночной экономики. «Открытая политика» предполагает интеграцию Китая в мировой рынок, причем не только за счет развития внешней торговли, но и путем широкого привлечения в страну зарубежных инвестиций.

В отличие от нас, у Китая есть четкая внешнеэкономическая стратегия. В ее разработке приняли участие многие академические и ведомственные исследовательские центры, целая армия специалистов.

В архитектонике китайской экономики начиная с 90-х годов прошлого века наблюдаются огромные изменения. Сегодня китайская экономика стала динамично развивающейся, эффективной, в «серединном государстве» начали происходить глубокие изменения и в методах распределения международных капитальных ресурсов. Параметры экономической структуры КНР определялись следующими факторами: важнейшим видом экспортных товаров стала продукция промышленности, однако при выравнивании импортных и экспортных потоков удельный вес изделий промышленности в экспорте стал выше доли изделий промышленности в импорте, более того, товары механической промышленности и электроники превышали текстильную продукцию и одежду и стали первой крупной статьей экспорта.

Темпы экономического роста Китая, нового мощного азиатского тигра, очень высоки — 9–10 % в год. В 1950 г. на Китай приходилось 3,3 % мирового ВВП, в 1992 — 10 %, а по прогнозам на 2025 г. — более 20 %. С 2005 г. Китай по доле мирового ВВП (2,554 трлн долларов) занимает четвертое место в мире (вытеснил с этого места Великобританию) после США (13 трлн долларов), Японии (4,464 трлн долларов) и Германии (2,890 трлн долларов). Объем прямых иностранных инвестиций в Китай — 50 млрд долларов. Если темпы роста США и Китая останутся прежними, то к 2050 г. экономика Китая сможет вырваться, по некоторым прогнозам, на первое место. Валютные резервы Китая — 91 млрд долларов, уступают в мире по этому показателю только Японии и Тайваню.

В XXI веке, как публично объявлено в Пекине, Китай приступает к реализации стратегии «транснационального хозяйствования».

1 См.: Лукашук И. И. Мировой порядок XXI века /Международное публичное и частное право. — 2002. — № 1.

2 См.: Bell D. The Ends of American Exceptionalism // Public interest. 1975.

3 Бжезинский З. Геостратегия для Евразии // Независимая газета. — 1997. — 24 октября.

Наступательная внешнеэкономическая деятельность намечается по нескольким направлениям: внешняя торговля, зарубежные капиталовложения, создание транснациональных компаний.

Современная мировая геополитическая обстановка отличается заметным усилением «китайского» фактора в глобальной политике, причем не только в Евразии, которой сейчас присущи следующие черты:

- высокий динамизм изменений в международной структуре, заметно проявившийся с появлением в XIX в. таких организаций, как ШОС, БРИКС, группы «20», в которых Китай предстает страной, которая структурирует эту систему и занимает в ней лидирующие позиции;

- критическая нестабильность в мировой экономике и мировых финансах, в условиях которой положение Китая с его ежегодным стабильным ростом опять выглядит не только более выигрышным, но и доминирующим, а если сюда добавить увеличение доли КНР в МВФ, то Китай вообще оказывается единственной страной-бенефициантом;

- предельный риск возникновения региональных конфликтов на Ближнем Востоке (Сирия, Иран, Израиль-Палестина), а теперь и в зоне Южно-Китайского (КНР – Филиппины, Вьетнам) и Восточно-Китайского (КНР – Япония) морей. И здесь впервые Китай оказывается в слабом и, можно сказать, уязвимом положении.

То есть и возле границ Китая начинают стучаться тучи в связи со спорными с соседями территориями. Это скорее последствия «болезни роста».

Но обладание большой территорией и удобное с точки зрения решения геополитических проблем местоположение делает Китай геополитическим центром.

Вся политика западных стран во главе с США направлена на ограничение деятельности России в глобальной газовой политике.

Основным содержанием мировой политики ближайшего десятилетия становится глобальное противостояние России и Китая с Америкой.

Стремление США искусственно создать очаги вооруженных конфликтов рядом с границами своих геополитических противников оказались результативными. Рядом с Россией полыхает Украина. Значительная часть Ирака захвачена воинствующими исламистами так называемого «Исламского государства Ирака и Леванта» (ИГИЛ). Иран вынужден в срочном порядке принимать неотложные меры по спасению Ирака.

Большой Ближний Восток по-прежнему сотрясает мир. Борьба религиозных и этнических группировок за власть, усилившаяся после гражданских войн в Сирии и Ливии, переворотов в Египте, Тунисе и Йемене, в очередной раз коснулась Ирака. Восстание в Ираке, выскочившее как шайтан из табакерки, меняет евразийскую геополитику.

США вложили в Ирак миллиарды долларов, но конечным бенефициаром в иракских нефтяных контрактах в настоящее время становится Китай, который при этом и рискует. Но каждый иностранный инвестор, вкладывая свои капиталы на территории государства-реципиента, обязан давать себе отчет: иностранные инвестиции подвержены некоммерческим, так называемым политическим рискам, в случае гражданских беспорядков, бунтов, революций.

Китай инвестировал в нефтяные контракты Ирака. Китай, в отличие от Америки, не выставляет свои действия напоказ. Барак Обама отправил подразделения специального назначения обратно в Ирак в попытке подавить мятеж джихада «Исламского государства Ирака и Леванта». Получается, в конечном итоге американские налогоплательщики волею-неволею оплачивают защиту китайских активов в воюющем Ираке.

Ломка Ближнего Востока вступает в новую фазу. Небольшое кровопускание исламистам ИГИЛ с целью повернуть их

против шиитов, которые являются абсолютно преобладающим населением Ирана, выглядит для всех спонсоров войны вполне допустимым. Отсюда переговоры и усилия по «мирному урегулированию» иракского кризиса. Слишком многие игроки стремятся получить свои дивиденды от распада региона, чтобы путаться такой мелочью, как тотальная война. И Турция, и Израиль, и Саудовская Аравия рассчитывают на то, что у них хватит инструментов и ресурсов, чтобы направить пользающий в Ираке огонь на своих противников. Большой Ближний Восток по-прежнему сотрясает не только Евразию, но и весь мир.

Кровавые события в Ираке меняют расклад сил не только в районе Персидского залива, но и мировой рынок энергоносителей, а также международные потоки капиталов. По большому счету, сегодняшняя гражданская война в Ираке – это наглядный пример бездумной внешней политики США, в данном случае, выразившейся в насильственном свержении законного президента Саддама Хусейна. Добавим, без санкции Совета Безопасности ООН, его постоянные члены Россия и Китай занимали позицию невмешательства во внутренние дела и не нарушения государственных границ Ирака.

29 июня с. г. премьер-министр Израиля призвал мировое сообщество признать независимость Курдистана. Были произнесены слова о самом большом народе, не имеющем своей государственности, о восстановлении исторической справедливости, о мире в целом мире и в регионе Ближнего Востока, в частности. Единственное, о чем не стал распространяться Б. Нетаньяху, – это о том, что Курдистан может стать независимым только в результате развала Ирака (что не входит в планы России, Китая, да и США и их союзников), чем фактически поддержал создание исламского халифата, провозглашенного экстремистской группировкой ИГИЛ.

Парадокс, но интерес Израиля в этом случае целиком и полностью совпадает с интересами его злейших врагов-террористов. Хотя бы потому, что создание радикального халифата, созданного исключительно для войны с «неверными», полностью противоречит интересам другого самого злейшего врага Израиля – шиитского Ирана. Курдистан может стать независимым только в результате развала Ирака, где правит шиитское меньшинство.

Призыв Израиля признать независимый Курдистан неожиданно поддержала Турция. 29 июня пресс-секретарь правящей Партии справедливости Хусейн Челик заявил, что в интересах Турции признание независимого Курдистана в пределах иракской части его территории. Интерес турецкого премьера Эрдогана слишком прозрачен, чтобы не замечать его. Тяжелейшая борьба, ведущаяся со своим недавним союзником Ф. Гюленом, а фактически с Соединенными Штатами, стоящими за его спиной, раскол в рядах своих сторонников, балансирование на грани полноценной «цветной революции» (навязываемой США) вынуждают Эрдогана искать самых неожиданных союзников перед президентскими выборами. Поддержав вековую мечту части курдского народа, премьер-министр Турции получит тактических союзников в борьбе за президентское кресло со своими политическими противниками из числа бывших соратников. Политическое выживание для турецкого премьера выглядит приоритетной задачей, что делает возможным любые, пусть и самые фантастические альянсы.

Дополнительным бонусом для Турции и Израиля становится киркукская нефть, контроль над которой уже практически восстановлен военной структурой Курдистана – отрядами пешмерга. Национальное богатство, которое курды считают своим, остается под их контролем. Независимость дает им возможность наладить поставки нефти через Турцию в Израиль, и израильский порт Хайфа с благодарностью начал принимать киркукскую нефть. Израиль еще не готов окончательно и

бесповоротно входить в конфликт с Ираком, который категорически против сепаратных нефтяных сделок курдов. Признание Курдистана делает поставки нефти из Киркука вполне легальными. Турция, естественно, тоже получает свою долю от этих поставок, обеспечивая сухопутный транзит до Джейхана.

В общем, евразийская геополитическая ситуация в сегодняшнем быстромеменяющемся глобализированном мире переживает очень непростые времена. В ее стабильности очень заинтересованы как Россия, так и Китай, как, впрочем, многие другие государства. А важнейшим фактором устойчивого развития на евразийском континенте, как и везде, выступают международные инвестиции.

2. Иностранные инвестиции в орбите международного права

Под знаком глобализации XXI в. пришел на смену веку XX⁴. Возникает вопрос: насколько выгодны процессы глобализации России, Китаю, да и большинству стран мирового сообщества, кровно заинтересованных, в отличие от США, в многополярном мире?

Межгосударственное инвестиционное сотрудничество выступает катализатором глобализационных процессов на всех уровнях мировой экономики. Глобализация требует большой согласованности в правовом регулировании, имеет своим последствием отставание государственного регулирования от потребностей развития. Особенно отчетливо это видно в сфере международных экономических отношений⁵, что включает и инвестиционные отношения.

Быстрый рост прямых иностранных инвестиций является характерной чертой глобализации⁶. На этапе интернационализации производства, наблюдавшейся до 80-х годов XX в., национальные экономики выступали как самостоятельно развивающиеся центры. А вот на рубеже веков началось формирование нового транснационального системного управления мировой экономики со своими закономерностями правового регулирования.

Современный международный экономический порядок зиждется на свободе движения капиталов, товаров и услуг, свободной миграции рабочей силы. При этом действует согласованная между государствами и другими субъектами международного права совокупность правовых норм, правил, процедур, которые обеспечивают нормальное функционирование всей системы международных экономических отношений⁷.

В результате деятельности десятков тысяч транснациональных корпораций, международных финансовых организаций образовалась своего рода надстройка, которая, контролируя значительную часть мировых ресурсов, в первую очередь финансовых, ограничивает вольно или невольно осуществление экономического суверенитета государств и делит мир на «бедный Юг» и «богатый Север»⁸.

В Декларации тысячелетия ООН 2000 г. отмечается, что хотя глобализация открывает широкие возможности, государ-

ства «ее благами пользуются весьма неравномерно, и неравномерно распределяются ее издержки». Виной тому и глобализация финансовых рынков, что стало результатом широкого спектра спекулятивных операций, вызванных либерализацией экономических отношений⁹. Одним словом, процесс получения денег из денег значительно упростился, благодаря исклчению из него, собственно, самого производства какого-либо товара или услуг. Колоссальные масштабы и обороты международного финансового рынка действительно представляют серьезную опасность для мировой экономики¹⁰. Глобализация вызвала обострение международной конкуренции.

Иностранные инвестиции, которые выступают важнейшим катализатором глобализации, не только предоставляют благоприятные социально-экономические возможности для принимающего государства, но и таят некоторую угрозу его экономическому суверенитету, что может объективно вызвать ослабление регулирующих функций государства¹¹.

Двухстороннему инвестиционному сотрудничеству России и Китая способствует взаимовыгодное стремление закреплять свои правоотношения на договорной основе. Если взглянуть на эволюцию международного инвестиционного права, международное инвестиционное сотрудничество развивалось постепенно от международно-правовой защиты к международно-правовому регулированию зарубежных капиталовложений, от двусторонних к многосторонним договорам в сфере правового обеспечения иностранной инвестиционной деятельности¹².

Основой для торгово-экономического и инвестиционного сотрудничества между РФ и КНР являются:

1. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Китайской Народной Республики «О торгово-экономических отношениях» (Пекин, от 5 марта 1992 г.);

2. Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой от 16 июля 2001 г.;

3. Меморандум между Правительством Российской Федерации и Правительством Китайской Народной Республики «О сотрудничестве в области модернизации экономики» (октябрь 2011 г., Пекин);

4. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Китайской Народной Республики о поощрении и взаимной защите капиталовложений (вместе с Протоколом от 9 же ноября 2006 г.).

Соглашение о поощрении и взаимной защите капиталовложений или, как их общепринято называть, двусторонний инвестиционный договор между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой является профильным международно-правовым актом в сфере международно-правового регулирования взаимных инвестиций.

Двусторонние инвестиционные договоры (ДИД), еще раз подчеркнем, являются центральными элементами правового

4 См.: Лукашук И. И. Глобализация, государство, право, XXI век. – М.: Спартак, 2002; Поленина С. В. Гаврилов О. А., Колдаева Н. П., Лукьянова Е. Г., Скурко Е. В. Воздействие глобализации на правовую систему России // Государство и право. – 2004. – № 3. – С. 5–15.

5 Галенская Л. Н. Международные отношения и право: взгляд в XX век // Материалы конференции в честь профессора кафедры международного права юридического факультета Санкт-Петербургского государственного университета Л.Н.Галенской / Под ред. С. В. Бахина. – СПбГУ, 2009.

6 Guiguo Wang, Priscilla Leung. International Investment Law in the Globalized World // Boguslavsky M., Trunk A. Legal Issues of Foreign Investment in Transition Countries. Osteuroforshund. 2007. – Band 47. – P. 51–55.

7 Бахин С. В. Инвестиционное право и инвестиционная политика // Boguslavsky M., Trunk A. Legal Issues of Foreign Investment in Transition Countries. Osteuroforshund. 2007. – Band 47. – P. 30.

8 Вельяминов Г. М. Международное экономическое право и процесс. Академический курс. – М., Волтерс Клувер, 2004. – С. 23–24.

9 См.: Denters E. Law and Policy of IMF Conditionality. – Kluwer Law International, 1996; Dunning J. H. Government and Multinational Enterprises. From Confrontation to Cooperation / Ed. by L. Eden, E. H. Potter. – London; Macmillan: N.Y., 1993. – P. 11–14.

10 Косолапов Н. Формирование глобального миропорядка и Россия // Мировая экономика и международные отношения. – 2004. – № 1. – С. 3–5.

11 Фархутдинов И. З. Международная правосубъектность в XXI веке: проблемы и тенденции // Материалы конференции в честь профессора Санкт-Петербургского государственного университета Л.Н.Галенской / Под ред. профессора С. В. Бахина. – СПбГУ, 2009. – С. 198.

12 Дорониан Н. Г. Многосторонние международные договоры и российское законодательство об инвестициях // Журнал российского права. – 2002. – № 11. – С. 109–110.

регулирования частноправовых и публично-правовых отношений в рассматриваемой сфере¹³.

Анализируемый двусторонний инвестиционный договор между Россией и Китаем, как и все аналогичные соглашения, направлен на создание международно-правовых условий и гарантий для предпринимательской и инвестиционной деятельности инвесторов Российской Федерации и Китайской Народной Республики.

Движущей силой инвестиционной политики наших государств, направленной на поощрение иностранного капитала путем создания благоприятного инвестиционного климата, выступает реальное обеспечение законодательно закрепленных гарантий в ходе осуществления инвестиционного проекта¹⁴. Источники регулирования иностранных инвестиций на территории Российской Федерации и Китайской Народной Республики содержатся как на национальном, так и международно-правовом уровнях. Впервые данная концепция о том, что иностранные инвестиции, как правило, имея частноправовой характер, нуждаются одновременно как в национально-правовом, так и в международно-правовом регулировании, была разработана А. Г. Богатыревым¹⁵.

Взаимные капиталовложения России и Китая на территории друг друга, которые регулируются на двух уровнях – национально-правовом и международно-правовом, подпадают под международно-правовую регламентацию в соответствии с Соглашением между Правительством Российской Федерации и Правительством Китайской Народной Республики о поощрении и взаимной защите капиталовложений (вместе с Протоколом от 9 ноября 2006 г.).

Как рассказывалось в первой статье, наша страна, следуя мировой практике, приступила к заключению двусторонних международных договоров по гарантиям иностранных инвестиций в самом конце 80-х годов прошлого столетия, когда начали складываться основы рыночной экономики. Первый двусторонний инвестиционный договор Россия с Китаем заключила в 1990 г. 1989–1990 гг. можно назвать первоначальным этапом международно-договорного закрепления инвестиционных отношений с другими государствами.

Международные договоры, регулирующие инвестиции, отличает новый подход в развитии инвестиционного сотрудничества, основанный на исполнении государствами-участниками обязательств по регулированию инвестиций и установлению контроля за исполнением этих обязательств со стороны создаваемой на основе международного договора процедуры рассмотрения споров, связанных с инвестициями. Кстати, еще Ф. Ф. Мартенс, один из основоположников российской доктрины международного права, писал, что международный договор «всегда служил одним из лучших средств для выяснения и определения правовых отношений, даже принципов права, которые должны господствовать в области международных сношений»¹⁶. Особое место договорного права объясняется спецификой объекта регулирования, его значением в современном международном праве, а также особенностями источников права международных договоров¹⁷. Все это обуславлива-

ет его особое место в системе современного международного права¹⁸.

Россия и КНР, как и другие государства, принимая национальные законодательные и другие нормативно-правовые акты, а также заключая международные договоры (или присоединяясь к ним), создают юридический комплекс из двухуровневых юридических норм и правил, регулирующих на их территориях иностранную инвестиционную деятельность. Но при этом следует иметь в виду, что существующая взаимозависимость международно-договорных и внутригосударственных юридических норм не говорит о приоритете одного правопорядка над другим¹⁹. В процессе этого взаимодействия первичным, по мнению Г. И. Тункина, является влияние национального права на международное²⁰. Первичность внутреннего права и вытекает из первичности внутренней политики над внешней²¹. Государства должны выполнять свои международные обязательства, независимо от того, отвечает такое выполнение нормам национального права или нет²².

Государства были и остаются главными действующими лицами в мировом экономическом процессе. Более того, с усложнением экономики роль государства будет не сужаться, а расширяться²³.

Сочетание международно-правового и национально-правового регулирования иностранных инвестиций – это механизм, действующий в общественных интересах, так как его цель состоит в поощрении национальной инвестиционной политики. Он способствует учреждению инвестиций юридическими и физическими лицами государства-экспортера капитала в принимающем государстве²⁴.

Одним из главных вопросов применительно к иностранным инвестициям является вопрос о соотношении публично-правового и частноправового начал в их регламентации. Проблема эта достаточно сложная и не предполагает однозначного решения, тем более что она имеет отношение не только к иностранным инвестициям, но и к международному частному праву в целом²⁵.

А. Г. Богатырев считает, что инвестиционный процесс выступает как совокупность юридических норм, регламентирующих отношения, складывающиеся между различными участниками инвестиционной деятельности. Из единства предмета регулирования инвестиционного процесса, в условиях единого и взаимозависимого мира, и формируется инвестиционное право, состоящее из двух видов и сфер правового регулирования – национально-правового и международно-правового²⁶.

Взаимозависимость международно-правового и национально-правового регулирования иностранных инвестиций основывается на принципах соотношения международного и внутригосударственного права, представляющих собой не-

13 Хаусманн Р. Инвестиционные договоры с иностранными инвесторами // Правовые аспекты инвестиционных договоров. – М., Норма, 2012. – С. 23–24.

14 См.: Farkhutdinov I. Foreign Investor and Host State: Need for Balance Interests // Czech Yearbook of International Law. – 2011. – Vol. 2. – P. 231–246.

15 См.: Богатырев А. Г. Инвестиционное право. – М., 1992.

16 Мартенс Ф. Ф. Современное международное право цивилизованных народов. – СПб, 1898. – Т. 1. – С. 393.

17 Талалаев А. Н. Право международных договоров. – Т. 1: Общие вопросы / Отв. ред. Л. Н. Шестаков. – М.: Издательство Зерцало, 2009. – С. 8–9.

18 Фельдман Д. И. Система международного права. – Казань, 1983. – С. 61–64.

19 Буткевич В. Г. Соотношение внутригосударственного и международного права. – Киев, 1981. – С. 173.

20 Тункин Г. И. Основы современного международного права. – М., 1956. – С. 9.

21 Там же. – С. 10.

22 Мюллерсон Р. А. Соотношение международного и национального права. М.: Международные отношения, 1982. – С. 29.

23 Фархутдинов И. З. Международное инвестиционное право: теория и практика. – М.: Волтерс Клувер, 2005. – С. 10.

24 Карро Д., Жюар П. Международное экономическое право. Научный редактор В. М. Шумилов. – М.: Международные отношения, 2002. – С. 415.

25 Бахин С. В. Инвестиционное право и инвестиционная политика // Boguslavsky M., Trunk A. Legal Issues of Foreign Investment in Transition Countries. Osteuroforshund. 2007. Band 47. – С. 28.

26 Богатырев А. Г. О регулировании иностранных инвестиций в национальном и международном праве // Советское государство и право. – 1992. – № 1. – С. 119.

зависимые и самостоятельные системы права, которые в то же время находятся в тесной связи между собой и взаимно влияют друг на друга²⁷. Да и как иначе, если в целом международное публичное право – такое социальное образование, которое занимает равное положение с любой национальной системой²⁸.

В сфере экономической политики охрана публичных интересов всегда является определяющим фактором, ибо при этом гарантируется и обеспечивается приоритет общества в целом, его безопасность и стабильность. Экономические интересы с неизбежностью преобладают и в сфере импорта иностранного капитала, как одной из составляющих экономики государства²⁹.

По мнению И. И. Лукашука, ключевыми моментами проблемы соотношения международного и внутригосударственного права являются:

1) самостоятельность систем международного и внутригосударственного права по отношению друг к другу;

2) влияние внутригосударственного права отдельных государств на образование и развитие принципов и норм международного права, с одной стороны, и влияние международного права на национальное право отдельных государств, с другой, то есть фактическое взаимодействие систем;

3) иерархическое соотношение между нормами национального законодательства³⁰.

Известный компаративист Р. Давид весьма верно подметил, что «возрастающее значение публичного права зачастую ставит частное право во все большую зависимость от него»³¹.

«Без осуществления эффективной государственной политики, – отмечает М. М. Богуславский, – нельзя учесть ни интересы безопасности страны, ни необходимость охраны окружающей среды. В отношении защиты экологии нельзя повторять отрицательный опыт развивающихся стран»³².

Экономическую политику государства формируют такие факторы, как имеющееся сырье, структура хозяйства, технологическая вооруженность, финансовые ресурсы, исторически сложившиеся связи с соседними государствами (в рамках региона и на универсальном уровне)³³. Структурные изменения в экономике с неизбежностью отражаются на вопросах занятости населения, порождая такие проблемы, как дисбаланс в оплате труда, переобучение персонала, безработица и связанная с ней миграция населения.

3. Международно-правовой анализ ДИД между Россией и Китаем

Продолжаем международно-правовой анализ Соглашения между Правительством Российской Федерации и Правительством Китайской Народной Республики о поощрении и взаимной защите капиталовложений от 9 ноября 2006 г.

В преамбуле анализируемого ДИД утверждается, что Правительство Российской Федерации и Правительство Китайской Народной Республики намерены создать благоприятные условия для капиталовложений инвесторов одной Договаривающейся Стороны на территории другой Договаривающейся Стороны. Они выражают уверенность, что взаимное

привлечение, поощрение и защита таких капиталовложений приведет к стимулированию деловой инициативы инвесторов и повысит благосостояние обоих государств, а также активизирует сотрудничество обоих государств на основе равенства и взаимной выгоды.

В ст. 2 ДИД между РФ и КНР (поощрение и защита капиталовложений) указаны цели и задачи договаривающихся сторон.

1. Каждая Договаривающаяся Сторона стремится создавать благоприятные условия инвесторам другой Договаривающейся Стороны для осуществления капиталовложений на своей территории и допускает такие капиталовложения в соответствии со своими законами и иными нормативными правовыми актами.

Особо отметим, что в условиях расширения нормативной системы международного права его нормы регулируют не только межгосударственные отношения, но и обеспечивают статус и деятельность физических и юридических лиц в соответствии с общими интересами государств³⁴.

Считается, что цели играют важную роль в определении эффективности нормативной системы международного права³⁵. Основным принципом права международных договоров является принцип добросовестного исполнения международных обязательств. Именно этот принцип обуславливает действие и применение международных договоров, являющихся основанием возникновения тех юридических последствий, с которыми связано заключение договора.

Сформулированная выше цель о создании благоприятных условий для капиталовложений инвесторов является совместной целью Российской Федерации и ее партнера Китайской Народной Республики в области правового регулирования иностранных инвестиций. Одной из наиболее важных задач при создании благоприятного инвестиционного климата является повышение уровня правовой защиты иностранных инвестиций.

2. Каждая Договаривающаяся Сторона обеспечивает в соответствии со своими законами и иными нормативными правовыми актами полную защиту на своей территории капиталовложений инвесторов другой Договаривающейся Стороны.

Договаривающиеся стороны в анализируемом положении ДИД исходят из того, что иностранный инвестор хочет иметь гарантию, что условия инвестирования не изменятся в дальнейшем. Он хочет быть уверен в том, что любые изменения в законодательстве не ухудшат коммерческие результаты его деятельности как инвестора, на достижение которых он рассчитывал, принимая решение о своих капиталовложениях в определенный проект или по какому-то определенному соглашению³⁶.

В данном положении п. 2 ст. 2 речь идет об известной в доктрине международного инвестиционного права формулировке «полная защита и безопасность иностранных инвестиций», первоначально присущей обычному международному праву. Впоследствии эта обычная международно-правовая

27 Миронов Н. В. Международное право: нормы и их юридическая сила. – М., 1980. – С. 70.

28 Алексеев С. С. Структура советского права. – М., 1975. – С. 207.

29 Бахин С. В. Инвестиционное право и инвестиционная политика // Boguslavsky M., Trunk A. Legal Issues of Foreign Investment in Transition Countries. Osteuroforshund. 2007. Band 47. – С. 18.

30 Лукашук И. И. Нормы международного права. – С. 48–52.

31 Давид Р., Жоффре-Спинози К., Основные правовые системы современности, 1997. – С. 55.

32 Богуславский М. М. Правовое положение иностранных инвестиций. – 1993. – С. 20.

33 Бахин С. В. Указ. соч. – С. 18.

34 Международное право / Отв. ред. Игнатенко Г. В., Тиунов О. И. – 3-е изд. – М.: Норма, 2006. – С. 12.

35 Марочкин С. Ю. Вопросы эффективности норм международного права // СЕМП. – М., 1989. – С. 12–13; Лихачев В. Н. Об эффективности применения международно-правового принципа универсальности // Вопросы универсальности и эффективности международного права. Межвузовский сбор научных трудов. – Свердловск, 1981. – С. 82.

36 См.: Фархутдинов И. Иностраный инвестор: общие принципы, доступа, определение статуса, момент приобретения статуса, предпосылки этого статуса // Правовые аспекты инвестиционных договоров. Сборник статей / Под. ред. А. Алиева, А. Трунка. – М.: Норма, 2012. – С. 70–72.

норма перекочевала в двусторонние инвестиционные договоры («полная и безусловная защита прав и интересов иностранного инвестора»), тем самым приобретая конвенционный характер.

С правовой точки зрения главной проблемой обеспечения благоприятного инвестиционного климата является проблема стабильности правового регулирования. Последнее предполагает законодательное закрепление определенных гарантий для иностранных предпринимателей, вкладывающих свои капиталы в экономику страны. Это, прежде всего, гарантии от ухудшения условий хозяйствования, на основе которых осуществлялся приток иностранных инвестиций. Речь идет об установлении определенного срока, в течение которого действует запрет на такого рода законодательные изменения.

Предоставление инвестиционных гарантий означает обеспечение всей совокупности государственных организационно-правовых мер защиты международных инвестиций с момента их учреждения до момента их ликвидации. Понятие правового режима и защиты инвестиций, с одной стороны, и гарантий инвестиций взаимообусловлены и неразрывно связаны друг с другом. Юридические гарантии прав и законных интересов иностранных инвесторов в России закреплены в Федеральном законе от 9 июля 1999 г. № 160-ФЗ «Об иностранных инвестициях в Российской Федерации», который является основной правовой базой регулирования иностранных инвестиций. Целью этого федерального закона является регулирование отношений, связанных с предоставлением государственных гарантий иностранным инвесторам. Неслучайно основной его задачей является, согласно преамбуле, обеспечение «гарантий прав иностранных инвесторов на инвестиции и получаемые от них доходы и прибыль».

Статья 4

Экспроприация

1. Ни одна из Договаривающихся Сторон не должна на своей территории подвергать мерам, равносильным по последствиям экспроприации или национализации (далее – экспроприация), капиталовложения инвесторов другой Договаривающейся Стороны, если только указанные меры не предпринимаются в общественных интересах и не отвечают всем следующим условиям:

а) осуществляются в соответствии с процедурой, предусмотренной национальным законодательством;

б) не являются дискриминационными;

в) сопровождаются выплатой компенсации.

Проблема национализации иностранной собственности весьма сложна и противоречива, особенно в связи разрешением инвестиционных споров между государством происхождения инвестиций и принимающим государством. Именно по этой причине право государств национализировать собственность иностранных граждан (инвесторов) было одним из наиболее дискуссионных вопросов международного права.

Классическое международное право рассматривало любые действия, затрагивающие иностранную собственность, как нарушение приобретенных прав, а сами эти права считались находящимися под международной защитой³⁷. Но во второй половине прошлого века доктрина международного права начала признавать принудительное изъятие суверенным государством иностранной собственности при определенных обстоятельствах, обговоренных в законодательном порядке, правомерным и справедливым.

Государство может ограничивать право собственности, в том числе иностранной, в публичных (общественных) интересах, но при этом публичные интересы не должны пода-

влять интересы частных лиц, и на частное лицо не должно налагаться чрезмерное бремя в результате ограничения права собственности. При разработке соответствующего правового режима инвестиций государству, разумеется, необходимо сбалансировать эти два объективно противоречащих фактора (публичный интерес)³⁸.

Используются разные термины для обозначения действий государства по принудительному переходу права собственности: национализация³⁹, экспроприация⁴⁰, изъятие собственности⁴¹, реквизиция, конфискация и др. Но наиболее важными формами лишения собственности являются экспроприация и национализация. Экспроприация и национализация – это акты государства, влекущие за собой переход права собственности из частного сектора в государственный.

Определение экспроприации, приведенное известным российским дореволюционным цивилистом Г. Ф. Шершеневичем, не потеряло своей актуальности и сегодня: «Экспроприация есть принудительное возмездное отчуждение или ограничение прав, которое производится государственной властью ввиду общепользуемой цели»⁴².

В западных источниках, как правило, применяется только слово экспроприация, переводимая из английского языка как отчуждение, конфискация имущества, хотя в отечественных правовых источниках до последнего десятилетия термин «экспроприация» не был общеупотребляемым. В России с самого начала возникновения данного исторического явления абсолютно превалирует другое аналогичное правовое понятие – национализация⁴³.

В Хартии экономических прав и обязанностей государств 1974 г. предусмотрено, что каждое государство имеет право национализировать, экспроприировать или передавать иностранную собственность в руки государства. В этом случае государство, принимающее такие меры, должно выплачивать соответствующую компенсацию с учетом его соответствующих законов и постановлений, и всех обстоятельств, которые это государство считает уместными.

В доктрине и международной договорной практике государств получило широкое распространение положение о необходимости соблюдения ряда условий при проведении экспроприации, для того чтобы она соответствовала международному праву⁴⁴. Она должна проводиться: 1) в публичных целях; 2) на недискриминационной основе; 3) с выплатой компенсации; 4) в соответствии с установленным порядком. Ана-

38 Бахин С. В. Инвестиционное право и инвестиционная политика // Boguslavsky M., Trunk A. Legal Issues of Foreign Investment in Transition Countries. Osteuroforshund.2007. Band 47. – С. 30

39 Богуславский, М. М. Международное частное право. – С. 185; Перетерский, И. С. Международное частное право / И. С. Перетерский, С. Б. Крылов. – М., 1959. – С. 105.

40 Seid, S. H. Global Regulation of Foreign Direct Investment / S. H. Seid. – Aldershot, 2002. – P. 46.

41 Карро, Д. Международное экономическое право: Учебник / Д. Карро, П. Жюйар; пер. с франц. В. П. Серебренникова, В. М. Шумилова. – М.: Междунар. отношения, 2001. – С. 431.

42 Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права (по изданию 1907г.)

43 Farkhutdinov I. International Law and Russian Law concerning Nationalization of Foreign Investments // Boguslawskij M., Trunk A. (Hrsg). Правовое регулирование положения иностранных инвестиций в странах с переходной экономикой. На нем., англ., русск. языках. Osteuropaforschung. Schriftenreihe der Deutschen Gesellschaft für Osteuropakunde. Band 47. BWW. Berliner. Wissenschafts-Verlag. – P. 111–128.

44 См., например: International Investment Agreements: Key Issues / U.N. Conference on Trade and Development. – N.Y.; Geneva, 2004. – Vol. 1. – P. 235; Takings of Property / UNCTAD Series on Issues in International Investment Agreements. – N.Y.; Geneva, 2000. – P. 12, 13; Sornarajah, M. Op. cit. – P. 277, 315.

37 Хименес де Арчага Э. Современное международное право. – М., 1983. – С. 451.

логичные положения содержит ДИД между Россией и Китаем (ст. 4.1 в).

Термин «в общественных интересах», широко применяемый в международной договорной практике, был заимствован из ст. 1 Протокола № 1 от 20 марта 1952 г. к Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г. В этой статье говорилось: «Каждое физическое и юридическое лицо имеет право беспрепятственно пользоваться своей собственностью. Никто не может быть лишен своего имущества, кроме как в интересах общества и на условиях, предусмотренных законом и общими принципами международного права»⁴⁵.

В современном международном праве существуют две основные доктрины по поводу национализации⁴⁶.

Традиционная западная доктрина также признает право государства на экспроприацию, но требует, чтобы она осуществлялась: а) в общественных интересах; б) на законном основании; в) без дискриминации; г) сопровождалась быстрой, адекватной, эффективной компенсацией.

Относительно развивающихся государств можно сказать, что они придерживаются доктрины, согласно которой право на национализацию является неотъемлемым атрибутом государственного суверенитета.

Термин «экспроприация» по-разному трактуется в ДИД. Обычно применяется следующая формула: национализация, экспроприация или иные меры, равные по последствиям национализации или экспроприации. Такая формула использована, например, и в ДИД России Китаем. Все виды принудительного изъятия собственности, влекущего прекращение права собственности частных лиц, на наш взгляд, следует определять одним общим термином — экспроприацией⁴⁷.

В западных источниках, как правило, применяется только слово экспроприация, переводимое с английского языка как отчуждение, конфискация имущества, хотя в отечественных правовых источниках до последнего десятилетия термин «экспроприация» не был общепотребляемым. В России с самого начала возникновения данного исторического явления абсолютно превалирует другое аналогичное правовое понятие — национализация.

Согласно п. 2 ст. 235 ГК РФ национализация — это обращение в государственную собственность имущества, находящегося в собственности граждан и юридических лиц, которое должно производиться на основании закона с возмещением стоимости этого имущества и других убытков в порядке, установленном ст. 306 ГК РФ. Упомянутая статья предусматривает: «В случае принятия Российской Федерацией закона, прекращающего право собственности, убытки, причиненные собственнику в результате принятия этого акта, в том числе стоимость имущества, возмещаются государством. Споры о возмещении убытков разрешаются судом».

Несколько забегая вперед, отметим, что в современной теории и практике правового регулирования иностранных инвестиций более весомое значение приобретают вопросы о так называемой «косвенной», «ползучей» экспроприации (национализации), экспроприации «de facto» или «мерах, соответствующих экспроприации». В отличие от российского законодательства, практике международных договоров РФ известна экспроприация де-факто.

Косвенную, или «ползучую», экспроприацию можно определить как медленное, постепенное вторжение в сферы права собственности, что уменьшает ценность инвестиции. Правовой титул на собственность остается у инвестора, но права инвестора на использование собственности ограничиваются в результате вмешательства государства.

Где же заложен критерий определения косвенной экспроприации в том или ином случае принудительного изъятия иностранных инвестиций? То есть как разграничить законные акты государственного регулирования, в той или иной мере ограничивающие компенсацию, и меры государства, приравняемые к косвенной экспроприации, которые однозначно требуют компенсации? Например, Постоянная палата третейского суда использовала «эффективное лишение собственности» как стандарт для определения, было ли вмешательство достаточно серьезным для того, чтобы представлять из себя изъятие, за которое полагается компенсация.

В последние годы в международном инвестиционном арбитраже особое значение имеют так называемые меры разумного государственного вмешательства. Данное понятие новое и пока малоисследованное в отечественной правовой теории и практике⁴⁸.

1. Компенсация, указанная в пункте 1 настоящей статьи, должна соответствовать рыночной стоимости экспроприруемых капиталовложений, рассчитанной на дату, непосредственно предшествующую экспроприации, либо на дату, когда официально стало известно о предстоящей экспроприации, в зависимости от того, какое из событий наступило ранее. Рыночная стоимость должна определяться в соответствии с обычаями делового оборота. Компенсация должна включать в себя проценты, исчисляемые с даты экспроприации до даты выплаты по ставке ЛИБОР по шестимесячным долларовым кредитам. Компенсация выплачивается без задержки в любой свободно конвертируемой валюте.

Проблема компенсации за убытки, нанесенные иностранному инвестору в ходе осуществления инвестиционной деятельности, является ключевой в исследуемой сфере.

Государство не только имеет право, но и призвано регулировать отношения, связанные с частной собственностью⁴⁹. Это признают и договаривающиеся стороны — Россия и Китай. Как показывает практика, в частности МЦУИС, большинство инвестиционных споров между иностранными инвесторами и принимающими государствами сводится к вопросу о том, правомерно ли была проведена экспроприация и подлежит ли выплата компенсации иностранному инвестору. По этой причине нормы о национализации обычно всегда предусматриваются в заключаемых между государствами двусторонних международных договорах, а сама экспроприация отнесена к числу некоммерческих рисков, покрываемых гарантией, выдаваемой МАГИ⁵⁰.

Европейский суд по правам человека полагает⁵¹, что действие государства следует признавать экспроприацией, когда

45 Протокол № 1 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод (Париж, 20 марта 1952 г.)

46 Shwarzenberger G. Foreign investments and international Law. — L., 1969. — P. 5–11.

47 Следует отметить, что экспроприацией является и переход права иностранной собственности частным отечественным лицам, а не государству. — См., например: Seid S. H. Global Regulation of Foreign Direct Investment / S. H. Seid. — Aldershot, 2002. — P. 46.

48 См.: Фархутдинов И. З. Международное инвестиционное право и процесс. — М., Проспект, 2013. — С. 366–403. Он же. Меры разумного государственного вмешательства в международный инвестиционный проект // Иностранные инвестиции и МЧП. — М.: ИЗСП, Норма, 2009; Он же. Иностранные инвестиции: вызов экономическому суверенитету // МЖМП. — 2008. — № 3; Он же. Международно-правовые ориентиры зарубежного инвестирования // Право и экономика. — 2008. — № 5; Он же. Экономический суверенитет государства в условиях глобализации // Право и безопасность. — 2008. — № 3.

49 Щербина М. В. Международно-правовые вопросы национализации и защиты частной собственности: Дисс. ... канд. юрид. наук. — Санкт-Петербург, 2000.

50 Лисица В. Н. Правовое регулирование инвестиционных отношений: теория, законодательство и практика применения. Новосибирский гос. ун-т. — Новосибирск, 2011.

51 Handyside v. United Kingdom // European Court of Human Rights Reports of Judgments and Decisions. — 1976. — Vol. 24. — P. 29; Poiss

инвестор определён и полностью лишается своего права собственности на имущество. Если он не был лишён прав, но их содержание было существенно умалено, и подобная ситуация не является необратимой, то подобное нарушение не является нарушением ст. 1 Протокола № 1 от 20 марта 1952 г. к Конвенции о защите прав человека и основных свобод⁵². К такому выводу пришёл и арбитраж МЦУИС в деле *Tradex Hellas S.A. v. Republic of Albania* (Case No. ARB/94/2)⁵³.

В судебно-арбитражной практике можно встретить дела, в которых суды и арбитражи в качестве обязательного условия выделяли лишь отсутствие дискриминации и выплату компенсации, а наличие публичных целей не рассматривали в качестве неотъемлемого признака правомерной экспроприации. Например, Международный суд ООН в деле *Texaco Overseas Petroleum Co. and California Oil Co. v. Libya*⁵⁴ рассмотрел вопрос о правомерности осуществления национализации иностранной собственности в Ливии и заключил, что наличие публичных интересов не является необходимым условием правомерной национализации.

Что касается арбитража, то в рамках МЦУИС в решении по делу *Compania del Desarrollo de Santa Elena, S.A. против Республики Коста-Рика* было констатировано, что согласно международному праву принимающее государство вправе экспроприировать иностранную собственность в пределах своей территории в общественных целях и при условии выплаты быстрой, адекватной и эффективной компенсации⁵⁵.

Компенсация охватывает два вида действий, которые отличаются друг от друга. В первом случае компенсация охватывает совокупность оценочных операций. Последние сложны тем, что они касаются действующего предприятия, когда совершается оценка не только прямого ущерба, но и упущенной выгоды. Во втором случае компенсация понимается как предоставление в распоряжение подвергшихся принудительно изъятию у инвестора установленных сумм. При этом такое предоставление должно осуществляться на условиях, которые не приводят к появлению новой формы изъятия собственности, особенно посредством таких методов, как установление верхнего предела компенсации, или рассрочка платежей, или запрет на конвертацию, или переводы сумм⁵⁶.

Действующие двусторонние договоры России с другими государствами гарантируют, что национализация не будет осуществляться иначе как при условии выплаты незамедлительной, достаточной и действительной компенсации, таким образом выступающей в качестве противовеса неотъемлемому праву государства осуществлять национализацию.

Не все соглашения о взаимном поощрении и защите капиталовложений, которые Российская Федерация подписала с другими государствами, полностью соответствуют традиционной западной доктрине о национализации. Ряд двусторонних договоров (с Австрией, Великобританией, Испанией, Италией, Южной Кореей и т. д.) прямо не требуют, чтобы возможная национализация сопровождалась быстрой, адекватной, эффективной компенсацией.

В статье 4 анализируемого соглашения между РФ и КНР мы видим такую же краткую формулировку: в) сопровождаются выплатой компенсации.

Государства имеют право вступать в любые договоренности между собой как о размере материальной компенсации, так и о единовременной выплате частичной компенсации по всем предъявленным требованиям.

Поэтому «справедливая рыночная стоимость» является лишь ориентиром. В Руководстве МБРР о регулировании прямых иностранных инвестиций также говорится, что «компенсация будет считаться «быстрой» (prompt) в нормальных обстоятельствах, если она выплачивается без задержек». Далее сказано, что «если государство находится не в обычных, а в «исключительных» обстоятельствах, как они характеризуются в документах Международного валютного фонда, или в аналогичных им объективных обстоятельствах, связанных с действием валютных ограничений, компенсация в валюте (имеется в виду конвертируемая валюта. — Прим. авт.) может быть выплачена по частям в течение наиболее короткого срока, который не должен превышать более пяти лет с момента экспроприации...».

Двусторонние договоры по-разному определяют сроки выплаты компенсации: два месяца (ст. 6 Соглашения с Канадой, ст. 5 Соглашения с Англией и Кореей); тридцать дней (ст. 4 п. 3 Соглашения с Францией); один месяц (ст. 5 Соглашения с Италией); три месяца (ст. 4 Соглашения с Австрией; ст. 4 п. 4 Соглашения с Финляндией).

Срок выплаты компенсации в ДИД РФ с Венгрией, Швецией и США не установлен. Согласно ДИД РФ с Албанией, Грецией, Кувейтом, Японией, Китаем компенсация должна быть выплачена «без необоснованной задержки».

Не все соглашения о взаимном поощрении и защите капиталовложений, которые Российская Федерация подписала с другими государствами, полностью соответствуют традиционной западной доктрине о национализации. Ряд двусторонних договоров (с Австрией, Великобританией, Испанией, Италией, Южной Кореей и т. д.) прямо не требуют, чтобы возможная национализация сопровождалась быстрой, адекватной, эффективной компенсацией.

Статья 5

Возмещение ущерба

Инвесторам одной Договаривающейся Стороны, капиталовложениям которых нанесен ущерб на территории другой Договаривающейся Стороны в результате войны, гражданских беспорядков, введения чрезвычайного положения или иных подобных ситуаций, предоставляется в отношении реституции, возмещения, компенсации или других видов урегулирования режим, наиболее благоприятный из тех, которые последняя Договаривающаяся Сторона предоставляет при аналогичных обстоятельствах своим собственным инвесторам или инвесторам третьего государства в отношении мер, которые принимаются ею в связи с таким ущербом.

Раньше чаще всего ответчиками в международных арбитражных судах выступали страны Латинской Америки. Но теперь, похоже, за ними следуют страны СНГ⁵⁷.

Основополагающей нормой в российском законодательстве в случае национализации и реквизиции является выплата компенсации. Статья 8 Закона «Об иностранных инвестициях в Российской Федерации» от 9 июля 1999 г. предусматривает, что «имущество иностранного инвестора или коммерческой организации с иностранными инвестициями не подлежит принудительному изъятию, в том числе национализации, реквизиции, за исключением случаев и по основаниям, которые установлены Федеральным законом или международным договором Российской Федерации». Далее данная же статья за-

v. Austria // European Court of Human Rights Reports of Judgments and Decisions. — 1987. — Vol. 117. — P. 108; Matos e Silva, Lda v. Portugal // European Court of Human Rights Reports of Judgments and Decisions. — 1996. — Vol. 24. — P. 600, 601.

52 СЗ РФ. — 2001. — № 2. — Ст. 163.

53 ICSID Review — Foreign Investment Law Journal. — 1999. — Vol. 14. — № 1. — P. 197–249.

54 International Law Reports. — 1977. — Vol. 53. — P. 389–512.

55 ICSID Case № ARB/96/1//Internet [Электронный ресурс] Режим доступа: http://www.worldbank.org/icsid/cases/santalena_award.pdf

56 Карпо Д., Жюар П. Указ. соч. — С. 435–436.

57 См. подробно: Фархутдинов И. З. Международный инвестиционный арбитраж — институт международного инвестиционного права // Верховенство международного права. LIBER AMICORUM в честь профессора К.А. Бекашева. — М.: Проспект, 2013. — С. 287–304.

крепляет важнейший принцип международного инвестиционного права о том, что «при национализации иностранному инвестору или коммерческой организации с иностранными инвестициями возмещаются стоимость национализируемого имущества и другие убытки».

Признанным принципом международного обычного права является то, что если экономический ущерб вытекает из bona fide недискриминационного регулирования, находящегося в сфере полицейской власти государства, компенсация не требуется. Меры государства могут быть дискриминационными, если они приводят к «действительному ущербу иностранцу... с намерением причинить вред затронутому иностранцу» в пользу национальных компаний.

В этой связи особый интерес представляет выполнение государством «полицейских полномочий» в ходе гражданских беспорядков, что не предполагает права на возмещение понесенных убытков. Однако данная доктрина на возмещение понесенных в ходе гражданских беспорядков убытков имеет и некоторые свои изъяны. Чрезвычайно трудно установить четкие критерии ответственности государства за негативные последствия мер охраны общественного порядка при чрезвычайных обстоятельствах.

Международные арбитражи часто отказывались присуждать компенсацию, когда действия правительства не снижали существенно или не сводили полностью к нулю экономическую стоимость собственности, как это, например, случилось в деле по Договору к Энергетической Хартии – *Nykomb Synergetics Technology Holding AB, Stockholm v. The Republic of Latvia*⁵⁸.

Согласно ч. 3 ст. 35 Конституции РФ в Российской Федерации национализация будет законной только при условии равноценного возмещения стоимости национализируемого имущества. Толкование принципов компенсации, применяемое ДИД, различается по критериям определения компенсации, даты, на которую дается оценка, сроков выплаты компенсации, также начисления процентов на сумму компенсации. Большинство ДИД предусматривают «быструю, адекватную и эффективную компенсацию».

Согласно ч. 3 ст. 35 Конституции РФ компенсация должна быть выплачена предварительно. Однако такой подход не воспринят российской практикой международных договоров. ДИД, заключенные Россией до и после принятия Конституции РФ 1993 г., предусматривают выплату компенсации после акта экспроприации. Поскольку Конституция РФ имеет высшую юридическую силу и прямое действие, то согласно ч. 1 ст. 15 Конституции РФ иностранный инвестор вправе потребовать именно предварительной выплаты компенсации. Таким образом, условие о предварительной выплате в случае экспроприации будет побуждать государство к скорейшей выплате и искусственно удерживать от проведения экспроприации.

4. Мировая газовая война как попытка нового передела мира

Роль Америки как единственной сверхдержавы мирового масштаба диктует сейчас России и Китаю необходимость выработать целостную и ясную стратегию в отношении ее экспансионистских планов в Евразии, в том числе путем активного расширения инвестиционного сотрудничества между нашими странами.

Мировая газовая война, развязанная США, есть попытка нового передела мира со всеми вытекающими отсюда политико-экономическими последствиями для большинства стран.

Ниже приведены цифры, которые сами за себя говорят. Развивающиеся экономики в 2013 г. обеспечили 80% общего мирового прироста потребления энергоресурсов. Согласно данным ВР, спрос на энергоресурсы в мире в прошлом году увеличился на 2,3%, но оказался немного ниже среднего показателя за десять лет, подтвердив слабость мировой экономики. Потребление энергоресурсов в развивающихся экономиках росло темпами ниже средних долгосрочных показателей и увеличилось на 3,1% из-за более низкого роста в Китае. Среди государств лидером в приросте потребления нефти в прошлом году стали входящие в ОЭСР Соединенные Штаты. Увеличив потребление на 400 тыс. баррелей в день, они по этому показателю впервые с 1999 г. обогнали Китай с 390 тыс. баррелей прироста в день, подчеркивается в докладе ВР.

В последние месяцы США делают все возможное, чтобы сорвать реализацию проекта «Южный поток» для поставки газа в страны ЕС в обход Украины. А потом полностью прибрать к рукам Украину, превратив ее плодородные земли в лунный ландшафт в ходе добычи сланцевого газа. Если бы не было этой, начавшейся в феврале сего года, гражданской войны в соседней с нами славянской стране, ее надо было бы придумать, поскольку украинский излом на руку гегемонистским планам Америки. Именно США спровоцировали (проплатили) противостояние на Майдане, приведшее к вооруженному свержению законного правительства. Стала ли лучше жизнь украинского народа, есть ли у него реальные перспективы рассчитывать, что станет однозначно, лучше, а не хуже? Украина просто в катастрофическом экономическом положении, поэтому продолжать это абсолютно бессмысленное противостояние с юго-востоком – просто самоубийство.

Проект «Южный поток» предусматривает значительные капиталовложения для Газпрома (расходы на проект оцениваются в 15,5 млрд евро, при этом часть расходов понесет Газпром). Этот международный инвестиционный проект является рискованным в случае, если его не удастся вывести из-под норм Третьего энергопакета ЕС. Напряженные отношения ЕС с Россией в связи с внутренней ситуацией на Украине не обнадёживают насчет такого исключения.

В странах Европейского Союза понимают, для чего строится «Южный поток» — чтобы обойти Украину, в которой давно уже нет стабильности, и вероятно, что в ближайшее время ее не будет, если страна вообще не распадется, а также чтобы нормально обеспечить транзит российского газа в Европу. Срывая или тормозя этот проект, страны ЕС выступают откровенно против своих интересов. Это лишний раз подтверждает, что за всем этим стоят США. Если вспомнить, что США были одним из главных спонсоров и инициаторов государственного переворота на Украине, то можно сделать вывод — им выгодно, чтобы сохранялась зона нестабильности между ЕС и Россией. Кстати, когда уже началось проектирование трубопровода, как гром среди ясного неба прогремело решение стран ЕС, Азербайджана, Грузии и Турции о начале строительства газопровода «Набукко»... Это и есть начало мировой газовой войны.

Азербайджан также стал одним из крупнейших производителей энергоресурсов. Он оказался в наиболее выгодном геополитическом положении, разделяя границы с двумя крупнейшими региональными державами. С точки зрения США, Азербайджан представляет стратегический интерес из-за своих энергоносителей. Он служит основным пунктом для транзита натовских военных в Афганистан.

Ситуация на Украине по-прежнему угрожает стабильности и надёжности российских поставок газа в Европу, что несет существенные риски для экспортного бизнеса Газпрома на ключевом рынке концерна. В этой ситуации реализация проекта «Южный поток» становится особенно необходимой. Но многое здесь будет зависеть от ЕС в целом и его наиболее вли-

58 См.: Яннака Смолл. Косвенная экспроприация и право на регулирование в международном инвестиционном праве // Boguslawskij M., Trunk A. (Hrsg). Правовое регулирование положений иностранных инвестиций в странах с переходной экономикой. На нем., англ., русск. языках. Osteuropaforschung. Schriftenreihe der Deutschen Gesellschaft für Osteuropakunde. Band 47. BWW. Berliner. Wissenschafts-Verlag. – С. 87–98.

ательных государств-участников. Вопрос заключается в том, а могут ли они хоть сколь-нибудь серьезно противодействовать политическому нажиму США, даже если это в ущерб общим интересам Евросоюза?

В последние годы наиболее отчетливо виден новый фактор локальных газовых войн в разных частях света, особенно в Евразии, которые выливаются в мировую газовую войну.

Толчком к мировой газовой войне послужила Сланцевая революция, связанная с так называемым эффектом сланцевого газа. Речь идет об альтернативном источнике природного энергоносителя, способном заменить собой привычный газ, на экспорте которого Россия строит и в большой степени подерживает свое финансовое благополучие.

Сланцевый газ — это такой же горючий материал, сформировавшийся из органических веществ в доисторические времена, но только он находится в природе в рассеянном состоянии. Эти пористые системы расположены в твердых осадочных породах, поэтому добыча газа из них обусловлена необходимостью бурить множество скважин, предпочтительно горизонтальных, для охвата максимального геологического пространства, применения метода гидравлических разрывов пластов для разрушения перегородок, отделяющих одну полость от другой. Сланцевый газ распространен на земном шаре практически повсеместно, хотя уровень концентрации его неодинаков. Геологи полагают, что на каждом квадратном километре земной суши в недрах находится от 0,2 до 3,2 млрд кубометров сланцевого газа. Общемировые запасы сланцевого газа оцениваются примерно в 200 трлн кубометров.

На сегодняшний день промышленная добыча сланцевого газа оказалась возможной только для Америки. Там имеются соответствующая техническая база в виде разнообразного и доступного по ценам бурового оборудования, стабильное либеральное законодательство, и, что особенно важно, большие просторы свободных земель. США кровно заинтересованы в обеспечении своей энергетической независимости и всячески поддерживают любые инвестиционные проекты в этом направлении.

За два года США успели пробурить почти полмиллиона скважин в 30 штатах и довели объем добычи сланцевого газа до 120—130 миллиардов кубометров. И планируют к 2015 г. добывать сланцевого газа до 180 млрд. Уже сейчас американские компании ставят вопрос об экспорте газовой продукции. США, скорее всего, будет увеличивать добычу сланцевого газа, доля которого в энергобалансе страны к 2030 г. дойдет до 50%. В росте производства сланцевого газа ключевую роль сыграли технологии разработки сланцевых месторождений. Сланцевая революция с технологической точки зрения стала возможной благодаря прорывам в трех важнейших направлениях — горизонтальном бурении, технологии гидравлического разрыва пластов, а также сборе сейсмической информации и ее компьютерном анализе.

Мультируются слухи о том, что в Польше, в Украине, да и вообще по всей Европе обнаружены немалые залежи сланцев. Призрак сланцевой революции витает над Европой.

Говорят, что и Китай к 2020 г. планирует развернуть добычу сланцевого газа и довести ее до уровня 60—100 млрд кубометров в год. В общем, надвигается мировая сланцевая революция, способная обострить мировую газовую войну. Не приходится сомневаться, что американские ТНК, поднатерев у себя в крупномасштабной добыче сланцевого газа, прорвутся за Атлантику в поисках новых территорий в Ойкумене.

Украина практически уже постелена под американскую сланцевую революцию. Осталось подавить олигарха Коломойского, по совместительству работающего губернатором Днепропетровской области и имеющего многотысячную личную хорошо вооруженную (в отличие правительственной) армию. Но, похоже, дни олигарха сочтены, как и у Б. Березовского в

свое время. Новый диктатор Украины не входит в американские планы. Кстати, «женевский сидельник» за свою нечеловеческую алчность и беспринципность официально подвергнут проклятию иудаистским высшим духовным руководством в Израиле.

Сланцевая революция и может стать дополнительным фактором, потенциально ведущим к снижению импорта газа из России. Это, а также развитие спотового рынка газа в Европе, увеличивают предложение нероссийского газа за счет конкуренции поставщиков. В условиях ухудшения отношений с Россией эта тенденция может быть усилена за счет специальных мер правительств стран ЕС по ускоренной диверсификации. Объемы добычи газа в США значительны, но в обозримой перспективе он не сможет полностью заместить 160 млрд кубометров российского газа, потребляемого за год в Европе. Хотя, с другой стороны, за пять-шесть лет сланцевая революция может привести к сокращению сегодняшнего уровня благополучия россиян от газового экспорта.

В России сланцевый газ выдается чуть ли не геополитическим оружием против традиционных экспортеров газа ими же, скорее, умышленно и выдается). Есть мнение, что использование опыта добычи сланцевого газа в России могло бы позволить серьезно модернизировать сырьевую отрасль. Задача архисложная, требует от наших доморощенных нефтяных и газовых магнатов жертвенности во имя благополучия нации. Но готовы ли отказаться хозяева естественных монополий от своего процветания? Кстати, за счет национального достояния, каковым являются полезные ископаемые естественного происхождения...

Причины межгосударственных противоречий на глобальном энергетическом рынке наглядно проявляются в разбросе цен на нефть и газ. Между прочим, нефть остается основным видом топлива в мире: в 2013 году на нее пришлось 32,9% общего потребления энергоресурсов

Вернемся к некоторым нюансам заключения беспрецедентного российско-китайского газового контракта. Китайские партнеры до середины прошлого года настаивали на том, что стоимость газа должна быть привязана к индексу американской спотовой биржи Henry Hub. Для «Газпрома» это было совершенно невыгодно, так как после «сланцевой революции» цена спотовых контрактов Henry Hub упала до 100 долларов за тысячу кубометров в 2012 г., а в 2014 хотя и поднялась до 160 долларов, но все равно находилась гораздо ниже приемлемой для российского монополиста планки. В странах Азиатско-Тихоокеанского региона цены на газ привязаны к индексу JCC (Japan Crude Cocktail), то есть к ценам на нефть. Азиатско-Тихоокеанский регион нефтью не слишком богат, средняя цена спотового контракта в АТР составляет сейчас около 600 долларов за тысячу кубов (в 2013 г. встречались контракты и с ценой до 800 долларов!).

В это время Пекин методично завоевывал нефтегазовые рынки Центральной Азии. Особенный интерес китайцы питали к Туркменистану, обладающему огромными запасами голубого топлива. В сентябре 2013 г. Си Цзиньпин и туркменский руководитель Гурбангулы Бердымухамедов торжественно запустили новые мощности на месторождении Галкыныш, которое считается вторым по величине (после иранского Парса) месторождением газа в мире. По различным оценкам, запасы природного газа Галкыныш составляют от 13 до 21 трлн кубометров. Сейчас туркменский газ поступает в Китай по двум ниткам газопровода «Узбекистан-Казахстан-Китай», функционирующем с 2009 г.

Во время визита Си Цзиньпина в Ашхабад была достигнута договоренность о запуске еще двух веток газопровода, что позволит к 2020 г. довести общий объем туркменского газа, поставляемого в КНР, до 65 млрд кубометров в год. Сравним этот показатель с 38 млрд, которые будет поставлять Китаю Россия. Пекин, сделав капитальные вложения в очень выгодные газовые контракты с Туркменистаном, ненавязчиво показал

Москве свои потенциальные возможности. В том числе в инвестиционных проектах с Мьянмой (бывшая Бирма), которые позволят обеспечить 6 % потребностей Китая в топливе (причем, что важно, бирманский газ пойдет в наиболее экономически развитые южные провинции страны). Нельзя упустить из виду и Иран, для которого продажа своего газа на восточные рынки – вопрос выживания. Впрочем, судьба ирано-пакистанского газопровода и интрига вокруг проекта ТАПИ – отдельная тема.

Классически по-восточному продуманная стратегия Пекина в отношении богатых газовыми месторождениями стран Центральной Азии значительно укрепила позиции КНР в переговорах с Россией. Примечательно, что цена, по которой поставляется в КНР туркменский газ, тоже официально не озвучивалась. По некоторым источникам, она не превышает 250 долларов за тысячу кубометров, что отчасти компенсируется дешевыми китайскими кредитами на развитие инфраструктуры. У Мьянмы Китай покупает газ по цене 400 долларов, но газопровод Мьянма-Китай гораздо короче центральноазиатского, стало быть, меньше и дополнительные инвестиции.

В общем, Пекин выбрал для подписания долгожданного договора между «Газпромом» и китайской компанией CNPC наиболее выгодный для себя момент. Москва вернула Крым, получив «в нагрузку» череду санкций и чуть ли не новую холодную войну с Западом. Судьба «Южного потока», на который Кремль возлагает большие надежды, становится все более непрогнозируемой...

В новом энергетическом союзе между Россией и Китаем многое говорит за то, что договор кажется экономически выгодным для обеих сторон. Россия сможет разрабатывать за счет взаимных инвестиций сибирские месторождения вблизи озера Байкал. После осуществления данного совместного инвестиционного проекта экспорт российского газа вырастет, по достоверным оценкам, на 25 %.

Развитие сотрудничества с Тихоокеанской Азией в перспективе до 2020 г. является ключевым направлением географической диверсификации российских внешнеэкономических отношений. Для восточных регионов страны необходимость усиления торговых связей с регионом среди прочего обусловлена структурой транспортных издержек, поскольку территории к востоку от Урала объективно тяготеют к Китаю и другим странам Тихоокеанской Азии.

К сдерживающим моментам для российского экспорта на Восток относятся развернутость экспортной инфраструктуры топливно-энергетического комплекса России в европейском направлении, а также усиливающаяся конкуренция с азиатскими странами в черной металлургии, производстве минеральных удобрений и других базовых отраслях промышленности. Нельзя забывать и о политических барьерах: в частности, нерешенность территориального вопроса в отношениях с технологическим лидером – Японией – препятствует прорыву в двусторонних отношениях.

У российских партнеров Китая есть серьезные проколы. Например, в конце 2004 г. China National Petroleum Corp. (CNPC) помогла «Роснефти» с финансированием приобретения «Юганскнефтегаза». Китайская компания внесла 6 млрд долл. в качестве предоплаты за поставку ей по железной дороге до конца 2010 года 48 млн т нефти. Это соответствовало 17,05 долл. за баррель и в то время считалось нормальным. Однако с последовавшим ростом мировых цен заключенный контракт оказался крайне неудачным.

Еще один энергетический проект, провалившийся А. Чубайсом, – увеличение продаж в Китай электроэнергии. Вопреки предостережениям в адрес РАО «ЕЭС» о том, что опасно делать упор на развитие экспорта электроэнергии в Китай и создание под это гигантских производственных мощностей, в

приграничных районах были построены мощные Бурейская и Зейская ГЭС. При этом должный объем внутреннего потребления не был обеспечен. Реализация этих наметок натолкнулась на несогласованность цен, ибо предлагавшийся обоими партнерами уровень цен сильно расходится, в чем каждая из сторон винит другую.

Новым, прежде мало ожидавшимся явлением последних лет, стало так называемое облагораживание экспорта в Россию, которого китайской стороне удалось добиться существенным увеличением поставок разнообразной машинотехнической продукции не только бытового, но и производственного назначения, в том числе легковых и грузовых автомобилей. Десять лет назад вряд ли можно было предположить, что Россия будет покупать в Китае легковые и грузовые автомобили и автобусы, производимые по иностранным технологиям, которые по ценам так успешно конкурируют с материнскими образцами, что российские покупатели готовы пренебречь их более низким качеством. Более того, китайские компании создают в России автосборочные предприятия.

Дорогой читатель, может, вместе обсудим, почему китайская экономика шагает вперед семимильными шагами?

Какую же роль играет при этом китайское законодательство и национально-правовые методы регулирования зарубежного инвестирования?

Третью статью на тему российско-китайского сотрудничества читайте в № 7 (74), 2014 ЕврАзЮж.

Пристатейный библиографический список

1. Алексеев С. С. Структура советского права. – М., 1975.
2. Бахин С. В. Инвестиционное право и инвестиционная политика // М. Boguslavsky, A. Trunk. Legal Issues of Foreign Investment in Transition Countries. – Osteuroforshund.2007.Band 47.
3. Бжезинский З. Геостратегия для Евразии // Независимая газета. – 1997. – 24 октября.
4. Богатырев А. Г. Инвестиционное право. – М., 1992.
5. Богатырев А. Г. О регулировании иностранных инвестиций в национальном и международном праве // Советское государство и право. – 1992. – № 1.
6. Богуславский М. М. Международное частное право. – М., Юрист, 2004.
7. Буткевич В. Г. Соотношение внутригосударственного и международного права. – Киев, 1981.
8. Вельяминов Г. М. Международное экономическое право и процесс. Академический курс. – М., Волтерс Клувер, 2004.
9. Галенская Л. Н. Международные отношения и право: взгляд в XX век // Материалы конференции в честь Заслуженного деятеля науки Российской Федерации, доктора юридических наук, профессора кафедры международного права юридического факультета Санкт-Петербургского государственного университета Людмилы Никифоровны Галенской / Под ред. профессора С. В. Бахина. – СПбГУ, 2009.
10. Давид Р., Жоффре-Спинози К. Основные правовые системы современности. – М.: Международные отношения, 1997.
11. Доронина Н. Г. Многосторонние международные договоры и российское законодательство об инвестициях // Журнал российского права. – 2002. – № 11.
12. Фархутдинов И. З. Иностраный инвестор: общие принципы доступа, определение статуса, момент приобретения статуса, предпосылки этого статуса // Правовые аспекты инвестиционных договоров: Сбор-

- ник статей / Под. ред. А. Алиева, А. Трунка. – М., Норма, 2012.
13. Карро Д. Международное экономическое право: Учебник / Д. Карро, П. Жюйар; пер. с франц. В. П. Серебренникова, В. М. Шумилова. – М.: Международные отношения, 2001.
  14. Косолапов Н. Формирование глобального мирового порядка и Россия // Мировая экономика и международные отношения. – 2004. – № 1.
  15. Лисица В. Н. Правовое регулирование инвестиционных отношений: теория, законодательство и практика применения. – Новосибирский гос. ун-т. Новосибирск, 2011.
  16. Лихачев В. Н. Об эффективности применения международно-правового принципа универсальности // Вопросы универсальности и эффективности международного права. Межвузовский сбор научных трудов. – Свердловск. 1981
  17. Лукашук И. И. Нормы международного права. – М.: Норма, 1998.
  18. Лукашук И. И. Глобализация, государство, право, XXI век. – М.: Спартак, 2002.
  19. Лукашук И. И. Мировой порядок XXI века // Международное публичное и частное право. – 2002. – № 1.
  20. Международное право / Отв. ред. Г. В. Игнатенко, О. И. Тиунов. – 3-е изд. – М.: Норма, 2006.
  21. Марочкин С. Ю. Вопросы эффективности норм международного права // СЕМП. – М., 1989.
  22. Мартенс Ф. Ф. Современное международное право цивилизованных народов. – СПб, 1898. – Т. 1.
  23. Миронов Н. В. Международное право: нормы и их юридическая сила. – М., 1980
  24. Мюллерсон Р. А. Соотношение международного и национального права. – М.: Наука, 1982.
  25. Поленина С. В., Гаврилов О. А., Колдаева Н. П., Лукьянова Е. Г., Скурко Е. В. Воздействие глобализации на правовую систему России // Государство и право. – 2004. – № 3.
  26. Перетерский И. С. Международное частное право / И. С. Перетерский, С. Б. Крылов. – М., 1959.
  27. Талалаев А. Н. Право международных договоров. Общие вопросы. – М., 1980.
  28. ункин Г. И. Основы современного международного права. – М., 1956.
  29. Фархутдинов И. З. Международная правосубъектность в XXI веке: проблемы и тенденции // Материалы конференции в честь Заслуженного деятеля науки Российской Федерации, доктора юридических наук, профессора кафедры международного права юридического факультета Санкт-Петербургского государственного университета Л. Н. Галенской / Под ред. С. В. Бахина. – СПбГУ, 2009.
  30. Фархутдинов И. З. Международное инвестиционное право и процесс. – М.: Проспект, 2010.
  31. Фархутдинов И. З. Иностранные инвестиции: вызов экономическому суверенитету // Московский журнал международного права. – 2008. – № 3.
  32. Фархутдинов И. З. Международно-правовые ориентиры зарубежного инвестирования // Право и экономика. – 2008. – № 5.
  33. Фархутдинов И. З. Экономический суверенитет государства в условиях глобализации // Право и безопасность. – 2008. – № 3.
  34. Фархутдинов И. З. Меры разумного государственного вмешательства в международный инвестиционный проект // Иностранные инвестиции и МЧП. – М.: ИЗСП, Норма, 2009.
  35. Фархутдинов И. З. Экономический суверенитет государства в условиях глобализации // Право и безопасность. – 2008. – № 3.
  36. Фельдман Д. И. Система международного права. – Казань, 1983.
  37. Хименес де Аречага Э. Современное международное право. – М., 1983.
  38. Шершеневич Г. Ф. Учебник русского гражданского права (по изданию 1907 г.).
  39. Хаусманн Р. Инвестиционные договоры с иностранными инвесторами // Правовые аспекты инвестиционных договоров. – М.: Норма, 2012.
  40. Яннака Смолл. Косвенная экспроприация и право на регулирование в международном инвестиционном праве // Mark Boguslawskij, Alexander Trunk (Hrsg). Правовое регулирование положения иностранных инвестиций в странах с переходной экономикой. На нем., англ., русск. языках. Osteuropaforschung. Schriftenreihe der Deutschen Gesellschaft fur Osteuropakunde. Band 47. BWW. Berliner. Wissenschafts-Verlag.
  41. Bell D. The Ends of American Exceptionalism // Public interest. – 1975.
  42. Denters E. Law and Policy of IMF Conditionality. – Kluwer Law International, 1996.
  43. Dunning J. H. Government and Multinational Enterprises. From Confrontation to Cooperation / Ed. by L. Eden, E. H. Potter. – London; Macmillan: N.Y., 1993.
  44. Guiguo Wang, Priscilla Leung. International Investment Law in the Globalized World // M. Boguslavsky, A. Trunk. Legal Issues of Foreign Investment in Transition Countries. Osteuroforshund, 2007. Band 47.
  45. Handyside v. United Kingdom // European Court of Human Rights Reports of Judgments and Decisions. – 1976. – Vol. 24.
  46. Farkhutdinov I. International Law and Russian Law concerning Nationalization of Foreign Investments // Mark Boguslawskij, Alexander Trunk (Hrsg). Правовое регулирование положения иностранных инвестиций в странах с переходной экономикой. На нем., англ., русск. языках. Osteuropaforschung. Schriftenreihe der Deutschen Gesellschaft fur Osteuropakunde. Band 47. BWW. Berliner. Wissenschafts-Verlag.
  47. Farkhutdinov I. Foreign Investor and Host State: Need for Balance Interests // Czech Yearbook of International Law. – 2011. – Volume 2.
  48. International Investment Agreements: Key Issues / U.N. Conference on Trade and Development. – N.Y.; Geneva, 2004.
  49. Poiss v. Austria // European Court of Human Rights Reports of Judgments and Decisions. – 1987. – Vol. 117.
  50. Matos e Silva, Lda v. Portugal // European Court of Human Rights Reports of Judgments and Decisions. – 1996. – Vol. 24.
  51. Seid S. H. Global Regulation of Foreign Direct Investment. – Aldershot, 2002.
  52. Shwarzenberger G. Foreign investments and international Law. – L., 1969.
  53. Sornarajah M. International Law of Foreign Investments. – Cambridge, 2002.
  54. Takings of Property / UNCTAD Series on Issues in International Investment Agreements. – N.Y.; Geneva, 2000.

Азанов Б. К.

РОЛЬ В. В. ПУТИНА И Н. А. НАЗАРБАЕВА В ЕВРАЗИЙСКОЙ ГЕОПОЛИТИКЕ (ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ)

В статье проводится научный политико-правовой анализ и обоснование роли главы российского государства и Республики Казахстан в евразийской геополитике. Исследуется евразийская геополитика в контексте образования Евразийского экономического союза государств. Определяется ведущая роль Союза в глобальной политической архитектуре. Автор кратко останавливается на формах государственного управления России и Казахстана как ведущего звена евразийской геополитики, приводит определение понятия «союзная территория».

Ключевые слова: евразийская геополитика, Союз, политическая архитектура, прогрессивные политико-экономические реформы, союзное объединение, зона особых международных связей, логика современных глобальных трансформаций, военный союз.

Azanov B. K.

THE ROLE OF V. V. PUTIN AND N. A. NAZARBAEV IN EURASIAN GEOPOLITICS (POLITICAL-LEGAL ANALYSIS)

The article performs a scientific political and legal analysis and justification of the role of head of the Russia's state and Kazakhstan in the Eurasian geopolitics. In the context of formation of the Eurasian Economic Union of the states Eurasian geopolitics is investigated. The leading role of the Union in the global political architecture is determined. The author briefly stops on the forms of government of Russia and Kazakhstan as the leading element of Eurasian geopolitics, provides a definition of «Union Territory».

Keywords: Eurasian geopolitics, Union, political architecture, progressive political and economic reforms, union association, area of special international relations, logic of modern global transformations, military union.

Азанов Б. К.

Введение

Роль казахского государства на евразийском и мировом пространстве обусловлена расположением страны в центре Евразийского континента, что означает ее вовлеченность в важные геополитические процессы, происходящие на международной арене в последние годы. Все это позволяет казахскому руководству строить эффективную систему внешней политики в условиях геополитических реалий. Имеющиеся природные ресурсы, огромный потенциал развития межконтинентальной транспортно-коммуникационной системы и другие факторы позволили казахскому государству уверенно войти в мировую систему геополитических координат и занять достойное место в мировом сообществе.

Казахская Республика признана мировым сообществом, а название страны и имя президента узнаваемы. Казахские власти благодаря прогрессивным политико-экономическим реформам и структурной либерализации заставили мировое сообщество посмотреть и принять страну в сообщество высококоразвитых государств.

Сейчас это центральноазиатское государство является полноправным членом цивилизационного международного сообщества и играет важную роль в развитии межгосударственных процессов как полноправный партнер крупных политических центров силы – США, ЕС, Китая, России, стран Восточной Европы, стран Юго-Восточной Азии и др.

Евразийская же геополитика, по мнению автора, означает зону особых международных связей и отношений на Евразийском континенте.

Ввиду образования Евразийского экономического союза (Союза, ЕАЭС) в этом геостратегическом регионе изменяется и роль Казахстана. Казахстан становится ядром целостности и нерушимости Евразийского союза государств. Без участия этой страны в евразийских интеграционных процессах нельзя говорить об успехе и развитии Союза.

В первую очередь, это должны осознать партнеры – среднеазиатские республики, в последнее время завидующие (и не скрывающие этого) успехам Казахстана. Через казахскую границу, которая является пропускным транзитным пунктом, граждане этих республик имеют доступ в Российскую Федерацию. Закрытие сухопутных и воздушных границ может парализовать и поставить под вопрос само существование республик (не говоря уже о невозможности участия этих республик в ЕАЭС.)

Сам Казахстан является центром притяжения трудовых мигрантов.

1. Теоретические основы вопроса

Собственно геополитика, как детерминация успешности политической деятельности географическими, историческими, этнографическими, экономическими факторами, как взаимосвязь политического и пространственно-социального, существует давно.

Термин состоит из двух частей: «гео» означает географическое в целом, то есть влияние географических факторов на политику субъекта международного права.

В конце XX – начале XXI в. корень «гео» приобрел и другой смысл. Теперь его все чаще трактуют как «планетарное», «глобальное» измерение политики, характеризую взаимоотношения супердержав или военных блоков (США и СССР, НАТО, Варшавского договора, а теперь Евразийского экономического союза), как «столкновение цивилизаций» (А. Тойнби, С. Хантингтон) или как изменение общей конфигурации мировой системы, например с биполярной на моно- или полицентрическую.

Вторая часть термина – «политика» – в данном контексте означает осуществление господства, завоевание власти, пространства и его освоение. В настоящих условиях геополитика претерпевает существенные изменения, теперь современные акторы геополитики не столько жаждут завоевать и освоить новые территории, сколько стремятся контролировать максимально возможные пространства, причем – и в этом

тоже состоит особенность современной геополитики — контролировать не территории в целом, а по большей части линии коммуникаций этих территорий и потоки (финансовые, хозяйственные, и т. д.), поддерживая тем самым наиболее благоприятные условия для собственного развития и процветания.

Сейчас обстановка вокруг Украины накалена до предела, здесь задействованы мировые игроки, от которых зависит геополитический климат всего мира — ЕС, США, а вместе с ними и военный блок НАТО, Российская Федерация уже в формате Союза ЕАЭС и военного союза ОДКБ. Любой неверный шаг Сторон приведет к эскалации ситуации и необратимым последствиям. Условия разрешения кризиса на Украине не устраивают ни одну из сторон. Отмечается критический характер конфликта, без ряда конструктивных предложений по разрешению которого мы можем оказаться недалеко от развязывания третьей мировой войны.

Россия и США как два равных по силе титана смотрят и оценивают шансы и возможности друг друга, но пока ни одна из сторон не решается на определенный шаг. Евразийский ученый, д.ю.н. И. З. Фархутдинов отмечает в своих научных изысканиях: «Новая мировая война по сути уже началась. И началась она в феврале текущего года, когда плацдармом глобальных, с точки зрения далекоидущих целей Запада, кровопролитных военных действий стала территория независимой (тогда) Украины. Речь идет о Мировой газовой войне, способной развязать настоящую Третью мировую войну уже не в далекой перспективе, войне, направленной на установление экономического господства США над всем миром»¹.

Евразийская геополитика начинает играть ведущую роль в мировой политической архитектуре. Образование Евразийского экономического союза (Союз, ЕАЭС) означает появление субрегиональной объединенной державы со своим голосом и взглядом на мировые процессы, которые будут обязательно учтены международным сообществом.

Союз на сегодняшний день является наиболее масштабным постсоветским геоэкономическим и геополитическим объединением, нацеленным на консолидацию имеющегося социально-экономического, научно-технологического и культурно-образовательного потенциала восстановивших свою независимость бывших союзных государств. Одновременно с этим Союз призван дать адекватный ответ современным глобальным вызовам и угрозам.

2. Методологическое и практическое обоснование

Создание Союза органично вписывается в общую логику современных глобальных трансформаций. Создание Евразийского союза означает новое качество постсоветской интеграции, которая из бессодержательных декларативных документов превращается в понятный, привлекательный для граждан и бизнеса устойчивый и долгосрочный проект, не зависящий от перепадов текущей политической и любой иной конъюнктуры. По нашим политико-правовым прогнозам, создание ЕАЭС позволит трем государствам войти в число лидеров глобального роста и цивилизационного прогресса, добиться успехов и процветания. Сложение воедино природных ресурсов, капиталов, развитого человеческого ресурса позволит Союзу быть конкурентоспособным в индустриальной и технологической гонке, в создании новых рабочих мест и передовых производств, иметь

собственное «Я» в сообществе региональных интеграционных структур, таких как Европейский союз, Соединенные Штаты, Китай, страны арабского мира, обеспечивать устойчивость и равновесие в мировой арене. Наряду с экономическим и политическим значением есть и культурно-цивилизационная составляющая, выступающая в роли идейного фундамента, что означает на практике качественно новое содержание евразийской геополитики применительно к объективной реальности полиполярного мира.

Одним из главных авторов идеи создания Союза по праву считается президент Казахстана Нурсултан Абишевич Назарбаев, выдвинувший идею «евразийской интеграции» еще в 1994 г. и ставший активным участником практически всех интеграционных инициатив в постсоветском пространстве².

Главным актором евразийской объединительной идеи, воплотившим ее в жизнь, является глава российского государства Владимир Владимирович Путин.

Этот серьезный шаг Владимир Владимирович сделал еще во время своего первого президентского срока. С приходом к руководству страны В. В. Путин начал восстанавливать и укреплять сильно ослабленную центральную федеральную власть. Российская Федерация была на грани распада по национально-территориальному признаку.

В 1991 г. начались большие перемены в государственно-национальном устройстве РФ, сопровождавшиеся принятием новых республиканских конституций, выявивших тенденцию к изменению своего статуса: большая часть республик, имевших статус АССР, объявила о своем суверенитете в составе РФ (понятие суверенитета подразумевает независимость государства не только во внутренней, но и во внешней политике; в данном случае понятие суверенитета имеет «усеченную» форму). Самоопределение в рамках одного государственного образования — возможная форма национально-территориального устройства, обеспечивающая народам оптимальные варианты национального развития, федеральный центр был вынужден частично признать суверенитет национальных республик.

Субъекты федерации требовали равноправия и большей самостоятельности. Вносились предложения о создании конфедерации взамен федерации. Обострились межнациональные отношения в некоторых регионах.

Первым серьезным шагом на пути сохранения единства России стал Федеративный договор, включивший в себя три близких по содержанию договора о разграничении полномочий между федеральными органами государственной власти и органами субъектов Федерации всех типов (республик, краев, областей, автономных областей и округов, городов Москвы и Санкт-Петербурга). Работа над этим договором началась еще в 1990 г., но шла очень медленно. Тем не менее в 1992 г. был подписан Федеральный договор между субъектами Федерации (89 субъектов). С некоторыми субъектами позднее были подписаны договоры на особых условиях, расширяющих их права.

Советник по межнациональным отношениям Г. В. Старовойтова считала, что «полные суверенитеты всех народов бывшего СССР — неизбежный этап становления государства, а в перспективе РФ превратится в одну из форм конфедерации (объединение государств при их полной политической и юридической самостоятельности, отсутствии центральной власти, общего законодательства)».

1 Фархутдинов И. З. Россия и Китай: инвестиционное сотрудничество в контексте международного права (опыт для евразийской интеграции) // Евразийский юридический журнал. — 2014. — № 5 (72). — С. 14.

2 Азанов Б.К. Казахский президент как основатель неоевразийства // Евразийский юридический журнал. — 2014. — № 3 (70). — С. 30.

В. В. Путин героически останавливает процесс распада, скрепляет распадающуюся страну, единство территории укрепляется.

Созданные по инициативе президента РФ федеральные округа стали инструментом сдерживания любого намека на полное национальное самоопределение республик.

В. В. Путин сумел определить статус русского этноса в рамках федеративной государственности. Это крайне сложно в условиях бурно развивающихся событий, когда все представители национально-территориальных образований имеют полное юридическое и фактическое право называться титульными (коренными) этносами Российской Федерации.

Уникальность модели управления государством, созданной Владимиром Владимировичем, заключается в нахождении компромисса и регулировании отношений между многочисленной русской нацией и народами, населяющими национальные республики. С другой стороны, Евразийский союз необходим России для сохранения и развития федеративной государственности.

Новое объединение сводит к минимуму возможности самоопределения региональных национальных элит с целью получения полной независимости национальных образований от центральной федеральной власти и предотвращает возможные сепаратистские настроения.

Однако грамотно-взвешенной политике президента мешают отдельные явления, которые могут развернуть на 180 градусов существующую стабильность. Причиной может быть, в первую очередь, широкое распространение отдельными политическими и общественными группами националистических и шовинистических взглядов и настроений. Эти взгляды пропагандируют СМИ на государственных и частных каналах. В таких условиях выходцы из национальных субъектов федерации чувствуют себя неудобно, неловко, а где-то и ущемленно. Негативное отношение и нетерпимость определенной части населения к выходцам из национальных субъектов РФ и приезжим из Узбекистана, Киргизии и Таджикистана дает повод национальным автономным республикам к сепаратистским размышлениям и действиям, что нежелательно, хотя у государства есть все ресурсы для сохранения стабильности федеральной власти. Важно сохранять межнациональный мир и пресекать любые разрушительные действия, учитывая, что Россия является многонациональным многоконфессиональным федеративным государством по своей структуре и государственному устройству.

С другой стороны, чрезмерная толерантность приводит к игнорированию национального большинства, государственного языка, культуры и т. д., как это происходит в Казахской Республике. Невозможно совмещение двух форм государственного управления: унитарно-национального и федеративно-полинационального, ибо они не могут вместе сосуществовать (две формы внутренней политики будут достаточно сильно конфликтовать юридически и социально, если их применять вместе).

Тонко взвешенная и порой жесткая политика Владимира Владимировича представляет собой уникальный эксперимент не только на просторах Содружества, но и в мире. Многим государствам не хватает такого национального лидера, в результате чего в национальных государствах титульная нация вынуждена прислушиваться к мнению национальных диаспор – эмигрантов по воле сильной лояльности руководителей.

В. В. Путин войдет в российскую историю как человек, остановивший неминуемый распад России и преодолевший очередную российскую смуту в конце 90-х и начале двухтысячных годов. Прежде всего, он восстановил суверенитет, полный

контроль государства над территориями, затем над крупными частными монополиями, общефедеральными СМИ, политической системой в целом.

Всякий раз приходишь к выводу, что В. В. Путин действительно является носителем и защитником государственного суверенитета: после решения проблем с дезинтеграционными явлениями он расширил историческое поле действий Российского государства, восстановил его могущество и свободу.

Чтобы решить острые вопросы, глава российского государства вынужден прибегнуть к определенным мерам, чтобы обеспечить спокойствие и стабильность в России.

Новая смута России не нужна. Национальные территориальные образования признают Владимира Владимировича, как сильного и нужного руководителя в сложившихся условиях. Поведение некоторых лиц выходит за рамки приличия, отдельные лица могут спровоцировать межнациональный конфликт, в общем российском доме.

В. В. Путин, Президент РФ: *«Ситуация на Северном Кавказе должна быть под постоянным контролем МВД. Стабильность в регионе дается непросто, но много пути нет, нужно поставить надежный заслон на пути экстремистов, которые пытаются дестабилизировать обстановку и расколоть общество»; «Ваша обязанность – без промедления пресекать проявления религиозной вражды, ксенофобии и национализма, жестко действовать против так называемых этнических и преступных группировок, которые зачастую связаны с террором и с организаторами нелегальной миграции»³. «В регионе необходимо проводить более взвешенную, целенаправленную и эффективную миграционную политику. И люди должны уважать обычаи и культуру тех мест, куда они приезжают на постоянное место жительства»⁴, «Будущее России зависит от консолидации представителей различных национальностей и вероисповеданий, что приезжие должны уважать традиции местных жителей». «Кавказ – это все-таки особый регион России. Однако у нас много общего: у нас одна общая Родина, одно Отечество – Россия! Это то, что нас объединяет. У нас общие корни, у нас общее будущее, что еще важнее»; «Мы через Кавказ подтверждаем и отстаиваем, в том числе, значительную часть наших геополитических интересов в этом регионе мира. Для нас это очень важно – для России очень важно, для ее сегодняшнего дня и для будущего страны», «Вот смотрите, в некоторых европейских странах возникают проблемы, скажем, с женщинами, которые хотят носить чадру. Мне может быть, лучше на эту тему не говорить, потому что можно тут же попасть под какую-то критику, но, тем не менее, я скажу. Конечно, людям нужно позволять жить так, как они хотят, но, если они попадают в другую культурную среду, они все-таки должны с уважением относиться к народу, среди которого решили жить. И, если этим народом, такое поведение воспринимается как религиозно-культурная агрессия, вызывает отторжение, то нужно к этому относиться с пониманием и не навязывать свои порядки», «Я вполне допускаю, что есть люди совсем радикальных взглядов, но тогда поезжайте и живите там, где эти радикальные взгляды являются нормой»⁵.*

20 декабря 2011 года на совещании по развитию СКФО в Гудермесе В. В. Путин, в должности главы правительства, сделал ряд важных заявлений. В ходе прямой линии были пред-

3 Путин В.В. Стабильность на Северном Кавказе дается непросто [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.rg.ru/2013/11/10/reg-skfo/stabilnost-anons.html>

4 Путин о кавказском вопросе [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://kavpolit.com/putin-o-kavkazskom-voprose/>

5 Путин на Кавказе: Приезжие должны уважать традиции местных жителей [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://maxpark.com/community/1190/content/781591>

ложения ограничить «чрезмерное» финансирование Кавказа: «Давайте задумаемся, что это значит. Это значит, что не нужно вкладывать деньги в развитие республик, в создание новых рабочих мест? Но тогда молодые люди с Северного Кавказа будут еще в большем количестве переезжать в другие, прежде всего, крупные города, со всеми проблемами, которые это рождает»; «Что делать тогда? Гнать их? Но куда им деваться? Они будут пополнять бандформирования»; «Звучат и дикие предложения – отделить Кавказ от России». «Если это произойдет, тут же, в эту же секунду, даже не час, а секунду, найдутся те, кто захотят сделать то же самое с другими территориальными образованиями России»; «Это будет трагедия, которая затронет каждого без исключения гражданина нашей страны»⁶.

Российское информационное агентство «Rupolitica.ru» пишет: «Ряд российских губернаторов подняли вопрос о случаях неадекватного поведения некоторых диаспор кавказских народов на территории России на заседании Национального антитеррористического комитета России, состоявшегося незадолго до драки в лагере "Дон" в Краснодарском крае, сообщает газета "Аргументы недели". Главы регионов высказали мнение, что руководство страны должно подойти к этой проблеме самым серьезным образом. Губернаторы ждут от Кремля принятия адекватных решений.

Губернатор Ставропольского края Валерий Гаевский в ходе заседания НАК проинформировал о случаях некорректного поведения некоторых представителей народов Кавказа на территориях ряда регионов России, в том числе и в Ставрополье.

По словам губернатора, это вызывает отторжение у коренного населения. Например, в Ставрополе и других городах края может быть перекрыто движение транспорта на улицах группами по 100 и более человек. В этих местах проводятся религиозные обряды и танцы, отметил глава региона. Выступление Гаевского получило поддержку руководителя Чувашии Николая Федорова. По его словам, у него в республике аналогичные проблемы: недавно приехавшие перекрывают улицы для своих праздников, задирают прохожих, стреляют в воздух из огнестрельного оружия. Федоров добавил, что приезжие хулиганы отщепляются за эту стрельбу и за хранение, как правило, незарегистрированного оружия лишь штрафами. Слова Федорова вызвали реакцию и у других губернаторов регионов, присутствующих на заседании НАК. Однако руководство НАК предпочло замаять тему, поднятую ставропольским губернатором. После заседания в кулуарах главы регионов отметили, что руководители региональных УВД и УФСБ, а также прокурорские работники им в этом вопросе почти не помогают. Между тем, по мнению губернаторов, президент Дмитрий Медведев и премьер Владимир Путин должны обратить внимание на неадекватное поведение выходцев из кавказских республик. Между тем, после погрома в лагере "Дон" аппарат полпреда СКФО Александра Хлопонина выдал главам регионов на Северном Кавказе рекомендации разработать правила поведения для молодежи за пределами своих республик. Однако инициатива президентского наместника не встретила поддержки в кавказских республиках»⁷.

В. В. Путин стал не только национальным лидером, но и поистине национальным героем. Вторая задача, к которой приступил президент России, — восстановление былой мощи пространства, некогда называвшегося Советским Союзом. Во главе с В. В. Путиным начали реализовываться ностальгиче-

ские желания (воспоминания) миллионов россиян и узкой части граждан Содружества. Это то, к чему мы сейчас пришли, – Таможенный союз, Единое экономическое пространство и, наконец, Евразийский экономический союз.

С первых же дней своего руководства он поставил в приоритет отношения со странами Содружества Независимых Государств. Часть постсоветских республик поддержали инициативу российского президента, а часть ушли в «небытие», играя в политические игры с РФ, США и ЕС. Пока ни к чему хорошему это не привело. Улыбаясь всем подряд, человек рискует показаться «ненормальным», а улыбаясь верному другу и соратнику, он может заручиться его поддержкой. Сказанное не идет вразрез с «многовекторностью» государственной политики того или иного государства.

Договор о Таможенном союзе от 1995 г. и Договор о Едином экономическом пространстве от 1999 г., пылились в кабинетах руководителей государств как ненужная бумажная макулатура, пока к власти не пришел В. В. Путин и не дал новую жизнь этим документам. 19 сентября 2003 г. в Ялте президенты России, Беларуси, Казахстана и Украины подписали Соглашение о формировании Единого экономического пространства (ЕЭП), уже без участия киргизских и таджикских коллег. В последующие годы Украина вышла из процесса формирования ЕЭП.

Вслед за этим при поддержке казахского руководителя в промежутке 2001–2007 гг. было образовано Евразийское экономическое сообщество – организация, ставшая ядром ныне действующих Таможенного союза и Единого экономического пространства. Эти соглашения были подписаны в столице Казахстана г. Астане.

Вернемся к другой значимой политической фигуре в глобальном международном сообществе, главному идеологу и последователю Союза ЕАЭС президенту Казахстана Нурсултану Абишевичу Назарбаеву, ставшему, без преувеличения, отцом и лидером казахской нации (так утверждает народ и власть), а где-то и почетным лидером (аксакалом) всего тюркского мира, по определению турецких властей.

В своей стране Н. А. Назарбаев создал особую межнациональную модель отношений, которая приветствуется мировыми лидерами. В национальном унитарном государстве (считаемся таким согласно международному праву и правоопределению) созданы все условия по развитию культур, языков, обычаев всех национальных диаспор, которые имеют за пределами Казахстана свои национальные государства. Конечно, с другой стороны, это зависит от уровня толерантности национального большинства Казахстана. Несколько раз в год устраиваются праздники, концерты, мирные шествия при участии национальных культурных центров. Казахским государством осуществляется полное финансирование культурных центров диаспор, школ, выделяются колоссальные средства на развитие языков диаспор, притом, что государственным языком является один язык.

Так, К. Г. Шерьязданова по этому поводу отмечает: «Казахстан имеет собственную модель межнационального согласия и опыт культурно-цивилизационного диалога, в создании которой ключевую роль сыграл президент Н. Назарбаев. Эта самобытная модель признана и высоко оценена ведущими международными организациями, включая ООН и ОБСЕ. Казахстан состоялся одновременно как национальное государство, создав консолидированную нацию и единое политическое пространство. Это позволило молодому государству избежать "культурно-цивилизационных" и этноконфессиональных "разломов", осложнивших политическое

6 Протоиерей Андрей Кураев: Слова Путина о Кавказе – за гранью политики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.city-n.ru/view/294599.html>

7 Глав регионов беспокоит поведение выходцев с Северного Кавказа [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://rupolitika.ru/rusvopros/glav-regionov-besпокоit-povedenie-vyihodtsev-severnogo-kavkaza/>

развитие и становление многих стран центрально-азиатского региона»⁸.

Все это, конечно, хорошо, но с юридической точки зрения эти процессы имеют свои недостатки и последствия. С развитием языков, культур национальных диаспор в условиях национальной унитарной государственности стране грозит дезинтеграция, появление реальных предпосылок к самоопределению, а значит и самоосознанию диаспор, что ведет к разрушению национальной государственности и федерализации. А это недопустимо, поскольку вся территория Казахстана исторически принадлежит государствообразующей казахской нации (сам Н. А. Назарбаев не раз заявлял об этом, в своих выступлениях часть из них приводится ниже), являющейся частью и продолжателем тюркской цивилизации, что не требует дополнительных обоснований и подтверждений. Унитарное устройство государства защищено нормами национального и международного права, их нарушение жестко пресекается соответствующими органами государственной власти.

Как проявляется самоопределение?

Во время всех государственных мероприятий и не только представители диаспоры одеваются в свою национальную одежду, держат в руках флаги своей исторической родины, носят футболки с элементами и названием исторической родины, при всём при этом все они являются гражданами Казахстана. Даже этнические россияне, имеющие особый статус и наибольшую численность после казахской нации сильно не выделяется в обществе Казахстана.

В свете этого известный общественный деятель Асылы Османкызы (по происхождению азербайджанка) сказала: «Почему в Казахстане должен развиваться азербайджанский язык, когда есть для этого Республика Азербайджан?».

Это не означает, что необходимо запретить проявлять свои национальные особенности, и не является ущемлением прав человека.

Трудно воспитать чувства гражданского национального патриотизма, когда каждая диаспора стремится выделяться своей национальной культурой и языком.

Это противоречит общей теории права, нормам и принципам международного права.

Примечательно, что народами России признаются народы, имеющие свои национальные территории. Например, грузины, армяне, белорусы, азербайджанцы и др. не могут быть признаны народами РФ, а татары, чеченцы, ингушы, казахи, башкиры и др. признаются, поскольку в составе российского государства имеют свои автономные республики, края, культурную автономию и др.

Если подойти к вопросу тонко, взвешенно и юридически грамотно, то национально-культурные центры должны открываться не по инициативе того или иного государства, а по желанию граждан (а также посольствами и другими заинтересованными иностранными дипломатическими миссиями), носящих подданство другого государства и временно проживающих или работающих в том государстве, где они не имеют пока гражданства, с целью сохранения своей этнической самобытности и при полном содержании иностранным государством. К примеру, приехали граждане Азербайджана, Грузии, Украины, Узбекистана, Беларуси и т. д. в Россию или Казахстан на определенное время. Им можно создать юридические условия по открытию культурных центров, финансируемых за счет

иностранного государства, но на каком правовом основании российские и казахские власти должны открывать культурные центры и развивать их языки азербайджанцам, украинцам, белорусам, грузинам и узбекам, которые носят российское или казахское гражданство? В случае возражения они могут отказаться от казахского и российского гражданства и этнически развиваться на своих исторических родинах. Неурегулированность этого вопроса может привести к гражданско-правовым и социальным последствиям. Тем более это крайне опасно в унитарных государствах.

В демократически развитых государствах, таких как Франция, Германия и др., приоритет отдается только государственному языку и титульной нации. По их представлениям, права человека и право гражданина неотделимы. Во французской конституции отмечается, что национальный государственный суверенитет принадлежит французской нации. Власти этих стран открыто заявляют приезжим эмигрантам: «Если Вы хотите иметь такие права, как у коренного француза или немца, Вы должны разговаривать на государственном языке и развивать французскую или немецкую культуру».

Слова автора подтверждает д.ю.н. В. Л. Толстых, который пишет: «Европейский суд по правам человека затрагивал вопросы языка, используя метод "защиты рикошетом". Языковая свобода, как таковая, не регулируется Конвенцией: Конвенция не гарантирует право на использование определенного языка в отношениях с публичными властями или право на получение информации на языке по выбору. Соответственно, при условии, что права, защищаемые Конвенцией, соблюдаются, каждое государство вправе свободно регулировать использование своего официального языка в официальных документах; принимая национальный язык, государство обязуется гарантировать своим гражданам право на использование этого языка для передачи и получения информации, не только в их частной жизни, но также в их отношениях с публичными властями. В этой перспективе и должны рассматриваться меры, направленные на защиту определенного языка. Иными словами, существование определенных субъективных прав носителей официального языка вытекает из самого понятия официального языка. Соответственно, в большинстве случаев можно утверждать, что меры, направленные на защиту национального языка, защищают «права и свободы других лиц» по смыслу п. 2 ст. 8 Конвенции. Полноценным договором, гарантирующим право на использование своего языка, является Европейская хартия о региональных языках 1992 г., ссылающаяся на «принципы, зафиксированные в Международном пакте о гражданских и политических правах». Многие страны отказались от ее ратификации (прежде всего, Франция и Италия). В Решении от 15 июня 1999 г. Конституционный совет Франции рассмотрел вопрос о необходимости изменения Конституции перед ратификацией Хартии.

Совет отметил, что использование французского является обязательным для всех субъектов, а частные лица не могут ссылаться на право использовать другой язык в отношениях с властями и публичными службами. Совет счел, что Хартия, предоставляя особые права группам, пользующимся региональными языками или языками меньшинств, посягает на конституционные принципы неделимости (*indivisibilite*) Республики, равенства перед законом и целостности (*unicite*) французского народа. Данные положения также были сочтены противоречащими статье 2 Конституции («Язык Республики — французский»), поскольку они признают право использовать иной язык, помимо французского, не только в частной, но и в общественной жизни»⁹.

8 Шерязданова К. Г. Развитие евразийской идеи в современном геополитическом измерении [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://credonew.ru/content/view/1084/65/>

9 Толстых В. Л. Естественно-правовые и международно-правовые основы языковой политики // Сайт «Евразийского юриди-

Человек, получающий или претендующий на гражданство того или иного государства, должен себе представлять, что он будет частью нового национального общества, что в его обязательства входит говорить на государственном языке той страны и развивать его. Иначе нет смысла принимать гражданство другого государства и жить необходимо на своей исторической родине.

Как можно просить или требовать развивать грузинский, украинский, белорусский языки, являясь гражданином РФ и ссылаясь на многонациональную государственную структуру России? Это касается и Казахстана, ибо по такому принципу можно защитить и укрепить национально-государственный суверенитет. На развитие своих языков имеют право только национальные субъекты России.

В. Л. Толстых далее отмечает: «Официальное признание за правом на использование своего языка статуса естественного права индивида и статуса одного из аспектов права наций на самоопределение стало бы мощным стимулом для развития национального самосознания и его реализации в политических формах. В одних государствах этот фактор создал бы серьезную угрозу территориальной целостности, в других — формированию политического консенсуса. Наиболее уязвимыми оказались бы государства со смешанным населением и государства, активно привлекающие мигрантов. Перенесение вопроса о языке в юридическую плоскость означало бы официальное признание того, что язык является неотъемлемым атрибутом существования индивида, нации и цивилизации»¹⁰.

Также он подчеркивает: «Вопрос о статусе языка связан с вопросом о политическом будущем государства. Хорошим примером является проблема статуса русского языка в постсоветских странах. Признание за русским языком статуса второго государственного языка неизбежно вызовет ряд последствий. Во-первых, произойдет консолидация русскоязычного населения страны, развитие его коллективного самосознания, усиление его элит. Если данный фактор будет достаточно сильным и ему не будет сопутствовать изменение политических форм, — политическое общение прервется, что, в свою очередь, может спровоцировать установление диктатуры, гражданскую войну или сецессию. Во-вторых, произойдет сужение ареала других языков, вытеснение их из сферы образования, политики, экономики и т. д. Следствием этого станет частичный или полный демонтаж местных политических моделей, сконструированных с использованием другого языка, будут созданы благоприятные условия для воплощения исторического опыта, отраженного в русском языке, в политическую реальность. Поскольку данный опыт является результатом совместной исторической жизни разных этносов, возврат к русскому языку в большинстве случаев станет фактором, не угнетающим, но усиливающим действие народного духа в каждом из них».

И действительно, подтверждаются его слова о том, что «признание за русским языком статуса второго государственного языка неизбежно вызовет ряд последствий. Во-первых, произойдет консолидация русскоязычного населения страны, развитие его коллективного самосознания, усиление его элит»¹¹.

Сейчас в Казахстане нет юридических и социальных проблем русского языка, этнические россияне консолидированы, развито национальное самосознание русских людей, соответственно сильна и элита.

Единственным постсоветским государством, которое придало официальный статус русскому языку, стала Казахская Республика. В казахской конституции очень тонко сформулировано: «*Статья 7. В Республике Казахстан государственным является казахский язык. В государственных организациях и органах местного самоуправления наравне с казахским официально употребляется русский язык*»¹².

Русский язык, по сути, является вторым государственным языком. Русский язык используется во всех государственных и частных учреждениях. Официальные документы приводятся на казахском и русском языках (паспорт, государственный диплом, медицинские документы и т. д.). Большая часть казахских СМИ русскоязычна.

В Республике Беларусь, где русский язык признан вторым государственным, равное применение с белорусским не отмечается. Элементарный пример: вся информация на указателях и билбордах дается только на белорусском языке. Фирменные бланки, печати в учреждениях Беларуси прилагаются исключительно на белорусском языке.

В руководстве страной президенту Казахстана приходится маневрировать между казахской нацией и диаспорами, чтобы быть правильно понятым обеими сторонами. Это позволило обеспечить стабильность, взаимопонимание и инновационное развитие страны. Н. А. Назарбаев, президент Казахстана: «Особая ответственность за реализацию Нового стратегического курса Казахстан-2050 лежит, прежде всего, на казахах»; Мы не должны забывать, что адекватный ответ вызовам времени мы сможем дать только при условии сохранения нашего культурного кода: языка, духовности, традиций, ценностей. Скажу на понятном, особенно для молодежи, языке. Когда случается сбой в компьютерной программе? Тогда, когда нарушается программный код. Так и в жизни. Если нация теряет свой культурный код, то разрушается и сама нация. Этого нельзя допустить!», «наша достойная история, память наших славных предков помогут нам преодолеть трудности грядущего времени»¹³.

«Уникальный опыт толерантности и бесконфликтного развития такой многоконфессиональной и полиэтнической страны, как наша, носит не пропагандистский, а вполне прикладной характер», «Языковые вопросы надо решать в обстановке общественного спокойствия», «Терпимость в межнациональных отношениях при нищете и бедности не появляется, на фоне пристального внимания к политике толерантности и равноправия нации, на заре независимости, как стояла и проблема реализации права казахов как государствообразующей нации, мало кто обратил внимание на то, что за 15 лет казахи стали подлинно урбанизированной нацией не только по статистике, но по существу», «Уровень национального статуса и национальной самооценки казахов стал соответствовать статусу государствообразующей нации», «Я поручаю правительству в течение месяца подготовить предложения по серьезному материальному стимулированию государственных служащих неказахской национальности, владеющих государственным языком», «Я обязан это сказать как глава государства, как председатель ассамблеи: без

ческого журнала» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.eurasialaw.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=6075:2014-05-23-11-06-31&catid=109:2010-06-17-09-48-32&Itemid=748

10 Там же.

11 Толстых В. Л. Естественно-правовые и международно-правовые основы языковой политики // Сайт «Евразийского юридического журнала» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: [http://www.eurasialaw.ru/index.php?option=com_content&view=](http://www.eurasialaw.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=6075:2014-05-23-11-06-31&catid=109:2010-06-17-09-48-32&Itemid=748)

[article&id=6075:2014-05-23-11-06-31&catid=109:2010-06-17-09-48-32&Itemid=748](http://www.eurasialaw.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=6075:2014-05-23-11-06-31&catid=109:2010-06-17-09-48-32&Itemid=748)

12 Официальный сайт президента Казахстана [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://www.akorda.kz/ru/category/konstituciya>

13 Назарбаев возложил на казахов особую ответственность [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://boursak.info/?p=48255>

знания государственного языка работать в государственных органах, сфере услуг, правоохранительных органах или судебной сфере будет невозможно. На вопросы на государственном языке придется давать ответы на том же языке. Есть время, есть возможности, есть поддержка государства - язык нужно учить для того, чтобы на необходимом уровне осуществлять свои функции. Это абсолютно нормальное и цивилизованное условие», «При этом русский язык не будет задвинут на второй план, ибо «массовое владение одним из международных языков, каким является русский, миллионами казахов есть фактор, расширяющий информационные горизонты в современном мире», «Свободно владея русским языком, мы выстроили отличные отношения с нашим великим соседом. И вообще, по большому счету, успехов мы достигли именно благодаря нашей толерантности, умению ладить с людьми всех национальностей», «Если же говорить об английском, то, наверно, даже излишне напоминать о его роли неофициально установленного мирового языка, владение которым повышает конкурентоспособность нации. Он выводит ее на мировую арену. Значит, обучение ему детей — требование времени. Разве не давали, заметил Президент, наказ наши предки: «Знай язык семи народов»¹⁴?) «Люди неказахской национальности не виноваты, что изучение казахского языка велось не на должном уровне. А вот что касается казахов, особенно молодежи, то им претензии предъявлять надо. Знание родного языка — обязанность, сыновний, человеческий долг, есть казахский народ — будет процветать и казахский язык. Здесь нельзя допускать опрометчивых действий. Каждый шаг необходимо соотносить с интересами, касающимися укрепления независимости нашей страны». «Общество с пониманием восприняло изменение названия АНК, которая стала именоваться Ассамблеей не народов, а народа Казахстана. При этом речь идет не о подмене понятия «казахская нация», а о формировании казахстанского мироощущения. И на этом пути на казахов, как государствообразующую нацию, возложена особая историческая миссия: посредством своих духовных ценностей укрепить целостность народа республики. В самом слове «Казахстан» содержится четкий смысл — это государство, созданное на основе казахской нации. Казахстан — независимая страна, в которой проживают девять миллионов казахов и шесть миллионов представителей других национальностей. И мы должны быть едины, подчеркнул Нурсултан Назарбаев. Термин «казахстанская нация» нужно понимать не в этническом, а гражданском контексте. Речь идет об единой гражданской общности в стране. Важно постоянно помнить о необходимости национальной модернизации... Да, казахи испытали на себе трудные и смутные времена. Но они закалили народ. Да, казахи едва не потеряли свои традиции, свой язык. Но все же, стремясь к знаниям, развитию искусства, достигли больших высот. Как говорится, не было бы счастья, да несчастье помогло. Вот здесь и должны проявиться национальное достоинство, а также энергия всех граждан республики, независимо от национальности»¹⁵ «Здесь у всех нас есть единое понимание. Его можно выразить одним понятием — это безопасность внутри страны. А от этого зависит внешняя безопасность. Главное — это поступательное развитие страны, а отсюда — благополучие всех нас обращаясь на государственном языке ко «всем братьям-казахам». (перевод Kazakhstan Today): «Мы, казахи, через многие века на своей родной земле почувствовали свободу и воспряли духом. Развивается и растет казахский язык, наши дети воспитываются на своем родном языке. Мы трудимся, не покладая

рук, на пути процветания вместе со всеми представителями разных этносов, волею судьбы получивших приют и защиту на казахской земле. Они бесконечно благодарны нам за покровительство в трудные моменты, в годы испытаний. Сменилась эпоха, и изменились времена. Сейчас на исконно казахской земле формируется новое гражданское общество. В XXI веке казахи, как государствообразующая нация, поднялись на новые рубежи и превратились в надежный опору, прочную сердцевину народа Казахстана. Я надеюсь, что казахский народ, чувствуя эту чрезвычайно важную ответственность, с честью выполнит эту историческую миссию». «Доктрина национального единства должна конкретизировать, что мы понимаем под национальным единством»; «Это значит быть сообществом сплоченных этнических, религиозных и других социокультурных групп, живущих в нашей стране. Третий вопрос, на который должна отвечать доктрина: Что является основой национального единства? Единство народа Казахстана держится на трех главных столпах. Во-первых, это наша общая история. Из ее драматических страниц важно извлечь необходимые уроки. Надо всегда учитывать их, чтобы имевшие место в прошлом страдания и горькая доля различных этносов в будущем не повторились»¹⁶.

1 марта 1995 года вышел Указ Президента Казахстана об образовании Ассамблеи народов Казахстана (АНК), определивший ее статус как консультативно-совещательного органа при Президенте Казахстана. Спустя более 10 лет эту организацию переименовали в Ассамблею народа Казахстана. Ассамблея была образована президентом, главной задачей которого является реализация государственной национальной политики, обеспечение общественно-политической стабильности в Казахстане и повышение эффективности взаимодействия государственных и гражданских институтов общества в сфере межэтнических отношений. За свою историю Ассамблея трансформировалась из консультативно-совещательного органа при Президенте РК в конституционный орган, имеющий прочную правовую основу и общественно-политический статус. В мае 2007 года в Конституцию был внесен ряд поправок. Ассамблее народа Казахстана придан конституционный статус, она получила право избирать в Мажилис Парламента РК девять депутатов, что значительно повысило общественно-политическую роль Ассамблеи.

Целью Ассамблеи является обеспечение межэтнического согласия в республике в процессе формирования казахстанской гражданской идентичности и конкурентоспособной нации на основе патриотизма, гражданской и духовно-культурной общности народа Казахстана при консолидирующей роли казахского народа. Основными задачами Ассамблеи являются обеспечение эффективного взаимодействия государственных органов и институтов гражданского общества в сфере межэтнических отношений, создание благоприятных условий для дальнейшего укрепления межэтнического согласия и толерантности в обществе, укрепление единства народа, поддержка и развитие общественного консенсуса по основополагающим ценностям общества. Ассамблея оказывает содействие государственным органам в противодействии проявлениям экстремизма и радикализма в обществе, формировании политико-правовой культуры граждан, опирающейся на демократические нормы. Ассамблея обеспечивает интеграцию усилий этнокультурных объединений, помогает

14 Выступление Президента Республики Казахстан Н.А. Назарбаева на XII сессии Ассамблеи народов Казахстана (Астана, 24 октября 2006 года) [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://www.zakon.kz/kazakhstan/77635-vystuplenie-prezidenta-respubliki.html>

15 Н. Назарбаев: Великий путь пройдем в единстве [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://www.yk.kz/news/show/1171?print>

16 Национальное единство является основой безопасности страны — Назарбаев [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://www.meta.kz/345035-nacionalnoe-edinstvo-javljaetsja-osnovoj.html>

возрождению, сохранению и развитию национальных культур, языков и традиций народа Казахстана¹⁷.

Избранные депутаты от АНК: Жуматай Алиев – руководитель фонда «Стабильный Казахстан»; Мурат Ахмадиев (Глава национального объединения уйгуров Казахстана) – депутат Мажилиса парламента РК 4-го созыва; Роман Ким – руководитель Ассоциации корейцев РК; Ахмед Мурадов – председатель Ассоциации развития культуры чеченского и ингушского народов «Вайнах»; Розакул Халмурадов (Этнический узбекистанец) – депутат Мажилиса парламента РК 4-го созыва; Юрий Тимошенко – заместитель председателя АНК, председатель союза «Рада украинцев Казахстана»; Егор Каппель – член Ассоциации общественных объединений немцев Казахстана «Возрождение», депутат Мажилиса парламента РК 4-го созыва; Надежда Нестерова – заместитель председателя Ассоциации народов Казахстана Жамбылской области; Зухра Саяпова – руководитель башкирского культурного центра по изучению межэтнических и межконфессиональных отношений. Список весьма внушительный, сложно выявить истинные цели и задачи этих депутатов, представленных от национальных диаспор. Нам трудно охарактеризовать и оценить сложившийся факт в рамках международного права. Международное правотворчество не предполагает такой институт как АНК и представительство диаспор в главном законодательном органе страны не только в условиях унитарной государственности, но и федеративной. Значит, они будут представлять и продвигать свои этнические интересы в национальном парламенте Казахстана. Можно ли считать это уверенным шагом к федерализации страны или предпосылкой к федеративному государственному устройству? Кто может гарантировать всем гражданам Казахстана, что уже завтра они не потребуют национальные автономии? Международное право это может отнести к категории «квазифедерации». Но, с другой стороны, все представители национальных диаспор могут избираться на общих основаниях как граждане Казахстана. По этому поводу начинающий юрист-международник, гражданин Азербайджана, имеющий вид на жительство в Казахстане Фарид Алиев сказал: «Не понятно, как это всё регулируется, почему они не избираются просто как граждане Казахстана».

24 июня текущего года неожиданно для всех собрались эксперты Казахстана, обсуждавшие острые вопросы о дальнейшем национально-государственном развитии страны. Это была так называемая общественная дискуссия «Нациестроительство и формирование национального государства в Казахстане». Она прошла на площадке аналитической группы «КИПР» при поддержке представительства фонда имени Фридриха Эберта в Казахстане¹⁸. Организаторы поставили перед основными докладчиками вопрос о создании нации на основе этнической или гражданской модели. Общественный деятель, лидер республиканской организации «Ұлт тағдыры» (Судьба Нации) Дос Кошим заметил, что сегодня русскоязычный и казахоязычный – это два разных мира и взгляда на нациестроительство: «При соблюдении равных прав всех нужно признать, что Казахстан – это казахское государство, говорить «казахский спортсмен», «казахское государство». Когда мы получили независимость, нас было 39 %. Когда мы поднимали вопрос о том, что казахский язык станет государственным, нам говори-

ли, что этого не будет, но мы это сделали. И процесс обратно не пойдет, будет идти только вперед, может быть, и с маленькими конфликтами», «Даже президент уже сказал – может быть, название страны сделать «Қазақ Елі». И это будет, но мы не будем это торопить».

Политолог Андрей Чеботарев: «Народ фактически оказался вне этого процесса, его постоянно ограничивали: в праве выбора, в праве ассоциаций, в праве собраний. Соответственно, с низового уровня построить нацию, если народ даже не участвовал в процессе создания государства, очень сложно, тем более если дискурс в основном этноориентированный, а не гражданско-ориентированный»; «В 1993 году была принята первая Конституция, где было четко сказано, что Казахстан является государством самоопределившейся казахской нации, но дальше этого дело не пошло, и сама Конституция была заменена. Пошел четкий процесс в сторону централизации госуправления. Дальше – больше, в 1996 году был принят малоизвестный сейчас документ – Концепция формирования национальной идентичности. С точки зрения идеологии очень хорошо выстроенный документ, но с точки зрения реализации – про него быстро забыли»; «Мы ушли от казахстанской нации, но и казахскую за основу не взяли. При этом непонятно, что вкладывать в понятие «народ».

Политический деятель Расул Жумалы: «Национальное строительство – это основополагающая функция любого государства, условия его стабильности и состоятельности, а патриотизм – разделение всеми гражданами страны чувства причастности к судьбе отечества.» Но эти базовые определения, по его мнению, Казахстан сегодня не может применить к себе: «С 90-х годов ситуация не улучшилась, а обострилась. Спустя 23 года со дня обретения независимости мы даже не подобрались к решению данной проблемы, не рискуя быть обвиненными в разжигании социальной розни или даже нацизме»; «Виной всему мифы и стереотипы, в окружении которых живут казахстанцы»; «Первый из мифов – это подмена понятий, которая продолжается не без влияния иностранных центров и их рупоров. Нации строительство – дело исключительно народа Казахстана, никому, кроме него, не нужное»; «Второй миф или иллюзорная особенность – полиэтническое общество Казахстана, а есть ли где в мире непоэтичные и неполиконфессиональные государства? – Нет»; «Но почему они не бьют себя в грудь по этому признаку? Потому что все государство, думающие о будущем, занимаются консолидацией общества вокруг государствообразующей нации и правильно делают»; «Это всеобщее негативное отношение к понятию «национализм», это рудимент, доставшийся нам от советской промывки мозгов, а на самом деле «национализм» тождественен понятию «патриотизм» и «государственность», только национализм создает нацию» «Ни один настоящий патриот не выдвинет лозунг «Казахстан для казахов», они, наоборот, выступают за равные права»; «Их позиция – любой патриот Казахстана является казахом», – сказал он. То есть казахами, с точки зрения патриотов, не рождаются, а становятся. Следующий миф, который, по мнению политолога, необходимо разрушить, – это неверное понятие советского интернационализма. «На самом деле под его лозунгами в регионах СССР происходило банальное замещение местных национальностей русскими»; «В 90-х годах на миллионную Алмату приходилось всего две казахские школы. Почти половина казахов не знают сегодня казахского языка», – сказал он, подчеркнув в этой связи, что попытка любой реанимации СССР – «это путь в хаос и смерть Казахстану»; «Межнациональное согласие в Казахстане, которым гордятся и власти, и народ Казахстана, миф»; «Большинство считает, что межнациональное согласие в Казахстане – данность, которая никуда не денется. Но предполагали ли украинцы всего лишь год назад подобный исход?» – снова задался он во-

17 Ассамблея народа Казахстана [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://akorda.kz/ru/page/page_assambleya-naroda-kazahstana_1352453861

18 Марчелова Н. Путь нации: от казахстанцев к казахам // Информационно-аналитический портал Республика [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.respublika-kz.info>

просом и предупредил: «— Надо отдавать себе отчет в том, что вечно эксплуатировать это согласие нельзя». «Так что помимо паспорта и прописки делает людей нацией? Это, в первую очередь, идея, связывание себя, своей судьбы с этой страной, знание языка, традиций, разделение культуры, знание государственных символов, и краеугольным камнем в этом процессе он считает именно государственный язык, который сегодня вместо прямой функции объединять превратился в предмет спекуляций. Мы стали воспринимать как должное, что государственную службу можно исполнять без знания госязыка, хотя во всем мире это нонсенс. Язык — главный фактор формирования личности, способа мышления и мировосприятия. Один из основателей Алаш Орды Мустафа Шокай сказал: "На каком языке ребенок получит образование, тому народу и будет служить"; «Разобщенную массу людей вряд ли можно считать нацией — это население, слабое, рыхлое, подверженное внешним угрозам, — говорил политолог, — но посмотрите на Францию. Разные этносы объединил один язык, культура, традиции и ценности французского народа».

Очень резко и критично высказался так называемый национал-патриот Арон Атабек, говоря о невозможности образования гражданской нации: «Эта идея, с точки зрения истории, — абсурдна, с позиции международного права — нелегитимна, по отношению к правам человека — бесчеловечна, в плане межнациональных отношений — провокационна. Фактически она подводит бикфордов шнур межнациональной розни к взрывчатке межэтнических конфликтов. И желающих поджечь его — предостаточно (с той и с другой стороны). К сожалению, это провокационная, иезуитски изощренная и опасная идея. Помимо политических и социальных — здесь важны гуманитарный и культурологический аспекты. Казахская культура — часть мировой культуры, но эту функцию она может сохранять только при наличии национальной («казахской»), а не космополитической («казахстанской») государственности. «Отрубание корней» способно привести если уж не к моментальной смерти национального организма — то к его мучительной агонии в форме ассимиляции доминирующими этносами и культурами»¹⁹.

Общие выводы

Резюмируя вышеизложенное, необходимо подчеркнуть, что именно Владимир Владимирович Путин и Нурсултан Абишевич Назарбаев стали прочной основой высокой степени интеграции — Союза ЕАЭС. Союз является мощным геоэкономическим объединением с впечатляющими перспективами роста и большим потенциалом.

От внутренней стабильности двух государств зависит будущая судьба Союза, поэтому не зря автор останавливается на внутренней государственной политике России и Казахстана. Союз является крупным центром в глобальной политике, евразийская геополитика имеет неразрывную связь с конструированием новой глобальной системы безопасности. Сегодня Союз является органичной частью мировой политической архитектуры и призван стать ответом на вызов глобального экономического кризиса. Союз — конкурентоспособное глобальное экономическое объединение.

Автор предлагает следующее определение понятия «союзная территория (зона)»:

Союзная территория — территория государств — участников Союза ЕАЭС, самостоятельная региональная финансовая, народно-хозяйственная технологическая и промышленная

зона с унифицированным законодательством, общей экономической, зона, которая является частью мировой политико-правовой и экономической системы.

На основании этого мы можем смело утверждать: нам не страшны никакие экономические санкции ЕС и США. Союз — самодостаточный регион с природными богатствами, наукой, человеческим ресурсом и крепкой экономикой. Эти явления, наоборот, способствуют к скорейшему переходу к политическому союзу государств.

В рамках Союзного объединения необходимо разработать программу «евразийской толерантности», чтобы граждане трех государств не чувствовали себя гостями, находясь на территориях Стран. Казахский или белорусский государственный служащий, рядовой гражданин в РФ должен чувствовать себя защищенным не только в кабинете или за кафедрой, но и на улице, в совершенстве владея русским языком равно являясь носителем русского языка.

Пристатейный библиографический список

1. Азанов Б.К. Казахский президент как основатель неоевразийства // Евразийский юридический журнал. — 2014. — № 3 (70).
2. Атабек А. «Казахстанская нация», или Путь в резервацию [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://www.zonakz.net/articles/7183>
3. Выступление Президента Республики Казахстан Н.А. Назарбаева на XII сессии Ассамблеи народов Казахстана (Астана, 24 октября 2006 года) [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://www.zakon.kz/kazakhstan/77635-vystuplenie-prezidenta-respubliki.html>
4. Глав регионов беспокоит поведение выходцев с Северного Кавказа [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://rupolitika.ru/rusvopros/glav-regionov-bespokoit-povedenie-vyihodtsev-s-severnogo-kavkaza/>
5. Марчелова Н. Путь нации: от казахстанцев к казахам // Информационно-аналитический портал Республика [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://www.respublika-kz.info>
6. Н. Назарбаев: Великий путь пройдем в единстве [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://www.yk.kz/news/show/1171?print>
7. Назарбаев возложил на казахов особую ответственность [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://baurak.info/?p=48255>
8. Национальное единство является основой безопасности страны - Назарбаев [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://www.meta.kz/345035-nacionalnoe-edinstvo-javljaetsja-osnovojj.html>
9. Официальный сайт президента Казахстана [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://www.akorda.kz/ru/category/konstituciya>
10. Протоиерей Андрей Кураев: Слова Путина о Кавказе — за гранью политики [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.city-n.ru/view/294599.html>
11. Путин В.В. Стабильность на Северном Кавказе дается непросто [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.rg.ru/2013/11/10/reg-skfo/stabilnost-anons.html>
12. Путин на Кавказе: Приезжие должны уважать традиции местных жителей [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://maxpark.com/community/1190/content/781591>

¹⁹ Атабек А. «Казахстанская нация», или Путь в резервацию [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://www.zonakz.net/articles/7183>

13. Путин о кавказском вопросе [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://kavpolit.com/putin-o-kavkazskom-voprose/>
14. Толстых В.Л. Естественно-правовые и международно-правовые основы языковой политики // Сайт «Евразийского юридического журнала» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.eurasialaw.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=6075:2014-05-23-11-06-31&catid=109:2010-06-17-09-48-32&Itemid=748
15. Фархутдинов И. З. Россия и Китай: инвестиционное сотрудничество в контексте международного права (опыт для евразийской интеграции) // Евразийский юридический журнал. — 2014. — № 5(72).
16. Шерязданова К.Г. Развитие евразийской идеи в современном геополитическом измерении [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://credonew.ru/content/view/1084/65/>

Волова Л. И.

ВОЗРАСТАНИЕ РОЛИ РЕГИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Для данного исторического периода характерно интенсивное развитие международной региональной интеграции, при этом регионализация развивается параллельно глобализации. В связи с тенденцией активного движения от международного экономического сотрудничества к экономической интеграции заметно развивается право региональной экономической интеграции. В статье ставится цель раскрыть юридическую природу созданного на основе Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 г. нового этапа евразийской интеграции. Отмечается, что данный договор носит компромиссный характер, он построен на согласовании позиций государств-участников, но в то же время они использовали все механизмы сохранения своего суверенитета. В статье обосновывается, что идет процесс становления Евразийского правопорядка.

Ключевые слова: право региональной экономической интеграции, институциональная система региональных интеграционных объединений, органы интеграционных объединений, правотворческая деятельность интеграционных объединений, этапы создания интеграционных объединений, Евразийский экономический союз, признак «поднациональности», Евразийский правопорядок.

Волова Л. И.

Volova L. I.

THE INCREASE OF THE ROLE OF REGIONAL ECONOMIC INTEGRATION IN MODERN CONDITIONS

Given historical period is characterized by an intensive development of the international regional integration, while regionalization develops along with globalization. Due to the tendency of active movement from international economic cooperation towards economic integration the law of regional economic integration significantly develops. The article seeks to reveal the legal nature of a new stage of Eurasian integration created on the basis of the Treaty on the Eurasian Economic Union of May 29, 2014. It is noted that this agreement is a compromise, it is built on the harmonization of the positions of the participants, but at the same time they used all the mechanisms to preserve their sovereignty. The article proves that the process of establishing the Eurasian law order continues.

Keywords: the right of regional economic integration, institutional system of regional integration, bodies integration associations, law-making integration associations, steps for creating integration associations, Eurasian Economic Union, sign of «subnational», Eurasian order.

Интеграция государств, особенно в сфере экономических отношений, является ценностью сама по себе, и достигается она целенаправленным воздействием на национальные правопорядки. Для данного исторического периода характерно интенсивное развитие международной региональной интеграции, при этом регионализация развивается параллельно глобализации. Интеграция представляет собой долгий и сложный процесс, в ходе которого проявляются и положительные, и отрицательные стороны, что напрямую связано с уровнем совпадения интересов государств-членов. Для регулирования процесса интеграции формируется право региональной экономической интеграции. Отчетливо проявляется тенденция активного движения от международного экономического сотрудничества к экономической интеграции. Анализ юридической природы экономической интеграции приводит к выводу, что международно-правовое регулирование самих процессов экономической интеграции основывается на специальных принципах международного экономического права, и, кроме того, формируются международно-правовые принципы регионального уровня, регулирующие эти отношения. Принципы права региональной экономической интеграции делятся на юридически обязательные для государств, входящих в интеграционные объединения, и договорные. Последние, в отличие от обязательных, действуют только в случае заключения специального договора. В процессе региональной интеграции создаются качественно новые нормы международного права, а это иногда приводит к возникновению противоречий между новыми и уже ранее принятыми нормами международного права.

Следует отметить, что региональные интеграционные объединения обладают большой спецификой, что позволяет

их выделить в самостоятельную группу участников, в первую очередь, международных экономических и финансовых отношений.

В докладе Комитета Всемирной Ассоциации международного права 2000 г. четко выделены признаки региональных интеграционных объединений:¹ 1) твердо установленная организационная структура; 2) прочная правовая основа; 3) переход от одного этапа интеграции к другому.

Деятельность региональных интеграционных объединений регулируется, кроме международных договоров, специальными актами, такими как: рекомендации, стандарты, решения, директивы и др. Для региональных интеграционных объединений характерна также унификация экономических политик стран-участниц, включая денежную, торговую, финансовую, налоговую, инвестиционную и т. д. Более того, цели, которые ставят перед собой региональные интеграционные объединения, становятся всё сложнее и разностороннее. Прослеживается факт, что деятельность региональных интеграционных объединений распространяется не только на взаимодействие в сфере торговли и финансов, но и на гармонизацию нетарифных ограничений, на создание единообразной модели регулирования торговли услугами², на сближение инвестиционной политики в рамках стран-участниц.

1 International Law Association, London Conference (2000). Committee on regional Economy Development Law. - P. 3-4.

2 Дубинкина С. Н. Участие России в международно-правовом регулировании торговли услугами в рамках Таможенного союза, Евразийского экономического сообщества, организации региональной интеграции // Государство и право. – 2014. – №3. – С. 39–40.

В интеграционных объединениях создаются целостные региональные хозяйственные комплексы с общими органами управления.

Деятельность региональных интеграционных объединений строится на стыке международного и национального права государств-участников, в перспективе они будут всё больше влиять на политические и экономические процессы в регионах, поэтому всё больше будет сближаться право государств-членов в рамках интеграционных объединений, а это обеспечит более эффективное функционирование их на практике³. Чем интенсивнее интеграция, тем активнее происходит передача полномочий по формированию необходимых правоустанавливающих документов органам интеграционных объединений – в Евразийском экономическом союзе – Комиссии Евразийского экономического союза. Для успеха деятельности региональных интеграционных объединений целесообразно использование наиболее эффективных способов гармонизации права, сглаживающих различия в национальном законодательстве и обеспечивающих тесное взаимодействие национальных правовых систем участников интеграционного процесса.

Институциональная структура региональных интеграционных объединений обеспечивает переход государств-участников от экономического сотрудничества к экономической интеграции. Она осуществляется с учётом баланса интересов различных стран и определяется воздействием ряда объективно существующих факторов, а именно – постоянно осуществляемой координации действий государств-членов и проведением «внешнего» по отношению к государствам-членам контроля со стороны административных и судебных органов интеграционного объединения. Учитывая это, некоторые учёные выдвигают концепцию «соответствия уровней развития правовой и институциональных систем межгосударственных объединений уровням и формам интеграции»⁴.

При формировании организационной структуры региональных интеграционных объединений следует реализовывать принцип баланса экономических и специальных интересов государств-членов и определять четкие правила взаимодействия политических и специальных органов таких объединений. При этом многое зависит от объёма тех полномочий, которые переданы государствами-участниками данному интеграционному объединению.

В системе интеграционных объединений создаются парламентские органы и специальные суды, при этом они отличаются друг от друга различным уровнем развития. Так, например, органами управления Таможенного союза и Единого экономического пространства ЕвразЭС являются:

1) Высший Евразийский экономический совет – высший орган в составе глав государств или глав правительств, который заключает международные договоры в сфере интеграционного развития.

2) Евразийская экономическая комиссия – наднациональный исполнительный орган, основной задачей которого, в соответствии со ст. 1 Договора о Евразийской экономической комиссии, является «обеспечение условий функционирования и развития Таможенного союза и Единого экономического пространства».

3) Суд ЕвразЭС – наднациональный судебный орган.

3 Энтин М. Л. Интеграционные процессы на европейском континенте. Политико-правовые аспекты // Московский журнал международного права. – 2006. – №4. – С. 4–5.

4 Капустин А. Я. Международно-правовые основы институциональной системы евразийской интеграции // Журнал российского права. – 2013. – №10. – С. 117.

В интеграционных объединениях государства-участники устанавливают весьма жёсткий контроль за порядком создания, процедурой и практикой деятельности своих органов. Среди них имеются «судебные органы интеграционных объединений», которые должны выполнять функции судебного контроля, распространяемые, в том числе, на акты интеграционного права, принимаемые органами, отражающими специальные интересы. Акты же, принимаемые политическими органами, не подпадают под предмет подобного контроля, что объясняется особой природой таких актов, цель которых не направлена на регулирование конкретных вопросов интеграционного взаимодействия.

Особое внимание уделяется определению компетенции судебного органа интеграционного объединения, функциям судебного контроля, который должен распространяться на акты, принимаемые органами, отражающими специальные интересы.

В интеграционных объединениях многое зависит от степени доверия между государствами-участниками, в случае наличия такого доверия их органы принимают решения, в которых закрепляются юридические обязательства. В случае же наличия недоверия между государствами-участниками органы интеграционного объединения разрабатывают решения, в которых закрепляются только политические позиции государств – участников. Именно так ранее было в ЕвразЭС⁵.

В системе некоторых интеграционных объединений имеются органы, уполномоченные разрабатывать такие нормы, которые не вправе принимать органы международных организаций, например, в МЕРКОСУР⁶.

Создавая интеграционные объединения, государства заключают международные договоры экономической интеграции, имеющие свою специфику. Характерно, что эти договоры затрагивают интересы не только государств-участников, но и третьих стран. 29 мая 2014 г.⁷ подписан Договор о Евразийском экономическом союзе, который пока не ратифицирован, и в нем очень важны нормы о международной деятельности Союза. Подписанию предшествовала кодификация огромного массива документов.

При создании Союза наметились разные подходы государств-участников: каким ему быть – международной межправительственной организацией или интеграционным объединением с наднациональными функциями. Поэтому Договор получился компромиссным, в него включены наднациональные полномочия, которые реализует Евразийская экономическая комиссия. В то же время в Договоре присутствует ряд признаков, характерных для международных межправительственных организаций, некоторые положения договора основаны на компромиссе, а некоторые вытекают из суверенитета государств-участников. Пока в Экономическом союзе имеет место согласованная политика государств-участников, но постепенно должна сформироваться единая политика – планируется, что это произойдет к 2015 г. Признак наднациональности действует в экономической сфере. Государства, исходя из своих интересов, согласились добровольно ограничить свой суверенитет. Договор построен на согласовании позиций государств-участников, но в то же время они использовали все возможные механизмы для сохранения своего суверенитета.

5 Мипальченко Ю. В. Евразийское экономическое сообщество: современное состояние и перспективы развития // Евразийский юридический журнал. – 2009. – №7. – С. 19–21.

6 The Economist intelligence Unit. Country Report // Brazil Journal St. Quarter, London, 1995. – P.23; Lustig N., Primo B. C.A. The Future of Trade Policy in Latin America // Integrating the Americas: Shaping Future Trade Policy, New Brunswick, N.J. – 1994. – P.17.

7 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.economy.gov.ru/> Договор о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 г.

Нормы права региональных интеграционных объединений глубоко проникают в национальные правовые порядки стран-участников. Этому способствует то, что в интеграционных объединениях действует особый механизм контроля за соблюдением норм права, разработанных органами интеграционных объединений. Итак, идет процесс становления Евразийского правового порядка, основанного на фундаменте 90 договоров, составляющих его правовую базу, но пока не построено единое правовое пространство в рамках Евразийского экономического союза. Одной из причин этого является то, что новый статут Суда изолирует его от национальных судов государств-участников. Суд Евразийского экономического союза не отменяет и не изменяет нормы права, разработанные органами Союза. Такой порядок установлен по предложению Белоруссии. В соответствии с Договором о Евразийском экономическом союзе объединяется международно-правовая сфера, а также сфера, связанная с положением населения государств-участников. Предусмотрен процесс постепенного объединения Евразийского союза с Европейским союзом.

Международно-правовые документы уже действующих объединений закрепляют процессы интеграции в рамках каждого объединения, раскрывают механизмы интеграции и направления ее развития в настоящем и будущем.

Хотя в рамках каждого регионального интеграционного объединения формируется и развивается особое право конкретного объединения, представляющее собой единый комплекс юридических норм, созданных на основе общего международного права и конкретизируемых государствами-участниками и органами объединения по воле государств-участников, тем не менее у всех региональных интеграционных объединений есть общие признаки, что позволяет сформировать юридический комплекс норм под названием «право региональной экономической интеграции».

Для только что созданного интеграционного объединения – Евразийского экономического союза – полезно не только систематизировать все уже разработанные международно-правовые нормы, регулирующие интеграционное сотрудничество государств-участников, но и в максимальной степени использовать накопленный опыт уже действующих интеграционных объединений. В первую очередь нужно использовать опыт тех региональных интеграционных объединений, в договорах о создании которых подробно излагаются права и обязанности государств-участников и четко закрепляются принципы интеграционного объединения, а именно Европейского союза.

Признак наднациональности является спецификой региональных интеграционных объединений, что определяется их особой ролью, заключающейся в том, что они дают возможность государствам-участникам усиливать хозяйственную интеграцию в пределах региона. «Наднациональность» означает, что органы таких объединений вправе принимать решения, обязательные для государств-участников и действующие на их территориях. Так, решения Евразийской экономической комиссии носят наднациональный характер⁸. Для региональной экономической интеграции характерно применение метода субординации, который определяет отношения между объединением и государствами-участниками, влияет на формирование определенной категории правовых норм, действующих между объединением и государствами-участниками, предоставляет возможность создания правовых

норм, применяемых на территориях государств-участников, создание специфических органов, обеспечивающих субординацию. Принцип наднациональности позволяет создавать единое целое из отдельных составных элементов, а именно из государств-участников, поэтому целесообразно по согласию государств расширять наднациональные полномочия, особенно в экономической и финансовой сферах.

Благодаря признаку наднациональности, а также особому механизму контроля за соблюдением норм права региональные интеграционные объединения более надёжно обеспечивают соблюдение норм интеграционного права, то есть государства-участники заинтересованы в том, чтобы совместно созданное ими интеграционное право соблюдалось. Нормы «права региональной экономической интеграции» глубоко проникают в национальные правовые порядки государств-участников.

Среди учёных сложилось единство мнений относительно классификации форм экономической интеграции. К ним относятся: общий рынок, зона свободной торговли, таможенный союз, экономический союз, валютный союз. Для достижения каждой формы экономической интеграции необходимо прохождение определённых этапов, каждый из которых характеризуется определёнными признаками и регулируется конкретными нормами соответствующего международного договора. В ходе интеграции сразу же требуется объединение рынков стран-партнёров. Далее необходимо обособление специфических региональных интересов. Именно при переходе от одной формы интеграции к другой особую роль играют органы интеграционных объединений, обладающие наднациональными полномочиями, поэтому постепенно расширяется компетенция этих органов и увеличиваются их полномочия.

Для создания единого экономического пространства необходимо, чтобы государства-участники утвердили план действий на определённые годы, в котором предусматривается разработка и подписание международных договоров, обеспечивающих формирование единого экономического пространства. После этого налаживается практическая работа по реализации этих соглашений, которая напрямую связана с выполнением правительствами государств-участников интеграционных объединений своих обязательств по соглашениям.

Для подтверждения этого целесообразно привести пример по созданию Евразийского союза⁹. Ещё 18 ноября 2011 г. Президенты Российской Федерации, Республики Казахстан и Республики Белоруссия подписали Декларацию о Евразийской экономической интеграции, Договор о Евразийской экономической комиссии и Решение о Регламенте Евразийской экономической комиссии, а с 1 января 2012 г. приступила к работе Евразийская экономическая комиссия, и был введён в действие пакет международных договоров, регламентирующих создание Единого экономического пространства¹⁰. Эти страны взяли на себя обязательства до конца 2011 г. выполнить внутригосударственные процедуры, требующиеся для вступления в силу Договора о Евразийской экономической комис-

8 См., к примеру: Акулов Д.М. Евразийская экономическая интеграция в рамках СНГ (международно-правовые аспекты) // Евразийский юридический журнал. – 2012. – №5. – С.11–13.

9 Развитие международно-правовой системы Евразийского экономического союза // Журнал российского права. – 2013. – №10. – С.114.

10 Спартак А.Н. Евразийская экономическая интеграция – состоявшийся и открытый для широкого международного сотрудничества интеграционный проект // Международная жизнь. – 2013. – № 1. – С. 58.; Ярышев С. Н., Байльдинов Е. Т. Сравнительно-правовой анализ интеграционных механизмов в рамках Европейского союза и Евразийского Экономического Сообщества // Московский журнал международного права. – 2012. – № 4. – С. 88.

сии от 18 ноября 2011 г. И наконец, как сказано выше, 29 мая 2014 г. государства-участники создали Евразийский экономический союз на основе подписанного договора.

Необходимо развитие правовых основ сотрудничества между Евразийским экономическим союзом и другими интеграционными объединениями. В настоящее время в мире создано уже несколько десятков региональных интеграционных объединений, таких как: в Западной Европе – Европейский союз (ЕС); в Восточной Европе – Содружество Независимых Государств (СНГ); в Северной Америке – Североамериканская ассоциация свободной торговли (НАФТА); в Азиатско-тихоокеанском регионе – Ассоциация Азиатско-тихоокеанского экономического сотрудничества (АТЭС); в Азии – Ассоциация государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН); в Латинской Америке – Южный общий рынок (МЕРКОСУР); в Африке – Экономическое сообщество государств Западной Африки (ЭКОВАС) и Таможенный и экономический союз Центральной Африки (ЮДЕАК).

Большое значение в развитии евразийской экономической интеграции имеет взаимодействие предпринимательских и общественных объединений Союза, в том числе торгово-промышленных палат.

Целесообразно использование современных способов гармонизации права, сглаживающих различия в национальном законодательстве и обеспечивающих гармоничное взаимодействие национально-правовых систем участников интеграционных процессов.

Между учёными нет единогласия по поводу этапов интеграционных объединений. По мнению Н. А. Воронцовой, основные этапы интеграционных процессов не обязательно проходят в какой-то обязательной последовательности, всё зависит от конкретных условий, главное состоит в том, чтобы не ускорять сроки интеграционных мероприятий¹¹.

В современных условиях особое практическое значение имеет создание валютных союзов и валютных интеграционных объединений в качестве новых организационно-правовых форм международной валютной деятельности.

Необходимость решительных реформ валютного регулирования начала осознаваться руководителями стран ЕС сразу же после реализации проекта по созданию к концу 1992 г. единого внутреннего рынка со свободным перемещением товаров, услуг, капиталов¹².

Валютная составляющая играет весьма значительную роль в западноевропейской интеграции. Особенно усилилась координация политик стран-участниц с началом функционирования в 1979 г. Европейской валютной системы.

Например, в системе Европейского союза создан Платежный и валютный союз. Источником правового регулирования отношений в рамках этого союза является введенный на основе Маастрихтского договора о Европейском союзе 1991 г. новый раздел, внесенный в текст Римского договора о создании Европейского сообщества – раздел IV «Экономическая и валютная политика».

Государства – члены Евразийского экономического сообщества заключили Соглашение о создании валютного союза в целях реализации совместных действий в направлении

создания валютного союза как наиболее совершенной формы валютной интеграции. Таково будущее развития этапов евразийской интеграции.

Пристатейный библиографический список

1. Акулов Д. М. Евразийская экономическая интеграция в рамках СНГ (международно-правовые аспекты) // Евразийский юридический журнал. – 2012. – № 5.
2. Воронцова Н. А. Правовые основы становления и функционирования межгосударственного механизма интеграционных процессов в Евразийском экономическом сообществе. Дис. ...д-ра юридических наук. – М., 2004.
3. Договор о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.economy.gov.ru/>
4. Дубинкина С. Н. Участие России в международно-правовом регулировании торговли, услугами в рамках Таможенного союза, Евразийского экономического сообщества, организации региональной интеграции // Государство и право. – 2014. – № 3.
5. Исполинов А. Европейская валютная система: основные характеристики и перспективы развития // Журнал частного права. – 1994. – №4.
6. Капустин А. Я. Международно-правовые основы институциональной системы евразийской интеграции // Журнал российского права. – 2013. – №10.
7. Мишальченко Ю. В. Евразийское экономическое сообщество: современное состояние и перспективы развития // Евразийский юридический журнал. – 2009. – № 7.
8. Развитие международно-правовой системы Евразийского экономического союза // Журнал российского права. – 2013. – № 10.
9. Спартак А. Н. Евразийская экономическая интеграция – состоявшийся и открытый для широкого международного сотрудничества проект. Международная жизнь. – 2013. – №1.
10. Шумилов В. М. Международное экономическое право: учебник для магистров. – М.: Юрайт, 2011.
11. Энтин М. Л. Интеграционные процессы на европейском континенте. Политико-правовые аспекты // Московский журнал международного права. – №4. – 2006 г.
12. Ярышев С. Н., Байлидинов Е. Т. Сравнительно-правовой анализ интеграционных механизмов в рамках Европейского союза и Евразийского Экономического Сообщества // Московский журнал международного права. – 2012. – №4.
13. International Law Association, London Conference (2000). – Committee on regional Economy Development Law.
14. Lustig N., Primo B., C.A. The Future of Trade Policy in Latin America Integrating in Americas: Shaping Future Trade Policy. – New Brunswick, N.J. – 1994.
15. The Economist Intelligence Unit. Country Report // Brazil Journal St. Quarter. – London, 1995. – P. 23.

11 Воронцова Н. А. Правовые основы становления и функционирования межгосударственного механизма интеграционных процессов в Евразийском экономическом сообществе: Дис. ...д-ра юрид. наук. – М., 2004. – С. 11.

12 Исполинов А. Европейская валютная система: основные характеристики и перспективы развития // Журнал частного права. – 1994. – № 4. – С. 4.

Дихтяр А. И.

ПРОБЛЕМЫ ЛЕГИТИМАЦИИ ЗЕМЕЛЬНО-ПРАВОВОГО СТАТУСА ИНОСТРАННЫХ ЛИЦ НА ТЕРРИТОРИИ ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА

Договор о создании Евразийского экономического союза предусматривает ограничения прав иностранных лиц, физических и юридических лиц стран – членов Союза и третьих стран на земельные участки. Виды и уровень ограничений в Договоре и национальном законодательстве государств-членов различны.

Ключевые слова: земельно-правовой статус, иностранные лица, лица государств – членов Союза, лица третьих государств, права на земельные участки, единое экономическое пространство, Евразийский экономический союз (ЕАЭС).

Dihtyar A. I.

THE PROBLEM OF MAKING LEGITIMATE THE LAND AND LAW STATUS OF FOREIGN PERSONS IN THE TERRITORY OF THE EURASIAN ECONOMIC UNION

Treaty establishing the Eurasian Economic Union provides for restrictions on the rights of foreign entities, individuals and legal entities of member states of the Union and third countries on the land. Types and level of restrictions in the Treaty and national legislation of member states differ.

Keywords: land and legal status, foreign persons, persons of Member States of the Union, persons of third countries, land rights, a single economic space, the Eurasian Economic Community (EAEC).

Дихтяр А. И.

При заключении Договора о создании Евразийского экономического союза (далее – ЕАЭС), подписание которого состоялось в г. Астане 29 мая 2014 г., Россия, Республики Беларусь и Казахстан предусмотрели определенные ограничения и запреты относительно прав лиц государств – членов Союза и третьих стран на земельные участки на территории своих государств¹.

После вступления подписанного Договора в силу прекращается действие Соглашения от 9 декабря 2010 г. «О торговле услугами и инвестициях в государствах – участниках Единого экономического пространства» (далее – Соглашение)², в соответствии с которым Российская Федерация, Республика Беларусь и Республика Казахстан договорились предоставлять индивидуальным предпринимателям и юридическим лицам другой Стороны не менее благоприятный режим при осуществлении экономической деятельности в различных секторах экономики, чем режим, предоставляемый при аналогичных обстоятельствах своим субъектам на собственной территории. Вместе с тем Стороны в национальных перечнях, содержащихся в приложениях III и IV к Соглашению, предусмотрели некоторые ограничения национального режима относительно прав иностранных лиц на земельные участки на территории своих государств.

ЕАЭС представляет собой международную организацию региональной экономической интеграции, на территории единого экономического пространства которой функционируют сходные (сопоставимые) и однотипные механизмы регулирования экономики, основанные на рыночных принципах и применении гармонизированных или унифицированных правовых норм. Правовые основы регулирования прав на земельные участки и оборота земельных участков в государствах-членах согласно ст. 65 Договора определяются положениями раздела XV, Приложением (Протоколом) № 16 (с Приложением № 2) к Договору. Ограничения и запреты, содержащиеся в Соглашении, в полной мере не сохранены в Договоре. Вместе с тем национальные перечни, содержащиеся в Протоколе № 16 (с Приложением № 2) некоторых государств-членов, предусмотрели новые ограничения.

Следует отметить, что Договор содержит значительное количество положений, посвященных определениям и понятиям, используемым в различных разделах, приложениях (протоко-

лах) к Договору. В частности, Протокол № 16 содержит и раскрывает следующие понятия, касающиеся, в том числе, прав на земельные участки: горизонтальные ограничения, сохраняемые государствами-членами в отношении всех секторов и видов деятельности; лицо государства-члена; мера государства-члена; государство-реципиент; деятельность; третья сторона и лица третьей стороны; юридическое лицо государства-члена и др.

Вместе с тем Приложение № 2 к Протоколу № 16 содержит Перечень сохраняемых государствами-членами «горизонтальных ограничений» в отношении всех секторов и видов деятельности и использует совершенно иные понятия: «иностранное юридическое лицо», «иностранные лица», «иностранный», «иностранные землепользователи», «иностранный объект собственности», содержание которых не раскрывает. Ограничения для названных лиц основаны на конкретных национальных законах, принятых до подписания Договора и не учитывающих союзнические аспекты. Вполне закономерно возникает следующий вопрос: распространяются ли запреты и ограничения, предусмотренные национальным перечнем, например, Российской Федерации, на лиц других государств – членов ЕАЭС, или они распространяются только на лиц третьих государств?

Анализ положений раздела XV Договора, Протокола № 16 и Приложения № 2 к данному Протоколу позволяет сделать вывод, что ограничения и запреты, предусмотренные Протоколом и Приложением № 2 к нему, распространяются на лиц государств-членов и лиц третьих государств. В частности, каждое государство-член в отношении всех мер, затрагивающих торговлю услугами, предоставляет услугам, поставщикам и получателям услуг другого государства-члена режим не менее благоприятный, чем режим, предоставляемый при таких же (подобных) обстоятельствах своим собственным таким же (подобным) услугам, поставщикам и получателям услуг. Вместе с тем каждое государство-член может применять отдельные ограничения и условия, указанные в национальных перечнях и в Приложении № 2 к настоящему Протоколу (пп. 21–29, 31, 33). При этом необходимо учитывать, что Договор в качестве одной из основных целей ЕАЭС рассматривает стремление к формированию единого рынка товаров, услуг, капитала и трудовых ресурсов, поэтапное сокращение изъятий и ограничений, предусмотренных национальными перечнями (ст. 4, статьи 66–67 Договора, пп. 38–44 Протокола № 16).

1 См.: СПС «Консультант Плюс».

2 См.: Решение Высшего Евразийского экономического совета от 19.12.2011 г. № 9 // РЖД – партнер документы. – 2012. – № 3.

Одним из прав, на котором лица государств-членов и лица третьих государств (далее – иностранные лица) на территории единого экономического пространства ЕАЭС могут владеть земельными участками, является право собственности. Гражданские кодексы государств-членов³ содержат практически аналогичные определения и основания приобретения права собственности. Национальное законодательство дает различные легальные определения земельного участка. Во всех государствах-членах осуществляется деление земель на категории в соответствии с их основным целевым назначением, которые в основном совпадают. Независимо от деления на категории все земли подразделяются на виды. Законодательство сравниваемых правовых порядков устанавливает ограничения оборотоспособности земельных участков в зависимости от категории (вида) земельного участка и участников земельных отношений и сделок, что, в основном, согласуется с разделом XV Договора, Протоколом № 16 и национальными перечнями, содержащимися в Приложении № 2 к указанному Протоколу.

В соответствии с Договором лицо государства-члена – гражданин государства-члена в соответствии с его законодательством, юридическое лицо государства-члена – организация любой организационно-правовой формы, созданная или учрежденная на территории государства-члена в соответствии с законодательством этого государства-члена, а лицо третьего государства – лицо государства, не являющегося членом ЕАЭС (пп. 10, 23, 25, 27 Протокола № 16).

Законодательства сравниваемых правовых порядков не содержат понятия «иностранное лицо», оно раскрывается через перечень лиц, которые вправе выступать субъектами земельных отношений. Круг иностранных лиц, которые вправе владеть земельными участками на праве собственности, законодатели определяют различно. Так, в Российской Федерации в соответствии со ст. 5 ЗК РФ к участникам земельных отношений, наряду с гражданами, юридическими лицами и публично-правовыми образованиями, относятся также иностранные граждане, лица без гражданства и иностранные юридические лица. При этом иностранные государства, международные объединения и организации в перечень таких участников не включены, хотя фактически между Российской Федерацией и иностранными государствами заключаются договоры, в соответствии с которыми Россией земельные участки передаются в аренду либо отчуждаются в собственность.

В Республике Беларусь в соответствии со ст. 4 Кодекса Республики Беларусь о земле (далее – КоЗ РБ)⁴ субъектами земельных отношений, наряду с другими субъектами, указанными в данной статье, являются иностранные граждане и лица без гражданства (далее – граждане, если иное не предусмотрено настоящим Кодексом), иностранные юридические лица и их представительства, иностранные государства, дипломатические представительства и консульские учреждения иностранных государств, международные организации и их представительства. Таким образом, белорусское законодательство, в отличие от российского и положений Договора о создании ЕАЭС, закрепляет более широкий круг ино-

странных лиц, являющихся субъектами прав на земельный участок на территории Республики Беларусь.

Анализ положений ст. 12 Земельного кодекса Республики Казахстан (далее – ЗК РК)⁵ позволяет сделать вывод, что в Республике, наряду с национальными землепользователями, субъектами земельных отношений являются: созданные в соответствии с законодательством Республики Казахстан предприятия с иностранным участием; граждане иностранных государств; лица без гражданства; иностранные юридические лица; иностранные государства; международные объединения и организации (ч. 5 ст. 37 и ст. 46). Приложение IV к Соглашению в качестве субъектов земельных отношений упоминает оралманов, к которым относят иностранцев или лиц без гражданства казахской национальности, постоянно проживавших на момент приобретения суверенитета Республикой Казахстан за ее пределами и прибывших в Казахстан в целях постоянного проживания. Договор о создании ЕАЭС и национальный перечень Республики, содержащийся в Приложении № 2 к Протоколу № 16, не содержит положений, касающихся оралманов. Вместе с тем ЗК РК содержит специальные нормы, регулирующие порядок предоставления земельных участков оралманам (статьи 37, 46).

Земельное законодательство государств-членов не уточняет круг юридических лиц, относимых к иностранным, но в Приложении № 2 к Протоколу № 16 государства-члены оговорили некоторые ограничения для юридических лиц с иностранным участием относительно прав на отдельные виды земельных участков и возможность создания в определенных секторах экономики юридических лиц с иностранным участием. Национальное земельное законодательство государств – членов и Договор о создании ЕАЭС не упоминают бипатридов в качестве участников земельных отношений, но и не устанавливают ограничений их прав на земельный участок. Следовательно, на бипатридов распространяется национальный режим в отношении прав на земельный участок. Следует отметить, что эта ситуация неоднозначно оценивается, например, в российской юридической литературе⁶.

Земельный кодекс Республики Казахстан (п. 2 ч. 2 ст. 23 и п. 5 ст. 24) и Кодекс Республики Беларусь о земле (ст. 60) утрату гражданства рассматривают в качестве основания прекращения права собственности на земельный участок (земельную долю). Земельный кодекс РФ подобной правовой нормы не содержит.

Законодательства сравниваемых правовых порядков распространяют на иностранных землепользователей национальный режим, вместе с тем во всех государствах – участниках ЕЭП для иностранных физических, юридических лиц, иностранных государств, международных организаций установлены особенности их правового статуса в земельных отношениях, определенные ограничения их прав по сравнению с национальными субъектами. Анализ показал, что наблюдаются различия между ограничениями, предусмотренными национальным законодательством, и обязательствами, принятыми государствами-членами при заключении Договора о создании ЕАЭС.

Так, в Республике Беларусь земельные участки могут находиться у землепользователей на праве государственной и частной собственности, а также на праве собственности иностранных государств, международных организаций (ст. 3 КоЗ

3 См.: Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 г. № 51-ФЗ // СЗ РФ. – 1994. – № 32. – Ст. 3301; 2014. – № 19. – Ст. 2334. Гражданский кодекс Республики Беларусь от 7 декабря 1998 г. № 218-З (ред. от 04.01.2014, с изм. от 08.01.2014) // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. – 2001. – 20 марта. – № 2/744; Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь, 11.01.2014, 2/2106. Гражданский кодекс Республики Казахстан Часть общая от 27.12.1994 г. (с изм. и доп. по состоянию на 10.06.2014 г.) // Ведомости Верховного Совета Республики Казахстан, 1994 г., № 23–24 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://online.zakon.kz/document/?doc_id=1006061

4 См.: Кодекс Республики Беларусь о земле от 23.07.2008 № 425-З (ред. от 04.01.2014) // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. 07.08.2008 г. № 187, 2/1522; Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь, 11.01.2014, 2/2105.

5 См.: Земельный кодекс Республики Казахстан от 20.06.2003 г. №442-2 (с изм. и доп. по состоянию на 12.06.2014 г.) // Казахстанская правда от 26.06.2006 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1040583

6 См.: Бобрятшова М. А. Права на земельные участки иностранных физических и юридических лиц в России: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М.: 2012 г. – С. 10–11; Селифонова С. Ю. Правовое регулирование земельных отношений с участием иностранных лиц. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М.: 2012. – С. 11,22; Дихтяр А. И., Корнеева С. Ю. Правовое регулирование земельных отношений с участием иностранных лиц // LAP LAMBERT Academic Publishing. Deutschland, 2013. – С. 88–89.

РБ). Земли сельскохозяйственного назначения находятся в собственности государства (ст. 13 Конституции Республики Беларусь, ст. 13 КоЗ РБ). Вместе с тем в Приложении № 16 к Договору Республика Беларусь в национальном перечне предусмотрела, что «земельные участки могут находиться у иностранных юридических лиц и индивидуальных предпринимателей только на праве аренды», без указания срока аренды. При заключении Договора Республика отказалась от иных ограничений, которые содержались в национальном перечне, прилагаемом к Соглашению (например, ограничений, касающихся прав иностранных лиц на земли приграничных территорий) и не оговорила возможность установления в национальном законодательстве иных запретов и ограничений.

Земельные участки в Республике могут находиться в собственности иностранных государств, международных организаций, а также в частной собственности иностранных граждан, лиц без гражданства, являющихся родственниками наследодателя, в случае получения ими по наследству земельных участков, предоставленных наследодателю в частную собственность, если иное не установлено законодательными актами. При этом, в случае наследования земельных участков иностранцами гражданами и лицами без гражданства, под родственниками понимаются близкие родственники наследодателя, находящиеся в родственной связи с наследодателем, имеющие общих предков до прадеда и прабабки; родители, дети, усыновители, усыновленные (удочеренные), родные братья и сестры, дед, бабушка, внуки супруга (супруги) наследодателя (примечание к ст. 12 КоЗ РБ). Кроме того, к иностранным лицам и лицам без гражданства, являющимся близкими родственниками наследодателя, по наследству переходит право частной собственности на земельные участки, предоставленные для коллективного садоводства, дачного строительства и находившиеся у наследодателя на праве частной собственности (ч. 3 ст. 39 КоЗ РБ). Несоблюдение наследниками установленного ст. 52 Кодекса срока для обращения за государственной регистрацией перехода права частной собственности на переданный по наследству земельный участок является основанием прекращения права частной собственности на земельный участок в судебном порядке (ст. 60 КоЗ РБ). Иностранцы лица, в отличие от граждан Республики Беларусь, не вправе приобрести право частной собственности на земельный участок по давности владения (ст. 44 КоЗ РБ). Для размещения дипломатического представительства, консульского учреждения иностранного государства в Республике Беларусь иностранное государство, а также международная организация для размещения своего представительства могут приобрести в собственность земельный участок в соответствии с Положением «О порядке предоставления зданий, помещений и земельных участков дипломатическим представительствам, приравненным к ним представительствам международных организаций и консульским учреждениям иностранных государств в Республике Беларусь», утвержденным Указом Президента Республики Беларусь от 17 декабря 2003г. № 563⁷.

Статья 13 КоЗ РБ содержит исчерпывающий перечень земельных участков, не подлежащих передаче в частную собственность, собственность иностранных государств и международных организаций.

В Республике Казахстан также допускаются две формы собственности на землю – государственная и частная. Следовательно, иностранные лица могут приобретать в собственность земельные участки, находящиеся как в государственной, так и в частной собственности физических и юридических лиц, но с учетом ограничений, установленных для иностранных лиц законом и международными договорами (соглашениями). В частности, Республика Казахстан в национальных перечнях, содержащихся в приложениях III и IV к Соглашению, и Приложении № 2 к Протоколу №

16 оговорила следующие ограничения национального режима относительно прав на земельные участки: «В частной собственности иностранных лиц не могут находиться земельные участки, предназначенные для ведения товарного сельскохозяйственного производства и лесоразведения. Право временного возмездного землепользования для ведения крестьянского или фермерского хозяйства и товарного сельскохозяйственного производства предоставляется иностранным лицам на срок до 10 лет». Кроме того, национальные перечни Республики Казахстан оговорили некоторые ограничения для иностранных лиц, предусмотренные действующим Земельным кодексом Республики, но не указанные в Соглашении: 1) не допускается предоставление земельных участков, расположенных в пограничной зоне и пограничной полосе Республики Казахстан, а также в границах морских портов, в частную собственность иностранцам и иностранным юридическим лицам; 2) земельные участки сельскохозяйственного назначения, непосредственно примыкающие (трехкилометровая зона) к охранной зоне Государственной границы Республики Казахстан, предоставляются только гражданам и юридическим лицам Республики Казахстан на праве временного землепользования до их делимитации и демаркации, если иное не установлено законодательством Республики Казахстан о Государственной границе Республики Казахстан; 3) право постоянного землепользования не может принадлежать иностранным землепользователям.

Вместе с тем Приложение № 2 к Протоколу № 16 не включило предусмотренное п. 1 ст. 24 ЗК РК ограничение права собственности юридических лиц, в уставном капитале которых доля иностранцев, лиц без гражданства, иностранных юридических лиц составляет более 50 процентов, на земельные участки сельскохозяйственного назначения. Следовательно, если доля иностранного участия в уставном капитале хозяйственного товарищества или акционерного общества составляет 50 или менее процентов, такое юридическое лицо может иметь земельный участок сельскохозяйственного назначения на праве собственности. Кроме того, Земельный кодекс РК устанавливает особый порядок приобретения оралманами права собственности на земельный участок. В соответствии со ст. 46 Кодекса оралманам из государственных земель земельные участки без проведения торгов первоначально предоставляются во временное землепользование, а после приобретения гражданства предоставленные земельные участки переходят в их частную собственность.

Утрата гражданства в некоторых случаях может являться основанием прекращения права собственности на земельный участок (п. 3 ст. 23, п. 5 ст. 24 ЗК). Однако утрата гражданства не является основанием прекращения права собственности на земельный участок, предоставленный (предоставляемый) под застройку или застроенный производственными и непроизводственными, в том числе жилыми, зданиями (строениями, сооружениями) и их комплексами, включая земли, предназначенные для обслуживания зданий (строений, сооружений) в соответствии с их назначением (п. 2 ст. 23 ЗК РК). Статья 26 ЗК РК содержит исчерпывающий перечень земельных участков, которые не могут находиться в частной собственности, в том числе, и в собственности иностранных лиц.

В Российской Федерации допускается несколько форм собственности на землю. Так, в соответствии с положениями ст. 9 Конституции РФ земля может находиться в частной, государственной, муниципальной и иных формах собственности. Российское законодательство не раскрывает понятие «иные формы собственности». Интересно, что белорусский законодатель наряду с правом государственной и частной собственности на земельные участки называет и право собственности иностранных государств и международных организаций (ст. 3 КоЗ РБ). Российское законодательство не содержит подобного положения. В российской юридической литературе собственность

7 См.: Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь, 24.12.2003 г. № 142, 1/5172; 16.02.2009 г. № 41, 1/10450.

иностранных государств относят к иным формам собственности, предусмотренным ст. 9 Основного закона РФ⁸.

В Российской Федерации иностранные лица могут приобретать в собственность земельные участки, находящиеся в собственности публично-правовых образований, а также в частной собственности физических и юридических лиц, но с учетом ограничений, установленных законом. Не каждый земельный участок может быть объектом права частной собственности. Возможность получения земельных участков в частную собственность зависит не только от субъектов, но и обусловлена целевым назначением и оборотоспособностью земельных участков. Так, ст. 27 ЗК РФ выделяет земельные участки, изъятые из оборота и ограниченные в обороте. Земельные участки, отнесенные к землям, изъятым из оборота, не могут предоставляться в частную собственность, а также быть объектами сделок, предусмотренных гражданским законодательством. Земельные участки, ограниченные в обороте, не предоставляются в частную собственность, за исключением случаев, установленных федеральными законами.

Российская Федерация при заключении Договора о создании ЕАЭС, как и при заключении Соглашения, предусмотрела следующие ограничения национального режима относительно прав на земельные участки. *Во-первых*, иностранная собственность на сельскохозяйственные земли и земли приграничных территорий запрещается и может быть ограничена для других типов земель. Аренда земельных участков разрешена на период до 49 лет. *Во-вторых*, операции с землями традиционного проживания и осуществления экономической деятельности малочисленных народов и малых этнических групп, а также земельными участками, находящимися на приграничных территориях и на иных установленных особо территориях Российской Федерации, могут быть ограничены или запрещены в соответствии с нормативными правовыми актами Российской Федерации. *В-третьих*, российские юридические лица, в уставном (складочном) капитале которых доля иностранных лиц (либо их совокупная доля) составляет более чем 50 %, могут владеть земельными участками сельскохозяйственного назначения исключительно на праве аренды. Срок такой аренды не может превышать 49 лет. Полагаем, что Российской Федерацией в национальном перечне предложения более удачная формулировка ограничений национального режима, позволяющая оговорить имеющиеся в законодательстве ограничения для иностранных лиц и предоставляющая возможность установления дополнительных ограничений, в том числе для устранения пробелов в анализируемой сфере.

В соответствии с российским земельным законодательством иностранные лица не могут владеть на праве собственности следующими земельными участками: изъятыми из оборота (пп. 2 и 4 ст. 27 ЗК РФ); в отношении которых федеральным законом установлен запрет на приватизацию (п. 4 ст. 28 ЗК РФ, п. 8 ст. 28 Федерального закона от 21 декабря 2001 года № 178-ФЗ «О приватизации государственного и муниципального имущества»); зарезервированными для государственных или муниципальных нужд (п. 4 ст. 28 ЗК РФ); расположенными на приграничных территориях (п. 3 ст. 15 ЗК РФ); в границах особой экономической зоны, кроме случаев, когда арендаторы являются собственниками созданных ими объектов недвижимости, расположенных в границах особой экономической зоны (пп. 2, 3 ст. 32 Федерального закона от 22 июля 2005 г. № 116-ФЗ «Об особых экономических зонах в Российской Федерации»); расположенными на территории закрытого административно-территориального образования (п. 4 ст. 27 ЗК РФ, статьи 6, 8 Федерального закона от 14 июля 1992 г. № 3297-1 «О закрытом административно-территориальном образовании»); расположенные в границах морских портов (пункты 2, 4 ст. 28 Закона

«О морских портах в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»).

Резюме. Договор о создании ЕАЭС распространяет на лиц государств – членов Союза и лиц третьих государств национальный режим относительно прав на земельные участки на территории другого государства-члена, за исключением запретов и ограничений, предусмотренных национальными перечнями, содержащимися в Приложении № 2 к Протоколу № 16. Национальные перечни не содержат все запреты и ограничения, предусмотренные национальным законодательством, и не определяют этапы гармонизации и унификации правового регулирования.

Пристатейный библиографический список

1. Договор о создании Евразийского экономического союза. Подписан в г. Астане 29 мая 2014 г. // СПС «Консультант Плюс».
2. Соглашение от 9 декабря 2010 г. «О торговле услугами и инвестициях в государствах – участниках Единого экономического пространства». Решение Высшего Евразийского экономического совета от 19.12.2011 г. № 9 // РЖД – партнер документы. – 2012. – № 3.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 г. №51-ФЗ // СЗ РФ. – 1994. – № 32. – Ст. 3301; 2014. – № 19. – Ст. 2334.
4. Гражданский кодекс Республики Беларусь от 7 декабря 1998 г. № 218-3 (ред. от 04.01.2014, с изм. от 08.01.2014) // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. 20.03.2001 г. № 2/744; Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь, 11.01.2014, 2/2106.
5. Гражданский кодекс Республики Казахстан Часть общая от 27.12.1994 г. (с изм. и доп. по состоянию на 10.06.2014 г.) // Ведомости Верховного Совета Республики Казахстан. – 1994. – № 23–24 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://online.zakon.kz/document/?doc_id=1006061
6. Кодекс Республики Беларусь о земле от 23.07.2008 №425-3 (ред. от 04.01.2014) // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. – 07.08.2008. – № 187, 2/1522; Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь, 11.01.2014, 2/2105.
7. Земельный кодекс Республики Казахстан от 20.06.2003 г. № 442-2 (с изм. и доп. по состоянию на 12.06.2014 г.) // Казахстанская правда. – 2006. – 26 июня. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1040583
8. Положение «О порядке предоставления зданий, помещений и земельных участков дипломатическим представительствам, приравненным к ним представительствам международных организаций и консульским учреждениям иностранных государств в Республике Беларусь». Утверждено Указом Президента Республики Беларусь от 17 декабря 2003г. № 563 // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь, 24.12.2003 г. № 142, 1/5172; 16.02.2009 г. № 41, 1/10450.
9. Бобряшова М. А. Права на земельные участки иностранных физических и юридических лиц в России: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М.: 2012.
10. Дихтяр А. И., Корнеева С. Ю. Правовое регулирование земельных отношений с участием иностранных лиц // LAP LAMBERT Academic Publishing. – Deutschland, 2013.
11. Селифонова С. Ю. Правовое регулирование земельных отношений с участием иностранных лиц: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2012 г.

8 См.: Селифонова С. Ю. Правовое регулирование земельных отношений с участием иностранных лиц: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2012. – С. 10.

Писарев А. Н.

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ФОРМИРОВАНИЯ КОМПЛЕКСНОГО ПРАВОВОГО ИНСТИТУТА ПУБЛИЧНОЙ СОБСТВЕННОСТИ В СТРАНАХ ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА

В статье рассматривается институт публичной собственности как междисциплинарный комплексный правовой институт. Исследованы особенности развития данного института в условиях формирования Евразийского экономического союза. Проанализированы нормы конституционного и административного права России, Белоруссии и Казахстана.

Ключевые слова: публичная собственность, правовой институт, евразийская интеграция, Евразийский экономический союз, конституция.

Pisarev A. N.

CONSTITUTIONAL AND LEGAL BASIS FOR THE FORMATION OF COMPLEX LEGAL INSTITUTION OF PUBLIC PROPERTY IN THE COUNTRIES OF THE EURASIAN ECONOMIC UNION

The article considers the institute of public property as inter-disciplinary, complex legal institution. The development features of the institution in terms of formation of the Eurasian Economic Union, the rules of constitutional and administrative law of Russia, Belarus and Kazakhstan are analyzed.

Keywords: public ownership, a legal institution, the Eurasian integration, the Eurasian Economic Union, the constitution.

Подписанный главами России, Белоруссии и Казахстана 30 мая 2014 г. договор о создании Евразийского экономического союза, по точному замечанию Президента Российской Федерации В. В. Путина, не только «имеет действительно эпохальное, историческое значение, открывает самые широкие перспективы для развития экономик и повышения благосостояния граждан наших стран», но и обязывает «государства «тройки» проводить согласованную политику в ключевых отраслях экономики — в энергетике, промышленности, сельском хозяйстве, транспорте»¹.

Представляется, что такого рода деятельность требует также разработки и проведения согласованной правовой политики, основанной на единстве концептуальных подходов в вопросах правовой регламентации в соответствии с экономическими основами конституционного строя каждой страны, стратегии правового обеспечения процесса формирования и функционирования евразийского экономического пространства². При этом возможно использовать правотворческую практику Европейского союза, которая предусматривает сближение национальных законодательств государств — членов ЕС в различных областях в соответствии с рекомендациями, содержащимися в решениях, регламентах и директивах Европейского совета и Европейской комиссии³.

Основу экономической деятельности России, Белоруссии и Казахстана в рамках евразийского экономического пространства составляют вопросы публичной собственности. Это объясняется тем, что «каждое государство и любое другое публичное образование нуждаются в экономических ресурсах для выполнения тех задач и функций, ради которых они существуют. Публичная собственность выступает неперенным спутником любой госу-

дарственности, а ее масштаб в целом отражает объем и характер возложенных на институты публичной власти функций»⁴.

Следует отметить единство конституционного законодательства России, Белоруссии и Казахстана в закреплении принципиально новых подходов к регулированию экономических отношений. Общим является то, что конституции указанных государств не содержат специальной главы или раздела, посвященных экономическим основам конституционного строя страны и не упоминают о рыночной экономике. Вместе с тем конституционное законодательство стран — участниц Евразийского экономического союза закрепляет такие основные её характеристики, как: гарантия прав собственности; свобода предпринимательства, поддержка конкуренции, единство экономического пространства. Важнейшими функциями государства объявлены защита всех форм собственности и свободы предпринимательства, поддержка конкуренции.

Так, согласно ст. 13 Конституции Республики Беларусь 1994 г. (с изменениями и дополнениями, принятыми на республиканских референдумах 24 ноября 1996 г. и 17 октября 2004 г.) государство предоставляет всем равные права для осуществления хозяйственной и иной деятельности, кроме запрещенной законом, и гарантирует равную защиту и равные условия для развития всех форм собственности. Государство способствует развитию кооперации. Государство гарантирует всем равные возможности свободного использования способностей и имущества для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности⁵.

Конституция Российской Федерации в ст. 8 закрепляет такие важнейшие принципы государственной политики в области экономики, как единство экономического пространства; свободное перемещение товаров, услуг и финансовых средств; поддержка конкуренции; свобода экономической деятельности⁶.

Конституции стран — участниц Евразийского экономического союза провозглашают равный статус частной и

1 См.: Российская газета. — 2014. — 30 мая. — № 6393.

2 Рогачева Л. И. Взаимодействие государства и общества в условиях евразийской интеграции // Евразийский юридический журнал. — 2013. — № 2. — С. 31.

3 См. об этом подробнее: Саидов А. Х. Унификация права как форма сближения национальных законодательств // Влияние международного права на национальное законодательство: Материалы заседания Международной школы-практикума молодых ученых-юристов. — Москва. 24–26 мая 2007 г. / Отв. ред. Т. Я. Хабриева, Ю. А. Тихомиров. — М., 2007. — С. 27.

4 Винницкий А. В. Публичная собственность. — М.: Статут, 2013. — С. 3.

5 См.: Национальный интернет-портал Республики Беларусь. [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://www.pravo.by>.

6 См.: Собрание законодательства Российской Федерации. — 2014. — № 15. — Ст. 1691.

публичной форм собственности⁷. Равенство форм собственности, впрочем, не исключает, с одной стороны, наличия особых гарантий неприкосновенности частной собственности, а с другой — закрепления в исключительной собственности государства определенных природных объектов либо отраслей экономики.

Так, согласно ст. 6 Конституции Республики Казахстан (с изменениями и дополнениями по состоянию на 2 февраля 2011 г.) земля и ее недра, воды, растительный и животный мир, другие природные ресурсы находятся в государственной собственности. Земля может находиться также в частной собственности на основаниях, условиях и в пределах, установленных законом⁸.

Конституции Республики Беларусь (ст. 13) закрепляет положение о том, что недра, воды, леса составляют исключительную собственность государства. Земли сельскохозяйственного назначения находятся в собственности государства. Законом могут быть определены и другие объекты, которые находятся только в собственности государства, либо установлен особый порядок перехода их в частную собственность, а также закреплено исключительное право государства на осуществление отдельных видов деятельности.

Важно отметить, что указанные выше конституции выделяют публичную (общественно-полезную) сущность собственности. Так, Конституции Республики Казахстан (ст. 6) закрепляет положение о том, что собственность обязывает, пользование ею должно одновременно служить общественному благу. Субъекты и объекты собственности, объем и пределы осуществления собственниками своих прав, гарантии их защиты определяются законом.

Согласно ст. 13 Конституция Республики Беларусь государство осуществляет регулирование экономической деятельности в интересах человека и общества; обеспечивает направление и координацию государственной и частной экономической деятельности в социальных целях. Государство гарантирует трудящимся право принимать участие в управлении предприятиями, организациями и учреждениями с целью повышения эффективности их работы и улучшения социально-экономического уровня жизни.

Конституция Российской Федерации (ст. 9) устанавливает, что земля и другие природные ресурсы используются и охраняются в Российской Федерации как основа жизни и деятельности народов, проживающих на соответствующей территории.

Проанализированные выше экономические основы конституционного строя стран — участниц Евразийского экономического союза соответствуют общеевропейским тенденциям и закономерностям их регламентации в конституциях европейских постсоциалистических государств⁹.

Актуальность определения единых для стран — участниц Евразийского экономического союза концептуальных подходов в правовой регламентации конституционных основ их экономической деятельности обусловлена, прежде всего, новизной государственно-правовых подходов к такого рода проблематике.

При формулировании указанных основ конституции России, Белоруссии и Казахстана, в отличие от ранее действовавших в нашем Отечестве советских конституций, исходя из фактического приоритета в этих странах принципов либеральной рыночной экономики и закрепляют такие её основные характеристики, как гарантия прав собственности, свобода предпринимательства, поддержка конкуренции, единство экономического пространства¹⁰.

Важнейшими функциями государства объявлены защита всех форм собственности и свободы предпринимательства, поддержка конкуренции. Впервые конституционное законодательство закрепляет положение о многообразии форм собственности и их равной государственно-правовой защите.

Приведенные выше конституционные положения не только должны определять стратегию экономической политики стран — участниц Евразийского экономического союза, но и обязывают их создавать эффективную систему правового регулирования общественных отношений, возникающих в процессе её реализации, в том числе путём объединения правовых норм различных отраслей права в междисциплинарные, комплексные правовые институты. Одним из них является правовой институт публичной собственности, возникновение которого связано с развивающимся в настоящее время в России, Белоруссии и Казахстане институционально-правовым подходом в систематизации отраслевого правового регулирования.

Актуальность системно-правового исследования основных теоретических, сущностных и содержательных характеристик данного института объясняется, прежде всего, его новизной, отсутствием достаточной научной и правовой разработанности, следствием чего является неоднозначность существующих в юридической науке, нормотворческой и правоприменительной деятельности подходов в части определения приоритета образующих институт публичной собственности норм публичных или частных отраслей права и используемой ими методологии, например, при правовой регламентации участия публично-правовых образований в имущественных отношениях, с одной стороны, как органов власти, с другой стороны — как субъектов права собственности или отнесения в законодательстве населения к числу субъектов права публичной собственности.

Вместе с тем данный институт носит комплексный, междисциплинарный характер, поскольку объединяет нормы различных частных и публичных отраслей в силу однородности и взаимосвязанности регулируемых ими общественных отношений.

Актуальность развития данного правового института объясняется также единой публичной сущностью государственно-муниципального имущества и органов власти, осуществляющих управленческую деятельность в данной области в целях создания и воспроизводства общественно-полезных, публичных благ, удовлетворения интересов населения соответствующего публично-правового образования в соответствии, например с положениями ст. 2 Конституции России 1993 г. о том, что человек, его права и свободы являются высшей ценностью, а признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина — обязанность государства.

Актуальность исследования также связана с продолжающимися в России, Белоруссии и Казахстане процессами реформирования системы государственного управления, важнейшей составляющей которого является деятельности по оп-

7 Следует отметить, что в конституциях Белоруссии и Казахстана закрепляются две формы собственности — государственная и частная, а в Конституции Российской Федерации — частная, государственная, муниципальная и иные формы собственности.

8 Официальный сайт Президента Республики Казахстан. [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://www.akorda.kz/ru/>.

9 См. об этом подробнее: Мишин А. А. Конституционное (государственное) право зарубежных стран: Учеб. для вузов. — 17-е изд., испр. и доп. — М.: Статут, 2013. — С. 124.

10 См.: Пашенцев Д. А. Конституция России: этапы развития. — М.: Готика, 2008.

тимизации функции органов исполнительной по управлению государственным имуществом.

Исходя из того, что экономические основы конституционного строя России, Белоруссии и Казахстана в своей совокупности образуют одну из групп общественных отношений, составляющих предмет конституционного (государственного) права этих стран, они могут быть выделены в отдельный конституционно-правовой институт. Внутри этого института может быть выделен подинститут публичной собственности¹¹.

При этом автор солидаризируется с позицией К. А. Кононова, который критически оценивает необоснованное дробление правовых институтов конституционного права и выделение такого рода институтов применительно к большинству конституционных прав и свобод, отдельным основам конституционного строя Российской Федерации, институтам непосредственной демократии, статусам органов государственной власти и т. д.¹²

Таким образом, институциональный подход в систематизации права в зависимости от предмета и метода правового регулирования позволяет автору выделить правовой институт публичной собственности не в рамках конституционного права или какой-либо иной отрасли права, а только в случае объединения в данный институт правовых норм различных публичных и частных отраслей права.

Правовой институт публичной собственности носит межотраслевой, комплексный характер, поскольку объединяет правовые нормы различных отраслей права, призванные регулировать качественно однородные общественные отношения, возникающие в процессе многообразной деятельности по решению вопросов владения, пользования и распоряжения объектами государственной и муниципальной собственности на всех уровнях осуществления публичной власти.

При этом не вызывает сомнения тот факт, что межотраслевой комплексный характер правового института публичной собственности означает обязательное наличие в его составе как норм публичного, так и норм частного права.

Доказывая это, В. П. Мозолин и В. И. Лафитский обоснованно утверждают, что публичные нормы имеют право на существование только тогда, когда применяются вместе с нормами частного права, но и частноправовые нормы обретают право на существование только в сочетании с публичными. Один вид права без другого существовать не может; главная проблема состоит в их объединении, а не разведении; попытки нарушить это фундаментальное требование неизбежно приведут к разрушению правовой системы в целом¹³.

Мнения учёных расходятся только в части определения приоритета образующих данный институт норм публичных или частных отраслей права. Например, С. А. Зинченко считает, что институт публичной собственности образуют, прежде всего, нормы гражданского права¹⁴, В. С. Якушев обоснованно утверждает, что институт публичной собственности образуют, прежде всего, нормы административного права¹⁵.

С последним соглашается и С. С. Алексеев, добавляя, что институт, имеющий государственно-правовую природу, как бы «притягивает» нормы целого ряда отраслей и образует вместе с ними определенное единство — комплексный межотраслевой институт¹⁶.

Многие авторы, говоря о первенстве конституционного права в юридическом оформлении экономических отношений собственности, подчеркивают ведущую, стержневую роль конституционно-правовых норм в рамках межотраслевого института права публичной собственности¹⁷.

Правовые нормы конституционного права составляют основу правового института публичной собственности в силу наличия у них следующих признаков:

а) определяют правовые основы деятельности органов публичной власти в области имущественных отношений, а также механизмы разграничения публичной собственности;

б) закрепляют основы конституционного строя (политические, экономические, социальные) и принципы, в соответствии с которыми формируются публичные интересы общества и государства, определяется государственная политика в исследуемой области;

в) создают на общегосударственном уровне определенные условия, гарантии охраны и защиты публичного имущества, публичных прав и интересов, конституционных прав и свобод, в том числе в области имущественных отношений, производственной и предпринимательской деятельности;

г) закрепляют основные принципы и особенности регулирования имущественных отношений, прежде всего цели формирования состава публичного имущества и направления его использования.

В правовой институт публичной собственности могут быть включены нормы конституционного права, закрепляющие экономические основы конституционного строя, а именно:

— равенство и основы правового положения частной, государственной, муниципальной и иных форм собственности, рассматриваемых в данной отрасли права с точки зрения характеристики имущества, находящегося в чей либо собственности, а также — их равную государственно-правовую защиту (п. 2 ст. 8 Конституции)¹⁸;

— особый правовой режим земли и других природных ресурсов, находящихся в том числе в публичной собственности, которые «используются и охраняются в Российской Федерации»;

15 См.: Якушев В. С. О самостоятельности института права государственной собственности и его государственно-правовой природе // Советское государство и право. — 1978. — № 4.

16 Алексеев С. С. Структура советского права. — М.: Юридическая литература, 1975. — С. 134—135, 159—160.

17 См., в частности: Гаджиев Г. А. Конституционные основы современного права собственности // Журнал российского права. — 2006. — № 12; Мозолин В. П. Модернизация права собственности в экономическом измерении // Журнал российского права. — 2011. — № 1; Андреева Г. Н. Институт собственности в конституциях зарубежных стран и Конституции Российской Федерации. — М., 2009. — С. 51; Пашенцев Д. А. Конституционная модель социальной рыночной экономики России // Образование и право. — 2011. — № 8. — С. 125—133; Морозова Л. А. Государство и собственность (проблемы межотраслевого института) // Государство и право. — 1996. — № 2.

18 По мнению Г. А. Гаджиева, приведенные положения Конституции «обязывают государство разрабатывать экономическую политику, воплощать ее в законодательстве исходя из недопустимости создания неоправданных преимуществ для каких-либо организационно-правовых форм предпринимательской деятельности» (См.: Гаджиев Г. А. Конституционные принципы рыночной экономики (развитие основ гражданского права в решениях Конституционного Суда Российской Федерации). — М.: Юрист, 2004.)

11 В. Д. Мазаев также рассматривает публичную собственность в качестве подинститута конституционного права, отмечает его межотраслевой характер и указывает на приоритетность входящих в него конституционно-правовых норм (См.: Мазаев В. Д. Публичная собственность в России. Конституционные основы. — М., 2004. — С. 128—138).

12 См.: Кононов К. А. Конституционно-правовой институт: теоретико-методологические основания исследования категории // Конституционное и муниципальное право. — 2013. — № 7. — С. 2—9.

13 Мозолин В. П., Лафитский В. И. О статусе Российской академии наук, Банка России и других юридических лиц в связи с проектом новой редакции Гражданского кодекса РФ // Законодательство и экономика. — 2011. — № 1. — С. 9.

14 Зинченко С. А. Государственная собственность в СССР: проблемы правового регулирования. — Ростов н/Д, 1986. — С. 27—33.

Федерации как основа жизни и деятельности народов, проживающих на соответствующей территории» (п. 1, ст. 9 Конституции), а также развивающие их положения, в которых закрепляются не только права собственников свободно владеть, пользоваться, распоряжаться указанными объектами, но и их обязанности не наносить при осуществлении такой деятельности ущерба окружающей среде (п. 2 ст. 36 Конституции);

— единство экономического пространства Российской Федерации, гарантирующее свободное перемещение товаров, услуг и финансовых средств, поддержку конкуренции, свободу экономической деятельности, в том числе на территории муниципальных образований (п. 1 ст. 8 Конституции), а также развивающие их положения, которые в целях обеспечения экономической целостности страны запрещают установление таможенных границ, пошлин, сборов и каких-либо иных препятствий для свободного перемещения товаров, услуг и финансовых средств (ч. 2 ст. 74 Конституции);

— экономические гарантии обеспечения самостоятельности органов самоуправления, не входящих в систему органов государственной власти, в том числе в вопросах управления муниципальной собственностью (ст. 130 Конституции)¹⁹;

— конституционное право каждого иметь имущество в собственности, владеть и распоряжаться им как единолично, так и совместно с другими лицами (ч. 2 ст. 35 Конституции), а также закрепленные в ч. 3 данной статьи гарантии того, что никто не может быть лишен своего имущества иначе как по решению суда, а принудительное отчуждение имущества для государственных нужд может быть произведено только при условии предварительного и равноценного возмещения;

— конституционные гарантии социального обеспечения по возрасту, в случае болезни, инвалидности, потери кормильца, для воспитания детей и в иных случаях, установленных законом (ч. 1 ст. 39 Конституции);

— конституционные основы разграничения предметов ведения и полномочий в области управления объектами публичной собственности (статьи 71—73, 130 Конституции);

— полномочия органов публичной власти различного уровня в области управления публичным имуществом (пп. «г» п. 1 ст. 114, ч. 1 ст. 130, ч. 2 ст. 132).

Как уже было отмечено выше, в состав правового института публичной собственности в силу его междисциплинарного и комплексного характера включаются нормы частного права, прежде всего, гражданского права. Речь идет о группах правовых норм, регламентирующих:

1. Понятие, объекты и субъекты права государственной и муниципальной собственности, которые определяются в разделе 2 Гражданского кодекса от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ «Право собственности и другие вещные права», несомненно, являющегося одним из самых фундаментальных законодательных актов, в котором дается современное нормативное представление права муниципальной собственности, определяются основы правового регулирования муниципальной собственности, порядок ее образования, владения, пользования и распоряжения ею²⁰.

2. Порядок участия публично-правовых образований (Российской Федерации, субъектов Российской Федерации, муниципальных образований) в имущественных отношениях, а также правовые основания и порядок наступления ответственности по их обязательствам (статьи 124—127);

3. Правовые основы управления публичным имуществом, принадлежащем на праве хозяйственного ведения или находящемся в оперативном управлении (статьи 295—300) и др.

Важно отметить, что в состав комплексного междисциплинарного правового института публичной собственности могут включаться нормы административного права.

При этом обращает на себя внимание тот факт, что в правовых исследованиях по проблематике публичной собственности учёными уделяется внимание анализу, прежде всего, гражданско-правовых и конституционно-правовых норм, входящих в состав одноименного института, что свидетельствует о недооценке регулятивного воздействия административного права на имущественные отношения.

Вместе с тем понятна глубокая и неразрывная связь конституционно-правовых и административно-правовых норм в сфере правового регулирования общественных отношений в области публичной собственности.

По мнению автора, нормы конституционного права находят своё продолжение и воплощаются в жизнь в нормах административного права, которые, прежде всего, детально регламентируют в данной области исполнительно-распорядительную деятельность органов исполнительной власти по реализации закрепляемых в законодательстве полномочий²¹.

Кроме этого, в соответствии с указом Президента Российской Федерации от 9 марта 2004 г. «О системе и структуре федеральных органов исполнительной власти» в целях повышения их эффективности определена трехуровневая система таких органов. В основу построения такой системы заложена типология функций федеральных органов исполнительной власти, определенная в рамках проводимой административной реформы. Одной из такого рода функций является функция по управлению государственным имуществом, под которой в указе понимается осуществление федеральным органом исполнительной власти полномочий собственника в отношении федерального имущества, в том числе переданного федеральным государственным унитарным предприятиям, федеральным казенным предприятиям и государственным учреждениям, подведомственным федеральному агентству, а также управление находящимися в федеральной собственности акциями открытых акционерных обществ²².

А. Ливеровский и А. Б. Новиков обоснованно полагают, что эффективность деятельности органов исполнительной власти по осуществлению закрепляемых в законодательстве функций должна оцениваться на основании нормативно установленных, качественно и количественно определенных критериев, отражающих степень реализации конституционных принципов народовластия и решения других задач государственного управления в их совокупности²³.

ношение населения соответствующей административно-территориальной единицы к закрепленным за нею объектам как к своим» (См.: Соколова А. А. Право муниципальной собственности и его ограничения: Дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2003. — С. 25).

19 Т. Я. Хабриева считает, что «сегодня любое развитое общество невозможно представить без местного самоуправления. Демократические государства давно признали достоинства местного самоуправления и отвели ему особое место в структуре власти» (См.: Хабриева Т. Я. Современная конституция и местное самоуправление // Журнал российского права. — 2005. — № 4).

20 Публично-правовой подход к формулированию понятия права муниципальной собственности, по нашему мнению, весьма точно и образно выражен А. А. Соколовой, которая таковым считает «от-

21 О такого рода взаимосвязи административного права и конституционного права см., например: Бельский К. С. Полицейское право. — М., 2004. — С. 117, 120.

22 Собрание законодательства Российской Федерации. — 2004. — № 11. — Ст. 945.

23 См: Ливеровский А. А., Новиков А. Б. О некоторых теоретических предпосылках административной реформы // Конституционное и

Следует поддержать позицию указанных авторов в определении двух ключевых моментов: во-первых, это то, что концептуальные положения, определяющие стратегию деятельности органов исполнительной власти в области имущественных отношений, должны исходить из соответствующих конституционно-правовых основ и принципов; во-вторых, то, что совершенствование и развитие органов исполнительной власти должно осуществляться в русле проходящих в России демократических процессов и носить публичный характер²⁴.

Важной особенностью административно-правовых норм, входящих в состав правового института публичной собственности, является то, что они находятся на стыке конституционного и административного права и при этом в значительной степени интегрированы в такие комплексные отрасли права, как: земельное, природоресурсное, жилищное, муниципальное право и др. Речь, например, идёт о правовых нормах, закрепляющих административные процедуры, особенности правосубъектности публичных образований как собственников имущества; особенности возникновения, прекращения и осуществления права публичной собственности; особенности состава публичного имущества и его формирования; обязанности публичных собственников; порядок управления публичным имуществом; правовой режим использования публичного имущества и т. д.

Указанные особенности административно-правовых норм, входящих в состав правового института публичной собственности, обнаруживаются в правовых актах, регулирующих общественные отношения, возникающие в процессе организации и деятельности федеральных и региональных органов исполнительной власти, органов местного самоуправления по осуществлению исполнительно-распорядительной деятельности в области имущественных отношений.

По мнению А. В. Винницкого, такие особенности правоприменительной деятельности, осуществляемой государственными органами и органами местного самоуправления в соответствии с нормами административного права, «видоизменяют право публичной собственности (по сравнению с общей гражданско-правовой моделью)». Он же обоснованно полагает, что такие административно-правовые нормы должны вводиться только в публичных интересах и в целях создания общих условий для эффективного выполнения государственных и муниципальных функций на базе публичного имущества и могут носить ограничительный характер, поскольку в рамках действующего законодательства регламентируют юридические процедуры и основания по, например, предоставлению объектов в публичную собственность, продаже помещений в процессе приватизации, реализации процедур распоряжения имуществом и т. д.²⁵

Кроме этого, в состав правового института публичной собственности могут включаться нормы административного права, регламентирующие деятельность органов исполнительной власти по имущественному обеспечению реализации соответствующих государственных (муниципальных) функций.

Речь идёт о регламентных нормах, которые, например, определяют порядок и организационные формы деятельности таких органов; порядок, сроки и процедуры планиро-

вания соответствующих мероприятий, осуществления контроля и проведения отчётов об их выполнении; регулируют вопросы использования объектов публичной собственности; допускают, предписывают или запрещают совершение определенных юридически значимых действий с принадлежащим им имуществом; распределяют полномочия между органами публичной власти в области имущественных отношений; устанавливают юридические процедуры текущего управления и плановые показатели использования соответствующих объектов и т. д.

При этом органы публичной власти, будучи одновременно собственниками и представителями интересов народа, призваны детально регламентировать в своих правовых актах в соответствии с требованиями федерального и регионального законодательства юридические процедуры осуществления многогранной правоприменительной деятельности в области имущественных отношений.

При этом часто происходит так, что объединение административно-правовых и частноправовых норм, призванных регулировать имущественные отношения, приводит к принципиальному изменению методологии правового регулирования от диспозитивной к императивной или разрешительной.

В качестве примера можно привести постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 12 мая 2009 г. № 17653/08, в котором сформулирована правовая позиция, в соответствии с которой случаи совершения органом власти от имени Российской Федерации тех или иных действий, прямо не предусмотренных законом, следует рассматривать в качестве оснований для запрещения соответствующей сделки и признания её ничтожной²⁶.

Таким образом, автор приходит к выводу, что в составе междисциплинарного комплексного правового института публичной собственности может быть выделен подинститут соответствующих норм административного права, призванных детально регламентировать деятельность органов исполнительной власти по реализации и исполнению полномочий публичного собственника, а также юридические процедуры реализации ими соответствующих государственных функций²⁷.

По мнению А. В. Винницкого, такая совокупность правовых норм является «не просто административно-правовой составляющей межотраслевого института публичной собственности. Общность таких установлений в их взаимосвязи представляет собой сложный нормативный комплекс отраслевого характера — административно-имущественное право, которое образует относительно автономную систему и охватывает с точки зрения предмета регулирования как отношения публичной собственности, так и тесно связанные с ними отношения, в рамках которых публичная администрация осуществляет: 1) планирование в отношении публичного имущества; 2) формирование составов имущества публично-территориальных образований, необходимого и достаточного для выполнения возложенных функций; 3) управление сформированными составами публичного имущества в рамках выполне-

26 См.: Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. — 2009. — № 8.

27 По мнению С. С. Алексеева, такого рода объединение правовых норм в самостоятельные структурные элементы отраслевого порядка (институты, подотрасли и т. п.) вполне возможно при наличии необходимых системообразующих факторов. При этом во взаимосвязи с другими подразделениями правовой системы отраслевой институт представляет собой системно-целостное, нерасчлененное образование, единую правовую общность (См.: Алексеев С. С. Структура советского права. — С. 123).

муниципальное право. — 2007. — № 17.

24 Комментарий к Конституции Российской Федерации / Под ред. В. Д. Зорькина, Л. В. Лазарева. — М.: Эксмо, 2010. — С. 7.

25 См.: Винницкий А. В. Публичная собственность. — М.: Статут, 2013. — С. 154.

ния государственных или муниципальных функций; 4) учет и контроль в отношении публичного имущества»²⁸.

По весьма точному выражению С. Д. Хазанова, «именно административно-правовой инструментарий и механизм функционирования исполнительных органов позволяют воплотить в жизнь конституционно-правовые предписания»²⁹.

Таким образом, комплексный междисциплинарный правовой институт публичной собственности объединяет правовые нормы различных публичных и частных отраслей права.

Нормы публичных отраслей права регулируют общественные отношения, связанные с деятельностью органов государственной власти и органов местного самоуправления по реализации в области имущественных отношений закрепляемых в законодательстве функций и полномочий, в соответствии с сущностью публичной власти и публичной собственности, которые проявляются в единой социальной направленности государственного управления и местного самоуправления, а также в представлении и защите интересов соответствующего публичного образования и проживающего там населения.

Нормы частных отраслей права регламентируют правовое положение публичных образований как участников гражданско-правовых отношений, обязательным признаком которого является закрепленное за ними на праве собственности обособленное имущество и их имущественные права.

На основе представленных выше рассуждений автор приходит к выводу, что междисциплинарный комплексный правовой институт публичной собственности можно рассмотреть в узком и широком значении.

В первом случае такой институт представляет собой систему правовых норм, регламентирующих отношения, складывающиеся в соответствующих публичных образованиях по поводу публичного имущества, находящегося в государственной или муниципальной собственности.

Во втором случае указанный институт охватывает совокупность правовых норм, регулирующих не только отношения публичной собственности, но и имущественные права публичных образований.

Таким образом, в России, Белоруссии, Казахстане правовой институт публичной собственности может быть определен как комплексный междисциплинарный институт национального права, представляющий собой совокупность норм различных публичных и частных отраслей права, закрепляющих и регулирующих общественные отношения, возникающие в процессе экономического (материального) обеспечения деятельности органов государственной власти и органов местного самоуправления по реализации в области имущественных отношений закрепляемых в законодательстве функций и полномочий, в соответствии с сущностью и социальной направленностью публичной власти и публичной собственности.

Пристатейный библиографический список

1. Андреева Г. Н. Институт собственности в конституциях зарубежных стран и Конституции Российской Федерации. — М., 2009.
2. Винницкий А. В. Публичная собственность. — М.: Статут, 2013.
3. Гаджиев Г. А. Конституционные основы современного права собственности // Журнал российского права. — 2006. — № 12.
4. Ливеровский А. А., Новиков А. Б. О некоторых теоретических предпосылках административной реформы // Конституционное и муниципальное право. — 2007. — № 17.
5. Мазаев В. Д. Публичная собственность в России. Конституционные основы. — М., 2004.
6. Мишин А. А. Конституционное (государственное) право зарубежных стран: Учебник для вузов. 17-е изд., испр. и доп. — М.: Статут, 2013.
7. Мозолин В. П. Модернизация права собственности в экономическом измерении // Журнал российского права. — 2011. — № 1.
8. Мозолин В. П., Лафитский В. И. О статусе Российской академии наук, Банка России и других юридических лиц в связи с проектом новой редакции Гражданского кодекса РФ // Законодательство и экономика. — 2011. — № 1.
9. Морозова Л. А. Государство и собственность (проблемы межотраслевого института) // Государство и право. — 1996. — № 2.
10. Пашенцев Д. А. Конституция России: этапы развития. — М.: Готика, 2008.
11. Пашенцев Д. А. Конституционная модель социальной рыночной экономики России // Образование и право. — 2011. — № 8.
12. Рогачева Л. И. Взаимодействие государства и общества в условиях евразийской интеграции // Евразийский юридический журнал. — 2013. — № 2.
13. Саидов А. Х. Унификация права как форма сближения национальных законодательств // Влияние международного права на национальное законодательство: Материалы заседания Международной школы-практикума молодых ученых-юристов. Москва. 24—26 мая 2007 г. / Отв. ред. Т. Я. Хабриева и Ю. А. Тихомиров. — М., 2007.
14. Хабриева Т. Я. Современная конституция и местное самоуправление // Журнал российского права. — 2005. — № 4.
15. Хазанов С. Д. Важные вопросы науки административного права // Административное право на рубеже веков: Межвуз. сб. науч. трудов / Отв. ред. Д. Н. Бахрах, С. Д. Хазанов. — Екатеринбург, 2003.

28 См. Винницкий А. В. Публичная собственность. — М.: Статут, 2013. — С. 164.

29 См.: Хазанов С. Д. Важные вопросы науки административного права // Административное право на рубеже веков: Межвуз. сб. науч. трудов / Отв. ред. Д. Н. Бахрах, С. Д. Хазанов. — Екатеринбург, 2003. — С. 31.

Левшин В. В.

АНАЛИЗ ЕВРОПЕЙСКОГО ОПЫТА ИНТЕГРАЦИИ И ВЫРАБОТКА ПРЕДЛОЖЕНИЙ ДЛЯ ЕВРАЗИЙСКОГО СОЮЗА

В статье раскрывается проблематика применения, а порой копирования как положительного, так и отрицательного опыта европейской интеграции в теории и практике построения Таможенного союза, Единого экономического пространства, Евразийского экономического союза, неполноты определений, раскрывающих понятие «гармонизация», угрозы государственному суверенитету и, как следствие, – концепции «многополярного мира».

Ключевые слова: гармонизация, централизованный союз, мягкая сила, суверенитет.

LEVSHIN V. V.

ANALYSIS OF THE EUROPEAN INTEGRATION EXPERIENCE AND ELABORATION OF THE PROPOSALS FOR THE EURASIAN UNION

The article reveals the problematic of use and occasionally of copy both positive and negative experiences of European integration in the theory and practice of building the Customs Union, the Common Economic Space, the Eurasian Economic Union, incompleteness of definitions revealing the concept of «harmonization», the threat to national sovereignty and as a consequence, the concept of a «multipolar world».

Keywords: harmonization, centralized union, soft power, sovereignty.

Концепции интеграции складывались исторически. Наиболее приемлемые формы интеграции для стран ТС и ЕЭП ввиду сходности менталитета и культурно-религиозных основ в развитии государств мы находим в примере Европы.

«Первое объединение Европы произошло в VII веке, во-едино были собраны в империи народы, населявшие земли, на которых расположены Австрия, Бельгия, Западная Германия, Северная Италия, Люксембург, Нидерланды и Франция. Создание империи было отмечено введением в 794 г. первой единой западноевропейской валюты – монеты *денарий*. Объединение народов в одно (единое) государство происходит параллельно с осознанием потребности введения единой валюты, так как валюта является самым эффективным интегрирующим элементом и наиболее ярко символизирует целостность государственного образования., выделяя его среди прочих»¹. Исходя из вышеизложенного мы имеем первый тип интеграции, выраженный в виде объединения государств в одно, с централизованной системой управления и единой валютой. Условно назовём его «централизованный».

Имеет место в истории и второй тип интеграции – заключение между государствами валютных союзов. Второй тип интеграционного процесса исторически мы можем наблюдать на примере интеграционного процесса, проходившего в Европе на рубеже XX века – это заключение рядом западноевропейских государств валютных союзов (Германо-Австрийский валютный союз, Латинский валютный союз и Скандинавский валютный союз)², которые не преследовали цели создать единые государства). «Заключение Германо-Австрийского валютного союза (1857–1866) означало введение в Австрии южно-германской валюты *гульден*. Этот Союз был обречён на неудачу вследствие серьёзных политических разногласий между участвующими в нем государствами»³. Нечто подобное мы на-

Левшин В. В.

блюдаем в настоящее время в ЕС, где присутствуют экономические и политические разногласия, протестные настроения, массовые беспорядки. Стабильная Швейцария готовится к краху Еврозоны, в частности, увеличением воинского контингента на четыре батальона для предотвращения массовых беспорядков, которые могут возникнуть с территории других стран Евросоюза, а также ужесточением миграционной политики (вопрос решался в форме референдума). Во втором типе интеграции происходит введение единой валюты, но без образования единого государства (центра управления). Это децентрализованная форма интеграции.

Исторически жизнеспособным и наиболее стабильным типом интеграции проявил себя централизованный тип интеграции.

При осуществлении интеграции происходит определённый важный этап – гармонизация политик и законодательств интегрирующихся государств. Раскрытие понятие «гармонизация», по мнению автора, оказывает важное влияние для выбора типа интеграционного союза. В научной литературе, посвящённой исследованию ЕврАзЭС, существуют следующие подходы к определению понятия «гармонизация»: «Гармонизация – согласование общих подходов и концепций, совместная разработка правовых принципов и отдельных решений»⁴; «гармонизация – процесс обеспечения согласованности правовых актов, соразмерности объема полномочий принявших их субъектов, достижения целей, заданных государственными институтами»⁵.

И. И. Лукашук отмечает, что гармонизация представляет собой процесс целенаправленного сближения правовых систем в целом и отдельных отраслей, утверждения общих ин-

1 Пашковская И. Г. Европейская и валютная интеграция. Аспекты права Европейского союза. – Москва, Эликс – КМ, 2003.

2 Vanthoor W. F. V., European Monetary Unions Since 1848. A Political and Historical Analysis, Edward Elgar, Cheltrnham, UK, 1996, p. 8–69; Olszak N. Histoire des unions monétaires, Presses Universitaires de Frans, 1996. – P. 3–83.

3 Пашковская И. Г. Европейская и валютная интеграция. Аспекты права Европейского союза. – Москва, Эликс – КМ, 2003.

4 Мембеталиев Т. Н., Мембеталиева Ж. Н. О перспективах гармонизации национальных налоговых законодательств государств-участников Евразийского экономического сообщества // Налоговый вестник. – 2001. – № 6.

5 Чертков А. Н. Место и роль законов субъектов Российской Федерации в системе законодательного регулирования в сфере совместного ведения // Журнал российского права. – 2005. – № 5.

ституты и норм, устранения противоречий⁶. Исходя из имеющихся доктринальных определений, а также определений понятия «гармонизация», содержащихся в различных международных документах, Н. А. Данилов понимает под гармонизацией следующее: «Гармонизация — планомерный процесс сближения национальных правовых систем, выражающийся в формировании в различных национальных правовых системах схожих по правовому регулированию институтов, подотраслей и отраслей права, единого правового регулирования определённых общественных отношений»⁷.

Исходя из вышеотмеченных доктринальных воззрений и проведённого Н. А. Даниловым доктринального анализа понятия «гармонизация», сложно прийти к выводу о наиболее эффективном типе интеграционного объединения. В результате этого возникает необходимость более глубокого и широкого раскрытия понятия «гармонизация», в основе которой лежит понятие «гармония».

Гармония (др. греч. ἀρμονία — связь, порядок; строй, лад; слаженность, соразмерность, стройность) — комплекс понятий теории музыки. Гармоничной называется (в том числе и в обиходной речи) приятная для слуха и постигаемая разумом слаженность звуков (музыкально-эстетическое понятие). В научной перспективе это представление приводит к композиционно-техническому понятию гармонии как объединения звуков в созвучия и их закономерного последования. Гармония как научная и учебно-практическая дисциплина изучает звуковысотную организацию музыки.

Человеком, ответственным за беспрецедентный успех «Beatles», был Теодор Адорно. Его секретным оружием была система атональной музыки, или, как ее еще называют, 12-тоновая музыка, которая, казалось, пробуждала в сознании общие для многих людей ощущения и действовала особенно на определенные возрастные группы. Данная система атональной музыки, или 12-тоновая музыка, — это метод музыкальной композиции, созданный в конце 1910 г. австрийским композитором, секретным агентом британской разведки Арнольдом Шёнбергом. Он описывает музыку, в которой применяются как равные все двенадцать тонов хроматического звукоряда, в отличие от *тональной системы, характерной для европейской музыки XVII–XIX вв.*, в которой вся звуковысотная **структура подчинена строгой иерархии, то есть существует главный тон, к которому стремятся все остальные звуки**. Шёнберг стремился к тому, чтобы его метод композиции стал основной движущей силой музыки, **сменив тональную систему, основанную на гармонии**.

«Эта новая форма музыки влияла отрицательно на психику американцев, приводя к последовательному и в то же время радикальному разрыву семейных и религиозных культурных связей, — пишет Ричард Уоррен Липак в книге “События и тайны эпохи: Джон Леннон и “Beatles” как зеркало человеческой судьбы” (Epoch Moments and Secrets: John Lennon and the Beatles as the mirror of man’s destiny). — Это произошло естественным образом, под влиянием тяжелых и повторяющихся звуков, воздей-

ствию которых подвергались тело, мозг и человеческий дух, под влиянием атональной шкалы»⁸.

Исходя из вышеотмеченных доктринальных воззрений, понятий, терминов, автор в результате проведённого изучения и анализа пришёл к следующим выводам:

Гармонизация — планомерный, органичный процесс сближения национальных правовых систем, выражающийся в формировании в различных национальных правовых системах схожих по правовому регулированию институтов, подотраслей и отраслей права, единого правового регулирования определённых общественных отношений, основанный на принципах гармонии, целью которого является создание иерархически единой правовой системы в рамках централизованного экономического союза.

Современная европейская интеграция, по мнению Т. В. Грачёвой, является частью глобального интеграционного процесса и переходной стадией к созданию глобального государства. С её же точки зрения, происходит глобальный управляемый процесс по постепенной ликвидации национальных политических и экономических суверенитетов национальных государств и создание союзов государств по второму типу (децентрализованных с единой валютой) с последующим переходом к глобальному (централизованному) государству. Основой для этого Глобального государства (своего рода матрицей) должно послужить одно из современных государств, для чего оно не будет введено (по сути, а не по форме) ни в один децентрализованный союз и должно сохранить экономический и политический суверенитет в достаточном объёме для последующего распространения на всё государство. Какое же это потенциальное государство? На первый и поверхностный взгляд, напрашиваются США, но это только не первый взгляд. В конфедеративном государстве США процесс децентрализации и «десуверенизации» запущен и идёт полным ходом — это один из кирпичиков здания Глобального государства, но никак не краеугольный камень. На роль «краеугольного камня» — основы (матрицы) нового Глобального государства наиболее подходит Израиль⁹.

Единый глобальный интеграционный (империалистический процесс), результатом которого будет построение Единого глобального государства, неизбежен — это вопрос времени. Но в историческом ракурсе мы наблюдаем форсирование этого процесса при отсутствии объективных предпосылок для этого, результатом чего был «откат назад» процесса глобализации в виде разрушения, распада либерально-демократических (децентрализованных) союзов — так как данный промежуточный этап формирования Глобального «империалистического» (централизованного) государства крайне нестабилен и требует одновременности процесса во всём мире (сохраняя недолгую стабильность и жизнеспособность) и требует своевременного перехода в окончательную стадию формирования Глобального государства (опять же при наличии объективных предпосылок для этого). Исторически процесс неоднократно инициировался и форсировался, но откатывался к начальным стадиям (Наполеон, Гитлер, Революция 1917 г. в России и т. д.)

В настоящее время мы наблюдаем запуск начальных процессов Глобализации и, так же как и в историческом контексте,

6 Лукашук И. И. Глобализация, государство, право, XXI век. — М., 2000. — С. 45.

7 Данилов Н. А. Проблемы гармонизации национальных законодательств государств-участников Евразийского экономического сообщества // Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование. — 2011. — Вып. № 1. — Т. 4.

8 Истулин Д. Секреты Бильдербергского клуба [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://my-lib.net/?id=577077516>

9 Грачёва Т. В. (заведующая кафедрой Военной академии Генштаба России) Последнее искушение России. — Рязань: Зёрна-Слово, 2013.

видим неединовременность формирования децентрализованных союзов и затягивание данной стадии, что ведет к распаду этих промежуточных недолго жизнеспособных систем. Вновь и вновь наблюдаем отсутствие объективных предпосылок для глобализации, а именно: неподготовленность всего мирового сообщества для создания Единого Глобального Империалистического государства в соответствии с замыслом его устроителей.

Рано или поздно лица, управляющие процессом глобализации, осознают (а возможно, уже осознали) необходимость тактической уступки в виде возможности возрождения России хотя бы в «усечённом» виде (централизованного Евразийского экономического союза не всех ранее входивших в Российскую империю, а позднее в СССР государств, а лишь России, Украины, Белоруссии и, возможно, Казахстана), так как в случае окончательного распада территории, разрушения экономики, производства, связей, ослабления производительных сил, а также *разложения потенциала электората* (столь необходимого глобальному государству) заново осваивать такую огромную территорию и всё восстанавливать будет слишком затратно даже для последующего глобального государства, а эта проблема возникнет непременно, если процесс распада не будет приостановлен на данном этапе.

Исходя из вышеизложенного, для стран ТС и ЕЭП, по мнению, которое разделяет автор, открывается перспектива выработки достаточно определённой концепции интеграции, а именно постепенной реализации 1-го типа интеграции (централизованного), осуществляемой по принципу «мягкой силы» при отсутствии либерального подхода и принципов.

При создании (или в процессе создания) централизованного союза необходимо будет переподчинить Центробанк правительству и восстановить контроль над золотовалютными запасами, а именно: вносить изменения в законодательство таким образом, чтобы контроль над деятельностью Центробанков был постепенно возвращён под контроль правительств, а в итоге – единой правительственной структуры Евразийского экономического союза, аналогично в отношении контроля над

золотовалютными запасами, которые в итоге так же должны быть централизованы, как и управление ими в интересах, прежде всего, Евразийского экономического союза. Данные меры позволят произвести рывок в развитии производительных сил, что приведёт к обеспечению суверенитета, развитию экономики и благосостояния граждан, общества, государства.

Пристатейный библиографический список

1. Грачёва Т. В. Последнее искушение России. – Рязань: Зёрна-Слово, 2013.
2. Данилов Н. А. Проблемы гармонизации национальных законодательств государств-участников Евразийского экономического сообщества // Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование. – 2011. – Вып. 1. – Т. 4.
3. Истулин Д. Секреты Бильдербергского клуба [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://my-lib.net/?id=577077516>
4. Лукашук И. И. Глобализация, государство, право, XXI век. – М., 2000.
5. Мембеталиев Т. Н., Мембеталиева Ж. Н. О перспективах гармонизации национальных налоговых законодательств государств – участников Евразийского экономического сообщества // Налоговый вестник. – 2001. – № 6.
6. Пашковская И. Г. Европейская и валютная интеграция. Аспекты права Европейского союза. – М.: Эликс-КМ, 2003.
7. Чертков А. Н. Место и роль законов субъектов Российской Федерации в системе законодательного регулирования в сфере совместного ведения // Журнал российского права. – 2005. – № 5.
8. Vanthoor W. F. V. European Monetary Unions Since 1848. A Political and Historical Analysis, Edward Elgar. – Cheltrnham, UK, 1996.
9. Olszak N. Histoire des unions monetaires. – Paris: Presses Universitaires de Frans, 1996.

Об авторе

Александр Михайлович СОЛНЦЕВ

Кандидат юридических наук, доцент, заместитель заведующего кафедрой международного права Российского университета дружбы народов. В 2005 г. с отличием окончил магистратуру РУДН по специальности «Международное право». В 2008 г. защитил кандидатскую диссертацию под руководством профессора А. Х. Абшидзе на тему «Роль международных судебных учреждений в разрешении международных экологических споров». Проходил стажировку в Университете Амстердама (University van Amsterdam, Нидерланды, 2001–2002 гг.) и в Управлении Верховного комиссара ООН по правам человека (Женева, 2012 г.). Член Российской ассоциации международного права. Сфера научных интересов: проблемы теории и практики международного права, в особенности вопросы международного экологического права, международного космического права, мирного разрешения споров; проблемы защиты прав человека; африканистика. Автор и соавтор более 150 работ, опубликованных в России и за рубежом.

А. М. Солнцев
О ЗАЩИТЕ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ И ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ПРАВАХ ЧЕЛОВЕКА

А. М. Солнцев

**СОВРЕМЕННОЕ
МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО
О ЗАЩИТЕ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ
И ЭКОЛОГИЧЕСКИХ
ПРАВАХ ЧЕЛОВЕКА**

Наше издательство предлагает следующие книги:

Издательство **URSS**

117330, Москва, Тел./факс: (499) 724 25 45
пр. Мухоморова, 56

Сайт: www.urss.ru
E-mail: URSS@URSS.ru

Андреева Е. С.

ПРАВОВОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО ПО ВОПРОСАМ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ВОЕННОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ МЕЖДУ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИЕЙ И РЕСПУБЛИКОЙ АРМЕНИЯ

В статье рассматриваются вопросы правового регулирования совместного использования военной инфраструктуры, находящейся на территории Армении, вооруженными силами Российской Федерации и Республики Армения как на двусторонней, так и на многосторонней основе, проводится анализ действующих международно-правовых актов в сфере военного сотрудничества, изучается формирование общих и специальных принципов сотрудничества при совместном использовании военной инфраструктуры и предлагается перечень данных принципов.

Ключевые слова: военное сотрудничество, военная инфраструктура, военная база, вооруженные силы, международные соглашения в военной сфере, международная безопасность, национальная безопасность.

ANDREEVA E. S.

LEGAL COOPERATION ON THE ISSUES OF PROVISION OF MILITARY INFRASTRUCTURE BETWEEN THE RUSSIAN FEDERATION AND THE REPUBLIC OF ARMENIA

The article examines the legal regulation of the joint usage of military infrastructure located on the territory of Armenia, by the armed forces of the Russian Federation and the Republic of Armenia on both bilateral and multilateral basis, analysis of the existing international legal acts in the sphere of military cooperation is conducted, the formation of general and special principles of cooperation on the joint usage of military infrastructure is studied and the enumeration of the given principles are offered.

Keywords: military cooperation, military infrastructure, military base, armed forces, international agreements on the military sphere, international security, national security.

Андреева Е. С.

Для каждого государства (Российской Федерации и стран Южного Кавказа) угрозы национальной безопасности имеют как схожие аспекты, так и принципиально различные.

Опасности для региона Южного Кавказа – локальные конфликты, нерешенность территориальной принадлежности Нагорного Карабаха, спорные территории, являющиеся объектом споров между Грузией и Арменией, между Грузией и Азербайджаном. «Кавказский регион обладает высокой степенью политической и экономической энтропии»¹.

Кроме того, данный регион является важным стратегическим районом как для США (и НАТО), так и для Российской Федерации. Однако невозможно не отметить различия в понимании стратегического интереса РФ и западных государств. Так, Леван Алапашвили, отражая позицию государств-членов НАТО, делает акцент на экономическом интересе западных государств при распространении их влияния на Южном Кавказе. В первую очередь это интерес, связанный с большими запасами азербайджанской нефти, ее транспортировка на западные рынки, создание транснационального транспортного коридора из Европы в Азию – «Шелковый путь», а интересы России в данном регионе связывает с политическим и военным влиянием². Однако, представляется, что данное мнение – если не проявление лукавства, то, во всяком случае, ошибочно. Невозможно не согласиться с мнением Т. В. Спиридонова, отмечающего, что «с помощью созданной огромной военной

машины, разветвленных военных баз и других объектов инфраструктуры в других странах США стремятся решить свои геополитические и геоэкономические проблемы, обеспечить экспансию американского капитала за рубежом в самом широком диапазоне (получение доступа к районам капиталовложений, источникам сырья и товарным рынкам). Развязанные США по ложным мотивам многочисленные войны (Ирак, Афганистан и др.) были направлены на сохранение американской империи, контроля над природными ресурсами, которые в значительной степени сконцентрированы (не считая Арктику) между Аравийским полуостровом, Ираком, Ираном, Персидским заливом и южными республиками бывшего СССР и Афганистаном»³.

Как отмечают исследователи, «сегодня Южный Кавказ, учитывая его относительно небольшую территорию и плотность населения, является одним из самых военизированных частей мира. Каждая из трех стран региона имеет военный потенциал не только сопоставимый, но иногда даже выше, чем у среднего европейского народа (это относится главным образом к Азербайджану и, в меньшей степени, к Армении и Грузии). Кроме того, если учитывать вооружение, находящееся в непризнанных «странах» и государственных образованиях, возникших здесь после распада Советского Союза – Нагорно-Карабахская Республика, Абхазия, и Южная Осетия, а также российские военные базы в Закавказье – то картинка будет еще более грозной». Кровавые этнические и внутригосударственные конфликты в регионе, вызванные распадом Советского Союза и возникновением независимых государств в регионе с тремя национальными армиями не могли не ускорить огром-

1 Гулевич В. Динамика политико-социального пространства Кавказского региона // [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.gumilev-center.ru/dinamika-politiko-socialnogo-prostranstva-kavkazskogo-regiona/>

2 Alapishvili L. The Civil-Military Relations and Democratic Control on Armed Forces in Caucasus // [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.nato.int/acad/fellow/97-99/alapishvili.pdf>

3 Спиридонов Т. В. Место военной инфраструктуры в геополитических и геоэкономических планах США // Вестник Военного университета. – 2011. – № 3 (27). – С 102–106.

ную концентрацию в нем вооружений и военной техники. Таким образом, проблемы контроля над вооружениями, ограничения и сокращения являются одними из ключевых аспектов безопасности на Южном Кавказе»⁴.

Обзор изменений вооруженных сил в регионе Южного Кавказа со времени распада Советского Союза до сегодняшнего дня показывает, что структуры, базы, законы, военное оборудование трех новообразованных южнокавказских республик в значительной степени зависят от условий и инфраструктуры Советского Союза и современной России; в течение последних лет отмечаются значительные усилия Азербайджана и Грузии для создания вооруженных сил. Хотя процесс реформы инфраструктуры и вооруженных сил требует большого количества времени, дабы новые системы и оборудование заняли соответствующее место, однако в действительности, благодаря сотрудничеству этих двух стран с НАТО, США, Турцией и Израилем, они начали этот процесс, и с самого его начала эти связи и помощь [с означенными странами] в образовательной, технической сферах, а также в создании баз только расширялись. В силу этого фактора, изменения в инфраструктуре и технической сфере в вооруженных силах Грузии и Азербайджана имеют под собой более внешние источники, чем внутренние, но если они (т.е. Грузия и Азербайджан) будут рассматривать цели, подходы и интересы этих держав на Кавказе, то они увидят, что они не включают в себя реформирование и создание вооруженных сил для этих двух республик»⁵.

Конечно, то, что происходит в Армении, отличается от положения в этих двух вышеупомянутых республиках, так как эта республика является стратегическим союзником России и получает необходимую военную помощь и оборудование в соответствующий момент от «материнской» страны; всякий раз, когда Армении угрожает опасность, следует соответствующая реакция русских, в этой связи в Армении нет и мысли о замене российской техники и инфраструктуры, а опыт войны в Карабахе, показал, что наличие запасов вооружения являлся действенным фактором в решении конфликта в их (т.е. армян) пользу»⁶.

После распада СССР остро встал вопрос о наследстве бывшей Советской Армии. Вооруженные силы Советского Союза являлись «законченными боевыми системами, в которых организовывалось взаимодействие войск (сил) по единому замыслу и плану военных (боевых) действий. Однако так как военная организация СССР не привязывалась к административно-территориальному устройству Союза, то при разделе она утратила системные свойства»⁷.

В 1992 г. было предложено создать Объединенные вооруженные силы Содружества независимых государств (СНГ), и представители государств-членов этой организации 20 марта 1992 г. в г. Киев подписали Соглашение «Об объединенных вооруженных силах на переходный период»⁸.

Согласно ст. 2 данного Соглашения «Объединенные вооруженные силы Содружества независимых государств включают стратегические силы Содружества, образованные в соответствии с Соглашением между государствами-участниками Содружества независимых государств по стратегическим силам от 30 декабря 1991 года, а также силы общего назначения, образованные в соответствии с Соглашением между Республикой Армения, Республикой Беларусь, Республикой Казахстан, Республикой Кыргызстан, Российской Федерацией, Республикой Таджикистан, Туркменистаном и Республикой Узбекистан о силах общего назначения на переходный период от 14 февраля 1992 года»⁹.

Однако Объединенные вооруженные силы оказались нежизнеспособными, что привело к необходимости решать вопросы создания национальных вооруженных сил.

Новые государства в интересах своих вооруженных сил стали делить, а часто просто захватывать имущество бывшей Советской Армии. На Южном Кавказе в условиях ряда конфликтов Армения, Азербайджан и Грузия завладели частью материальной части бывшего Закавказского Военного округа (ЗакВО).

Как отмечает М. Пядушкин, «в Армении раздел военного имущества бывшего ЗакВО прошел наиболее цивилизованно». Но, в то же время, «из всех закавказских государств при разделе военного имущества Армения оказалась в самом невыгодном положении, так как на ее территории находилось наименьшее количество войск Закавказского военного округа»¹⁰.

На территории Республики Армения остались вооружения 7-й гвардейской армии со штабом в Ереване и 15-й мотострелковой дивизии (со штабом в Кировоакане).

Передача Армении военного имущества производилась на основе международных двусторонних соглашений:

– Протокол «О понимании относительно перечней воинских формирований и объектов», подписан министрами обороны Российской Федерации и Республики Армения 30 мая 1992 г.;

– Соглашение между Российской Федерацией и Республикой Армения об условиях и сроках передачи Армении вооружения и техники расформируемых соединений и частей российских вооруженных сил, дислоцированных в Армении от 06 июля 1992 г.;

– Соглашение между Российской Федерацией и Республикой Армения о порядке и условиях передачи Армении части вооружения, военной техники и военного имущества России, дислоцирующихся на территории Армении, от 10 июля 1992 г.;

– Договор о правовом статусе российских вооруженных сил на территории Армении от 21 августа 1992 г.

В 1996 г. процесс передачи вооружения и военного имущества от Российской Федерации Республике Армения был завершен.

На территории Республики Армения осталась 127-я мотострелковая дивизия 7-й армии ЗАКВО, которая впоследствии была преобразована в 102-ю военную базу, местом дислокации которой стал г. Гюмри.

4 Minasian S. Regional Security Arms Control in the Southern Caucasus // Central Asia and the Caucasus. – 2004. – № 6 (30). – P. 33.

5 Хэйдри Джавад. Барреси-е абад-э незом-э амнияти-э монтагха-е дар Кавказ. – 2003 г. [Хайдари-е Джавад. Изучение параметров военной безопасности в Кавказском регионе. Политические науки. Исследования по Средней Азии и Кавказу, 2003. Вып. 42. С.147] – перевод Е.А.

6 Там же.

7 // [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://kombat-bvoku.ucoz.ru/publ/voennaja_tematika/razdel_byvshikh_sovetskikh_voorgu_zhjonnykh_sil_posle_raspada_ssr_2_chast/4-1-0-100

8 Соглашение «Об объединенных вооруженных силах на переходный период» от 20 марта 1992 г., Киев // Российская газета. – 1992. – 23 марта.

9 Соглашение «Об объединенных вооруженных силах на переходный период» от 20 марта 1992 г. // Российская газета. – 1992. – 23 марта.

10 Пядушкин М. Вооружая Кавказ: нечаянное наследство Москвы // Кавказ: Вооружен и разобщен / Под ред. А. Матвеевой, Д. Хизкока. – М., 2004. – С. 165.

Под Ереваном на военном аэродроме Эребуни дислоцируется авиагруппа 102-й российской военной базы¹¹.

Также охрана границ Республики Армения с Ираном и Турцией осуществляется вооруженными силами Республики Армения совместно с группировкой российских пограничных войск. Для управления российскими войсками создана Оперативная группа «Армения».

Наличие военной базы и присутствие пограничных войск РФ на территории РА определяет необходимость решения вопросов военного сотрудничества, в том числе обеспечение военной инфраструктуры.

В правовой доктрине под международным военным сотрудничеством понимают совместную деятельность государств, направленную на укрепление их безопасности, предотвращение войны, разоружение, повышение боеготовности и усиление военно-технической оснащенности вооруженных сил¹².

Иногда о нем говорят как о системе совместных действий государств в политической, экономической, военной и других сферах, направленных на защиту государственных интересов, обеспечение обороноспособности и безопасности государства или группы государств, включающую в себя многостороннюю, региональную и двустороннюю составляющие¹³.

Полагаем, что военное сотрудничество означает совместную деятельность государств по вопросам взаимодействия контингентов национальных и международных вооруженных сил, включая выполнение общих боевых задач, а также деятельность по решению военно-технических, военно-гуманитарных, социальных, культурных и других проблем, возникающих в результате такого взаимодействия, имеющих целью обеспечение национальной и международной безопасности. В круг исследуемых проблем не включены вопросы сотрудничества так называемых «паравоенных сил». Сам термин *paramilitary forces* в настоящее время активно используется в зарубежных доктринальных работах¹⁴ и означает сотрудничество силовых структур, которые не являются вооруженными силами – внутренние войска, федеральная служба безопасности, полиция, войска гражданской обороны и др. В отечественных правовых работах данный термин автору данной работы не встречался.

Понятие «военная инфраструктура» раскрыто в Соглашении об оперативном оборудовании территории, совместно использовании объектов военной инфраструктуры государств-членов Организации Договора о коллективной безопасности (18 июня 2004 года), в котором указано, что «военная инфраструктура» – это система стационарных объектов и отдельных сооружений в регионе (стратегическом районе), расположенных на территории Сторон, являющихся основой для развертывания национальных вооруженных сил, коалиционных (региональных) группировок войск (сил), ведения военных действий и обеспечения боевой и оперативной подготовки войск. «Объекты военной инфраструктуры» же – пункты управления войсками (силами), узлы и линии связи, места

дислокации войск (сил), система инженерных укреплений и заграждений, укрепленные районы, позиции, объекты сил и средств противовоздушной обороны, аэродромы, учебные центры, полигоны, трубопроводы, железные и шоссейные дороги, арсеналы, базы, склады, медицинские учреждения, предприятия по ремонту военной техники, другие объекты, используемые войсками (силами) Сторон в повседневной деятельности в мирное время и планируемые к использованию в военное время¹⁵.

В отношении обеспечения пограничных войск РФ, находящихся на территории РА, действует Договор между Российской Федерацией и Республикой Армения о статусе Пограничных войск Российской Федерации, находящихся на территории Республики Армения, и условиях их функционирования (Ереван, 30 сентября 1992 г.)¹⁶. Согласно данному Договору Республика Армения в интересах обеспечения собственной безопасности, безопасности Российской Федерации и коллективной безопасности государств – участников СНГ, делегирует вопросы охраны государственной границы с Турцией и Ираном в пределах своей территории Пограничным войскам Российской Федерации, дислоцированным на момент подписания настоящего Договора на территории Республики Армения.

Обеспечение полетов авиации Пограничных войск Российской Федерации, а также использование аэродромов и аэропортов, железных и автомобильных дорог и их сооружений на территории Республики Армения, связанных с охраной границы осуществляются безвозмездно (ст. 7).

Для обеспечения функционирования военной базы в Республике Армения был подписан ряд соглашений:

– Договор между Российской Федерацией и Республикой Армения о российской военной базе на территории Республики Армения от 16 марта 1995 г.¹⁷;

– Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Армения о пунктах размещения российской военной базы на территории Республики Армения и о порядке передачи и использования земельных участков для размещения и функционирования российской военной базы от 27 сентября 1996 г.¹⁸ и Протокол между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Армения о внесении изменений в Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Армения о пунктах размещения российской военной базы на территории Республики Армения и о порядке передачи и использования земельных участков для размеще-

15 Соглашение об оперативном оборудовании территории, совместно использовании объектов военной инфраструктуры государств-членов Организации Договора о коллективной безопасности от 18 июня 2004 года // [Электронный ресурс] – Режим доступа: Правовая база КонсультантПлюс <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=PRJ;n=63008;fld=134;dst=4294967295;rnd=0.2558653095217195>

16 Договор между Российской Федерацией и Республикой Армения о статусе пограничных войск Российской Федерации, находящихся на территории Республики Армения, и условиях их функционирования от 30 сентября 1992 года // Бюллетень международных договоров. – 1995. – № 6. – Стр. 16.

17 Договор между Российской Федерацией и Республикой Армения о российской военной базе на территории Республики Армения от 16 марта 1995 г. ратифицирован Федеральным Собранием (Федеральный закон от 26 мая 1997 года N 85-ФЗ) // Собрание законодательства Российской Федерации, 1997. – № 22. – Ст. 2548.

18 // [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.mid.ru/BDOMP/spd_md.nsf/0/FD41444B98FE8A2144257C8C00398BAD

11 Подробнее о российском воинском контингенте в Республике Армения см.: Минасян С.М. Военно-политическое сотрудничество России и Армении в контексте проблем региональной безопасности Южного Кавказа // Вестник ВГУ. Серия Гуманитарные науки. – 2005. – № 1. – С. 338-349.

12 Котляров И.И. Военное право: Учебник для воен.-учеб. Заведений ВС РФ. – М., 1997. – С. 150.

13 Арутюнян А.А. Международно-правовые основы военного сотрудничества Республики Армения и Российской Федерации. Дисс...канд.наук. – М., 2004. – С. 33.

14 Galeotti M. Russian Security and Paramilitary Forces since 1991. – Osprey Publishing, 2013.

ния и функционирования российской военной базы от 27 сентября 1996 года¹⁹;

– Протокол между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Армения о пунктах размещения российской военной базы на территории Республики Армения от 3 октября 2012 г.²⁰ и др.

Основные вопросы использования инфраструктуры базы решены в Договоре между Российской Федерацией и Республикой Армения о российской военной базе на территории Республики Армения от 16 марта 1995 г. и Приложениях к нему.

Согласно Договору «движимое имущество» – штатное и табельное имущество, находящееся в пользовании российской военной базы, включая все виды вооружения, боеприпасов, боевой и другой техники, материально-технических средств, а «недвижимое имущество» – расположенные на территории российской военной базы здания и сооружения, коммуникации и другие объекты инфраструктуры, предназначенные для обеспечения ее функционирования.

Условия пользования участками для размещения и функционирования российской военной базы с расположенным на них недвижимым имуществом, а также размеры и границы этих участков определяются отдельными соглашениями Сторон (ст. 5). Право собственности на объекты, возведенные на российской военной базе, после подписания настоящего Договора принадлежит Стороне, осуществившей финансирование их строительства. Движимое имущество воинских формирований российской военной базы по окончании срока их пребывания в Республике Армения используется по взаимному согласованию Сторон, за исключением имущества, приобретенного этими формированиями за счет средств Российской Федерации после подписания настоящего Договора.

Согласно ст. 7 Протокола 1 к Договору 1995 г. российская военная база осуществляет контроль за надлежащим техническим состоянием принадлежащих ей транспортных средств и несет за это ответственность.

Армянская Сторона по заявкам органа управления российской военной базы предоставляет в аренду каналы связи и другие средства связи государственной сети связи Республики Армения (ст. 2 Протокола 2 к Договору 1995 г.).

За время сотрудничества Российской Федерации и Республики Армения количество мест дислокации российской военной базы в Армении значительно выросло.

Под «объектами дислокации военных баз» обычно понимаются аэродромы, здания, стационарные сооружения и коммуникации, военные городки, подъездные железнодорожные пути, учебные поля, полигоны, стрельбища, жилые здания, а также земельные участки с дислоцированными на них воинскими формированиями Российской Федерации. Как указывает В. В. Сви́нарев, соглашения между государствами

о военных базах четко обозначают и согласовывают пределы такого рода территорий, приводят исчерпывающий перечень относящихся к военным базам объектов²¹.

1 октября 2002 г. было подписано базовое Соглашение между Российской Федерацией и Республикой Армения о совместном использовании объектов военной инфраструктуры²². В Соглашении не раскрывается понятие «военная инфраструктура», но дается перечень объектов военной инфраструктуры. Согласно данному Соглашению под объектами военной инфраструктуры Сторон понимаются размещенные в границах региона пункты управления войсками, места дислокации войск (сил), система инженерного оборудования местности, позиции и объекты сил и средств ПВО, аэродромы, узлы и линии связи, полигоны, арсеналы, базы, склады, предприятия по ремонту военной техники и другие объекты, которые используются войсками (силами) при повседневной деятельности в мирное время и которые планируется использовать в период военных действий.

Соглашение между РФ и РА 2002 г. закрепляет, что существующие объекты военной инфраструктуры, которые предусматривается совместно использовать и модернизировать Сторонами, являются собственностью Стороны, на территории которой они расположены.

Стороны договорились, что объекты военной инфраструктуры должны поддерживаться в рабочем состоянии и в готовности к совместному использованию. Сторона, войска (силы) которой в процессе использования причинили ущерб объектам военной инфраструктуры, находящимся на территории другой Стороны, устраняет последствия ущерба или компенсирует стоимость работ по их устранению на основании заключения совместной экспертной комиссии.

При модернизации объектов военной инфраструктуры в целях их совместного последующего использования Стороне, не являющейся собственником объекта, должна быть выплачена компенсация.

Соглашение предусматривает возможность создания новых объектов военной инфраструктуры на основе долевого участия Сторон. Такие объекты становятся совместной собственностью.

Однако нужно отметить, что в отношении военной инфраструктуры, совместно используемой вооруженными силами РФ и РА, существуют еще два соглашения, которые также должны находиться в соответствии с Соглашением государств-членов ОДКБ от 18 июня 2004 года. Это Соглашение между Министерством обороны Российской Федерации и Министерством обороны Республики Армения о сотрудничестве в области противовоздушной обороны от 3 ноября 1994 г. (г. Москва) и Соглашение между Министерством обороны Российской Федерации и Министерством обороны Республики Армения об организации приема, аэродромно-технического обеспечения и охраны на военных аэродромах воздушных судов авиации Вооруженных Сил Российской Федерации и Вооруженных Сил Республики Армения от 3 ноября 1994 г. (г. Москва)²³.

В первом Соглашении указано, что Стороны осуществляют использование аэродромной сети, воздушного про-

19 Протокол между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Армения о внесении изменений в Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Армения о пунктах размещения российской военной базы на территории Республики Армения и о порядке передачи и использования земельных участков для размещения и функционирования российской военной базы от 27 сентября 1996 года // Бюллетень международных договоров. 2006. – № 7. – С. 93.

20 Протокол между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Армения о пунктах размещения российской военной базы на территории Республики Армения от 3 октября 2012 г. // Бюллетень международных договоров. – 2013. – № 10.

21 Сви́нарев В.В. Правовое положение российских военных баз за рубежом // Право и политика. – 2000. – № 6.

22 Соглашение между Российской Федерацией и Республикой Армения о совместном использовании объектов военной инфраструктуры от 01 октября 2002 г. // Бюллетень международных договоров. – 2004. – № 6. С. 61 – 64.

23 Текст проектов см.: // [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.bestpravo.ru/rossijskoje/bh-postanovlenija/n3a.htm>

странства, систем связи, информационного и материально-технического обеспечения, а также других объектов военной инфраструктуры авиационными частями противовоздушной обороны Сторон на основании отдельного соглашения (ст. 3), а поставки вооружения, боеприпасов, военной техники, запасных частей, учебного и вспомогательного имущества, предоставление услуг военного назначения осуществляются по заявкам Министерства обороны Республики Армения в соответствии с действующим в Российской Федерации законодательством (ст. 4).

Во втором Соглашении определен перечень бесплатных услуг, которые должны оказывать стороны при посадке военных воздушных судов на военных аэродромах, и которые включают: предоставление необходимых данных об аэродроме; передачу заявок на полеты (планов полетов); предоставление метеоданных; использование военных навигационных систем на маршруте полета (за исключением полета по трассам), при взлете и посадке; стоянку и охрану военных воздушных судов. К услугам с оплатой относятся: обеспечение горючим, маслами, смазочными материалами и специальными жидкостями; аэродромно-техническое обслуживание; возмещение расходов по восстановлению отказавшей авиационной техники; возмещение расходов по пребыванию экипажа (питание, расквартирование, лечение, использование транспортных средств вне аэродрома и другие услуги).

Для обеспечения военных воздушных судов, доставляющих военные делегации и экспертов, указанные услуги, за исключением заправки горючим, маслами, смазочными материалами и специальными жидкостями, предоставляются на безвозмездной основе.

Соглашение об оперативном оборудовании территории, совместном использовании объектов военной инфраструктуры государств-членов Организации Договора о коллективной безопасности от 18 июня 2004 года²⁴ вводит новые требования к объектам военной инфраструктуры.

Уполномоченные органы Сторон разрабатывают и представляют Совет коллективной безопасности Перечень объектов военной инфраструктуры для совместного использования коалиционными (региональными) группировками войск и перспективный план их создания, развития и содержания.

Совместное использование объектов военной инфраструктуры, вошедших в Перечень, в мирное время для проведения командно-штабных и войсковых учений осуществляется на основе предварительных заявок и планов проведения совместных учений при этом затраты по использованию данных объектов при проведении указанных мероприятий возлагаются на принимающую Сторону с возмещением затрат участвующими в учениях Сторонами принимающей Стороне по фактическим расходам.

Соглашение предусматривает, что в случае выхода из настоящего Соглашения Стороны, на территории которой осуществлялись мероприятия по капитальному ремонту, расширению, реконструкции и новому строительству объектов военной инфраструктуры, предназначенных для совместного использования, эта Сторона в соответствии с принятыми в международной торговой практике условиями и формами расчетов возмещает другим Сторонам, участвовавшим в финансировании указанных мероприятий, сумму средств,

определяемую совместно Сторонами, эквивалентную стоимости их доли в объекте военной инфраструктуры после его совместного использования. При этом объект военной инфраструктуры переходит в собственность Стороны, вышедшей из настоящего Соглашения, возместившей другим Сторонам соответствующие их доли. Стороне, которая участвовала в финансировании мероприятий по капитальному ремонту, расширению, реконструкции и новому строительству объектов военной инфраструктуры на территории другой Стороны, при выходе из Соглашения в соответствии с принятыми в международной торговой практике условиями и формами расчетов возмещается сумма средств, определяемая Сторонами, эквивалентная фактической стоимости ее доли в объекте военной инфраструктуры.

На вышедшую из Соглашения сторону накладывается обязательство не допускать третью (третьи) Сторону (Стороны), на использовавшиеся совместно объекты военной инфраструктуры, а также не продавать и не передавать указанные объекты третьей (третьим) Стороне (Сторонам) без согласия на это Сторон, участвовавших в разработке проектно-сметной, технологической, технической документации на их ремонт, расширение, реконструкцию и новое строительство, осуществлявших поставки продукции военного назначения, оборудования и технологий, а также обеспечивать сохранность сведений, составляющих государственную тайну государственных участников настоящего Соглашения (ст. 13).

В Заключении Комитета Государственной Думы по делам Содружества Независимых Государств и связям с соотечественниками от 24 октября 2008 г. № 25/1 на проект федерального закона № 82950-5 «О ратификации Соглашения об оперативном оборудовании территории, совместном использовании объектов военной инфраструктуры государств – членов Организации Договора о коллективной безопасности» отмечается, что реализация положений Соглашения в различных регионах коллективной безопасности будет осуществляться с учетом ранее достигнутого законодательного обеспечения военной безопасности между отдельными государствами – членами ОДКБ. На Кавказском направлении данный вопрос решается на основе договоренностей между Россией и Арменией о размещении российской военной базы²⁵.

20 декабря 2011 г. в г. Москве был подписан Протокол о размещении объектов военной инфраструктуры на территориях государств – членов Организации Договора о коллективной безопасности²⁶.

В Протоколе содержится обязательство государств-членов ОДКБ принимать решение о размещении на своих территориях группировок войск (сил), объектов военной инфраструктуры государств, не являющихся членами Организации, после проведения неотложных консультаций (согласования) с другими Сторонами и при отсутствии их официальных возражений.

25 Текст Заключения Комитета Государственной Думы по делам Содружества Независимых Государств и связям с соотечественниками от 24 октября 2008 г. № 25/1 на проект федерального закона № 82950-5 «О ратификации Соглашения об оперативном оборудовании территории, совместном использовании объектов военной инфраструктуры государств – членов Организации Договора о коллективной безопасности» см.: // [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/3035885/>

26 Протокол о размещении объектов военной инфраструктуры на территориях государств – членов Организации Договора о коллективной безопасности от 20 декабря 2011 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2013. – № 6. – Ст. 471.

24 Соглашение об оперативном оборудовании территории, совместном использовании объектов военной инфраструктуры государств-членов Организации Договора о коллективной безопасности от 18 июня 2004 г.

Данный Протокол был ратифицирован Российской Федерацией 12 ноября 2012 г.²⁷, а Республикой Армения – 4 октября 2012 г.

При обсуждении ратификации данного Протокола в Парламенте Республики Армения был поставлен вопрос о том, не ограничивает ли данное обязательство суверенитет Армении. Были выступления депутатов с заявлениями, что Протокол может препятствовать развитию сотрудничества с НАТО и ограничить действия Армении в случае возобновления нагорно-карабахского конфликта. Однако замминистра иностранных дел Армении Ш. Кочарян заявил, что Протокол соответствует интересам Армении, а власти страны не намерены размещать на территории государства военные объекты государств, не являющихся членами ОДКБ²⁸.

В заключение отметим, что в Концепции военного сотрудничества государств-участников Содружества Независимых Государств до 2015 г. (принято в г. Москве 10.12.2010) о сотрудничестве в сфере развития военной инфраструктуры упоминается лишь в общем виде и только один раз: V. Основные области и направления развития военного сотрудничества: б) в военной области: проведение мероприятий по модернизации объектов военной инфраструктуры, совместно используемых в интересах обеспечения военной безопасности государств-участников СНГ²⁹.

Подводя итог, следует отметить, что в настоящее время можно говорить о формировании принципов совместного использования военной инфраструктуры при осуществлении международного сотрудничества в военной сфере.

Кроме общих принципов, таких как принцип взаимной выгоды от совместного использования военной инфраструктуры и принцип сотрудничества, анализ договорных норм приводит к выводу о закреплении специальных принципов. К таким принципам предлагается отнести следующие:

– принцип возложения ответственности за ущерб на сторону, использующей военную инфраструктуру и причинившую ущерб,

– принцип отказа от вреда культурным ценностям и окружающей среде государства, в котором используется военная инфраструктура,

– принцип собственности на объекты стороны, осуществившей финансирование их строительства.

Пристатейный библиографический список

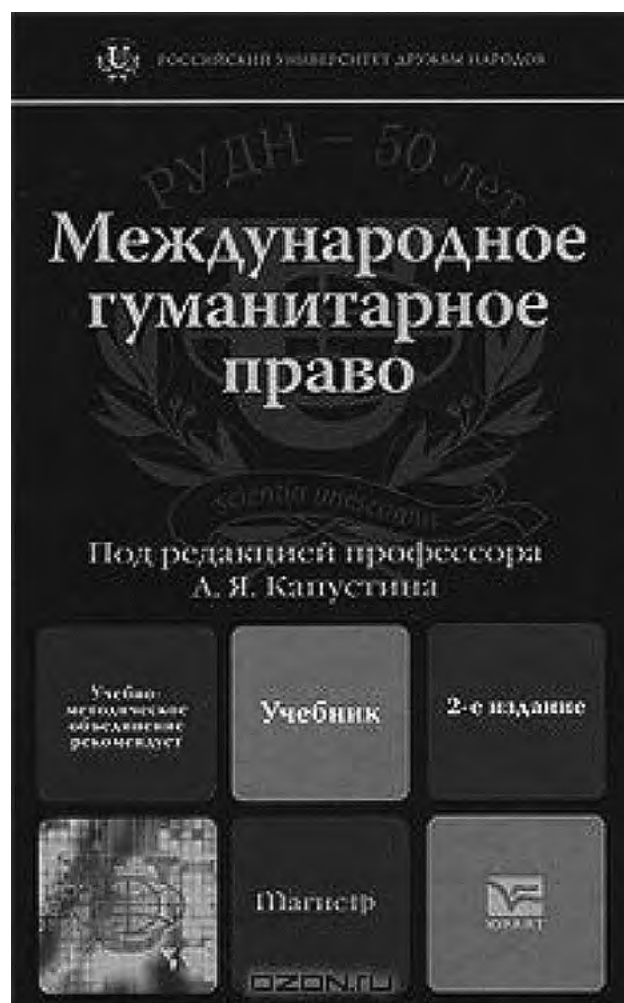
1. Арутюнян А.А. Международно-правовые основы военного сотрудничества Республики Армения и Российской Федерации. Дисс. ... канд. наук. – М., 2004.
2. Гулевич В. Динамика политико-социального пространства Кавказского региона // <http://www.gumilev-center.ru/dinamika-politiko-socialnogo-prostranstva-kavkazskogo-regiona/>
3. Котляров И.И. Военное право: Учебник для воен.-учеб. Заведений ВС РФ. – М., 1997. – С. 150.

27 Федеральный закон от 12 ноября 2012 г. № 200-ФЗ «О ратификации Протокола о размещении объектов военной инфраструктуры на территориях государств – членов Организации Договора о коллективной безопасности» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2012. – № 47. – Ст. 6411.

28 [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.yerkramas.org/2012/10/04/parlament-armenii-ratificiroval-protokol-ozrazmeshhenii-voennykh-obektov-v-stranax-odkb/>

29 Текст Концепции см. в правовой базе КонсультантПлюс: // [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=INT;n=50793>

4. Минасян С.М. Военно-политическое сотрудничество России и Армении в контексте проблем региональной безопасности Южного Кавказа // Вестник ВГУ. Серия Гуманитарные науки. – 2005. – № 1. – С. 338-349.
5. Пядушкин М. Вооружая Кавказ: нечаянное наследство Москвы // Кавказ: Вооружен и разобщен / Под ред. А. Матвеевой, Д. Хизкока. – М., 2004.
6. Свиарев В.В. Правовое положение российских военных баз за рубежом // Право и политика. 2000. № 6.
7. Galeotti M. Russian Security and Paramilitary Forces since 1991. Osprey Publishing, 2013.
8. Minasian S. Regional Security Arms Control in the Southern Caucasus // Central Asia and the Causasus. – 2004. – № 6 (30).
9. Хэйди Джавад. Барреси-е абад-э незом-э амнияти-э монтаха-е дар Кавказ. 2003 г. [Хайдари-е Джавад. Изучение параметров военной безопасности в Кавказском регионе. Политические науки. Исследования по Средней Азии и Кавказу, 2003. – Вып. 42. – С. 147] – перевод автора с персидского.

Смбатян А. С.

РЕШЕНИЯ СУДА ЕВРАЗЭС НЕ ВЫЗЫВАЮТ НАУЧНОГО ИНТЕРЕСА?¹

История юриспруденции – это история становления и противоборства различных типов правопонимания, подходов к тому, что есть право, в чем выражается его сущность. Правопонимание лежит в основе любой правотворческой и правоприменительной деятельности, включая отправление правосудия. В течение последнего десятилетия отечественные специалисты по общей теории права все больше внимания уделяют вопросам правовой теории, которая получила название «интегративной юриспруденции». Суду ЕвРАЗЭС рекомендуется учитывать в своей деятельности эти научные достижения для повышения убедительности и авторитетности принимаемых решений.

Ключевые слова: Суд; ЕвРАЗЭС; правоприменение; толкование; международное право; теория права; решение; мотивировочная часть.

Smbatyan A. S.

DON'T THE DECISIONS OF EURASEC COURT ATTRACT SCIENTIFIC INTEREST?

The history of jurisprudence is a history of evolution and struggle between different types of concepts of the law, approaches to defining what the law is, and what is the expression of its nature.

The concept of law is the basis of any lawmaking and law enforcement practice, including the administration of justice. In the past decade Russian academics specializing in general theory of law paid growing attention to so-called «integrative jurisprudence» theory. It is recommended that the EurAsEC Court should have proper regard to these academic considerations to provide its decisions with greater credibility and authority.

Key words: Court, EurAsEC, law enforcement, interpretation, international law, law theory, decision, statement of reasons.

Рубрика «Евразийское правосудие: решения и комментарии» была открыта в № 8 «ЕЮЖ» за 2013 г. первоклассными статьями двух заведующих кафедрами международного права: МГУ им. М.В. Ломоносова – А. С. Исполинова и Новосибирского госуниверситета – В. Л. Толстых. Казалось, были все основания надеяться, что такая рубрика станет одной из самых популярных, востребованных авторами из стран Евразийского пространства. Ожидания не оправдались. Статьи, посвященные анализу решений Суда, – большая редкость для «ЕЮЖ», и для других отечественных научных изданий правовой тематики.

Ситуация сколь удивительна, столь и парадоксальна, ибо в зарубежных научных журналах сотни статей ведущих юристов-международников посвящаются именно анализу решений органов международного правосудия (далее – ОМП). Так, постоянному и скрупулезному научному анализу подвергаются, в первую очередь, решения наиболее авторитетных ОМП: «утомленного» собственной «непогрешимостью» Международного суда Организации Объединенных Наций; вполне эффективного и любимого автором Органа по разрешению споров ВТО; весьма изобретательного Суда ЕС, отбивающегося от постоянной критики Международного трибунала по бывшей Югославии; довольно взвешенного и в меру новаторского Межамериканского суда по правам человека; воплотившего в себе наилучшие достижения защиты прав личности Европейского суда по правам человека, а также других ОМП, не причисляемых к категории «тяжеловесов», но явно претендующих на это в не столь отдаленной перспективе.

Почему же так произошло, что решения Суда ЕвРАЗЭС не стали предметом изучения и многостраничных комментариев отечественных ученых? Почему они не обсуждаются ни в блогах юристов-международников, ни в ходе научных конференций? Почему правовые позиции Суда не вдохновляют ученых и практиков на формулирование новых научных концепций, не подвигают к решению юридических головоломок? Прежде чем мы сформулируем ответы на эти вопросы, нач-

Смбатян А. С.

нем исследование с общетеоретической, можно даже сказать, философской проблемы правопонимания (часть I). Следует также разобраться с тем, какие собственно секреты знают судьи других ОМП, благодаря чему принимаемые ими решения притягивают к себе внимание международной научной общественности (часть II). А затем рассмотрим собственно практику Суда ЕвРАЗЭС на предмет ответа на главный вопрос: что можно улучшить в деятельности Суда с тем, чтобы со временем он занял достойное место среди «коллег-тяжеловесов».

I. Правопонимание с позиций современности

История юриспруденции – это история становления и, в определенной степени, противоборства различных концепций, типов правопонимания–подходов к тому, что есть право и в чем выражается его сущность. У местно привести высказывание великого Иммануила Канта, категорически не согласившегося с принижением роли теории, в том числе и в области права: «Всякий только осмел бы математика-эмпирика или артиллериста, которые относительно общей механики или математического учения о метании бомб высказались бы в том смысле, что теория здесь, правда, тонко придумана, но для практики она не имеет значения»².

Депутаты, судьи, ученые, чиновники не всегда осознанно подходят к вопросу о том, как они понимают право. Вместе с тем они всегда руководствуются определенным правопониманием, в том числе и на интеллектуально-интуитивном уровне. Правопонимание – основа любой правоприменительной и правотворческой деятельности. Юридические конструкции, закрепленные в законах, подзаконных актах, международных договорах, решениях международных организаций, решениях судов всегда являются отражением право понимания определенного типа.

1 Тебе, лучшему из людей, ныне живущих.

2 Кант И. О поговорке «Может быть, это и верно в теории, но не годится для практики». – Соч. – в 6 т. – Т. 4. – Ч. 2. – М.: 1965. – С. 62.

Международное право оказалось «в тисках» позитивизма; государства суверенны, они являются основными субъектами международного права, все изменения в праве возможны только с их согласия, любой шаг в «сторону» без согласия государств неправомерен и никакой юридической силы иметь не может. Все остальные «действующие лица» подобны фантомам. Они вроде бы есть, а вроде их нет. Как привидения. В лучшем случае им придается не вполне понятный статус производных субъектов международного права, квазисубъектов, псевдосубъектов и т.п.³ Почему так происходит? Потому что любые теории, раздвигающие рамки позитивизма, создают угрозу ослабления контроля государств над изменениями в международном праве. В этом смысле международное право, к сожалению, остается весьма и весьма идеологизированным, несвободным от ценностных суждений. Видимо, по этой причине отечественная теория международного права упорно не желает воспринимать разработки общей теории права, которые российские ученые-теоретики привносят в нашу юриспруденцию.

В течение последнего десятилетия отечественные специалисты по общей теории права все больше внимания стали уделять вопросам правовой теории, которая получила название «интегративной юриспруденции»⁴. В основе интегративного правопонимания лежит трактовка права как многоаспектного явления, которое не сводится исключительно к нормативным установлениям⁵. Автор каждой из этих концепций правопонимания ставит перед собой задачу теоретического обоснования действительности с позиций современности. Особенно ценным в них является то, что значительное внимание уделяется правосознанию и механизмам взаимодействия участников правоотношений. Все эти подходы объединяет то, что они не просто описывают, а объясняют, что есть право, раскрывают механизмы правового регулирования, как они есть, а не какими они должны быть или казаться. Среди таких работ особое внимание автора привлекли труды профессора А. В. Полякова (коммуникативная теория права)⁶, профессора И. Л. Честнова (диалогическая онтология права)⁷, профессора В. П. Малахова (концепция правового существа)⁸, профессора А. И. Овчинникова (юридическая герменевтика)⁹. Работы этих авторов, конечно же, появились не в «чистом поле». Они опираются на наследие зарубежной теории права и, что особенно важно, наследие выдающихся российских ученых, например, – основателя психологической школы права Л. И. Петражицкого¹⁰.

Коммуникативная теория права, разработанная профессором кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета А. В. Полякова, вне всякого сомнения, одно из наиболее значимых явлений в отечественной юриспруденции. Центральной в работе А. В. Полякова является проблема правопонимания. Право позиционируется автором как специфический феномен при наличии социально значимого *нормативного содержания*, которое интерпретируется в рамках социума как ценность и придает тем самым правовым притязаниям значение оправданных, т.е. правомерных. Нельзя не согласиться с мнением профессора А. В. Полякова о том, что право как целостность всегда есть действующее право. Как материя невозможна без движения, так право невозможно вне своего действия. Важным элементом механизма действия права А. В. Поляков считает субмеханизм его социально-правовой легитимации. Вне социальной легитимации правовые тексты как источники права не существуют. Легитимация, верифицируемая на основе функционирования текстов в качестве источника права, и начало правового действия (собственно самой правовой коммуникации), свидетельствует о социально ценностном содержании и социальном бытии права. Таким образом, право не существует вне сознания социальных субъектов, следовательно, вне правосознания. Однако А. В. Поляков не отождествляет полностью право и правосознание. Право бытийствует как часть общественного правосознания, в рамках которого обеспечивается его конституирование: осмысление, легитимация, хранение и воспроизводство. Соответственно, к структурным элементам правосознания автор относит правовую онтологию, правовую аксиологию и правовую праксиологию. В теории правопонимания А. В. Полякова слышны отголоски концепции нормативных фактов, разработанной Л. И. Петражицким. Напомним, что Л. И. Петражицкий выдвинул теорию, согласно которой могут существовать факты, в которых лежат «основания обязательности» некоторого поведения, т.е. может существовать разум, логос или смысл самих фактов. При этом свойство «нормативности», которым обладают такие факты, не является свойством чисто объективным. Профессор Н. Н. Алексеев даже считал нормативные факты первичными источниками права¹¹.

Еще одной концепцией, выходящей за границы классической рациональной парадигмы правового мышления, является юридическая герменевтика¹². В разработку этого учения большой вклад внес профессор Ростовского юридического института МВД России А. И. Овчинников. Если ранее при толковании считалось необходимым и главным установление того, что хотел сказать законодатель, то в современных правовых реалиях А. И. Овчинников считает эту задачу не решаемой в принципе¹³. По его мнению, процесс интерпретации правовой нормы является творческим, соавторским, и, по сути, правоприменитель, выступая со-законодателем, создает новую норму, осуществляя

3 См.: Черниченко С. В. Контуры международного права. Общие вопросы. – М., Научная книга, 2014. – С. 315-336.

4 См.: Немыгина М.В. Право России как интеграционное пространство. Изд. 2-е, перераб. – Саратов: Научная книга, 2008. – 260 с.

5 Интегративный подход расходится с учением об источниках международного права, которое в науке упорно связывается с положениями Статьи 38 Статута Международного Суда ООН. Здесь сильна сила привычки: когда речь заходит об источниках, мы знаем, что они перечислены в Статье 38. На вопрос всегда есть готовый ответ, сформулированный, правда, 94 года тому назад.

6 См.: Поляков А. В. Общая теория права: Проблемы интерпретации в контексте коммуникативного подхода: курс лекций. – СПб, 2001; Поляков А. В. Общая теория права: феноменолого-коммуникативный подход. – СПб, 2003.

7 См.: Честнов И. Л. Право как диалог: к формированию новой онтологии правовой реальности. СПб., 2000. – 104 с.; Он же. Постклассическая теория права. – СПб, 2012. – 560 с.

8 См.: Малахов В. П. Природа, содержание и логика правосознания: Дис. ... д-ра юрид. наук. – М.: МВД России, Московская академия, 2001. – 502 с.

9 См.: Овчинников А. И. Правовое мышление в герменевтической парадигме. Ростов-на-Дону. – 288 с.

10 См.: Петражицкий Л. И. Теория права и государства. – СПб, 2000.

11 См.: Алексеев Н. Н. Основы философии права. – СПб, 1999. – С. 165-192.

12 Герменевтика как искусство толкования текстов (получила свое название по имени древнегреческого бога Гермеса, которому было поручено истолковывать божественную волю людям) имеет многовековую историю. Родилась в эпоху античности, развивалась в Средние века, получила мощный импульс благодаря работам таких ученых, как В. Дильтей, М. Хайдеггер, Х.-Г. Гадамер, П. Рикер и др. Выдающийся вклад в этот вопрос внес немецкий философ Л. Витгенштейн. См. его фундаментальную работу: Логико-философский трактат. – М. – 288 с.

13 Ниже справедливость этого тезиса будет нами доказана на примере невозможности выявления действительного намерения государств при заключении международных договоров.

акт подведения общей нормы и конкретного случая. Таким образом, основной проблемой юридической герменевтики становится уже не столько проблема постижения смысла позитивно-правовых установлений, сколько интерпретация, осмысление правовой действительности. «Какую бы концепцию правопонимания мы не принимали за основу правовых моделей, – пишет А. И. Овчинников, – критерием справедливости судебного решения в последней инстанции остается всегда правосознание, а не норма позитивного или естественного права. Интуиция правоприменителя, его правовое мышление выступают здесь в определенном смысле авторскими или правотворческими процедурами, в которых его жизненный мир, социокультурный опыт, экстернализируясь посредством юридических формул, приобретает форму правоприменительного акта... Участвуя в дискурсе, порожденном участниками дела, вживаясь в рассматриваемое дело, судья осуществляет акт подведения нормы через свой предрассудок. Только так происходит согласование справедливости (цели) и формальности (средства) права. Интерпретируя норму в конкретной ситуации, судья должен найти золотую середину между формальностью, всеобщностью закона и индивидуальными, особенными чертами конкретного случая; между справедливостью воздаяния и догматичностью права. При этом ему приходится каждый раз, в каждом новом случае, в каждой конкретной ситуации понимать норму заново»¹⁴. Хотя А. И. Овчинников и не приводит примеров из международно-правовой практики, разработанная им концепция толкования великолепно и правдиво отражает то, что сегодня происходит в международных судах.

Профессор кафедры государственно-правовых дисциплин Санкт-Петербургского юридического института И. Л. Честнов в своих работах представляет и обосновывает диалогически интерпретированный тип правопонимания. В частности, под правом им понимается совокупность взаимодействий и ментальных процессов, образующих содержание всех социальных институтов. По мнению профессора И. Л. Честнова, «право существует только тогда, когда сформированные нормы (образцы наиболее функционально значимого поведения) реализуются людьми на практике, в ходе которой нормы и институты права интериоризируются в персонифицированные смыслы, то есть когда люди соотносят свое поведение с теми ограничениями, которые налагает норма или институт права»¹⁵. По сути, автор развивает концепцию экзистенциального диалога, ставит вопрос об интеграции юриспруденции и антропологии. Ценным в концепции профессора И. Л. Честнова является то, что он ставит, среди прочих, задачу *переоценки фундаментализма* в науке и юриспруденции в частности, признания многомерного образа реальности, неустранимой множественности описаний и «точек зрения», отношения дополнительно и взаимодействия между ними. Преодоление тотального господства одной (любой) доктрины – это, по мнению И. Л. Честнова, не только идеологическое, но и методологическое требование философии познания XXI века¹⁶.

Профессор Московского университета МВД России В. П. Малахов в блестяще написанной им докторской диссертации ввел в

отечественную юриспруденцию понятие «правового существа»¹⁷. «Правовое существо, – пишет В. П. Малахов, – это человек, бытующий в сетке координат правовой реальности и перестающий быть полноценным человеком, как только он за пределы этой сетки выходит (или выпадает). Правовое существо совпадает с человеком. Правомерность жизни есть то, что имманентно присуще человеку. Право – свойство человека, а человек – субстанция права... Значит, – развивает далее изложенный тезис профессор, – чтобы понять природу права, каждому, занятому этим вопросом в теоретическом или практическом аспекте, необходимо обратиться к себе как к правовому существу»¹⁸. В. П. Малахов последовательно и очень убедительно отстаивает концептуальную идею, согласно которой правовая реальность, правовое существо и правосознание являются тождественными содержательно, а не онтологически. В силу этого исходным пунктом общетеоретического анализа права предстает правосознание. В каком-то смысле концепция правового существа развивает и выводит на качественно новый уровень учение Л. И. Петражицкого, который не считал возможным мыслить право как отчужденный от субъекта феномен, никак не связанный с конструктивной активностью его сознания.

Резюмируя приведенные выше концепции правопонимания, следует отметить следующее. Во-первых, они основываются на интегративном правопонимании, не ограничивающем право совокупностью его нормативных установлений. Важнейшей, если не сказать ключевой, составляющей правопонимания является правосознание. Право есть не только изложенный на бумаге текст (будь то закон, международный договор или судебное решение, но и то, как мы, правовые существа, этот текст интерпретируем (понимаем)). Во-вторых, в основе интегративных подходов лежит понимание права как отношения. Правопорядок (внутригосударственный, региональный, международный) создается не только и даже не столько усилиями государственной власти, сколько являет собой результат диалога, коммуникативного взаимодействия всех заинтересованных субъектов. Такой диалог, который мы обозначаем термином «правопорождающее взаимодействие», в значительной степени опосредуется именно текстами, в процессе интерпретации которых выявляется и устанавливается актуальное содержание правовых норм.

II. Органы международного правосудия и семантическая борьба за право

Венская конвенция о праве международных договоров 1969 г. исходит из того, что смысл нормы, достаточный для ее применения в каждом конкретном случае, заложен в ней изначально. Правоприменителю остается лишь «открыть шкатулку», и правильный смысл нормы будет обнаружен. Причем в этой шкатулке должны быть три отделения, которые могут быть задействованы как по отдельности, так и в совокупности: текст нормы, контекст договора и намерение сторон.

Общеизвестно, что в большинстве международных договоров (не говоря об обычных нормах права), буквальное, *текстуальное* значение нормы часто является неясным и ответа на поставленный вопрос не содержит. Пробелы позитивного права, широта формулировок, являющихся результатом сложных дипломатических компромиссов, не позволяют, опираясь на буквальное значение нормы, в каждом конкретном жизненном случае применить норму, а тем более принцип. По крайней мере,

14 Овчинников А. И. Юридическая герменевтика как правопонимание // Новая правовая мысль. – 2004. – № 1. – С. 11–12.

15 Честнов И. Л. Право как диалог: к формированию культурантропической онтологии права. – С. 507 [Электронный ресурс] Режим доступа: http://www.lhachev.ru/pic/site/files/lihcht/2013_Sbornik/2013_Dokladi/2013_Sec4/021_2013_Sec4.pdf (дата обращения – 1 июля 2014 г.)

16 См.: Честнов И. Л. Постклассическое правопонимание // Общественные науки и современность. – 2010. – № 5. – С. 157–162.

17 См.: Малахов В. П. Природа, содержание и логика правосознания: Дис. ... д-ра юрид. наук. – М.: МВД России, Московская академия, 2001. – 502 с.

18 Там же. С. 188–189.

так, чтобы это соответствовало *намерениям и воле* участников договора. Для обеспечения такого соответствия Венская конвенция позволяет обращаться к подготовительным материалам. Можно пролистать стенограмму переговоров и установить, каково было *действительное намерение сторон*. При этом имеется в виду, что согласование текста договора подразумевает согласование намерений сторон. Изучение подготовительных материалов и практики применения многих договоров показывает, что это далеко не так. Если мы обратимся к практике разрешения международных споров и посмотрим, как часто, например, Европейский суд по правам человека или Орган по разрешению споров ВТО обращаются к намерению сторон и не просто изучают материалы переговоров, а *учитывают* их при формулировании правовых позиций, мы увидим, что делают они это исключительно редко. Почему? Потому что намерения разработчиков соответствующих международных договоров уже не имеют большого значения. Эти договоры живут своей *самостоятельной жизнью*. Мы не отрицаем, что государства являются «властителями договоров», как написал в одной из своих работ А. С. Исполинов. Государства, конечно же, в любой момент могут прекратить действие договора, выйти из него и пр. Такие примеры хорошо известны. Вместе с тем автор настоящей статьи убеждена в том, что международное право может быть эффективным, только если оно обладает определенной *автономностью от воли государств*. Если же исходить из того, что развитие права всецело обусловлено волей государств, то в таком случае нужно признать, что международного права как *Права* не существует, и нам, юристам-международникам, нужно найти другие занятия для души.

Так сложилось, что решения ОМП являются наиболее авторитетными источником разъяснения, истолкования, а порой создания правовых норм. Именно залы судов в Женеве, Гааге, Страсбурге, Люксембурге и некоторых других красивых городах мира стали полем семантической «борьбы» за содержание правовых норм¹⁹. Семантической, потому что право – это, прежде всего, язык. Юриспруденция *неразрывно связана с языком* и спецификой правовых текстов. Участники судебного процесса отстаивают *свое понимание* норм права, спорят о значении ранее вынесенных судебных решений так, как если бы они являлись общепризнанными источниками международного права.

Важно отметить, что в зале суда происходит не просто диалог участников процесса и судей. Их взаимодействие носит *правопорождающий характер*. Это потрясающе интересный феномен исключительной значимости. В этом процессе судьи являются активными действующими лицами, а не «устаами закона», как писал Монтескье. Правопорождающее взаимодействие государств (иных участников процесса) и судей играет важную роль в *преодолении разрыва* между формальной «всеобщностью» принципов и норм международного права и уникальностью каждого жизненного случая. Посредством ссылок на правовые позиции международных судов государства подтверждают и укрепляют значение нормы, как она была истолкована ранее судом. Таким образом, на современном этапе развития международного права мы наблюдаем смещение нормативности права от его формальных источников к источникам его толкования. Судебное толкование (правотворчество) меняет значение норм международного права. Правопорождающее взаимодействие участников процессов и судей дополняет, а порой даже вытесняет формальный процесс согласования правовых норм. Международное право более не сводится к совокупности его нормативных предписаний, за-

фиксированных в источниках, как они перечислены в Статье 38 Статута Международного Суда ООН.

Почему мы придаем такое значение правовым позициям ОМП? Потому что многие из них великолепно аргументированы. Подобной глубины анализа правовых норм, как в решениях ОМП, практически нигде больше нет. Изложенные на сотнях страниц, решения ОМП являются образцами юридической аргументации. Судьи буквально выжимают из рассматриваемой нормы каждую каплю, изучают ее в мельчайших деталях, проводят анализ того, как она была истолкована до них и почему. В решениях ОМП анализ одного термина может излагаться на десятках страниц. Есть решения, читая которые, задаешься вопросами: как это возможно? Каким опытом, знаниями и исследовательским талантом нужно обладать, чтобы столь обстоятельно изложить аргументацию? Судьи не оставляют без внимания ни одного довода сторон либо третьих лиц (в редких случаях применяя принцип процессуальной экономии): каждый из них подвергается тщательному анализу, как в свете действующего международного права, так и судебной практики.

Аргументация решения убеждает нас в том, что изложенное и есть право, пробуждает в нас интерес к дальнейшим исследованиям. Решение становится убедительным не только благодаря мастерски изложенному, логически выверенному юридическому анализу. Судебное решение не сводится к механическому применению силлогизма, не учитывающего фактические последствия, потому что «логика, как и математика, охватывает отношения между идеями, а не их соотношение с фактами»²⁰. Важнейшую роль в отправлении международного правосудия играют правовые концепции. По сути, ОМП опираются на правовые доктрины, ими же и созданные. Правовые концепции призваны пояснить, какими соображениями руководствовались судьи, какие ценности были положены ими в основу принятого решения, каким они видят правосудие и право как таковое. Это очень важная составляющая решений. Посредством правовых концепций ОМП фактически разъясняют принятое решение, делают его более понятным обществу.

Правовые позиции ОМП, в которых были убедительно истолкованы, разъяснены нормы права, и есть основа аргументации в зале суда. Благодаря убедительности разделяемого с ОМП правопонимания участники процессов ссылаются на сформулированные ранее правовые позиции так, как если бы они были закреплены в формальных источниках международного права. Они воспринимаются ими в качестве нормативных фактов, причем именно в том смысле, как писал Л. И. Петражицкий. Тем самым стороны задают концептуальные и фактические рамки процесса. Судьи же посредством анализа представленных им аргументов формулируют собственные выводы. Между ними происходит коммуникативное взаимодействие. Семантическая борьба за право. Таким образом, снимается вопрос о противопоставлении воли государств воле ОМП, которая лишь следует за волей основных субъектов международного права. Удивительно, насколько хорошо происходящее вписывается в концепции правопонимания, рассмотренные нами в Части I.

III. Для чего нужна мотивировка решений Суда ЕвразЭС

Хотелось бы подчеркнуть, что автор с большим уважением относится к судьям Суда ЕвразЭС²¹. Некоторых имею честь

20 Posner R. The Problems of Jurisprudence.– Chicago, 1990. – P.54.

21 Это пояснение не случайно. В последнее время даже единичные публикации по тематике Суда воспринимаются довольно болезненно, как нечто личное. На это наглядно указывают некоторые комментарии в социальной сети закон.ру, поступившие на публикацию А.С.Исполинова «Договор о Евразийском союзе

19 Не путать с «Борьбой за право» Р. Йеринга.

знать лично. И если бы в состав Суда ЕврАзЭС входили не действующие судьи, а, например, такие широко известные всей прогрессивной научной общественности международники, как арбитры международных инвестиционных арбитражей Я. Пауллсон, Г. Кауфманн-Кохлер, судьи Международного Суда ООН М. Шахбуди, К. Г. Виирамантри, В. С. Верещетин, Ш. Ода, комментарии были бы такими же. Научные достижения судей, их блестящая карьера и прочие факторы отношения к оценке деятельности Суда не имеют и иметь не должны. Суд есть то, что сказано в его решениях.

Фундаментальной проблемой Суда ЕврАзЭС является отсутствие мотивировочной части принимаемых решений. Формально она, конечно же, имеется, но изложенное в ней представляет собой преимущественно описание и констатацию. Суд как бы не считает нужным объяснять, каким образом и почему пришел к тому или иному выводу. Как изложенное будет воспринято участниками процесса и общественностью, по всей видимости, большого значения для Суда не имеет. Суд не ставит перед собой задачу, чтобы сделанные им выводы были поняты и приняты, «пройдя» через наше правосознание. Суд, вероятно, руководствуется формулой: «Это верно, потому что Я так сказал», т.е. исходит из того, что изложенное им должно *a priori* восприниматься в качестве авторитетного. А оно таковым не воспринимается.

Вторая проблема состоит в том, что из решений Суда ЕврАзЭС практически невозможно понять, какие аргументы были представлены сторонами процесса. В решении говорится, что заявитель оспаривает то-то, ссылаясь при этом на такую-то норму. То же касается и контраргументов ответчика. Но этого явно недостаточно. Речь идет не о резюме решения, а о самом решении. Ведь полнота аргументации позволяет лучше понять принятое решение, оценить обоснованность сделанных судом выводов. Мы не можем оценить, насколько убедительными были доводы сторон, если в решении лишь указано, что они оспаривали то-то на основании того-то, возражали так-то. В решениях должна приводиться *развернутая аргументация*. И это – условие *sine qua non*. Можно предположить, что в зале Суда все происходит несколько иначе, что процесс судопроизводства в г. Минске отвечает самым высоким стандартам отправления правосудия. Мы также не исключаем, что в совещательной комнате судьи досконально обсуждают каждый аргумент участников процесса, а выводы Суда рождаются в научных спорах. Однако из текстов решений следует, что в зале Суда никакого диалога, коммуникативного взаимодействия участников процесса и судей не происходило. Оправодообразующем взаимодействии, в результате которого Суд формулирует собственные правовые позиции (источник авторитета ОМП) говорить не приходится. Суд исходит из правопонимания, не отражающего реалий правовой действительности. Вот по этой причине решения Суда ЕврАзЭС и не будоражат воображение научно-правового сообщества.

Рассмотрим далее некоторые выводы Суда ЕврАзЭС, изложенные в одном из последних решений по делу об оспаривании решения Евразийской Экономической Комиссии (далее – ЕЭК) о введении антидемпинговых пошлин на импорт графитированных электродов индийского происхождения²².

как инструмент поражения в правах Суда ЕврАзЭС» (Часть I). Эта ситуация не может не вызывать удивления и глубочайшего сожаления. Ученые не противопоставляют себя судьям. У нас общие цели и задачи – служение международному праву и правосудию.

22 См: Решение Коллегии ЕЭК от 25 декабря 2012 г. – №288 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.>

Напомним, что Статья 17 Соглашения ВТО по применению Статьи VI ГАТТ устанавливает так называемый «двухуровневый тест», на основании которого ОРС ВТО (как и любой другой судебный орган) должен установить соответствие введенных антидемпинговых мер обязательствам соответствующего государства в рамках ВТО:

Выводы судебного органа должны основываться на фактах, установленных в соответствии с надлежащими национальными процедурами государства, которое применяет антидемпинговую меру. Это означает, что судебный орган проверяет, *были ли соответствующие факты установлены органом расследования с соблюдением всех процессуальных положений и процессуальных прав, гарантированных участникам расследования;*

После того, как судебный орган убедился в отсутствии процессуальных нарушений при установлении органом расследования фактов, он должен определить, *правильно ли были органом расследования установлены эти факты и была ли их оценка беспристрастной и объективной*. При этом, если факты были установлены правильно, а их оценка была беспристрастной и объективной, даже если сам судебный орган может прийти к иным выводам, выводы органа расследования фиксируются как соответствующие положениям Соглашения ВТО²³.

«Двухуровневый тест» имеет огромное практическое значение. С одной стороны, он не ограничивает усмотрения государства при проведении им антидемпинговых расследований: компетентные органы самостоятельно устанавливают факты и дают им свою оценку. В то же время принципиально важным условием правомерности выводов органа расследования, сделанных на основании таких фактов, является (а) установление фактов при соблюдении всех процессуальных прав, гарантированных участникам расследования, и (б) беспристрастная и объективная оценка установленных фактов.

Симптоматично, что решение Апелляционной Палаты по графитированным электродам изложено на 10 листах, из которых непосредственно мотивировочная часть – на трех (стр. 7–9 решения).²⁴ И хотя раздел «Выводы суда» начинается со стр. 2, вплоть до стр. 7 излагаются только выводы органа расследования и Коллегии Суда. Доводы заявителей, приведенные ими в апелляционной жалобе, в тексте решения занимают лишь два абзаца. Трехстраничная «аргументация» самой Апелляционной Палаты сведена буквально к следующему: уполномоченный орган при проведении антидемпинговых расследований обладает широкими дискреционными полномочиями, и поэтому все его выводы Коллегией Суда правомерно признаны не противоречащими требованиям пункта 9 статьи 13 Соглашения от 25 января 2008 года и пункта 3.5 статьи 3 Антидемпингового кодекса ВТО.

Заявители в апелляционной жалобе оспаривали, в частности, вывод ЕЭК, поддержанный Коллегией Суда, о том, что графитированные электроды (далее – товар), поставляемые на таможенную территорию Таможенного Союза (далее – ТС), и товар, производимый на территории ТС, являются аналогич-

eurasiancommission.org/ru/act/trade/podm/mery/Pages/default.aspx (дата обращения: 2 июля 2-14 г.); Решение Апелляционной Палаты Суда ЕврАзЭС от 23 мая 2014 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://sudevrazes.org/main.aspx?guid=21421> (дата обращения: 2 июля 2-14 г.).

23 Курсив наш.

24 Это немного напоминает случай, когда автор, изучив сотни решений ОМП, решила, наконец, ознакомиться с интеллектуальным наследием Африканского Суда по правам человека и народов. Сколь же глубоко было мое удивление, когда тексты, которые изначально были приняты за резюме решений, оказались самими решениями.

ными. По их мнению, товар-объект расследования по своим качественным характеристикам превосходил товар, производимый на территории ТС, ввиду чего товары не были взаимозаменяемы и, соответственно, аналогичны. В подтверждение обоснованности своих выводов заявитель ссылался на аналитический отчет ФАС России, в котором исследовался рынок графитированных электродов. Отсутствие аналогичности импортированного товара (объекта расследования) и товара отечественного производства исключает возможность применения антидемпинговых мер.

Вывод Апелляционной Палаты по данному вопросу сформулирован следующим образом (для полноты картины приводим его без сокращений): «Обладающий широкими дискреционными полномочиями в сфере проведения антидемпинговых расследований уполномоченный орган был вправе критически отнестись к некоторым выводам, содержащимся в аналитическом отчете ФАС Российской Федерации, так как к компетенции последней отнесены вопросы разграничения товарных рынков исключительно для определения конкурентной среды. Напротив, задачей органа, проводившего антидемпинговое расследование, обладающего специальной компетенцией в этой сфере, являлось исследование и анализ соответствующих критериев и экономических факторов с целью выявления демпингового импорта и защиты внутреннего рынка Таможенного союза и технологически важных для него отраслей промышленности. Соответственно, выводы ФАС Российской Федерации характерны для целей антимонопольного законодательства,²⁵ положения которого не обязательно применимы или относятся к законодательству о защитных, антидемпинговых мерах» (стр. 7 решения).

Тезис о праве органа расследования критически отнестись к некоторым выводам, содержащимся в аналитическом отчете ФАС.

Аналитический отчет был передан ЕЭК иностранными производителями, в отношении продукции которых было инициировано расследование. Орган расследования действительно не обязан был учитывать выводы ФАС России. В окончательном докладе, подготовленном по результатам антидемпингового расследования (стр. 11) говорится: «В ходе проведения расследования орган, проводящий расследование, пришел к выводу о том, что электроды всех трех марок близки по свойствам и физико-механическим показателям и при этом взаимозаменяемы по применению и таким образом могут считаться одним товаром. Данный вывод подтверждается заключением ОАО «НИИГрафит» «Об отнесении графитированных электродов ТУ 1911-109-052-2010 к одному виду товара», представленным в распоряжение органа, проводящего расследование (письмо от 12 июля 2012 г. №223-001/841)».²⁶ В самом докладе нет даже упоминания о том, что в распоряжение органа расследования был предоставлен аналитический отчет ФАС России. Возникает закономерный вопрос: на основании чего Апелляционная Палата констатирует право органа расследования критически относиться к одному из доказательств, если это доказательство даже не упомянуто (и, видимо, намеренно) в материалах органа расследования? Просматривали ли судьи или их помощники доклад, остается неясным.

Тезис о том, что орган расследования... обладает специальной компетенцией ... с целью выявления ... технологически важных для него отраслей промышленности.

Из этого вывода следует, что ЕЭК в лице департамента защиты внутреннего рынка самостоятельно, исходя из своих широких дискреционных полномочий, вправе решать, какие отрасли промышленности являются (а) технологически важными, причем (б) для самого департамента защиты внутреннего рынка. Опять возникает резонный вопрос: на основании какой правовой нормы Суд сделал такой вывод, в каком источнике Суд обнаружил право органа расследования самостоятельно выявлять технологически важные для себя же (!) отрасли промышленности и (если дальше развивать скрытую между строк мысль Суда) принимать решения об их защите от импорта)?²⁷

На этих примерах хорошо видно, что ошибок можно было избежать. Но для этого судьям нужно постоянно прогнозировать, как выводы Суда будут восприняты участниками процесса, и не только ими, но и широкой общественностью стран ЕвразЭС. Ибо «правовые существа» не воспринимают сказанное на веру. Они каждую фразу проводят через свое правосознание.

Пристатейный библиографический список

1. Алексеев Н. Н. Основы философии права. – СПб, 1999.
2. Витгенштейн Л. Логико-философский трактат. – М.: «Наука», 2009.
3. Кант И. О поговорке «Может быть, это и верно в теории, но не годится для практики». – Соч. в 6 т. – Т. 4. – Ч. 2. – М., 1965.
4. Малахов В. П. Природа, содержание и логика правосознания: Дис. ... д-ра юрид. наук. – М.: МВД России, Московская академия, 2001.
5. Немыгина М. В. Право России как интеграционное пространство. Изд. 2-е, перераб. – Саратов: Научная книга, 2008.
6. Овчинников А. И. Правовое мышление в герменевтической парадигме. Ростов-на-Дону.
7. Поляков А. В. Общая теория права: Проблемы интерпретации в контексте коммуникативного подхода: курс лекций. – СПб, 2001.
8. Петражицкий Л. И. Теория права и государства. – СПб, 2000.
9. Честнов И. Л. Право как диалог: к формированию новой онтологии правовой реальности. – СПб, 2000.
10. Честнов И. Л. Постклассическая теория права: монография. – СПб, 2012.
11. Черниченко С. В. Контуры международного права. Общие вопросы. – М.: Научная книга, 2014.
12. Posner R. The Problems of Jurisprudence. – Chicago, 1990.

²⁷ Статистика рассмотрения антидемпинговых дел Судом ЕС и национальными судебными органами, например США, свидетельствует о том, что иностранным заявителям удается выигрывать лишь ничтожно малое количество дел. У Суда ЕС есть целый ряд беспрецедентных решений, в которых права иностранных производителей откровенно поправаны. В качестве показательного можно привести решение, в котором российская компания оспаривала применение Комиссией ЕС энергокорректировок. Однако справедливости ради следует отметить, что Суд ЕС хотя бы попытался обосновать свою позицию, придумал аргументы, пусть и ошибочные, но наполнившие мотивировочную часть решения. См.: Дело № Т-459/08 «ОАО «ЕвроХим» против Совета ЕС, Европейской Комиссии и «FertilizersEurope»; № Т-84/07 «ОАО «ЕвроХим» против Совета ЕС, Европейской Комиссии и «FertilizersEurope»; № Т-235/08 «ОАО «Акрон» и ОАО «Дорогобуш» против Совета ЕС, Европейской Комиссии и «FertilizersEurope»; и № Т-118/10 «ОАО «Акрон» против Совета ЕС, Европейской Комиссии и «FertilizersEurope».

²⁵ Курсив наш.

²⁶ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/trade/podm/eeec_investigations/Documents/report_final_electrodes.pdf (дата обращения – 3 июля 2014 г.)

Батлер У. Э. ГУГО ГРОЦИЙ В ПЕРЕВОДАХ ЭВАТСА

В статье рассказывается о переводах работ Гуго Гроция на английский язык, в частности, рассматриваются переводы малоизвестного английского богослова Уильяма Эватса. На примерах автор показывает, какое значение имеет личность переводчика и как его собственные воззрения могут повлиять на перевод.

Ключевые слова: перевод, право народов, теология, Гуго Гроций, право войны и мира, международное право.

Butler W. E. HUGO GROTIUS IN EVATS' TRANSLATIONS

The article describes translation of works by Hugo Grotius into the English language, in particular by a little-known English divine William Evats. On the basis of examples the author shows the importance of personality of a translator and how the translator's own views can influence the translation.

Keywords: translation, law of nations, theology, Hugo Grotius, law of war and peace, international law.

Батлер У. Э.

Авторы ранних английских переводов работ Гуго Гроция по праву народов не были учеными-правоведами, а иногда совсем не имели никакого отношения к праву. Этими переводами мы обязаны в первую очередь теологам, возможно, по причине того, что Гроций часто упоминался в теологических рассуждениях в разное время после своей смерти, или вследствие того, что его сочинения по юриспруденции были весьма уважаемы в среде крупнейших теологов, проповедовавших идею мира и считавших вклад Гроция в право народов конструктивным шагом к осуществлению идеи мирного существования мирового сообщества.

Уильям Эватс [William Evats] (ок. 1606-07–1677 г.), второй английский богослов, перу которого принадлежат переводы работ Гроция по праву войны и мира, остается человеком-загадкой. Он был современником Клемента Барксдейла [Clement Barksdale], опубликовавшего первый английский перевод трактата Гроция о праве войны и мира в 1654 г., но неизвестно, были ли они знакомы. Судя по «Посланию к читателю» ниже, Эватс начал переводить Гроция около 1670 г., то есть почти 15 лет спустя после появления перевода Барксдейла. Оставался ли он в неведении по поводу перевода Барксдейла, или этот перевод было трудно достать, а может быть, Эватс надеялся, что сможет превзойти предшественника, – остается не ясным.

То малое, что известно об Эватсе, мы черпаем из его перевода Гуго Гроция. Титульный лист с гравюрой содержит в верхних левом и правом углах овалы портреты Гуго Гроция и Уильяма Эватса соответственно. Надпись, обрамляющая портрет Эватса, сообщает, что он умер в 1677 г. Послание к читателю характеризует Эватса как «богослова», «выдающегося ученого, хорошо знающего гражданское право». «Большой почитатель» работ Гроция, особенно его «Трактата о праве войны и мира», он считал, что это произведение достойно времени, потраченного на перевод, – формулировка, которая косвенно указывает на то, что Эватс, возможно, не знал о переводе Барксдейла, но также может свидетельствовать и о том, что он намеренно этот перевод игнорировал.

Пока не доказано иное, наиболее подходящий кандидат, который мог бы скрываться под именем Уильяма Эватса (иногда Эваттса), – это лицо, поступившее в Колледж Ориел в Оксфорде 8 февраля 1621–1622 гг. в возрасте 15 лет. Степень бакалавра искусств была присвоена ему 26 июня 1622 г., магистра

искусств Сент. Мэри Холл – 30 июня 1627 г. Но нет никакого упоминания о степени бакалавра богословия, упомянутой на титульном листе перевода Гроция. Этот Эватс служил викарием в Росеби, графство Линкольн в 1636 г.; ректором Торнганби в 1640 г.; и викарием Эшби-де-ла-Лонд в 1642 г.¹ Другие утверждали, что «этот Уильям Эваттс мог быть переводчиком «De Jure Belli ac pacis» Гроция, опубликованной после его смерти в 1682»².

Никаких других работ Эватса не найдено. Согласно Посланию к читателю, он посвятил последние семь лет своей жизни редактированию перевода. Текст был обнаружен в кабинете после его смерти и опубликован его душеприказчиком Джоном Нелхамом [John Nelham] и Томасом Уитфилдом [Thomas Whitfield] в качестве «памятника, увековечившего память о нем в большей степени, чем любой другой, который мы могли бы ему поставить». Послание датируется 1681 г.

О Джоне Нелхаме больше упоминаний не сохранилось. Томас Уитфилд, возможно, был «священником евангелистской церкви», опубликовавшим несколько работ в Лондоне между 1646 и 1657 гг. В них он упоминается как «священник евангелистской церкви в Грейт-Ярмуте в Норфолке» и «священник евангелистской церкви в Багбруке в Нортгемптоншире»; в некоторых из этих работ он осуждает арминьянство, этим предметом также интересовался Гроций.

Книга

Несмотря на то, что специалистам международного права прекрасно известно, что Гроций много писал по вопросам теологии, философии, истории и остальным гуманитарным предметам, они рассматривают его работы по праву народов отдельно от его остальных произведений³. Последние исследования, посвященные интеллектуальному наследию Гроция, подтверждают мысль, что такое разделение может быть ошибочным, и что 17 английских переводов работ Гроция по праву народов в совокупности являются частью диалога, совершенно

- 1 Foster J. Alumni oxonienses: The Members of the University of Oxford, 1500–1714. – 1891–92. – II.
- 2 Lincolnshire Notes & Queries, XII. – 1912. – P. 31.
- 3 Первая попытка синтезировать все работы Г. Гроция принадлежит А. Эйффингеру Euyffinger A. In Quest of Synthesis: An Attempted Synopsis of Grotius's Works According to Their Genesis and Objective // *Grotiana*. – IV. – N.S., 1983. – P. 76–88.

отличного по природе и направленности. Перевод Барксдейла осознавался частью более крупного движения, имевшего место в Англии, направленного частично на выдвижение идеологической альтернативы постулатам реформации и разъяснению отношений между гражданскими и церковными властями. Намеревался ли Эватс сделать свою работу частью этого большого движения (он хотел ее опубликовать, судя по действиям его душеприказчиков) – неизвестно, но интрига остается, особенно принимая во внимание мессианское стремление Барксдейла публиковать работы Гроция повсеместно.

Юристам-международникам полезно рассмотреть большее количество источников, чем работы Гроция в переводах Барксдейла и Эватса, в том числе и работу по праву народов, ибо

«пропагандируя идею, затронутую в ней, путем помещения ее в контекст, отличный от оригинального, и тем самым придавая ей другое значение... такими действиями переводчик освобождает себя от авторской ответственности и риска подвергнуться обвинению за позицию, высказанную в редактируемой работе <...> Выбирая из наследия Гроция, насчитывающего около пятидесяти произведений, и занимаясь переводом по своему выбору, Барксдейл косвенно выражал свое идеологическое понимание их смыслов и целей... Поэтому изучение переводов и редакций текстов должно являться чертой филологического подхода к истории идей, указывая на связь между автором, его работой, ее распространением в обществе и культуре или восприятием...»⁴.

Комментарий Бардуччи к скрытым идеологическим интерпретациям Барксдейла работ Гроция являлся критикой, специально адресованной в начале XVIII в. переводу Гроция, сделанному Эватсом. Авторами рецензии были Жан Барбейрак [Jean Barbeyrac] (1674–1744 гг.), некоторое время бывший профессором публичного права в Университете Гронинген, и всеми любимый и наиболее известный комментатор работ Гроция Самюэль Пуфендорф [Samuel Pufendorf]. Эватс, по словам Барбейрака⁵, относился к тексту Гроция весьма свободно, включая в него вещи и комментарии, которые противоречили намерениям самого Гроция. Это также способствовало прерыванию повествования. Замечание Барбейрака достойно цитирования в полном объеме:

«Переводчик Уильям Эватс, Бакалавр теологии... позволил себе большие вольности: он не только вставил в Текст авторские Замечания против воли на то самого автора, и это стало причиной потери нити рассуждения, которое и без того слишком часто прерывалось цитатами; но и в довершение всего добавил некоторые из своих собственных комментариев, что непростительно. Эти чужеродные Вставки можно распознать только путем сравнения Перевода с Оригиналом: так как нигде не содержится предупреждения об этом, нигде нет соответствующего указания, только в неко-

торых местах есть скобки, которые в большинстве случаев поставлены только в начале текста, добавленного Переводчиком. Путаница особенно велика и более поздние вкрапления наименее различимы в некоторых местах, где читатель встречает Заметки на полях, выполненные меньшим шрифтом, что отличает их от основного текста, предупреждая появление подозрения, что в Тексте есть похожие Дополнения, но они никак не выделены. В этих Дополнениях нет ничего существенного. Они содержат весьма распространенные мысли, примеры или утверждения, основанные на "Livres Anglois" или иных, в которых Переводчик нашел что-то, что показалось ему подходящим для пояснения или подтверждения некоторых мыслей Автора. В данном Переводке, несмотря на то, что я оставался только на некоторых его сторонах (так как он оказался у меня в собственности только после того, как мой был полностью завершен), я могу указать несколько мест, где смысл Оригинала передан плохо. Я даже заметил одно место в Тексте, где Переводчик наделяет Автора своими мыслями, движимый вполне понятным желанием внушить некоторые принципы своей любимой системы Теологии...».

Выводы

Эти наблюдения соответственно XVIII и XXI вв. в отношении переводов Гроция и происхождения лиц, выполнивших англоязычные переводы работ Гроция по праву народов, показывают, насколько необходим пересмотр подходов к переводу и как меняется наше восприятие и понимание взглядов данного юриста-международника под влиянием переводчиков, которые рассматривают его идеи через призму своих собственных.

Пристатейный библиографический список

1. Barducci M. Clement Barksdale, Translator of Grotius: Erastianism and Episcopacy in the English Church, 1651–1658 // *The Seventeenth Century*. – XXV. – 2010. – № 2.
2. Eyffinger A. In Quest of Synthesis: An Attempted Synopsis of Grotius's Works According to Their Genesis and Objective // *Grotiana*. – IV. – N.S., 1983.
3. Foster J. Alumni oxonienses: The Members of the University of Oxford, 1500–1714. – 1891–92. – II.
4. Lincolnshire Notes & Queries, XII. – 1912.
5. Гроций Гуго Le droit de la guerre, et de la paix [Право войны и мира] в переводе Жана Барбейрака. – Амстердам, 1724. – I. С. xvii.

4 Barducci M. Clement Barksdale, Translator of Grotius: Erastianism and Episcopacy in the English Church, 1651–1658 // *The Seventeenth Century*. – XXV. – 2010. – № 2. – P. 268–269.

5 Комментарий содержится в книге Гуго Гроция Le droit de la guerre, et de la paix [Право войны и мира] в переводе Жана Барбейрака. – Амстердам, 1724. – I. С. xvii. Его нет в предисловии Барбейрака к английскому переводу Гроция 1738 г.

**Петров А. Ф., Шуст К. В., Урюпова Е. Ф., Бекашев К. А.
ПРАВОВОЙ РЕЖИМ МОРСКИХ ОХРАНЯЕМЫХ
РАЙОНОВ В АНТАРКТИКЕ**

В данной статье рассматривается природоохранная деятельность в водах Антарктики за последние 60 лет. Особое внимание уделяется проблеме установления репрезентативной системы морских охраняемых районов (МОР) в зоне действия Конвенции, как одному из наиболее актуальных вопросов современной тематики АНТКОМ. Показаны методические и организационные аспекты установления и регулирования МОР. Анализируя обоснованность заявок на установление МОРов, представленных странами-членами в АНТКОМ, авторы показывают аргументированную позицию российской делегации по тематике МОР в зоне Конвенции.

Ключевые слова: АНТКОМ, море Росса, Восточная Антарктика, МОР, клыкач, криль, правовой режим.

**Petrov A. F., Shust K. V., Uryupova E. F., Bekyashev K. A.
LEGAL STATUS OF MARINE PROTECTED AREAS
(MPA) IN ANTARCTICA**

Environment-related activity in Antarctic waters in the last 60 years has been considered in the paper. Special focus is on a problem of establishment of representational system of MPAs in the Convention area, as a topical question of CCAMLR current subject. Methodological and practical aspects of MPA establishment and management are shown. Analyzing validity of proposals for MPA establishment, prepared by CCAMLR member countries, authors indicated a reasoned statement of the Russian delegation on MPA in the Convention area.

Key words: CCAMLR, the Ross Sea, Eastern Antarctic, MPA, toothfish, krill, legal status.

Директор Правового департамента МИД России К. Г. Геворгян в своем докладе на 57-ом ежегодном собрании Российской ассоциации международного права 25 июня 2014 г. отметил, что в последние годы ряд стран активизировали свое желание объявить огромные акватории Мирового океана морскими охраняемыми районами (МОР) и тем самым ограничить свободу рыболовства в них. К. Г. Геворгян, в частности, упомянул воды Антарктики, где уже установлены МОРы, в которых запрещен коммерческий промысел живых морских ресурсов, что противоречит свободе рыболовства в открытом море.

Вопрос о необходимости мер сохранения морских живых ресурсов Антарктики возник в начале прошлого столетия в связи с развитием китобойного и зверобойного промыслов в водах Южного океана. Но попытки регулирования промыслов и связанной с ними деятельности в водах Южного океана носили, скорее, характер претензий на участки материка Антарктиды, островов и прилегающих к ним акваторий, нежели применение меры по охране китов и тюленей. Так, в период до Второй мировой войны Великобритания в 1908 и 1917 гг. объявила претензии на все острова и территории между 20° и 50° з.д., к югу от 50° ю.ш., и между 59° и 80° з.д., к югу от 58° ю.ш.; Австралия в 1933 г. – на все острова и территории за исключением французского сектора Адели, расположенного между меридианами 160° и 45° в.д., к югу от 60° ю.ш.; Новая Зеландия в 1923 г. – между 160° в. д. 150° з.д., к югу от 60° ю.ш., и так да-

Петров А. Ф.

Шуст К. В.

Урюпова Е. Ф.

Бекашев К. А.

лее. Интересно, что в 1940 г. Чили и Аргентина одновременно выдвинули свои претензии на острова и территории, объявленные ранее территорией Великобритании. Эти государства, принимавшие односторонние акты о государственной принадлежности отдельных районов Антарктики, оправдывали свои действия разного рода историческими, географическими и юридическими аргументами¹. В послевоенный период в Антарктике значительно усилилась не только промысловая, но и научная деятельность ряда стран – как имеющих территориальные претензии, так и не имеющих, в том числе СССР и США. СССР и США никогда не заявляли своих территориальных притязаний в Антарктике, однако сохраняя за собой право на владение всем континентом Антарктида на основе его географического открытия в 1820 г. русскими моряками под командованием Ф. Ф. Беллингаузена и М. П. Лазарева (СССР, 1939 г.) и американскими зверопромышленниками под руководством Н. Палмера (США, 1958 г). В конце 50-х годов назрела необходимость принятия международного решения о режиме управления Антарктикой и равнозначной деятельности заинтересованных стран без нанесения ущерба ледовому континенту, окружающим его водам и обитателям суши и моря. Предпосылками для этого послужило успешное проведение Международного геофизического года 1957–1958 гг., и при активном участии СССР 1 декабря 1959 г. в Вашингтоне был под-

¹ Хлыстов В. П. Международно-правовые проблемы промысла морских млекопитающих. – М., 1980. – С. 19–39.

писан Договор об Антарктике. Этот исторический документ, действующий до сих пор и переросший со временем в Систему Договора, заморозил территориальные претензии отдельных стран и заложил основы международных мер по охране и сохранению живых ресурсов Антарктики (статья IX, пункт f). Ряд дополнений к этому пункту был принят позднее.

Первой международной Мерой по сохранению (МС) морских живых ресурсов Антарктики стала принятая 2 декабря 1946 г. международная Конвенция по регулированию китобойного промысла, которая распространяла свое действие, в том числе и на антарктический регион.

На основе Консультативных совещаний по Договору об Антарктике в 1972 г. была создана и вступила в силу 11 марта 1978 г. Конвенция по сохранению антарктических тюленей. Однако к тому времени интерес к промыслу антарктических тюленей сошел на нет. В 70-е и 80-е годы промысловиков в Антарктике привлекали огромные ресурсы антарктического криля, рыб и других морских организмов, возможность добычи которых прежде всего доказали научно-промысловые экспедиции Советского Союза^{2, 3, 4}.

Сегодня промысел морских биоресурсов Южного океана регулируется Конвенцией по сохранению морских живых ресурсов Антарктики, которая была подписана в Канберре в 1980 г. и действует с первой сессии одноименной Комиссии по сохранению морских живых ресурсов Антарктики (АНТКОМ), прошедшей в г. Хобарт (Австралия) в 1982 г. По состоянию на ноябрь 2013 г. в АНТКОМ включены 25 стран-участниц (Австралия, Аргентина, Бельгия, Бразилия, Великобритания, Германия, Европейский Союз, Индия, Испания, Италия, Китай, Намибия, Новая Зеландия, Норвегия, Польша, Россия, США, Украина, Уругвай, Франция, Чили, Швеция, ЮАР, Южная Корея, Япония), из них активный промысел в водах Антарктики ведут Австралия, Аргентина, Великобритания, Испания, Китай, Новая Зеландия, Норвегия, Польша, Республика Корея, Россия, Украина, Франция, Чили, ЮАР и Япония. Комиссия регулирует любую деятельность по изучению и рациональному использованию морских живых ресурсов Антарктики, ее штаб-квартира и Секретариат находятся в г. Хобарт (Тасмания, Австралия). В состав Комиссии входит Научный Комитет, который проводит три постоянные действующие Рабочие группы: по экосистемному мониторингу и управлению, моделированию и по оценке запасов промысловых (целевых) видов рыб и других гидробионтов. Секретариат Комиссии при участии специалистов всех стран-участниц АНТКОМ ежегодно проводит совещания Рабочих групп. Юрисдикция АНТКОМ распространяется на акваторию площадью около 33 млн кв. км. Для удобства управления Конвенционная зона была разделена на три района: атлантический (Район 48), индоокеанский (Район 58) и тихоокеанский (Район 88). Каждый из этих районов, в свою очередь, подразделяется на более мелкие подрайоны и мелкомасштабные участки, в том числе мелкомасштабные исследовательские единицы (Small-Scale Research Unit, SSRU), установленные, прежде всего, для исключения чрезмерной концентрации уловов и промыслового усилия (рис. 1).

Исследовательская деятельность и режим рыболовства в пределах выделенной акватории регулируется, исходя из решений и рекомендаций, принимаемых ежегодно на оче-

редних сессиях, которые традиционно проводятся в штаб-квартире АНТКОМ в октябре-ноябре путем принятия или отмены специальных Мер по сохранению, определяющих объемы вылова по видам и статистическим районам, ограничению сроков промысла, количеству судов на промысле, ограничения по орудиям лова и т.д. К настоящему времени всего было принято более 483 МС, часть из которых уже отменена, но значительное их количество на сегодня остается в силе и их выполнение обязательно для всех стран-участниц и присоединившихся стран⁵.

Конвенция и созданная на ее базе Комиссия АНТКОМ стали логической природоохранной частью системы Договора об Антарктике. Эффективность работы Комиссии АНТКОМ была оценена на специальном Симпозиуме, посвященном ее 25-летней деятельности, организованном в Чили (Южный Университет, г. Вальдивия) в апреле 2005 г.⁶ В заседаниях участвовало 40 представителей из 17 стран. В ходе заседаний было отмечено, что Комиссия АНТКОМ – это первый международный опыт применения экосистемного подхода в деле сохранения морских живых ресурсов, ставший в тоже время основой для прогрессивного сотрудничества в Антарктике. За время ее существования было разработано большое количество новых методов решения проблем сохранения живой природы и управления промыслом, даны характеристики экосистемам и объектам промысла.

Комиссия и ее Научный комитет стали лидерами по таким аспектам управления морскими ресурсами, как:

- экосистемный подход в управлении;
- научное обоснование при принятии решений;
- установление режима сохранения в интернациональных водах;
- предохранительный подход в управлении;
- система научного наблюдения и инспекция;
- использование схемы мониторинга;
- контроль за загрязнением и отбросами антропогенного происхождения;
- снижение риска побочного прилова птиц и морских млекопитающих при ярусном и траловом промысле;
- введение специальной системы документации уловов клякача (CDS) для борьбы с незаконным (браконьерским) его выловом;
- введение обязательного установления на каждом промысловом судне системы СМС-спутникового слежения за местоположением судна;
- ежегодное рассмотрение действующих и новых мер сохранения и их применения на основе консенсуса;
- создание обширной базы данных и системы ее пополнения, и использования всеми странами-участницами АНТКОМ.

Однако этого для некоторых природоохранных организаций и стран-участниц АНТКОМ (Новая Зеландия, Австралия, Великобритания и др.) оказалось недостаточно!

2 Марти Ю.Ю. Основные итоги океанологических и научно-промысловых исследований в море Скотия и сопредельных районах // Труды ВНИРО. – 1969. – Т. 66. – С. 318–329.

3 Шуст К.В. Рыбы и рыбные ресурсы Антарктики. – М., 1998. – С. 124–126.

4 Антарктический криль: Справочник. – М., 2001. – С. 207.

5 Список действующих мер по сохранению 2013/2014 гг. – Хобарт. – 2013. – С. 259.

6 CCAMLR-XXII/BG/49. Delegations of Australia and Chile. – CCAMLR symposium. – Hobart. – 2005. – P. 1.

Южная Африка представила документ, где рассматривается процесс введения охраняемого режима в зоне вокруг островов Принс Эдуард, то есть в уже объявленной ранее 200-мильной ИЭЗ Южной Африки. **Рассмотрение возможности присвоения статуса МОР водам вокруг о-вов Принс Эдуард связано с бурным развитием здесь браконьерского лова патагонского клыкача в конце 90-х годов и нанесения существенного вреда всей экосистеме.** В этой связи Южная Африка начала процесс восстановления популяций клыкача и других видов при введении режима МОРов вокруг своих островов и в скором времени планирует вынести на обсуждение в АНТКОМ порядок установления МОР у о-вов Принс Эдуард.

Делегация США вынесла на обсуждение предложение о переходе от режима управления биоресурсами в подрайоне о-ва Анверс (из группы Южных Шетландских о-вов, южнее 60° ю.ш.), включающем значительную морскую акваторию, к режиму охраны, т.е. МОР. В этой связи многими делегатами было отмечено, что часть акватории, прилегающей к о-ву Анверс, где могут формироваться промысловые скопления криля, уже регламентируется Мерами по сохранению АНТКОМ, а на самом острове ведутся научные наблюдения за его наземными обитателями по Программе экологического мониторинга АНТКОМ. Участники согласились, что следует продолжить изучение этого подрайона и, **в рамках мер и резолюций, принимаемых АНТКОМ, оставить ему статус «управляемого».**

Наиболее громкие дебаты вызвал документ Новой Зеландии, в котором после четырехлетнего перерыва⁸ вновь было представлено предложение об установлении охраняемого режима на всех островах Баллени (северо-западная часть моря Росса к югу от 60° ю.ш.) и в 50-мильной морской зоне вокруг них, а также присвоения всему этому «ареалу» статуса МОР, где все **меры по охране будут осуществлять Новая Зеландия.** Из приводимой аргументации было очевидно, что Новая Зеландия намерена внести конкретный план управления районом о-вов Баллени и 50-мильной акватории вокруг путем установления МОР, где будет запрещена любая поисковая, рыболовная, туристическая и даже научная деятельность (без разрешения Новой Зеландии). В документе Новой Зеландии было указано, что на островах Баллени обитают многочисленные популяции летающих птиц, пингвинов, тюленей, которые питаются крилем, скопления которого распределяются в водах вокруг островов. Ближе к островам обитает молодь криля и неполовозрелый клыкач. Поэтому ярусный промысел клыкача и вероятное усиление антропогенной деятельности может нанести вред экосистеме без установления здесь режима МОР.

Российская делегация отметила, что приведенные Новой Зеландией аргументы в значительной мере несостоятельны. Острова Баллени, как и большинство островов и гор вулканического происхождения, имеют очень узкий шельф и материковый склон (свал), которые входят в уже запрещенную АНТКОМ 10-мильную зону, закрытую для промысла (МС 41-09). Более того, на протяжении последних 7 лет доля вылова клыкача в районе о-вов Баллени остается незначительной в общем вылове клыкача судами Новой Зеландии, в море Росса. Кроме того, острова Баллени труднодоступны и покрыты

льдом, что делает их малопригодными не только для туристов, но и для высадки ученых и проведения научных наблюдений. По этим причинам в ближайшем и даже в отдаленном будущем нет оснований ожидать серьезного воздействия человека на экосистемы о-вов Баллени и водного пространства вокруг них. Представитель Японии также высказал мнение о том, что имеющихся на сегодня данных для установления МОР вокруг о-вов Баллени явно недостаточно. Кроме того, потенциальная промысловая акватория, прилегающая к о-вам Баллени, должна быть рассмотрена с позиций статьи II Конвенции, предусматривающей рациональное использование живых ресурсов, а введение здесь 50-мильной зоны МОР не отвечает этому принципу. Введение такого МОР могло бы стать первым случаем установления большой «охраняемой» акватории за пределами чьей-либо ИЭЗ, но в зоне действия Конвенции и Договора об Антарктике. Отметим, что к настоящему времени в одностороннем порядке объявлены охраняемые зоны (по сути дела, те же МОРы) вокруг островов Принс Эдуард (Южная Африка), Херд и Макдональд (Австралия), Кергелен и Крозе (Франция) и особой морской зоны вокруг Южной Георгии (Великобритания) внутри Конвенционного района АНТКОМ, что стало возможным только в связи с тем, что они находятся севернее 60° ю.ш. и не подпадают под действие Договора об Антарктике.

Особую активность в рассмотрении вопроса о введении МОРов в зоне АНТКОМ проявляют страны-участницы из Южного полушария, выступающие с инициативами выделения для них специальных охраняемых участков суши и акваторий (МОРов). Уже в 2005 г. по инициативе Новой Зеландии, Австралии, Южной Африки, при поддержке США, Великобритании, Франции и природоохранных организаций, в частности АСОК (Коалиция по Антарктике и Южному Океану), в АНТКОМ было внесено предложение об установлении нескольких МОР⁹. Не получив одобрения по данному предложению в структуре АНТКОМ, эти страны предприняли попытку создания Особо охраняемых районов Антарктики (ASPA) с морскими компонентами в рамках Комитета по охране окружающей среды (КООС), созданного в 1998 г. после вступления в силу Протокола по охране окружающей среды к Договору об Антарктике. Наибольшую активность этот процесс получил в 2007 г. на XXX сессии КСДА, в структуре которого работает КООС. Российская делегация отвергла эти предложения с мотивировкой, что создание МОРов в Антарктике является исключительной прерогативой АНТКОМ. Именно эта международная организация регулирует не только природоохранные процессы, но и рациональную добычу биологических ресурсов океана. Было решено продолжить это обсуждение на совместном семинаре Научного комитета АНТКОМ и КООС перед началом XXII КСДА в г. Балтиморе (США) в 2009 г. Участники семинара решили, что создание МОРов в Антарктике должно осуществляться в рамках полномочий АНТКОМ. Как видно из таблицы 1, инициаторами создания МОРов в зоне действия АНТКОМ, выступают страны, имеющие постоянный стабильный ежегодный вылов клыкача в своей ИЭЗ. В связи с этим возникает вопрос, о преднамеренном и целенаправленном закрытии районов общего промысла клыкача странами-членами АНТКОМ и создании монополии на лов клыкача под «зонтиком» мониторинга в МОРах.

8 В 2001 году Новая Зеландия уже представляла на Рабочую группу АНТКОМ предложение о введении МОР на островах Баллени и в 200-мильной зоне вокруг архипелага, но это предложение учтено не было.

9 Правительство Австралии.-2005. // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.antarctica.gov.au/law-and-treaty/ccamlr/symposium-in-chile-2005>.

Табл. 1. Общий вылов клыкача (в тоннах) в ИЭЗ в период 2010-2013 гг., и вылов России в зоне АНТКОМ

Страна	2010/11 гг.	2011/12 гг.	2012/13 гг.
Австралия	2564	2717	2413
Великобритания	1767*	1539*	1693*
Новая Зеландия	1540*	1358*	1563*
Франция	5938	5608	3750
Россия	456	524*	405

* промысел патагонского и антарктического клыкачей (*D. eleginoides* + *D. mawsoni*)

В 2008 г. по инициативе ряда международных организаций и стран-участниц в АНТКОМ было внесено предложение о выделении 11 перспективных районов особого интереса, а год спустя был утвержден план по их созданию. Районы, которые были официально созданы для особой охраны или управления в рамках Протокола по охране окружающей среды к Договору об Антарктике, Приложение V «Охраняемые районы Антарктики» ASPA – Antarctic Specially Protected Area (Особо охраняемый район Антарктики) и ASMA – Antarctic Specially Managed Area (Особого управляемые районы в Антарктике), преимущественно относились к наземным экосистемам и отчасти расположенным вблизи их небольшим морским участкам. Однако, многие критерии, которые лежали в основе создания ASPA и ASMA, были использованы и при планировании МОРов со значительными морскими составляющими¹⁰.

В 2011 г. Международная неправительственная природоохранная организация «Альянс Антарктического Океана» предложила создать сеть морских охраняемых районов и закрытых для промысла морских заповедников в 19 конкретных районах вокруг Антарктики¹¹. В соответствии с этим АНТКОМ принял программу по разработке репрезентативной системы морских охраняемых районов (МОРов) с целью сохранения морского биоразнообразия в зоне действия Конвенции. Для регулирования и обоснования деятельности по созданию МОРов по инициативе и при активном участии российской делегации была разработана Мера по сохранению 91-04 «Общая система для создания морских охраняемых районов МОР», принятая на XXX сессии АНТКОМ в 2011 г. В соответствии с этой МС процедура выделения МОР должна отвечать следующим требованиям:

- предложения по МОР должны четко определять природоохранные ценности, задачи МОР, план мониторинга и исследований, план их выполнения и представления отчетности;
- планы управления, проведения исследований и/или научного мониторинга должны быть включены в предложения для каждого МОР, так же, как и четкие временные рамки, в пределах которых каждый МОР может быть пересмотрен на основе информации, собранной согласно этим планам;
- планы мониторинга и проведения исследований должны разрабатываться до создания какого-либо МОРа.

Начиная с 2011 г., наиболее дискутируемыми вопросами в тематике Научного Комитета и Комиссии АНТКОМ является создание МОРов в море Росса и Восточной Антарктике.

Море Росса

По мнению новозеландских и американских специалистов крупный регион моря Росса с островом Баллени, как достаточно оригинальный и продуктивный район, должен стать «кандидатом номер 1» в создаваемой репрезентативной системе МОРов. Введение и управление этим МОР, как отмечено во всех документах, будут соответствовать положениям общей Меры по сохранению 91-04. На XXXI и XXXII сессиях АНТКОМ (2012 и 2013 гг.), а также на Внеочередной сессии АНТКОМ в г. Бремерхафен (Германия, июль 2013г.) делегации Новой Зеландии и США трижды представляли свой проект МОР в море Росса, но ни разу не получили консенсуса по этому предложению, несмотря на предпринятую корректировку его границ (рис. 2). Основными оппонентами этого проекта были делегации России, Украины, Китая и Японии. Приводим ниже основные аргументы российской позиции по МОР в море Росса, которые касаются исключительно научных, а не политических и правовых вопросов. При описании целей, задач и конкретных действий, все фразы начинаются со слов охрана (защита) (protection). Так, например, на стр. 3 работы «Antarctic Ocean Legacy: A Marine Reserve for the Ross Sea»¹² с этого слова начинаются 8 пунктов! И ни в этом случае, ни в других документах нет слов: «изучение», «исследование», «определение» или даже «сохранение» (conservation). Согласно предложению США и Новой Зеландии предполагалось акваторию моря Росса с площадью 3.6 млн. кв. км сделать полностью охраняемой (т.е. закрытой для промысла и ограниченной для исследований). В 2013 г. Госсекретарь США Джон Керри выступил с официальным предложением поддержать Новую Зеландию в вопросе о присвоении морю Росса статуса морского охраняемого района¹³. Акваторию, предполагаемого МОР, предложено разделить на три района: А – район общего природоохранного значения, В – район особого научного интереса, С – охраняемый район нереста клыкача. Однако установление такого МОР в море Росса потребует закрытия основных районов промысла клыкача, а предлагаемые взамен к открытию участки никак не связаны с распространением этой рыбы^{14, 15} (рис. 2).

12 Antarctic Ocean Legacy: A marine reserve for the Ross Sea. – 2012. // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.antarcticocean.org

13 National Geographic.-2013. // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://newswatch.nationalgeographic.com/2013/03/19/john-kerry-urges-support-for-ross-sea-antarctic-ocean-reserve/>

14 New Zealand Foreign Affairs and Trade. – 2013. // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.mfat.govt.nz/ross-sea-mpa/>

15 SC-CAMLR-IM-I/03. К вопросу о влиянии ледовой обстановки на юрусный промысел клыкача в море Росса и вероятное воздействие на его вылов с введением охраняемых участков МОР. – Бремерхафен. – 2013. – С. 1 – 4.

10 Sharp B.R., S.J. Parker, M.H. Pinkerton, B.B. Breen, V. Cummings, A. Dunn, S.M. Grant, S.M. Hanchet, H.J.R. Kayes, S.J. Lockhart, P. O'B. Lyver, R.L. O'Driscoll, M.J.M. Williams, P.R. Wilson. Bioregionalisation and spatial ecosystem processes in the Ross Sea region // Document WG-EMM-10/30. – 2010. – P. 62.

11 Antarctic Ocean Legacy: A vision for circumpolar protection. 2011. // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.antarcticocean.org

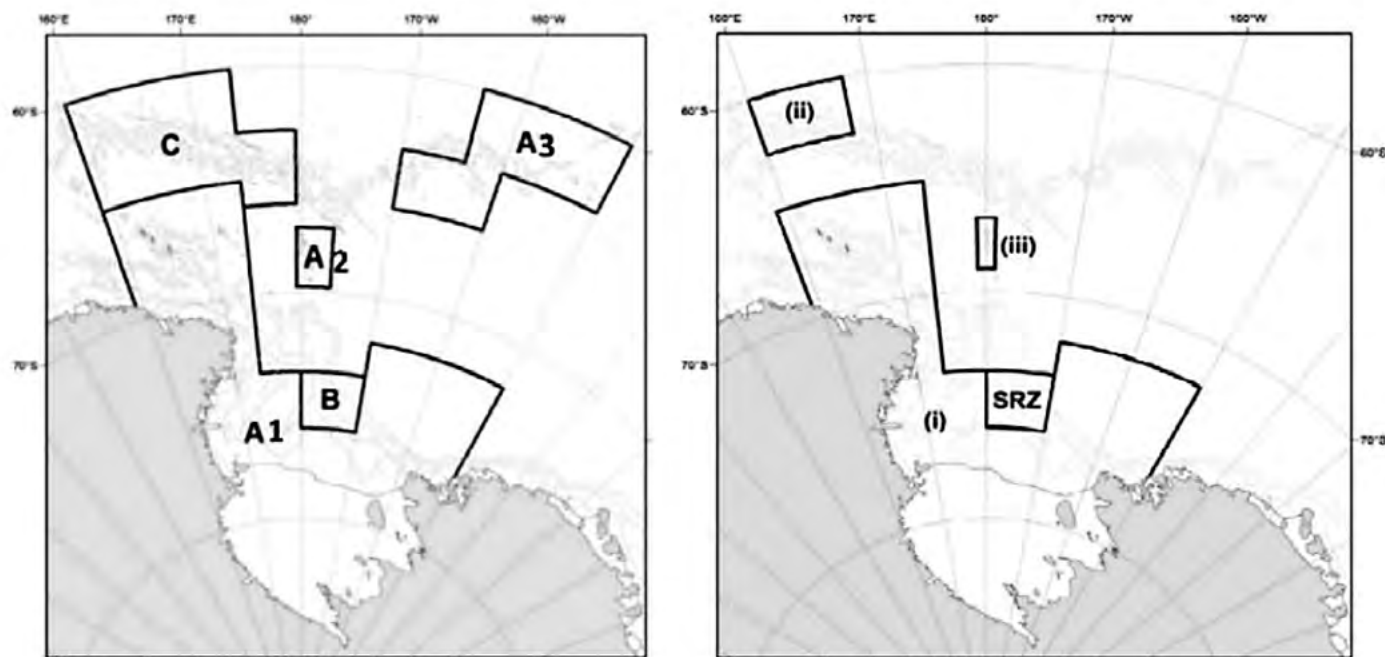

Рис. 2. Сравнение границ МОР региона моря Росса, предлагаемый Новой Зеландией и США в исходном документе¹⁶ и в пересмотренном виде¹⁷.

На сегодняшний день даже без введения МОРов остро ощущается недостаток данных по пространственно-временной динамике распределения клыкача в море Росса, включая информацию о местах и сроках массового нереста, сезонных и межгодовых изменениях в распределении взрослого и половозрелого клыкача (в том числе, пополнение родительского стада). Последнее в немалой степени обусловлено субъективными (деление всей акватории моря и сопредельных вод на небольшие открытые и закрытые акватории участки-SSRU (МС 41-09 и 41-10) и объективными причинами (колебания ледовой обстановки и неодинаковая доступность ресурсов), значительно затрудняющими сбор информации о миграциях и распространении клыкача и других биоресурсов в море Росса. На сегодняшний день существующие новозеландская и российская схемы жизненного цикла антарктического клыкача в море Росса требуют существенной доработки, что невозможно без продолжения научного наблюдения на промысловых судах¹⁸. Говоря о последнем варианте выделения МОР, состоящего из трех районов, необходимо отметить, что северный, обозначенный как охраняемый район нереста клыкача, не имеет научного обоснования для закрытия (рис. 2). Нами не обнаружено ни одного документа, где были бы приведены факты, доказывающие массовый или растянутый нерест клыкача в этом районе¹⁹.

По мнению российской делегации, охраняемый район общего значения, южная часть которого находится в SSRU 88.2 А, не должен быть включен в предлагаемый МОР. Российские исследования в 2010-2012 гг. установили, что в уловах яруса в этом районе взрослых крупных особей было более 86%. Этот потенциально промысловый район не следует закрывать, а напротив, его следует открыть и рационально использовать, о чем уже было сказано на совещании Научного комитета АНТКОМ в 2012 г.²⁰ Район особого научного интереса 88.2 В также нуждается в дальнейшем изучении, которое, как показывает практика, невозможно без проведения поискового или научного промысла.

В настоящее время в море Росса (даже до введения здесь МОР) закрыты 7 SSRU для ведения промысла и научного наблюдения. При этом 6 SSRU (88.1 А, 88.1 D, 88.1 E, 88.1 F, 88.2 А и 88.2 В) закрыты в течение более восьми лет, и один SSRU (88.1М) – более пяти лет²¹, то есть научные и промысловые данные, в том числе информация о зависимых и связанных с промыслом видах, не поступают уже в течение длительного времени.

А вместе с тем, в настоящее время экосистемы моря Росса остаются неизученными. АНТКОМ испытывает острый недостаток информации как в отношении клыкача, так и в отношении потенциальных объектов вылова: **крыля и антарктической серебрянки**. Кроме того, установлено, что серебрянка, трематомы и мелкий клыкач откармливаются крилем подо льдом. Через полыньи крилем питаются пингвины, тюлени охотятся на клыкача также через полыньи, где он не доступен для промысла. В 1969 году в новозеландском журнале была опубликована статья об охоте тюленя Уэдделла на клыкача в заливе Мак-Мердо²². Клыкач в разных частях моря Росса питается разными объектами, что говорит о необходимости

16 SCAMLR-SM-II/04. Предложение о создании морского охраняемого района «Регион моря Росса». – Бремерхафен. – 2013. – P. 1.

17 SCAMLR-XXXII/27. Предложение о создании морского охраняемого района «Регион моря Росса». – Хобарт. – 2013. – P. 16.

18 SC-CAMLR-IM-I/05. Rev. 1. Предложение Российской Федерации по открытию районов особого научного интереса в зоне действия Конвенции АНТКОМ (1 часть, море Росса и Восточная Антарктика). – Бремерхафен. – 2013. – P. 1–7.

19 Petrov A.F. *Dissostichus mawsoni*, distribution and biology // Document WG-FSA-12/14. – 2012. – P. 128.

20 SC-CAMLR-XXXI. Report of the Thirty-first Meeting of the Scientific Committee. – Hobart. – 2012. – P. 105.

21 SC-CAMLR-IM-I/06. Rev. 2. К вопросу МОР в зоне Конвенции по сохранению морских живых ресурсов Антарктики (предпосылки, планы и реальность). – Бремерхафен. – 2013. – P. 1–12.

22 Calhaem J., Christoffer D. Some observations on the feeding habits of a Weddell seal and measurements of the prey, *Dissostichus mawsoni*, at McMurdo Sound, Antarctica // *New Zealand Journal of Marine and Freshwater Research*. – 1969. – Vol. 3. – No 2. – P. 181–190.

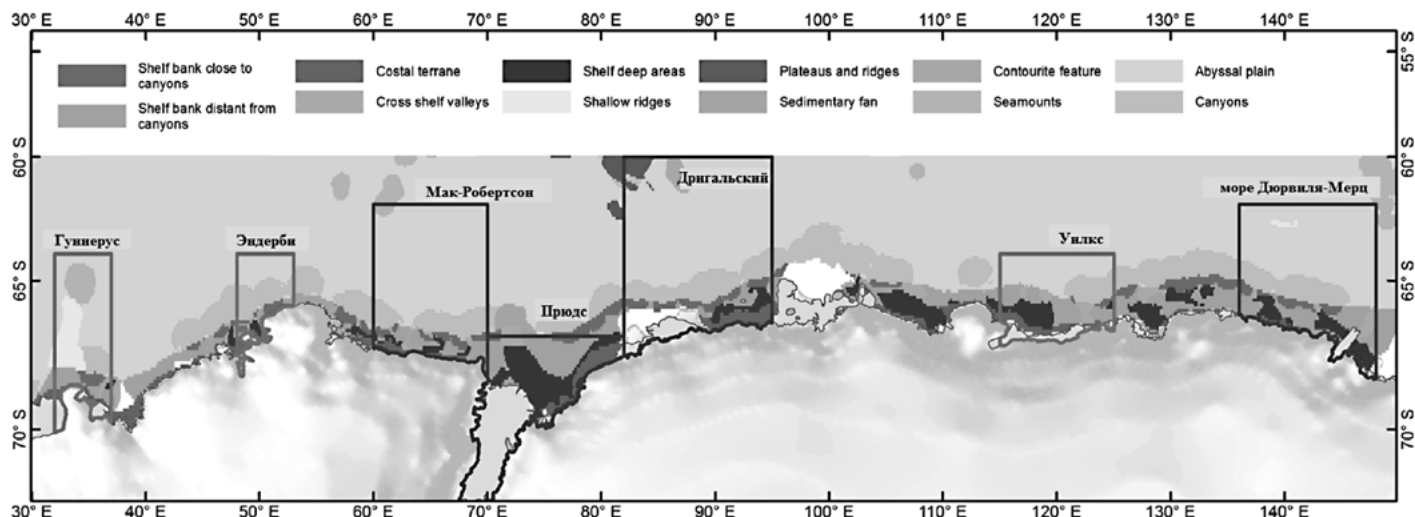

Рис. 3. МОР в Восточной Антарктике, предлагаемый Австралией, Францией и Европейским Союзом²³ (с изменениями).

изучения всей акватории моря Росса и сопредельных вод, что потребует проведения планомерных международных исследований.

Россия предлагает открыть указанные выше 7 SSRU, используя Мэру по сохранению 21-01 пункт 1(iii), согласно которой «если в АНТКОМ не было предоставлено данных по уловам и промысловому усилию за два последних сезона, в течение которых проводился промысел, то промысел в этих районах или SSRU следует считать новым». Как известно, промыслы категории «новый» в обязательном порядке должны сопровождаться научными наблюдениями (СМ 21-01). Поэтому организация «нового промысла» в выше перечисленных SSRU позволит с участием всех заинтересованных стран-членов АНТКОМ собрать научные данные, необходимые для научно обоснованного выбора акваторий, требующих охраны, реальные границы которых будут доступны для проведения коллективного мониторинга и исследований в соответствии с СМ 21-02.

Восточная Антарктика

Проект по МОР в Южном океане, получивший название «Восточная Антарктика», был разработан специалистами Австралии, Франции и Европейского союза, и включает значительную акваторию в Подрайонах 58.4.1 и 58.4.2 (Индоокеанский сектор в зоне Конвенции). Этот МОР первоначально состоял из 7 отдельных подрайонов-акваторий, предположительно нуждающихся в специальной охране (рис. 3). Данный проект по МОР трижды представлялся на выше названных сессиях АНТКОМ и, также как проект по МОР в море Росса, не получил консенсуса.

В результате 3-х летних дискуссий в составе МОР «Восточная Антарктика» осталось только три участка, направленные, прежде всего, на защиту бентических и пелаго-бентических сообществ от воздействия промысла. Вместе с тем, трудно представить, от какого воздействия промысла криля или ярусного лова рыб следует охранять бентосные организмы этих районов. Криль пока в Восточной Антарктике не ловят, а если и бу-

дут ловить, то только в пелагиали. В соответствии с Мерами по сохранению донные траления в зоне Конвенции запрещены, а донные постановки ярусов разрешены только глубже 550 м, не затрагивая шельфовую зону с бентическими сообществами, при этом, к ярусному лову предъявляются требования минимизации нанесения вреда бентосу независимо от глубин (СМ 22-06 и 22-07).

Расположенный в Восточной Антарктике Подрайон 58.4.1 разделен на 8 SSRU, а Подрайон 58.4.2 – на 5 SSRU. В каждом из этих Подрайонов закрыто для любых видов деятельности по 4 SSRU. Последнее, как было отмечено российской делегацией, является причиной отсутствия информации о состоянии популяции клыкача и других компонентов экосистем на значительной части акватории в Восточной Антарктике. Выделенная «область» МОР, состоящая из трех или семи участков, относится к наименее изученным акваториям антарктических вод.

Поисковый ярусный вылов клыкача в Подрайоне 58.4.1 был впервые установлен Комиссией в сезоне 1998/99 гт., а лицензии на промысел суда начали получать с сезона 2004/05 гт. В 2005 г. Комиссия ввела систему чередующихся открытых и закрытых SSRU в Подрайоне 58.4.1. Задача преобразования – оценить целесообразность этой системы для управления видами *Dissostichus* и для охраны бентических сообществ в высоких широтах²⁴. Величина общего допустимого улова (ОДУ) клыкача в 600 т, используемая в 2004–2008 гт., была рассчитана без учета данных из закрытых SSRU. Более того, для оценок биомассы антарктического клыкача в промысловых SSRU С, Е, G Подрайона 58.4.1 (а также SSRU А, С, Е в Подрайоне 58.4.2), без научного обоснования используются стандартизированные величины вылова на усилие, рассчитанные для **моря Росса, а не для Подрайонов 58.4.1 и 58.4.2**²⁵.

Как видно из выше сказанного на сегодняшний день АНТКОМ испытывает острый недостаток в информации для оценок состояния запасов и выработки мер по управлению промыслом клыкача в Подрайонах 58.4.1 и 58.4.2. Введение здесь МОР еще более усугубит сложившуюся ситуацию.

23 SC-CAMLR-IM-I/10. Scientific background to the proposed East Antarctica Representative System of Marine Protected Areas. Delegations of Australia, France and the European Union. – Bremerhaven. – 2013. – С. 1–29.

24 SC-CAMLR-XXIV. Report of the Twenty-fourth Meeting of the Scientific Committee. – Hobart. – 2005. – P.647.

25 Agnew D.J., C. Edwards, R. Hillary, R. Mitchell, L.J. López Abellán. Analysis of the potential for an assessment of toothfish stocks in Divisions 58.4.1, 58.4.2 // Document WG-SAM-08/4. – 2008. – P. 28.

В восточной Антарктике, также как и в море Росса, Россия предлагает организовать новый промысел в закрытых SSRU с участием заинтересованных стран-участниц АНТКОМ, что даст возможность сбора научных данных для обоснованного выбора охраняемых районов и опций управления промыслом.

Обсуждение

Наряду с другими странами-членами АНТКОМ Россия активно участвует в выработке, принятии и исполнении научно обоснованных международных мер, направленных на сохранение морских биоресурсов и уникальных экосистем Антарктики. Научные эксперты из России принимали активное участие в важнейших совещаниях как Комиссии и Научного Комитета, так и рабочих группах АНТКОМ, посвященных вопросам экосистемного мониторинга и сохранения морских биоресурсов, включая Международный семинар по морским охраняемым районам в США²⁶ и Семинар по вопросам биорегионализации Южного Океана в Брюсселе²⁷. На Втором специальном совещании Научного Комитета и Комиссии, проходивших в Бремерхафене (Германия, 11-13 июля 2013 г.), делегация Российской Федерации представила на рассмотрение Научного Комитета пять рабочих документов, которые аргументировано поставили под сомнение научную обоснованность предложений по созданию морских охраняемых районов в море Росса и в Восточной Антарктике.

Российская делегация на мероприятиях АНТКОМ следует позиции, что сохранение морских экосистем Антарктики является, прежде всего, не политической, а научно-практической задачей. Эффективная защита и сохранение морских обитателей Антарктики возможна только на основании обобщения и анализа объективных научных знаний о биологии видов, структуре, функционировании и взаимосвязях морских экосистем – всего комплекса научных подходов, который называется «биорегионализацией». Сохранение и защита морских экосистем Антарктики невозможны без детального биорегионального деления Южного океана, которое может быть разработано только на основе новых глубоких международных экосистемных исследований. Признавая важность выделения МОРов для защиты особо уязвимых экосистем, российская делегация придерживается позиции, что МОРы станут эффективным инструментом сохранения морских биоресурсов Антарктики в том случае, если они будут создаваться в рамках согласованной системы, на основе объективных научных данных, критериев и рекомендаций, подробной биорегионализации Южного океана.

Итоги теперь уже «многократного» обсуждения вопросов установления сети репрезентативных МОРов в зоне действия Конвенции АНТКОМ показали, что позиция авторов и сторонников планов и проектов по незамедлительному введению МОРов не получила консенсуса, встретив аргументированную критику со стороны ряда стран, и прежде всего России. Как следствие этого, во время сессий Научного Комитета и Комиссии в 2013 г. из 19 ранее выделенных кандидатов в систему МОРов рассматривались только два потенциальных МОРа, а именно, МОРы в море Росса и в Восточной Антарктике в заметно уменьшенных границах. Становится очевидной неготовность АНТКОМ к введению МОРов как ввиду отсутствия

достаточного научного обоснования границ, целей и задач МОРов, так и их соответствия целому ряду действующих Мер по сохранению.

На сегодняшний день также стало очевидным, что установление МОР неотделимо от планомерного проведения комплексных исследований состояния антарктических экосистем, как основы научного обоснования необходимости выделения МОР, и последующего мониторинга акваторий установленных МОР. Для изучения экосистем в водах Антарктики, в частности для установления мест нереста клякча и распределения его молоди, нужны специальные траловые и иктиопланктонные съемки. Изучение распределения криля требует выполнения тралово-акустических съемок как внутри, так и за границами МОР, а для исследования слабоизученной серебрянки должна проводиться траловая съемка в шельфовых водах. Проведение таких комплексных исследований – дорогостоящий процесс, требующий международной кооперации, и без коммерческого интереса его не провести.

В этой связи авторам и сторонникам развития сценария по планированию МОРов в Восточной Антарктике и море Росса хотелось бы задать вопрос – кто, когда и как будет проводить планомерные исследования на обширных акваториях этих МОРов? С позиции российской делегации для установления МОРов необходимо найти баланс между рациональным использованием ресурсов и изучением, как это сказано в Мере по сохранению 91-04.

Краткое заключение

В октябре-ноябре 2014 года в г. Хобарт пройдет XXXIII сессия Научного Комитета и Комиссии АНТКОМ, на которой снова будут обсуждаться предложения по МОР, в том числе в море Росса и Восточной Антарктике. Ряд государств уже представил в Секретариат АНТКОМ предложения по вопросу об учреждении МОРов и управления ими. Например, Япония считает необходимым во исполнение Меры по сохранению 91-04 принять резолюции и стандартизации процедуры создания АНТКОМом морских охраняемых районов. Япония предлагает утвердить три контрольных списка (checklists) с перечнем требований, которым должны соответствовать предложения по созданию МОРов. Первый список касается соответствия МОРов мерам по сохранению живых морских ресурсов, второй должен создать требования к планам по управлению МОРами, а третий – к планам по мониторингу и исследованиям в МОРах.

По мнению российской делегации, первоочередными задачами в контексте установления МОРов в зоне Конвенции является разработка правового определения МОРов в согласовании с такими заинтересованными в деятельности в Антарктике международными организациями, как Международная морская организация ООН и КСДА. Особое внимание при согласовании этих вопросов следует обратить на статус свободного транспортного мореплавания и проведение ресурсных, океанографических, геофизических и гидрографических исследований на акваториях МОРов, а также деятельности экспедиционных судов национальных антарктических программ по обеспечению своих прибрежных научных антарктических станций. Кроме того, существенным фактором, не допускающим создание МОРов в настоящее время является несостоятельность научного обоснования предлагаемых МОРов.

Российская делегация не скрывает своей позиции в отношении предлагаемых предложений по установлению

26 WS-MPA-05. Report of the CCAMLR Workshop on Marine Protected Areas. – Silver Spring. – 2005. – P. 580–623.

27 WS-BSO-07. Report of the Workshop on Bioregionalization of the Southern Ocean. CCAMLR. – Brussels. – 2007. – P. 588–676.

МОРов в зоне Конвенции и выступает за реальные границы морских охраняемых районов, их ежегодный мониторинг с представлением отчета, доступного для заинтересованных стран-членов АНТКОМ и международных организаций. В качестве промежуточного звена в определении научно-обоснованных границ МОРов предлагается открыть все закрытые на сегодня районы и участки в зоне действия АНТКОМ, и определить их временный статус как «Участки повышенного научного интереса» для последующего коллективного мониторинга.

Позиция российской делегации на сессиях АНТКОМ и дальше будет способствовать сохранению и расширению отечественного рыболовства в Антарктике и ослаблению возможности некоторых стран осуществлять свои политические цели под видом продвижения научных проектов.

Пристайный библиографический список

1. Антарктический криль: Справочник. – М.: ВНИРО, 2001.
2. Марти Ю.Ю. Основные итоги океанологических и научно-промысловых исследований в море Скотия и сопредельных районах // Труды ВНИРО. – 1969. – Т. 66.
3. Правительство Австралии. 2005. // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.antarctica.gov.au/law-and-treaty/ccamlr/symposium-in-chile-2005>.
4. Список действующих мер по сохранению 2013/2014 гг. – Хобарт: Комиссия по сохранению морских живых ресурсов Антарктики, 2013.
5. Хлыстов В.П. Международно-правовые проблемы промысла морских млекопитающих. – М., 1980.
6. Шуст К.В. Рыбы и рыбные ресурсы Антарктики. – М., 1998.
7. Agnew D.J., C. Edwards, R. Hillary, R. Mitchell, L.J. López Abellán. Analysis of the potential for an assessment of toothfish stocks in Divisions 58.4.1, 58.4.2 // Document WG-SAM-08/4. – 2008.
8. Antarctic Ocean Legacy: A vision for circumpolar protection. – 2011. // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.antarcticocean.org.
9. Antarctic Ocean Legacy: A marine reserve for the Ross Sea. – 2012. // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.antarcticocean.org.
10. Calhaem J., Christoffer D. Some observations on the feeding habits of a Weddell seal and measurements of the prey, *Dissostichus mawsoni*, at McMurdo Sound, Antarctica // New Zealand Journal of Marine and Freshwater Research. – 1969. – Vol.3. – № 2.
11. CCAMLR. 2014. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ccamlr.org>.
12. CCAMLR-SM-II/04. Предложение о создании морского охраняемого района «Регион моря Росса». – Бремерхафен. – 2013.
13. CCAMLR-XXXII/27. Предложение о создании морского охраняемого района «Регион моря Росса». – Хобарт. – 2013.
14. CCAMLR-XXII/BG/49. Delegations of Australia and Chile. CCAMLR Symposium. – Hobart. – 2003.
15. National Geographic. 2013. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://newswatch.nationalgeographic.com/2013/03/19/john-kerry-urges-support-for-ross-sea-antarctic-ocean-reserve/>.
16. New Zealand Foreign Affairs and Trade. 2013. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.mfat.govt.nz/ross-sea-mpa/>.
17. Petrov A.F. *Dissostichus mawsoni*, distribution and biology // Document WG-FSA-12/14. – 2012.
18. SC-CAMLR-IM-I/03. К вопросу о влиянии ледовой обстановки на ярусный промысел клыкча в море Росса и вероятное воздействие на его вылов с введением охраняемых участков МОР. – Бремерхафен. – 2013.
19. SC-CAMLR-IM-I/05. – Rev. 1. Предложение Российской Федерации по открытию районов особого научного интереса в зоне действия Конвенции АНТКОМ (1 часть, море Росса и Восточная Антарктика). – Бремерхафен. – 2013.
20. SC-CAMLR-IM-I/06. Rev. 2. К вопросу МОР в зоне Конвенции по сохранению морских живых ресурсов Антарктики (предпосылки, планы и реальность). – Бремерхафен. – 2013.
21. SC-CAMLR-IM-I/10. Scientific background to the proposed East Antarctica Representative System of Marine Protected Areas. Delegations of Australia, France and the European Union. – Bremerhaven. – 2013.
22. SC-CAMLR-XXIV. Report of the Twenty-fourth Meeting of the Scientific Committee. – Hobart. – 2005.
23. SC-CAMLR-XXX/11. Delegations of Australia and France. Proposal for a representative system of marine protected areas (RSMPPA) in the East Antarctica planning domain. – Hobart. – 2011.
24. SC-CAMLR-XXXI. Report of the Thirty-first Meeting of the Scientific Committee. – Hobart. – 2012.
25. SC-CAMLR-XXXI/BG/01. Catches in the Convention Area 2010/11 and 2011/12. Secretariat. – Hobart. – 2012.
26. SC-CAMLR-XXXI/BG/01. Catches in the Convention Area 2011/12 and 2012/13. Secretariat. – Hobart. – 2013.
27. Sharp B.R., S.J. Parker, M.H. Pinkerton, B.B. Breen, V. Cummings, A. Dunn, S.M. Grant, S.M. Hanchet, H.J.R. Kayes, S.J. Lockhart, P. O'B. Lyver, R.L. O'Driscoll, M.J.M. Williams, P.R. Wilson. Bioregionalisation and spatial ecosystem processes in the Ross Sea region // Document WG-EMM-10/30. – 2010.
28. Teschke K., Jerosch K., Pehlke H., Brey T. Progress report on the scientific data compilation and analyses in support of the development of a CCAMLR MPA in the Weddell Sea (Antarctica) // Document WG-EMM-14/19. – 2014.
29. WS-BSO-07. Report of the Workshop on Bioregionalization of the Southern Ocean. – Brussels. – 2007.
30. WS-MPA-05. Report of the CCAMLR Workshop on Marine Protected Areas. – Silver Spring. – 2005.

Ананидзе Ф. Р.

ДЕЛО «ЭНДОРОИС ПРОТИВ КЕНИИ»

В статье анализируется процесс становления и развития Африканской комиссии прав человека и народов (АКПЧН) как одного из важных африканских правозащитных механизмов. В ней особое внимание уделено практической деятельности АКПЧН по защите прав коренных народов Африки на примере анализа дела «Эндороис против Кении».

Ключевые слова: коренные народы, права человека, права коренных народов, Африканская комиссия по правам человека и народов, эндороис, Африканская хартия прав человека и народов, африканская система защиты прав человека.

Ananidze F. R.

CASE «ENDOROIS V. KENYA»

The article analyses the process of the establishment and development of the African Commission on Human and Peoples' Rights (ACHPR) as one of the most important mechanisms of the African human rights protection. Special attention is paid to the practical activities of the ACHPR to protect the rights of the indigenous peoples in Africa by analyzing the case «Endorois v. Kenya».

Keywords: indigenous peoples, human rights, indigenous rights, the African Commission on Human and Peoples' Rights, Endorois, the African Charter on Human and Peoples' Rights, the African human rights system.

Ананидзе Ф. Р.

Африканская региональная система защиты прав человека является сравнительно молодой по сравнению с аналогичными региональными системами в Европе и Америке. Она берет свое начало с 60-х годов прошлого столетия – со времен создания Организации африканского единства (ОАЕ) в 1963 г., которая в 2002 г. трансформировалась в Африканский союз (АС). В дальнейшем в рамках ОАЕ в 1981 г. была разработана и принята Африканская хартия прав человека и народов (Африканская хартия), которая, закрепляя права человека третьего поколения, существенно отличается от аналогичных договоров регионального характера, принятых в рамках Совета Европы и Организации американских государств¹. Она вступила в силу в 1986 г. В настоящее время 53 государства – члена АС являются участниками Хартии.

Африканская хартия и явилась фундаментальной основой создания африканской системы защиты прав человека, одним из структурных звеньев которой стала Африканская комиссия по правам человека и народов (АКПЧН), созданная на основании самой Хартии (ст. 30). Это независимый контрольный орган, состоящий из 11 членов, работающих в личном качестве. АКПЧН, не являясь уставным органом АС, тем не менее тесно связана с ним, что выражается в следующем: 1) её эксперты избираются Ассамблеей глав государств и правительств АС; 2) бюджет АКПЧН утверждается АС в консультации с ней; 3) АКПЧН не имеет независимой власти для реализации своих решений и, в соответствии со ст. 54 Хартии, обращается к Ассамблее глав государств и правительств о принятии конкретных мер для реализации своих решений².

Полномочия АКПЧН регламентируются в ст. 45 Хартии:

1) собирать документы, предпринимать изучение и исследование африканских проблем в области прав человека и народов, организовывать семинары, симпозиумы, конференции, распространять информацию, поддерживать национальные и локальные институты, имеющие отношение к правам человека и народов, и в случае надобности высказывать свою точку зрения и делать рекомендации правительствам;

2) формулировать и устанавливать принципы и нормы, имеющие целью решение правовых проблем, относящихся к правам человека и народов и основным свободам, на базе которых африканские правительства могут развивать свое законодательство;

3) сотрудничать с другими африканскими и международными институтами, связанными с содействием и защитой прав человека и народов.

В целом, характеризуя АКПЧН как один из региональных органов по защите прав человека, следует отметить следующее:

1. АКПЧН в некотором роде вобрала в себе черты и признаки как конвенционных, так и функциональных органов по правам человека. Помимо того, что она следит за соблюдением положений Хартии (как договорные органы ООН по правам человека), она располагает также и другими полномочиями, что выражается в том, что её члены одновременно являются и специальными докладчиками по определенным вопросам. В рамках АКПЧН действует пять специальных докладчиков: а) по свободе выражения и доступу к информации в Африке; б) по тюрьмам и условиям содержания в Африке; в) по правам женщин; г) по защите прав правозащитников; д) по правам беженцев, лиц, ищущих убежище, внутренне перемещенных лиц и мигрантов в Африке.

2. Члены АКПЧН одновременно являются председателями и членами рабочих групп по определенным вопросам. В её рамках существуют рабочие группы: а) по правам пожилых людей в Африке; б) по смертной казни; в) по коренным народам; г) по экономическим, социальным и культурным правам; д) по специальным вопросам; е) по вопросам добывающей промышленности, окружающей среды и нарушениям прав человека в этих сферах.

3. Все члены АКПЧН являются ответственными лицами за соблюдение прав человека в определенных странах. Именно таким распределением стран среди членов АКПЧН объясняется отсутствие «страновых» специальных докладчиков в ней.

4. В соответствии со ст. 54 Хартии АКПЧН на каждую очередную сессию Ассамблеи глав государств и правительств представляет доклад о своей деятельности и делает свои рекомендации.

1 См.: Абашидзе А. Х., Солнцев А. М. Африканская система защиты прав человека // Региональные системы защиты прав человека: Учеб. пособие / Отв. ред. А. Х. Абашидзе. – М.: РУДН, 2012. – С. 187.

2 См.: Там же. – С. 190.

5. В соответствии со ст. 62 Хартии АКПЧН рассматривает доклады государств – участников Хартии, направляемые каждые два года, о законодательных и иных мерах, предпринятых в целях обеспечения действия прав и свобод, признанных и гарантированных Хартией. По итогам рассмотрения этих докладов Комиссия принимает рекомендации в отношении государств.

6. АКПЧН также в соответствии со статьями 47, 48, 55 Хартии вправе рассматривать сообщения о нарушениях прав человека (межгосударственные сообщения, индивидуальные и сообщения о массовых систематических нарушениях прав человека).

В деятельности АКПЧН известное место занимает защита прав коренных народов континента. Важным её структурным звеном в этом отношении является Рабочая группа экспертов по правам коренного населения (сообществ), которая действует с 1999 г. В полномочия Рабочей группы входят следующие задачи (резолюция АКПЧН от 2003 г.):

«1) собирать информацию из соответствующих источников (включая правительства, гражданское общество, коренное население и их сообщества) о нарушениях прав человека и основных свобод коренного населения и сообществ;

2) осуществлять визиты для изучения ситуации с правами человека коренного населения (сообществ);

3) формулировать рекомендации и предложения о соответствующих мерах и действиях, необходимых для предотвращения нарушений прав человека и основных свобод коренных народов (сообществ);

4) представлять отчёт о своей деятельности на каждую очередную сессию АКПЧН;

5) сотрудничать с соответствующими международными и региональными механизмами по правам человека, институтами и организациями»³.

Практическая деятельность Рабочей группы во многом способствовала прогрессу в деле признания и защиты прав коренных народов на африканском континенте. Она очень тесно сотрудничает с Международной организацией труда (МОТ), другими организациями и учреждениями, НПО, академическими вузами региона.

Так, в 2009 г. АКПЧН вынесла рекомендации в отношении Кении по поводу исконных земель коренного народа эндороис в области озера Богория – Эндоруа. В 2010 г. данная рекомендация была одобрена Ассамблеей глав государств и правительств АС. Таким образом, был создан правовой казус в деле защиты коллективных прав коренных народов.

Эндороис – небольшая группа коренных жителей Кении, которые населяли область озера Богория в центральной Кении с незапамятных времен. В 70-е годы прошлого столетия они были выселены оттуда для создания там заповедника. Несмотря на то, что эта была их исконная земля, при выселении им не было предоставлено никакого права на участие в организации заповедника, как и соответствующей компенсации за ее конфискацию. Будучи выселенными с плодородной земли вокруг озера, эндороис были вынуждены жить на бесплодной земле, где большинство их рогатого скота погибло, и они оказались в затруднительном положении.

Сообщение о положении эндороис в соответствии со ст. 55 Африканской хартии в АКПЧН было представлено двумя

НПО: Центром по правам меньшинств Кении (Centre for Minority Rights Development of Kenia) и Международной группой по правам меньшинств от имени Совета по благосостоянию народа эндороис (Minority Rights Group International on behalf of Endorois Welfare Council). Как явствует из данного сообщения, эндороис составляли сообщество с численностью приблизительно 60 000 человек. Они с давнейших времен вплоть до выселения заселяли область озера Богория и вели традиционный образ жизни, который неразрывно был связан с их традиционной землей. При этом важно то, что эндороис всецело зависели от ресурсов озера. Доступ к озеру их обеспечивал средствами для существования, включая рыбу и другие продукты озера. Он был важен для них как доступ к водному ресурсу, для выпаса крупного рогатого скота, сбора лекарственных трав, а также для культурно-духовной деятельности в целом⁴.

В сообщении говорилось, что правительство Кении, в нарушение Африканской хартии прав человека и народов 1981 г., кенийской Конституции 1963 г. и международного права в целом, насильственно и незаконно выселило эндороис с их традиционных земель вокруг области озера Богория. Эндороис на основании решения официальных властей Кении были вынуждены покинуть эти заповедные места и стали разделенными как сообщество. В сообщении также утверждалось, что процесс выселения эндороис с их традиционной земли не только нарушил права собственности сообщества эндороис, но и разъединил их духовные, культурные и экономические связи с землей. Обещания кенийским правительством обеспечить достаточную компенсацию за конфискованную землю и доли дохода и возможностей трудоустройства в заповеднике не соблюдались, и сообщество в итоге разорилось. Кроме того, кенийское правительство разрешило минеральную разведку на земле, которая загрязнит озеро и окружающие пастбища. Истцы утверждали, что для эндороис доступ к области озера Богория был правом для сообщества, и правительство Кении отказало сообществу в эффективном участии в решениях, затрагивающих их собственную землю в нарушение их права на развитие. В своих представлениях они попросили возвращения своих земель, правового титула и четкого установления границ и компенсации для сообщества за все убытки, которые они понесли из-за потери своего имущества и развития и природных ресурсов, связанных с развитием⁵.

Изначально сообщество безрезультатно обратилось с просьбой вернуть исконные земли к бывшему кенийскому президенту г-ну Арап Мои. Затем сообщество с такой же просьбой обратилось к кенийским судам. В результате Верховный Суд Кении установил, что не может решить проблему коллективного права данного сообщества, поскольку «нет надлежащей идентификации людей, которые были затронуты изъятием земли...». Верховный Суд также заявил, что не полагает, что кенийский закон должен предоставлять любую специальную защиту основанную на историческом положении

3 Цитата по: Солнцев А. М., Воробьев Д. В. Защита прав коренных народов в рамках африканской региональной системы защиты прав человека // Евразийский юридический журнал. – 2014. – № 1(68). – С. 35.

4 См.: Ананидзе Ф. Р. Полезный казус о праве на развитие в Африке из практики Африканской комиссии по правам человека и народов // Материалы круглого стола X ежегодной Всероссийской научно-практической конференции «Актуальные проблемы современного международного права», посвященной памяти профессора И. П. Блищенко. Москва. 12 октября 2012 года / Отв. ред.: А. Х. Абашидзе, Е. В. Киселёва, А. М. Солнцев. – М. 2012. – С. 173.

5 См.: ACHPR, Centre for Minority Rights Development (Kenia) & Minority Rights Group International on behalf of Endorois Welfare Council v. The Republic of Kenia. Communication № 276/2003.

и культурным правам человека⁶. Получив такое неудовлетворительное разъяснение Суда и не согласившись с ним, истцы обратились в АКПЧН в 2003 г.

Суть процедуры АКПЧН заключается в том, что она, получая сообщение о нарушении прав человека и народов, проводит тщательное изучение вопроса на основе полученной информации, готовит рекомендацию, которую посылает заинтересованному государству, а также сообщает об этом Ассамблее глав государств и правительств. АКПЧН может делать такие рекомендации, которые она считает нужными и полезными. Особое внимание при этом уделяется проблемам, связанным с уважением традиционного образа жизни и справедливого распределения ресурсов (особенно земли).

В данном конкретном случае дело усугублялось тем, что правительство Кении несвоевременно ответило на запрос АКПЧН (она добивалась от Кении хоть какой-нибудь информации по делу эндороис целых 6 лет с 2003 по 2009 г.). В целом, правительство Кении неохотно и недобросовестно сотрудничало с АКПЧН – несвоевременно отвечало на ее запросы и т. п. В итоге в 2009 г. АКПЧН вынесла решение, в котором рекомендовала Кении, чтобы она возвратила исконные земли эндороис и таким образом, с одной стороны, восстановила статус-кво, а с другой – защитила, реабилитировала их культурные и религиозные права, связанные с развитием, а также право собственности и права на природные ресурсы. В последующем, 2010 г., данная рекомендация была одобрена Ассамблеей глав государств и правительств Африканского союза, придав, по сути, ей обязательный характер.

Перед АКПЧН стояла нелегкая задача. Она должна была определить, являлись ли эндороис коренными жителями области озера Богория. Эндороис утверждали, что они жили в области озера Богория в течение многих столетий, и все соседние племена признали их как добросовестных владельцев. Более того, они также продолжали использовать и занимать землю по британскому колониальному праву. Официальная Кения утверждала, что на традиционный образ жизни эндороис очень повлияла цивилизация, в результате чего некоторые эндороис больше не живут согласно их собственному обычаю, что, по ее мнению, означает, что эндороис больше нельзя было отличить от других племенных сообществ, и, следовательно, таким образом, они уже не являлись отдельным народом. На основе данного утверждения кенийских властей АКПЧН сделала заявление, в котором было сказано примерно следующее: Комиссия считает, что эндороис составляют местное сообщество и что они отличаются по определенным признакам от других сообществ. Также сами эндороис считают, что они отдельный народ со своей историей, языком, культурой и религией и что они полностью подпадают под защиту Африканской хартии по правам человека и народов 1981 г. относительно защиты их коллективных прав, особенно права на сохранение своей самобытности как представители коренного сообщества⁷.

В итоге после заслушивания представителей эндороис и официальной Кении, АКПЧН рекомендовала Кении возвращение земель района Эндоруа народу эндороис. Также было рекомендовано, чтобы Кения предоставила им право участвовать в их собственном развитии в будущем. Этим АКПЧН приняла спорную, но твердую позицию в развитии и регламентации прав меньшинств и коренных народов. Исходя из данной рекомендации, государства не должны негативно влиять на

доступ этих категорий населения к ресурсам, необходимым для обеспечения их жизнедеятельности.

Особая дискуссия развернулась вокруг права на развитие. Дело в том, что в соответствии с п. 1 ст. 22 Африканской хартии эндороис как и всем народам Африки, предоставлено право на их экономическое, социальное и культурное развитие. АКПЧН выявила нарушение права эндороис на развитие выселением Кенией их сообщества для создания заповедника в 1973 г. Соответственно, данное деяние официальных властей Кении привело к нарушению права коренного сообщества на развитие в виде отказа Кенией эндороис в участии в процессе развития. Представители эндороис утверждали, что право на развитие требовало выполнения пяти главных критериев – развитие должно быть равноправным, справедливым, объединенным, ответственным, и прозрачным для всех.

По мнению официальной Кении, «задача реализации права на развитие состоит в том, чтобы способствовать благосостоянию общества в целом, и не только в эгоистической заботе о собственном сообществе». Кения также утверждала, что у властей также были программы для образования, сельскохозяйственного развития и денежного пособия сельских сообществ в этом месте. С другой стороны, власти признались, что имело место снижение экономического оборота в области туризма, которое существенно повлияло на состояние бюджетов местных советов и на их эффективную работу⁸.

Кения, в ответ на обвинение, что эндороис были выселены незаконно, утверждала, что создание заповедника и публикация об этом в местной официальной газете были сделаны для сохранения хрупкой окружающей среды озера. Исходя из этого, она считала свои действия вполне законными. Относительно того утверждения, что эндороис не принимали непосредственного участия в данном решении, официальная Кения утверждала, что эндороис были заблаговременно осведомлены о данном правительственном решении путем его публикации в местной официальной газете, а также о недавней предпринятой разведке горной промышленности. По мнению властей, у эндороис была возможность участвовать в процессе, связанном с развитием, через их выборные должностные лица в местных советах, которые являются представительными органами власти на местах.

АКПЧН для определения своей позиции по данному вопросу провела анализ права на развитие и нашла, что данное право является «фундаментальным» – «основным» и является необходимым средством и целью достижения других основных свобод. Таким образом, по мнению АКПЧН, право на развитие может использоваться также и в качестве рычага, чтобы получить другие права. Здесь АКПЧН для подтверждения своей аргументации приводит утверждение независимого эксперта ООН по праву на развитие Арджуна Сенгуфты, по мнению которого в праве на развитие речь не идет об обеспечении человека жильем, а об обеспечении людей возможностью выбрать, где жить. По его же утверждению, право на развитие объединяет гражданские и политические права с экономическими, социальными и культурными правами в неделимый и взаимозависимый набор прав человека и основных свобод.

АКПЧН далее заявила, что право на развитие состоит из материальной и процессуальной составляющих и нарушение одного из этих элементов является нарушением права на развитие в целом. Здесь АКПЧН опиралась на судебную практику Межамериканского суда по правам человека и комитетов и

6 См.: Там же, §148.

7 См.: Там же, §162.

8 См.: Ананидзе Ф. Р. Указ. соч. – С. 176.

других органов ООН по правам человека, таких как, например, Комитет по ликвидации всех форм расовой дискриминации.

АКПЧН также сделала акцент на определении права на развитие, содержащего в Декларации о праве на развитие, где говорится, что «развитие – всесторонний экономический, социальный, культурный и политический процесс, который стремится к постоянному усовершенствованию благосостояния всего населения и всех людей на основе их активного, свободного и существенного участия в развитии и в справедливом распределении доходов».

Применяя принципы права на развитие, АКПЧН пришла к выводу, что Кения отказала эндороис и в процедурных, и в материальных правовых элементах права на развитие. Таким образом, их переселение на неплодородную и непригодную для них землю, вдали от лекарственных трав, солонцов для их рогатого скота, соответствующей воды и пастбищ, культурной и религиозной связи с озером Богория не улучшало их благосостояние как народа в целом или как индивидов. У эндороис не было никакого выбора, кроме того, как покинуть эти земли. Если бы Кения соблюдала условия, необходимые для содействия праву на развитие, как это предусмотрено в Африканской хартии, развитие заповедника увеличило бы возможности развития эндороис, поскольку у них была бы возможность извлечь выгоду из заповедника для собственного выживания, сохранения и развития, как отдельного этноса и народа в целом.

Далее АКПЧН заявила, что результатом развития должна быть передача народу эндороис определенных полномочий. Для кенийских властей, по мнению АКПЧН, не достаточно просто оказать продовольственную помощь данному народу. АКПЧН также заявила, что несмотря на то, что кенийское правительство сообщило, что консультировалось с народом эндороис, они считают, что консультация носила недостаточный характер. АКПЧН была твердо убеждена, что Кения «не получала явно выраженное согласие всего народа эндороис, прежде чем создать из их земли заповедник и начать их выселение», и заявила, что Кения должна была не только консультироваться с коренным народом, но также и получить от него явно выраженное согласие. А вместо такой консультации, по мнению АКПЧН, это не было сделано даже путем переговоров с несколькими представителями народа эндороис. Более того, официальные власти Кении отказали в регистрации Совету по благосостоянию народа эндороис – представительному органу данного народа, таким образом, отрицая право народа эндороис на справедливую и законную консультацию.

Относительно перераспределения доходов от работы заповедника АКПЧН пришла к выводу, что эндороис, как бенефициариям права на развитие, причиталось справедливое распределение доходов, полученных от заповедника. Таким образом, установив, что Кения была не в состоянии включить народ эндороис в процесс развития, АКПЧН решила, что Кения нарушила их право на развитие, вследствие чего АКПЧН рекомендовала Кении возвращение их земли, компенсацию за их потери. Согласно рекомендациям АКПЧН, Кения должна участвовать в диалоге с народом эндороис, предоставить им неограниченный доступ к озеру Богория, заплатить компенсационные платежи из доходов заповедника и предоставить возможности трудоустройства народа эндороис в заповеднике.

АКПЧН приняла справедливое решение в пользу защиты прав коренного народа области Эндоруа – эндороис, рекомендуя Кении компенсацию и реституцию земель предков народу эндороис, открывая, таким образом, новую эру защиты прав коренных народов.

Казус эндороис является в некотором смысле новеллой для АКПЧН и, несомненно, способствует дальнейшему развитию международного права прав человека. Во-первых, это указывает на готовность АКПЧН и АС поддержать и развивать права и свободы, закрепленные в Африканской хартии о правах человека и народов. Во-вторых, АКПЧН занимает определенно устойчивую позицию в пользу защиты и развития прав меньшинств и коренных народов. В-третьих, это придает солидность и устойчивость африканской системе защиты прав человека. В-четвертых, прецедент создан, и он подтверждает реальную возможность рассмотрения в судебном порядке коллективных прав, что, безусловно, будет способствовать рассмотрению аналогичных проблемных вопросов по другим африканским государствам.

Пристатейный библиографический список

1. Абашидзе А. Х., Солнцев А. М. Африканская система защиты прав человека // Региональные системы защиты прав человека: Учеб. пособие / Ответ. ред. А. Х. Абашидзе. – М.: РУДН, 2012.
2. Ананидзе Ф. Р. Полезный казус о праве на развитие в Африке из практики Африканской комиссии по правам человека и народов // Материалы круглого стола X ежегодной Всероссийской научно-практической конференции «Актуальные проблемы современного международного права», посвященной памяти профессора И. П. Блищенко. – Москва. 12 октября 2012 года / Отв. ред.: А. Х. Абашидзе, Е. В. Киселёва, А. М. Солнцев. – М., 2012.
3. Солнцев А. М., Воробьев Д. В. Защита прав коренных народов в рамках африканской региональной системы защиты прав человека // Евразийский юридический журнал. – М., 2014. – № 1(68).
4. ACHPR, Centre for Minority Rights Development (Kenia) & Minority Rights Group International on behalf of Endorois Welfare Council v. The Republic of Kenya. Communication № 276/2003.

Иванов Д. В., Ганиева Р. Б.

ОБЗОР ПРАКТИКИ МЕЖДУНАРОДНОГО СУДА ООН ПО ВОПРОСУ О ВОЗМЕЩЕНИИ УЩЕРБА, ПРИЧИНЕННОГО ВСЛЕДСТВИЕ МЕЖДУНАРОДНО-ПРОТИВОПРАВНОГО ДЕЯНИЯ: ДЕЛО А. С. ДИАЛЛО

Статья посвящена вопросам определения ущерба и компенсации за международно-противоправные деяния. В статье анализируются концепции международно-правовой ответственности, историко-теоретические проблемы возмещения ущерба в международном праве, принципы и критерии компенсации. Отдельное внимание уделено практическим аспектам возмещения причиненного ущерба на примере дела А. С. Диалло, рассмотренного Международным Судом ООН. На основе проведенного анализа авторы настоящей статьи приходят к выводу о том, что на современном этапе развития международного права правила реализации международно-правовой ответственности, в частности положения о возмещении причиненного ущерба, находятся на стадии формирования в качестве обычных норм международного права.

Ключевые слова: международно-правовая ответственность, возмещение ущерба, компенсация, дело А. С. Диалло.

Ivanov D. V., Ganieva R. B.

OVERVIEW OF THE JURISPRUDENCE OF THE INTERNATIONAL COURT OF JUSTICE ON THE ISSUE OF REPARATION FOR DAMAGE CAUSED BY THE INTERNATIONALLY WRONGFUL ACT: A. S. DIALLO CASE

The present article is devoted to the issue of assessment of damage and compensation for the internationally wrongful act. The article analyses theories of the international responsibility, historical and theoretic problems of reparation for damage in the international law, principles and criteria of compensation. Special attention is devoted to the practical aspects of the reparation for damage caused through the example of A.S. Diallo case which was considered by the International Court of Justice. Based on the analysis performed the authors of the present article arrive at a conclusion that at the modern stage of development of the international law rules on the implementation of the international responsibility, in particular provisions on reparation for the damage caused, are in the phase of construction and formation as a customary international law.

Keywords: international responsibility and liability, reparation for damage, compensation, A. S. Diallo case.

На первых этапах развития института международно-правовой ответственности сфера его действия ограничивалась возмещением ущерба, причиненного иностранным гражданам и принадлежащему им имуществу. В конце XIX в. – начале XX в. имела широкое распространение концепция, согласно которой основанием ответственности государства является деликт, а невыполнение международных обязательств влечет новое обязательство по возмещению причиненного другому государству ущерба (материального или морального)¹. На гражданско-правовой характер ответственности государств в данный период указывали юристы-международники Ф. Мартенс, А. Гефтер, Д. Анцилотти², Х. Трипель, К. Игтон и др.

Также наблюдалась тенденция к заимствованию категорий уголовного права отдельных государств и привнесение карательной сущности наказания за правонарушения в систему международного права. В доктрине уголовно-правовой подход к определению института международно-правовой ответственности объясняют отсутствием в течение длительного времени аппарата принуждения, а также той особенностью, что для международного права нехарактерны понятия «преступление» и «наказание» в том виде, в каком они существуют в национальном праве³.

Концепцию уголовной ответственности государств также основывали на возможности применения в отношении государства-правонарушителя⁴ международных санкций, в част-

ности принудительных мер, международными организациями «как форму наказания государства-правонарушителя, т. е. как особую форму его ответственности, поскольку такие меры выходят за рамки простого возмещения и применяются в централизованном порядке»⁵.

Очевидно, что первоначально институт международно-правовой ответственности толковался слишком широко в свете положений национального права. «Понятие международного правонарушения включает различные действия, от обыкновенного нарушения обязательств, влекущих только денежную компенсацию, до нарушений международного права, представляющих уголовные преступления в общепринятом смысле этого слова»⁶. Однако восстановительный и компенсационный характер института ответственности государств в международном праве не позволяет переносить понятийно-категориальный аппарат уголовного и гражданского национального права на межгосударственные отношения. Тем не менее цивилистический и уголовно-правовой подходы оказали влияние на формирование понятий и принципов права международной ответственности государств на первых этапах кодификации данного института.

На универсальном уровне в период 1924–1930 гг. была проведена первая кодификация права международной ответственности государств под эгидой Лиги Наций. Во исполнение резолюции Ассамблеи Лиги Наций 1924 г. был создан Комитет экспертов по прогрессивной кодификации международного права. На первом заседании Комитета экспертов, состоявшемся в Женеве в апреле 1925 г., предварительно было выбрано 11 тем, «международно-правовое регулирование которых наиболее желательно и реализуемо в настоящее время». По завершении изучения докладов подкомитета и ответов го-

1 Тункин Г. И. Теория международного права / Под общ. ред. Л. Н. Шестакова. – М., 2009. – С. 342.

2 Д. Анцилотти ограничивал реализацию международно-правовой ответственности исключительно возмещением: «возмещение одновременно было и наказанием, которое состояло в возмещении причиненного ущерба» (Анцилотти Д. Курс международного права. – Т. 1. – М., 1961. – С. 394).

3 Курс международного права в семи томах / Отв. ред. Н. А. Ушаков. – Т. 3. – М., 1990. – С. 243.

4 Курс международного права в шести томах. – Т. 5. – М., 1969. – С. 412.

5 Курс международного права в семи томах / Отв. ред. Н. А. Ушаков. – Т. 3. – М., 1990. – С. 243.

6 Оппенгейм Л. Международное право. Доп. Г. Лаутерпахтом. – М., 1949.

сударств на вопросы по 7 темам кодификации Ассамблея Лиги Наций приняла решение в форме резолюции о представлении на рассмотрение Конференции по кодификации международного права следующих вопросов: гражданство, территориальные воды, ответственность государств за ущерб, причиненный на их территории иностранным гражданам и их имуществу.

Принятие в 1953 г. Генеральной Ассамблеей ООН резолюции о поручении Комиссии международного права ООН начать работу по кодификации принципов международного права, регулирующих ответственность государств, ознаменовало собой начало нового этапа развития института международно-правовой ответственности. Характерными особенностями данного периода являются расширение круга вопросов, ставших предметом кодификации, отказ от концепции уголовной ответственности государств за международные правонарушения, разграничение гражданско-правовой (деликтной) и международно-правовой *in strictu sensu* ответственности. Хотя в первоначальной редакции подготовительных документов содержатся ссылки на концепцию ответственности государств за ущерб, причиненный иностранцам, в последующих докладах указывалось на недопустимость ограничения кодификации вопросами возмещения ущерба. Необходимо более широкое рассмотрение вопроса, рассмотрение норм об ответственности государств за нарушение суверенитета, территориальной целостности и права народов на самоопределение⁷.

В 6 докладах Ф. Гарсиа-Амадора, назначенного Комиссией международного права ООН в качестве специального докладчика, отражен подход традиционного международного права⁸, согласно которому реализация международно-правовой ответственности фактически сводится к возмещению причиненного вреда. Ф. Гарсиа-Амадор проводит анализ традиционной концепции «обязанности по возмещению», определяет правовую природу и сферу действия «обязанности по возмещению», дает определение «ущерба» и его классификацию, делая особый акцент на вопросах возмещения ущерба, причиненного иностранцам. Комиссия международного права ООН не одобрила данный подход.

В основу окончательной редакции Проекта статей об ответственности государств за международно-противоправные деяния (далее – Проект статей о международно-правовой ответственности государств) были положены доклады Р. Аго и Дж. Кроуфорда, которые были посвящены не только вопросам возмещения, но и принципам установления и реализации международно-правовой ответственности. Изменениям подверглась также концепция возмещения вреда в рамках международного права, в том числе вводился термин «компенсация». Согласно п. 1 ст. 36 Проекта статей о международно-правовой ответственности государств⁹ компенсация по своей природе носит дополнительный характер и выступает в качестве формы возмещения в случае, если материальная реституция (*restitutio in integrum*) в полном объеме не покрывает причиненный ущерб¹⁰. Окончательное оформление Проект

Комиссии международного права ООН получил путем принятия Резолюции Генеральной Ассамблеи ООН от 12 декабря 2001 г.

Общие принципы международно-правовой ответственности, в частности правила возмещения вреда, отраженные в Проекте статей о международно-правовой ответственности государств 2001 г., были положены в основу отраслевых международных кодификационных актов. Так, например, в сфере международной защиты и поощрения прав человека в 2005 г. Генеральная Ассамблея ООН приняла Основные принципы и руководящие положения, касающиеся права на правовую защиту и возмещение ущерба для жертв грубых нарушений международных норм в области прав человека и серьезных нарушений международного права¹¹, в области международного природоохранного права в 2006 г. Комиссия международного права ООН приняла Проект принципов о распределении убытков в случае трансграничного вреда, причиненного в результате опасных видов деятельности.

Проект статей о международно-правовой ответственности государств 2001 г. во многом были разработаны с учетом судебной и арбитражной практики разрешения межгосударственных споров. Принципы возмещения вреда, закрепленные в данном документе, являются основой определения и назначения компенсации в рамках деятельности международных судебных органов по настоящее время.

Одним из наиболее показательных решений в международной судебной практике назначения компенсации является решение Международного суда ООН по делу Ахмаду Садио Диалло. В нем содержится детальный анализ практики международных судов в сфере определения формы международно-правовой ответственности и исчисления суммы причиненного вреда¹².

Рассмотрим детально вопросы факта и права. Республика Гвинея в рамках осуществления дипломатической защиты гражданина А. С. Диалло представила заявление в Секретариат Международного Суда ООН 28 декабря 1998 г. об инициировании разбирательства в отношении Демократической Республики Конго. При этом тот факт, что Гвинея в рамках дипломатической защиты требовала взыскания компенсации за вред, причиненный лицу, обладающему ее гражданской принадлежностью, не является основанием для отказа в выплате компенсации. Так, Постоянная палата международного правосудия в решении по делу о фабрике в Хожуве постанови-

должно, насколько это возможно, ликвидировать все последствия противоправного деяния и восстановить положение, которое, по всей вероятности, существовало бы, если бы это деяние не было бы совершено. Причиненный ущерб, не покрываемый реституцией (*restitutio in integrum*), подлежит возмещению в форме компенсации» // Permanent Court of International Justice, Case concerning the factory at Chorzów No. 13 (Merits) (Germany v. Poland). Judgment No. 13 of 13 September 1928 // P.C.I.J. Series A. – № 17. – P. 47.

11 Хотя по сфере действия данный документ направлен на защиту прав человека от *грубых* (выделено автором) нарушений, «предполагается, что настоящие Принципы и Руководящие положения не наносят ущерба осуществлению права жертв всех нарушений международных норм в области прав человека и международного гуманитарного права на правовую защиту и возмещение ущерба».

12 «Международный суд ООН принял во внимание общие принципы и порядок исчисления компенсации, применяемые в рамках работы Международного трибунала по морскому праву, Европейского суда по правам человека, Межамериканского суда по правам человека, Трибунала по претензиям Ирана и США, Комиссии по претензиям Эритреи и Эфиопии и Компенсационной Комиссии ООН» // judgment comp p. 8, para. 13.

7 Резолюция ГА ООН 1504 (XV) от 12 декабря 1960 г.

8 Ф. Гарсиа-Амадор использует термин «traditional international law» /Doc. A/CN.4/134. 6th report on international responsibility by Mr. F.V. Garcia Amador, 1961, Vol. II.

9 Пункт 1 ст. 36 Проекта статей об ответственности государств за международно-противоправные деяния гласит: «Государство, ответственное за международно-противоправное деяние, обязано компенсировать ущерб, причиненный таким деянием, насколько такой ущерб не возмещается реституцией».

10 На первичный характер реституции указывается также в судебной практике разрешения международных споров: «Возмещение

ла: «Возмещение вреда, которое может выражаться в возмещении ущерба, причиненного гражданину пострадавшего государства в результате международно-противоправного деяния, является принципом международного права»¹³.

Юридическим основанием заявления послужили нарушения пп. 1, 2 ст. 9, ст. 13 Международного пакта о гражданских и политических правах 1966 г. и ст. 6, п. 4 ст. 12 Африканской хартии прав человека и народов 1981 г. Требования Гвинеи заключались в следующем:

– признать, что господин А. С. Диалло был неправомерно арестован и выдворен с территории Демократической Республики Конго, а также что он был подвергнут оскорбительному и унижающему человеческое достоинство обращению;

– установить факт лишения возможности осуществлять права собственности и управления в отношении компаний «Africom-Zaire» и «Africontainers-Zaire», учрежденных господином А. С. Диалло в соответствии с правом Демократической Республики Конго, факт препятствования господину А. С. Диалло взыскать в судебном порядке причитающиеся ему и его компаниям денежные средства по долговым обязательствам Правительства Демократической Республики Конго;

– признать неисполнение долговых обязательств Демократической Республикой Конго перед гражданином Гвинеи А. С. Диалло и учрежденными им компаниями правонарушением, влекущим международно-правовую ответственность;

– обязать Демократическую Республику Конго полностью возместить причиненный ущерб в форме компенсации.

Против приемлемости заявления было выдвинуто два предварительных возражения. Первое предварительное возражение заключалось в отсутствии достаточных правовых оснований для осуществления дипломатической защиты Республикой Гвинеей, поскольку заявление содержит требование о возмещении ущерба, причиненного вследствие нарушения прав компаний, не обладающих национальной принадлежностью государства-заявителя, второе – в неисчерпаниии эффективных и доступных местных средств правовой защиты на территории Демократической Республики Конго.

Международный Суд ООН в решении от 24 мая 2007 г.¹⁴, ссылаясь на международное обычное право, Проект статей о дипломатической защите Комиссии международного права ООН от 2006 г.¹⁵, а также на свою практику разрешения международных споров¹⁶, постановил, что Республика Гвинея правомочна осуществлять право на дипломатическую защиту в отношении гражданина А. С. Диалло в части вопросов защиты его личных прав и прямых прав, принадлежащих ему как участнику и управляющему партнеру компаний. Однако, поскольку компании «Africom-Zaire» и «Africontainers-Zaire» были инкорпорированы в соответствии с правом Демокра-

тической Республики Конго, Республика Гвинея не обладает правооснованиями для осуществления дипломатической защиты данных компаний. Таким образом, заявление Республики Гвинеи было признано недопустимым в части защиты прав компаний.

При рассмотрении дела по существу Международный суд ООН оперировал классификацией предположительно нарушенных прав, примененной в решении о предварительных возражениях. Анализируя первую категорию – личные права господина А. С. Диалло – Международный Суд ООН обратился к положениям Международного пакта о гражданских и политических правах 1966 г., Африканской хартии прав человека и народов 1981 г. и Венской конвенции о консульских сношениях 1963 г. Изучив практику Комитета по правам человека¹⁷ и Комментарии общего характера¹⁸, Международный Суд ООН пришел к выводу о нарушениях ст. 13 Международного пакта о гражданских и политических правах 1966 г. и п. 4. ст. 12 Африканской хартии прав человека и народов 1981 г., выразившихся в высылке законно находящегося на территории Республики Конго гражданина Гвинеи А. С. Диалло во исполнение решения, которое не было вынесено в соответствии с законом государства пребывания А. С. Диалло¹⁹, а также п. 1 (b) ст. 36 Венской конвенции о консульских сношениях.

Нарушенные имущественные права Международный Суд ООН объединил во вторую категорию прав – прямые права А. С. Диалло как учредителя и управляющего партнера компаний²⁰. В целях установления юридической природы и содержания данного вида прав Международный Суд ООН обратился к национальному законодательству Демократической Республики Конго²¹. При этом Международный Суд ООН особо отмечал необходимость проведения различия между правами компаний как юридических лиц и прямыми правами участника таких компаний²², в то же время указывая на взаимосвязанность таких прав²³. Однако тот факт, что ущерб, причиненный компании, затронул права акционеров/участников такой компании, не означает, что как компания, так и ее участники правомочны требовать компенсации на основании одного и того же юридического факта – причинения вреда²⁴.

13 Permanent Court of International Justice, Case concerning the factory at Chorzów No. 13 (Merits) (Germany v. Poland). Judgment No. 13 of september 1928 // P.C.I.J. Series A. – № 17. – PP. 27–28.

14 Ahmadou Sadio Diallo (Republic of Guinea v. Democratic Republic of Congo), Preliminary Objections, Judgment, I.C.J. Reports 2007.

15 Статья 12 Проекта статей о дипломатической защите 2006 г. гласит: «В той мере, в какой международно-противоправное деяние государства наносит прямой вред правам акционеров как таковых, отличным от прав самой корпорации, государство гражданства таких акционеров вправе осуществлять в отношении них дипломатическую защиту».

16 Interhandel case (Switzerland v. United States of America), Preliminary Objections, Judgment // I.C.J. Reports 1959. – P. 27; Elettronica Sicula S.p.A. (ELSI) (United States of America v. Italy, Merits, Judgment // I.C.J. Reports 1989. – PP. 43–44, para. 53; Barcelona Traction, Light and Power Company Case (Belgium v. Spain), Second phase, Judgment // I.C.J. Reports 1970. – P. 36, paras. 46, 47, p. 34 para. 40.

17 Maroufidou v. Sweden, Comm. No. 58/1979, para. 9.3, U.N. Doc. CCPR/C/OP/1 at 80 (1985).

18 Human Rights Committee, General Comment No. 15: The Position of Aliens under the Covenant.

19 Во-первых, не была получена предварительная консультация Государственного иммиграционного комитета (требование ст. 16 Законодательного Регламента по вопросам иммиграционного контроля от 12.09.1983), во-вторых, в распоряжении о выдворении не указывались основания для выдворения гражданина А. С. Диалло.

20 Право участия и голосования на общих собраниях, право назначения управляющего, право контроля и надзора за управлением компанией.

21 Декрет о коммерческих корпорациях от 1887 г.

22 I.C.J. Reports 2007 (II), pp. 605–606, paras. 62–63. В частности, на такое различие Международный суд ООН указывал в своих предыдущих решениях: «It is well known, that the right to participate and vote in general meetings is a right which municipal law confers upon the shareholders distinct from those of the company» // Barcelona Traction, Light and Power Company, Limited (Belgium v. Spain), Second Phase, Judgment // I.C.J. Reports 1970. – P. 36, para. 47.

23 «A wrong done to the company frequently causes prejudice to its shareholders» (Barcelona Traction, Light and Power Company, Limited (Belgium v. Spain), Second Phase, Judgment // I.C.J. Reports 1970. – P. 35, para. 44).

24 «Whenever a shareholder's interests are harmed by an act done to the company, it is to the latter that he must look to institute appropriate action; for although two separate entities may have suffered from the same wrong, it is only one entity whose rights have been infringed» // I.C.J. Reports 1970/ – P. 35, para. 44.

Международный Суд ООН установил, что Демократическая Республика Конго не нарушила прямые права А. С. Диалло как участника компаний, как то право участвовать и голосовать на общих собраниях, право быть назначенным управляющим, право надзора и контроля за деятельностью компаний²⁵.

Итак, Международный Суд ООН выявил нарушения статей 9, 13 Международного пакта о гражданских и политических правах, статей 6, 12 Африканской хартии прав человека и народов и п. 1(b) ст. 36 Венской конвенции о консульских сношениях, однако вопросы компенсации за ущерб, причиненный вследствие данных нарушений, выделил в отдельное производство²⁶. Однако поскольку в установленный Судом шестимесячный срок стороны в ходе переговоров не достигли соглашения о размере подлежащей выплате компенсации, было вынесено постановление об определении сроков для представления меморандума и контрмеморандума в рамках судопроизводства по вопросу о компенсации.

Установив факты нарушения международных обязательств Республикой Конго и, руководствуясь принципом предоставления полного возмещения за вред, причиненный международно-противоправным деянием, Международный Суд ООН обязал республику Гвинею выплатить компенсацию за незаконный арест, задержание и выдворение А. С. Диалло. В отношении нарушения п. 1 (b) ст. 36 Венской конвенции о консульских сношениях 1963 г. Международный суд ООН не назначил компенсацию. Это не свидетельствует о том, что международно-правовая ответственность не наступила. В международной практике встречаются случаи²⁷, когда признание судом или иным органом, рассматривающим дело, какого-либо деяния не соответствующим международному праву является достаточной мерой реализации международно-правовой ответственности²⁸. В данном случае речь идет о политической (нематериальной) международно-правовой ответственности в форме сатисфакции, которая в международных отношениях межгосударственного характера зачастую превалирует над материальной ответственностью. Так, Д. Анцилотти отмечал, что честь и достоинство государства в значительной мере превалируют над материальными интересами. Многие права из области международного права не имеют экономического содержания²⁹. Таким образом, заявление о противоправности деяния, сделанное компетентным международным судом, является эффективным средством обеспечения уважения международного права³⁰.

При оценке причиненного ущерба Международный суд ООН использовал следующую методологию: во-первых, он определил категории подлежащего компенсации вреда и установил факт его причинения, во-вторых, определил вредные последствия противоправных действий, в-третьих, выявил наличие причинно-следственной связи между международно-противоправным деянием и его последствиями.

Рассмотрим первую категорию – нематериальный вред. По свидетельству Гвинеи, А. С. Диалло был причинен мораль-

ный вред, выразившийся в эмоциональной боли, страданиях и шоковом состоянии, а также в потере социального положения и причинении вреда репутации в результате неправомерного ареста, задержания и выдворения из Конго. Несмотря на тот факт, что Гвинея не предоставила никаких конкретных доказательств («specific evidence») причинения морального вреда, Международный Суд ООН постановил, что таких доказательств не требуется. Неправомерные действия *per se* влекут неизбежное причинение нематериального вреда.

В решении по существу от 30 ноября 2010 г. Международный Суд ООН установил, что А. С. Диалло был арестован органами государственной власти Конго без объяснения причин его ареста и без предоставления возможности искать средство правовой защиты³¹. Также задержание в течение несправедливо длительного срока, необоснованное инкриминирование деяний, неправомерная высылка из государства, где пострадавшее лицо проживало до высылки в течение 32 лет и вело коммерческую деятельность, привело к сильным психологическим страданиям А. С. Диалло и потере его деловой репутации.

При определении компенсации нематериального вреда Международный Суд ООН руководствовался принципом справедливости³², который, в данном случае, означает, что «нематериальный вред является вполне реальным и тот простой факт, что он трудно поддается оценке в денежном выражении, не делает его менее реальным и не дает оснований лишать потерпевшее лицо соответствующей компенсации»³³. Международный Суд ООН постановил, что сумма в 85 тыс. долларов США достигает цели выплаты справедливой и разумной компенсации нематериального вреда.

В отношении требования о компенсации материального вреда необходимо рассмотреть следующие категории причиненного ущерба: утрата личного имущества А. С. Диалло, убытки вследствие неполучения вознаграждения за профессиональную деятельность, возникшие в период неправомерного задержания и последующего выдворения А. С. Диалло, и потенциально возможные доходы, которые не были получены («potential earnings»), т. е. упущенная выгода.

В отношении предполагаемого ущерба, причиненного личному имуществу (ценным вещам в квартире А. С. Диалло и средствам на банковских счетах) А. С. Диалло, Международный Суд ООН не выявил причинно-следственной связи между преступным деянием (в данном случае – неправомерным задержанием и арестом) и его последствиями, поскольку, во-первых, Гвинея не представила доказательств относительно факта нахождения ценных вещей, принадлежащих А. С. Диалло, в квартире на момент его задержания. Во-вторых, Гвинея не представила информации о банковских счетах, в том числе реквизиты банка и счетов. Утрата средств на банковских счетах

31 Ahmadou Sadio Diallo (Republic of Guinea v. Democratic Republic of the Congo), Merits, Judgment // I.C.J. Reports 2010. – P. 666, para. 74, p. 670, para. 84.

32 Принцип справедливости при назначении компенсации также применяется в практике региональных международных судов и комитетов: Kenneth Good v. Republic of Botswana, ACHPR, 26 May 2010, communication No. 313/05, 28th Activity Report, Ann. IV, p. 110, para. 244; Application No. 27021/08, Judgment of 7 July 2011, ECHR Reports 2011, para. 114; Cantoral Benavides v. Peru, Judgment of 3 December 2001 (Reparations and Costs), IACHR, Series C, No. 88, para. 53.

33 Данный принцип подтвержден арбитражной практикой разрешения международных споров (Luzitania Case, UN RIAA, Vol. VII, p. 40.), а также был положен в основу Проекта статей об ответственности государств за международно-противоправные деяния 2001 г.

25 Ahmadou Sadio Diallo (Republic of Guinea v. Democratic Republic of the Congo), Merits, Judgment // I.C.J. Reports 2010. – P. 690, para. 157.

26 Ibid. – P. 691.

27 «The Islamic Republic of Iran seeks declaratory relief, and accordingly it calls upon a Court to adjudge and declare that the USA has violated its obligation under international law» // Memorial of the Islamic Republic of Iran of 24 July of 1990. – Vol. 1. – P. 261.

28 Судебные решения такого рода получили название «declaratory judgment».

29 Анцилотти Д. Курс международного права. – М., 1961. – С. 434.

30 Corfu Channel (UK v. Albania), Merits, I.C.J. Reports 1949, p. 35.

А. С. Диалло также могла произойти по причинам, не связанным и не зависящим от задержания органами государственной власти Демократической Республики Конго.

Международный суд ООН отказал в назначении компенсации за причинение ущерба ценным вещам и банковским счетам А. С. Диалло, однако, руководствуясь принципом справедливости, присудил выплатить компенсацию в размере 10 тыс. долларов США за причинение ущерба личному имуществу А. С. Диалло, список объектов которого закреплен в описи имущества, составленной при задержании.

Изучая вопрос о возмещении неполученного вознаграждения, Международный суд ООН установил, что, по общему правилу, требование о выплате суммы дохода, который не был получен вследствие неправомерного задержания, является элементом требования о выплате компенсации³⁴. При этом, если размер компенсации не может быть определен точно, оценка причиненного ущерба может носить примерный характер. В целях присуждения компенсации Суду необходимо выявить наличие нескольких фактов: факт получения А. С. Диалло вознаграждения за осуществление профессиональной деятельности в качестве управляющего компаниями «Africom-Zaire» и «Africontainers-Zaire» до момента его задержания и факт получения заработной платы в размере 25 тыс. долларов США в месяц. Международный суд ООН установил, что вышеуказанные компании прекратили свою коммерческую деятельность за несколько лет до задержания А. С. Диалло. Соответствующая запись была внесена в Торговый реестр. Второе предположение было опровергнуто тем, что А. С. Диалло в 1995 г. признан Республикой Конго «временно нуждающимся» и получил соответствующее свидетельство. Таким образом, не было доказано факта получения вознаграждения А. С. Диалло в размере 25 тыс. долларов США ежемесячно. Таким образом, Международный суд ООН отказал в присуждении компенсации за данный вид ущерба.

Следующей категорией ущерба являются потенциально возможные доходы, которые не были получены («potential earnings»). Вопрос о присуждении компенсации такого рода содержит в себе некоторую неопределенность. Однако требование о выплате в данном случае не может быть гипотетическим и приблизительным. Гвинея в заявлении указывала на тот факт, что неправомерное задержание и последующая высылка А. С. Диалло повлекли за собой снижение стоимости компаний в целом как единых имущественных комплексов и рассеивание их активов («dispersal of assets»). Демократическая Республика Конго аргументировала свое возражение тем, что схема исчисления ущерба, предложенная Гвинеей, основывается на стоимости активов, принадлежащих компаниям, а не активов, которыми владеет А. С. Диалло в личном качестве. В итоге Международный суд ООН не удовлетворил требование Гвинеи, поскольку оно не входит в предмет данного разбирательства³⁵.

34 Данный подход был применен в решениях Европейского суда по правам человека (*Teixeria de Castro v. Portugal*, Application No. 44/1997/828/1034, Judgment, 1998, EHCR Reports 1998-IV, paras. 46-49), Межамериканского суда по правам человека (*Suarez-Rosero v. Ecuador* (Reparations and Costs), Judgment, 1999, IACHR, Series C, No. 44, para. 60) и др.

35 При рассмотрении дела по существу (I.C.J. Reports 2007. – P. 617, para. 98, subpara. (1) (b)) Международный суд ООН постановил, что требования Гвинеи, касающиеся ущерба, причиненного компаниям «Africom-Zaire» и «Africontainers-Zaire», являются недопустимыми.

Общая сумма компенсации составила 95 тыс. долларов США. Данная сумма должна быть выплачена Республикой Конго до 31 августа 2012 г. В случае просрочки должник обязан выплачивать проценты в размере 6 % от основной суммы долга.

Данное решение является первым за период функционирования Международного суда ООН, когда Суд, пройдя все стадии разрешения международного спора, определил общий размер подлежащей выплате компенсации. Безусловно, в рамках рассмотрения в Международном суде ООН дела о проливе Корфу также возникла необходимость определения формы международно-правовой ответственности и размера причиненного ущерба. Однако оценка ущерба осуществлялась на основе данных независимых экспертов в отсутствие Албании на устном слушании. Таким образом, решение по делу А. С. Диалло представляется наиболее полным с точки зрения процессуально-правовых аспектов рассмотрения дела.

Решение по делу А. С. Диалло представляет интерес также с позиции материального права. При определении принципов возмещения ущерба, формы возмещения и порядка начисления процентов Международный суд ООН руководствовался в первую очередь положениями Проекта статей о международно-правовой ответственности государств 2001 г. Хотя данный документ был утвержден в форме приложения к резолюции Генеральной Ассамблеи ООН и «не затрагивает вопроса о будущем принятии текста статей или другой надлежащей мере»³⁶, его положения играют роль в процессе нормообразования в сфере права международной ответственности. Принятие резолюции Генеральной Ассамблеей ООН может выступать в качестве этапа формирования обычных норм международного права³⁷.

Подготовка текста Проекта статей об ответственности на основе резолютивных частей решений международных судов, постоянно действующих арбитражей и арбитражей *ad hoc* свидетельствует об определенном уровне единообразия по вопросу присуждения возмещения за международно-противоправные деяния. Последующее применение Проекта статей об ответственности в судебных решениях, которые могут быть использованы как вспомогательное средство для определения правовых норм, также говорит о положительной динамике формирования обычных норм международного права, регулирующих вопросы ответственности государств.

Таким образом, принятие большинством государств – членом ООН Проекта статей об ответственности в форме резолюции Генеральной Ассамблеи ООН и применение положений данного документа Международным судом ООН и иными международными судебными органами является доказательством наличия практики государств по вопросу о присуждении компенсации за международно-противоправные деяния как первого этапа формирования международного обычая.

36 Преамбула Резолюции ГА ООН 56/ 589 от 12 декабря 2001 г.

37 Тункин Г.И. Теория международного права / Под общ. ред. Л.Н. Шестакова. – М., 2009. – С. 153.

Пристайный библиографический список

1. Анцилотти Д. Курс международного права. – Т. 1. – М.: Изд-во иностр. лит., 1961.
2. Гарсиа Амадор Ф. В. Шестой доклад о международно-правовой ответственности государств. // Ежегодник Комиссии международного права ООН. – 1961. – Т. II. // Док. А/CN.4/134.
3. Курс международного права: В 7 т. – Т. 3. / Отв. ред. Н. А. Ушаков. – М.: Наука, 1990.
4. Курс международного права: В 6 т. – Т. 5. / Редкол. Кожевников Ф.И. и др. – М.: Наука, 1969.
5. Лукашук И. И. Право международной ответственности. – М.: Волтерс Клувер, 2004.
6. Проект статей об ответственности государств за международно-противоправные деяния 2001 г.
7. Тункин Г. И. Теория международного права / Под общ. ред. проф. Л. Н. Шестакова. – М.: Зерцало, 2009..
8. Ahmadou Sadio Diallo (Republic of Guinea v. Democratic Republic of the Congo), Preliminary Objections, Judgment, I.C.J. Reports 2007.
9. Ahmadou Sadio Diallo (Republic of Guinea v. Democratic Republic of the Congo), Merits, Judgment, I.C.J. Reports 2010.
10. Ahmadou Sadio Diallo (Republic of Guinea v. Democratic Republic of the Congo), Judgment, Compensation owed by the Democratic Republic of the Congo to the Republic of Guinea, I.C.J. Reports 2012.
11. Case concerning the factory at Chorzów (Germany v. Poland), Merits, Judgment No. 13, P.C.I.J. Series A, No. 171928, 1928.
12. Corfu Channel (United Kingdom v. Albania), Merits, Judgment, I.C.J. Reports 1949.

Абашидзе Аслан Хусейнович

Доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой международного права Российского университета дружбы народов, директор Центра инновационно-образовательных проектов и правовых исследований РУДН

В 1983 г. с отличием окончил факультет экономики и права Университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы по специальности «Юриспруденция». Переводчик с английского языка на русский.

В 1990–1992 гг. обучался в магистратуре в Институте имени Рауля Валленберга (Лундский университет, Швеция) и получила степень магистра по международному публичному праву.

С 2001 г. по настоящее время читает полный курс лекций по международному публичному праву на факультете международных отношений МГИМО (У) МИД России. Выступала с лекциями в Институте прав человека Норвегии, Академии Або (Финляндия), Институте международных отношений Салоники (Греция), Европейском межвузовском центре по правам человека и демократизации (Италия).

Председатель Комиссии международного права Российской ассоциации содействия ООН (РАС ООН). Член Исполкома Российской ассоциации международного права. Член Всемирной ассоциации международного права. Член Исполкома Внешнеполитической ассоциации. Член редколлегии Вестника РУДН (серия: Юридические науки), Московского журнала международного права (МЖМП), Российского ежегодника международного права и журнала «Обозреватель». Член научно-консультативного совета при МИД России.

С 2010 по 2014 г. – член и вице-председатель Комитета по экономическим, социальным и культурным правам.

В 2007–2009 гг. – член Рабочей группы по произвольным задержаниям Совета ООН по правам человека.

Под его авторством и в соавторстве в России и за рубежом (Великобритания, США, Финляндия, Греция, Италия, Сербия, Армения, Турция, Казахстан и т.д.) опубликовано более 300 работ.

ДОГОВОРНЫЕ ОРГАНЫ ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА В СИСТЕМЕ ПРАВООЩИТНЫХ МЕХАНИЗМОВ ОРГАНИЗАЦИИ ОБЪЕДИНЕННЫХ НАЦИЙ

А.Х. Абашидзе

Москва 2012

Солнцев А. М., Утенкова Е. В.

К ВОПРОСУ О СОЗДАНИИ ПРОТОКОЛА О ПРАВАХ ИНВАЛИДОВ К АФРИКАНСКОЙ ХАРТИИ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА И НАРОДОВ¹

В статье анализируются международно-правовые основы защиты прав инвалидов. Делается акцент на процессе имплементации положений Конвенции по правам инвалидов в национальное законодательство Африки.

Ключевые слова: международное право, права человека, права инвалидов, Конвенция ООН по правам человека, имплементация, Африка, африканская система защиты прав человека.

Solntsev A. M., Utenkova Ye. V.

TOWARDS THE CREATION OF THE PROTOCOL ON THE RIGHTS OF PERSONS WITH DISABILITIES TO THE AFRICAN CHARTER ON HUMAN AND PEOPLES' RIGHTS

The article analyzes the international legal framework for the protection of the rights of persons with disabilities. It focuses on the process of implementing the provisions of the UN Convention on the Rights of Persons with Disabilities into African national legislation.

Keywords: international law, human rights, Rights of Persons with Disabilities, UN Convention on the Rights of Persons with Disabilities, implementation, Africa, African human rights system.

В настоящее время государства всего мира прилагают усилия для защиты и соблюдения прав человека. К сожалению, во многих государствах проблема обеспечения прав инвалидов до сих пор носит достаточно острый характер. Центральное место в дискуссии по правам инвалидов занимает вопрос о неблагоприятных условиях, характеризующихся дискриминацией, а чаще всего и полным исключением из общества людей с ограниченными возможностями. В целях решения этой проблемы 13 декабря 2006 г. международное сообщество приняло Конвенцию ООН о правах инвалидов с Дополнительным протоколом к ней, которые вступили в силу 3 мая 2008 г.

Прежде всего, необходимо понимать, что инвалиды – это люди с ограниченными возможностями, соответственно, для регулирования обеспечения соблюдения прав данной категории лиц необходимо выделить их в отдельную группу. Международное сообщество, приняв Конвенцию о правах инвалидов, четко определило круг лиц, относящихся к данной категории. Так, в соответствии со ст. 1 Конвенции «к инвалидам относятся лица с устойчивыми физическими, психическими, интеллектуальными или сенсорными нарушениями, которые при взаимодействии с различными барьерами могут мешать их полному и эффективному участию в жизни общества наравне с другими». При этом в преамбуле оговаривается: «Инвалидность – это эволюционирующее понятие», и что инвалидность является результатом взаимодействия, которое происходит между имеющими нарушения здоровья людьми и отношенческими и средовыми барьерами и которое мешает их полному и эффективному участию в жизни общества наравне с другими» (пункт е).

Учитывая, что есть ряд научных работ, где в целом анализируются проблемы защиты прав инвалидов на международном уровне², в настоящей статье мы хотели бы проанализировать

специфику защиты прав лиц с ограниченными возможностями на региональном уровне в Африке.

Установлено, что 80 миллионов человек в Африке живут с той или иной формой инвалидности³ (включая альбиносов)⁴. Обычно инвалиды живут в условиях крайней нищеты, и в связи с отсутствием у них возможности вести нормальный образ жизни ввиду каких-либо физических или умственных недостатков государством создаются специальные социальные программы, целью которых является забота об инвалидах⁵. Нищета инвалидов также связана с недостаточным доступом к образованию, трудоустройству, здравоохранению и другим социальным службам, и все это характеризует жизнь человека с ограниченными возможностями не с лучшей стороны. Кенийская Комиссия по правам человека обобщает сложившуюся ситуацию следующим образом: «Уровень бедности, с которым сталкивается инвалид, намного выше по сравнению с остальной частью общества. Возможности для получения средств к существованию для инвалидов наименее доступны в связи с неспособностью человека взаимодействовать с обществом в сферах образования, экономики, политики и т.д. Бедность сама порождает инвалидность, а инвалидность является предвестником еще большей бедности»⁶.

Солнцев А. М.

Утенкова Е. В.

1 Статья подготовлена в рамках реализации гранта РГНФ №12-33-01428.

2 Киселева Е.В. Права инвалидов // Международное гуманитарное право / Под ред. А.Я. Капустина. – М: Высшее образование. Юрайт-Издат, 2009. – С. 145–159; Ильинская О.И. Международно-правовые аспекты защиты инвалидов // Журнал российского права. – 2013. – № 10. – С. 97 – 106.

3 Disability in Africa [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.ascleiden.nl/Library/Webdossiers/DisabilityInAfrica.aspx> (проверенона 12.05.2014 г.).

4 Choruma T. The Forgotten Tribe: People with Disabilities in Zimbabwe. – Progressio, 2007. – P. 10.

5 Ngwenya C. Deconstructing the Definition of «Disability» Under the Employment Equity Act // South African Journal on Human Rights (2006). – P.613–620.

6 Report of Kenya National Human Rights Commission, Objects of Pity or Individuals with Rights: The Right to Education for Children with Disabilities (2007). Цит. по: Kotze H. A Situational Analysis of the State

Действительно, в Африке одним из наиболее сложных вопросов, связанных с инвалидностью, является вопрос крайней нищеты⁷. Ситуация, сложившаяся в Африке, в корне отличается от таковой в США и Европе по ряду причин. Наиболее существенным вопросом является вопрос бедности. Крайняя нищета не только ограничивает и без того ограниченные возможности инвалидов, но и, в довершение всего, препятствует их выживаемости в обществе.

Особенностью инвалидности в Африке выступает так называемая «безгласность» и пренебрежение инвалидами, которые в обществе чаще всего приравниваются к опустившимся до самого низшего уровня маргиналам⁸. Маргинализация инвалидов чаще всего становится результатом культурных и традиционных убеждений. Например, в Свазиленде, единственной существующей в настоящее время монархии в Африке, обычай не позволяет инвалидам участвовать в некоторых национальных культурных мероприятиях ввиду того, что «инвалид, приблизившийся к королевской персоне или контактировавший с ней, накличет беду на короля или на королеву»⁹. В том же духе, на основе традиционных верований дети с ограниченными возможностями считаются «позором» для своих семей, которые их прячут и ограничивают от контактов с остальными членами общества, так как такие дети являются символом божьего наказания. В этой связи ребенок-инвалид считается «плохим предзнаменованием, способным запятнать весь род»¹⁰.

Есть, конечно, определенные оговорки на сей счет, поскольку дети с ограниченными возможностями должны содержаться дома не из чувства вины, а для того чтобы за ними ухаживали и они находились в безопасности¹¹. Тем не менее следует признать, что реакции со стороны общества на наличие тех или иных ограничений у человека отличаются в зависимости от того, к какому типу ограничений они относятся, к примеру, такие заболевания, как проказа или альбинизм считаются проклятием. Помимо детей с ограниченными возможностями женщины-инвалиды также подвергаются различного рода нарушениям их прав. Они страдают от двойной дискриминации – за то, что в первую очередь являются женщинами, и за то, что у них есть тот или иной недуг¹². В результате нищета, безработица, социальная изоляция – вот что характеризует их и без того бедственное положение. С точки зрения здравоохранения: женщины и девушки с ограниченными возможностями подвергаются сексуальному насилию, и, соответственно, страдают от ВИЧ и СПИД. Их уязвимость к сексуаль-

ному насилию усугубляется еще и существованием поверья, что секс с инвалидами может вылечить СПИД – по-видимому, еще более сложная версия так называемого «девственного лечения», которое основано на распространенном заблуждении, что люди с ограниченными возможностями сексуально неактивны, и, следовательно, должны быть девственниками.

Альбинизм

Точной статистики о количестве альбиносов в мире не существует, но известно, что альбинизм распространен в Африке больше, чем в остальном мире. Приблизительно один человек из 20 000 людей в мире страдает альбинизмом – генетическим заболеванием, которое выражается в недостаточном количестве или отсутствии пигмента в волосах, глазах и коже. С 2000 г. по 2013 г. из 15 стран, главным образом африканских, Совет ООН по правам человека получил свыше 200 сообщений о нападениях на лиц, страдающих альбинизмом, в том числе об убийствах и нанесении им увечий¹³. Эта цифра может быть и больше, ведь о многих нападениях не сообщается, или они не регистрируются по причине гонений на пострадавших и их семей, а также ввиду характера этих нападений, которые зачастую связаны с колдовскими ритуалами. Ввиду повторяющихся случаев нападения на альбиносов, особенно в регионах Африки, Совет ООН по правам человека принял ряд резолюций (23/13 и 24/33), как это сделала Африканская комиссия по правам человека и народов в конце 2013 г., призывая к предотвращению нападений на альбиносов¹⁴.

Существует спор относительно того, относится ли альбинизм к инвалидности. Кожа альбиносов невероятно и аномально чувствительна к солнечному свету. Кроме того, они имеют ограниченные возможности зрительной системы. Из-за наличия подобных зрительных и чувствительных нарушений у альбиносов многие из них подвергаются настоящей охоте в странах Африки, особенно в Танзании, по причине традиционного верования в то, что части тела альбиноса усиливают энергетику темных магических ритуалов¹⁵. Убийство альбиносов для получения частей их тела также характерно и для некоторых Южных и Центральных частей Африки, включая Кению и Уганду.

По данным Международной Федерации обществ Красного Креста и Красного Полумесяца, тысячи людей-альбиносов покинули свои дома в деревнях из страха преследования и переехали в районы, расположенные ближе к городам, пребывание в которых является наиболее безопасным для них¹⁶. Несмотря на убийство альбиносов в Африке, Конвенция ООН о правах инвалидов не касается этого вопроса. Из того, что люди гибнут по причине наличия у них альбинизма следует, что гибнут они из-за своей неполноценности. Таким образом, их право на жизнь нарушается на основании их ограниченности в возможностях. Утверждается, что недостаточность определения ограниченности возможностей в Конвенции ООН о правах инвалидов не позволяет государствам и регионам

and Status of Disability Issues and Rights in Southern Africa: OSISA Project on Disability Rights and Law // OSISA (2010). –P. 16.

7 Абашидзе А.Х., Конева А.Е. Состояние нищеты – нарушение прав и свобод человека // Вестник Российского университета дружбы народов. – М.: РУДН, 2011, № 4. – С. 129–139.

8 Power M. Geographies of Disability and Development in Southern Africa // 21 Disability Studies Quarterly (2001). // [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.ds-q.org/article/view/320/388> (доступно на 20.05.2014).

9 Kotze H. A Situational Analysis of the State and Status of Disability Issues and Rights in Southern Africa: OSISA Project on Disability Rights and Law, OSISA (2010). –P. 35.

10 Combrinck H. The Hidden Ones: Children with Disabilities in Africa and the Right to Education / Children's Rights in Africa: A Legal Perspective / J. Sloth-Nielsen (ed.). – Ashgate, 2008. –P. 302.

11 Kisanji J. Growing Up Disabled // Disabled Children in Developing Countries / P. Zinkin, H. McConachie (eds). Mac Keith Press, 1995. –P. 195.

12 Djoyou Kamga S. A. The Rights of Women with Disability in Africa: Does the Protocol on the Rights of Women in Africa Offer Any Hope? // Barbara Faye Waxman Fiduccia Papers on Women and Girls with Disabilities. 2011. –п. 2. // [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.centrewomenpolicy.org> (доступно на 19.04.2014).

13 Консультативный комитет СПЧ начал исследование по правам лиц с альбинизмом [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.ohchr.org/RU/NewsEvents/Stories/Pages/ACstartsstudyontherightsofpersonswithalbinism.aspx>

14 Resolution 263 on the prevention of attacks and discrimination against persons with albinism (Banjul, 5.11.2013) [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.achpr.org/sessions/54th/resolutions/263/>

15 Док. ООН A/63/38, пункты 142–143.

16 International Federation of Red Cross and Red Crescent Societies, 'Albinos Still Targeted for Body Parts' [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://allafrica.com/stories/201102111011.html> (доступно на 15.04.2014).

адаптировать проблему инвалидности под самих себя и принимать соответствующие меры по данным вопросам. В связи с этим должен быть принят Африканский протокол.

Нужно провести дополнительные консультации и аналитическую работу для определения той категории, к которой могут относиться лица, страдающие альбинизмом, а также основ их дискриминации. В некоторых материалах, полученных от ассоциаций, работающих с лицами, страдающими альбинизмом, последних считают инвалидами (Сообщество альбиносов Австралии, Национальная ассоциация альбиносов Сенегала, Ассоциация альбиносов Гамбии). В других случаях говорят о дискриминации по признаку цвета кожи (Национальная конфедерация гвинейских альбиносов, Ассоциация альбиносов «Надежда», Национальная ассоциация альбиносов Сенегала, Мавританская ассоциация за поддержку и интеграцию альбиносов)¹⁷. По нашему мнению, в соответствии с Конвенцией о правах инвалидов лица, страдающие альбинизмом, могут быть сочтены инвалидами. Согласно статье 1 Конвенции к инвалидам относятся лица с устойчивыми физическими, психическими, интеллектуальными или сенсорными нарушениями, которые при взаимодействии с различными барьерами могут мешать их полному и эффективному участию в жизни общества наравне с другими. Однако Комитет по правам инвалидов пока этот вопрос не рассматривал. По имеющейся информации, в законодательстве ряда стран альбинизм и связанная с ним потеря зрения признаются инвалидностью¹⁸. Необходим дополнительный анализ национального законодательства по вопросам инвалидности. Кроме того, следует провести консультации по вопросу самоидентификации с лицами, страдающими альбинизмом.

ВИЧ/СПИД

Несмотря на международное признание того, что инвалиды являются уязвимыми к ВИЧ / СПИД¹⁹, в Конвенции ООН о правах инвалидов ничего не сказано о связи между инвалидностью и ВИЧ. Таким образом, инвалиды постоянно рискуют стать ВИЧ-инфицированными, и в случае заражения этой болезнью они имеют гораздо меньше шансов получить необходимую медицинскую помощь и обслуживание²⁰. Как отмечалось ранее, инвалиды, в частности женщины и дети, подвержены сексуальному насилию, что приводит к высокому риску заражения ВИЧ. Они также практически не имеют доступа к необходимой информации об этом заболевании и способам предотвращения заражения этим заболеванием. Кроме того, у людей, имеющих ВИЧ, вероятнее всего разовьются какие-либо патологии, сопровождающиеся в будущем инвалидностью. Исследование по распространенности ВИЧ в Южной Африке,

например, показывает, что уровень распространенности ВИЧ среди людей с ограниченными возможностями выше, чем национальный средний показатель.

Следовательно, существует необходимость принятия африканского протокола о правах инвалидов, который будет учитывать права ВИЧ-инфицированных инвалидов. Такой протокол должен быть направлен конкретно на учет инвалидности в программах, посвященных ВИЧ, так как это поможет ВИЧ-инфицированным инвалидам иметь доступ к необходимым медицинским услугам, таким как консультирование, тестирование и лечение, что доступно всем остальным членам общества.

Вредные традиционные практики

В какой-то степени осмысленное понимание инвалидности и реабилитации зависит от конкретных культурных ценностей и представлений об ограниченных возможностях²¹. Как упоминалось ранее, дискриминация инвалидов в Африке часто берет начало из традиционных народных верований и мифов. В свете этого инвалидность воспринимается как результат проклятия или глаза. Поэтому для того, чтобы очистить инвалидов от такой «духовной болезни» их часто подвергают различного рода ужасным ритуалам и традиционным обрядам экзорцизма. Хотя Конвенция ООН о правах инвалидов частично решает данную проблему, призывая государства-участников «принимать все надлежащие меры, в том числе законодательные, для изменения или отмены существующих законов, постановлений, обычаев и устоев, которые являются по отношению к инвалидам дискриминационными» (ст.4 (1,б)). Для более четкого противостояния этим явлениям нужна конкретная статья о борьбе с вредными практиками, в т.ч. с перечислением этих практик. При этом применительно к женщинам-инвалидам достаточно просто процитировать ст. 23 Протокола Мапуту по правам женщин в Африке.

Применимость Конвенции ООН по правам инвалидов к африканской специфике

В связи с таким развитием событий встает вопрос о том, что может стать наиболее подходящим инструментом для защиты прав инвалидов в Африке, особенно после вступления в силу Конвенции ООН о правах инвалидов, уже ратифицированной 34 африканскими государствами²² (из 54 государств-членов Африканского Союза)? Все ли проблемы решает Конвенция или есть существенные пробелы?

Безусловно, Конвенция воплощает и африканские ценности, рассматривает широкий спектр проблем и вопросов, таких как бедственное положение и женщин, и детей-инвалидов; защита и безопасность инвалидов в условиях вооруженного конфликта, чрезвычайных гуманитарных ситуаций и стихийных бедствий; защита инвалидов от эксплуатации, насилия и издевательств на бытовом уровне, происходящих в Африке. Действительно, голоса африканских государств были услышаны при разработке Конвенции ООН о правах инвалидов.

17 Док. ООН/HR/24/57, п.77.

18 Например, альбинизм признается инвалидностью в пересмотренном Законе об инвалидах Кении. Австралийское законодательство по борьбе с дискриминацией защищает права инвалидов, в том числе лиц, страдающих альбинизмом. В Канаде и США лица, страдающие альбинизмом, отнесены к категории «лиц, по закону признанных невидящими» и, таким образом, согласно национальному законодательству являются инвалидами

19 Gertholtz L., Grant K., Hanass-Hancock J. Disability Rights and HIV/AIDS in Eastern and Southern Africa: A Review of International, Regional and National Commitments on Disability Rights in the Context of HIV/AIDS in Eastern and Southern Africa // HEARD (2010). –р. 3 [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.heard.org.za/downloads/disability-rights-and-hiv-aids-in-easternand-southern-africa.pdf> (доступно 28.04.2014).

20 McElligott M. Disabled People at Significantly Increased Risk of HIV Infection [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://allafrica.com/stories/200312020521.html> (доступно 28.04.2014).

21 Mpfu E., Harley D. A. Disability and Rehabilitation in Zimbabwe: Lessons and Implications for Rehabilitation Practice in the U.S. –Disability and Rehabilitation in Zimbabwe // 68 Journal of Rehabilitation. –2002. –P.26–35.

22 Алжир, Ангола, Бенин, Буркина Фасо, Бурунди, Габон, Гана, Гвинея, Джибути, Замбия, Зимбабве, Кабо Верде, Кения, Котд'Ивуар, Лесото, Маврикий, Мавритания, Малави, Мали, Марокко, Мозамбик, Намибия, Нигер, Нигерия, Руанда, Свазиленд, Сенегал, Судан, Сьерра Леоне, Танзания, Того, Уганда, Эфиопия ЮАР. // [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://treaties.un.org/pages/ViewDetails.aspx?src=TREATY&mtdsg_no=IV-15&chapter=4&lang=en (по данным на 28.06.2014 г.)

Однако эта Конвенция, как и большинство международных документов, является плодом компромисса, и многие достойные предложения не были отражены в итоговом тексте. Например, во время процесса разработки Конвенции Кения потребовала использования более императивного языка в ст. 21 Конвенции («требовать») в отношении частных организаций, предоставляющих общественную информацию, для того, чтобы обеспечить получение инвалидами данной информации. К сожалению, в окончательном тексте Конвенции используется менее императивный язык («активное побуждение») – позиция, выдвинутая Европейским Союзом. Другой причиной отсутствия согласия по поводу Конвенции явились оговорки, принятые Мавританией и Египтом (хотя эти оговорки можно отнести к специфическим вопросам отдельных государств, а не всей Африки в целом). Более того, просьба со стороны ЮАР рассмотреть вопрос о ВИЧ и СПИДе в процессе разработки текста Конвенции не была принята во внимание. В результате достижения тех или иных компромиссов Конвенция не решает всех проблем защиты прав инвалидов. Поэтому несмотря на широкое и конструктивное участие Африканских государств и негосударственных акторов в принятии Конвенции, она все же не охватывает некоторые вопросы, касающиеся инвалидности в Африке, такие как включение альбинизма группу заболеваний, предполагающих наличие у больного инвалидности, ВИЧ и СПИД, а также отрицательные последствия влияния традиционных убеждений и верований в отношении прав людей с ограниченными возможностями. Также в Конвенции не подчеркивается, как классическая африканская философия филантропии (убунту) может быть использована в интересах инвалидов²³. Эти недостатки и должны быть решены в Африканском Протоколе по правам инвалидов.

Права инвалидов и африканская система защиты прав человека

При разработке Африканского протокола по правам инвалидов встает разумный вопрос – как вписать его в имеющуюся африканскую региональную систему защиты права человека? Действительно, на континенте существует существенная международно-правовая база защиты прав человека²⁴: Африканская Хартия прав человека и народов 1981 г. и Протокол Мапуту о правах женщин в Африке 2003 г., Африканская хартия прав и благосостояния детей 1990 г., Африканская Хартия молодежи 2006 г., Африканская Хартия по демократии, выборам и благому управлению 2007 г. и Кампальская конвенция о защите внутренне перемещенных лиц в Африке и оказании им помощи 2009 г.²⁵ Кроме того, существует множество необязательных документов, принятым по вопросам обеспечения

правового режима инвалидов и пожилых людей, в рамках Африканского Союза и субрегиональных африканских организаций (САДК, ЭКОВАС и др.)²⁶.

В соответствии со ст. 2 *Африканской Хартии прав человека и народов* каждый получает права и свободы, признанные и гарантированные в настоящей Хартии, без каких-либо различий в отношении расы, принадлежности к определенной этнической группе, цвета кожи, пола, языка, религии, политических или иных взглядов, национального или социального происхождения, имущественного положения, рождения или иных обстоятельств. Положение ясно означает, что каждый человек, включая инвалидов, имеет права. Кроме того, помимо термина «каждый» Африканская Хартия защищает права «каждого человека», «каждого гражданина» и «всех людей». Кроме того, дискриминация в любом виде запрещена. Это стало позицией Африканской Комиссии, которой пришлось иметь дело с дискриминацией по признаку инвалидности в Гамбии²⁷. Этот случай касался статуса умственно отсталых лиц в соответствии с законодательством Гамбии (*Gambian Lunatics Detention Act, LDA*), которое содержит дискриминацию по признаку инвалидности. В своем решении Африканская комиссия подтвердила инвалидность как запрещенное основание для дискриминации, хотя это четко не изложено в ст. 2 Африканской Хартии. Комиссия подтвердила, что все человеческие существа, независимо от их умственных способностей или ограниченных возможностей, имеют право на достойное с ними обращение, что является одним из неотъемлемых прав²⁸.

Африканская Комиссия также подтвердила, что умственно отсталые люди имеют право принимать участие в избирательном процессе в своих странах. Также Комиссия провозгласила, что право на участие в политической жизни общества по Африканской Хартии расширено до понятия «каждого гражданина», и отказ в данном праве может быть оправдан только по причине недееспособности, которая необязательно должна означать умственную отсталость. Наконец, Африканская Комиссия отметила, что государствам следует принимать целенаправленные шаги для обеспечения права на здоровье для всех, включая инвалидов. Другим способом защиты прав инвалидов является право на «максимально возможный уровень физического и психического здоровья» по Африканской Хартии (ст.16). Тем не менее данное положение больше подходит для защиты трудоспособных людей. Более того, оно сужает понятие инвалидности к умственному недугу.

Хотя Африканская Комиссия и приняла множество тематических резолюций, уточняя положения Африканской Хартии, ни одна из них не сосредотачивала должного внимания на правах инвалидов. Поэтому Африканской Комиссии не удается обеспечить права инвалидов. Также в своих заключительных положениях Африканская Комиссия не критикует те государства, которые не предоставляли отчета о соблюдении прав инвалидов.

Важно, однако, отметить, что в ст. 13 Африканской хартии прав и благосостояния детей 1990 г. содержатся положения о правах детей-инвалидов, хотя понятие инвалидности в них определяется лишь как умственный или психический недо-

23 Убунту (человечность) – южноафриканское направление этики и гуманистической философии, особое внимание уделяющее понятиям верности и лояльности в отношениях между людьми. Это учение о человечестве, разнообразии и взаимозависимости. Согласно этому учению каждый должен относиться к инвалиду как к отражению самого себя. Аргументом является то, что африканцы также рассматривают себя в качестве части общества и подчеркивают общинность, а не только индивидуализм. Таким образом, существует необходимость рассматривать инвалидность как общественную проблему именно с африканской точки зрения.

24 Абашидзе А.Х., Солнцев А.М. Юбилей африканской системы прав человека и народов // Евразийский юридический журнал. – 2012. – №2 (45). – С. 22–25.

25 Киселева Е.В. Международное право о лицах, перемещенных внутри страны: постановка проблемы и Кампальская конвенция Африканского Союза 2009 г. // Актуальные проблемы современного международного права: Материалы ежегодной межвузовской научно-практической конференции. Москва, 9-10 апреля 2010 г. /

Под ред. А.Х.Абашидзе, М.Н.Копылова, Е.В.Киселевой. – Часть I. – М.: РУДН, 2011. – С. 428–431.

26 Абашидзе А.Х., Солнцев А.М., Сираба Д., Конева А.Е., Петрова Н.А., Тимашкова Н.Е. Африканская система защиты прав человека // Региональные системы защиты прав человека: учеб. пособие / Отв. ред. А.Х. Абашидзе. – М.: РУДН, 2012. – С. 170–275.

27 Purohit and Others v The Gambia, (2003) AHRLR 96 (ACHPR 2003).

28 Purohitcase, supranote 94, para. 57.

статок (ст.13.1). Также необходимо подчеркнуть, что в ст. 13(2) Африканской хартии прав и благосостояния детей подчеркивается обязанность государств размещения детей-инвалидов в зависимости от состояния здоровья. Тем не менее, в отличие от Конвенции ООН по правам инвалидов (ст.23.3), Африканская хартия прав и благосостояния детей не включает образование, здравоохранение, реабилитацию в услуги, которыми дети с ограниченными возможностями должны быть обеспечены. Важно обеспечить доступ ко всем сферам жизни общества, что было серьезной проблемой для детей-инвалидов ранее. Это является проблематичным, поскольку далеко не все государства представляют необходимые отчеты в соответствии с руководящими принципами Хартии. Поэтому отчетность о детях с ограниченными возможностями еще недостаточно систематична и универсальна.

Следующий документ, который необходимо рассмотреть – *Протокол Мапуту о правах женщин в Африке к Африканской Хартии прав человека и народов*²⁹. Статья 23(b) также обязывает государства обеспечить права женщин-инвалидов на свободу от насилия, включая сексуальное насилие, свободу от дискриминации по признаку инвалидности и право на лечение и достойное обращение с ними. На первый взгляд, этого положения достаточно для защиты женщин-инвалидов в Африке. В нем говорится о тяжелом положении женщин, которое должно быть улучшено за счет обеспечения их прав, в особенности их равенства. Протокол Мапуту достоин похвалы за содержание этого положения. Вместе с тем права женщин-инвалидов представлены широко и сложно, и поэтому не могут содержаться в одном положении. Хотя в ст. 23 перечисляются важные права женщин-инвалидов, такие как свобода от насилия, включая сексуальное насилие, доступ к работе, профессиональная подготовка, в статье не говорится о доступе к образованию и здравоохранению, что также необходимо женщинам-инвалидам.

Не стоит упускать из виду и *Африканскую Хартию молодежи 2006 г.* Права молодежи с ограниченными возможностями затрагиваются в ст. 24, защищающей молодежь с умственными и психическими недостатками. Им предоставляется право на особую заботу и равный доступ к услугам образования, здравоохранения, работы, спорта, культурного образования (ст.24.1). Кроме того, государства-участники должны работать в направлении устранения всякого рода препятствий, которые могут стать помехой для полной интеграции в общество молодежи с умственными и психическими недостатками. В отличие от других договоров, контроль за соблюдением Африканской Хартии молодежи находится под ответственностью Комиссии Африканского Союза, которая не является судебным или квазисудебным органом. При выполнении своих обязанностей Комиссия должна сотрудничать с правительствами, неправительственными учреждениями и партнерами по развитию для выявления и обмена передовым опытом. Таким образом, не существует традиционной государственной отчетности, руководящих принципов

29 Самаке Ава, Солнцев А.М., Сотникова М.В. К десятилетию принятия Протокола по правам женщин Африки к Африканской хартии по правам человека и народов // *Международно-правовые проблемы в Африке: материалы круглого стола XI ежегодной международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы современного международного права»*, посвященной памяти профессора И.П. Блищенко. Москва, 12 апреля 2013 г. / отв. ред. А.Х. Абашидзе, Е.В. Киселева, А.М. Солнцев. – М: РУДН, 2014. – С. 267–270.

и коммуникаций. Этот подход нарушает правовой режим инвалидности, и предполагается, что континент нуждается в принятии единого режима, который может быть структурирован в виде протокола.

Африканская Хартия по демократии, выборам и благому управлению 2007 г. (ст. 8, 31 и 43) и *Кампальская конвенция о защите внутренне перемещенных лиц в Африке и оказании им помощи 2009 г.* (ст. 9(2,с)) также обеспечивают права инвалидов.

В дополнение к рассмотренным документам субрегиональные международные договоры, изначально принятые для обеспечения экономической интеграции, также охватывают права инвалидов. В связи с этим Договор Восточноафриканского Сообщества (ВАС) (ст. 120(с))³⁰, Договор об учреждении Южноафриканского Сообщества (САДК) (ст. 6(2))³¹, Протокол САДК по гендерным вопросам и развитию (ст.9)³², Хартия САДК фундаментальных и социальных прав³³(ст.9) и Договор Экономического сообщества стран западной Африки (ст.4(г))³⁴ – все эти документы в той или иной степени обеспечивают права инвалидов. Хотя эти инструменты четко направлены на защиту прав инвалидов, они по-прежнему остаются разделенными и могут быть объединены в протоколе, который будет включать в себя разнообразные вопросы в области прав инвалидов в Африке.

Таким образом, можно констатировать, что определенная правовая база защиты прав инвалидов в Африке существует, но необходима систематизация норм с целью укрепления защиты.

В Африке идея заключения международного договора, касающегося прав инвалидов, возникла еще до появления Конвенции ООН о правах инвалидов, а именно в 2003 г. на первой министерской конференции Африканского Союза по правам человека в Африке. Во время этой встречи африканские лидеры признали серьезное нарушение прав так называемых уязвимых групп населения, включая лиц с ограниченными возможностями, и призвали к принятию специального международного договора – Протокола о защите прав людей с ограниченными возможностями и пожилых людей к Африканской Хартии по правам человека и народов 1981 г.

В 2009 г. Африканская комиссия по правам человека и народов учредила Рабочую группу по правам пожилых людей и людей с ограниченными возможностями для разработки документа, который будет являться основой для создания проекта Протокола по правам пожилых людей и людей с ограниченными возможностями³⁵. Рабочая группа разработала два проекта протокола: один по правам пожилых людей и второй по правам людей с ограниченными возможностями. Заседание Рабочей группы состоялось в городе Аккра,

30 East African Community Treaty (30.11.1999) [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.eac.int/treaty/index.php>.

31 Treaty of the Southern African Development Community (SADC) 1992 [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.sadc.int>.

32 SADC Protocol on Gender and Development (17.08.2008) [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.sadc.int/documents-publications/show/803>.

33 SADC Charter of Fundamental and Social Rights (1.07.2003) [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.sadc.int/documents-publications/show/803>.

34 Treaty of the Economic Community of West African States (28.05.1975) [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.ecowas.int>.

35 Resolution on the Transformation of the Focal Point on the Rights of Older Persons in Africa into a Working Group on the Rights of Older Persons and People with Disabilities in Africa, ACHPR/Res143(XXXV)09.

столице Республики Ганы, отсюда и название Протокола по правам людей с ограниченными возможностями – «Проект Аккра». Однако рассмотрение документа «Проект Аккра» было приостановлено на 49-ой очередной сессии Африканской Комиссии в 2011 г.

Рабочая группа в марте 2014 г. разработала новый проект Протокола и выложила его на сайт Африканской комиссии³⁶ для всеобщего обозрения и получения комментариев от всех заинтересованных групп регионального и субрегионального характера. Далее мы хотели бы детально рассмотреть Проект Аккра 2011 г. и Проект 2014 г. – какие вопросы были решены, а какие еще предстоит.

Проект Аккра не является безупречным, он был подготовлен небольшим количеством людей без необходимых консультаций с организациями, занимающимися защитой прав инвалидов по всему миру³⁷. На самом деле заинтересованные стороны жаловались на то, что в процесс принятия Проекта Аккра не были включены люди с ограниченными возможностями, чье мнение могло бы расцениваться в качестве мнения экспертов³⁸. Как было отмечено, даже Секретариат Африканского Десятилетия для людей с ограниченными возможностями не был приглашен на обсуждение проекта данного документа³⁹. С точки зрения содержания положений о социально-экономических правах Проект Аккра также был слабо проработан.

Проект не стал дополнением к Конвенции о правах инвалидов. Он должен был заполнить пробелы, допущенные при составлении Конвенции ООН о правах инвалидов. К сожалению, этого не произошло, поскольку Проект Аккра не распространяется на вопросы, связанные с альбицизмом и инвалидностью, не устанавливает связи между ВИЧ и СПИДом и инвалидностью.

Положительный момент состоит в следующем. Проект 2009 г. оставлял открытым вопрос, касающийся негативного воздействия на инвалидов в связи с устоявшимися культурными и традиционными обычаями, и не подчеркивал наличия двойной дискриминации в отношении женщин с ограниченными возможностями. В проекте 2014 г. эти минусы были учтены и появились соответственно ст.5 «вредные практики» и ст.19 «женщины и инвалидность».

Проект Аккра предусматривал создание контрольного органа – Комитета по правам людей с ограниченными возможностями в Африке. Создание дополнительного документа не только расходуется и без того скудные ресурсы, но и порождает другое обязательство со стороны государств – предоставление отчетов о том, какие меры принимаются для обеспечения прав инвалидов. Несмотря на это в рамках нового контрольного органа правам инвалидов будет уделено больше внимания, хотя новый договор может привести не только к распылению усилий, но и к ненужным задержкам. Учитывая наличие Комитета ООН по правам инвалидов и Африканской комиссии,

создатели протокола 2014 г. отказались от этой идеи. Контрольные функции будут возложены на Африканскую комиссию по правам человека и народов.

Таким образом, следует подчеркнуть, что необходимо скорейшее принятие Африканского Протокола по правам инвалидов, который должен стать результатом многочисленных консультаций с организациями по правам инвалидов, являющимися движущей силой данного процесса. Учитывая то, что Протокол должен дополнять инструмент регулирования данной области на мировом уровне, африканский документ должен содержать особенности, свойственные Африке. Протокол должен отражать образ жизни африканского сообщества с точки зрения проблемы инвалидности, формы инвалидности, встречающиеся на континенте, например, проказа и альбицизм. Кроме того, Протокол должен запретить африканские обычаи и верования, нарушающие права инвалидов, а также учитывать влияние инвалидности на нужды в области развития. Конкретные права должны быть четко сформулированы. В этой связи важно обеспечить полную защиту гражданских, политических и социально-экономических прав инвалидов с учетом их специфических потребностей. Права наиболее уязвимых групп, таких как женщины-инвалиды, дети-инвалиды, должны быть четко определены. Особое внимание должно быть уделено правам женщин-инвалидов, подверженным двойной дискриминации. Эти женщины нуждаются в дополнительной защите в отношении доступа к здравоохранению, образованию, работе, а также в защите от сексуального и другого рода насилия.

Государственная отчетность по соблюдению Африканской Хартии не содержит информации об инвалидах, что усугубляется еще и бездействием со стороны Африканской Комиссии по правам человека и народов. Хотя создание Протокола имеет свои недостатки, такие как высокое потребление времени и ресурсов, риск дублирования уже существующих универсальных и региональных актов, защита прав инвалидов должна быть усилена, его принятие не повлечет за собой создание новых учреждений, занимающихся непосредственно мониторингом, так как Африканская Комиссия уже действует. Протокол должен явиться дополнением к Конвенции ООН о правах инвалидов, укрепляя африканскую региональную систему прав человека.

Кроме того, для эффективной реализации Протокола на уровне государства и хорошо организованного контроля на континентальном уровне существует необходимость принять *руководящие принципы отчетности по правам инвалидов*. Руководящие принципы должны содействовать обеспечению единообразия докладов, предоставляемых государствами, о правах инвалидов. Хотя заставить страны соблюдать обязательства в области прав инвалидов сложно, руководящие принципы могли бы дать государствам указания, за неисполнение и несоблюдение которых государства будут наказаны. Более того, руководящие принципы помогут инвалидам быть осведомленными в области своих прав, а также будут оказывать помощь в том, каких действий ожидать со стороны государства, в котором они проживают.

Принятие Протокола не должно стать помехой в выполнении положений (дальнейшей ратификации) африканскими странами Конвенции ООН о правах инвалидов и Факультативного протокола к ней, поскольку данные инструменты могут стать отличной перспективой укрепления механизмов в области защиты прав инвалидов.

36 Protocol To The African Charter On Human And Peoples' Rights On The Rights Of Persons With Disabilities In Africa (Draft II, 14 March 2014) [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.achpr.org/news/2014/04/d121>

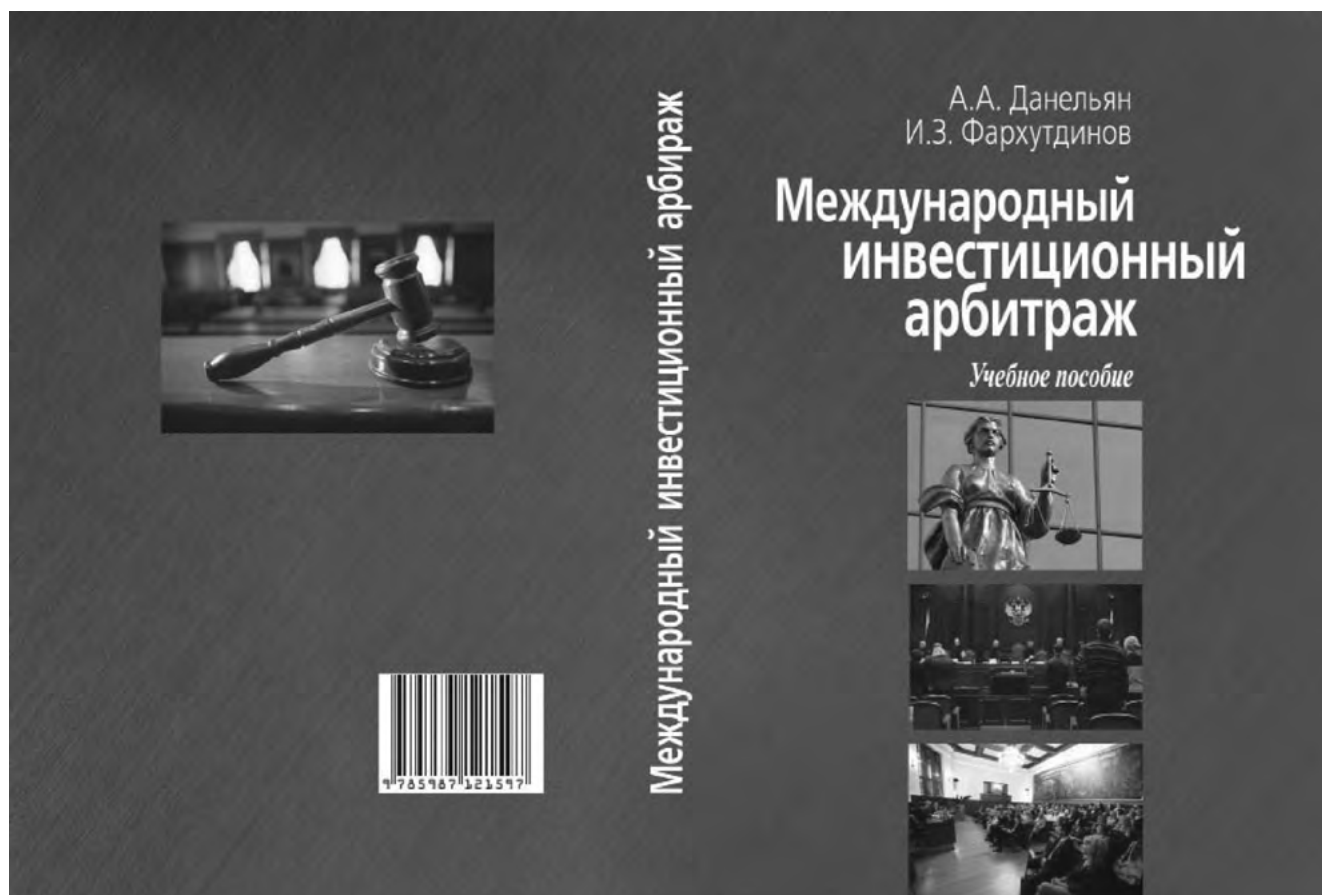
37 Viljoen F. The Architecture for an African Disability Rights Treaty / ed. A. K. Dube, T. Ong'olo and B. Jele. A publication of the Secretariat of African Decade of Persons with Disabilities, 2011. –р. 34.

38 Communique on the Draft Disability Protocol [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.africandecade.org/humanrightsafrika/newsletter.2010-11-17.1543715827>.

39 Mureriwa J. The Draft African Disability Protocol and Socio-Economic Justice for Persons with Disabilities // 12 Economic and Social Rights Review. –2011. –Р. 3.

Пристатейный библиографический список

1. Абашидзе А.Х., Солнцев А.М. Юбилей африканской системы прав человека и народов // Евразийский юридический журнал. – 2012. – №2 (45).
2. Абашидзе А.Х., Солнцев А.М., Сираба Д., Конева А.Е., Петрова Н.А., Тимашкова Н.Е. Африканская система защиты прав человека // Региональные системы защиты прав человека: учеб. пособие / Отв. ред. А.Х. Абашидзе. – М.: РУДН, 2012.
3. Киселева Е.В. Международное право о лицах, перемещенных внутри страны: постановка проблемы и Кампальская конвенция Африканского Союза 2009 г. // Актуальные проблемы современного международного права: Материалы ежегодной межвузовской научно-практической конференции. Москва, 9-10 апреля 2010 г. / Под ред. А.Х. Абашидзе, М. Н. Копылова, Е. В. Киселевой. – Часть I. – М.: РУДН, 2011.
4. Choruma T. The Forgotten Tribe: People with Disabilities in Zimbabwe. – Progressio, 2007.
5. Djoyou Kamga S. A. The Rights of Women with Disability in Africa: Does the Protocol on the Rights of Women in Africa Offer Any Hope? // Barbara Faye Waxman Fiducia Papers on Women and Girls with Disabilities. – 2011. – р. 2. [Электронный ресурс] – Режимдоступа: <http://www.centrewomenpolicy.org> (доступно на 19.04.2014).
6. Mureriwa J. The Draft African Disability Protocol and Socio-Economic Justice for Persons with Disabilities // 12 Economic and Social Rights Review. 2011.
7. Viljoen F. The Architecture for an African Disability Rights Treaty / Ed. by A. K. Dube, T. Ong'olo and B. Jele. A publication of the Secretariat of African Decade of Persons with Disabilities, 2011.

Кадышева О. В.

К ВОПРОСУ О ПРЕЦЕДЕНТНОМ ХАРАКТЕРЕ РЕШЕНИЙ ОРГАНА ПО РАЗРЕШЕНИЮ СПОРОВ ВО ВСЕМИРНОЙ ТОРГОВОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

Обращаясь к проблеме прецедентного характера решений ОРС ВТО, автор приходит к выводу, что решения ОРС ВТО не обладают прецедентным характером. Вместе с тем, ввиду активного использования для установления содержания международно-правовых норм при разрешении споров в ОРС ВТО, они представляют собой нечто большее, чем решение по конкретному делу. Практика Апелляционного органа ОРС ВТО свидетельствует о том, что данные решения являются *acquis* ГАТТ/ВТО, совокупностью подлежащих сохранению и развитию правил, принципов, подходов, достижений, опыта правопорядка ВТО.

Ключевые слова: ОРС ВТО, Апелляционный орган, прецедентный характер решений ОРС ВТО, *acquis* ГАТТ, *acquis* системы разрешения споров ВТО.

Kadysheva O. V.

TO A QUESTION ABOUT PRECEDENTIAL VALUE OF DECISIONS OF THE DISPUTE SETTLEMENT BODY OF THE WORLD TRADE ORGANIZATION

Addressing a problem of precedential character of decisions of the WTO's DSB, the author comes to a conclusion that WTO's DSB decisions do not have precedential character. At the same time, they represent something more than the decisions on individual cases having in mind their active use for assessment of the meaning of WTO rules in other WTO cases and ascertainment of the substance of international legal norms at the dispute resolution in WTO's DSB.

Jurisprudence of the Appellate Body of the WTO gives all reasons to believe that the panel and AB decisions form a part of the *acquis* of the GATT/WTO – the aggregate of rules, principles, approaches and achievements, experience of the law and order of the WTO, which shall be followed, protected and developed.

Keywords: WTO's Dispute Settlement Body, Appellate Body, precedential character of the WTO's DSB decisions, GATT *acquis*, *acquis* of the WTO dispute settlement system.

При оценке эффективности деятельности любого судебного учреждения, способов и механизмов разрешения им возникшего спора, будь то национальный либо международный суд, всегда на первый план выходит вопрос, связанный с юридической силой вынесенного данным судебным учреждением решения.

С позиции теории классического разделения властей судебные органы не имеют правотворческих функций, обладая лишь полномочиями в области правоприменения. Однако нельзя не учитывать, что правовая позиция, положенная в основу судебного решения, – это не само решение, а то, что лежит в его основе, своего рода понимание и толкование права по определенному правовому вопросу. Правовая позиция не должна рассматриваться как статичное явление, так как она в любой момент может быть дополнена и даже изменена.

Юридическая сила судебного акта, вынесенного международным судебным учреждением, отличается от юридической силы решения национального суда уже в силу определенных особенностей международного права по сравнению с правом внутригосударственным, в рамках которого функционирует механизм исполнения судебных актов.

Проблема юридической силы решений международных судебных учреждений включает в себя ряд взаимосвязанных вопросов: об обязательности данного решения для спорящих сторон и для третьих лиц; о действии решения во времени, пространстве и по кругу лиц; об исполнении решения и, прежде всего, обеспечении этого исполнения; об отмене либо изменении решения; о применении решений во внутригосударственном праве.

За последние сто лет решения органов международных судебных учреждений серьезно эволюционировали, они стали эффективным средством разрешения международных споров и оказали колоссальное влияние на развитие международного права. Более того, в литературе отмечено, что правотворчество стало постепенно закрепляться в качестве неотъемлемой характеристики деятельности органов международного право-

Кадышева О. В.

судия¹. Особенно это характерно для таких судов, как Европейский суд по правам человека, Суд ЕС, Орган по разрешению споров Всемирной торговой организации (ОРС ВТО).

В рамках данной статьи попробуем найти ответ на вопрос о том, участвует ли ОРС ВТО в создании норм международного права и имеют ли его решения прецедентный характер.

Начнем с того, что в современном международном праве доктрина обязательности прецедентов (*stare decisis*) к решениям международных судебных учреждений не может быть применена².

Создание Органа по разрешению споров Всемирной торговой организации считается одним из главных достижений Уругвайского раунда международных торговых переговоров, закончившегося в 1994 г. созданием ВТО. По данным, размещенным на официальном сайте ВТО³, в настоящее время зарегистрировано 480 споров, инициированных в рамках процедуры разрешения споров ОРС ВТО, по самым разным вопросам применения соглашений, входящих в так называемый «пакет соглашений»⁴ ВТО.

Механизм рассмотрения споров в рамках ВТО имеет определенную специфику, что обуславливает и особенности принимаемых ОРС решений.

- 1 Смбалян А. С. Правотворчество органов международного правосудия // Российское правосудие. – 2010. – № 7 (51). – С. 65–76.
- 2 Напомним, что согласно доктрине *stare decisis* судьи обязаны руководствоваться ранее принятыми решениями и не отступать от них. Выражение взято из латинского изречения, формулирующего данный принцип – *stare decisis et non quieta movere* / стоять на решённом и не нарушать спокойствие.
- 3 <http://www.wto.org/>, дата посещения 22.06.2014 г.
- 4 Термин «пакет соглашений ВТО» используется для обозначения [Электронный ресурс] – Режим доступа: Соглашения об учреждении Всемирной торговой организации (1994, Марракеш), а также соглашений и связанных с ними правовых документов, включенных в Приложения 1, 2 и 3 к Соглашению об учреждении ВТО, именуемых «многосторонние торговые соглашения», которые в силу ст. II:2 Марракешского соглашения являются неотъемлемыми его частями Соглашения и обязательными для всех членов.

Напомним, что в рамках ВТО орган, рассматривающий споры, «судом» в строго формальном смысле не называется, а правом на инициирование рассмотрения спора обладают только государства – члены ВТО, статус которых не может быть отождествлен с категориями «истец» и «ответчик». Более того, даже сама организация не может подавать жалобы применительно к своим членам, которые также не наделены полномочиями по обжалованию действий и актов организации.

Третьи лица, не являющиеся сторонами спора, могут иметь самые разнообразные интересы в отношении рассматриваемого ОРС ВТО спора, что предопределяет их процессуальный статус при рассмотрении дела с вытекающими из этого статуса правами в отношении хода процесса⁵.

Не лишним будет упомянуть, что при разработке докладов третейских групп активно участвуют спорящие стороны, наделенные правом приносить свои замечания и возражения на данные доклады.

И наконец, главная особенность принимаемых ОРС ВТО актов заключается в том, что Орган по рассмотрению споров собственно решений не выносит, так как ни третейская группа, ни Апелляционный орган решений не принимают. Рекомендации третейской группы и Апелляционного органа в форме доклада направляются в ОРС ВТО, функции которого выполняет Генеральный Совет ВТО. Благодаря правилу негативного консенсуса одобрение докладов третейских групп и Апелляционного органа носит автоматический характер⁶, что еще раз подтверждает тезис о том, что как такового решения по делу, включающего вводную, описательную, мотивировочную и резолютивную части, в механизме разрешения споров ВТО нет.

Вместе с тем в литературе высказана точка зрения, согласно которой решения ОРС ВТО имеют обязательный или даже прецедентный характер⁷. Главным аргументом в пользу этого вывода приводится непосредственное влияние ранее вынесенных решений на последующую практику разрешения соответствующих вопросов и использование (ссылки) предыдущих решений, их аргументации, при рассмотрении последующих дел⁸.

Этот вывод видится нам далеко не бесспорным, принимая во внимание главную особенность механизма по разрешению споров в рамках ВТО, заключающуюся в том, как было отмечено выше, что решений в традиционном значении этого слова ОРС не выносит: третейские группы и Апелляционный орган представляют доклады, в которых содержатся обстоятельства дела, рекомендации и при необходимости предложения (ст. 19 ДРС). В то же время исключительным правом толкования Соглашения

об учреждении ВТО и охваченных соглашений⁹ наделены только органы ВТО (Конференция министров и Генеральный совет)¹⁰.

Проблема прецедентного характера решений Органа по разрешению споров Всемирной торговой организации (ОРС ВТО) чрезвычайно интересна и не так однозначна, как кажется на первый взгляд.

Прецедентный характер решения судебного учреждения нельзя отождествлять с обязательностью его решения для сторон спора с точки зрения исполнения решения данного суда. Здесь нельзя не отметить очень высокую степень исполнения решений ОРС ВТО¹¹ именно в силу большого авторитета организации.

Что примечательно, даже обязательность решений ОРС ВТО для участвующих в споре сторон вызывает серьезные дискуссии¹², несмотря на положения ст. 17.14 ДРС, согласно которым принятый ОРС доклад Апелляционного органа «безусловно признается сторонами спора», статей 21.1 и 22 ДРС, в соответствии с которыми незамедлительное выполнение рекомендаций и решений ОРС является необходимым для обеспечения эффективного урегулирования споров в интересах всех членов, а также то, что ни компенсация, ни приостановление уступок или других обязательств не являются более предпочтительными, чем выполнение в полном объеме рекомендации о приведении меры в соответствие с охваченными соглашениями.

Касаясь вопроса прецедентного характера решений ОРС ВТО и правовых последствий этого решения для третьих лиц, которые при рассмотрении спора не участвовали, с одной стороны, нельзя не учитывать положения ст. 38 Статута Международного Суда ООН, в которой судебные решения с оговоркой, указанной в ст. 59 Устава ООН¹³, названы в качестве вспомогательного средства для определения правовых норм, а с другой – весьма внушительную практику третейских групп и

5 Лица, имеющие существенный интерес по вопросу, рассматриваемому третейской группой, имеют, в частности, возможность: 1) обратиться с самостоятельной жалобой до начала рассмотрения спора третейской группой с последующим созданием единой третейской группы (ст. 9.1. Договоренности о правилах и процедурах, регулирующих разрешение споров (далее – ДРС)), в случае создания нескольких третейских групп по одному и тому же вопросу ст. 9.3. ДРС предусмотрена возможность участия в работе каждой из созданных групп; 2) выступать перед третейской группой и представлять письменные заявления (ст. 10.2 ДРС).

6 Случаев отклонения ОРС ВТО таких докладов за последние 10 лет не было.

7 Трунк-Федорова М. П. Разрешение споров в рамках Всемирной торговой организации. – СПб, 2005. – С. 68–70; Смбалян А. С. Прецедентные решения органов международного правосудия // Евразийский юридический журнал. – 2013. – № 3(58). – С. 33–39.

8 Подобная практика заимствований третейскими группами позиций, изложенных в докладах по ранее рассмотренным делам, даже получила свое наименование в литературе – «необязательный прецедент». См. подробнее Трунк-Федорова М.П. Указ. соч. – С. 66.

9 В соответствии с Дополнением 1 к ДРС к «соглашениям, охваченным договоренностью» относятся: Соглашение об учреждении Всемирной торговой организации, Многосторонние торговые соглашения, включающие Многосторонние соглашения по торговле товарами, Генеральное соглашение по торговле услугами, Соглашение по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности, Договоренность о правилах и процедурах, регулирующих разрешение споров, а также торговые соглашения с ограниченным кругом участников в случае принятия участниками каждого из этих соглашений решения, устанавливающего условия применения Договоренности к каждому отдельному такому Соглашению.

10 Заметим также, что ст. IX:2 Соглашения об учреждении ВТО наделяет только Конференцию министров и Генеральный совет исключительным правом принимать решения о толковании настоящего Соглашения и Многосторонних торговых соглашений.

11 В подавляющем большинстве решения ОРС ВТО исполняются сторонами спора, только в отношении пяти дел установлены факты неисполнения. Подробнее см.: Исполинов А. С. Вопросы прямого применения права ВТО в правоприменении // Законодательство. – 2014. – № 2. – С. 70.

12 ДРС не устанавливает механизма судебного разрешения международных споров, подразумевающего вынесение обязательного решения, сравнимого с судебным решением внутреннего суда. У государства, чьи меры признаны не соответствующими соглашению ВТО, есть возможность выбора дальнейших действий. См. подробнее: Исполинов А. С. Указ. соч. – С. 68–79. Есть мнение авторов, полагающих, что рекомендации и решения ОРС ВТО являются обязательством, но не в его традиционном понимании, а «мягким обязательством». То есть в соответствии с данной точкой зрения ДРС содержит указание лишь попытаться привести свои меры в соответствие с правилами ВТО. Подробнее см.: Трунк-Федорова М.П. Указ. соч. – С. 68.

13 Статья 59 Статута Международного Суда ООН закрепляет, что «решение Суда обязательно лишь для участвующих в деле сторон и лишь по данному делу».

Апелляционного органа ссылаться в докладах на свои выводы и правовые позиции по уже рассмотренным делам.

С формально-юридической точки зрения, продиктованной положениями Статута Международного Суда ООН, решения органов международного правосудия источниками международного права (прецедентами) не являются. Поэтому, следуя все той же формально-юридической логике, можно смело заключить, что и решения ОРС ВТО обязательной силы не имеют, а следовательно, не имеют и прецедентного характера.

Но утвержденные доклады третейских групп и Апелляционного органа по конкретным делам не могут быть проигнорированы государствами вследствие их убедительности и авторитетности, что подтверждается положениями Марракешского соглашения об учреждении ВТО и практикой разрешения дел ОРС ВТО.

Что же представляют собой решения ОРС ВТО и какова их правовая природа?

Конечно, сначала следует обратиться к соглашениям «пакета ВТО», и в первую очередь к Марракешскому соглашению об учреждении ВТО 1994 г. (далее – Марракешское соглашение), поскольку специального регулирования, из которого прямо следовал бы вывод о юридической природе выносимых ОРС ВТО решений, нет.

Статья XVI:1 Марракешского соглашения предусматривает, что ВТО руководствуется решениями, процедурами и обычной практикой, которым следовали Договаривающиеся стороны ГАТТ 1947 и органы, созданные в рамках ГАТТ 1947.

В соответствии со ст. 3.1. ДРС члены подтверждают свою готовность соблюдать принципы урегулирования споров, применявшиеся до настоящего времени в соответствии со статьями XXII, XXIII ГАТТ 1947.

Означает ли это обязательную силу решений ОРС ВТО при рассмотрении последующих дел? В соответствии с положениями Соглашения об учреждении ВТО – нет, не означает.

Поэтому, на наш взгляд, ссылки на предшествующие доклады имеют серьезный правовой эффект, но не решают проблему де-юре, поскольку цитирование ранее вынесенных решений и заимствование их отдельных положений является результатом соответствующей активности со стороны судей (членов третейских групп и Апелляционного органа) и не имеет нормативного обоснования.

Правовой эффект подобной судейской активности может быть обоснован тем, что требования безопасности и предсказуемости многосторонней торговой системы исходя из целей ВТО предполагают, что третейские группы и Апелляционный орган должны следовать правовой позиции¹⁴, изложенной в ранее подготовленных докладах, если нет веских причин для отказа от этой правовой позиции. Такой подход обеспечивает, как отмечено в литературе¹⁵, основу для разработки «заслужи-

вающей доверия практики», что не может не вызывать уважения не только сторон спора, но и всех членов ВТО в целом.

Позиция Апелляционного органа относительно прецедентного характера им же принимаемых решений достаточно полно отражена в подготовленных им докладах. При этом, как отмечено в исследованиях на данную тему¹⁶, с момента подготовки доклада по делу *US – Stainless Steel (США-Нержавеющая сталь)*¹⁷ Апелляционный орган внес определенную корректировку в решение данной проблемы, продемонстрировав свое отрицательное отношение к докладам третейских групп, в которых правовая позиция отличается от ранее высказанной позиции самого Апелляционного органа, что открывает в проблеме прецедентного характера решений «новые горизонты»¹⁸.

Однако начать следует с известного дела о налогах, введенных Японией на алкогольные напитки (*Japan – Taxes on Alcoholic Beverages*), что послужило основанием для обращения заинтересованных стран (ЕС, Канада, США) в ОРС ВТО¹⁹, который, в числе прочих, рассмотрел вопрос, касающийся прецедентного характера своих решений.

Третейская группа в своем докладе указала, что «...доклады групп, принятые Договаривающимися сторонами ГАТТ и Органом по разрешению споров ВТО, представляют собой последующую практику применения по конкретному делу в силу решения об их принятии. Статья 1(b) (iv) ГАТТ 1994 предусматривает институциональное признание того, что принятые доклады групп являются неотъемлемой частью ГАТТ 1994, поскольку они составляют “другие решения Договаривающихся Сторон ГАТТ 1947”»²⁰.

Апелляционный орган, сославшись на положения ст. 31 Венской конвенции о праве международных договоров 1969 г., отметил, что в международном праве значение последующей практики применения для толкования договора признается как «согласованная, общая и последовательная» система действий или заявлений, достаточных для установления модели применения соглашения сторон в отношении его толкования. Отдельного (изолированного) акта, как правило, недостаточно, чтобы сформировать последующую практику. Значение имеет последовательность действий по достижению соглашения сторон. Хотя доклады третейских групп в рамках ГАТТ 1947 принимались договаривающимися сторонами, решение государств об утверждении доклада группы не означало соглашение сторон по вопросам правового обоснования, представленного группой в докладе²¹.

Далее в докладе указано, что общепринятая точка зрения в рамках ГАТТ 1947 состояла в том, что выводы и рекомендации в утвержденном докладе третейской группы обязательны только для сторон в споре, но последующие группы не считали себя обязанными учитывать детали и правовое обоснование предшествующих докладов групп.

«Мы не верим, что договаривающиеся стороны в решении принять отчет третейской группы предполагали, что их решение будет представлять собой окончательное толкование соответствующих положений ГАТТ 1947. Мы также не считаем, что это предполагается в рамках ГАТТ 1994 года»²².

14 Давая понятие категории «правовая позиция» судов, следует согласиться с авторами, которые определяют правовую позицию как «оценку фактической реальности и систему аргументов, выводов и предложений по ее правовому урегулированию» или «соответствующим образом осознанное, мотивированное и внешне выраженное положение по поводу разрешения того или иного юридического вопроса, ситуации и т. д.». См. Власенко Н. А., Гринева А. В. Судебные правовые позиции (основы теории). – М.: ИЗИСП-М: ИД «Юриспруденция», 2009. – С. 27 и Карташов В. Н. Правовые позиции Верховного Суда Российской Федерации по поводу применения судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права // Судебное правоприменение: проблемы теории и практики / Отв. ред. В. М. Сырых. – М.: ПАП, 2007. – С. 234.

15 Chua A. The Precedential Effect of WTO Panel and Appellate Body Reports // Leiden Journal of International Law. – 1998. – Vol. 11. – No 1. – P. 45–61.

16 Felix D. The Role of Precedent in the WTO – New Horizons. – Maastricht, 2009. – P. 3.

17 United States – Final Anti-dumping Measures on Stainless Steel from Mexico – AB-2008-1 – Report of the Appellate Body/ WT/DS344/AB/R, 30 April 2008.

18 Felix D. Ibid. – P. 3.

19 Japan-Taxes on Alcoholic Beverages.1996. WT/DS8/AB/R, WT/DS10/AB/R, WT/DS11/AB/R.

20 Panel Report, para 6.10.

21 Appellate Body Report. – P. 13.

22 Там же.

Подобный вывод был обоснован Апелляционным органом наличием в Соглашении об учреждении ВТО ст. IX:2 об исключительном праве Конференции министров и Генерального Совета ВТО принимать решения о толковании данного соглашения и многосторонних торговых соглашений и ст. 3.9 ДРС, в соответствии с которой «положения настоящей Договора не наносят ущерба правам членом искать авторитетного толкования положений охватываемого соглашения, используя механизм принятия решений Соглашения об учреждении ВТО или охватываемого соглашения, являющегося торговым соглашением с ограниченным числом участников».

Исторически сложилось, отмечено в докладе, что решения, которые принимают доклады третейских групп в соответствии со ст. XXIII ГАТТ 1947 отличаются от совместных действий Договаривающихся Сторон в рамках ст. XXV из ГАТТ 1947.

Принятые доклады групп являются, тем не менее, *acquis*²³ системы ГАТТ. Они часто используются при рассмотрении последующих дел и создают «законные ожидания» среди членом ВТО, и, следовательно, должны быть приняты во внимание при их отношении к спору²⁴. Вместе с тем, по мнению Апелляционного органа, они не являются обязательными, за исключением сторон по конкретному спору²⁵.

Здесь следует отметить, что Апелляционный орган, не раскрывая содержания, впервые применил известную праву ЕС концепцию *acquis communautaire*, придав ей немного другой акцент. Он рассматривает категорию «*acquis* ГАТТ/ВТО» как историю и накопленный опыт в рамках системы ГАТТ/ВТО, включая вынесенные решения по торговым спорам между государствами.

В ряде других дел, рассмотренных ОРС ВТО, Апелляционный орган свою позицию в отношении *acquis* поддержал²⁶.

Так, например, в деле *US – Shrimp* Апелляционный орган со ссылкой на доклад по делу *Japan – Taxes on Alcoholic Beverages* также отметил, что принятые доклады третейской группы являются важной частью *acquis* ГАТТ. К ним часто обращаются при последующем рассмотрении дел, создавая законные ожидания среди членом ВТО, и, следовательно, они должны быть приняты во внимание в отношении любого аналогичного спора²⁷. Здесь же Апелляционный орган отметил, что это в равной степени относится и к докладам Апелляционного органа. Но что самое интересное, Апелляционный орган называет ранее озвученные правовые выводы в рамках уже рассмотренных дел «инструментом» для рассуждений членом третейских групп и

арбитров²⁸ и указывает, что при рассмотрении дела группа не связана исключительно ранее подготовленными докладами.

Однако ситуация несколько изменилась в связи с составлением доклада третейской группой по делу о введении США антидемпинговых мер в отношении импорта нержавеющей стали (*US – Stainless Steel (США – Нержавеющая сталь)*)²⁹, в котором группа отошла от ранее утвержденных докладов.

В п. 161 Доклада Апелляционного органа указано, что в иерархической структуре, созданной ДРС, «третейская группа и Апелляционный орган играют различные роли»³⁰. В целях укрепления системы урегулирования споров в рамках многосторонней торговой системы в результате Уругвайского раунда создан Апелляционный орган в качестве постоянного органа. В соответствии со ст. 17.6 ДРС Апелляционный орган наделен полномочиями пересмотра доклада в отношении «правовых вопросов, которые обозначены в докладе третейской группы, и юридического толкования, данного третейской группой». Соответственно, ст. 17.13 ДРС предусматривает, что Апелляционный орган может «подтвердить, изменить или отменить правовые выводы и заключения третейской группы». Создание Апелляционного органа странами – членами ВТО для пересмотра выводов третейских групп означает, что члены признали важность согласованности и стабильности в интерпретации их прав и обязанностей по охватываемым соглашениям. Это очень важно для содействия «безопасности и предсказуемости» в системе разрешения споров, а также обеспечения «быстрого урегулирования» споров. Неспособность группы следовать принятой ранее Апелляционным органом практике решения тех же вопросов подрывает разработку согласованной и прогнозируемой правовой основы, уточняющей права и обязанности стран-членом в рамках охватываемых соглашений, как это предусмотрено в соответствии с ДРС. Установление содержания правовых норм, как это предусмотрено в ст. 3.2 ДРС, проливает свет на масштабы и смысл положений охватываемых соглашений в соответствии с обычными правилами толкования международного публичного права.

В рамках данного дела Апелляционный орган напомнил, что его доклады не являются обязательными, за исключением тех, которые относятся к решению конкретного спора между сторонами.

Вместе с тем Апелляционный орган подчеркнул, однако, что это не означает, что третейские группы при последующем рассмотрении дел могут свободно игнорировать правовые толкования и рассуждения, содержащиеся в докладах органа:

«п. 162. Мы глубоко обеспокоены решением группы отойти от созданной Апелляционным органом интерпретации правовой позиции. Подход группы имеет серьезные последствия для надлежащего функционирования системы урегулирования споров ВТО. Тем не менее мы считаем, что отказ группы основан на ошибочном понимании правовых норм в рассматриваемом вопросе»³¹.

По мнению Апелляционного органа, правовые интерпретации (толкования), воплощенные в принятых третейской группой и органом докладах, становятся *acquis* системы ВТО, неотъемлемой частью истории, достижений и опыта системы урегулирования споров ВТО, что обеспечивает безопасность и предсказуемость системы разрешения споров, как это предусмотрено в ДРС. Поэтому изменение ранее принятой позиции должно иметь в своем обосновании убедительные причины:

23 Апелляционный орган использует термин *acquis*, который заимствован из права ЕС (термин иначе употребим как *Acquis communautaire*, дословно в переводе с фр. – «то, что достигнуто в рамках Сообщества»). Речь идет о всех принципах, правилах, целях, актах и т. п., а также достижениях в рамках системы. Применительно к ЕС см.: Исполинов А. Концепция *acquis communautaire* в праве ЕС // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. – 2010. – № 5. – С. 68–88.

24 Appellate Body Report. – P. 14.

25 Примечательно, что в данном докладе Апелляционный орган высказал свое мнение относительно докладов третейских групп, которые не были утверждены договаривающимися сторонами, указав, что при отсутствии у подобных докладов «правового статуса в системе ГАТТ или ВТО», они могут быть использованы при последующем рассмотрении с точки зрения нахождения в них «полезных примеров правоприменения».

26 Appellate Body Report, *US-Shrimp* (Art. 21.5 Malaysia), WT/DS58/AB/R; Appellate Body Report, *US-Softwood Lumber V*, WT/DS264/AB/R и др. В *US – Oil Country Tubular Goods Sunset Reviews* Апелляционный орган указал, что «следование выводам Апелляционного органа в последующих спорах не только целесообразно, но и это то, что можно было бы ожидать от третейских групп, особенно там, где вопросы те же» // Appellate Body Report, *US – Oil Country Tubular Goods Sunset Reviews*, para. 188.

27 Report of the Appellate Body, para 108.

28 Там же, para 109.

29 United States – Final Anti-dumping Measures on Stainless Steel from Mexico – AB-2008-1 – Report of the Appellate Body/ WT/DS344/AB/R, 30 April 2008.

30 Report of the Appellate Body. – P. 67.

31 Там же. – P. 68. Напомним, что доклад третейской группы в данном споре был отменен.

«п. 160. Практика урегулирования споров показывает, что члены ВТО придают значение рассуждениям, которые приведены в докладах третейских групп и Апелляционного органа. Утвержденные доклады третейских групп и Апелляционного органа часто цитируются сторонами в поддержку правовых аргументов урегулирования споров, на них ссылаются третейские группы и Апелляционный орган при рассмотрении последующих споров. Кроме того, при принятии или изменении национальных законов по вопросам международной торговли члены ВТО учитывают правовое толкование охваченных соглашений, данное в докладах третейских групп и Апелляционного органа. Таким образом, юридическое толкование, воплощенное в принятых докладах групп и органа становится *acquis* (неотъемлемой частью достижений) системы урегулирования споров ВТО. Обеспечение «безопасности и предсказуемости» в системе решения споров, как это предусмотрено в ст. 3.2 ДРС, подразумевает, что при отсутствии убедительных причин, судебный орган в следующем случае будет решать аналогичный юридический вопрос таким же образом»³².

Апелляционный орган подчеркнул, что отказ третейской группы следовать принятой ранее позиции по аналогичным вопросам может подорвать разработку согласованного и прогнозируемого результата по установлению прав и обязанностей стран-членов в соответствии с охваченными соглашениями, как это предусмотрено в ДРС.

В заключение хотелось бы подвести некоторые итоги.

С формальной точки зрения решения Органа по разрешению споров Всемирной торговой организации не обладают прецедентным характером. Думается, что разработчики ГАТТ, а затем и ДРС, не случайно не включили в текст Договоренности положение о прецедентном характере решений ОРС – государства сознательно этот вопрос не согласовали. И это обусловлено не только и не столько различиями правовых систем государств – членов ВТО и достигнутым компромиссом в ходе Уругвайского раунда международных торговых переговоров.

Вместе с тем доклады третейских групп и Апелляционного органа содержат интерпретацию (толкование) общих вопросов, касающихся всех членов ВТО³³. Они в определенной степени обладают высоким авторитетом, вследствие чего активно используются для установления содержания международно-правовых норм как при урегулировании разногласий, так и непосредственно ОРС ВТО, который обращается к собственным решениям, анализируя и сопоставляя сделанные в них выводы. Это приводит к тому, что утвержденные доклады третейских групп и Апелляционного органа, содержащие интерпретацию общих вопросов, представляют собой нечто большее, чем решение по конкретному делу. Давая оценку юридической силе утвержденных докладов, Апелляционный орган в своей практике применил заимствованный из права ЕС термин *acquis* и указал, что данные доклады могут являться своего рода частью *acquis* ГАТТ/ВТО, то есть совокупностью подлежащих сохранению и развитию правил, принципов, подходов, достижений, опыта правопорядка ВТО, и использоваться в качестве «инструмента» при разрешении последующих дел лишь в силу их убедительности и аргументированности, как уникальное, приобретенное или достигнутое. В последнее время позиция Апелляционного органа в отношении следования ранее принятым решениям изменилась и сводится к тому, чтобы любое отклонение в докладах по делам, вынесенным позднее по аналогичным обстоятельствам, было аргументировано, что свидетель-

ствует не столько о желании Апелляционного органа изменить свое отношение к прецедентному характеру принимаемых им решений, сколько о последовательном следовании убеждению, что *acquis* системы разрешения споров ГАТТ/ВТО относится к числу тех достижений, которые подлежат обязательному сохранению и развитию и отказаться от которых нельзя.

Вместе с тем, по нашему глубокому убеждению, все-таки говорить о прецедентном характере решений ОРС ВТО преждевременно, а изменения в данном направлении возможны лишь путем внесения соответствующих изменений в Договоренность о правилах и процедурах, регламентирующих разрешение споров, что с учетом господствующей в настоящее время точки зрения о природе правовых позиций судов как результата толкования права маловероятно. С другой стороны, существование *acquis* системы разрешения споров ГАТТ/ВТО и осознание ценности накопленного ОРС ВТО опыта не только повысит эффективность процесса разрешения споров, но и просто сэкономит время и постепенно приведет к формированию правовой определенности по ряду вопросов и к стабильности для участников международных торговых отношений, чем обеспечит безопасность и предсказуемость всей системы Всемирной торговой организации. Однако не следует и переоценивать *acquis* системы ГАТТ/ВТО как что-то статичное и «должное», поскольку ничто не может оставаться неизменным без вложения в обновление.

Пристатейный библиографический список

1. Chua A. The Precedential Effect of WTO Panel and Appellate Body Reports // Leiden Journal of International Law. – 1998. – Vol. 11. – № 1.
2. Felix D. The Role of Precedent in the WTO – New Horizons. – Maastricht, 2009.
3. Власенко Н. А., Гринева А. В. Судебные правовые позиции (основы теории). – М: ИЗ и СП-М: ИД «Юриспруденция», 2009.
4. Исполинов А. С. Вопросы прямого применения права ВТО в правопорядке России // Законодательство. – 2014. – № 2.
5. Карташов В. Н. Правовые позиции Верховного Суда Российской Федерации по поводу применения судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права // Судебное правоприменение: проблемы теории и практики / Отв. ред. В.М. Сырых. – М: РАП, 2007.
6. Сибатян А. С. Правотворчество органов международного правосудия // Российское правосудие. – 2010. – № 7 (51).
7. Сибатян А. С. Прецедентные решения органов международного правосудия // Евразийский юридический журнал. – 2013. – № 3(58).
8. Трунк-Федорова М. П. Разрешение споров в рамках Всемирной торговой организации. – СПб, 2005.

³² Report of the Appellate Body. – P. 66.

³³ В литературе такие решения получили название «системообразующие». См. у Сибатян А. С. Указ. соч. – С. 38.

Киселева Е. В.

НОВЫЙ УРОВЕНЬ ИССЛЕДОВАНИЯ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ МИГРАЦИИ

В обзоре рассказывается о презентации двух новых работ по международно-правовой проблематике: фундаментальной монографии А. Ю. Ястребовой «Международно-правовые механизмы регулирования миграции: доктринальные подходы и опыт Российской Федерации» и учебно-методического пособия Т. М. Пряхиной и А. Ю. Ястребовой «Права человека в международном праве» (2-е изд., перераб. и доп.). Мероприятие было организовано Бюро МОМ в Москве с привлечением научной общественности и представителей практики. По единодушному мнению собравшихся, представленное монографическое исследование по миграции является существенным вкладом в науку международного права, востребованным как в учебном процессе вузов, так и в деятельности международных межправительственных организаций.

Ключевые слова: международное право, миграция, права человека.

Kiseleva E. V.

NEW LEVEL OF RESEARCHING INTERNATIONAL LEGAL REGULATION OF MIGRATION

The review reports about a presentation of the two new books in the field of international law. They are a fundamental volume «International Legal Mechanisms of Governing Migration: Doctrinal Approaches and the Experience of the Russian Federation» by A. Yu. Yastrebova and a manual «Human rights in international law» (2nd ed.) by T. M. Pryakhina and A. Yu. Yastrebova. The event was organized by the delegation of IOM in Moscow with participation of the scientific society and representatives of practice. The unanimous evaluation of the monograph was considering it to be a substantial contribution to the science of international law that is highly demanded by international organizations and academic institutions.

Keywords: international law, migration, human rights.

26 июня 2014 г. в здании представительства ООН в Москве состоялась презентация двух важных работ по международно-правовой проблематике. Бюро Международной организации по миграции в Москве совместно с авторами публикаций представили монографию «Международно-правовые механизмы регулирования миграции: доктринальные подходы и опыт Российской Федерации» (М.: ВАКО, 2014. – 464 с.), явившуюся плодом шестилетнего труда и результатом 12 лет преподавания в данной сфере профессора кафедры международного права Дипломатической академии МИД России А. Ю. Ястребовой, и учебно-методическое пособие «Права человека в международном праве» (2-е изд., перераб. и доп. – М.: ВАКО, 2014. – 128 с.), написанное в соавторстве профессором А. Ю. Ястребовой и профессором кафедры государственно-правовых дисциплин Московского городского педагогического университета Т. М. Пряхиной. На встрече присутствовали сотрудники Бюро МОМ в Москве, Дипломатической академии МИД России, МГИМО (У) МИД России, РУДН, институтов Российской академии наук, а также Министерства иностранных дел РФ.

Открыла презентацию Ю. Павловская, руководитель отдела помощи мигрантам Бюро МОМ в Москве, рассказавшая как об актуальности представляемой монографии в свете работы МОМ в целом и сотрудничества Бюро МОМ с образовательными учреждениями в частности, так и о многолетних профессиональных и личных связях с профессором А. Ю. Ястребовой.

Профессор А. Ю. Ястребова в рамках первой презентации заострила внимание на некоторых чертах, выделяющих монографию из литературы, имеющейся по вопросу международно-правового регулирования миграции: комплексный подход, включая выделение специальных принципов, анализ двух основных тенденций миграции, разложение существую-

Киселева Е. В.

щих международно-правовых механизмов на аспекты. Особые слова благодарности адресовала профессор А. Ю. Ястребова трем лицам, присутствовавшим на презентации: своему научному консультанту профессору Ю. Н. Малееву – за его вклад в построение системного взгляда на предмет, работу над структурой монографии, Ю. Павловской – за апробацию работы, подбор фотографий для обложки книги, декану факультета международного права Дипломатической академии МИД России профессору А. А. Моисееву – за инициативу разработки и введения в учебный процесс курса «Права человека и миграция», трансформировавшегося со временем в читаемый ныне учебный предмет «Международно-правовое регулирование миграции», а кроме этого, профессору Т. М. Пряхиной, коллеге и наставнику – за взгляды, высказанные с конституционно-правовых позиций, участие в совершенствовании текста монографии.

Далее слово было предоставлено собравшимся. Профессор А. А. Моисеев поблагодарил за организацию мероприятия, кроме прочего подчеркивающего именно международно-правовую составляющую взгляда на окружающую нас действительность и, в частности, проблему миграции, актуальность которой является очевидной. Профессор А. А. Моисеев поделился планами выделения в Дипломатической академии самостоятельного направления «Права человека и миграция», организационные рамки которого в настоящее время обсуждаются, а также предложил провести в ДА МИД России круглый стол по миграции осенью 2014 г. Касаясь непосредственно представленного исследования, профессор А. А. Моисеев оценил его как существенный вклад в науку, взвешенный по отношению ко всем институтам международного публичного права, органично вписывающийся во всю систему институтов международного права. Отметив личные качества профессора А. Ю. Ястребовой, ее ревностное отношение

к теме, искреннее, добросовестное, даже эмоциональное отношение, профессор А. А. Моисеев завершил свое выступление поздравлением с появлением столь фундаментального труда.

Профессор Ю. М. Малеев, научный консультант профессора А. Ю. Ястребовой по диссертации на соискание ученой степени доктора юридических наук, ступенью к которой является и монография, в рамках своего слова, похвалив доброе научное упрямство автора книги, приступил к весьма детальному разбору работы, наполненному собственными мыслями выступающего, не всегда совпадающими с устоявшимися, критическому и очень конструктивному. Был высказан ряд пожеланий к дальнейшей работе над темой как в части развития отдельных положений, так и в части совершенствования терминологического аппарата, расставления содержательных акцентов. Завершив свое выступление эпизодом из собственной жизни, профессор Ю. М. Малеев заставил всех задуматься над неоднозначностью многих аспектов миграции. Речь профессора вызвала небольшую не запланированную на этот момент встречи дискуссию, в рамках которой было еще раз подчеркнута фундаментальное значение монографии и высказана мысль о том, что в такой работе непременно будут заинтересованы международные межправительственные организации.

После этого была открыта вторая часть презентации – посвященная учебно-методическому пособию по правам человека в международном праве, первое издание которого стало победителем Всероссийского конкурса на лучшую научную книгу 2011 г. Профессор Т. М. Пряхина поблагодарила своего соавтора профессора А. Ю. Ястребову, особенно выделив «брильянты» работы – казусы, подготовленные А. Ю. Ястребовой во время работы в МККК. Работ по защите прав человека очень много, справедливо отметила выступающая, однако, несмотря на это, ощущается острая нехватка практических руководств, например, по сопровождению дел в Европейском суде по правам человека. Профессор Т. М. Пряхина подчеркнула важность юридического образования, вкладом в развитие которого является пособие. Ведь только о юридической помощи, среди всех иных видов помощи, на которую человеку предоставляется право, сказано, что она должна быть квалифицированной. Даже про медицинскую помощь нет такого уточнения. А это уже выводит нас от проблем образования к проблемам безопасности.

В рамках дискуссии, последовавшей за второй презентацией, высказалось несколько человек. Старший научный сотрудник сектора прав человека Института государства и права РАН Н. А. Воронина искренне засвидетельствовала профессионализм и огромные профессиональные достижения профессора А. Ю. Ястребовой, с которой Н. А. Воронина связывают уже более 20 лет знакомства. Среди частных пожеланий к дальнейшей работе над темой международно-правового регулирования миграции Н. А. Воронина, в том числе, отметила необходимость освещения новых видов перемещений. Сотрудник Американской ассоциации юристов Р. Рыбаков привлек внимание к академической ценности работы. Доцент кафедры международного права РУДН Е. В. Киселева передала приветствие авторам от заведующего кафедрой международного права РУДН профессора А. Х. Абашидзе, а потом отметила три момента. Во-первых, огромную ценность, которую представляет собой труд профессора А. Ю. Ястребовой в целом и в каждой своей части. Первое – как опыт системного подхода к международно-правовому регулированию миграции, что уникально само

по себе, второе – в силу тщательности и глубины проработки. Кроме этого, в монографии удачно сочетается рассмотрение традиционных вопросов международно-правового регулирования миграции (например, право беженцев) с авторскими (вооруженные конфликты и перемещение людей) и просто новыми по существу аспектами (реадмиссия). Во-вторых, монография является очень ценной для преподавания, было высказано пожелание видеть книгу в продаже, чтобы можно было рекомендовать ее студентам. Третьим было пожелание скорейшей и успешной защиты докторской диссертации, которая станет первым полноценным международно-правовым исследованием такого уровня.

Единодушным было признание собравшимися фундаментального характера монографии «Международно-правовые механизмы регулирования миграции: доктринальные подходы и опыт Российской Федерации» и пожелание распространения его значительно большим тиражом, чем первоначальные 500 экз.

Профессора А. Ю. Ястребова и Т. М. Пряхина поблагодарили всех за участие в презентации, добрые слова и пожелания. Встреча завершилась небольшим фуршетом.

Мурзагалиев Е. Ч.

ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫЕ ВОПРОСЫ ВОЗМЕЩЕНИЯ УЩЕРБА В СОВРЕМЕННОМ МЕЖДУНАРОДНОМ ПРАВЕ ПРИМЕНИМЫЕ К МЕЖДУНАРОДНОМУ НАЛОГОВОМУ ПРАВУ

В статье рассмотрены теоретические аспекты возмещения ущерба в современном международном праве и возможные правовые варианты, применимые к международному налоговому праву. Следует отметить, что термин «возмещение» выступает в качестве родового понятия по отношению к формам ликвидации последствий противоправного вреда, среди которых выделяют реституцию, компенсацию и сатисфакцию. На решение этого вопроса, в первую очередь, влияет характер причиненного вреда. Имущественный либо моральный вред, поддающийся экономической оценке, соответствует материальным формам возмещения ущерба, которые могут быть применимы к международному налоговому праву.

Ключевые слова: ущерб, международное налоговое право, имущественный вред, возмещение, форма возмещение ущерба.

Мурзагалиев Е. Ч.

Murzagaliyev E. Ch.

THE ORETICAL LEGAL QUESTIONS OF COMPENSATION OF THE DAMAGE IN THE MODERN INTERNATIONAL LAW APPLICABLE TO INTERNATIONAL TAX LAW

The article deals with theoretical aspects of compensation of the damage in the modern international law and possible legal options applicable to international tax law. It should be noted that the term «compensation» acts as a generic term in relation to the forms of elimination of consequences of illegal harm subdivided into restitution, compensation and satisfaction. The solution of this issue primarily influenced by the nature of damages. The property or moral harm which may be assessed economically, corresponds to material forms of damage compensation, which may be applicable to the international tax law.

Keywords: damage, international tax law, property harm, compensation, form of compensation of the damage.

Возмещение ущерба представляет собой реализацию прав и обязанностей, вытекающих из правоотношения ответственности за международно-противоправное деяние. Возмещение ущерба имеет определенные формы. Эти формы представляют собой способы осуществления, с одной стороны, обязанности полного возмещения вреда, а, с другой, права на такое возмещение. Такими формами являются реституция, компенсация и сатисфакция. Они находятся в определенной взаимосвязи. Каждая из них может быть использована либо сама по себе, либо в сочетании с иными формами. Так, восстановление ситуации, существовавшей до противоправного деяния, может оказаться недостаточным для полного возмещения, поскольку это деяние причинило дополнительный материальный, а также и моральный ущерб. Например, освобождение задержанного иностранного дипломата не означает полного возмещения. Оно должно сопровождаться возмещением и морального вреда, т.е. сатисфакцией. В целом, ликвидирующее последствия правонарушения возмещение может потребовать применения либо отдельных форм возмещения, либо даже всех форм. Зависит это от характера нарушенного обязательства, а также от вида и размеров причиненного вреда. Выбор формы возмещения зависит также от обоснованного желания пострадавшей стороны¹.

В ст. 31 Части II «Содержание международно-правовой ответственности государств» в Главе I «Основные принципы» Статей об ответственности государств за международно-противоправные деяния говорится о том, что «ответственное государство обязано предоставить полное возмещение вреда, причиненного международно-противоправным деянием». Термин «возмещение» появился в тексте данного документа при его переводе на русский язык. В англоязычном варианте используется термин «reparation», т.е. «репарация».

Глава II Части II Статей называется «Возмещение вреда» («Репарация»).

Комиссия международного права ООН в своих комментариях к данному документу отметила, что возмещение является второй (после прекращения нарушения международного обязательства) главной обязанностью государства-правонарушителя, вытекающей из совершения им правонарушения. Комиссией особо подчеркивается, что формулировка данной статьи такова, что обязанность предоставить возмещение является незамедлительным и безусловным следствием ответственности государства, и это даже в большей степени обязанность государства-правонарушителя, чем право потерпевшего государства. То есть эта обязанность не зависит от требования или протеста потерпевшего государства, а возникает у государства-правонарушителя автоматически.

Статья 34 относит к формам репарации реституцию, компенсацию и сатисфакцию, т.е. репарация, как следствие международно-противоправного деяния, означает возмещение всего ущерба, как материального, так и нематериального, причиненного международно-противоправным деянием. Перечень форм возмещения является исчерпывающим. Тем не менее, как уже было отмечено, Статьи не имеют для государств обязательной юридической силы, поскольку являются приложением к Резолюции Генеральной Ассамблеи ООН. Однако уже в процессе обсуждения проекта этих статей государства выразили согласие с такой формулировкой данной статьи. Поэтому предполагается, что при принятии соответствующей Конвенции на базе этих Статей, серьезных противоречий и дебатов не будет, и формы возмещения будут закреплены именно в таком составе.

Основные принципы и руководящие положения предлагают широкий спектр мер по возмещению ущерба²:

1 Лукашук И.И. Право международной ответственности. – М.: Волтерс Клувер, 2004.

2 Резолюция Генеральной Ассамблеи 60/147, приложение, пункты 19-23.

– Реституция означает меры, которые «восстанавливают первоначальное положение жертвы, существовавшее до совершения грубых нарушений международных норм в области прав человека или серьезных нарушений международного гуманитарного права», например восстановление свободы, прав человека, документов, удостоверяющих личность, семейной жизни и гражданства, возвращение на прежнее место жительства, восстановление на работе и возврат имущества.

– Компенсацию «следует предоставлять за любой подающейся экономической оценке ущерб в установленном порядке, соразмерно тяжести нарушения и обстоятельствам каждого случая, являющегося следствием грубых нарушений международных норм в области прав человека и серьезных нарушений международного гуманитарного права, таких, как упущенные возможности, упущенная выгода и моральный ущерб. Реабилитация «должна включать в себя оказание медицинской и психологической помощи, а также юридических и социальных услуг».

– Сатисфакция представляет собой широкий набор мер, начиная от мер, направленных на прекращение продолжающихся нарушений, и до мер по установлению истины, поиску местонахождения исчезнувших лиц, опознанию и захоронению останков, принесению публичных извинений, принятию судебных и административных санкций, поминовению и воздаянию должного памяти жертв, а также включая учебные программы по правам человека.

– Гарантии неповторения случившегося также являются широкой категорией мер, которая включает институциональные реформы по обеспечению эффективного гражданского контроля за вооруженными силами и службами безопасности, укрепление независимости судебных органов, защиту правозащитников, организацию учебных курсов по правам человека, укрепление международных правозащитных стандартов в сфере государственной службы, в правоохранительных органах, в средствах массовой информации, промышленности, а также оказание психологических и социальных услуг.

В литературе не единожды высказывалось мнение о том, что в Статьях об ответственности закрепление приоритетности одной формы возмещения перед другой является нецелесообразным³. Так, в комментариях Ассоциации международного права к проекту Статей об ответственности даже говорилось, что строгое закрепление приоритетности реституции перед компенсацией может повлечь такое нежелательное последствие, как отказ государства-правонарушителя от удовлетворения законного требования потерпевшей стороны в компенсации, ссылаясь на то, что реституция в данном случае не является невозможной. А это, по мнению Исследовательской группы Ассоциации международного права, является нарушением свободы выбора потерпевшей стороной соответствующих и адекватных форм возмещения ущерба. Тем не менее, в окончательной формулировке Статей об ответственности, избежать закрепления приоритетности не удалось. Статья 36 гласит, что государство-правонарушитель обязано предоставить компенсацию за причиненный ущерб в том объеме, который не покрыт реституцией. Статья 37 гласит, что государство-правонарушитель обязано предоставить компенсацию за

причиненный ущерб в том объеме, который не покрыт реституцией и компенсацией⁴.

Хотя Комиссия международного права ООН, несмотря на предпочтительность реституции в процессе возмещения вреда в связи с необходимостью восстановить ранее существовавшую ситуацию, тем не менее, подчеркнула, что возможны ситуации, когда реституция является неподходящей формой или, когда ее значение для потерпевшего государства настолько мало, что иные формы возмещения становятся приоритетными⁵.

Более того, право на возмещение ущерба все более прочно укореняется не только в теории, но и на практике. Так, Международный суд продолжает принимать решения о мерах по возмещению ущерба. В деле о Вооруженных действиях на территории Конго Суд иллюстрирует сохраняющуюся актуальность вопроса о возмещении ущерба между государствами, постановив, что Уганда обязана обеспечить возмещение ущерба Демократической Республике Конго, нанесенного, среди прочего, в результате захвата и оккупации района Итури. В то же время Суд постановил, что Демократическая Республика Конго обязана выплатить репарации Уганде, среди прочего, за грубое обращение с угандийскими дипломатами в посольстве Уганды в Киншасе, а также в международном аэропорту Нджили⁶. В своем консультативном заключении Относительно правовых последствий строительства стены на оккупированной палестинской территории Суд признал, что Израиль обязан обеспечить возмещение ущерба, причиненного «всем затронутым физическим или юридическим лицам, понесшим какой-либо материальный ущерб в результате строительства стены»⁷.

Возмещение может также включать проценты от суммы, в которую оценивается ущерб. Так, рассмотрев дело о судне «Сайга», задержанном Гвинеей, Международный трибунал ООН по морскому праву присудил государству Сент-Винсент и Гренадины проценты за различные категории убытков⁸.

Кроме того, в практике встречаются случаи отклонения судом исков о возмещении вреда. К примеру, 16 апреля 2012 года Европейский суд по правам человека (ЕСПЧ) отклонил требования родственников расстрелянных под Катынью польских военнопленных о присуждении им компенсации. Польская сторона обратилась в Страсбургский суд, выразив свое неудовольствие проведенным Россией расследованием обстоятельств произошедшего. Начатое в 1990-х годах расследование было прекращено в 2004 году на основании пункта 4 части 1 статьи 24 Уголовно-процессуального кодекса РФ (за смертью виновных). В связи с этим в ЕСПЧ в 2007 и 2009 году были поданы две жалобы, которые позднее были объединены в одно производство. Заявители в своей жалобе ссылались на нарушение статьи 2 (право на жизнь), так как сочли, что Россия

3 Gray Christine. The Choice Between Restitution and Compensation II European Journal of International Law. – vol. 10. –No. 2. – 1999. – P. 413-423.

4 Док. ООН A/Res/56/83 от 12.12.2001. [Электронный ресурс]: режим доступа: <http://www.un.org/russian/documen/gadocs/56sess/56res2.htm>

5 Responsibility of States for Internationally Wrongful Acts II Yearbook of the International Law Commission, 2001. – vol. II. – Part Two. – P. 97.

6 Дело о вооруженных действиях на территории Конго (Демократическая Республика Конго против Уганды), решение Суда от 19 декабря 2005 года, I.C.J. Reports 2005

7 Консультативное заключение Международного суда Относительно правовых последствий строительства стены на оккупированной палестинской территории от 9 июля 2004 года, I.C.J. Reports 2004. – С. 136.

8 Международное публичное право: учеб. / Отв. ред. К.А. Бекяшев. – М.: Изд-во Проспект, 2005. – С. 105.

не выполнила вытекающую из этой статьи обязанность провести эффективное расследование гибели их родственников.

Массовый расстрел польских военнопленных являлся военным преступлением, поскольку обязательство гуманного обращения с военнопленными и запрет на убийство были частью обычного международного права, которое советские власти были обязаны соблюдать. Однако даже с учетом того, что военные преступления не имеют срока давности, в период после ратификации Конвенции не было обнаружено каких-либо новых свидетельств или доказательств, которые могли бы возложить на российские власти обязанность возобновить расследование. В связи с этим суд счел, что рассмотрение жалобы на нарушение статьи 2 выходит за пределы его компетенции. Вместе с тем суд признал нарушения со стороны РФ прав заявителей на основании статьи 3 Конвенции (запрещение пыток и бесчеловечного и унижающего достоинство обращений), указав, что российские власти не предоставили родственникам расстрелянных польских военнопленных достаточной информации о судьбе погибших⁹.

Несмотря на то что основным субъектом современного международного права в части, касающейся международно-правовой ответственности, является государство, применяемые принципы и нормы международного права могут быть распространены и на деяния корпораций в зависимости от степени их причастности к совершению международных преступлений.

Международные договоры, заключенные в последнее время, содержат положения, касающиеся деятельности юридических лиц, осуществляющих деятельность в рамках полномочий, которыми они наделены международными соглашениями. В частности, Конвенция ООН по морскому праву 1982 года (далее — Конвенция ООН по морскому праву) на базе п. 2 (а) ст. 153 предоставляет право юридическим предприятиям на основе полученных ими лицензий от Органа по морскому дну осваивать часть дна Мирового океана (часть района). Это могут быть государственные предприятия либо юридические лица, зарегистрированные в государствах-участниках или находящиеся под эффективным контролем государств, за которые государства-участники поручились.

Очевидно, что предоставление таких прав юридическим лицам по международным договорам порождает и необходимость постановки вопроса об ответственности юридических лиц за нарушения положений соответствующих международных договоров.

К примеру, в январе 2014 года Федеральный суд США утвердил размер штрафа, который компания BP должна выплатить в рамках соглашения с американским правительством за разлив нефти в Мексиканском заливе в результате аварии, произошедшей 20 апреля 2010 года на платформе Deepwater Horizon, работавшей для BP, произошел взрыв. В результате взрыва и возникшего после него пожара погибли 11 человек, а в воды залива начала поступать нефть. Остановить утечку нефти специалистам BP удалось лишь спустя 87 дней после аварии. За это время в Мексиканский залив попало несколько миллионов баррелей нефти. Авария на Deepwater Horizon, результатом которой стало загрязнение прибрежной территории пяти штатов, стала крупнейшей экологической катастрофой в истории США.

9 Бобринский А. «Суд истории» не состоялся: постановление ЕСПЧ по «Катынскому делу» [Электронный ресурс]: режим доступа: <http://blog.pravo.ru/blog/inteur/7667.html>

По условиям соглашения с властями, BP надлежит выплатить 4,5 миллиарда долларов.

Соглашение между BP и властями США было достигнуто в ноябре 2012 года. Компания согласилась частично признать свою вину и выплатить штраф в 4,5 миллиарда долларов в обмен на прекращение судебного преследования со стороны властей США. Для вступления соглашения в силу его должен был утвердить федеральный суд США, что и произошло 29 января 2014 года¹⁰.

Касательно форм возмещения, следует также отметить, что определенный интерес в международно-правовой литературе вызвала проблема соотношения форм возмещения в международном публичном праве в целом, и, в частности, в праве международной торговли, особенно в рамках механизма, применяемого во Всемирной торговой организации (ВТО). На вопрос о применимости Статей об ответственности государств к международному торговому праву большинство ученых отвечают положительно. Дело в том, что в Статьях об ответственности зафиксировано, что они применяются к ответственности государств, если иное не предусмотрено специальными нормами международного права, которые касаются последствий международного правонарушения¹¹. Применение органами ВТО любой возможной меры ответственности не исключает Договоренность об урегулировании споров ВТО 1994 г. (ДУС-1994).

Если сравнить иерархию форм возмещения, действующую в общем международном праве и в праве ВТО, то следует отметить следующее. В Статьях об ответственности государств формы возмещения, как уже было сказано выше, закреплены не в случайном порядке. Основным и оптимальным средством возмещения считается реституция (реституция в натуре и ресторация), на втором месте стоит компенсация, а сатисфакция на третьем, что вовсе не умаляет ее значимости для целей международной ответственности. В праве ВТО, как подчеркивает С.Л. Лапин, на первом месте стоит, как правило, ресторация (например, отмена введенного закона или прекращение административной практики), а реституция в натуре применяется лишь в исключительных случаях, таких как споры о компенсационных или антидемпинговых пошлинах.

Компенсация применяется исключительно в добровольном порядке, т.е. судебный орган не может сам назначить ее и установить ее размер. Причем компенсация скорее ближе к контрамерам, а не к самой ответственности, поскольку в случае ее непредоставления, применяется приостановление уступок по договору. При этом компенсация, как отмечает А. С. Дедушенко, применяется лишь в исключительных случаях и на временной основе до приведения незаконной меры в соответствие с «правом ВТО»¹². Временный характер компенсации обусловлен главным образом тем, что в противном случае более влиятельные члены ВТО имели бы возможность сохранять незаконную меру на неопределенный срок, удобный для них. И если в общем международном праве компенсация ретроспективна по своей природе (то есть предполагает возмещение за уже причиненный ущерб), то в «праве ВТО» компенсация пред-

10 Геращенко Е. 5 лет за Мексиканский залив [Электронный ресурс]: режим доступа: <http://www.gazeta.ru/business/2014/01/29/3952053.shtml>

11 Док. ООН A/Res/56/83 от 12.12.2001. [Электронный ресурс]: режим доступа: <http://www.un.org/russian/document/gadocs/56sess/56res2.htm>

12 Дедушенко А.С. Особенности применения института ответственности в современном международном торговом праве // Московский журнал международного права. — 2006. — №1 (61). — С. 317-318.

ставляет собой возмещение за ущерб, который потерпевшая сторона предположительно понесет вследствие временного невыполнения рекомендаций Органа по Разрешению Споров другой стороной.

Сатисфакция же в праве ВТО не существует вообще, т.к. данная организация призвана урегулировать споры, за которыми стоят конкретные экономические интересы, поэтому для потерпевшего государства не так уж и важно, по мнению С.Л. Лапина, услышать извинения от государства-правонарушителя, если оно при этом не получает никакой реальной выгоды¹³. Разница в формах возмещения видится также и в том, что Статьи об ответственности государств допускают одновременное применение различных форм возмещения вреда, тогда как ДУС-1994 устанавливает жесткую альтернативу. Тем не менее, А.С. Дедусенко полагает, что сатисфакция все же имеет место в международном торговом праве в форме гарантий неповторения¹⁴.

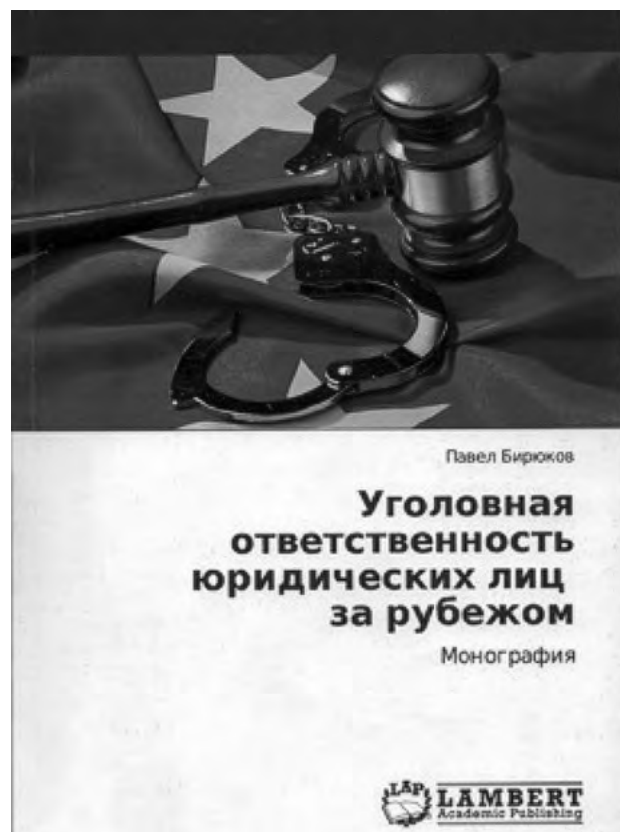
Возвращаясь к вопросу о возмещении ущерба, подчеркнем, что репарация входит в состав международно-правовой ответственности государств, но формы самой ответственности отнюдь не сводятся лишь к формам репарации. Это связано с тем, что целью международно-правовой ответственности государств является не только ликвидация последствий правонарушения, но и предупреждение нарушения норм права в будущем.

Обобщая вышеизложенное, следует отметить, что термин «возмещение» выступает в качестве родового понятия по отношению к формам ликвидации последствий противоправного вреда, среди которых выделяют реституцию, компенсацию и сатисфакцию. Использование каждой из данных форм не должно основываться на произвольном выборе, способном привести к существенному нарушению интересов каждой из сторон. На решение этого вопроса, в первую очередь, влияет характер причиненного вреда. Имущественный либо моральный вред, поддающийся экономической оценке, соответствует материальным формам возмещения, которые могут быть применимы к международному налоговому праву.

Пристатейный библиографический список

1. Лукашук И.И. Право международной ответственности. – М.: Волтерс Клувер, 2004.
2. Лукашук И.И. Международное право. Особенная часть : учеб. для студентов юрид. фак. и вузов / И.И. Лукашук; Рос. акад. наук, Ин-т государства и права, Академ. правовой ун-т. — Изд. 3 е, перераб. и доп. — М.: Волтерс Клувер, 2005. — 544 с.
3. Малеин Н.С. Понятие и основание имущественной ответственности // Советское государство и право. — 1970. — 12. — С. 38.
4. Манийчук Ю.В. Последствия международного правонарушения. — Киев, 1987.
5. Международное публичное право : учеб. / Л.П. Ануфриева, Д. К. Бекашев, К. А. Бекашев, В. В. Устинов [и др.]; отв. ред. К.А. Бекашев. — 4-е изд., перераб. и доп. — М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2005.

6. Международное право / Отв. ред. Ю.М. Колосов, Э.С. Кривчикова. С. 324.
7. Международное право. Учебник для вузов / Отв. ред. проф. Г.В. Игнатенко и проф. О.И. Тиунов. — 3-е изд., перераб. и доп. — М.: Норма, 2005. — 624 с.
8. Международное право: учеб.-метод. комплекс / М.Р. Искандарова. — Уфа: БАГСУ, 2008. — 125 с.
9. Международное публичное право: учеб. / Отв. ред. К.А. Бекашев. М.: Изд-во Проспект, 2005. — С. 105.
10. Мингазов Л.Х. Эффективность норм международного права. Теоретические проблемы. — Казань, 1999. — С. 291.
11. Михеев, Юрий Яковлевич. Применение принудительных мер по уставу ООН. — М.: Международные отношения, 1967.
12. Михеев Ю. Я. Ответственность в современном международном праве // Советский ежегодник международного права. — 1970. — С. 150.
13. НАТО извинилась за гибель мирных граждан от авиаудара в Афганистане [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://ria.ru/world/20110530/381712950.html>
14. Недбайло П.Е. Система юридических гарантий применения советских правовых норм // Правоведение. — 1971. — №3. — С. 52.
15. Раскалей С.Б. Объективная ответственность государств в международном праве. Киев: Наукова Думка, 1985.

13 Лапин С.Л. Ответственность государств в документах Комиссии международного права ООН и в деятельности Всемирной торговой организации // Российский ежегодник международного права. — 2005. — С. 182

14 Дедусенко А.С. Особенности применения института ответственности в современном Международном торговом праве // Московский журнал международного права. — 2006. — №1 (61). — С. 319

Халед Миари

О ПРИМЕНИМЫХ ПРИНЦИПАХ И НОРМАХ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА НА ОККУПИРОВАННЫХ ПАЛЕСТИНСКИХ ТЕРРИТОРИЯХ

В статье освещается современный статус оккупированных Израилем палестинских территорий. Анализируются применимые принципы и нормы прав человека на оккупированных палестинских территориях, указываются случаи их нарушения со стороны Израиля.

Ключевые слова: международное право, права человека, Израиль, режим оккупации, Государство Палестина.

Khaled M. M. Miari

APPLICABLE PRINCIPLES AND RULES OF HUMAN RIGHTS IN THE OCCUPIED PALESTINIAN TERRITORIES

The article highlights the current status of the Palestinian territories occupied by Israel. Hereby analyzed the applicable principles and norms of human rights in the occupied Palestinian territories, with special attention to the cases of human rights violations by Israel.

Keywords: international law, human rights, Israel, occupation regime, State of Palestine.

Халед Миари

Государство Палестина (англ. State of Palestine) — частично признанное государство на Ближнем Востоке¹, находящееся в процессе создания. Формирование палестинского государства предусматривается на территории Западного берега реки Иордан (или его части, в том числе на территории Восточного Иерусалима) и сектора Газа. Является государством — членом Лиги арабских государств (ЛАГ) и ЮНЕСКО.

За последние 20 лет произошли существенные изменения в статусе палестинских территорий (Западного берега реки Иордан и сектора Газа). Так, 13 сентября 1993 г. после длительных переговоров была подписана *Декларация принципов о временных мерах по самоуправлению* («Соглашение Осло-1»)², по условиям которой Организация освобождения Палестины (ООП) признала право Израиля на мир и безопасность и отказалась от терроризма и других видов насилия, а Израиль дал согласие на создание «Палестинской национальной администрации» (ПНА) на части территорий, находившихся под его контролем. В 1994 г. была создана ПНА.

15 августа 2005 г. в рамках плана одностороннего размежевания израильское правительство начало принудительную эвакуацию жителей Газы — граждан Израиля и вывод израильских войск из сектора. Таким образом, 12 сентября завершилось 38-летнее израильское присутствие в секторе Газа. Тем не менее, Израиль продолжил контроль за территориальными водами Газы и её воздушным пространством. Израиль объясняет это продолжающимися обстрелами своих городов и посёлков и попытками террористических группировок провезти на территорию сектора оружие и боеприпасы и компоненты для изготовления ракет и взрывчатых материалов. По данным на июнь 2014 г. продолжается процесс экономической и политической изоляции, понимаемой в широком смысле как блокада, кольцом которой Израиль окружил сектор Газа. Такая блокада предполагает меры, связанные с ограничениями на ввоз в Газу всяческих товаров, и закрытие — подчас на несколько дней — контрольно-пропускных пунктов пересечения границ для людей, товаров и услуг, включая перебои в поставках топлива и в электроснабжении. Кроме того, на экономике Газы весьма пагубно сказываются сужение доступной для палестинских рыбаков рыбопромысловой зоны, а

также создание вдоль границы между Газой и Израилем так называемой «буферной» зоны, что ограничивает площадь земель, которые могли бы использоваться для сельскохозяйственных и промышленных целей. Введение блокады не только привело к созданию чрезвычайной ситуации, но также существенно ограничило возможности населения, равно как и резко ослабило потенциал секторов здравоохранения, водоснабжения и других государственных служб в плане реагирования на бедственное положение, возникшее в результате военных операций.

Итак, ситуация сегодня на оккупированных палестинских территориях выглядит следующим образом. Значительная часть территории Западного берега реки Иордан контролируется израильской армией, а Восточный Иерусалим аннексирован Израилем. Израиль контролирует также практически все границы Палестинских территорий, за исключением границы сектора Газа с Египтом, но при этом препятствует морскому сообщению сектора Газа с внешним миром. Палестинские территории, несмотря на существование палестинского управления на них, все равно рассматриваются ООН в соответствии с резолюциями Совета Безопасности ООН как оккупированные Израилем. Сектор Газа и Западный берег реки Иордан представляют собой два эксклава, разделённых территорией Израиля, первый контролируется сторонниками ХАМАС, признанного в ряде стран террористической организацией, а второй — сторонниками ФАТХ, организации, которая формирует основу Организации освобождения Палестины (ООП). Организации находятся в состоянии конфликта между собой. В каждом эксклаве образовано своё правительство.

29 ноября 2012 г. Генеральная Ассамблея ООН по итогам голосования (138 голосов «за», 9 — «против», 41 страна воздержалась) «предоставила Палестине статус государства-наблюдателя при ООН, не являющегося её членом, без ущерба для приобретенных прав, привилегий и роли Организации Освобождения Палестины в ООН как представителя палестинского народа согласно соответствующим резолюциям и практике».

5 января 2013 г. был издан указ председателя ПНА Махмуда Аббаса, предписывающий впредь вместо названия «Палестинская национальная администрация» использовать в официальных целях исключительно название «Государство Палестина». В странах, уже признавших Государство Палестина, дипломатические представительства ООП действуют под вывеской посольств Государства Палестина. Ряд таких стран это решение не признал (Израиль, Испания, Норвегия, США, Швеция и др.).

1 На сегодняшний день Государство Палестина официально признано 134 государствами — членами ООН.

2 Israel-Palestinian Arrangements: Declaration of Principles On Interim Self-Government Arrangements («Oslo Accords») (September 13, 1993) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: www.jewishvirtuallibrary.org/jsource/Peace/dop.html

Вместе с тем продолжают случаи нарушения прав человека Израилем на оккупированных палестинских территориях. Одним из последних примеров является ситуация, складывающаяся вокруг сотен произвольно задержанных палестинских заключенных, которые 24 апреля 2014 г. в знак протеста против произвольных арестов, нарушений процессуальных норм при административных задержаниях объявили голодовку в израильских тюрьмах. Генеральный секретарь ООН и Верховный комиссар ООН по правам человека неоднократно заявляли о том, что израильские власти должны либо предъявить произвольно задержанным палестинцам обвинения, либо немедленно их отпустить. 23 июня 2014 г. Кнессет Израиля принял решение внести в законодательство поправку, которая узаконила принудительное кормление узников. В закон также внесли дополнительный пункт, разрешающий воздействовать на заключенных седативными, т. е. успокаивающими препаратами — в случае, если они окажут сопротивление при принудительном кормлении. Специальный докладчик ООН по пыткам Хуан Мендес и Специальный докладчик ООН по вопросу о праве каждого человека на наивысший достижимый уровень физического и психического здоровья Ананд Гровер подчеркнули в коллективном заявлении, что практика принудительного кормления голодающих узников идет вразрез с основными принципами международного права в области прав человека. Принимая это во внимание, парламентарии Израиля пока отложили второе голосование по вышеназванной законодательной поправке.

Израиль ратифицировал несколько из наиболее важных международных договоров о правах человека, включая Международную конвенцию о ликвидации всех форм расовой дискриминации, Международный пакт о гражданских и политических правах, Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах и Конвенцию против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания, Конвенцию о правах ребенка и Конвенцию о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин³.

В настоящее время широко признается, что договоры о правах человека по-прежнему применимы в ситуациях вооруженного конфликта⁴. В своем консультативном заключении «Правовые последствия строительства стены на оккупированной палестинской территории» Международный суд высказал мнение, что «защита, обеспечиваемая конвенциями о правах человека, не прекращается во время вооруженного конфликта, за исключением того, что вытекает из положения об отступлении...»⁵.

В своем консультативном заключении «Законность угрозы ядерным оружием или его применения» Международный суд вынес решение, что в контексте вооруженного конфликта МПП является совокупностью специальных норм (*lex specialis*) по отношению к правам человека. Сегодня общепризнано, что право в области прав человека по-прежнему применяется, пока оно не изменено или не приостановлено МПП. В любом случае общая норма права в области прав человека не утрачивает действенности и будет оставаться на заднем плане в качестве информационного обеспечения применения и толкования соответствующей нормы гуманитарного права. Например, в преамбуле

Дополнительного протокола II к Женевским конвенциям содержится напоминание о защите международных прав человека и человеческой личности, чем подтверждается мнение, что МПП и МППЧ действуют в ситуациях конфликта.

Договоры о правах человека, ратифицированные Израилем, являются также обязательными в отношении поведения Израиля на оккупированной палестинской территории. Статья 2 Международного пакта о гражданских и политических правах обязывает каждое государство-участника уважать и обеспечивать всем «находящимся в пределах его территории и под его юрисдикцией» лицам признаваемые в нем права. Согласно формулировке Комитета по правам человека, «от государств-участников требуется уважать и обеспечивать признаваемые в Пакте права любому лицу, находящемуся в пределах компетенции или эффективного контроля этого государства-участника, даже если оно не находится на территории государства-участника»⁶.

Международный суд вынес также решение, что Международный пакт о гражданских и политических правах применим «в отношении действий, совершаемых государством при осуществлении своей юрисдикции за пределами своей собственной территории»⁷. Соответственно, Комитет по правам человека пришел к мнению, что Международный пакт о гражданских и политических правах применим также в интересах населения оккупированной палестинской территории⁸. Комитеты, созданные для контроля за соблюдением Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах, Конвенции о правах ребенка и Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин их государствами-участниками, также определили, что обязательства Израиля в отношении прав человека распространяются на население оккупированной палестинской территории⁹.

Следует также отметить, что Израиль не отступил от своих обязательств по ст. 4 Международного пакта о гражданских и политических правах. Заявление Израиля, сделанное при ратификации Пакта, касается только частичной отмены действия ст. 9 Пакта в отношении лишения свободы. Чрезвычайное положение в Израиле действует все время с момента его провозглашения в 1948 г. Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах в прямой форме не допускает частичной отмены во время чрезвычайного положения или войны.

Современное толкование Гаагских правил строится на прогрессивном взгляде на сферу их применения. Международный суд, вынося заключение о том, что Уганда является оккупирующей державой в районе Итури в Демократической Республике Конго, вынес также решение, что обязательство Уганды «восстановить и обеспечивать, по мере возможности, общественный порядок и безопасность» включает «обязанность обеспечить уважение применимых норм международного права в области прав человека и международного гуманитарного права»¹⁰.

В отношении применения права в области прав человека во время военных операций и связанных с ними событий

3 Солнцев А., Конева А. Юридический статус актов договорных органов по правам человека в национальных правовых системах // Международное правосудие. – 2013. – №4 (8). – С. 82–93.

4 Абашидзе А. Х. Договорные органы по правам человека: Учебное пособие. – М: РУДН, 2012.

5 Законность угрозы ядерным оружием или его применения, консультативное заключение от 8 июля 1996 года, Правовые последствия, пункт 106 // I.C.J. Reports. – 1996. – P. 226, пункт 25.

6 Комитет по правам человека. Замечание общего порядка № 3 (2004 год), пункт 10.

7 Case concerning Armed Activities on the Territory of the Congo (Democratic Republic of the Congo v. Uganda), Judgment of 19 December 2005 // I.C.J. Reports. – 2005, para. 172; Legal Consequences., para. 216.

8 Concluding observations of the Human Rights Committee. Second periodic report of Israel. 5 August 2003 (CCPR/CO/78/ISR).

9 См., например, Заключительные замечания Комитета по экономическим, социальным и культурным правам (E/C.12/1/Add.90).

10 Case concerning Armed Activities on the Territory of the Congo (Democratic Republic of the Congo v. Uganda), Judgment of 19 December 2005 // I.C.J. Reports. – 2005, para. 178.

представляется целесообразным кратко рассмотреть четыре вопроса, имеющих юридическое значение.

Первым является торжественное объявление в 1995 г. ограниченного палестинского самоуправления и освобождение сектора Газа Израилем в 2005 г. в соответствии с международными обязательствами Израиля. Договорные органы по правам человека Организации Объединенных Наций по-прежнему считали Израиль ответственным за выполнение его обязательств по договорам о правах человека на оккупированной палестинской территории после создания органов палестинского самоуправления¹¹. Эти органы не проводят каких-либо различий между Газой и Западным берегом в данном отношении, при этом оккупированная палестинская территория рассматривается как единое целое. В своем консультативном заключении «Правовые последствия строительства стены на оккупированной палестинской территории» Международный суд кратко остановился на этом вопросе, отметив, что в соответствии с Международным пактом об экономических, социальных и культурных правах Израиль «обязан не создавать никаких препятствий осуществлению таких прав в тех сферах компетенции, которые были переданы палестинским властям»¹². В недавнем докладе, посвященном Газе, девять мандатариев специальных процедур Совета по правам человека заявили, что односторонний выход из сектора Газа не освобождает Израиль «от соблюдения его обязательств по правам человека в отношении населения указанной территории; Израиль по-прежнему связан обязательствами в той мере, в которой принимаемые им меры влияют на осуществление прав человека жителями сектора Газа»¹³.

Израиль в последнее время утверждал в Комитете против попыток, что он более не несет обязательств по правам человека в соответствии с Конвенцией в отношении Газы по причине «разъединения» 2005 г. Отвергая этот довод, Комитет заявил, что «государство-участник сохраняет контроль и юрисдикцию по многим аспектам на оккупированных палестинских территориях»¹⁴. Можно согласиться с тем, что передача полномочий и функций органам самоуправления не освобождает Израиль от его обязательств гарантировать права человека населению, находящемуся в пределах его юрисдикции или под его фактическим контролем. Израиль также был бы обязан воздерживаться от действий, препятствующих усилиям органов палестинского самоуправления гарантировать осуществление прав человека на оккупированной палестинской территории, и ему следует этому способствовать.

Второй вопрос связан с обязательствами по правам человека Палестинской администрации, фактических властей в секторе Газа и других политических и военных субъектов. В отношении негосударственных субъектов необходимо рассмотреть вопрос об их обязательствах по правам человека. Следует отметить, что этот же вопрос не возникает в отношении обязательств по МПП, поскольку он был решен некоторое время назад. Как решил Специальный суд по Сьерра-Леоне, «вполне установлено, что все стороны вооруженного конфликта, будь то государства или негосударственные субъекты, связаны международным гуманитарным

правом, при том что становится стороной в международных договорах могут только государства»¹⁵.

Взаимосвязь между МПП и МППЧ быстро развивается, в частности в отношении обязательств негосударственных субъектов, с конечной целью улучшения защиты населения и предоставления ему возможности осуществлять свои права человека во всех обстоятельствах. В этом контексте очевидно, что негосударственные субъекты, осуществляющие квазиправительственные функции в отношении той или иной территории, обязаны уважать права человека.

Важно отметить, что Палестинская администрация, посредством своих публичных обязательств, а также обязательств Организации освобождения Палестины и Палестинского законодательного совета, заявила о своем обязательстве соблюдать нормы международного права в области прав человека в нескольких случаях, в том числе в контексте международных соглашений. Это обязательство содержится также в Основном законе Палестины¹⁶.

Обязательства властей Газы могут рассматриваться с другой точки зрения, но это ведет к тому же результату. Кроме того, власти Газы вновь заявили о своем обязательстве уважать права человека. Движение ХАМАС также сделало ряд односторонних заявлений об уважении прав человека. Кроме того, Основной закон Палестины с его многими положениями, касающимися прав человека, применим и к сектору Газа¹⁷.

Третий вопрос, который необходимо здесь рассмотреть, касается права на самоопределение, его применения к определению статуса комбатанта и его воздействия на принцип различия. Вооруженные конфликты, в которых национально-освободительные движения и/или движения сопротивления противостоят колониализму и оккупации, в п. 4 ст. 1 Дополнительного протокола I рассматриваются как международные вооруженные конфликты. В соответствии с международным правом, в особенности Дополнительным протоколом I к Женевским конвенциям, любое действие сопротивления в соответствии с правом на самоопределение должно осуществляться с полным соблюдением других прав человека и МПП.

15 См., например, *Prosecutor v. Sam Hinga Norman*, case SCSL-2004-14-AR72(E), Decision on preliminary motion based on lack of jurisdiction (child recruitment) (31 May 2004), para. 22.

16 Правовые последствия строительства стены на оккупированной палестинской территории, консультативное заключение от 9 июля 2004 года // I.C.J. Reports. – 2004, пункт 91; A/HRC/10/22, пункт 21; Barcelona Declaration, 27–28 November 1995 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.euromedrights.net/281>. С Основным законом Палестины можно ознакомиться по адресу <http://www.palestinianbaselaw.org/2002-basic-law>. См. также Доклад Верховного комиссара по правам человека об осуществлении резолюции 7/1 Совета по правам человека (A/HRC/8/17, пункт 8).

17 В этом отношении девять мандатариев специальных процедур заявили: «Негосударственные субъекты, осуществляющие квазиправительственные функции и контроль над той или иной территорией, обязаны соблюдать относящиеся к правам человека нормы, когда их поведение влияет на права человека отдельных лиц, находящихся под их контролем» (A/HRC/10/22, пункт 21). Это мнение логически вытекает из аналогичного заявления четырех других мандатариев специальных процедур, которые посетили Ливан после войны 2006 г.: «Хотя “Хезболла”, не будучи государственным образованием, не может стать участником этих договоров о правах человека, на нее по-прежнему распространяется требование международного сообщества, впервые выраженное во Всеобщей декларации прав человека, что каждый орган общества обязан уважать и поощрять права человека... Было бы особенно уместно и целесообразно призвать вооруженную группу к уважению норм о правах человека, когда она осуществляет значительный контроль над территорией и населением и имеет определенную политическую структуру» (A/HRC/2/7, пункт 19). См. также A/HRC/10/22, пункт 9.

11 Например, в своих заключительных замечаниях в 2003 г. Комитет по экономическим, социальным и культурным правам вновь выразил «свое сожаление по поводу отказа государства-участника предоставить информацию по оккупированным территориям» (E/C.12/1/Add.90, пункт 15).

12 Правовые последствия строительства стены на оккупированной палестинской территории, консультативное заключение от 9 июля 2004 года // I.C.J. Reports. – 2004, пункт 112

13 A/HRC/10/22, para. 20

14 См. Заключительные замечания Комитета против пыток (CAT/C/ISR/CO/4, пункт 11).

Наконец, полезно также кратко напомнить, что государства, не являющиеся стороной в вооруженном конфликте, имеют обязанности и должны играть важную роль в защите гражданских лиц и лиц, переставших участвовать в военных действиях, и в защите их прав. В соответствии со ст. 1, общей для Женевских конвенций 1949 г., «Высокие Договаривающиеся Стороны обязуются при любых обстоятельствах соблюдать и заставлять соблюдать настоящую Конвенцию». Это положение влечет обязательства в отношении не только субъектов и поведения в пределах юрисдикции каждого государства, но и международно-обеспечения осуществления конвенций. Государства – участники Женевских конвенций несут также обязанность способствовать пропуску гуманитарной помощи и должны играть роль в оказании такой помощи покровительствуемому населению в случае необходимости (статьи 23 и 59 четвертой Женевской конвенции).

Напомним, что 30 ноября 2012 г. Генеральная Ассамблея приняла резолюцию о предоставлении Палестине статуса государства-наблюдателя в ООН. Информацию о получении соответствующих писем подтвердил Специальный координатор ООН по делам миротворческого процесса на Ближнем Востоке Роберт Серри¹⁸.

С целью укрепления правозащитной ситуации Палестина приняла беспрецедентное решение 2 апреля 2014 г. присоединиться к ряду международных договоров. Они касаются международных прав человека, среди которых 7 основных международных договоров по правам человека и один факультативный протокол, и гуманитарного права, дипломатических и консульских отношений, права международных договоров и мер противодействия коррупции¹⁹.

Уже 2 мая 2014 г. в Управлении Верховного комиссара по правам человека приветствовали вступление в силу для Палестины пяти международных договоров, к которым она присоединилась в качестве государства-наблюдателя ООН. Палестина присоединилась к Международной конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации, Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания, Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин, Конвенции о правах инвалидов и Конвенции по правам ребенка. Факультативный протокол к Конвенции о правах ребенка вступил в силу 7 мая

2014 г., а Международный пакт о гражданских и политических правах и Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах вступят в силу 2 июля 2014 г.²⁰

«Это присоединение к семи основным договорам в сфере прав человека и к одному из важнейших протоколов является значительным шагом в укреплении системы поощрения и защиты прав человека в Палестине», – заявил пресс-секретарь Управления ООН по правам человека на брифинге в Женеве. Он подчеркнул, что Палестина присоединилась ко всем этим договорам без каких-либо оговорок²¹.

В заключение отметим, что ряд экспертов высказывают мнение, что желание государства Палестины присоединиться к международным соглашениям может оказать негативное влияние на и без того хрупкий мирный процесс. Верховный комиссар ООН по правам человека, напротив, высоко оценила принятые государством Палестина обязательства соблюдать международные стандарты в области прав человека, содержащиеся в договорах, и готовность взаимодействовать с договорными органами, которые осуществляют контроль за их выполнением.

Пристатейный библиографический список

1. Абашидзе А. Х. Договорные органы по правам человека: учебное пособие. – М: РУДН, 2012.
2. Законность угрозы ядерным оружием или его применения, консультативное заключение от 8 июля 1996 года, Правовые последствия, пункт 106 // I.C.J. Reports. – 1996.
3. Правовые последствия строительства стены на оккупированной палестинской территории, консультативное заключение от 9 июля 2004 года // I.C.J. Reports. – 2004.
4. Солнцев А., Конева А. Юридический статус актов договорных органов по правам человека в национальных правовых системах // Международное правосудие. – 2013. – №4 (8).
5. Центр новостей ООН. В ООН приветствовали принятые Палестиной обязательства по международным договорам в области прав человека [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.un.org/russian/news/story.asp?NewsID=21586#.U6l7o_1_t11
6. Case concerning Armed Activities on the Territory of the Congo (Democratic Republic of the Congo v. Uganda), Judgment of 19 December 2005, I.C.J. Reports 2005.
7. Israel-Palestinian Peace Process: Declaration of Principles On Interim Self-Government Arrangements («Oslo Accords») (13.09.1993) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.jewishvirtuallibrary.org/jsource/Peace/dop.html

18 http://www.un.org/russian/news/story.asp?NewsID=21403#.U6lhK_1_t10

19 Венская конвенция о дипломатических сношениях (1961 г.), Венская конвенция о консульских сношениях (1963 г.), Конвенция о правах ребенка (1999 г.), Факультативный протокол к Конвенции о правах ребенка, касающийся участия детей в вооруженных конфликтах (2000 г.), Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин (1979 г.), Конвенция о правах инвалидов (2006 г.), Венская конвенция о праве международных договоров (1969 г.), Международная конвенция о ликвидации всех форм расовой дискриминации (1966 г.), Конвенция против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания (1984 г.), Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции (2003 г.), Конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказании за него (1948 г.), Международная конвенция о пресечении преступления апартеида и наказании за него (1973 г.), Международный пакт о гражданских и политических правах (1966 г.), Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах (1966 г.), I, II, III и IV Женевские конвенции, касающиеся защиты жертв международных вооруженных конфликтов (1949 г.), Дополнительный протокол I к Женевским конвенциям (1977 г.) и Гаагская конвенция (IV) о законах и обычаях сухопутной войны и приложение к ней: Правила в отношении законов и обычаев наземной войны (1907 г.).

20 United Nations High Commissioner for Human Rights. Regular press briefing by the information service. OHCHR Palestine. 2 May 2014 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://unispal.un.org/UNISPAL.NSF/0/D9DDFE6EBE6E5D6985257CCF004DAE76>

21 Центр новостей ООН. В ООН приветствовали принятые Палестиной обязательства по международным договорам в области прав человека. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.un.org/russian/news/story.asp?NewsID=21586#.U6l7o_1_t11

Джапаридзе Ушанги

СТАТУС ИЕРУСАЛИМА В КОНТЕКСТЕ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОГО СТАТУСА ГОСУДАРСТВА ПАЛЕСТИНА

Статья посвящена проблеме статуса города Иерусалима в контексте международно-правового статуса государства Палестина. Особое внимание уделено международно-правовому статусу Иерусалима и причинам, по которым затягивается процесс признания Палестины как независимого государства. Также автор уделяет внимание проблеме членства Палестины в Организации Объединённых Наций. В результате анализа всех имеющихся фактов автор предлагает свои методы решения этой проблемы.

Ключевые слова: палестино-израильские переговоры, обеспечение безопасности, мировое сообщество, ЮНЕСКО, Организация освобождения Палестины, постоянные члены Совета Безопасности ООН, Генеральная Ассамблея ООН, Резолюция ООН.

Japaridze Ushangi

THE STATUS OF JERUSALEM IN THE CONTEXT OF THE INTERNATIONAL LEGAL STATUS OF THE STATE OF PALESTINE

The article deals with the status of Jerusalem in the context of the international legal status of the State of Palestine. Particular attention is paid to international legal status of Jerusalem and the reasons that delayed the process of recognition of Palestine as an independent state. Also the author pays attention to the problem of Palestine's membership in the United Nations. As a result of analysis of all the available facts, the author offers his methods of solving this problem.

Keywords: Israeli-Palestinian negotiations, security, the international community, UNESCO, the Palestine Liberation Organization, permanent members of the UN Security Council, the UN General Assembly, UN Resolution.

«Всё возможно отнять у народа, но единственное, что невозможно отнять, – это чувство свободы и независимости, великое чувство борьбы за независимость».

Независимость – это непередаваемые словами ощущения и эмоции народа, который осуществляет за нее борьбу, т. е. борется за создание суверенного, независимого государства. Любой народ в мире имеет право на самоопределение и создание независимого государства, но главное – чтобы не были нарушены другие нормы и принципы международного права.

Международно-правовое признание – это формальный акт государства, который констатируется наступлением определённых юридических последствий в сфере международных отношений; признание государств происходит, когда государства устанавливают официальные или неофициальные контакты, постоянные или временные отношения друг с другом. Международно-правовое признание как институт международного права имеет свою особенность и специфику, как юридические, так и политические предпосылки, которые хорошо видны на примере обсуждения на международном уровне статуса города Иерусалима и на примере создания государства Палестина.

В последнее время в мировом сообществе активно обсуждается вопрос о палестинской автономии, в особенности о её международном статусе, так как резолюция 181(II) ГА ООН предусматривала прекращение британского мандата к 1 августа 1948 г. и рекомендовала на данной территории создание двух независимых государств: еврейского и арабского.

Провозглашение государства Палестина состоялось в Алжире на сессии Палестинского национального совета (Парламент Палестины в изгнании 1988 г.) – высшего совещательного органа Организации освобождения Палестины (ООП).

15 декабря 1988 г. ГА ООН в своих резолюциях 43/176 и 43/177 подтвердила резолюцию 181(II) от 1947 г. о разделе Палестины на два независимых государства. Резолюция 242 Совбеза ООН 1967 г. подтвердила заявление Исполкома ООП от 13 декабря 1988 г. о провозглашении государства Палестина Национальным советом Палестины и постановила в буду-

Джапаридзе Ушанги

щем именовать делегацию ООП «делегацией Палестины» без ущерба для статуса наблюдателей и функций ООП в системе ООН¹.

Для полноправного членства в ООН Палестина как государство должно пройти процедуру одобрения своего международно-правового признания – набрать 213 голосов от 193 государств – членов ООН, а решение Генассамблеи принимается по рекомендации СБ ООН. Данная процедура предусматривает принятие Советом Безопасности специальной декларации, после чего та передаётся на рассмотрение Генеральной Ассамблеи, где принимается или отклоняется простым большинством голосом.

В 1989 г. такие страны, как Алжир, Индонезия, Мавритания, Нигерия и Сенегал, обратились в ЮНЕСКО с предложением о признании независимости и государственности Палестины в этой Организации. В то время ЮНЕСКО отказалась признать независимость Палестины и принять её своим полноправным членом².

Несмотря на неудачу, палестинский народ продолжал бороться за свою мечту о независимом государстве. Исходя из принципа самоопределения народов и резолюции ООН, не раз подтверждалось право палестинского народа на самоопределение и создание своего государства на палестинской земле, где еврейским сообществом уже создано государство под названием Израиль.

Несмотря на то, что многие государства не признали государственность Палестины, и на то, что она не является членом Организации Объединённых Наций, некоторые государства всё-таки признали её независимость и государственность. Государственное образование Палестина входит в такую организацию, как Лига арабских государств. Палестина не является членом ООН именно по той причине, что три члена Совета

1 Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН 43/176, 43/177 и резолюция Генеральной Ассамблеи ООН 181(II) 1947 г.

2 Гилберт М. Иерусалим. История города в XX веке / Пер. с англ. А. Глушаковой. – М., 2012. – С. 258–286.

Безопасности ООН и ряд государств пока воздерживаются признавать ее как государственное образование.

Все те государства, с которыми у Палестины налажены дипломатические или консульские связи или которые признали её независимость, исходят из резолюции 181(II), принятой ГА ООН, и признают её границы по состоянию на 1967г., т.е. до войны с Израилем.

Государства, которые не признают государственность Палестины, полагают, что рассмотрение международного статуса Палестины должно решаться лишь путем прямых переговоров между Израилем и Палестиной. На сегодняшний день Израиль юридически и фактически осуществляет контроль над большинством территорий Палестины, даже там, где официально власть осуществляет Палестина. При таком раскладе хорошо видно, что Западный берег реки Иордан и Восточный Иерусалим являются предметом продолжительного спора между конфликтующими сторонами.

Позиция Израиля по поводу государственности Палестины такова: государство Палестина не существует по следующим причинам: у Палестины отсутствует определённая территория и действующее эффективное правительство; палестинская национальная администрация не контролирует ни сектор Газа, ни Западный берег реки Иордан, 60% которой контролирует Израиль.

Остаётся неясным вопрос только о населении этого, так сказать, гипотетического государства, ведь руководство Палестины, выдвигая претензии об интересах всех палестинцев, в тоже время отказывается признавать права палестинских беженцев, в том числе отказывается признавать и защищать права палестинцев, которые живут в секторе Газа и на Западном берегу реки Иордан. Поэтому Израиль ставит под большое сомнение, что руководство Палестины будет признавать и защищать международные права и обычаи, соблюдая права человека, а также создаст мирную обстановку в регионе, что является одним из главных требований для того, чтобы Палестина стала полноправным членом ООН.

Несмотря на такую позицию Израиля, рано или поздно Палестину придётся признать как государство не только Израилю, но и большинству государств – членом ООН, а также государствам, которые входят в СБ ООН. Конфликтная ситуация на Ближнем Востоке не может продолжаться вечно, надо будет всё равно найти компромисс для решения этой сложной, но, на наш взгляд, разрешимой проблемы.

Несмотря на позицию Израиля по вопросу статуса Палестины, последние действия государств – членом ООН показывают, что всё идёт к признанию государства Палестина, однако переговорный процесс и урегулирование израильско-палестинского конфликта идут не так быстро, как этого хотел бы палестинский народ.

Сегодня, наблюдая спор между Израилем и Палестиной, нельзя не удивиться тому факту, что когда в 1947 г. ООН приняла резолюцию 181(II), палестинские арабы использовали все средства для того, чтобы эта резолюция не действовала, и бойкотировали этот план раздела Палестины на два государства, т.е. по этой резолюции как еврейское сообщество, так и палестинские арабы могли создать своё государство, а спорные вопросы должны были бы решаться под международным мандатом ООН. Но для палестинских арабов было принципиальным вопросом создать только одно – арабское государство, они, можно так выразиться, упустили момент создания своей государственности.

Амбициозная позиция и неуступчивость еврейскому обществу в процессе создания собственного государства обер-

нулись для палестинцев трагедией, из-за этого они сегодня платят слишком высокую цену, чтоб обрести независимость на своей земле. Если бы в 1947 г. они согласились вместе с еврейским сообществом создать государство, сегодня не было такой проблемы между двумя общинами.

Для ускорения и окончательного определения статуса Палестины считаем жизненно важным начать эффективный процесс переговоров между двумя конфликтующими общинами. На первом этапе считаем необходимым начать переговоры с помощью международных организаций, а в будущем – прямые переговоры между еврейским сообществом и палестинскими арабами.

Главное, о чём стороны должны договориться, – это безопасное передвижение и обеспечение безопасности в регионе.

Особенно важным считаем переговоры по поводу посещения святых мест. Любой человек независимо от национальности и вероисповедания должен иметь право безопасно передвигаться по святым местам в святом городе Иерусалиме.

Выступая на сессии Генеральной Ассамблеи ООН в сентябре 2010 г., президент США Барак Обама заявил, что если удастся разрешить арабо-израильский конфликт, тогда через года два Палестина может стать полноправным членом ООН.

Несмотря на это позитивное заявление, считаем его не очень конкретным и однозначным, ведь все понимают, что без разрешения арабо-израильского конфликта, а также без определения международного статуса города Иерусалима мир в регионе не воцарится никогда³.

В сентябре 2011 г. Палестина подала заявку на членство в ЮНЕСКО, а в конце октября стала ее полноправным членом. Палестина стала 195-м членом ЮНЕСКО, а сама ЮНЕСКО стала первой специализированной организацией ООН, которая приняла Палестину в свое членство. 107 государств проголосовали за, в том числе и Россия, 14 стран голосовали против, в том числе и США, а 52 государства воздержались, в том числе Великобритания⁴.

После того как Палестина стала полноправным членом ЮНЕСКО, США и Израиль отказались от финансирования ЮНЕСКО и выразили большую озабоченность в связи с ее решением. Позиция США и Израиля сводилась к тому, что, по их мнению, членство в ЮНЕСКО Палестины никак не сможет помочь урегулированию арабо-израильского конфликта, а наоборот – помешает.

Позиция Израиля ясна, он никак не хочет уступать Палестине какую-либо территорию, несмотря на решение ООН, которая приняла множество резолюций по этому поводу. Также Израиль не может допустить ещё один раздел Иерусалима, как это было во время мандата в Палестине, он слишком долго шёл к независимости и к самоопределению, чтобы отступить от этого и согласиться не только на независимость Палестины, но также и на раздел Иерусалима, который на сегодня является столицей государства Израиль.

Согласно резолюции ООН, принятой в 1947 г., на территории Палестины должно было быть образовано два независимых государства – еврейское и арабское, а что касается города Иерусалим, то город не должен был входить в состав ни одного из этих государств, а должен был иметь международный статус под мандатом наблюдателей ООН.

3 Выступление на 66 сессии ГА ООН Президента Соединённых Штатов Америки.

4 Решение 36 сессии ЮНЕСКО Генеральной конференции в Париже от 31 октября 2011 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://econo.com.ua/2011/10/palestina-prinyata-v-sostav-yunesko/>

Отношение стратегического партнёра Израиля – США – сводится к одной позиции: США не противопалестинской независимости, но при том условии, что переговорный процесс между Палестиной и Израилем должен быть завершён, а также должен быть утверждён статус Палестины, и самое важное – статус города Иерусалим, что является для двух общин принципиальным вопросом, в котором ни одна сторона не хочет уступать.

Размышляя над ситуацией на Ближнем Востоке, приходим к выводу, что без определения статуса города Иерусалима мир на Ближнем Востоке исключён, так как ни одна сторона конфликта не хочет уступать право на святой город, который обе стороны считают частью своей истории, культуры и, конечно же, религии.

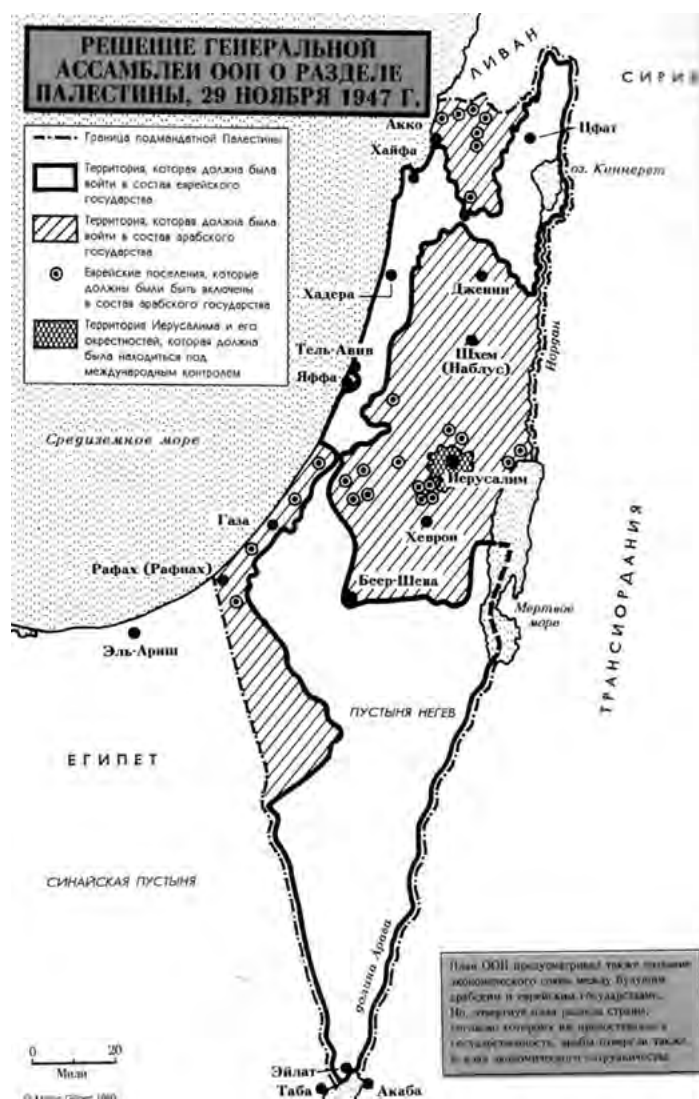
На сегодняшний день урегулирование этого спора кажется утопическим, так как Израиль никогда не откажется от города Иерусалим, ведь он уже является столицей Израиля, а с другой стороны, Палестина также на него претендует и тоже считает Иерусалим своей столицей, но фактически и юридически контроль над городом находится у государства Израиль. Несмотря на позицию международных организаций и многих государств мира и Европы, которые утверждают, что город Иерусалим оккупирован Израилем с 1967 г., принятые резолюции по этому вопросу и в целом мировое сообщество ничего не смогли поменять с ситуацией в регионе.

Считаем большим минусом палестинской стороны то, что она отказывается от планов урегулирования конфликта, который изначально предложила Великобритания, а затем ООН, ведь одна часть города находилась под контролем Израиля, а вторая под контролем палестинцев. Как тогда, так и сейчас палестинцы не могут смириться с присутствием этой территории ещё одного государства, помимо арабской Палестины.

Не так давно, 29 ноября 2012 г., Организация Объединённых Наций сделала ещё один шаг к выполнению резолюции 181(II) 1947 г. На заседании ООН открытым голосованием было принято решение присвоить Палестине статус государства – наблюдателя в ООН. Конечно, ликвидацию палестинцев не было предела, это можно сравнить с получением независимости Израиля 14 мая 1948 г.⁵, когда все еврейское сообщество радовалось приобретению государственной независимости. Но остаётся вопрос: получила ли Палестина то, что она хотела на самом деле? По фактам и действиям, видимо, да, но считаем неправильной позицию, согласно которой статус Палестины как государства-наблюдателя может ускорить урегулирование конфликта⁶.

Если в ближайший год государства, которые входят в Совет Безопасности ООН, признают независимость Палестины, всё равно этим все проблемы не исчерпаются, ведь в документе можно написать всё, что угодно, но по факту может быть по-другому. На сегодня же контроль над территорией, на которую имеют претензии палестинские арабы, фактически осуществляет Израиль. Пока на Ближнем Востоке не будет договорённостей между евреями и арабами по поводу определения статуса города Иерусалима и другим спорным территориям, этот конфликт и неопределённость статуса Палестины будет висеть на волоске и обсуждаться на международном уровне.

До принятия решения ГА ООН о присуждении Палестине статуса государства-наблюдателя таким статусом в ООН пользовался Ватикан. Самое главное, что присвоение этого статуса даёт возможность государству вступать в международные организации, которые находятся по эгидой ООН. Среди них можно выделить Международный уголовный суд (МУС).

7

В Международном уголовном суде Палестина может подать исковую жалобу против Израиля, обвинить в военных преступлениях израильскую сторону и потребовать компенсацию за них. Но как заявили палестинские дипломаты, они пока не собираются подавать иск против Израиля, они отметили, что эта небольшая победа палестинского народа ускорит переговорный процесс и урегулирование ближневосточной проблемы.

Генеральная Ассамблея ООН выразила надежду, что Совет Безопасности ООН с пониманием отнесётся к принятому решению и рассмотрит заявление государства Палестина от 23 сентября 2011 г. о его приёме в полноправные члены этой организации. Генассамблея, конечно же, в очередной раз подтверждает право палестинского народа на самоопределение и независимость, т.е. создание своего независимого государства на палестинской территории, которая оккупирована с 1967 г., и подтверждает оккупацию Израилем части Иерусалима, которая находилась до войны под контролем Палестины, несмотря на то, что резолюция ГА ООН, принятая в 1947 г., не допускала правомерность вхождения города Иерусалима в состав одного из двух государств.

Израильская сторона не уверена, что принятые решения сыграют в пользу урегулирования ближневосточного кон-

5 Акт независимости государства Израиль от 14 мая 1948 г.

6 Резолюция ООН 181(II) от 29 ноября 1947 г.

7 Решение Генеральной Ассамблеи ООН от 29 ноября 1947 г. о разделе Палестины.

фликта. Еврейское сообщество сомневается в этом и утверждает, что такое решение наоборот накалит ситуацию и помещает переговоры между ними и палестинской стороной.

Дипломаты США также уверены в том, что для обретения независимости палестинской стороне необходимо вначале добиться согласия на переговорах с израильской стороной об урегулировании спорных вопросов о территориях, а последовать о полноправном членстве в ООН и в других международных организациях. США назвали решение ГА ООН контрпродуктивной и поспешной мерой. Против признания также голосовали Канада, Чехия, Панама и ряд стран-островов, в свою очередь Россия проголосовала за принятие резолюции.

Удивляет одно: неужели те государства, которые раньше принимали резолюцию 181(II), просто так голосовали за принятие этого документа? Ведь никто эту резолюцию не отменял, чтобы голосовать против независимости Палестины! Пусть задумаются над тем, почему принимали резолюцию 1947 г. и почему препятствуют сегодня, в XXI в., независимости Палестины. Хочется верить, что это не политические игры, ведь сколько уже времени народ Палестины ждёт независимости. Самое интересное, никто не спорит о праве на самоопределение и обретение независимости. Однако время идёт, а конфликт никак не разрешается.

Все понимают, что проблема с Израилем большая, но, по нашему мнению, если бы Палестине предоставили независимость раньше, то этот конфликт был бы если не урегулирован полностью, то, по крайней мере, было бы больше шансов на урегулирование, ведь равноправие даже в процессе переговоров имеет большое значение. Чем раньше международное сообщество признает независимость Палестины, тем быстрее будет идти переговорный процесс, главное – не препятствовать переговорному процессу и не обвинять друг друга в преступлениях, а найти общий ключ решения этого сложного конфликта.

В заключение можно сказать, что предугадать будущее международно-правового статуса Палестины очень сложно, как неясно и будущее урегулирования ближневосточного конфликта между арабами и евреями; судьба государственности Палестины в руках обеих сторон, которые находятся в конфликтной ситуации. Этот конфликт уже долгое время показывает, что вся его неопределённость связана с невозможностью разрешения только резолюциями и документами, принимаемыми Организацией Объединённых Наций. Продвигается ли урегулирование конфликта после признания Палестины государством – наблюдателем ООН? Это покажет время и события, которые будут развиваться в этом конфликтном регионе. На данном этапе переговоров, к сожалению, ни одна сторона не готова уступать и идти на компромиссы.

Как уже было сказано, пока не будет договорённости между конфликтующими сторонами о статусе города Иерусалима и соседних городов, урегулировать и окончательно определить будущее международно-правового статуса государства Палестина будет очень нелегко.

Точкой соприкосновения для обеих сторон всё равно является город Иерусалим, ведь как арабы, так и евреи считают этот святой город наследием своей культуры, истории, традиции и, конечно же, наследием своей же государственности. Как видим, всё равно весь конфликт сводится к святому городу Иерусалиму. Неопределённость сторон и затянувшийся переговорный процесс по поводу статуса города Иерусалима делает невозможным урегулирование этого конфликта, который уже десятилетиями продолжается между арабами и евреями на Ближнем Востоке.

Статус государственности Палестины должен определяться резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН 1947 г. 181(II), которую пока никто не отменял. Самым же приемлемым решением проблемы определения будущего статуса Иерусалима и Палестины считаем следующие предложения из резолюции 1947 г.:

- на территории Палестины должно существовать два государства, помимо Израиля (еврейского) должно существовать Государство Палестина (арабское);
- в городе Иерусалиме должен быть международный мандат под эгидой ООН;
- все безисключения должны иметь право на святые места;
- по истечении 10-летнего срока должен состояться референдум о будущем статусе города Иерусалима.

В случае если обе стороны будут против международного мандата в городе Иерусалим, считаем нужным, чтоб Иерусалим стал столицей двух государств, еврейского и арабского, без какого-либо международного мандата.

Восточная сторона Города должна стать столицей государства арабской Палестины, западная часть города – столицей Израиля. При этом любой человек должен иметь право на посещение святых мест в городе без каких-либо препятствий. Если удастся договориться о статусе Иерусалима, то будущее статуса Государства Палестина будет решено автоматически.

Нам хотелось бы надеяться, что принятие Палестины государством-наблюдателем в Организацию Объединённых Наций позитивно повлияет на урегулирование ближневосточного конфликта, и в итоге обе стороны придут к согласию касательно международно-правового статуса города Иерусалим, после чего будет легче признать международно-правовой статус Палестины и будут все основания, чтобы Палестина стала полноправным членом ООН.

Несмотря на наш оптимизм извзгляды относительно решения этой проблемы, вопрос о международно-правовом статусе Палестины и города Иерусалима остаётся открытым и актуальным, ведь ни Израиль, ни палестинские арабы не хотят уступить. А международное сообщество должно понимать, что этот конфликт не должен оставаться вечным конфликтом, пора действовать и принимать реальные решения для того, чтобы его урегулировать. Хочется верить и надеяться, что на Ближнем Востоке наконец-то воцарится мир, и как этот конфликт, так и другие нерешённые конфликты получают свое решение.

Пристатейный библиографический список

1. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН 43/176, 43/177 и Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН 181(II), 1947 г.
2. Гилберт М. Иерусалим. История города в XX веке / Пер. с англ. А. Глушаковой. – М., 2012.
3. Выступление на 66 сессии ГА ООН Президента Соединённых Штатов Америки.
4. Решение 36 сессии ЮНЕСКО Генеральной конференции в Париже от 31 октября 2011 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://econo.com.ua/2011/10/palestina-prinyata-v-sostav-yunesko/>
5. Акт независимости государства Израиль от 14 мая 1948 г.
6. Резолюция ООН 181(II) от 29 ноября 1947 г.
7. Решение Генеральной Ассамблеи ООН от 29 ноября 1947 г. о разделе Палестины

Хорхе Луис Перес Альваро

ВЛИЯНИЕ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫХ СТАНДАРТОВ НА ЗАЩИТУ ПРАВ ИНВАЛИДОВ В ДОМИНИКАНСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ

В статье анализируются международно-правовые основы защиты прав инвалидов. Делается акцент на процессе имплементации положений Конвенции по правам инвалидов в национальное законодательство Доминиканской Республики.

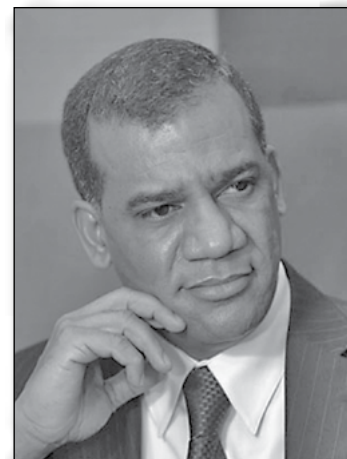
Ключевые слова: международное право, права человека, права инвалидов, Конвенция ООН по правам человека, имплементация, Доминиканская Республика.

Jorge Luis Perez Alvarado

THE INFLUENCE OF INTERNATIONAL LEGAL STANDARDS ON THE PROTECTION OF PEOPLE WITH DISABILITIES IN THE DOMINICAN REPUBLIC

The article analyzes the international legal framework for the protection of the rights of persons with disabilities. It focuses on the process of implementing the provisions of the UN Convention on the Rights of Persons with Disabilities in the national legislation and policy of the Dominican Republic.

Keywords: international law, human rights, Rights of Persons with Disabilities, UN Convention on the Rights of Persons with Disabilities, implementation, Dominican Republic.

Хорхе Луис Перес Альваро

Более 650 млн человек во всем мире, или 10% населения Земли, являются инвалидами¹. Эта цифра с каждым годом растет как из-за увеличения числа и старения населения, распространения инфекционных заболеваний и низкого уровня оказания медицинской помощи, так и по причине стихийных бедствий и техногенных катастроф, вооруженных конфликтов, транспортных аварий. Инвалиды относятся к уязвимым группам населения. Так, по данным Всемирного банка, 20% самого бедного населения в мире составляют люди с инвалидностью²; примерно 90% детей-инвалидов в развивающихся странах не посещают школу; уровень смертности среди них достигает 60% даже в тех странах, где общий уровень смертности детей в возрасте до пяти лет снизился до 20%³.

Не случайно на Саммите тысячелетия ООН, проходившем в сентябре 2000 г., главы государств и правительств подтвердили намерение тесно сотрудничать в деле искоренения крайней бедности и голода. Дело в том, что более 50% случаев наступления инвалидности можно предотвратить, поскольку они связаны с бедностью населения⁴.

Решение о разработке всеобъемлющего международно-правового акта, посвященного защите прав инвалидов, было вызвано тем, что, несмотря на теоретическое закрепление за ними всех прав человека, на практике инвалиды оказываются лишены многих основных прав человека (например, права на свободу передвижения, получение образования, права на труд и т.д.)⁵. Фактическое исключение людей с инвалидностью из полноценной жизни и поддержание их зависимости от различных социальных выплат являются весьма дорогой практикой как для членов их семей, так и для государства в целом. Поэтому предоставление инвалидам возможности в макси-

мальной степени реализовывать свои права и вносить вклад в развитие общества является не только моральным императивом, но оправданно и с экономической точки зрения⁶.

Конвенция ООН о правах инвалидов и Факультативный протокол к ней были приняты в 2006 г. и вступили в силу 3 мая 2008 года. В контексте исследования правозащитной системы Доминиканской Республики символично напомнить, что инициатива создания Конвенции о правах инвалидов исходила именно от Латинской Америки: в 2001 г. Правительство Мексики предложило Генеральной Ассамблее ООН создать специальный комитет для рассмотрения предложений о создании универсального международного договора по правам инвалидов.

Одним из приоритетов в реализации внутренней политики Доминиканской Республики является забота об инвалидах. Защита прав этой категории населения предусматривается положениями Конституции Доминиканской Республики 2010 г.⁷, Органического закона № 5-13 «О равенстве прав инвалидов»⁸, Закона № 42-2000 «Об инвалидности»⁹ и Закона № 87-01 «О социальном обеспечении»¹⁰.

Принятие этих актов способствовало присоединению 18 августа 2009 г. Доминиканской Республики к Конвенции о правах инвалидов и Дополнительному протоколу к ней¹¹. После

1 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.who.int/topics/millennium_development_goals/en/.

2 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.worldbank.org/mdgs/>.

3 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.dislife.ru/flow/theme/207/>.

4 См.: Абашидзе А.Х., Конева А.Е. Состояние нищеты – нарушение прав и свобод человека // Вестник Российского университета дружбы народов. – 2011. – № 4.

5 Киселева Е.В. Права инвалидов // Международное гуманитарное право / Под ред. А.Я. Капустина. – М: Высшее образование. Юрайт-Издат, 2009. – С. 145-159.

6 Ильинская О.И. Международно-правовые аспекты защиты инвалидов // Журнал российского права. – 2013. – № 10. – С. 97 - 106.

7 Constitution De La Republica Dominicana Dominican Republic Constitution 2010 // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://pdba.georgetown.edu/Constitutions/DomRep/vigente.html> (дата посещения 25.05.2014 г.)

8 Ley Orgánica sobre la igualdad de derechos de las Personas con Discapacidad (5-13) // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://larediberoamericana.org.do/index.php/biblioteca/item/232-lei-org%C3%A1nica-sobre-la-igualdad-de-derechos-de-las-personas-con-discapacidad-5-13> (дата посещения 25.05.2014 г.)

9 Ley 42-2000 Sobre La Discapacidad en República Dominicana // Gaceta Oficial No. 1049 del 30 de Junio del 2000. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.senado.gov.do/masterlex/MLX/docs/1C/2/12/20/207/298F.htm> (дата посещения 25.05.2014 г.)

10 Ley No. 87-01 que crea El Sistema Dominicano de Seguridad Social Promulgada el 9 de Mayo del 2001 // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.unicef.org/republicadominicana/ley_87-01_crea_Sistema_Dom_Seguridad_Social.pdf (дата посещения 25.05.2014 г.)

11 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://webcache.googleusercontent.com/search?q=cache:CCVj1lx2EHYJ:https://treaties>

ратификации Доминиканская Республика в 2010 г. включила в свою новую Конституцию специальное положение – статью 58, озаглавленную «Защита лиц с любой формой инвалидности», где зафиксировано намерение государства уделять особое внимание инвалидам в целях поощрения и защиты их прав человека и основных свобод на равных условиях.

Более того, Доминиканская Республика приняла решение полностью пересмотреть Закон № 42-00 «Об инвалидности» от 30 июня 2000 года с учетом положений Конвенции о правах инвалидов. В Законе в качестве обязательного и безоговорочного условия зафиксированы принципы уважения достоинства каждого человека, недискриминации, равенства и равноправия. Закон «Об инвалидности» также усилил потенциал Национального совета по делам инвалидов (НСДИ) – руководящего органа, отвечающего за претворение в жизнь государственной политики в области инвалидности. Этот Совет обладает правом создания региональных и местных отделений для децентрализации и расширения охвата его деятельности.

Ключевые положения закона «Об инвалидности» включают в себя: а) создание единого реестра оценки и аттестации инвалидности для получения точных данных о количестве инвалидов и возможности разработки политики, направленной на всестороннее развитие лиц с ограниченными возможностями здоровья; б) создание национального департамента здравоохранения, по линии которого государственные и частные центры должны оказывать своевременную и качественную помощь на условиях эффективного и равного доступа к диагностике, лечению, реабилитации, лекарственным препаратам и вспомогательному оборудованию; в) учреждение департамента по вопросам интеграции на рынке труда и профессиональной подготовки для предоставления инвалидам доступа к трудоустройству на обычном рынке труда и программам защищенной занятости; г) учреждение Специального фонда для инвалидов для содействия предоставлению кредитов и стипендий на обучение, приобретению вспомогательного оборудования и ассистивных устройств в числе прочих аспектов, повышающих личную производительность; д) обеспечение требований доступности для инвалидов при строительстве зданий, парковок и установке общественных телефонных автоматов; е) создание специального юридического департамента, который будет назначать законных представителей и судебных переводчиков для инвалидов.

В Органическом законе № 5-13 «О равенстве прав инвалидов» нашло отражение необходимость расширения участия и возможностей инвалидов и соблюдения их прав, но при этом для его применения требуется проведение более целенаправленных мер, как-то регламентирование этих вопросов и обеспечение надлежащего соблюдения его положений, в том числе путем введения соответствующих наказаний за нарушения.

Доминиканская Республика активно участвует в региональном правозащитном сотрудничестве в рамках Организации американских государств¹². Так, в 2002 г. она ратифицировала Межамериканскую конвенцию об искоренении всех

форм дискриминации в отношении инвалидов 1999 г.¹³. На основании этой конвенции учрежден договорной орган – Комитет по искоренению всех форм дискриминации в отношении инвалидов, первая сессия которого прошла в г. Панаме с 28.02 по 1.03.2007 г.¹⁴ В соответствии с Конвенцией Комитет должен быть форумом для оценки прогресса, достигнутого в области применения Конвенции и для обмена опытом между государствами-членами. Доклады, подготовленные Комитетом, должны отражать обсуждения государств-членов, должны включать информацию о любых мерах, принятых государствами-членами в соответствии с Конвенцией, о любом прогрессе, который они внесли в ликвидацию всех форм дискриминации в отношении лиц с ограниченными возможностями, а также показывать трудности с которыми государства-члены столкнулись в ходе осуществления Конвенции.

В 2006 г. Доминиканская Республика подписала Декларацию об американском десятилетии в защиту прав и достоинства инвалидов (на 2006–2016 годы)¹⁵, принятую под лозунгом «Равенство, достоинство и участие», а также утвержденную в Панаме Программу действий для американского десятилетия в защиту прав и достоинства инвалидов (на 2006–2016 годы)¹⁶. Этот план призван содействовать обеспечению полного осуществления инвалидами своих прав на равных условиях, гарантировать их экономическую независимость, искоренить любые формы дискриминации, препятствующие их развитию и интеграции в общество, а также гарантировать участие инвалидов и их организаций, а также учреждений, отстаивающих их интересы, в принятии решений, связанных с разработкой и проведением государственной политики.

В соответствии со своими международными обязательствами и с учетом доли проживающих в стране инвалидов, число которых, по данным переписи 2010 года, достигло 1 160 847 человек (12,3% от общей численности населения), правительство Доминиканской Республики предусмотрело ряд программ, планов и мер для обеспечения интеграции и полного участия этой категории лиц в жизни общества; в их числе следует отметить:

- подписание в июне 2013 года Межведомственного соглашения между Управлением государственных закупок и Национальным советом по делам инвалидов (НСДИ), в соответствии с которым оба учреждения обязуются принимать меры для обеспечения соблюдения национальных и международных стандартов повсеместного доступа инвалидов при заключении финансируемых за счет государственных средств контрактов на предоставление товаров и услуг и ведение общественных работ;

13 Inter-American Convention on the Elimination of All Forms of Discrimination against Persons with Disabilities (Guatemala City, June 7, 1999) // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.oas.org/juridico/english/treaties/a-65.html>.

14 Официальный сайт Комитета: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.oas.org/dil/persons_with_disabilities_the_committee.htm.

15 Declaration On The Decade Of The Americas For The Rights And Dignity Of Persons With Disabilities (2006-2016) // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.oas.org/dil/AG-DEC_50_XXXVI-O-06_eng.pdf (дата посещения 25.05.2014 г.).

16 PROGRAM OF ACTION FOR THE DECADE OF THE AMERICAS FOR THE RIGHTS AND DIGNITY OF PERSONS WITH DISABILITIES (2006-2016) // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.oas.org/dil/AG-RES_2230_XXXVI-O-06_eng.pdf (дата посещения 25.05.2014 г.).

(Adopted at the fourth plenary session, held on June 6, 2006)

un.org/pages/ViewDetails.aspx%3Fsrc%3D3DTREATY%26mtdsg_no%3D44-15-a%26chapter%3D4%26lang%3Den%26cd=2&hl=ru&ct=clnk&gl=ru

12 Абашидзе А.Х., Солнцев А.М., Дерендяева Э.Б., Музалева О.С. Межамериканская система защиты прав человека // Региональные системы защиты прав человека: учеб. пособие / Отв. ред. А.Х. Абашидзе. – М.: РУДН, 2012. – С. 276-337.

• подписание 7 марта 2013 года Соглашения о сотрудничестве в интересах инвалидов между НСДИ и Ибероамериканской сетью учреждений;

• пешие марши в различных муниципалитетах страны, организуемые НСДИ в 2013 году по случаю празднования 200 лет со дня рождения отца Отечества Хуана Пабло Дуарте в целях поощрения социальной интеграции инвалидов и повышения осведомленности общества о положении этой группы населения.

С учетом особого положения многих детей-инвалидов по инициативе Канцелярии супруги Президента Республики был учрежден Центр комплексной помощи для инвалидов для обеспечения возможностей для их лечения и реабилитации.

Помимо этого, под эгидой Департамента заместителя министра по вопросам малого и среднего предпринимательства Министерства промышленности и торговли, Национального совета по повышению конкурентоспособности и Национального совета по делам инвалидов в начале 2013 года в рамках Программы развития было проведено более 30 семинаров по вопросам предпринимательства для инвалидов, направленных на развитие у них профессиональных навыков, необходимых для выхода на национальный рынок труда. Семинары проводились в различных муниципалитетах страны, и в каждом из них приняли участие 35 инвалидов.

С одной стороны, много делается для защиты прав инвалидов в Доминиканской Республике. Вместе с тем следует обратить особое внимание на социально-экономическую изоляцию и дискриминацию, с которыми сталкиваются инвалиды, на то обстоятельство, что допускаемые в их отношении нарушения остаются незамеченными, на исключение их из систем образования и здравоохранения, на отсутствие возможностей трудоустройства, на необеспечение доступа к правосудию и на отсутствие статистических показателей и данных; при этом государственный подход к решению проблемы направлен, скорее, на предоставление ограниченной социальной помощи или поддержку частной благотворительности и не опирается на уважение прав человека, что ведет к еще большей несправедливости и неравенству.

Несмотря на предпринимаемые усилия, обеспокоенность вызывает положение инвалидов, которые до сих пор не включены в число уязвимых групп в контексте обсуждаемой в Организации Объединенных Наций проблематики ВИЧ/СПИДа, при этом данная мера представляется необходимой для расширения международного сотрудничества в борьбе с этим злом в интересах больных и инфицированных лиц.

Следует тщательно изучить положение инвалидов, разработать план действий и создать независимый национальный орган по вопросам применения Конвенции о правах инвалидов, а также принять национальный план обеспечения доступности. Что касается пенитенциарной системы, то следует обратить внимание на крайне высокий уровень переполненности тюрем, достигший 600%, антисанитарные условия и отсутствие надлежащих условий для инвалидов.

В рамках международных усилий надо отметить, важную роль помощи, оказанной международным сообществом доминиканскому правительству в деле осуществления различных проектов и планов, способствовавших принятию мер и проведению государственной политики в целях обеспечения прав инвалидов. Эта международная деятельность ведется, несмотря на существующие в стране финансовые

ограничения, обусловленные непростыми обстоятельствами в ее прошлом, по вине которых образовался дефицит, вынудивший правительство ввести действующие по сей день меры строгой экономии для преодоления экономического кризиса. В этом отношении предполагается, что большую роль сыграет процедура отчетности в договорном органе по правам человека¹⁷ – Комитете по правам инвалидов. Доминиканская Республика представит свой доклад¹⁸ на сессии в октябре 2014 г. и затем получит рекомендации от экспертов, которые помогут ей укрепить нормативно и институционально защиту прав инвалидов¹⁹.

На основе анализа становится очевидным, что необходимо принять следующие меры для укрепления защиты прав инвалидов в Доминиканской Республике: координация межведомственных усилий по повышению результативности государственных программ помощи инвалидам; выделение экономических ресурсов для реализации политики, планов и программ в области инвалидности; продолжать содействовать принятию законодательных, административных, социальных, образовательных, профессиональных мер по обеспечению ликвидации всех препятствий на пути интеграции лиц с ограниченными возможностями в общество; способствовать эффективному включению инвалидов в качестве приоритетной группы в программы социальной защиты Доминиканской Республики в целях сокращения разрыва в возможностях; содействие активному участию инвалидов в процессе принятия решений, а также их доступа к технологиям для того, чтобы обеспечить равные возможности для них; активизировать взаимодействие с академическими организациями для преподавания и подготовки людских ресурсов в медицинской помощи лицам с ограниченными возможностями; продолжить реализацию программ по распространению национальных и международно-правовых норм, касающихся поощрения прав инвалидов; укреплять и расширять услуги государственной реабилитации инвалидов; создание национальной статистической базы данных об инвалидности для того, чтобы информация, касающаяся инвалидности и прав человека была легко доступна для всех учреждений и общества в целом; укрепление региональных отношений и взаимодействие с организациями и учреждениями в других странах, которые, благодаря своему опыту, которые в состоянии помочь с инициативами в Доминиканской Республике в области инвалидности.

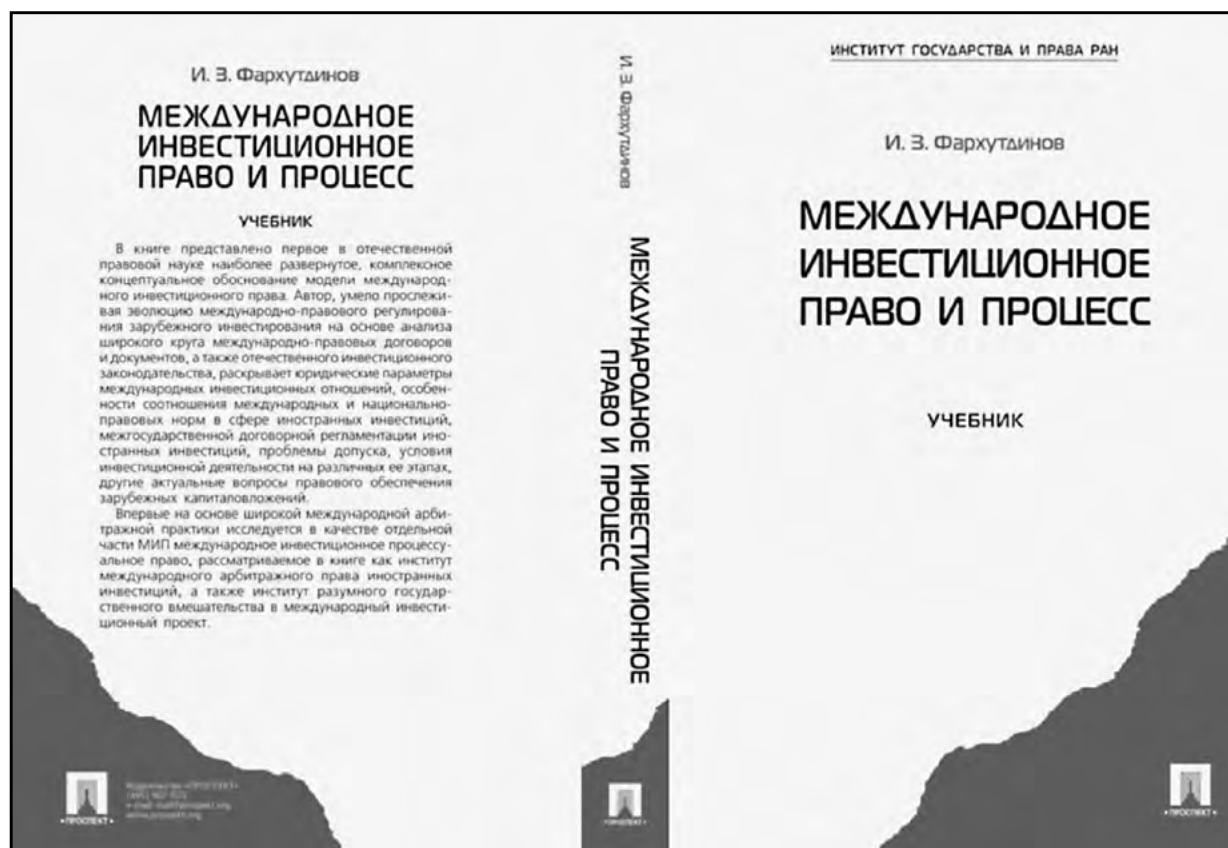
17 Абашидзе А.Х. Договорные органы по правам человека: учебное пособие. – М: РУДН, 2012.

18 Док. ООН CRPD/C/DOM/1 от 4.07.2013 г. «Initial reports submitted by States parties in accordance with article 35 of the Convention. Dominican Republic».

19 Солнцев А., Конева А. Юридический статус актов договорных органов по правам человека в национальных правовых системах // Международное правосудие. – 2013. – №4 (8). – С. 82–93.

Пристатейный библиографический список

1. Абашидзе А.Х. Договорные органы по правам человека: учебное пособие. – М.: РУДН, 2012.
2. Абашидзе А.Х., Конева А.Е. Состояние нищеты – нарушение прав и свобод человека // Вестник Российского университета дружбы народов. – 2011. – № 4.
3. Абашидзе А.Х., Солнцев А.М., Дерендяева Э.Б., Музалева О.С. Межамериканская система защиты прав человека // Региональные системы защиты прав человека: учеб. Пособие / Отв. ред. А.Х. Абашидзе. – М.: РУДН, 2012.
4. Док. ООН CRPD/C/DOM/1 от 4.07.2013 г. «Initial reports submitted by States parties in accordance with article 35 of the Convention. Dominican Republic».
5. Ильинская О.И. Международно-правовые аспекты защиты инвалидов // Журнал российского права. – 2013. – № 10.
6. Киселева Е.В. Права инвалидов // Международное гуманитарное право / Под ред. А.Я. Капустина. – М.: Высшее образование. – Юрайт-Издат, 2009.
7. Солнцев А., Конева А. Юридический статус актов договорных органов по правам человека в национальных правовых системах // Международное правосудие. – 2013. – №4 (8).
8. Constitucion De La Republica Dominicana Dominican Republic Constitution 2010 // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://pdba.georgetown.edu/Constitutions/DomRep/vigente.html> (дата посещения 25.05.2014 г.)
9. Declaration On The Decade Of The Americas For The Rights And Dignity Of Persons With Disabilities (2006-2016) // https://www.oas.org/dil/AG-DEC_50_XXXVI-O-06_eng.pdf
10. Ley 42-2000 Sobre La Discapacidad en República Dominicana // Gaceta Oficial No. 1049 del 30 de Junio del 2000. // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.senado.gov.do/masterlex/MLX/docs/1C/2/12/20/207/298F.htm> (дата посещения 25.05.2014 г.).
11. Ley No. 87-01 que crea El Sistema Dominicano de Seguridad Social Promulgada el 9 de Mayo del 2001 // http://www.unicef.org/republicadominicana/ley_87-01_crea_Sistema_DOM_Seguridad_Social.pdf (дата посещения 25.05.2014 г.).
12. Ley Orgánica sobre la igualdad de derechos de las Personas con Discapacidad (5-13) // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://larediberoamericana.org.do/index.php/biblioteca/item/232-ley-org%C3%A1nica-sobre-la-igualdad-de-derechos-de-las-personas-con-discapacidad-5-13> (дата посещения 25.05.2014 г.)
13. Program of Action For The Decade of The Americas For The Rights And Dignity Of Persons With Disabilities (2006-2016) // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.oas.org/dil/AG-RES_2230_XXXVI-O-06_eng.pdf (дата посещения 25.05.2014 г.).

Черных И. А.

АРБИТРАЖ КАК СРЕДСТВО МИРНОГО РАЗРЕШЕНИЯ СПОРОВ В ОБЛАСТИ КОСМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В статье освещаются основные преимущества и недостатки разрешения споров в области космической деятельности в рамках арбитража. Анализируются основные международные документы, закрепляющие процедуру арбитражного разбирательства и акторы, применяющие ее.

Ключевые слова: международное космическое право, арбитраж, Постоянная палата третейского суда, ЮНСИТРАЛ, Факультативные правила.

Chernykh I. A.

ARBITRATION AS A MEANS OF PEACEFUL SETTLEMENT OF DISPUTES IN OUTER SPACE ACTIVITIES

The article highlights advantages and disadvantages of the arbitrable dispute settlement in international space law. Hereby are analysed basic international arbitration documents and actors, which are applying it.

Keywords: international space law, arbitration, Permanent Court of Arbitration, UNCITRAL, Optional Rules, new actors of international space law.

Черных И. А.

4 октября 1957 г. СССР был запущен первый в мире искусственный спутник Земли. Именно это событие и положило начало эпохе исследования космического пространства. Однако правовая база по регулированию новой сферы деятельности человека формировалась постепенно, и только к 80-м годам XX в. сложилась новая отрасль международного права – международное космическое право. К этому времени были приняты основные договорные источники – пять международных договоров ООН по космосу, к которым относятся Договор о принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства, включая Луну и другие небесные тела 1967 г., Соглашение о спасании космонавтов, возвращении космонавтов и возвращении объектов, запущенных в космическое пространство 1968 г., Конвенция о международной ответственности за ущерб, причиненный космическими объектами 1972 г., Конвенция о регистрации объектов, запускаемых в космическое пространство 1974 г. и Соглашение о деятельности государств на Луне и других небесных телах 1979 г. Безусловно, на этом развитие международного космического права не закончилось. Такие передовые космические державы, как Российская Федерация¹, США, Китай постоянно ведут разработку новых космических программ, вносят инициативные предложения по научно-исследовательской работе, выдвигают новые проекты документов на международных форумах.

Конец XX – начало XXI в. были связаны с многочисленными изменениями в мировой космонавтике: происходит рас-

пад СССР, начинается коммерциализация космической деятельности (в сфере спутниковой связи, запуска космических аппаратов и дистанционного зондирования²), развивается космический туризм³, встают вопросы устойчивого развития ракетно-космической деятельности⁴. Со стороны государства происходит некоторое ослабление контроля над космической деятельностью⁵, что приводит к увеличению масштабов международного сотрудничества в области освоения космоса⁶.

В первую очередь это влияет на увеличение числа акторов международного космического права. На сегодняшний день к числу акторов добавились новые: ТНК, юридические и физические лица. Таким образом, из-за роста акторов международного космического права, может возникать огромное количество споров, для разрешения которых потребуется специальный механизм, учитывая сложную специфику космической деятельности. Некоторые международные договоры ООН по космосу уже предусматривают определенные процедуры урегулирования споров, возникающих только между государствами или международными организациями.

Наиболее сложные процедуры по разрешению межгосударственных споров закреплены в Конвенции о международной ответственности за ущерб, причиненный космическими объектами 1972 г. (далее – Конвенция об ответственности). Согласно Конвенции об ответственности правом подачи жалобы о компенсации за ущерб, причиненный космическими объектами, обладает лишь государство. Международные организации обладают правом на подачу жалобы в том случае, если такая организация принимает на себя права и обязанности по Конвенции, и если большинство государств-членов этой организации являются её участниками (Конвенция об ответствен-

1 Так, например, Российская Федерация в «Основах государственной политики Российской Федерации в области космической деятельности на период до 2030 года и дальнейшую перспективу» от 19 апреля 2013 г. ставит своими целями создание к 2020 году отечественных космических обсерваторий [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.federalspace.ru/main.php?id=24>; согласно Государственной программе Российской Федерации «Космическая деятельность России на 2013 – 2020 годы» планируется развитие целого класса новых технологий – технологий межпланетных полетов и напланетной деятельности человека; создание перспективной пилотируемой транспортной системы, способной обеспечить полёты человека к Луне и развертывание программы по углублённому изучению Луны (Государственная программа Российской Федерации «Космическая деятельность России на 2013 – 2020 годы» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.federalspace.ru/main.php?id=24>).

2 Chia-Jui Cheng. International Arbitration System as Mechanism for the Settlement of Disputes Arising in Relation to Space Commercialization // Singapore, J. INT'L & COMP. – L., 2001. – P. 167.

3 Frans G. von der Dunk. Private Commercial Manned Space-flight and Dispute Settlement. – New York, 2010. – P. 6–7.

4 Жуков Г. П., Солнцев А. М. Проблемы экологически устойчивого использования ракетно-космической техники // Евразийский юридический журнал. – № 11 (30) 2010. – С. 87–94.

5 Gerardine Meishan Goh. Dispute Settlement in International Space Law: A Multi-door Courthouse for Outer Space. – Leiden, The Netherlands: Martinus Nijhoff Publishers, 2007. – P. 164.

6 Международное космическое право: учебник / под ред. Г. П. Жукова, А. Х. Абашидзе. – М: РУДН, 2014.

ности за ущерб, причиненный космическими объектами, 1972 г., ч. 1 ст. XXII). Кроме того, государства-члены международной организации, ответственной за ущерб, несут солидарную ответственность наряду с ней⁷, если любая претензия предъявляется организации или если организация не выплачивает компенсацию в течение шести месяцев (Конвенция об ответственности за ущерб, причиненный космическими объектами, 1972 г., ч. 3 ст. XXII). Однако если ущерб был причинен организации, то претензия будет представляться государством-членом такой организации (Конвенция об ответственности за ущерб, причиненный космическими объектами, 1972 г., ч. 5 ст. XXII). Претензия о компенсации за ущерб предъявляется запускаящему государству по дипломатическим каналам, существует возможность передачи документации по своей претензии на рассмотрение Комиссии по рассмотрению претензий. Решение Комиссии является окончательным и обязательным, если об этом была достигнута договоренность между сторонами. В ином случае Комиссия выносит окончательное определение рекомендательного характера, которое стороны рассматривают в духе доброй воли (Конвенция об ответственности за ущерб, причиненный космическими объектами, 1972 г., ч. 2 ст. XIX). Ни один из других основных договоров по космосу не обеспечивает альтернативные рекомендации по разрешению споров.

Для разрешения другого вида споров – с участием новых акторов международного космического права – используют арбитраж на основе одного из действующих механизмов: Международной торговой палаты⁸, национальных арбитражных судов (Лондонский международный арбитражный суд, Московский коммерческий арбитражный суд, Арбитражный институт торговой палаты и т.д.) или арбитражную систему ЮНСИТРАЛ (Комиссия ООН по праву международной торговли).

МСЭ (Международный союз электросвязи)⁹ и ряд международных организаций спутниковой связи – ИНМАРСАТ (Международная организация морской спутниковой связи), ЕВМЕТСАТ (Европейская организация по эксплуатации метеорологических спутников), ЕВТЕЛСАТ (Европейская организация спутниковой связи), ИНТЕЛСАТ (Международная организация спутниковой связи) также установили арбитражную процедуру в качестве основного механизма разрешения споров.

Так, согласно Уставу МСЭ государства-члены могут разрешать споры с помощью дипломатических каналов или процедур, установленных двусторонними или многосторонними договорами, или другим согласованным способом (ч. 1 ст. 56). В случае же, если ни один из вышеперечисленных методов не будет использован, государства могут прибегнуть к арбитражу (ч. 2 ст. 56).

Арбитражное разбирательство не является обязательным при разрешении споров согласно Конвенции о Международной организации морской спутниковой связи, обращению сторон в арбитраж также предшествуют переговоры между заинтересованными сторонами (Конвенция о Международной организации морской спутниковой связи (ИНМАРСАТ), ст. 31; Эксплуатационные соглашения о Международной организации морской спутниковой связи (ИНМАРСАТ), ст. XVI).

Арбитраж используется при разрешении споров и в сфере телекоммуникаций, являющейся сферой индустрии средств связи для передачи данных или звука, в том числе посредством спутников. В США Закон о телекоммуникациях 1996 г. предусматривает использование арбитража при разрешении межсетевых споров, а в Иордании с 2003 г. арбитраж применяет Комиссия по регулированию телекоммуникаций¹⁰.

В некоторых международных организациях использование арбитражного разбирательства установлено в качестве первостепенного. Например, согласно Конвенции ЕВМЕТСАТ (Конвенция об учреждении Европейской организации по эксплуатации метеорологических спутников, ч. 1 ст. 15), Конвенции об учреждении ЕВТЕЛСАТ (Конвенция об учреждении Европейской организации спутниковой связи, ст. XX), Соглашению о Международной организации спутниковой связи ИНТЕЛСАТ (Соглашение о Международной организации спутниковой связи ИНТЕЛСАТ. п. «а» ст. XVIII, Приложение «С»; Операционное Соглашение о Международной организации спутниковой связи ИНТЕЛСАТ, ст. 20) или Конвенции об учреждении Европейского космического агентства (Конвенция об учреждении Европейского космического агентства, статьи XVII, XXVI).

Таким образом, если сторонами в споре являются государства, то при отсутствии специального механизма можно воспользоваться обращением в Международный суд ООН или использовать дипломатические каналы. Если одной из сторон спора является международная организация или иной субъект (или актор) международного права, то необходим специальный механизм. В связи с этим для учета интересов новых субъектов стало необходимым гармонизировать существующие механизмы разрешения споров, уже применяемые в ряде международных организаций, перечисленных выше. Поскольку в настоящее время в международном космическом праве соглашения и договоры между частными лицами и иными субъектами обеспечиваются применением арбитража в рамках Комиссии ООН по праву международной торговли или иных частных арбитражных институтов, инициатива по разработке свода специальных правил по разрешению споров, которые возникают в космической отрасли, поступила именно от Постоянной палаты третейского суда – международной организации, учрежденной в 1899 г.¹¹

Начиная с 1992 г. Постоянная палата третейского суда (далее – ППТС) приняла семь специальных модельных правил и процедур, разработанных экспертными группами примени-

7 Солнцев А. М., Ключа А. Ю. Вопросы развития института ответственности международных организаций // Вестник международных организаций. – М: Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». – 2013. – № 2. – С. 130–142.

8 Арбитражный регламент Международной торговой палаты (публикация ICC № 850R, вступил в силу 01.01.2012). – Справочно-поисковая система «Гарант Аэро».

9 Конвенция Международного союза электросвязи, ст. 41; Устав Международного союза электросвязи, ст. 56; Факультативный протокол по обязательному разрешению споров в отношении Устава Международного союза электросвязи, Конвенции Международного союза электросвязи и Административных регламентов.

10 Dispute Resolution in the Telecommunications Sector: Current Practices and Future Directions The International Telecommunication Union, 2.5.3. Using Arbitration in Telecommunications Disputes, 2004. – С. 19–20.

11 Постоянная палата третейского суда была учреждена Конвенцией о мирном решении международных столкновений (Гаага, 29.07.1899, пересмотрена 18.10.1907) в целях содействия урегулированию споров посредством третейского разбирательства между государствами, государственными органами, межправительственными организациями и частными лицами. См. Абашидзе А. Х., Солнцев А. М. Мирное разрешение международных споров: современные проблемы. – М., 2012. – С. 124–125.

тельно к различным отраслям международного права¹². В связи с этим в 2009 г. Административный совет ППТС одобрил создание экспертной группы¹³ по разработке процедурных правил для разрешения споров, касающихся деятельности в космическом пространстве. Созданной группе были поставлены следующие задачи:

- оценить необходимость окончательного и обязательного механизма по урегулированию споров, касающихся деятельности государств, межправительственных и частных лиц в космическом пространстве;

- разработать соответствующий факультативный регламент, который в дальнейшем будет включен в свод уже имеющихся правил Арбитражного регламента ППТС¹⁴.

В течение двух лет группа экспертов совместно с Международным бюро ППТС¹⁵ трудились над разработкой Факультативного арбитражного регламента. 6 декабря 2011 г. Административный совет ППТС принял Факультативный арбитражный регламент по урегулированию споров, касающихся деятельности в космическом пространстве (далее – Факультативный арбитражный регламент)¹⁶. Целью документа было создание специального правового средства разрешения споров, доступного всем участникам космической деятельности и приспособленного к специфике космической деятельности¹⁷, а также устранение пробелов в существующих механизмах.

12 Факультативный арбитражный регламент Постоянной палаты третейского суда по урегулированию споров между двумя государствами; Факультативный арбитражный регламент Постоянной палаты третейского суда по урегулированию споров между двумя сторонами, только одна из которых является государством; Факультативный арбитражный регламент Постоянной палаты третейского суда по урегулированию споров между международными организациями и государствами; Факультативный арбитражный регламент Постоянной палаты третейского суда по урегулированию споров между международными организациями и частными сторонами; Факультативный регламент ППТС для примирительного урегулирования споров, относящихся к природным ресурсам и/или окружающей среде; Факультативный регламент ППТС для арбитражного рассмотрения споров, относящихся к природным ресурсам и/или окружающей среде. См. подробнее: Солнцев А. М. Экологическое измерение деятельности Постоянной палаты третейского суда (к 100-летию Второй Гаагской конференции мира (15 июня – 18 октября 1907 г.) // Российский ежегодник международного права 2007. – СПб, 2008. – С. 87–93.

13 В экспертную группу вошли высококлассные специалисты в области космического права: Т. Брисибе (Нигерия), Ф. фон дер Данк (Нидерланды), Дж. Габринович (США), С. Хоуб (ФРГ), Р. Джакку (Канада), А. Керрест (Франция), Дж. Лимпитлоу (ЮАР), Ф. Лайалл (Великобритания), В.С. Мани (Индия), Ж.М. Фильо (Бразилия), М. Уильямс (Аргентина) и Х. Чжао (КНР). Председателем Консультативной группы был назначен Фаусто Покар.

14 Солнцев А.М. Постоянная палата третейского суда как средство урегулирования международных споров, связанных с космической деятельностью // Международно-правовые вопросы освоения космоса: материалы круглого стола X ежегодной Всероссийской научно-практической конференции «Актуальные проблемы современного международного права», посвященной памяти профессора И.П. Блищенко. Москва, 13–14 апреля 2012 г. / Отв. ред. А. Х. Абашидзе, Г. П. Жуков, А. М. Солнцев. – М: РУДН, 2012. – С. 134–139.

15 Официальный сайт Постоянной палаты третейского суда [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.pca-cpa.org/showpage.asp?pag_id=1043

16 Optional Rules for Arbitration of Disputes Related to Outer Space Activities of 6 December 2011. – Permanent Court of Arbitration [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pca-cpa.org/upload/files/Outer%20Space%20Rules.pdf>

17 Posar F. An Introduction to the PCA's Optional Rules. – P. 171 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.spacelaw.olemiss.edu/jsl/pdfs/supplements/pocar.pdf>

В основу работы был положен Арбитражный регламент ЮНСИТРАЛ¹⁸, который используется уже 35 лет и применим к различным категориям споров, однако не адаптирован к специфике космической деятельности¹⁹, а также вышеупомянутые 7 специальных модельных правил и процедур, комментарии-мнения 115 государств – членов ППТС²⁰, подтверждающие заинтересованность в разработке Факультативного арбитражного регламента, и 5 специально разработанных членами экспертной группы документов, касающихся отдельных областей международного космического права, в которых можно бы было применять Факультативный арбитражный регламент²¹, а именно: информационно-коммуникационные технологии, частые коммерческие полеты человека в космос, использование данных спутниковых наблюдений в качестве доказательств в международных судебных процессах, дистанционное зондирование и международные инвестиционные споры, возникающие в государственно-частных космических проектах.

Факультативный арбитражный регламент должен был быть международным, доступным различным государственным и частным субъектам и способным отвечать потенциально высокому спросу для разрешения конфликтных ситуаций, так как большинство существующих механизмов ограничены либо в субъектной, либо в процессуальной сферах применения. Рассмотрев все стороны и современные характеристики космической деятельности, экспертная группа сделала консультативное заключение, в котором выделила ряд преимуществ международного арбитража для урегулирования споров, касающихся деятельности в космическом пространстве.

Главным преимуществом Факультативного арбитражного регламента является максимально широкая сфера применения. Арбитраж – метод разрешения споров, который доступен всем участникам космической деятельности, где существует свобода выбора сторонами места проведения арбитража и языка арбитражного разбирательства. Если стороны договорились использовать Факультативный арбитражный регламент, дополнительного указания на то, что спор относится к космической деятельности, не требуется (ст. 1.1). Согласно Регламенту Международной торговой палаты²² стороны могут обратиться в арбитраж как непосредственно, так и через национальные комитеты.

18 Одобрен Генеральной Ассамблеей ООН 15.12.1976, пересмотрен в 2010 г. // Закон. – 2003. – № 2. Справочно-поисковая система «Консультант Плюс».

19 Posar F. An Introduction to the PCA's Optional Rules. – P. 177 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.spacelaw.olemiss.edu/jsl/pdfs/supplements/pocar.pdf>.

20 Member States. – Permanent Court of Arbitration [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.pca-cpa.org/showpage.asp?pag_id=1038

21 Ram S. Jakhu. Dispute Resolution under the ITU Agreements (Advisory Group Discussion Paper), 2010; Frans G. von der Dunk. Private Commercial Manned Space-flight and Dispute Settlement (Advisory Group Discussion Paper), 2010; Maureen Williams. Satellite Data and its value as evidence in international litigation (Advisory Group Discussion Paper), 2010; Tare Brisibe. Alternative Dispute Resolution of International Investment Disputes in Public-Private Space Projects (Advisory Group Discussion Paper), 2010; Joanne Irene Gabrynowicz. Remote Sensing and Potential Optional Rules for Arbitration of Disputes Relating to Outer Space (Advisory Group Discussion Paper), 2010.

22 Арбитражный Регламент ЮНСИТРАЛ 1976 г., утвержден Резолюцией ГА 31/98 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.uncitral.org/pdf/russian/texts/arbitration/arb-rules/arb-rules-r.pdf>

Арбитраж применяется на добровольной основе по согласию сторон (п. 1 ст. 1). Это согласие может быть обеспечено до наступления спорной ситуации путем включения арбитражной оговорки в договор/контракт (межгосударственный договор, соглашение между государством и космическим промышленным предприятием, или договор на оказание космических услуг между частными предприятиями или частным предприятием и государственным агентством²³), определяющий правовые отношения между сторонами. Добровольный аспект важен и в силу того, что государства скорее согласятся подписать отдельный договор с условием обязательного применения арбитражной процедуры, чем войти в новый многосторонний договор с условием о том, что все споры, связанные с космической деятельностью, должны рассматриваться одним и тем же способом, будь то либо Международный суд по космическому праву, либо специальная палата в Международном суде ООН. Применяя Факультативный арбитражный регламент, государства или международные организации отказываются от любого юрисдикционного иммунитета для обеспечения принципа равенства сторон в арбитражном производстве (ст. 1 п. 2).

Согласно пп. «d» п. 3 ст. 3 и пп. «d» п. 3 ст. 4 Факультативного арбитражного регламента в уведомлении об арбитраже²⁴ или в ответе на извещение о возбуждении арбитражного производства указывается ссылка на «правило, решение, соглашение, контракт, конвенцию, договор, учредительный акт организации или агентства, из которого или в отношении которого возникает спор». В отличие от правил ЮНСИТРАЛ, перечень «источников» расширен (Арбитражный регламент ЮНСИТРАЛ 1976 г., п. «d» ст. 3) ввиду признания разнообразия источников международного права и возрастающей заинтересованности государств в сфере международного космического права²⁵.

Функции секретариата в период судебного разбирательства, а также регистрации поступающих споров в арбитраж выполняет Международное бюро ППТС (Факультативный арбитражный регламент по урегулированию споров, касающихся деятельности в космическом пространстве, п. 3 ст. 1).

Отмечая увеличение масштабов международного сотрудничества в области освоения космоса в силу ослабления контроля со стороны государства над космической деятельностью²⁶, преимуществом арбитража также можно назвать возможность изменения стадий процесса рассмотрения спора по соглашению сторон²⁷.

Международное признание и приведение в исполнение арбитражного решения обеспечивается Конвенцией ООН о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений 1958 г.²⁸

Примечательно, что арбитражный суд оставляет за собой право запросить у сторон любую научную, техническую или иную специализированную информацию, которая необходима арбитрам для наиболее полного понимания обстоятельств дела (Факультативный арбитражный регламент по урегулированию споров, касающихся деятельности в космическом пространстве, п. 5 ст. 27). Это особенно важно, учитывая междисциплинарный характер космической деятельности, включающей такие разнообразные сферы, как экономика, передовые технологии и другие научные отрасли.

Генеральный секретарь ППТС согласно ст. 6 (1) Факультативного арбитражного регламента является уполномоченным органом, который решает вопросы, связанные с заменой и назначением арбитров и экспертов.

Состав и число арбитров для рассмотрения спора могут определять стороны²⁹. Суд может состоять из 1, 3 либо из 5 арбитров (Факультативный арбитражный регламент по урегулированию споров, касающихся деятельности в космическом пространстве, п. 1 ст. 9, п. 1 ст. 8). Для содействия выбору Генеральный секретарь Постоянной палаты третейского суда ведет перечень арбитров, в который включаются ведущие специалисты мирового уровня в области международного космического права³⁰. Стороны имеют возможность при необходимости привлечь к рассмотрению дела технических и (или) научных экспертов, перечень которых также составляется Генеральным секретарем (Факультативный арбитражный регламент по урегулированию споров, касающихся деятельности в космическом пространстве, п. 4 ст. 10, п. 7 ст. 29). Использование арбитров и научных или технических экспертов из перечня Генерального Секретаря не является обязательным³¹.

Арбитражный суд может запрашивать совместно или по отдельности у сторон дополнительную (техническую, научную, иную специализированную информацию) для наиболее полного понимания рассматриваемого вопроса (Факультативный арбитражный регламент по урегулированию споров, касающихся деятельности в космическом пространстве, п. 4 ст. 24).

Благодаря привлечению специализированных арбитров и экспертов сокращается время на разбирательство спора. Таким образом, арбитраж быстр и экономичен, в отличие от судебного процесса. Арбитражные издержки в большинстве случаев оплачиваются проигравшей стороной (Арбитражный регламент ЮНСИТРАЛ 1976 г., статьи 38, 39), однако суд может распределить их между сторонами путем залога, вносимого сторонами до начала арбитражного разбирательства в равных

1958 г.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.uncitral.org/uncitral/ru/uncitral_texts/arbitration/NYConvention_status.html

23 Chia-Jui Cheng. International Arbitration System as Mechanism for the Settlement of Disputes Arising in Relation to Space Commercialization. Singapore, J. INT'L & COMP. L., 2001. – П. 7. – С. 166.

24 Уведомление об арбитраже направляется истцом в отношении ответчика.

25 Frans G. von der Dunk. Response to First Questionnaire, 19 февраля 2010; Ram Jakhu. Comments and Suggestions to First Questionnaire, 28 февраля 2010; Joanne Gabrynowicz. Response to CP-OS 31655 and its Attached Annex, 28 февраля 2010.

26 Gerardine Meishan Goh. Dispute Settlement in International Space Law: A Multi-door Courthouse for Outer Space // Leiden, The Netherlands: Martinus Nijhoff Publishers, 2007. – С. 164.

27 Thomas H. Webster. Handbook of UNCITRAL Arbitration. – London, Sweet & Maxwell, 2010.

28 По состоянию на 13.01.2014 г. участниками Конвенции являются 149 государств, «Статус текстов Конвенция о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений» (Нью-Йорк,

29 Gerardine Meishan Goh. Dispute Settlement in International Space Law: A Multi-door Courthouse for Outer Space // Leiden, Boston, Martinus Nijhoff, 2007. – С. 117.

30 По состоянию на 07.07.2014 г. на официальном сайте ППТС представлен список специализированных арбитров на 2014 г.: Генри Бурместер (Австралия), Ирмгард Марбоэ (Австрия), Бернард Ханотяу (Бельгия), Хуанг Хуйканг (Китай), Макуэла Хофманнова (Чехия), Кристиан Лундблад (Дания), Паскаль Пена Перез (Доминиканская Республика), Стефан Хоуб (Германия), Карл-Хайнц Бёкштитель (Германия), Серджио Марчизо (Италия), Фаусто Покар (Италия), Вон-Хва Парк (Республика Корея), Франс Джерард фон дер Дунк (Нидерланды), Тая Л. Массон-Цваан (Нидерланды), Кристофер Адебайо Оджо (Нигерия), Верешетин В. С. (Российская Федерация), Обрад Рацик (Сербия), Ятурон Сирават (Тайланд), Кэмаль Баслар (Турция).

31 Стороны могут привлечь к разрешению споров в ППТС членов-специалистов Международной академии астронавтики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.iaaweb.org/>.

долях в порядке аванса. В таком случае после вынесения решения производится окончательный расчет между сторонами (Арбитражный регламент ЮНСИТРАЛ 1976 г., статьи 40, 41).

Также Факультативный арбитражный регламент закрепляет нормы о защите информации, используемой в ходе арбитражного разбирательства. Любая сторона спора вправе заявить о конфиденциальности информации, раскрытие которой может повлечь серьезный ущерб для стороны-заявителя (Факультативный арбитражный регламент по урегулированию споров, касающихся деятельности в космическом пространстве, пп. 6–7 ст. 17).

Арбитражный суд по своему желанию или желанию одной из сторон может привлечь к участию в рассмотрении дела эксперта в качестве советника по вопросам конфиденциальности, который предоставляет экспертное мнение по информации, содержание которой нельзя раскрывать арбитрам или другой стороне (Факультативный арбитражный регламент по урегулированию споров, касающихся деятельности в космическом пространстве, п. 8 ст. 17). Необходимость данного механизма заключается в том, что в процессе слушания дела может понадобиться конфиденциальная информация для предоставления и толкования фактов соответствующим образом, поэтому назначается советник по вопросам конфиденциальности³².

В интересах сторон заседания могут быть закрытыми, а итоговое решение не должно быть опубликовано (Факультативный арбитражный регламент по урегулированию споров, касающихся деятельности в космическом пространстве, п. 5 ст. 34). Это важно для разрешения споров, возникающих в сфере космической деятельности, так как они включают информацию, касающуюся важных государственных контрактов и новых высоких технологий, проводя возможную связь между гражданским и военным применением. Часть конфиденциальной информации может иметь решающее значение для интересов национальной безопасности. Например, многие государства могут настаивать на секретности информации об изображениях, полученных с помощью дистанционного зондирования Земли³³.

По окончании арбитражного разбирательства решение является окончательным и обязательным (Факультативный арбитражный регламент по урегулированию споров, касающихся деятельности в космическом пространстве, пп. 1 п. 2 ст. 34). Данный факт отличает решение арбитража от рекомендательной природы решений Комиссии по рассмотрению претензий согласно Конвенции о международной ответственности за ущерб, причиненный космическими объектами 1972 г., учитывая, что быстро полученные и окончательные арбитражные решения имеют важное значение при рассмотрении споров, например, связанных с полетами в космическом пространстве, которые проходят по четкому фиксированному графику (интервалы для посадки, возвращение в атмосферу, запуск, выведение на орбиту³⁴ и т. д.). При этом есть исключения в случае нарушения правил процессуального разбирательства со стороны арбитража (Арбитражный регламент ЮНСИТРАЛ 1976 г., статьи 32, 36–37).

В настоящее время в рамках ППТС Факультативный арбитражный регламент ни разу не применялся, хотя ранее споры, касающиеся космической деятельности, возникали. Например, дело между телекоммуникационной компанией «Девас Мультимедиа», финансируемой США и ООО «Антрикс Корпорейшн», коммерческим отделением Индийской компанией космических исследований, касающееся статей контракта на запуск двух спутников, в рамках которого стороны указали на применение правил Международной торговой палаты в случае возникновения споров. Дело рассматривалось в Верховном Суде Индии с 2011 г. по 2013 г. Таким образом, можно предположить, что Факультативный арбитражный регламент несомненно найдет свое применение на практике, так как он объединил все существующие арбитражные механизмы по разрешению споров и направлен на конкретную сферу – космическую деятельность.

Пристатейный библиографический список

1. Абашидзе А. Х., Солнцев А. М. Мирное разрешение международных споров: современные проблемы. – М., 2012.
2. Жуков Г. П., Солнцев А. М. Проблемы экологически устойчивого использования ракетно-космической техники // Евразийский юридический журнал. – (30) 2010. – № 11.
3. Международное космическое право: учебник / под ред. Г. П. Жукова, А. Х. Абашидзе. – М: РУДН, 2014.
4. Солнцев А. М., Ключа А. Ю. Вопросы развития института ответственности международных организаций // Вестник международных организаций. – М: Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». – 2013. – №2.
5. Солнцев А. М. Экологическое измерение деятельности Постоянной палаты третейского суда (к 100-летию Второй Гаагской конференции мира (15 июня – 18 октября 1907 г.) // Российский ежегодник международного права 2007. – СПб, 2008.
6. Солнцев А. М. Постоянная палата третейского суда как средство урегулирования международных споров, связанных с космической деятельностью // Международно-правовые вопросы освоения космоса: материалы круглого стола X ежегодной Всероссийской научно-практической конференции «Актуальные проблемы современного международного права», посвященной памяти профессора И. П. Блищенко. – Москва, 13–14 апреля 2012 г. / Отв. ред. А. Х. Абашидзе, Г. П. Жуков, А. М. Солнцев. – М: РУДН, 2012.
7. Chia-Jui Cheng. International Arbitration System as Mechanism for the Settlement of Disputes Arising in Relation to Space Commercialization // Singapore, J. INT'L & COMP. – L., 2001.
8. Frans G. von der Dunk. Private Commercial Manned Space-flight and Dispute Settlement, New York, 2010.
9. Gerardine Meishan Goh. Dispute Settlement in International Space Law: A Multi-door Courthouse for Outer Space. Leiden, The Netherlands: Martinus Nijhoff Publishers, 2007.
10. Pocar F. An Introduction to the PCA's Optional Rules. – P. 171 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.spacelaw.olemiss.edu/jsl/pdfs/supplements/pocar.pdf>.
11. Thomas H. Webster. Handbook of UNCITRAL Arbitration. – London, Sweet & Maxwell, 2010.

32 Blessing M. Arbitrability of Intellectual Property Disputes. Kluwer Law International, 1996. – С. 191, 215.

33 Joanne Irene Gabrynowicz. Remote Sensing and Potential Optional Rules for Arbitration of Disputes Relating to Outer Space, 2010. – P. 6–7.

34 Gerardine Meishan Goh. Dispute Settlement in International Space Law: A Multi-door Courthouse For Outer Space // Leiden, Boston: Martinus Nijhoff, 2007. – P. 116.

Копылов М. Н., Мишланова В. А.
НУЖНА ЛИ ИСТОРИОГРАФИЯ МЕЖДУНАРОДНОМУ
ЭКОЛОГИЧЕСКОМУ ПРАВУ?

Статья посвящена истории становления и тенденциям развития международного экологического права в связи с отмечающимся 2 августа 2014 г. его 175-летним юбилеем. Ставится вопрос о том, что «эра Рио» конца XX в. подходит к закату, и на ее месте зарождается новый этап, получивший в доктрине условное название «энергетическая/климатическая эра».

Ключевые слова: международное экологическое право, периодизация истории, «Стокгольмская эра», ЮНЕП, «энергетическая/климатическая эра».

Kopylov M. N., Mishlanova V. A.
DOES INTERNATIONAL ENVIRONMENTAL LAW NEED HISTORIOGRAPHY?

The article deals with the history and developmental trends of international environmental law in connection with its 175th anniversary, which is celebrated on August 2, 2014. The question is asked, whether «the era of Rio» is coming to its sunset at the end of 20th century, and whether a new so-called «energy/climate era» is emerging in its place.

Keywords: international environmental law, periodization of history, «Stockholm Era», UNEP, «Energy/Climate Era».

В 2014 г. исполняется 175 лет международному экологическому праву. Один из авторов настоящей статьи уже имел возможность упомянуть об этом в интервью, которое он дал главному редактору «Евразийского юридического журнала»¹. В связи с этим событием мы попытались по-новому взглянуть на пройденный указанной отраслью международного права путь, обозначив основные события, которые предопределили его дальнейшее развитие на относительно длительную перспективу. Иными словами, мы попытались по-новому взглянуть на периодизацию истории международного экологического права с учетом вновь открывшихся документов, фактов и недавно опубликованных доктринальных источников.

И хотя мы понимаем условность и относительность выделения каких-либо рубежей в истории, тем не менее, «...знание истории предмета и истории его науки, – замечал профессор Г.И. Тункин, – необходимое условие развития любой науки»². Наука международного экологического права не является в этом отношении исключением.

Международное экологическое право, равно как и его наука, не находятся в статическом состоянии. Разные эпохи порождают разные международно-правовые нормы, регулирующие международные экологические отношения, которые, в свою очередь, влекут за собой новые взгляды, трактовки, научные концепции.

Но было бы недостаточно мотивировать изучение истории международного экологического права лишь необходимостью понять его современное состояние. Определение перспектив его развития, динамики, положительного и негативного, предвосхищение того, что пока закрыто годами, невозможно без знания истории. Мы должны изучить факты прошлой жизни человечества для того, чтобы открыть в них

законы его прогресса. Будущее способен предвидеть только тот, кто понял прошедшее³.

Значение предпринятого авторами настоящей статьи исследования в области историографии повышается и в связи с тем, что 2013 г. Указом Президента России от 10 августа 2012 г. №1157 был объявлен годом охраны окружающей среды в России. И среди 11 мероприятий, ответственность за проведение которых Правительство РФ (распоряжение Правительства Российской Федерации от 26.11.2012 №2189-р) возложило на Росприроднадзор, отсутствуют совещания, имеющие отношение к международно-правовым обязательствам РФ по международным экологическим соглашениям.

Несмотря на то, что среди высказываний отечественных юристов-международников можно встретить утверждения, что далеко не обязательно указывать конкретную дату, служащую точкой отсчета возникновения и развития той или иной отрасли международного права, сошлемся на слова профессора К.А. Бекашева, которые мы полностью разделяем и которые особо подчеркивают, что «у любого явления должно быть начало, т.е. точка отсчета»⁴.

Ценность этой мысли заключается в том, что именно профессор К.А. Бекашев первым в России обратился к анализу истории международного экологического права, опубликовав в 1997 г. статью на тему «О роли ООН в кодификации и прогрессивном развитии международного экологического пра-

Копылов М.Н.

Мишланова В.А.

1 См.: Копылов М.Н. Экологическая безопасность в евразийском пространстве // Евразийский юридический журнал. – 2013. – №8 (63) – С. 5–9.

2 Тункин Г.И. Предисловие // Левин Д.Б. Наука международного права в России в конце XIX и начале XX в. Общие вопросы теории международного права / Отв. ред. Н.А.Ушаков.– М.,1982. –С. 4.

3 См.: Плеханов Г.В. Избранные философские произведения. – М., 1956. –Т. 1. –С. 537; Стародубцев Г.С. История международного права. –М., 2006. –С. 6.

4 См.: Бекашев К.А. О роли ООН в кодификации и прогрессивном развитии международного экологического права // Труды МГЮА.–1997. –№III. –С. 148.

ва». Эта работа была детально проанализирована одним из авторов настоящей статьи⁵. В дальнейшем примеру профессора К. А. Бекяшева последовали и другие ученые⁶.

Совершенно иначе обстояли дела в данном вопросе в зарубежной юридической литературе, которая дает нам целую плеяду ученых мирового уровня, в различные годы обращавшихся к проблематике периодизации истории международного экологического права, – это Александр Кисс, Дина Шелтон⁷, Филипп Сандс⁸, Жаклин Пил⁹, Ван Девир, Регина Аксельрод¹⁰ и многие другие. Причем если и в отечественной, и в зарубежной доктрине международного экологического права имеется достаточно единодушное представление о дате начала формирования международного экологического права – 2 августа 1839 г., то по всем другим параметрам и рубежным событиям можно встретить различные точки зрения.

На сегодняшний день нам удалось встретить указания на иные, чем 2 августа 1839 г., даты лишь в трудах Жаклин Пил, являющейся доцентом школы права Мельбурнского университета, и Филиппа Сандса. Первая полагает, что международное экологическое право зародилось с принятием решения международного арбитража по делу о морских котиках Берингова моря 1893 г. А профессор международного права Университетского колледжа Лондона Филипп Сандс в поисках этой даты отсылает к ранним конвенциям о рыболовстве, выделяя, однако, особо двустороннюю Конвенцию о ловле устриц и рыболовстве у берегов Великобритании и Франции, которая и была заключена 2 августа 1839 г.

Анализ приведенных точек зрения, а также международных договоров и соглашений конца XVIII – начала XIX вв. позволяют нам принять за начало первого этапа в истории развития международного экологического права 2 августа 1839 г. Принятая в этот день двусторонняя Конвенция о ловле устриц и рыболовстве у берегов Великобритании и Франции устанавливала правила рыболовства в проливе Ла-Манш и Северном море. В соответствии с ней была образована Смешанная комиссия, которая разрабатывала рекомендации о сроках промысла, районах лова. По рекомендации Комиссии Великобритании и Франция в 1843 г. утвердили правила рыболовства за пределами трехмильных территориальных вод.

Заключенный за 85 лет до этого в Ваприо 17 августа 1754 г. Договор между ее величеством Императрицей Австрии, выступающей как Герцогиня Милана, и ее светлостью Республикой Венеция об определении границ относительно свободного течения вод пограничной реки Олио и использования их для

рыболовства¹¹ явился лишь единичным событием, не положившим начало системному подходу в договорном регулировании охраны живых ресурсов трансграничных водотоков. В нем вопросы рыболовства рассматривались как сопутствующие решению главной проблемы – определению границ относительно свободного течения вод пограничной реки Олио.

Гораздо большие разногласия в доктрине международного экологического права можно встретить относительно даты окончания первого этапа и начала второго этапа (т.н. достогольмской эры) в истории международного экологического права. Более того, А. Ч. Кисс и Д. Шелтон вообще объединяют эти два периода в один этап¹², что, правда, можно отчасти объяснить годом опубликования их совместной работы.

Ф. Сандс и Ж. Пил связывают окончание этого этапа с 1945 г., т.е. с созданием ООН.

Профессор К. А. Бекяшев предлагает началом второго этапа истории международного экологического права (а следовательно, окончанием первого этапа) считать 1948 г., когда была принята Всеобщая декларация прав человека, закрепившая в ст. 3 право на жизнь¹³.

Мы полагаем, что сегодня в условиях активизации процесса реформирования ООН уже недостаточно просто констатировать отсутствие в ее Уставе указаний на экологическую компетенцию и на то, что «экологическая проблематика бесспорно может быть отнесена как к категории проблем гуманитарного, так и экономического характера, если придерживаться предлагаемой Уставом классификации»¹⁴.

С учетом того, что второй этап в истории международного экологического права характеризуется укреплением институциональной основы международного природоохранного сотрудничества, предлагаем его началом считать дату проведения в Нью-Йорке первой конференции ООН по проблемам окружающей среды – Конференции ООН по сохранению и утилизации ресурсов 1949 г. Решение о ее созыве содержалось в резолюции 32 (IV) ЭКОСОС ООН 1947 г.

Несмотря на то, что Конференция 1949 г. не была уполномочена принимать решения и рекомендации, а должна была стать форумом для обмена идеями и информацией, она, по существу, заложила основы, а также определила перспективы и направления деятельности ООН в области охраны окружающей среды. Конференция подчеркнула необходимость международных действий для установления сбалансированного подхода к управлению и сохранению природных ресурсов. Именно эта Конференция заложила начало всем мероприятиям в области охраны окружающей среды в рамках ООН.

Вопросы, которые обсуждались на Конференции ООН по сохранению и утилизации ресурсов, почти через 50 лет оказались в повестке дня Конференции ООН по окружающей среде и развитию в 1992 г. Уже на этой ранней стадии взаимоотношение между сохранением и развитием рассматривалось в качестве центральной темы. Дискуссии велись в основном вокруг трех проблем: о соотношении между сохранением и использованием; о необходимости разработки стандартов, обеспечи-

5 См.: К вопросу о периодизации истории развития международного экологического права // Верховенство международного права. Liber amicorum в честь профессора К.А. Бекяшева / Отв. ред. Н.А. Соколова. – М., 2013. – С. 128–144.

6 См.: Копылов М.Н. Введение в международное экологическое право. – М., 2007. – С. 51–145.; Копылов М.Н., Мохаммад С.А., Якушева Е.А. История международного экологического права. – М., 2007; Мохаммад С.А. Международное экологическое право в исторической ретроспективе // Евразийский юридический журнал. – 2011. – №8 (39). – С. 44–49.

7 См.: Kiss A., Shelton D. International environmental law. – Ardsley-on-Hudson, 1991. – P. 55–60.

8 См.: Sands Ph. Principles of International Environmental Law. – 2nd ed. – Cambridge, 2003. – P. 26–30.

9 См.: Peel J. Environmental Protection in the Twenty-first Century: The Role of International Law // The global environment, Institutions, Law, and Policy / R.S. Axelrod, S.D. VanDeveer, D.L. Downie (eds). – 3rd ed. – Wash. DC, 2011. – P. 53.

10 См.: The Global Environment: Institutions, Law, and Policy / R.S. Axelrod, S.D. VanDeveer, D.L. Downie (eds). – 3rd ed. – Washington: CQ-Press, 2011. – P. 24–47.

11 См.: International Protection of the Environment: Treaties and Related Documents. Second series: continuation of volumes I-XXX (1754-1981) / B. Simma, B. Ruster (eds). – N.Y., 1990–1995.

12 См.: Kiss A., Shelton D. International environmental law. – Ardsley-on-Hudson, 1991. – P. 55–60.

13 См.: Бекяшев К.А. О роли ООН в кодификации и прогрессивном развитии международного экологического права // Труды МПЮА. – 1997. – № III. – С. 148.

14 См.: Международные организации: Учебник / Под ред. И.П. Блищенко. – М., 1994. – С. 277.

вающих сохранение; и о соотношении между сохранением и развитием¹⁵.

Таким образом, на первом этапе предпринимались разрозненные усилия на двустороннем субрегиональном и региональном уровнях по защите и сохранению отдельных объектов живой природы. Усилия проводимых конференций не координировались, и они не пользовались поддержкой правительств. Хотя в этот период и было проявлено государствами определенное внимание к экологическим вопросам, выразившееся в заключении более 10 региональных международных соглашений, тем не менее удалось в какой-то мере решить лишь частные, локальные проблемы, а международные экологические отношения регулировались главным образом международными обычаями.

Подобно тому, как непросто в доктрине международного экологического права решается вопрос о дате начала второго этапа в истории международного экологического права, расходятся ученые и во взглядах на дату окончания этого второго этапа. Большинство справедливополагает, что второй этап заканчивается с проведением в 1972 г. в Стокгольме Конференции ООН по проблемам окружающей человека среды и с учреждением по ее рекомендации Программы ООН по окружающей среде в качестве вспомогательного органа. Именно с созданием ЮНЕП проблема международного природоохранного сотрудничества была поднята на уровень всей системы ООН. Но нельзя отрицать логику и тех авторов, которые окончание стокгольмской эры и, следовательно, начало стокгольмской эры связывают с 1968 г., когда наблюдается новая волна повышенного интереса к экологическим проблемам и когда Генеральная ассамблея принимает решение о созыве в 1972 г. Стокгольмской конференции.

Так же как и в случае с Конференцией ООН 1949 г. мы предлагаем за точку отсчета принять все-таки Стокгольмскую конференцию, а не резолюцию, спланировавшую ее проведение.

Не менее жаркие дискуссии вплоть до настоящего времени ведутся и по поводу окончания Стокгольмской эры. Большинство ученых связывают это событие с проведением в 1992 г. в Рио-де-Жанейро Конференции ООН по окружающей среде и развитию. Однако некоторые из них настаивают, что рубежной датой между Стокгольмской эрой и эрой Рио-де-Жанейро должен быть либо 1986, либо 1987 г., когда Международная комиссия по окружающей среде и развитию под председательством Г.Х.Брундтланд подготовила и опубликовала доклад под названием «Наше общее будущее»¹⁶. При всем уважении к этому докладу мы оцениваем его как важный программный документ, определивший формат и программу работы Конференции 1992 г. в Рио-де-Жанейро. Но не более того. Поэтому предлагаем событием, разделившим третий и четвертый этапы в истории международного экологического права считать конференцию в Рио-де-Жанейро, которая была призвана перевести международные отношения на рельсы социоприродногоразвития.

«Эра Рио», по нашему глубокому убеждению, в конце XX – начале XXI вв. вступает в период заката¹⁷, чему в немалой

степени поспособствовали 2 глобальные проблемы: прежде всего, проблема глобального изменения климата и, наконец, проблема сохранения и устойчивого использования биологического разнообразия.

На смену «эре Рио» приходит «энергетическая/климатическая эра»¹⁸. Причем происходит это на фоне очередной волны экологизации международных отношений.

Темпы глобального изменения климата превысили ожидания, и в различных частях мира наглядно проявилось разнообразное и разрушительное воздействие изменения климата.

Противостояние вопросам, поставленным глобальным изменением климата, потребует фундаментального перехода от ископаемого топлива к возобновляемым источникам энергии и «зеленым» технологиям. Именно необходимость такого реформирования энергетического сектора во многом предопределила неудачное завершение всех состоявшихся после Копенгагенской конференции Конференций Сторон Рамочной конвенции ООН об изменении климата 1992 г.

Сегодня планета движется по сценарию роста глобальной температуры на 4 °С, в то время как для предотвращения наиболее катастрофических и необратимых изменений климата, по мнению экспертов, необходимо удержаться в рамках роста температуры не более чем на 2 °С. Для этого, согласно рекомендациям МГЭИК, необходимо снизить глобальные выбросы на 25–40% к 2020 г. и на 50–80% к 2050 г.

В заключение отметим, что мы полностью отдаем себе отчет в том, что любая периодизация, равно как и любая классификация, носит достаточно условный характер. Не претендуя на истину в последней инстанции, мы попытались обозначить те исторические вехи и события, которые предопределили тенденции и направления развития международного экологического права на достаточно продолжительное время. Для себя мы назвали такой подход «событийным». Причем этот подход среди прочего предполагает возможность существования и функционирования на переходных периодах норм и принципов, выработанных на предыдущем этапе, в чем мы не видим никакого противоречия.

Пристатейный библиографический список

1. Бекяшев К. А. О роли ООН в кодификации и прогрессивном развитии международного экологического права // Труды МПЮА. – 1997. – № III.
2. К вопросу о периодизации истории развития международного экологического права // Верховенство международного права. Liber amicorum в честь профессора К. А. Бекяшева / Отв. ред. Н. А. Соколова. – М., 2013.
3. Копылов М. Н. Введение в международное экологическое право. – М., 2007.
4. Копылов М. Н. Экологическая безопасность в евразийском пространстве // Евразийский юридический журнал. – 2013. – № 8 (63).
5. Копылов М. Н., Копылов С. М. Забытые факты из истории международного экологического права: конференция ООН по сохранению и утилизации ресурсов 1949 г. // Евразийский юридический журнал. – 2013. – № 10 (65).
6. Копылов М. Н., Мохаммад С. А., Якушева Е. А. История международного экологического права. – М., 2007.

15 Подробнее см.: Копылов М. Н., Копылов С. М. Забытые факты из истории международного экологического права: конференция ООН по сохранению и утилизации ресурсов 1949 г. // Евразийский юридический журнал. – 2013. – №10 (65). – С. 5–9.

16 См.: Our common future. – Oxford, 1987.

17 См.: Мохаммад С. А. Международное экологическое право «эры Рио-де-Жанейро»: расцвет или закат? Международное право – International Law. – 2011. – № 1–2. – С. 243–246.

18 См.: Friedman Th. Hot, Flat, and Crowded: Why We Need a Green Revolution and How It Can Renew America. – N.Y., 2008. – P. 27.

7. Международные организации: Учебник / Под ред. И. П. Блищенко. – М., 1994.
8. Мохаммад С. А. Международное экологическое право «эры Рио-де-Жанейро»: расцвет или закат? Международное право – InternationalLaw. – 2011. – № 1–2.
9. Мохаммад С. А. Международное экологическое право в исторической ретроспективе // Евразийский юридический журнал. – 2011. – № 8 (39).
10. Плеханов Г. В. Избранные философские произведения. – М., 1956. – Т. 1.
11. Стародубцев Г. С. История международного права. – М., 2006.
12. Тункин Г. И. Предисловие // Левин Д. Б. Наука международного права в России в конце XIX и начале XX в. Общие вопросы теории международного права / Отв. ред. Н. А. Ушаков. – М., 1982.
13. Friedman Th. Hot, Flat, and Crowded: Why We Need a Green Revolution and How It Can Renew America. – N.Y., 2008.
14. International Protection of the Environment: Treaties and Related Documents. Second series: continuation of volumes I-XXX (1754-1981) / B.Simma, B.Rüster (eds). – N.Y., 1990–1995.
15. Kiss A., Shelton D. International environmental law. – Ardsley-on-Hudson, 1991.
16. Ourcommonfuture. – Oxford, 1987.
17. Peel J. Environmental Protection in the Twenty-first Century: The Role of International Law // The global environment, Institutions, Law, and Policy / R.S. Axelrod, S.D. VanDeveer, D.L. Downie (eds). – 3rd edition. – Wash. DC, 2011.
18. Sands Ph. Principles of International Environmental Law. – 2nd ed. – Cambridge, 2003.
19. The Global Environment: Institutions, Law, and Policy / R.S. Axelrod, S.D. VanDeveer, D.L. Downie (eds). – 3rd ed. – Washington: CQPress, 2011.

Монография

Монография посвящена исследованию теоретических и практических проблем реализации норм водного и земельного права в условиях рыночных отношений в Республике Казахстан. В работе даны понятия и раскрыты содержания механизма реализации норм водного и земельного права и их составных элементов; выявлены особенности водного процесса и дана классификация процессуальных форм реализации норм водного права; изучены вопросы правоприменения как особой формы реализации норм водного права и предложены пути и повышения его эффективности; изложены проблемы международного сотрудничества в области охраны и использования водных ресурсов; его роли и места в механизме реализации норм водного права, исследованы историко-политические вопросы развития земельных правоотношений в Республике Казахстан. Авторами рассмотрены широкий круг правовых норм, институтов водного и земельного права, выявлены их взаимодействие с другими отраслями права. Раскрыты такие темы, как водно-земельные правоотношения, управление водным процессом, различные виды его целевого использования, аренда земельных участков и арендная плата за землю.

Сауле Сулейменова
Шолпан Саймова

**Водно-земельные
правоотношения
Республики Казахстан**

Монография

Сауле Сулейменова
Сулейменова Сауле Жусупбековна, доктор юридических наук, профессор КазНУ им. Аль-Фараби. Автор совместно с Шолпан Саймовой опубликовали ряд научных работ и статей в области водного и земельного права Республики Казахстан в отечественных и зарубежных изданиях.

978-3-659-26372-9

Сулейменова, Саймова

Ладейщиков А. А., Ушаков С. А.

ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ПРЕДПРИЯТИЙ ПО ПЕРЕРАБОТКЕ И УТИЛИЗАЦИИ ОПАСНЫХ ОТХОДОВ В АНГЛИИ И УЭЛЬСЕ

В статье раскрываются основные принципы правового регулирования работы предприятий по утилизации и переработке опасных отходов в Англии и Уэльсе. Внимание уделяется как законодательным требованиям к переработке и утилизации опасных отходов, так и нормативным предписаниям, которые необходимо соблюсти для открытия новых предприятий, занимающихся вышеуказанными процессами.

Ключевые слова: экологическое право, право Англии и Уэльса, утилизация отходов, право ЕС.

Ladeyschikov A. A., Ushakov S. A.

LEGAL ASPECTS OF OPERATION OF ENTERPRISES RECYCLING AND UTILIZING HAZARDOUS WASTE IN ENGLAND AND WALES

The article describes the main principles of legal regulation of operation of enterprises that deal with utilization and recycling of hazardous waste in England and Wales. The authors pay attention to legal requirements to the process of recycling and utilization of hazardous waste as well as to the requirements for establishing new enterprises in this field.

Keywords: environmental law, English law, utilization of waste, EU law.

В настоящее время во всем мире наблюдается увеличение числа предприятий, которые, с одной стороны, утилизируют опасные отходы, а с другой – вырабатывают из них электроэнергию и тепло¹.

Великобритания, являясь одной из ведущих европейских стран, имеет развитое законодательство, которое подробно регламентирует порядок создания и функционирования подобных предприятий.

По нашему мнению, опыт Великобритании на примере Англии и Уэльса заслуживает глубокого всестороннего изучения.

Основы правового регулирования утилизации опасных отходов в Англии

Правовое регулирование утилизации опасных отходов в Англии и Уэльсе практически полностью основывается на законодательстве Европейского союза (ЕС). Представляется, что это связано с повышенной опасностью подобного вида отходов для здоровья человека и окружающей среды и, следовательно, деятельность по утилизации таких отходов предполагает централизацию правового регулирования и преобладание императивных норм над диспозитивными².

В законодательстве ЕС на сегодняшний день одним из важнейших документов в сфере регулирования утилизации отходов является Директива по отходам 2008/98/ЕС³. Этот нормативный акт устанавливает основные подходы и принципы регулирования утилизации отходов для стран – участниц ЕС. Именно опираясь на этот документ, законодатели государств – членов ЕС должны издавать акты, регулирующие вопросы, связанные с утилизацией и переработкой отходов.

Вторым основополагающим документом, регулирующим сферу утилизации отходов в ЕС, является Решение Европей-

ской комиссии 2000/532/ЕС⁴, утвердившее Европейский каталог отходов, который заменил все предыдущие подобные каталоги и списки. Указанный Европейский каталог отходов содержит наиболее полный и подробный перечень отходов на сегодняшний день в европейском праве и является ориентиром для всех государств – членов ЕС.

Законодательство Англии в сфере утилизации опасных отходов базируется на двух нормативных актах, принятых в соответствии с правом ЕС. Это, во-первых, Регламент обращения с опасными отходами (Англия и Уэльс) 2005 г.⁵ (с последующими поправками) и, во-вторых, Регламент перечней отходов (Англия) 2005 г., который имплементирует в законодательство Англии Европейский каталог отходов, утвержденный вышеуказанным Решением Европейской комиссии 2000/532/ЕС⁶.

Основной принцип Регламента обращения с опасными отходами 2005 г. – это необходимость строгой подотчетности государственным органам предприятий, которые осуществляют деятельность по переработке и утилизации опасных отходов.

Так, на предприятиях, занимающихся вышеуказанной деятельностью, лежит обязанность ежегодно направлять уведомления-отчеты в Агентство по окружающей среде Великобритании

Ладейщиков А. А.

Ушаков С. А.

1 Jackson F. The new waste-to-energy developments that will change the industry // Waste Management World [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.waste-management-world.com/articles/print/volume-9/issue-6/waste-to-energy-special/the-future-of-wte-the-new-waste-to-energy-developments-that-will-change-the-industry.html>

2 Ладейщиков А.А. Регулирование утилизации опасных отходов в Англии и Европейском союзе. – М.: Московский журнал международного права, 2014. – С. 238.

3 Directive 2008/98/EC of the European Parliament and of the Council of 19 November 2008 on waste and repealing certain Directives // OJ L. – 2008. – 312. – P. 3–30.

4 Commission Decision of 3 May 2000 replacing Decision 94/3/EC establishing a list of wastes pursuant to Article 1(a) of Council Directive 75/442/EEC on waste and Council Decision 94/904/EC establishing a list of hazardous waste pursuant to Article 1(4) of Council Directive 91/689/EEC on hazardous waste // OJ L. – 2000. – 226. – P. 3–24.

5 The Hazardous Waste (England and Wales) Regulations 2005 // Statutory Instruments. – 2005. – 894 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.legislation.gov.uk/ukxi/2005/894/pdfs/ukxi_20050894_en.pdf

6 The List of Wastes (England) Regulations 2005 // Statutory Instruments. – 2005. – 895 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.legislation.gov.uk/ukxi/2005/895/made/data.pdf>

с подробной информацией о помещениях, где содержатся или откуда удаляются опасные отходы (ст. 21 Регламента).

В свою очередь, на Агентство по окружающей среде Великобритании возлагаются обязательства по проведению периодических проверок производителей, сборщиков и перевозчиков опасных отходов (статьи 56 и 57 там же).

Отдельное внимание уделяется контролю за перевозкой опасных отходов. Регламент устанавливает особую систему транспортных накладных, сопровождающих опасные отходы при их перемещении (ст. 33). Данные накладные содержат в себе информацию о характеристиках отходов, данные о перевозчике отходов, а также данные об организации или лице, ответственном за окончательное уничтожение отходов. Производитель или лицо, осуществляющее хранение опасных отходов, должны сохранять все соответствующие записи не менее трех лет с момента передачи отходов другому лицу (ст. 49 (3) Регламента), а перевозчики – не менее одного года с момента доставки отходов до конечного пункта назначения (ст. 50 (2) там же).

В Регламенте также предусматриваются санкции за нарушение установленных Регламентом положений, устанавливающие максимальную меру ответственности в виде двухлетнего тюремного заключения и выплаты штрафа (ст. 69).

Специфика правового регулирования предприятий по выработке электроэнергии из отходов

В последние годы все больше внимания как государства, так и бизнеса привлекают проекты, объединяющие в себе процессы по утилизации отходов и выработке из них тепла и электричества (сектор «waste to energy»). Подобные проекты, с одной стороны, позволяют сократить зависимость стран – участниц ЕС от импорта энергоносителей, а с другой стороны – добиться установленных в различных программных документах целей по снижению уровня вредного воздействия на окружающую среду и развитию возобновляемой энергетики. В частности, Седьмая программа действий в области защиты окружающей среды в рамках ЕС устанавливает необходимость достижения отметки потребления электроэнергии из возобновляемых источников в 20 % к 2020 г.⁷

Особенность правового регулирования функционирования предприятий по переработке отходов в электроэнергию, главным образом, состоит в том, что такое регулирование основывается на двух блоках правовых норм: 1) нормы, регулирующие процессы сжигания отходов; 2) нормы, регулирующие выработку, использование и продажу электроэнергии и тепла, которые вырабатываются за счет сжигания отходов (данный блок правовых норм остается за рамками исследования настоящей статьи).

Важнейшим документом, регулирующим процесс сжигания отходов в ЕС, является Директива о промышленных выбросах 2010/75/EU⁸. Этот документ устанавливает конкретные технические требования, которым должны удовлетворять установки, сжигающие отходы, в том числе имеющие целью выработку электроэнергии (Приложение VI Директивы). В 2013 г. указанная Директива была имплементирована в английское законодательство поправками к Регламенту о разрешениях в сфере окружающей среды 2010 г.

Тем не менее, несмотря на соблюдение требований, установленных Директивой 2010/75/EU, предприятие, перерабатывающее опасные отходы, не сможет приступить к работе в Англии без получения двух важнейших документов:

1. Разрешение на разработку инфраструктурного проекта национальной значимости;

2. Разрешение от Агентства по охране окружающей среды Великобритании.

Разрешение на разработку инфраструктурного проекта национальной значимости

Термин «инфраструктурные проекты национальной значимости» определен Законом о планировании 2008 г.⁹ Имеющими национальную значимость признаются те инфраструктурные проекты, которые включают в себя строительство или реконструкцию какого-либо объекта из перечисленных в п. 1 ст. 14 вышеуказанного Закона. К подобным объектам английский законодатель отнес, помимо прочего, станции по выработке электроэнергии, а также предприятия по переработке опасных отходов при условии, что они удовлетворяют требованиям ст. 30 Закона.

Важно отметить, что Закон о планировании 2008 г. наделяет члена Кабинета министров (Secretary of the state) правом включать в установленный перечень также иные прямо не названные законодателям объекты, но связанные с такими отраслями, как энергетика и утилизация отходов (п. 5 ст. 14 Закона).

В соответствии со ст. 31 Закона для разработки инфраструктурного проекта национальной значимости или его части необходимо получение специального разрешения. Согласно ст. 37 заявление на получение разрешения на разработку подобного проекта необходимо подавать в Комиссию по планированию инфраструктуры (Infrastructure Planning Commission), которая принимает решения о выдаче соответствующих разрешений на основании Программы государственной политики (National Policy Statement), речь о которой пойдет ниже. Сама процедура получения разрешения подробно прописана в части 5 Закона о планировании 2008 г.

Важно отметить, что Законом об управлении на местах 2011 г.¹⁰ (Localism act 2011) Комиссия по планированию инфраструктуры была упразднена, а ее функции были переданы на министерский уровень (ст. 128 Закона об управлении на местах). Тем не менее сама процедура принятия решения о выдаче разрешений на разработку крупных инфраструктурных проектов осталась практически неизменной. Непосредственно сами заявления рассматриваются Органом по планированию крупных объектов инфраструктуры (Major Infrastructure Planning Unit) при Инспекторате по планированию (Planning Inspectorate), в то время как вышеуказанный член Кабинета министров принимает окончательное решение о выдаче или отказе в выдаче разрешения на строительство.

Разрешение от Агентства по охране окружающей среды Великобритании

Процедура получения разрешения от Агентства по охране окружающей среды подробно прописана в Регламенте об экологических разрешениях (Англия и Уэльс) 2010 г.¹¹ Значимость этого документа трудно переоценить, так как ни одно предприятие, работающее в сфере утилизации отходов, не вправе функционировать без соблюдения положений данного Регламента¹².

В соответствии со ст. 13 указанного Регламента правом на получение разрешения от Агентства по охране окружающей среды наделены непосредственно операторы предприятий, занимающиеся утилизацией отходов. По общему правилу, таким оператором является лицо, которое осуществляет контроль над предприятием, утилизирующим отходы (ст. 7 Регламента).

7 Article 10 of the Decision of the European Parliament and of the Council on a General Union Environment Action Programme to 2020 «Living well, within the limits of our planet», 20 November 2013 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://ec.europa.eu/environment/newprg/pdf/PE00064_en.pdf

8 Directive 2010/75/EU of the European Parliament and of the Council of 24 November 2010 on industrial emissions (integrated pollution prevention and control) // OJ L. – 2010. – 334. – P. 17–119.

9 Planning Act 2008 // Statutory Instruments. – 2008. – 29 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.legislation.gov.uk/ukpga/2008/29/pdfs/ukpga_20080029_en.pdf

10 Localism Act 2011 // Statutory instruments. – 2011. – 20 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.legislation.gov.uk/ukpga/2011/20/contents/enacted>

11 The Environmental Permitting (England and Wales) Regulations 2010 // Thompson Reuters. – 2010. – 675.

12 Pocklington D. The law of waste management. – 2nd ed. – London: Sweet & Maxwell, 2011. – P. 311

Процедура подачи заявления и получения разрешения раскрывается в Приложении 5 Регламента. Важно отметить, что положения указанного Приложения предусматривают обязательное проведение общественных слушаний и консультаций перед принятием решения о выдаче или об отказе в выдаче разрешения.

Чтобы облегчить заявителям процесс получения разрешения, Агентство по охране окружающей среды опубликовало руководство с соответствующими разъяснениями. Это руководство доступно на официальном интернет-сайте Агентства¹³.

Программа государственной политики в сфере утилизации опасных отходов (National Policy Statement for Hazardous Waste)

Программа государственной политики в сфере утилизации опасных отходов, опубликованная Министерством окружающей среды, продовольствия и сельского хозяйства Великобритании, является не только документом, на основании которого выносятся решения о выдаче или отказе в выдаче разрешения на развитие объектов по утилизации опасных отходов. Это также свод основных принципов и правил, на которых основывается деятельность предприятий, утилизирующих опасные отходы.

Положения данной Программы государственной политики можно свести к следующим шести тезисам, которые были ранее сформулированы в Стратегии управления опасными отходами в Англии 2010 г., опубликованной Министерством окружающей среды, продовольствия и сельского хозяйства Великобритании:

1. Соблюдение принципа «иерархии отходов»¹⁴, установленного ст. 4 Директивы по отходам 2008/98/ЕС;

2. Постоянное внимание к новым разработкам в сфере утилизации опасных отходов;

3. Уменьшение практики захоронения отходов;

4. Отказ от смешивания опасных отходов с другими отходами;

5. Отказ от захоронения опасных отходов органического происхождения;

6. Прекращение практики отступления от положений Директивы о захоронении отходов 99/31/ЕС, которая придерживается принципа уменьшения самой практики захоронения отходов¹⁵.

Вышеназванные принципы также находят отображение в других важных нормативных актах Англии и ЕС (в том числе в упомянутой ранее Директиве по отходам 2008/98/ЕС), регулирующих процессы утилизации отходов.

Заключение

Утилизация отходов – это глобальная экологическая проблема, для решения которой необходимо специфическое правовое регулирование.

На примере Англии и Уэльса это проявляется, в первую очередь, в том, что несмотря на неопределимую роль судебных прецедентов в праве Англии и Уэльса, регулирование вопросов утилизации опасных отходов опирается на нормативные документы как национального законодательства, так и законодательства ЕС.

Реалии современной Европы показывают, что утилизация отходов сама по себе не достигает того экологического и экономического эффекта, который возможен при утилизации отходов с последующей выработкой тепла и электроэнергии. По нашему мнению, учитывая стратегические цели ЕС по снижению зависимости от стран-экспортеров энергоносителей, количество предприятий, вырабатывающих электроэнергию из отходов («waste to energy»), в ближайшие годы на территории Англии и ЕС будет только расти.

По итогам исследования, проведенного в настоящей статье, можно сделать вывод, что английское законодательство предусматривает действенные правовые механизмы, необходимые для запуска и функционирования вышеуказанных предприятий.

С другой стороны, для развития сектора «waste to energy» необходима эффективная система мер поощрения производителей соответствующих технологий. Такие меры должны быть как правового, так и экономического характера и могут включать в себя, в частности, долгосрочные кредиты по низким процентным ставкам, налоговые преференции, дотации со стороны государства.

Принимая во внимание угрожающий рост загрязнения окружающей среды, который не в последнюю очередь обусловлен чрезмерной зависимостью от нефтегазовых энергоресурсов, можно сделать вывод о том, что сфера «waste to energy» должна стать объектом повышенного внимания не только английских, но и отечественных ученых, законодателей и правоприменителей.

Пристатейный библиографический список

1. Ладейщиков А.А. Регулирование утилизации опасных отходов в Англии и Европейском союзе. – М.: Московский журнал международного права, 2014.
2. Commission Decision of 3 May 2000 replacing Decision 94/3/EC establishing a list of wastes pursuant to Article 1(a) of Council Directive 75/442/EEC on waste and Council Decision 94/904/EC establishing a list of hazardous waste pursuant to Article 1(4) of Council Directive 91/689/EEC on hazardous waste // OJ L. – 2000. – 226.
3. Council Directive 1999/31/EC of 26 April 1999 on the landfill of waste // OJ L. – 1999. – 182.
4. Decision of the European Parliament and of the Council on a General Union Environment Action Programme to 2020 «Living well, within the limits of our planet», 20 November 2013 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://ec.europa.eu/environment/newprg/pdf/PE00064_en.pdf
5. Directive 2008/98/EC of the European Parliament and of the Council of 19 November 2008 on waste and repealing certain Directives // OJ L. – 2008. – 312.
6. Directive 2010/75/EU of the European Parliament and of the Council of 24 November 2010 on industrial emissions (integrated pollution prevention and control) // OJ L. – 2010. – 334.
7. Jackson F. The new waste-to-energy developments that will change the industry // Waste Management World [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.waste-management-world.com/articles/print/volume-9/issue-6/waste-to-energy-special/the-future-of-wte-the-new-waste-to-energy-developments-that-will-change-the-industry.html>
8. Pocklington D. The law of waste management, 2nd edition. London: Sweet & Maxwell, 2011.
9. The Environmental Permitting (England and Wales) Regulations 2010 // Thompson Reuters. – 2010. – 675.
10. The Hazardous Waste (England and Wales) Regulations 2005 // Statutory Instruments. – 2005. – 894 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.legislation.gov.uk/uksi/2005/894/pdfs/uksi_20050894_en.pdf
11. The List of Wastes (England) Regulations 2005 // Statutory Instruments. – 2005. – 895 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.legislation.gov.uk/uksi/2005/895/made/data.pdf>
12. The Localism Act 2011 // Statutory instruments. – 2011. – 20 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.legislation.gov.uk/ukpga/2011/20/contents/enacted>
13. The Planning Act 2008 // Statutory Instruments. – 2008. – 29 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.legislation.gov.uk/ukpga/2008/29/pdfs/ukpga_20080029_en.pdf
14. [Электронный ресурс] – режим доступа: <http://www.environment-agency.gov.uk/business/topics/permitting/32320.aspx>.
15. Council Directive 1999/31/EC of 26 April 1999 on the landfill of waste // OJ L. – 1999. – 182. – P. 1-19.

Толбузина Т. В.

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЙ С УЧАСТИЕМ ИНОСТРАНЦЕВ

В статье рассматривается проблема миграции, подвергнута анализу правовое положение иностранцев, а также особенности правового регулирования трудовых отношений с их участием. Выделены отличия в трудовом статусе иностранцев в России, который в решающей степени зависит от режимов их пребывания в нашей стране.

Ключевые слова: миграция, трудящийся-мигрант, иностранный работник, иностранец, трудовые отношения, правоотношения, режим нахождения на территории.

Tolbuzina T. V.

PECULIARITIES OF LEGAL REGULATION OF LABOR RELATIONS INVOLVING THE FOREIGNERS

The article deals with the problem of migration, analyzes the legal status of foreigners, as well as the peculiarities of legal regulation of labor relations with their participation. The differences in the employment status of foreigners in Russia are highlighted, which is critically depends on the mode of their stay in our country.

Keywords: migration, migrant worker, foreign worker, alien, labor relations, legal relations, legal regime within the territory.

Толбузина Т. В.

Миграция – это перемещение людей через границы определенных территорий или внутри этих территорий в связи с изменением постоянного места жительства либо возвращением к нему¹.

Сегодня наше государство признало миграцию массовым явлением, поистине государственной проблемой и принимает серьезные меры для изменения непростой в этом вопросе ситуации. Иностранец не является гражданином нашего государства и его правовой статус имеет ряд особенностей и отличий.

Решает эти проблемы Федеральная миграционная служба (далее – ФМС). ФМС руководствуется законодательными актами о трудовой миграции. Стабильное развитие экономики России требует кадрового подкрепления, поэтому трудовая миграция в значительной степени способствует решению экономических задач как конкретных предприятий, так и государства в целом.

При определении в федеральном законодательстве трудовой правосубъектности иностранных граждан законодатель стремился, с одной стороны, защитить трудовые права российских граждан и создать механизмы приоритетного использования национальных трудовых ресурсов, с другой – предоставить работодателям возможность удовлетворять растущие потребности в рабочей силе за счет иностранных работников и тем самым поддержать предпринимательство и, как следствие, экономику².

В современных условиях огромное значение приобретает создание правовой базы для беспрепятственной реализации работниками-мигрантами своих трудовых и социальных прав, разработка системы их социальной защиты без ущемления при этом прав граждан Российской Федерации. Правовое положение иностранных граждан и их трудовая деятельность в России регламентируется Федеральным законом «О правовом

положении иностранных граждан в Российской Федерации»³ от 25 июля 2002 г. В данный Закон внесено ряд изменений, совершенствующих федеральное законодательство о трудовой миграции⁴.

Трудовые правоотношения с иностранным участием имеют определенную специфику, тесно связаны со многими социально-правовыми отношениями в обществе и затрагивают права как работников-мигрантов, работающих в Российской Федерации, так и права наших соотечественников. Понятно, что такие отношения требуют государственного регулирования и контроля. В доктрине международного частного права нет единой точки зрения относительно понятия «трудящийся-мигрант». Но в конвенциях Международной организации труда (далее – МОТ) под этим понятием обозначается субъект внешней трудовой миграции. Так, в Конвенции МОТ № 97⁵ под трудящимся-мигрантом подразумевается лицо, которое мигрирует из одной страны в другую с намерением получить работу. Правда, эта конвенция не применяется к пограничным работникам, выезжающим лицам свободных профессий, артистам, а также к морякам. А в Конвенции МОТ № 143⁶ особо подчеркивается, что это понятие охватывает только лиц, законно въехавших в страну в качестве трудящихся-мигрантов.

1 Асриян Б. А. Социальные и трудовые права мигрантов в Российской Федерации: Дис. ... канд. юр. наук. – М.: Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, 2004. – С. 11.

2 Щур-Труханович Л. В. Трудовая деятельность иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации. – М., 2007. – С. 3.

3 Федеральный закон «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» от 25.07.2002. № 115-ФЗ (в ред. от 23.07.2008) // Собрание законодательства РФ. – 29.07.2002. – № 30. – Ст. 3032.

4 Асриян Б. А. Социальные и трудовые права мигрантов в Российской Федерации: Дис. ... канд. юр. наук. – М.: Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, 2004; Скачкова Г. С. Труд иностранцев в России: правовое регулирование. – М., 2006. – С. 3.

5 Конвенция № 97 Международной организации труда «О трудящихся-мигрантах (пересмотренная в 1949 г.)» от 01.07.1949 (Принята в г. Женеве на 32-ой сессии Генеральной конференции МОТ) // Международная защита прав и свобод человека. Сборник документов. – М.: Юридическая литература, 1990. – С. 177–193.

6 Конвенция № 143 Международной организации труда «О злоупотреблениях в области миграции и об обеспечении трудящимся-мигрантам равенства возможностей и обращения» от 24.06.1975, (принята в г. Женеве на 60-ой сессии Генеральной конференции МОТ) // Международная защита прав и свобод человека. Сборник документов. – М.: Юридическая литература, 1990. – С. 193–201.

Конвенция ООН о защите прав всех трудящихся-мигрантов этим термином обозначает лицо, которое будет заниматься, занимается или занималось оплачиваемой деятельностью в государстве, гражданином которого оно не является.

Определение правового положения иностранцев в России поднято на конституционный уровень. Согласно ч. 3 ст. 62 Конституции России лица, не являющиеся гражданами РФ и законно находящиеся на ее территории, пользуются правами российских граждан, кроме случаев, установленных федеральными законами и международными договорами Российской Федерации. Иностранцы в Российской Федерации пользуются такими же правами (за некоторыми исключениями) и несут такие же обязанности, что и российские граждане, что вытекает из принципа «национального режима», закрепленного в законодательстве РФ.

С учетом «национального режима» в области трудового права на иностранных граждан распространяются и правила, установленные российским трудовым законодательством, иными актами, содержащими нормы трудового права, если иное не предусмотрено международным договором Российской Федерации (ч. 5 ст. 11 Трудового кодекса РФ).

В различных международных документах используются такие понятия, как: «мигрант», «трудящийся мигрант», «работник-мигрант», «незаконный мигрант» и т. д., не употребляемые в российском законодательстве⁷. Применяемое в законодательстве РФ понятие «иностранный работник» следует рассматривать как синоним понятия «трудящийся (работник) – мигрант», используемого в конвенциях и рекомендациях МОТ, других международных документах, в которых, как уже отмечалось, дается несколько определений трудящегося (работника) – мигранта⁸.

Из вышесказанного можно сделать вывод об отсутствии единообразия в определении понятий «трудящийся-мигрант», «иностранный работник», «работники-мигранты» в международном и российском праве. Следует обратить внимание на некоторое несоответствие между действующими нормативными правовыми актами РФ и международными документами в части определения понятия лиц, особенности регулирования труда которых являются предметом рассмотрения настоящей работы.

Трудовой статус иностранцев в России в решающей степени зависит от режимов их пребывания в нашей стране: временного пребывания, временного проживания и постоянного проживания.

Временно пребывающим в Российской Федерации иностранным гражданином считается лицо, прибывшее в РФ на основании визы (в визовом порядке) или в порядке, не требующем получения визы (в безвизовом порядке), и не имеющее вида на жительство или разрешения на временное проживание (права на постоянное проживание) и получившее миграционную карту⁹. Такое лицо может осуществлять трудовую деятельность в разрешительном порядке.

Срок временного пребывания иностранца определяется сроком действия визы. Срок временного пребывания в безвизовом порядке, как правило, не может превышать 90 суток¹⁰.

Другой формой законного нахождения иностранного гражданина на территории РФ является временное проживание на основании разрешения на временное проживание.

Статус временно проживающего в Российской Федерации иностранный гражданин может получить путем обращения в соответствующий орган исполнительной власти. Правила определения квоты на выдачу иностранным гражданам разрешений на временное проживание в Российской Федерации утверждены постановлением Правительства РФ № 193 от 04 апреля 2003 г. «Об утверждении правил определения квоты на выдачу иностранным гражданам разрешений на временное проживание в Российской Федерации»¹¹, в соответствии с которым иностранный гражданин, достигший 18-летнего возраста, может получить разрешение, которое выдается в пределах установленной квоты.

Возможна выдача разрешения на временное проживание иностранным гражданам без учета квоты, по основаниям, указанным в п. 3 ст. 6 Закона «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации». При оформлении такого разрешения необходима ежегодная перерегистрация в органах внутренних дел с обязательной дактилоскопической регистрацией. Выдача разрешения производится органами миграционной службы по предполагаемому месту проживания иностранного гражданина.

Без учета квоты разрешение могут получить граждане, родившиеся на территории РСФСР и имевшие ранее гражданство СССР; нетрудоспособные граждане, имеющие дееспособных детей – граждан РФ; граждане, имеющие нетрудоспособных родителей, состоящих в гражданстве РФ; граждане, состоящие в браке с гражданином РФ; граждане, осуществившие инвестиции в Российской Федерации в размере, установленном Правительством РФ; поступившие на военную службу – на срок военной службы; граждане, являющиеся участниками Государственной программы по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом, и члены их семьи, переселяющиеся совместно с ними; в иных случаях, предусмотренных федеральным законодательством.

Иностранцы граждане, достигшие 14-летнего возраста, получают разрешение на временное проживание в виде отметки в документе, удостоверяющем его личность, а при отсутствии такого документа и в случае, если иностранец не достиг 14 лет, – в виде отметки в документах, удостоверяющих личность обоих его родителей. Соответственно, как и российские граждане, иностранцы могут заключать трудовые договоры с 14 лет и ранее при условиях, указанных в ст. 63 Трудового кодекса РФ, и на основании разрешения на временное проживание.

В соответствии с п. 1 ст. 1 Федерального закона № 4528-1 от 19 февраля 1993 г. «О беженцах»¹² беженец – это лицо, которое не является гражданином Российской Федерации и которое в силу вполне обоснованных опасений стать жертвой преследований по признаку расы, вероисповедания, гражданства, национальности, принадлежности к определенной социальной группе или политических убеждений находится вне страны своей гражданской принадлежности и не может пользоваться

7 Скачкова Г. С. Труд иностранцев в России: правовое регулирование. – М., 2006. – С. 3.

8 Там же. – С. 3.

9 Там же. – С. 49.

10 Там же. – С. 50.

11 Постановление Правительства РФ № 193 «Об утверждении правил определения квоты на выдачу иностранным гражданам разрешений на временное проживание в Российской Федерации» от 04.04.2003 (ред. от 28.03.2008) // Собрание законодательства РФ. – 12.04.2003. – № 70.

12 Федеральный закон № 4528-1 «О беженцах» // Российская газета. – 03.06.1997. – № 126.

защитой этой страны или не желает пользоваться такой защитой вследствие таких опасений; или, не имея определенного гражданства и находясь вне страны своего прежнего обычного местожительства в результате подобных событий, не может или не желает вернуться в нее вследствие таких опасений. Признание лица беженцем осуществляется в порядке, определяемом ст. 3 Закона «О беженцах».

В соответствии с п. 2 Положения о порядке предоставления РФ политического убежища, утвержденного Указом Президента РФ от 21 июля 1997 г. «Об утверждении Положения о порядке предоставления РФ политического убежища»¹³, политическое убежище предоставляется Россией иностранным гражданам и лицам без гражданства, ищущим убежища и защиту от преследования или реальной угрозы стать жертвой преследования в стране своей гражданской принадлежности или в стране своего обычного местожительства за общественно-политическую деятельность и убеждения, которые не противоречат демократическим принципам, признанным мировым сообществом. При этом такое преследование должно быть направлено непосредственно против лица, обратившегося с соответствующим ходатайством. Предоставление политического убежища производится указом Президента РФ и распространяется не только на лицо, ходатайствующее о нем, но и на членов его семьи и подтверждается свидетельством установленного образца. Впоследствии на его основании органы внутренних дел оформляют вышеуказанным лицам вид на жительство.

Лица, которым предоставлено политическое убежище, пользуются в России правами и свободами и несут обязанности наравне с гражданами РФ, кроме случаев, предусмотренных законодательством для иностранных граждан и лиц без гражданства.

Лицо, признанное беженцем, имеет право, согласно ст. 8 Закона «О беженцах», на получение содействия в направлении на профессиональное обучение или в трудоустройстве, а также на работу по найму или предпринимательскую деятельность, на социальную защиту, социальное обеспечение наравне с гражданами РФ, за исключением случаев, предусмотренных законодательством РФ. Они пользуются правами граждан РФ в сфере трудовых отношений, если иное не предусмотрено международными договорами и законодательством РФ. Таким образом, трудовые права беженцев и лиц, которым предоставлено политическое убежище, в целом аналогичны правам иностранцев, постоянно проживающих в РФ, но при приеме беженцев на работу от работодателя не требуется получения специального разрешения.

Иностранному гражданину, достигшему 18-летнего возраста, в течение срока действия разрешения на временное проживание при наличии законных оснований по его заявлению может быть выдан вид на жительство.

Документами, удостоверяющими личность лица без гражданства в РФ, являются: документ, выданный иностранным государством и признаваемый в соответствии с международным договором РФ в качестве документа, удостоверяющего личность лица без гражданства; разрешение на временное проживание; вид на жительство; иные документы, признаваемые в качестве удостоверений личности¹⁴.

13 Указ Президента РФ № 746 «Об утверждении Положения о порядке предоставления РФ политического убежища» от 21.07.1997. (ред. от 27.07.2007) // Собрание законодательства РФ. – 28.07.1997. – № 30. – Ст. 3601.

14 Скачкова Г. С. Труд иностранцев в России: правовое регулирование. – М., 2006. – С. 77.

Приглашение на въезд в Российскую Федерацию – документ, являющийся основанием для выдачи иностранному гражданину визы либо для въезда в РФ в порядке, не требующем получения визы. Приглашение в Российскую Федерацию иностранного гражданина российским юридическим лицом оформляется МИД России, а в случае въезда в Россию по приглашению гражданина РФ с целью встречи с родственниками или знакомыми, оформляется в ОВД на основании письменного заявления от приглашающего лица.

Миграционная карта – это документ, содержащий сведения о въезжающем или прибывшем в Россию иностранном гражданине и о сроках его временного пребывания, подтверждающий его право на временное пребывание и служащий для контроля за временным пребыванием иностранца в РФ (ст. 2 Закона «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации»).

Разрешение на работу для каждого иностранного работника получает работодатель, после чего он обязан предоставить медицинские справки, подтверждающие отсутствие у иностранного работника заболевания наркоманией и инфекционных заболеваний, предусмотренных Перечнем, утвержденным постановлением Правительства РФ от 02 апреля 2003 г. № 188¹⁵, а также сертификат об отсутствии у него ВИЧ-инфекции. Отсутствие указанных документов является основанием для отказа в выдаче разрешения на работу¹⁶.

Работодатель обязан передать под роспись разрешение на работу иностранному работнику, на имя которого оно оформлено, до начала его трудовой деятельности на территории Российской Федерации.

Привлечение иностранных граждан из числа высококвалифицированных специалистов на основе подтверждения на право трудовой деятельности осуществляется без оформления разрешения в случаях найма для работы на предприятиях с иностранными инвестициями, а также иностранных граждан на должности руководителей и их заместителей.

При осуществлении трудовой деятельности не требуется разрешение на работу от иностранных граждан, постоянно проживающих на территории РФ, являющихся участниками Государственной программы по добровольному переселению в РФ соотечественников, проживающих за рубежом, соотрудников дипломатических представительств, консульских учреждений, сотрудников международных организаций, журналистов, аккредитированных в РФ, учащихся в РФ и выполняющих работы в течение каникул, приглашенных в РФ преподавателей.

Таким образом, можно сказать, что различные категории иностранных граждан, в зависимости от режима их нахождения на территории РФ, от заключенных их странами с Россией соглашений и договоров, а также от характера осуществляемой ими трудовой деятельности и других факторов и необходимых документов, могут осуществлять в России трудовую деятельность.

15 Постановление Правительства РФ № 188 «О перечне инфекционных заболеваний, представляющих опасность для окружающих и являющихся основанием для отказа в выдаче либо аннулирования разрешения на временное проживание иностранным гражданам и лицам без гражданства, или вида на жительство, или разрешения на работу в Российской Федерации» от 02.04.2003., (в ред. от 01.02.2005) // Собрание законодательства РФ. – 07.04.2003. – № 14. – Ст. 1286.

16 Шур-Труханович Л. В. Трудовая деятельность иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации. – М., 2007. – С. 94.

Пристайный библиографический список

1. Асриян Б. А. Социальные и трудовые права мигрантов в Российской Федерации: Дис. ... канд. юр. наук. – М.: Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, 2004.
2. Конвенция № 143 Международной организации труда «О злоупотреблениях в области миграции и об обеспечении трудящимся-мигрантам равенства возможностей и обращения» от 24.06.1975 (принята в г. Женеве на 60-й сессии Генеральной конференции МОТ) // Международная защита прав и свобод человека. Сборник документов. – М.: Юридическая литература, 1990.
3. Конвенция № 97 Международной организации труда «О трудящихся-мигрантах (пересмотренная в 1949 г.)» от 01.07.1949 (принята в г. Женеве на 32-й сессии Генеральной конференции МОТ) // Международная защита прав и свобод человека. Сборник документов. – М.: Юридическая литература, 1990.
4. Наумова Р. Л. Труд иностранцев у российского работодателя. – М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К^о», 2009.
5. Постановление Правительства РФ № 188 «О перечне инфекционных заболеваний, представляющих опасность для окружающих и являющихся основанием для отказа в выдаче либо аннулирования разрешения на временное проживание иностранным гражданам и лицам без гражданства, или вида на жительство, или разрешения на работу в Российской Федерации» от 02.04.2003., (в ред. от 01.02.2005) // Собрание законодательства РФ. – 07.04.2003. – № 14. – Ст. 1286.
6. Постановление Правительства РФ № 193 «Об утверждении правил определения квоты на выдачу иностранным гражданам разрешений на временное проживание в Российской Федерации» от 04.04.2003 (ред. от 28.03.2008) // Собрание законодательства РФ. – 12.04.2003. – № 70.
7. Скачкова Г. С. Труд иностранцев в России: правовое регулирование. – М., 2006.
8. Указ Президента РФ № 746 «Об утверждении Положения о порядке предоставления РФ политического убежища» от 21.07.1997. (ред. от 27.07.2007) // Собрание законодательства РФ. – 28.07.1997. – № 30. – Ст. 3601.
9. Федеральный закон «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» от 25.07.2002. № 115-ФЗ (в ред. от 23.07.2008) // Собрание законодательства РФ. – 29.07.2002. – № 30. – Ст. 3032.
10. Федеральный закон № 4528-1 «О беженца» // Российская газета. – 03.06.1997. – № 126.
11. Щур-Труханович Л. В. Трудовая деятельность иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации. – М.: Финпресс, 2007.

ВЫШЛА ИЗ ПЕЧАТИ КНИГА

Байтеева М.В.

ЯЗЫК И ПРАВО

Монография / М.В. Байтеева.
Казань: Изд-во «Отечество», 2013. - 253с.

В предлагаемой книге исследуются проблемы правового языка из междисциплинарной перспективы: с позиций структурализма, феноменологии и герменевтики. Автор рассматривает также возможности обновления методов понимания права с позиций феноменологической герменевтики.

Вильданов Р. Р.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ДУМА В НАЧАЛЕ XX И XXI ВЕКОВ: ОБЩЕЕ И ОСОБЕННОЕ

В статье анализируется положение Государственной Думы начала XX в., ее отличия от современной Думы, рассматриваются их общие черты.

Ключевые слова: Конституция, парламент, Государственная Дума, монархия.

Vildanov R. R.

THE STATE DUMA AT THE BEGINNING OF THE 20th AND 21st CENTURIES: GENERAL AND SPECIAL

In the article position of the State Duma at the beginning of the 20th century is analyzed as well as its difference from the modern Duma, their common features are considered.

Keywords: Constitution, the Parliament, the State Duma, monarchy.

Вильданов Р. Р.

В российской политической, исторической науке развернулась дискуссия о том, можно ли считать парламентом Государственную Думу и реорганизованный Государственный Совет. Если считать парламентом представительный двухпалатный орган, обладающий правами принимать законы, утверждать бюджет и контролировать правительство, то Государственная Дума и Государственный Совет были такими учреждениями. Самое важное состояло в том, что с 27 апреля 1906 г. законодательные функции появились, помимо монарха, у Государственной Думы и Государственного Совета. С этим же связан и другой вопрос. Стала ли Россия конституционной монархией?

Либеральные исследователи российского государственного строя после 1905 г. отвечали на этот вопрос положительно. Например, Г. Ф. Шершеневич, В. М. Гессен, Н. М. Коркунов считали, что со дня опубликования Манифеста 17 октября российский абсолютизм отошел в область прошлого, так как Россия превратилась в конституционную монархию. Доказывая свою правоту, Н. М. Коркунов находил, что власти «неограниченного монарха не может быть противопоставлена никакая другая ограничивающая ее власть», поэтому власть императора перестала быть абсолютной после того, как он разделил ее в законодательной сфере с Думой¹. Русские государствоведы Н. И. Лазаревский, Б. Э. Нольде, Ф. Ф. Кокошкин, Н. И. Палиенко днем окончательного перехода России от абсолютной монархии к конституционной считали день открытия I Государственной Думы, т. е. 27 апреля 1906 г. Этот вывод из политических соображений оспаривался как в 1906–1917 гг., так и в настоящее время. Правые политики и публицисты полагали, что император остается неограниченным и в подтверждение этого ссылались на сохранение в Основных законах определения власти императора как самодержавной. Они заявляли, что суверенитет неотчуждаем и император пожаловал конституцию и может взять ее обратно, что самодержавие не право, но и долг монархии и что император может все, кроме отказа от своего всемогущества. Этой точки зрения придерживался и сам Николай II, который после 1906 г. по-прежнему продолжал считать себя абсолютным монархом. Его манифест от 3 июня 1907 г., обосновывая явное нарушение Основных законов, наряду с прагматическими аргументами утверждал, что

«только Власть, даровавшей первый избирательный закон, исторической Властью Русского Царя, довлеет право отменить оный и заменить его новым» и что «от Господа Бога вручена нам власть нарекая над народом нашим. Перед престолом его мы дадим ответ за судьбы Державы Российской»². Из-за таких взглядов главы государства ни он сам, ни его министры, ни разу публично не признали наличие в России конституционной монархии, предпочитая говорить о «представительном строе» или «обновленном строе». Радикальные публицисты и политики оценивали государственный строй России после 1905 г. по-разному. Владимир Ленин и большевики не считали его конституционной монархией, обосновывая это мнение ограниченностью полномочий Государственной Думы. Эта точка зрения безусловно доминировала в советской науке. Государственную Думу не признавали за парламент, считая ее «псевдопарламентарным учреждением», и, в лучшем случае, неким «учреждением типа парламента» или зачаточной формой парламента³. Наконец, ряд исследователей считали невозможным определенным ответ на вопрос, была ли в России после 1906 г. абсолютная или конституционная монархия⁴.

Все же советские ученые в основном сходились на том мнении, что абсолютизм в России сохранился, несмотря на реформы в начале XX в.⁵ Но были и другие точки зрения. Например, А. М. Давидович считал, что после 17 октября 1905 г. форма правления в России изменилась – абсолютную монархию сменило «конституционное самодержавие», разновидность феодального государства⁶. Эта точка зрения критиковалась тогда же из-за противоречивости термина «конституционное самодержавие». Е. Д. Черменский полагал, что в результате

1 Пахоленко Н. Б. Из истории конституционных проектов в России: Учеб. пособие / Ин-т государства и права РАН, Акад. правовой ун-т. – М., 2000. – С. 23.

2 Законодательные акты переходного времени 1904–1908 гг. – СПб., 1909. – С. 558.

3 Петрова Д. В. Новое в оценке полномочий Государственной Думы // Проблемы государства и права на современном этапе. – Вып. 1. – М., 1970. – С. 202.

4 Ганелин Р. Ш. Российское самодержавие в 1905 году. – СПб., 1991. – С. 217.

5 См., например: Калинычев Ф. И. Государственная Дума в России. – М., 1957; Ерошкин Н. П. История государственных учреждений дореволюционной России. – М., 1983; Сидельников С. М. Образование и деятельность первой Государственной Думы. – М., 1962; Аврех А. Я. Столыпин и третья Дума. – М., 1968.

6 Давидович А. М., Покровский С. А. О классовой сущности и этапах развития русского абсолютизма // История СССР. – 1969. – № 1. – С. 76; Давидович А. М. Самодержавие в эпоху империализма. – М., 1975.

реформ абсолютизм в России был ограничен конституцией, т. к. «после опубликования в апреле 1906 г. новой редакции законов царь не только формально, но и практически лишился двух важнейших прерогатив – неограниченного права законодательства и автономного распоряжения государственным бюджетом»⁷.

Переходя к определению государственной формы России в 1906–1917 гг. (по классификации В. Е. Чиркина), можно заметить, что Россия обладала сегментарной государственной формой, которая предполагает определенное разделение ролей между различными государственными институтами при осуществлении политической власти, но при отсутствии системы сдержек и противовесов и доминировании одного из органов власти (императора), жесткой централизацией и преобладанием авторитарных методов управления при наличии ограниченных демократических свобод и самостоятельного местного самоуправления⁸.

В деятельности первых двух созывов российского парламента можно выделить и еще одну линию противостояний: Государственная Дума – Государственный Совет. Верхняя палата российского парламента начала XX в. ассоциировалась в силу особенностей её формирования, прежде всего, с исполнительной властью. Не скрывало правительство и значения, которое вкладывалось им в Госсовет при его создании – противовес нижней более демократичной палате российского парламента. Мало способствовали налаживанию конструктивной законодательной работы несовпадение политических спектров палат и различный уровень профессиональной подготовки их членов (у депутатов Думы он был ниже). Однако было бы неправильно сводить отношения между Государственной Думой и Государственным Советом только к противостоянию. Взаимоотношения Госсовета с Думами – это также поиски путей к взаимному сотрудничеству между группой центра верхней палаты и кадетской фракцией Думы, положительные решения по четырем правительственным законопроектам (несмотря на разногласия в ходе их обсуждения), достижение взаимных компромиссов в ходе обсуждения других проектов. Как отмечает исследователь В. Г. Кошкидько, всё это говорило о том, что созданная система представительных органов жизнеспособна, при сближении политических позиций большинства членов палат может сотрудничать с правительством и вести эффективную законодательную работу⁹. Об этом свидетельствует и значительный рост количества законопроектов, обсуждавшихся в Думе и Госсовете во время второй сессии по сравнению с первой.

Государственная Дума была сильно ограничена в правах. В качестве законодательного органа она не могла уравновесить могущественную вертикаль исполнительной власти. В России, прежде всего, отсутствовал контроль власти законодательной над властью исполнительной. В тот период вся полнота государственной власти принадлежала Императору. Российский парламента начала XX в., как, впрочем, в значительной мере и теперь, в начале XXI в., существенно отличается от парламента западноевропейского или американского типа.

После революции 1917 г. демократический опыт парламента представительства не был использован. К нему обратились лишь в 90 гг. XX в. Особо актуальным этот опыт стал

в 1993 г. в связи с противостоянием президента и парламента и поиском новых путей развития. В 1993 г., в эпоху возрождения российской демократии, произошло возвращение парламента системы в новом, но узнаваемом облике, а к 2003 г. система окончательно сформировалась и устоялась. Российские политики настаивали на преемственности постсоветской России и дореволюционной. Это проявилось и в сохранении названия парламента, а также в том, что счет созывов Дум велся от 1906 г. При этом, напоминая в основных чертах своего предшественника – третьеиюньскую монархию, сегодняшняя российская государственная власть выгодно от нее отличается. С принятием 12 декабря 1993 г. Конституции Российской Федерации и избранием Федерального Собрания основополагающие принципы парламентаризма в современном российском законодательстве были закреплены.

В Конституции Российской Федерации установлено, что Федеральное Собрание является парламентом Российской Федерации, ее представительным и законодательным органом, состоящим из двух палат – Совета Федерации и Государственной Думы. В контексте сказанного существенное значение приобретает взгляд на то, как реализованы в Основном законе конституционные принципы парламентаризма.

Законодательная деятельность Думы ограничена жесткими рамками: над нею возвышаются две инстанции, располагающие правом вето. В этом сходство парламента начала XX и XXI вв. Государственная Дума делит представительские и законодательные функции с Советом Федерации, который по способу формирования напоминает Госсовет начала XX в. Влияние Думы на политический курс государства также серьезно ограничено: законы она самостоятельно провести не может, даже проголосовав подавляющим большинством, а вотум недоверия правительству связан с риском роспуска и досрочных выборов.

В соответствии с Конституцией Российской Федерации в Государственную Думу избираются 450 депутатов, способ формирования несколько раз изменялся. В современной России вместо монарха страной правит президент, прошедший серьезный отбор в структурах власти и выдержавший процедуру публичной инициации путем выборов. Но по объему властных полномочий президент Российской Федерации не уступает императору Российской империи. Еще одним преимуществом сегодняшней системы власти перед имперской является наличие в ней особого Конституционного Суда, который отделен от Верховного Суда РФ (наследника имперского Сената) и призван придать дополнительную устойчивость системе.

Тем не менее многие вопросы остаются нерешенными с начала XX в. Современный российский парламента по объему полномочий и влиянию на жизнь общества напоминает обновленную и модифицированную «третьеиюньскую» модель российской государственности. Но еще до революции 1917 г. отечественные мыслители (Гучков, Родзянко, Миллюков) видели пути эволюции такой системы, первым звеном реформирования которой должно было стать создание ответственного как перед главой государства, так и перед Государственной Думой Правительства, пользующегося поддержкой парламента большинства¹⁰. На этом настаивают многие депутаты Государственной Думы, при этом они ссылаются на то,

7 Черменский Е. Д. К дискуссии от абсолютизма в России // История СССР. – 1972. – №4. – С. 67.

8 Чиркин В. Е. Элементы сравнительного государственного устройства. – М., 1994. – С. 22–24.

9 Кошкидько В. Г. Представительная власть в России: формирование и функционирование (1905–1907 гг.). – М., 2000. – С. 231.

10 Москвин-Тарханов М. И. Сто лет российскому парламентаризму: пути совершенствования третьеиюньской политической модели [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.damian.ru/Actual_tema/Tarhanov/100_Let_Parlamentarizmy.htm

что сейчас возрастает роль партий в парламенте¹¹. В большинстве регионов законодательные органы власти субъектов федерации формируются четко по партийному принципу; у нас сегодня идет процесс партизации исполнительной власти на региональном уровне. Соответственно, эти выводы экстраполируются на федеральный уровень и предлагается назначать правительство парламентского большинства.

Для этого не требуется внесения каких-либо изменений в действующую Конституцию или федеральные законы, так как Президент вправе формировать Правительство по своему усмотрению, а правовой основой формирования Правительства парламентского большинства является конституционная процедура утверждения председателя Правительства Государственной Думой.

Кроме того, как и в дореволюционной Думе существует верхняя палата парламента, которая не избирается населением. Проблемным остается вопрос относительно порядка формирования Совета Федерации. С 1993 г. он менялся трижды, причем самым кардинальным образом. Избираемый непосредственно гражданами Совет Федерации после 1995 г. стал формироваться на основе представительства законодательных и исполнительных органов государственной власти субъектов. Затем в палату стали делегироваться представители субъектов.

Главное отличие отечественного парламентаризма от средневропейского заключается в уровне политического влияния парламента. По этому показателю Государственная Дума существенно уступает легислатурам не только парламентских, но и ряда президентских республик. Однако в эту ситуацию внесли свой вклад и ситуативные факторы, важнейший из которых заключался в том, что в 1990-е гг., когда формировался современный политико-институциональный дизайн, ни российская политическая элита, ни конкуренты России за ее пределами не были заинтересованы в формировании эффективной представительной власти в стране. Отечественная элита реальное представительство массовых слоев населения могло помешать осуществлению «правильной приватизации», а влиятельным зарубежным конкурентам России — добиться снижения ее конкурентоспособности и влияния в мире. Ведь, как известно, в политике действуют не столько ценности, сколько интересы.

Таковыми видятся пути развития российского парламентаризма сегодня, похожими их видели и прогрессивные деятели в России начала XX в., опыт которых является для нас весьма важным и полезным в современной России.

Пристайный библиографический список

1. Аврех А. Я. Столыпин и третья Дума. – М., 1968.
2. Ганелин Р. Ш. Российское самодержавие в 1905 году. – СПб., 1991.
3. Давидович А. М. Самодержавие в эпоху империализма. – М., 1975.
4. Давидович А. М., Покровский С. А. О классовой сущности и этапах развития русского абсолютизма // История СССР. – 1969. – № 1.
5. Ерошкин Н. П. История государственных учреждений дореволюционной России. – М., 1983.
6. Законодательные акты переходного времени 1904–1908 гг. – СПб., 1909.

7. Казаков О. На новом этапе развития // Парламентский еженедельник «КВОРУМ». – № 19(197) (20.12.06 – 26.12.06).
8. Калинин Ф. И. Государственная Дума в России. – М., 1957.
9. Кошкилько В. Г. Представительная власть в России: формирование и функционирование (1905–1907 гг.). – М., 2000.
10. Москвин-Тарханов М. И. Сто лет российскому парламентаризму: пути совершенствования третьеступенчатой политической модели [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.damian.ru/Actual_tema/Tarhanov/100_Let_Parlamentarizmy.htm
11. Пахоленко Н. Б. Из истории конституционных проектов в России: Учеб. пособие / Ин-т государства и права РАН, Акад. правовой ун-т. – М., 2000.
12. Петрова Д. В. Новое в оценке полномочий Государственной Думы // Проблемы государства и права на современном этапе. – Вып. 1. – М., 1970.
13. Сидельников С. М. Образование и деятельность первой Государственной Думы. – М., 1962
14. Черменский Е. Д. К дискуссии от абсолютизма в России // История СССР. – 1972. – № 4.
15. Чиркин В. Е. Элементы сравнительного государственного права. – М., 1994.

¹¹ Казаков О. На новом этапе развития // Парламентский еженедельник «КВОРУМ». – № 19(197) (20.12.06 – 26.12.06)

Максимова О. Д.

ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ СОВЕТСКОГО ПРАВА И ПОНЯТИЕ ЗАКОНА В СССР В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1930-х ГОДОВ

В статье проанализированы попытки переосмысления теории права и понятия закона в период коллективизации и индустриализации. Освещено участие в этой дискуссии ведущих советских теоретиков права П. И. Стучки и Е. Б. Пашуканиса. В этот период усиливается идеологическая борьба по вопросу о государстве и праве. Фактически происходит ревизия марксистского учения. Советское государство и партия большевиков не собирались отказываться от правового регулирования общественных отношений, от общепризнанных форм права, от закона. В это время была поставлена задача восстановления революционной законности.

Ключевые слова: теория права, закон, Конституция СССР 1924 г., марксизм в праве, революционная законность.

Maksimova O. D.

PROBLEMS OF THE THEORY OF SOVIET LAW AND THE CONCEPT OF LAW IN THE USSR IN THE FIRST HALF OF 1930s

The article analyzes the attempts to rethink the theory of law and the concept of law in the period of collectivization and industrialization. The part in this debate of leading Soviet theorists P. I. Stuchka and E. B. Pashukanis is examined. During this period the ideological struggle on the state and law issues has reinforced. The revision of Marxist doctrine actually occurs. The Soviet state and the Bolshevik Party did not intend to abandon the legal regulation of social relations, conventional forms of law, the law. At this time was set a task to restore revolutionary legality.

Keywords: theory of law, the law, the Constitution of the USSR in 1924, Marxism in law, revolutionary law.

В первой половине 1930-х гг. предпринимаются попытки осмысления опыта периода коллективизации и индустриализации и влияния этого опыта на правовую систему СССР. В 1929 году ведущий советский юрист П. И. Стучка в статье под названием «Революционно-правовые перспективы» указывал на необходимость упрощения законов и правовых отношений. Стучкой была поставлена весьма актуальная проблема отделения закона от других нормативно-правовых актов¹. И действительно, в советском праве в 1920-е годы еще не было проведено четкого разграничения между законами и подзаконными актами. Одной из причин такого положения можно считать то, что в законодательном процессе по Конституции 1924 г. были официально задействованы четыре органа: Съезд Советов, ЦИК СССР, Президиум ЦИК СССР и СНК СССР. И каждый из них мог издавать акты, обладавшие высшей юридической силой.

В том же 1929 году видный теоретик советского права Е. Б. Пашуканис, автор известной в 1920-е годы «меновый» теории права, исходя из тезиса об усилении классового борьбы по мере успехов социализма, выдвинул в качестве важной задачи государственного строительства слияние законодательства с управлением. В качестве примера он приводил утверждение промфинпланов и писал, что в этом случае «нельзя себе мыслить двух органов, из которых один только законодательствует, а другой только применяет эти законы»². Автор утверждал, что регулирование при помощи Гражданского кодекса не является собственно регулированием, поскольку в общие формы могут укладываться самые разнообразные экономические процессы, начиная от простого товарного производства и вплоть до капитализма. Вместо этого Пашуканис предлагал Советскому государству заменить собой рыночный механизм. Нормы, по мнению автора, должны были стать технически-организационными, а законодательные и административные акты,

превратившись в оперативные задания, должны были сохранить лишь слабую примесь элементов юридических норм.

Описав процесс свертывания правовых форм и переход к плановому хозяйству, автор рассмотрел проблему отмирания права, которую назвал пробным камнем, по которому определяется близость к марксизму и ленинизму. Критерием приверженности к марксизму он считал поддержку идеи того, что плановое начало должно вытеснить начало формально-юридическое. Итак, под слиянием законодательства с управлением Пашуканис понимал процесс постепенного отмирания государства и права. Однако пока этого не произошло, сохранялось государство переходного периода, которое должно было все еще заниматься систематизацией формальных моментов. Следовательно, пока сохранялась и правовая система, которую автор называл системой административного хозяйственного права.

Вышеизложенное показывает, что в 1929 году Пашуканис продолжал отстаивать идею об отмирании права и государства, и это несмотря на более чем десятилетний опыт советского строительства, который вроде бы никак не позволял привести к таким выводам. Разумеется, такая теоретическая постановка не могла удовлетворить Советскую власть. Советское государство в лице его руководителей, а также правящая партия не могли в начале 1930-х годов принять тезис об отмирании государства и права, которое так активно отстраивал Пашуканис, следуя марксистской теории, разработанной до Октябрьской революции, в частности, в труде В. И. Ленина «Государство и революция», написанном в августе – сентябре 1917 г. Следовало разработать новые теоретические представления о советском праве.

Начало теоретических работ по переосмыслению правопонимания в СССР в 1930-е годы, в том числе и разработка новых представлений о законе и законодательстве, было положено выступлением секретаря ЦК ВКП(б), кандидата в члены Политбюро Л. М. Кагановича в Институте советского строи-

1 Стучка П. И. Революционно-правовые перспективы // Революция права. – 1929. – № 2. – С. 9.

2 Пашуканис Е. Б. Экономика и правовое регулирование // Революция права. – 1929. – № 5. – С. 33.

тельства и права в декабре 1929 г. Одной из проблем Каганович называл борьбу с буржуазными юристами, которые продолжали оставаться на позициях буржуазной методологии, отрицали социалистическую государственность и при этом писали законы и статьи в юридических журналах про советскую демократию, подделываясь под советскую терминологию. Каганович, озвучивавший партийную точку зрения, говорил, что государственно-правовые явления следовало изучать в тесной связи с экономикой, производственными отношениями и с развитием классовой борьбы.

В теории советского государства и права докладчиком были выделены две крайности, два уклона: с одной стороны – увлечение формальным юридическим методом, а с другой – своеобразный экономизм, отрывавший право от политики³. Проблемой юридической науки, как утверждал Каганович, было засилье в ней оппортунистических извращений марксизма-ленинизма, причем оппортунистические группы отражали в различной степени настроения мелкобуржуазной стихии⁴.

Каганович от имени партии поставил следующие задачи перед правоведами в условиях диктатуры пролетариата в реконструктивном периоде. «Советское государство ставит перед собой решение основной и главнейшей задачи переходного периода – полное уничтожение капитализма, его экономической мощи, выкорчевывание его корней, коренное переустройство всех сложившихся дореволюционных экономических укладов, полное уничтожение классов и построение экономики на новых социалистических началах. Необходимо добиться, чтобы сельсовет, как орган государственной власти, стоял бы во главе колхозного движения, являлся бы организатором батрацких и бедняцко-средняцких хозяйств в их борьбе с кулачеством за социалистическое переустройство деревни. Мы идем не к ослаблению роли пролетарского государства, не к смягчению пролетарской диктатуры, не к ослаблению борьбы с классовым врагом, а к еще большему усилению роли пролетарского государства, к еще более решительной борьбе с классовым врагом»⁵.

Таким образом, главной установкой партии для юристов в конце 1929 г. была необходимость усиления работ по теории государства, так как государство диктатуры пролетариата рассматривалось как главная сила в борьбе с классовыми врагами при построении социалистического общества.

Советским юристам, которые писали об идее отмирания государства и права по мере успехов социализма, следовало пересмотреть свои теоретические взгляды. Одним из первых, кто откликнулся на новую постановку теоретической работы, был П. И. Стучка. Он признавал, что проблема создания теории классового права настолько сложна, что «многие свободно вздохнули, когда появились «признаки» скорого отмирания права»⁶. Однако новые задачи, которые стояли перед государством и правом в начале 1930-х годов, требовали совершенно иного подхода.

Как известно, в период коллективизации в деревне происходили массовые нарушения законности. Стучка в это время наблюдал «небывалое море беззакония» по отношению к середняку и бедняку в деревне и против нэпа и товарного оборота в городах. При этом им отмечалось, что отмена гражданского оборота происходит на основе местных и ведомственных постановлений. Оценивая общее состояние права в 1930 году, Стучка писал, что серьезной проблемой стала революционная законность, которая являлась связующим звеном между правом и советским строительством. Стучка утверждал, что идея законности не противоречит социалистической революции, так как одним из орудий пролетарской диктатуры является закон. Поскольку Стучка был против индивидуального произвола и выступал за организованную работу по директивам центра, то полагал, что закон должен стать иным, что ставка должна быть не на отмирание закона и права, а на «революционный» закон.

Чтобы объяснить, что такое «революционный» закон, Стучка обращался к наследию Ленина и пытался показать, что тот на разных этапах придавал разное значение понятиям декрета и закона. Об эволюции ленинских взглядов он писал: «Со вступлением во власть программа партии для него превращается в декрет-закон. Потом идут законы как «декларации, заявления, манифесты, декреты», вообще как «форма пропаганды», которые не всегда возможно было превратить в дело. Отступление к нэпу вызвало к жизни новый тип закона – кодекса, значение которого как регулятора должно было подойти к буржуазному закону и его пониманию. Конечно, с оговорками. Каким должен быть тип нового революционного наступления? Он этого не сказал, не создал»⁷.

Итак, видно, что вождь революции не создал понятия закона при социализме, следовательно, это понятие должны были сформулировать советские ученые-юристы самостоятельно. Стучка пытался вывести понятие советского закона, сравнивая это понятие с понятием закона в буржуазном праве. «Если в буржуазном обществе эти отношения осуществляются анархически-индивидуалистически в рамках норм ГК, дающих только голые формы для свободно-договорного общественного обмена веществ, то советский закон – революционный закон, не стесняя трудящихся, в будущем должен дать определенные общие директивы для развития в сторону социализма»⁸. Рассуждая о новом понимании советского закона, Стучка упоминал статьи 1 и 4 ГК РСФСР 1922 г., которые, по его мнению, в новых условиях стали лишними. Он утверждал, что действительная цель всякого гражданского права – снабжение на почве товарообмена – сохранится до тех пор, пока еще нельзя провести сплошного организованного снабжения. Повторил формулировку Ленина, что право – это равное за равное, эквивалент, Стучка добавлял, что если в буржуазном праве эквивалент был договорный, то «революционная законность эквивалент понимает как преимущественно трудовой, основанный на плановых началах, поменьше – на договоре»⁹.

В качестве проблемы революционной законности Стучка называл ведомственное нормотворчество, которое, как он писал, представляло настоящее кустарное производство. «При каждом удобном и неудобном случае эти ведомства выпускают как бы в виде ракет свои проекты новых законов, ибо каж-

3 Каганович Л.М. Двенадцать лет строительства советского государства и борьба с оппортунизмом // Советское государство и революция права. – 1930. – № 1. – С. 10.

4 Там же. – С. 20.

5 Каганович Л.М. Двенадцать лет строительства советского государства и борьба с оппортунизмом // Советское государство и революция права. – 1930. – № 1. – С. 21, 37, 42.

6 Стучка П. Революция и революционная законность // Советское государство и революция права. – 1930. – № 3. – С. 16.

7 Там же. – С. 18, 19.

8 Стучка П. Революция и революционная законность // Советское государство и революция права. – 1930. – № 3. – С. 19.

9 Там же. – С. 20.

дое из этих ведомств имеет свои «ручные станки», свои юридические проекты вместе с их авторами-юристы-консультантами»¹⁰.

Условием утверждения революционного закона, по мнению автора, был подъем культурного уровня народной массы. Эту задачу Стучка называл самой трудной и наименее понятной. И так, что же понимал под революционным законом Стучка. Ответ на этот вопрос был следующим: «Доверие, которое питают к партии широкие слои трудящихся, создает в них уверенность, что политическая директива партии и закон как формальное выражение воли господствующего класса в целом не должны и не могут расходиться между собой. Сегодняшние директивные постановления партии – это завтрашний, даже сегодняшний революционный закон. Конечно, полностью это относится только к центральным директивам, ибо у нас имеются только общеобязательные законы»¹¹.

Таким образом, Стучка попытался разработать свою концепцию права, проанализировав состояние права в 1930 году. Такой анализ привел его к отождествлению революционного закона с директивой партии. Вероятно, для такого вывода у Стучки были некоторые основания, но все же вряд ли такой подход можно считать правомерным.

Еще одной попыткой рассмотрения проблемы закона и законодательства в духе политики начала 1930-х годов была статья сотрудника Института советского строительства и права М. Д. Резунова. Он писал, что «ключ к пониманию роли советского закона находится в правильном представлении о взаимоотношении партийной директивы и советского закона»¹². С точки зрения Резунова, отождествление партийной директивы с советским законом означало подмену диктатуры пролетариата диктатурой партии.

Говоря о новых представлениях о советском законе, которые стали появляться в литературе в начале 1930-х годов, необходимо указать на новую практику подготовки нормативно-правовых актов, издававшихся от имени советских и партийных органов, которая появилась в первой половине 1930-х годов. Данное обстоятельство может считаться одной из особенностей нормотворческой деятельности Советского государства в рассматриваемый период. О том, как происходила подготовка таких актов, можно узнать из переписки Сталина с Кагановичем¹³. Например, из нее следует, что знаменитое постановление «Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации и укреплении общественной (социалистической собственности)» от 7 августа 1932 г., больше известное как закон «о пяти колосках», был разработан лично И. В. Сталиным¹⁴.

8 июня 1932 г. Каганович писал Сталину, что И. М. Варейкис предложил разработать постановление о стимулировании посевов и уборки свеклы. 21 июня от Сталина был получен ответ: «Проект о свекле читал. Надо обязательно выбросить пункты первый о сокращении сдачи хлеба и абзац третий в пункте два о премии. Остальное приемлемо. В проекте нет пункта о подвозе свеклы к станциям. Это недостаток проекта»¹⁵. Отме-

тим, что ответ был написан на проекте постановления СНК СССР и ЦК ВКП (б) «О свекле». 12 июля 1932 г. Сталин еще раз вернулся к вопросу о свекле и писал Кагановичу: «Получил проект СНК и ЦК о свекле. Проект нуждается в серьезной редакционной шлифовке. Считать более целесообразным опубликовать это постановление от имени СНК, а от ЦК дать в печать лишь директиву парторганизациям. О безусловном его проведении в жизнь, аналогично тому, как это было проделано с постановлением о революционной законности. Так будет лучше, если не согласны, поступайте по своему усмотрению и используйте мою подпись»¹⁶.

Упомянем также одно принципиально важное решение, принятое партией и оформленное в советском порядке – решение об отмене карточек. 25 ноября 1934 г. ЦК ВКП(б) заслушал доклад В. М. Молотова об отмене карточной системы на хлеб. Сталин называл это решение важным этапом укрепления денежной экономики и торговли. 21 сентября 1934 г. он писал Кагановичу: «Установление единой коммерческой цены на сахар для всего СССР есть экономический абсурд, цены должны быть разные, смотря по отдаленности районов и трудности завоза»¹⁷. 22 сентября 1934 г. Политбюро рассматривало вопрос о коммерческих ценах на сахар и поручило А. И. Микояну представить проект предложений.

Как уже отмечалось, ведущими теоретиками права в то время были коммунисты, активно занимавшиеся практикой – П. И. Стучка и Е. Б. Пашуканис. Именно они стали основными участниками дискуссии в начале 1930-х годов, которая происходила на страницах ведущего юридического журнала «Советское государство и революция права», издававшегося Коммунистической академией, именно против их теоретических взглядов, сформировавшихся в 1920-х гг. велась борьба в начале 1930-х годов.

В конце 1930 г. Стучка попытался дать постановку работы советских юристов. Он писал, что на последнем этапе нэпа выпячивается необходимость связи экономики с государством и, особенно, с правом, следовательно, юрист немислим без знания экономики. Стучка сетовал на распространение абстрактных методов в юридической науке. Причем под абстрактностью он понимал не высокий уровень общения, как можно было бы предположить, а наоборот – отказ от всякой теории, когда в юридической работе удовлетворяются лишь «юридически-логическими» комментариями действующих законов. И, как следствие неразвитости теории советского права, в силе остается буржуазная теория права. В качестве подтверждения данной точки зрения Стучка признавал, что его известная работа «Революционная роль права и государства» была написана в 1921 году под влиянием буржуазной социологической школы.

Чтобы корректировать теоретико-правовую работу, Стучка выдвинул так называемых «трех китов»: 1) революционную диалектику; 2) классовый характер государства и права и 3) тезис о том, что «общественные отношения», а не нормы (статьи закона) являются основой права. Кстати, последнее было важнейшим положением его вышеуказанной работы 1921 г. и является ничем иным, как проявление социологического подхода в праве, от которого Стучка как будто хотел как-то отмежеваться.

О так называемых «трех китах» Стучки следует сказать следующее. Первые два пункта являлись общими установками для всех советских теоретиков права, когда они пытались

10 Стучка П. Революция и революционная законность // Советское государство и революция права. – 1930. – № 3. – С. 21.

11 Там же. – С. 22.

12 Резунов М. Д. Советский закон на новом этапе нэпа // Советское государство и революция права. – 1930. – № 4. – С. 31.

13 См.: Сталин и Каганович. Переписка. 1931–1936 гг. / Сост. О. В. Хлевнюк, Л. П. Кошелева и др. – М., 2001.

14 См.: Зеленин И. Е. «Закон о пяти колосках»: разработка и осуществление // Вопросы истории. – 1998. – № 1. – С. 115.

15 Сталин и Каганович. Переписка. 1931–1936 гг. – М., 2001. – С. 185.

16 Там же. – С. 222.

17 Сталин и Каганович. Переписка. 1931–1936 гг. – М., 2001. – С. 490.

создать правовые концепции на основе марксизма. А вот третье положение о том, что не нормы права, а общественные отношения представляют собой основу права, можно считать особенностью позиции самого Стучки, который еще в начале 1920-х годов развивал социологический подход в советском праве. В первые годы после революции его теория пользовалась популярностью. Затем, по мере развития законодательства, нормативный подход стал вытеснять социологическое понимание права. Однако, как видно, Стучка был верен своей первоначальной позиции и продолжал ее продвигать и в 1930 году. Такое упорство со стороны видного советского юриста выглядит не совсем уместным, так как к 1930 году были созданы общесоюзные законы, например, Основные начала уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик 1924 г., Основы землепользования и землеустройства Союза ССР 1928 г. Но, вероятно, автор хотел сказать, что существующие общественные отношения не соответствуют их законодательному нормативному регулированию. Пунктом «е» Стучка давал скорее не тезис, а описывал состояние советской юридической науки в конце 1930 г. Он писал: «Наша база стала узкою. Перед нами задачи, не соответствующие нашим количественным силам. Великий перелом в революции требует перелома и в теории права, а мы до сих пор не достигли единства. У нас на основе отдельных фраз идут взаимные обвинения в уклонах и загибах, а соответствующей генеральной линии нет»¹⁸.

Итак, статья Стучки показывает, что в стране был кризис теории права. Это подтверждается и тем, что положения Стучки вряд ли можно назвать тезисами для постановки работы ученых-юристов, так как они носят сумбурный характер и мало что дают для теоретических разработок, скорее представляют собой сетования на плохое состояние дела.

Более развернутую картину состояния советской правовой науки, чем П. И. Стучка, давал Е. Б. Пашуканис в докладе, прочитанном на заседании бюро Института советского строительства и права 10 ноября 1930 г.

Он говорил следующее: «Мы вступаем в период социализма. Мы развертываем по всему фронту наступление на капиталистические элементы. Однако среди теоретиков советского права много носителей буржуазной теории права. Сущность правового уклона Сталин определил как мелкобуржуазный либерализм. Характерными его признаками являются: отрицание непримиримости классовых борьбы, проповедь безболезненного вращивания капиталистических элементов в социализм, теория самотека, отрицание возможности активного воздействия пролетарского государства на экономику, отрицание высоких темпов индустриализации и коллективизации, готовность во всякую минуту капитулировать перед рыночной стихией и давлением кулачества, страх перед чрезвычайными мерами, сопротивление лозунгу ликвидации кулачества как класса на основе сплошной коллективизации. Правый оппортунизм опирается на теорию равновесия, на бухаринский закон трудовых затрат и плюс троцкизм»¹⁹.

К ошибкам руководства в сфере права Пашуканис относил «просачивание бухаринской концепции в теоретические работы»²⁰. Наиболее ярким примером влияния этой концепции, по его мнению, являлось признание «закона трудовых затрат». Пашуканис в качестве примера назвал статью Стучки

«Государство и право в период социалистического строительства», где Стучка использовал этот закон для объяснения советского права. Так, советское право Стучкой понималось как установление трудового эквивалента всюду, где буржуазное право представляет свободу появления закону стоимости. По этому поводу Пашуканис писал: «Таким образом, вместо строительства социализма в процессе ожесточенной классовой борьбы мы имеем картину мелкобуржуазной уравнилительной утопии на основе материального трудового эквивалента»²¹.

В своем выступлении Пашуканис, естественно, попытался отстоять свою «меновую» концепцию права: «Моя работа помогала срывать маски с тех, кто на деле защищал буржуазно-юридическое мировоззрение. Когда предлагается целиком разбить или отбросить мою работу как проявление буржуазно-правового индивидуализма, как меновую «субъективную» и вернуться не то к теории социальных функций, не то к нормативно идеологическому пониманию права, не то к теории принуждения, то я на этот путь становиться не собираюсь»²².

Стараясь оправдать свою теорию, Пашуканис все же признавал наличие ошибок в своих взглядах. «Моя ошибка заключалась в смешении специфических признаков буржуазно-юридической формы и права в целом, что далеко не одно и то же»²³. Исходя из этого он делал вывод, что стержнем каждой исторической системы права, ее содержанием является отношение между собственниками средств производства и непосредственными производителями.

Особенно ярко, по мнению Пашуканиса, недостатки его теории проявились в вопросе о соотношении государства и права. В 1930 году он признал, что победа класса эксплуататоров не может привести к уничтожению эксплуатируемых. А раз так, то это опрокидывало его собственные суждения насчет того, что «в случае победы одного класса отпадает надобность в государстве. Пролетариат, победив в борьбе за власть, сохраняет государство на протяжении всего переходного периода как важнейшее орудие построения социализма»²⁴. Здесь можно добавить, что для самого Е. Б. Пашуканиса вопрос об отмирании государства по мере развития социализма был неким камнем преткновения, он постоянно поднимал этот вопрос в своих работах и был, по-видимому, убежден в правильности этого тезиса.

Пашуканис проанализировал термины «советское право» и «пролетарское право». Отмечая наличие терминологической путаницы в данном вопросе, он давал следующее понимание этой проблемы: «Суть в том, что в переходный период диктатуру пролетариата нельзя рассматривать как особую законченную социально-экономическую формацию, а потому нельзя для нее создавать особую законченную систему права, искать какую-то особую форму, исходя из симметрии: право феодальное, право буржуазное, право пролетарское. Здесь сказывается черта юриста во что бы то ни стало дать систему, лишенную внутренних противоречий. Создавать систему пролетарского права столь же законченную, какими были системы буржуазного и феодального права, а к этому дело сводится, – это значит обернуться спиной к экономике и к политике, а нам, правовикам, нужно сделать как раз обратное

18 Стучка П. И. Постановка нашей работы // Советское государство и революция права. – 1930. – № 11–12. – С. 51.

19 Пашуканис Е. Б. Положение на теоретическом правовом фронте (К некоторым итогам дискуссии) // Советское государство и революция права. – 1930. – № 11–12. – С. 19.

20 Там же. – С. 20, 22.

21 Пашуканис Е. Б. Положение на теоретическом правовом фронте (К некоторым итогам дискуссии) // Советское государство и революция права. – 1930. – № 11–12. – С. 23.

22 Там же. – С. 30, 31.

23 Там же. – С. 34.

24 Там же. – С. 37.

– стать лицом к экономике, к политике, к классам»²⁵. Продолжая обсуждение проблемы советского права, Пашуканис трагивал весьма щекотливый в теории вопрос об отмирании права. «Пока об отмирании права довольно трудно говорить конкретно. Должна исчезнуть власть разделения труда над человеком, должна исчезнуть противоположность умственного и физического труда, должны исчезнуть противопоставление отдельных интересов общим интересам и связанный с этим принудительный характер труда, должно исчезнуть государственное принуждение»²⁶. Из приведенной цитаты видно, что Пашуканис был приверженцем радикального, «левацкого» подхода о будущем права, так же как и в вопросе с отмиранием государства, в вопросе о будущем права он придерживался теоретической точки зрения об отмирании права по мере развития социализма и перехода к коммунизму.

Описывая сложившуюся ситуацию в 1930 году, он констатировал, что политика довлеет над правом, поэтому требовалась большая гибкость при формировании системы права. «Отношение права к политике и к экономике у нас совершенно иное, чем в буржуазном обществе. В буржуазно-капиталистическом обществе правовая надстройка должна иметь максимум неподвижности, максимум устойчивости, ибо она представляет собой твёрдые рамки для движения экономических сил, носителями которых являются предприниматели. Поэтому для буржуазных юристов характерно стремление создавать законченные, лишённые внутренних противоречий, цельные системы права. У нас иное, у нас нужна максимальная гибкость нашего законодательства. Мы каждый день ломаем структуру производственных отношений и на их место ставим новые.

Система пролетарской политики заключается в том, что, опираясь на наши достижения в области экономической и культурной, мы с помощью рычага государственного принуждения переводим производственные отношения в иную фазу, делаем их иными. Достаточно перечислить такие вещи как индустриализация, хлебозаготовки, коллективизация, ликвидация кулачества как класса, борьба за промфинплан. Мы хотим не только защитить и охранить, но мы хотим построить наше право так, чтобы оно не мешало двигаться вперед, а помогало идти от одного этапа к другим. У нас есть система пролетарской политики, на нее должно быть ориентировано право. Мы за то, чтобы политика довлела над правом, ибо она ведет вперед»²⁷.

В том же номере журнала «Советское государство и революция права» за 1930 год, в котором был напечатан доклад Е. Б. Пашуканиса «Положение на теоретическом правовом фронте», была опубликована статья М. Луцкого «К вопросу о взаимоотношении права и государства», в которой содержалась критика Пашуканиса за недооценку роли государства и права при социализме. Луцкий, например, писал: «В концепции Пашуканиса имеется громадный пробел – по вопросу о взаимоотношении государства и права. Непонятно, почему Пашуканис считает, что потребность в государстве имеется только тогда, «когда ни один из борющихся классов не может одержать решительной победы». Он пошел в постановке проблемы по стопам буржуазной науки. Юриспруденция ставит проблему взаимоотношения государства и права только

в плоскости выяснения связанности государства правом, как проблема правового государства. Только явные оппортунисты склонны недооценивать громадной роли советского права, революционной законности, прокуратуры»²⁸. Итак, сделаем вывод. Борьба Пашуканиса на правовом фронте была не просто борьбой отдельно взятого ученого, оригинального мыслителя, за свои взгляды, а это борьба за пересмотр юридического мировоззрения в советском обществе, идеологическая борьба в сфере права. Пашуканис был лидером советских юристов, чьи взгляды сформировались 1920-е годы. Вот почему, уступая критикам в каких-то вопросах, признавая некоторые так называемые ошибки, Пашуканис стремился все же оправдать свою концепцию. При этом у него не было выбора, так как он продолжал работать в рамках той парадигмы, которая была актуальной в период нэпа. Так что личная драма Пашуканиса заключалась в том, что новый период истории СССР требовал новой теоретической основы для права.

То, что время Пашуканиса и Стучки в начале 1930-х годов уже прошло, наглядно видно из резолюции I всесоюзного съезда марксистов – государственников и правовиков. Этот съезд проходил 8-14 января 1931 г. В резолюции были выражены основные идеи о советском государстве и праве на начало 1931 г., т.е. этот документ представляет интерес как отражение взглядов ведущих советских юристов в начале 30-х годов. Обратим внимание на то, что влияние Пашуканиса в этот период было еще значительным, так как он в тот момент возглавлял Институт советского строительства и права Комакадемии.

Недостатком теоретической работы была признана недооценка учения Ленина о государстве и праве. Объявлялась борьба с оппортунистическими течениями в юридической науке. В резолюции указывалось, что «успешное наступление предполагает развернутую борьбу на два фронта: против правооппортунистического уклона, представляющего в данное время наибольшую опасность, и против «левацких» течений, представляющих собой, как правило, рецидив троцкистской идеологии»²⁹.

Уклоны в резолюции были не просто названы, а давались разъяснения о том, что они собой представляли. «В области вопросов государства и права правооппортунистический уклон не доводит идею диктатуры пролетариата до конца, т.е. до ликвидации классов, отрицает непримиримость классовых интересов и проповедует теорию затухания классовой борьбы. С этим связано умаление активной роли государства, воздействующего на экономику, преклонение перед стихийностью рыночных отношений, теория самотека, теория вставания капиталистических элементов в социализм, умаление руководящей роли пролетариата по отношению к крестьянству, либеральное понимание советского закона и революционной законности, отрицание необходимости и допустимости чрезвычайных мер по отношению кулачеству и политики ликвидации кулачества как класса на основе сплошной коллективизации.

Методологической основой «левацкого» уклона является наряду с теми же механистическими концепциями абстрактно-формалистическое извращение диалектики, уводящее от реальной действительности со всей ее сложностью и со всеми объективными противоречиями в область пустых абстракций

25 Пашуканис Е. Б. Положение на теоретическом правовом фронте (К некоторым итогам дискуссии) // Советское государство и революция права. – 1930. – № 11–12. – С. 42.

26 Там же. – С. 43.

27 Там же. – С. 47, 48.

28 Луцкий М. К вопросу о взаимоотношении права и государства // Советское государство и революция права. – 1930. – № 11–12. – С. 189, 190, 191.

29 Резолюция I Всесоюзного съезда марксистов-государственников и правовиков по докладам Е. Пашуканиса и Я. Бермана // Советское государство и революция права. – 1931. – № 3. – С. 144.

и чистой логики. Капитуляция перед трудностями, характерная для правого уклона, заменяется в данном случае попытками отмахнуться от трудностей, не замечать их, перескочить через них. В вопросах государства и права левые «загибщики, повторяя установки троцкистов, скатываются к безудержному авантюризму, делая ставку на голый административный нажим, приводящий к насилию по отношению к середняку»³⁰.

В качестве задачи советской юридической науки ставилась борьба с образцами буржуазно-юридической методологии, к которым были отнесены работы Магазинера, Дурденевского, Дябло, Палиенко, Котляревского, Архипова, Игнатьева, Крыльцова, Успенского. Стоит заметить, что Архипов был автором монографии, посвященной понятию советского закона в СССР в 1920-е годы, которое существенно отличалось от трактовки закона в первой половине 1930-х годов³¹. Из работы Архипова следовало, что закон – это не норма, не приказ, не правило, обязательное для исполнения, а средство для революционных преобразований общества, которое продиктовано целесообразностью. Существенным недостатком такого подхода к закону было то, что строгое его исполнение не предусматривалось, на практике это приводило к самостоятельности на местах и даже к волюнтаризму руководящих работников, которые так или иначе понимали революционную целесообразность. Кстати, как выше отмечалось, именно это явление наблюдал в конце 1920-х годов П. И. Стучка, о чем и писал в своих статьях.

Теперь еще раз вернемся к резолюции I Всесоюзного съезда марксистов – государственников и правовиков. В ней отмечалась вредность увлечения разновидностями психологических и формально-нормативных теорий. Например, распространение теории Л. Дюги. Значительное место в рассматриваемой резолюции было уделено критике учений Стучки и Пашуканиса. По результатам обсуждений съезд поставил перед юристами следующие задачи. Перенести центр тяжести из области чисто правовой, чисто юридической на вопросы государства, диктатуры пролетариата. В качестве основной посылки для теоретической работы в области советского права признать особое качество советского права, вытекающее из его классового существа. Следовало исходить из того, что единство советского права не уничтожалось ни пережитками буржуазной формы права (применение равного масштаба к неравному), ни наличием на определенных этапах частнособственных или капиталистических отношений, которые допускались советскими законами не с целью увековечить их, а с целью преодолеть и, в конечном счете, ликвидировать.

И, наконец, самое главное: утверждалось, что единство советского права со стороны его классового существа и цели не снимает проблемы сохранения буржуазной формы права после пролетарской революции. Таким образом, в 1931 году прямо было сказано, что закон должен пониматься как источник права, в котором содержатся общие правила поведения, обязательные для исполнения. Можно говорить о том, что с начала 1930-х годов значение закона в духе нормативизма в СССР стало возрастать и утверждаться после временного снижения его роли, обусловленного сложным периодом войн и револю-

ций, а также того восстановительного периода, который принято называть нэпом.

Дискуссия по правовым проблемам продолжилась в августе 1931 г., когда состоялся пленум Всесоюзной ассоциации обществ марксистов-государственников. Одним из главных докладчиков на этом пленуме был Я. Берман.

В своем докладе Берман раскритиковал Игнатьева – консультанта Секретариата Президиума ЦИК, опубликовавшего в 1931 году статью, посвященную роли Президиума и Секретариата ЦИК СССР в системе высших советских органов. Берман считал, что Игнатьев занимается догматическим изысканием, а именно пытается найти формулу для определения места Президиума ЦИК и Совнаркома в деле проведения директив партии. Так, Игнатьев писал, что: «Совет Народных Комиссаров в текущих делах проводит в жизнь директивы партии и правительства, директивы советской власти, издавая для этого необходимые постановления и распоряжения. Президиум ЦИК Союза ССР организует для проведения в жизнь директивы партии и правительства, директивы советской власти ЦИКи союзных республик, местные советы и исполкомы»³².

Берман считал, что автор статьи никак не может освободиться от метода буржуазной школы, по которому, если существует два органа – Совнарком и Президиум ЦИК, то между ними надо распределить обязанности по проведению партийной линии. По мнению докладчика, такая постановка вопроса как у Игнатьева – «яркий пример махровой буржуазной догматики»³³. Из доклада Бермана видно, что в 1931 году попытки восстановления порядка законодательной работы по Конституции СССР 1924 г. оценивались в начале 1930-х годов как буржуазный подход и подверглись резкой критике.

На основе доклада Бермана Пленум принял резолюцию, в ней указывалось: «Актуальные проблемы социалистического строительства: разработка положений о городских советах и сельсоветах, работы, проведенные Институтом советского строительства и прав Комакадемии в области перестройки, работы советов по вопросам хозрасчета, коммунального хозяйства, колхозного строительства, выработка проектов УК и УПК – все это свидетельствует о действительном осуществлении поворота от абстрактно-схоластических вопросов к непосредственно теоретической разработке наиболее важных проблем современного периода.

П. И. Стучка свою теорию трудового эквивалента как основы советского права, выведенную им из закона трудовых затрат, пытается неправильно обосновать ведущей под руководством партии борьбой с обезличкой и уравниловкой.

Пленум считает, что основными задачами научно-исследовательской работы являются: разработка проблем усиления пролетарской диктатуры на этапе вступления в период социализма, изучение конкретных форм классово-вой борьбы, изучение процесса уничтожения противоположности между городом и деревней, проблема городского хозяйства и социалистического переустройства быта, проблема упрощения госаппарата и задачи постепенного поголовного вовлечения всех трудящихся в управление государством, изучение правовых проблем в связи с проведением хозрасчета, ликвидация обезлички и уравниловки,

30 Там же. – С. 145.

31 Максимова О. Д. Становление понятия закона как основной формы советского права в 1920-е годы // Евразийский юридический журнал. – 2014. – № 4. – С. 82–84.

32 Игнатьев В. И. Президиум и Секретариат ЦИК СССР в системе советских органов // Советское государство и революция права. – 1931. – № 5–6. – С. 46.

33 Берман Я. Очередные задачи нашей работы. Советское государство и революция права. – 1931. – № 9. – С. 10.

новых форм организации труда, планового регулирования снабжением рабочей силы, сплошной коллективизации и углубления процесса обобществления в колхозах, проблем национальной политики и изучение советского строительства в нац<иональных> районах»³⁴.

Как видим, резолюция была направлена в первую очередь против правовых теорий, разработанных юристами так называемого правового уклона, в частности Стучки. Он действительно строил свою правовую концепцию на основе трудов Н. И. Бухарина, что признавал в своих статьях. Так что атаки на него и Пашуканиса и их последователей были частью масштабной политической борьбы, которая развернулась в партии и Советском государстве в 1930-е годы. Одним из главных тезисов тогда был тезис об усилении роли государства диктатуры пролетариата. Этот тезис был диаметрально противоположен теоретическому положению о том, что по мере успехов социализма государство и право должны исчезнуть за ненадобностью. Так что идеологическая борьба, которая велась по вопросу о государстве и праве, была, по сути, ревизией марксистского учения. И в то же время она являлась объективно необходимой, так как, в конечном счете, нет сомнения в том, что современные общества не могут обходиться без государства и развитого права.

Изменения в организации нормотворческого процесса, произошедшие в первой половине 1930-х годов, нормотворчество от имени Советского правительства и ЦК ВКП(б)³⁵, не могли не вызвать обсуждений теоретических основ советского права. Но не следует думать, что усиление Советского государства, активное применение политических средств для проведения в начале 1930-х годов революционных общественных преобразований – коллективизации, индустриализации – означало отказ от правовых методов. Как следует из документов, Советское государство и партия большевиков вовсе не собирались отказываться от правового регулирования общественных отношений, от общепризнанных форм права, от закона. И, как следствие, в это время была поставлена задача восстановления законности – революционной законности, как тогда говорили.

Пристатейный библиографический список

1. Берман Я. Очередные задачи нашей работы // Советское государство и революция права. – 1931. – № 9.
2. Зеленин И. Е. «Закон о пяти колосках»: разработка и осуществление // Вопросы истории. – 1998. – № 1.
3. Игнатъев В. И. Президиум и Секретариат ЦИК СССР в системе советских органов // Советское государство и революция права. – 1931. – № 5–6.
4. Каганович Л. М. Двенадцать лет строительства советского государства и борьба с оппортунизмом // Советское государство и революция права. – 1930. – № 1.
5. Луцкий М. К вопросу о взаимоотношении права и государства // Советское государство и революция права. – 1930. – № 11–12.
6. Максимова О. Д. Становление понятия закона как основной формы советского права в 1920-е годы // Евразийский юридический журнал. – 2014. – № 4.

34 Резолюция пленума Всесоюзной ассоциации обществ марксистов-государственников по докладам Бермана и Климова. 11-13 августа 1931 г. // Советское государство и революция права. – 1931. – № 9. – С. 123, 124.

35 См. например: Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. – Т. 2. Ноябрь 1929 г. – декабрь 1930 г. / Отв. ред. Н. Ивницкий. – М., 2000.

7. Пашуканис Е. Б. Положение на теоретическом правовом фронте (к некоторым итогам дискуссии) // Советское государство и революция права. – 1930. – № 11–12.
8. Пашуканис Е. Б. Экономика и правовое регулирование // Революция права. – 1929. – № 5.
9. Резолюция I Всесоюзного съезда марксистов – государственников и правовиков по докладам Е. Пашуканиса и Я. Бермана // Советское государство и революция права. – 1931. – № 3.
10. Резолюция пленума Всесоюзной ассоциации обществ марксистов-государственников по докладам Бермана и Климова. 11-13 августа 1931 г. // Советское государство и революция права. – 1931. – № 9.
11. Резунов М. Д. Советский закон на новом этапе нэпа // Советское государство и революция права. – 1930. – № 4.
12. Сталин и Каганович. Переписка. 1931–1936 гг. / Сост. О. В. Хлевнюк, Л. П. Кошелева и др. – М., 2001.
13. Стучка П. И. Революция и революционная законность // Советское государство и революция права. – 1930. – № 3.
14. Стучка П. И. Постановка нашей работы // Советское государство и революция права. – 1930. – № 11–12.
15. Стучка П. И. Революционно-правовые перспективы // Революция права. – 1929. – № 2.
16. Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. – Т. 2. Ноябрь 1929 г. – декабрь 1930 г. / Отв. ред. Н. Ивницкий. – М., 2000.

Святогорова А. Э.

О ГАРМОНИЗАЦИИ НАЦИОНАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИИ КАК КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЙ КАТЕГОРИИ

Анализируется онтология дефиниции «гармонизация национального законодательства» в современной отечественной юридической науке.

Ключевые слова: «гармонизация национального законодательства».

Svyatogorova A. E.

ON THE HARMONIZATION OF NATIONAL LEGISLATION OF RUSSIA AS A CONSTITUTIONAL LEGAL CATEGORY

The article gives the analysis of the definition of «harmonization of national legislation» ontology in modern domestic jurisprudence.

Keywords: «harmonization of national legislation».

Святогорова А. Э.

Дальнейшее развитие глобализационных процессов задает вектор максимального расширения границ международно-правовых отношений. Провозглашение глобализации национальных законодательств в сложившейся ситуации видится как процесс преодоления юридических коллизий, возникающих в результате динамичной интеграции современных государств в единое правовое поле, как одна из целей подлинно демократической страны. Современным государствам следует разрабатывать механизмы, направленные на гармонизацию правовой регламентации поведения субъектов правоотношений¹.

Дефиниция «гармонизация национального законодательства» сравнительно недавно и обособлено изучается дисциплинами «Общая теория государства и права», «Конституционное право», однако в правовой системе России укоренилась давно.

Солидаризируясь с мнением А. М. Васильева, стоит отметить, что фактически фундаментальные исследования государственно-правовой реальности, как специального объекта правоведения в целом, составляют самую суть предмета этой науки; общая теория государства и права, углубляя свои знания о существенном (сущностном) и закономерном, призвана показать логику развития и теоретически достоверную на данный момент картину государственно-правовой формы общественной жизни, выразив ее в системе понятий, категорий такой, какая она есть в действительности².

Оспаривать право общей теории государства и права выступать «творцом» основного понятийно-категориального аппарата отраслевых наук нецелесообразно. Однако, учитывая ориентированность большинства правоведов, в основном, на изучение процессов имплементации международно-правовых норм и принципов на фоне констатации факта признания суверенными государствами ратифицированных ими единых

международно-правовых стандартов прав и свобод человека, логично предположить, что понятие «гармонизация» воспринимается данными государствоведами, прежде всего, как конституционно-правовая категория. Этим, в целом, объясняется недостаточный научный интерес большинства авторов-государствоведов к разрабатываемой тематике. Данное обстоятельство представляется вполне логичным и дальновидным, учитывая особый фундаментальный статус конституционного права как отрасли, составляющей предмета регулирования которой следует считать и общественные отношения, возникающие в процессе осуществления государственной власти, а именно в сфере основ организации и деятельности органов государственной власти³.

Изучаемое понятие, своевременно не получившее должного внимания со стороны отечественных теоретико-правовой и конституционно-правовой доктрин, изначально возникло в тексте нормативно-правовых актов России, входящих в систему источников конституционного права.

Так, в Указе Президента Российской Федерации от 16.08.2004 г. № 1085⁴ в качестве одного из полномочий Федеральной службы по техническому и экспортному контролю было закреплено участие в подготовке и реализации мероприятий по гармонизации и унификации национальных законодательств в области экспортного контроля государств – участников Содружества Независимых Государств и государств – членов Евразийского экономического сообщества на основе общепризнанных принципов и норм международного права.

Из содержания Указа Президента Российской Федерации «Об обеспечении межнационального согласия»⁵ следует, что гармонизация межнациональных отношений, в совокупности с единством многонационального народа Российской Федерации, обеспечением условий для его полноправного развития, органично включены в комплекс приоритетных направлений государственной политики России, осуществляемой высшими органами государственной власти и, прежде всего, Правительством РФ.

1 Святогорова А. Э. Гармонизация чрезвычайного законодательства как функция современного государства в условиях глобализации. Государство в меняющемся мире: материалы VI Международной школы-практикума молодых ученых-юристов (Москва, 26–28 мая 2011 г.) / Отв. ред. В. И. Лафитский. – М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, 2012. – С. 811.

2 Васильев А. М. Общая теория государства и права как фундаментальная наука правоведения. // Правоведение. – 1975. – № 1. – С. 8.

3 Зиновьев А. В. Конституционное право России. – СПб.: Фонд «Университет», 2005. – С. 14–16.

4 Собрание законодательства РФ. – 2004. – 23 августа. – № 34. – Ст. 3541.

5 Российская газета. – 2012. – № 102. – 09 мая.

В силу положений постановления Правительства РФ от 28.09.2009 № 761⁶ гармонизация системы правового регулирования в сфере защиты жизни или здоровья человека, животных и растений с международными стандартами действующих на территории Российской Федерации санитарно-эпидемиологических требований, ветеринарно-санитарных и фитосанитарных мер поименована длящимся процессом, направленным на совершенствование системы правового регулирования данной сферы общественных отношений.

В постановлении Правительства Российской Федерации от 20.08.2013 № 718 понятие «гармонизация» применено в контексте провозглашения необходимости содействовать укреплению гражданского единства и гармонизации межнациональных отношений в целях укрепления единства многонационального народа Российской Федерации (российской нации). Можно предположить, что гармонизация межнациональных отношений воспринимается в данном случае как правовая гарантия укрепления единства многонационального народа Российской Федерации, т. е. народного суверенитета в целом. С другой стороны, гармонизация межнациональных отношений рассматривается в качестве целевого индикатора и показателя эффективности всей федеральной целевой программы, утвержденной данным постановлением Правительства Российской Федерации. В качестве оценочного критерия при этом воспринимается показатель доли субъектов Российской Федерации, реализующих региональные программы, направленные на укрепление гражданского единства и гармонизацию межнациональных отношений в сравнении с общим количеством субъектов Российской Федерации.

Нормативно-правовые акты, принятые рядом субъектов Российской Федерации, в частности, Санкт-Петербургом и Ленинградской областью, демонстрируют деятельное стремление отдельных регионов России включиться в гармонизационный процесс.

Так, областной закон Ленинградской области от 24.12.2013 № 102-оз в качестве элемента государственной программы Ленинградской области «Устойчивое общественное развитие в Ленинградской области» включает подпрограмму «Гармонизация межнациональных и межконфессиональных отношений в Ленинградской области»⁷.

Принятие постановления Правительства Ленинградской области «О долгосрочной целевой программе “Гармонизация межнациональных и межконфессиональных отношений в Ленинградской области на 2012–2014 годы”»⁸ осуществлено в целях реализации государственной национальной политики, сохранения межнационального взаимопонимания и межконфессионального согласия на территории Ленинградской области.

Соответственно, в данном прочтении понятие «гармонизация» напрямую связано с Основами конституционно-правового строя, которые позволяют России позиционировать себя как демократическое, правовое, светское государство, целью которого является обеспечение стабильной социально-политической обстановки на всей территории страны.

Руководствуясь вышеприведенным обзором отдельных нормативно-правовых актов системы законодательства, следует отметить, что Россия активно включилась в процесс глобализации, подобно многим ведущим государствам мира, и

движется по пути расширения границ международно-правовых отношений.

Гармонизация внутринационального законодательства России, в первую очередь, гармонизация конституционного законодательства, адекватна требованиям времени, однако не столь однозначна. Особое значение приобретают вопросы эффективного функционирования единого конституционно-правового механизма обеспечения национальной безопасности, направленного на предотвращение развития негативных последствий необдуманых гармонизационных процессов.

Как справедливо отметил профессор Б. С. Эбзеев в приветственном слове к участникам VI Международной школы-практикума молодых ученых-юристов, процесс глобализации объективный и остановить его невозможно, поэтому сегодня стоит вопрос о сохранении суверенности государства в этом процессе в условиях признания общепризнанных принципов и норм международного права и одновременно понимания, что международное право и принципы не только являются итогом согласованных действий государств, но и в то же время направлены на обеспечение интересов каждого из участников⁹.

Следует согласиться с мнением авторов, которые, подобно Б. С. Эбзееву, отмечают, что Россия как уникальное евразийское государство, наделенное даром впитывать все новое, положительное и, переосмысливая, утверждать это в качестве собственной национальной традиции, не должна в полном объеме безоглядно воспринимать категории и стандарты, предлагаемые международным сообществом. В противном случае это может иметь и оборотную сторону, приведя Россию к утрате цивилизационной идентичности из-за стремления искусственного включения в правовую систему страны международных стандартов, которые не были последовательно сформированы в ходе поэтапного и органично протекающего исторического процесса.

Цивилизационную идентичность в аспекте конституционно-правового понимания следует трактовать как национальную безопасность Российской Федерации, предполагающую, прежде всего, безопасность ее многонационального народа как носителя суверенитета и единственного источника власти в России, включившейся в процесс глобализации, в том числе и путем гармонизации внутринациональной системы права.

Положения Указа Президента РФ «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года»¹⁰ позволяют вполне конкретно определить позицию российского государства относительно глобализационного и в том числе гармонизационного процессов. Прежде всего, очевидно, что рассчитаны эти процессы на долгосрочную перспективу и выстраиваются на основе принципов международного права, на условиях обеспечения надежной и равной безопасности государственного суверенитета участников названных процессов. Россия же в целях защиты своих национальных интересов будет проводить рациональную и прагматичную внешнюю политику, построенную на всемерном укреплении механизмов взаимодействия с Европейским союзом, включая последовательное формирование общих пространств в сферах экономики, внешней и внутренней безопасности, образования, науки, культуры.

6 Российская газета. – 2009. – 02 октября. – № 186.

7 Вести, N 150, 25.12.2013.

8 Вестник Правительства Ленинградской области. – 2012. – 31 мая. – № 46.

9 Эбзеев Б. С. Приветствия // Государство в меняющемся мире: материалы VI Международной школы-практикума молодых ученых-юристов (Москва, 26–28 мая 2011 г.) / Отв. ред. В. И. Лафитский. – М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, 2012. – С. 54.

10 Российская газета. – 2009. – 19 мая. – № 88.

В связи с этим особенно актуально звучит тезис В. Д. Зорькина, председателя Конституционного Суда Российской Федерации, о том, что в процессе сближения правовых систем государств весьма определенно должен быть очерчен «предел уступчивости» участников глобализационных процессов. Как следует из умозаключений этого ведущего конституционалиста, именно верховенство права, как универсальный принцип международного права и национальных правовых систем эпохи модерна, построенных на принципах юридического равенства и справедливости, может определить сущность современной цивилизации, предотвратив ее крах¹¹.

Именно верховенство права позволит обеспечить защищенность интересов личности, общества, государства от широкого спектра внешних и внутренних угроз, различных по своей политико-правовой природе.

Подводя итог сказанному, логично воспринимать гармонизацию внутринационального законодательства как глобализационную форму сближения правовых систем подлинно демократических, правовых, светских государств путем обеспечения единообразия внутригосударственного правового регулирования, построенного на принципах международного права, но при условии неуклонного обеспечения надежной и равной безопасности государственного суверенитета каждой из стран-участниц гармонизационных процессов посредством гарантированного уважения, реализации и защиты Основ конституционного строя.

Пристатейный библиографический список

1. Васильев А. М. Общая теория государства и права как фундаментальная наука правоведения // Правоведение. – 1975. – № 1.
2. Зиновьев А. В. Конституционное право России. – СПб.: Фонд «Университет», 2005.
3. Зорькин В. Д. Лекция «Цивилизация права: современный контекст» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://media.spblegalforum.ru>
4. Областной закон Ленинградской области от 24.12.2013 N 102-оз «Об областном бюджете Ленинградской области на 2014 год и на плановый период 2015 и 2016 годов». // Вести. – 2013. – 25 декабря. – № 150.
5. Постановление Правительства РФ от 20.08.2013 № 718 «О федеральной целевой программе «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России (2014 - 2020 годы)». // СЗ. – 2013. – 02 сентября. – № 35. – Ст. 4509.
6. Постановление Правительства Ленинградской области от 12.03.2012 № 71 «О долгосрочной целевой программе «Гармонизация межнациональных и межконфессиональных отношений в Ленинградской области на 2012-2014 годы». // Вестник Правительства Ленинградской области. – 2012. – 31 мая. – № 46.
7. Постановление Правительства РФ «Об обеспечении гармонизации российских санитарно-эпидемиологических требований, ветеринарно-санитарных фитосанитарных мер с международными стандартами» от 28.09.2009 № 761. // РГ. – 2009. – 02 октября. – № 186.
8. Святогорова А. Э. Гармонизация чрезвычайного законодательства как функция современного государства в условиях глобализации. Государство в меняющемся

мире: материалы VI Международной школы-практикума молодых ученых-юристов (Москва, 26–28 мая 2011 г.) / Отв. ред. В. И. Лафитский. – М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, 2012.

9. Эбзеев Б. С. Приветствия // Государство в меняющемся мире: материалы VI Международной школы-практикума молодых ученых-юристов (Москва, 26–28 мая 2011 г.) / Отв. ред. В. И. Лафитский. – М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, 2012.
10. Указ Президента РФ от 16.08.2004 № 1085 «Вопросы Федеральной службы по техническому и экспортному контролю» // Собрание законодательства РФ. – 2004. – 23 августа. – № 34. – Ст. 3541.
11. Указ Президента РФ «Об обеспечении межнационального согласия» от 07.05.2012 г. №602 // Российская газета. – 2012. – 9 мая. – № 102.
12. Указ Президента РФ от 12.05.2009 № 537 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года» // Российская газета. – 2009. – 19 мая. – № 88.

¹¹ Зорькин В. Д. Лекция «Цивилизация права: современный контекст» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://media.spblegalforum.ru>

Толстых А. С.

О НЕКОТОРЫХ ПРИЗНАКАХ ПОТЕРПЕВШЕГО В ПРАВЕ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ИНТЕГРАТИВНОГО ПРАВОПОНИМАНИЯ¹

Статья посвящена анализу некоторых признаков потерпевшего с точки зрения интегративного правопонимания, предложено общетеоретическое определение потерпевшего.

Ключевые слова: потерпевший, признаки потерпевшего, субъект права.

Tolstykh A. S.

SOME FEATURES OF THE OFFENDED PERSON IN LAW FROM THE INTEGRATIVE LEGAL CONSCIOUSNESS POINT OF VIEW

The article is devoted to some features of the victim from the general theoretical point of view, the author proposes a general theoretical definition of the victim.

Keywords: victim, features of a victim, subject of law.

Толстых А. С.

Важную роль в исследовании того или иного феномена играет точное формулирование характеризующих его признаков и дефиниции, что позволяет отделить анализируемый предмет от иных, в данном случае правовых, явлений. В статье речь пойдет о субъекте права, именуемом «потерпевший».

Зачастую понятие «потерпевший» ассоциируется с уголовным или уголовно-процессуальным правом. Потерпевший в указанных отраслях права интересует многих исследователей, немало диссертаций защищено по соответствующим специальностям. Всё чаще рассматривают фигуру потерпевшего в административном праве, гражданском праве. Следовательно, как писал Л. В. Франк, проблема потерпевшего, как и, в целом, проблема личности – это область междисциплинарная, и в этом вопросе необходимы общетеоретические исследования².

С точки зрения интегративного правопонимания потерпевший обладает признаками, способными объединить существующие в разных отраслях права концепции потерпевшего, в конечном итоге, сформулировать единое определение для указанного субъекта права.

Во-первых, потерпевший – это субъект права, а следовательно, потерпевшими могут быть признаны физическое или юридическое лицо, государство или его составная часть. Отражение данного признака можно найти как в нормативно-правовых актах (например, ч. 1 ст. 42 УПК РФ³, ч. 1 ст. 25.2 КоАП РФ⁴, ч. 1 ст. 1064 Гражданского кодекса РФ⁵, ч. 2 ст. 316 Кодекса торгового мореплавания РФ⁶ и др.), так и в специализированной литературе (например, в работах М. А. Вербицкой⁷, С. В.

Анощенко⁸, М. В. Танцерева и Н. Г. Стойко⁹, Т. Е. Абовой и А. Ю. Кабалкина¹⁰).

Во-вторых, потерпевшему причиняется вред. Согласно ч. 1 ст. 42 УПК РФ¹¹ для физического лица – это вред физический, имущественный или моральный, для юридического – вред имуществу или деловой репутации. Кодекс РФ об административных правонарушениях в ч. 1 ст. 25.2¹² не конкретизирует вид вреда в зависимости от вида субъекта (физического или юридического лица, как закрепляет Уголовно-процессуальный кодекс РФ¹³) и предусматривает физический, имущественный или моральный вред. В ч. 5 ст. 1 Федерального закона от 25.04.2002 г. № 40-ФЗ «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств»¹⁴ при определении термина «потерпевший» указывается на вред жизни, здоровью и имуществу. Таким же образом строится дефиниция и в ч. 1 ст. 2 Федерального закона от 27.07.2010 г. № 225-ФЗ «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельца опасного объекта за причинение вреда в результате аварии на опасном объекте»¹⁵.

В уголовно-процессуальном праве исследователи отмечают, что признание того или иного лица потерпевшим – это, в первую очередь, признание за ним определенных процессуальных прав и наделение определенными процессуальными обязанностями, а не признание факта причинения ему вреда, который, в свою очередь, может быть установлен лишь в при-

1 Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ (проект №14-33-01293).

2 Франк Л. В. Некоторые теоретические вопросы становления советской виктимологии // Потерпевший от преступления. – Владивосток, 1974. – С. 8.

3 Уголовно-процессуальный кодекс РФ: ФЗ РФ от 18 дек. 2001 г. № 174-ФЗ (с послед. изм.).

4 Кодекс РФ об административных правонарушениях: ФЗ РФ от 30 дек. 2001 г. № 195-ФЗ (с послед. изм.).

5 Гражданский кодекс РФ (часть вторая): ФЗ РФ от 26 янв. 1996 г. № 14-ФЗ (с послед. изм.).

6 Кодекс торгового мореплавания РФ: ФЗ РФ от 30 апр. 1999 г. № 81-ФЗ (с послед. изм.).

7 Вербицкая М. А. Изменение правового статуса потерпевшего (сравнительный анализ КоАП РСФСР и КоАП РФ) // Адвокатская практика. – 2007. – № 5. – С. 44–45.

8 См.: Анощенко С. В. Уголовно-правовое учение о потерпевшем / Под ред. Н. А. Лопашенко. – М.: Волтерс Клувер, 2006.

9 Танцерева М. В., Стойко Н. Г. Потерпевший и его функция в уголовном процессе Российской Федерации. – Красноярск, 2003. – С. 28.

10 Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации: В 2 т. – Т. 1 / Под ред. Т. Е. Абовой, А. Ю. Кабалкина. – М.: Издательство Юрайт, 2010. – С. 858.

11 Уголовно-процессуальный кодекс РФ: ФЗ РФ от 18 дек. 2001 г. № 174-ФЗ (с послед. изм.).

12 Кодекс РФ об административных правонарушениях: ФЗ РФ от 30 дек. 2001 г. № 195-ФЗ (с послед. изм.).

13 Уголовно-процессуальный кодекс РФ: ФЗ РФ от 18 дек. 2001 г. № 174-ФЗ (с послед. изм.).

14 Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств: ФЗ от 25 апр. 2002 г. № 40-ФЗ (с послед. изм.).

15 Об обязательном страховании гражданской ответственности владельца опасного объекта за причинение вреда в результате аварии на опасном объекте: ФЗ от 27 июля 2010 г. № 225-ФЗ (с послед. изм.).

говоре суда¹⁶. Между тем, «правовой статус лица как потерпевшего устанавливается исходя из фактического его положения и лишь процессуально оформляется постановлением, но не формируется им»¹⁷. Аналогичным образом можно рассуждать и о потерпевшем в административном праве, а именно: с точки зрения его материальной сущности и с точки зрения надления особым правовым статусом. Определяющим должно оставаться фактическое положение лица, а не формальный критерий – признание лица в качестве потерпевшего правовым актом, хотя и его значение нельзя недооценивать.

В гражданском процессуальном праве понятие «потерпевший» не используется, что позволяет разграничить его использование в материальном и процессуальном смыслах. В указанной отрасли права существует понятие «истец», которое не всегда является процессуальным синонимом термину «потерпевший». «Потерпевший – лицо, требующее восстановления своего нарушенного права или его компенсации», истец же может обращаться в суд и в иных случаях, например, заявляя требование о признании того или иного права за ним¹⁸.

В-третьих, вред потерпевшему причиняется в результате правонарушения. В соответствии с ч. 1 ст. 42 УПК РФ¹⁹ вред причиняется преступлением, согласно ч. 1 ст. 25.2 КоАП РФ²⁰ – административным правонарушением. В гражданском праве можно говорить о гражданско-правовых деликтах.

Учитывая выделенные признаки, сформулируем рабочее определение потерпевшего с общетеоретической точки зрения. Потерпевший – это физическое или юридическое лицо, государство или его составная часть, которому(ым) причинен вред в результате совершения правонарушения (преступления или проступка).

Критерии, по которым происходит различие «потерпевшего» в разных отраслях права, а следовательно, и классификация самих потерпевших, предлагается сформулировать следующим образом. Во-первых, отличия потерпевших возможны по субъекту: физическое или юридическое лицо, государство или его составная часть. Во-вторых, по характеру причиненного вреда (физический, имущественный, моральный, деловой репутации). В-третьих, по юридическому факту, с которым связано появление потерпевшего: преступление или проступок. В-четвертых, по нормативному закреплению: Уголовно-процессуальный кодекс РФ²¹, Кодекс РФ об административных правонарушениях²², Гражданский кодекс РФ²³, Федеральный закон «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств»²⁴, Фе-

деральный закон «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельца опасного объекта за причинение вреда в результате аварии на опасном объекте»²⁵, Кодекс торгового мореплавания РФ²⁶ и др.

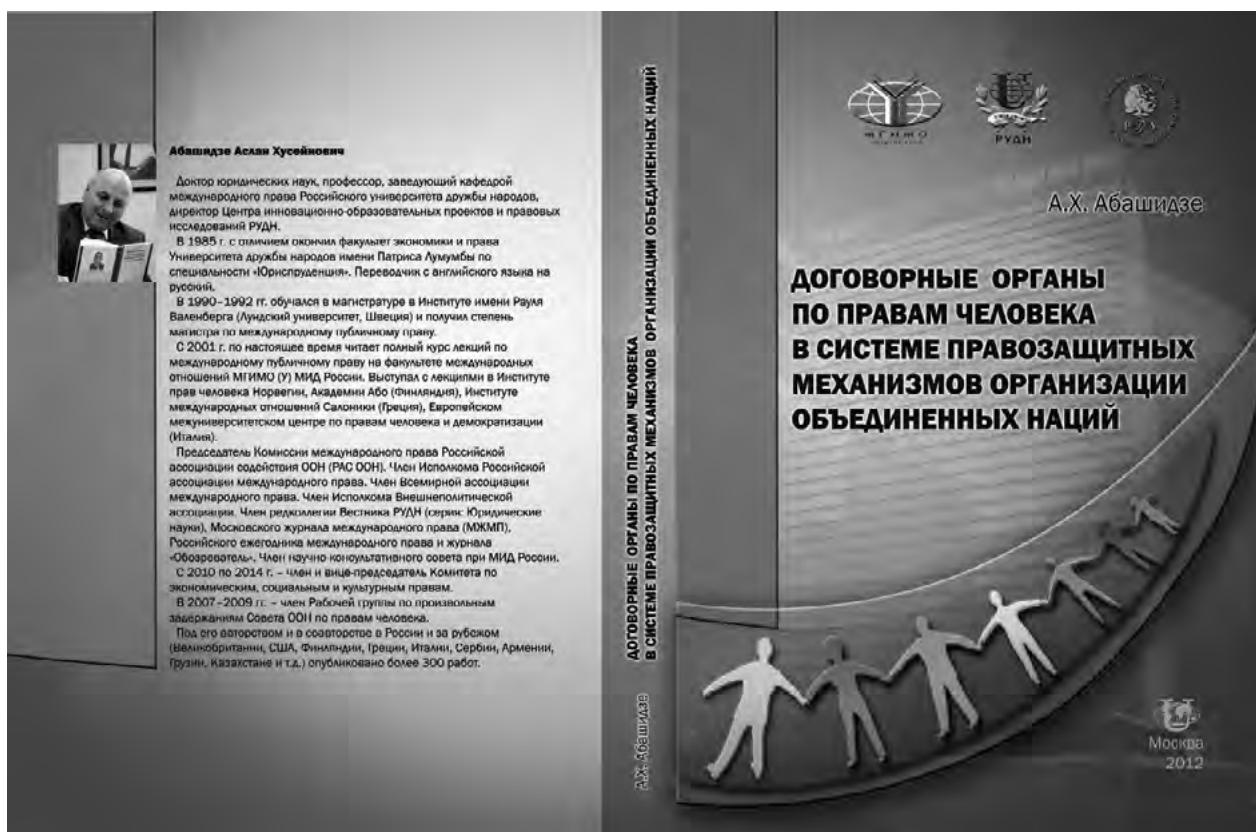
Согласно ч. 1 ст. 1 Конституции РФ Россия провозглашена правовым государством, а ст. 2 акцентирует внимание на том, что защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства²⁷. «Защита прав и законных интересов законопослушных граждан должна быть одной из ключевых задач правового государства, построение которого в Российской Федерации ведется не первый год»²⁸. «Важно понимать главное, его строительство нельзя замедлять или откладывать на будущее, оно должно последовательно осуществляться в наше время и самым эффективным образом»²⁹. «Задачей правового государства является создание таких условий существования общества, которые в максимальной степени препятствовали бы нарушению прав личности, а в случае нарушения – обеспечивали их восстановление и надлежащую компенсацию причиненного вреда»³⁰.

Несомненно, совершенствование правового статуса потерпевшего от преступлений является важным для общества и государства, однако проблема потерпевших требует решения с общетеоретических позиций. Комплексный подход взаимобогатит существующие исследования, позволит по-новому взглянуть на разрешаемые в каждой отрасли права проблемы, и, возможно, позволит выйти на новый уровень их решения. Развитие теоретических исследований потерпевшего в общетеоретическом аспекте содействует построению правового государства в Российской Федерации, защите прав и свобод человека и гражданина.

Пристатейный библиографический список

1. Анощенко С. В. Уголовно-правовое учение о потерпевшем / Под ред. Н. А. Лопашенко. – М.: Волтерс Клувер, 2006.
  2. Вербицкая М. А. Изменение правового статуса потерпевшего (сравнительный анализ КоАП РСФСР и КоАП РФ) // Адвокатская практика. – 2007. – №5.
  3. Гражданский кодекс РФ (часть вторая): ФЗ РФ от 26 янв. 1996 г. № 14-ФЗ (с послед. изм.) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 5. – Ст. 410.
  4. Ищенко Е. П. Кто защитит потерпевшего? // Уголовное судопроизводство. – 2007. – № 3.
  5. Каретников А. Особенности реализации конституционно-правового статуса потерпевшего в гражданском и гражданском процессуальном праве [Электронный ресурс] // Сайт «Право и жизнь». – 2008. – № 126 (9). – Режим доступа: <http://www.law-n-life.ru/arch/n126.aspx>.
-
- 16 Кисленко С. Л. Правовой статус потерпевшего в отечественном уголовно-процессуальном законодательстве // Налоги. – 2010. – № 41. – С. 26–31.
  - 17 Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29 июня 2010 г. № 17 «О практике применения судами норм, регламентирующих участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве» (с послед. изм.).
  - 18 Каретников А. Особенности реализации конституционно-правового статуса потерпевшего в гражданском и гражданском процессуальном праве [Электронный ресурс] // Сайт «Право и жизнь». – 2008. – № 126 (9). – Режим доступа: <http://www.law-n-life.ru>.
  - 19 Уголовно-процессуальный кодекс РФ: ФЗ РФ от 18 дек. 2001 г. № 174-ФЗ (с послед. изм.).
  - 20 Кодекс РФ об административных правонарушениях: ФЗ РФ от 30 дек. 2001 г. № 195-ФЗ (с послед. изм.).
  - 21 Уголовно-процессуальный кодекс РФ: ФЗ РФ от 18 дек. 2001 г. № 174-ФЗ (с послед. изм.).
  - 22 Кодекс РФ об административных правонарушениях: ФЗ РФ от 30 дек. 2001 г. № 195-ФЗ (с послед. изм.).
  - 23 Гражданский кодекс РФ (часть вторая): ФЗ РФ от 26 янв. 1996 г. № 14-ФЗ (с послед. изм.).
  - 24 Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств: ФЗ от 25 апр. 2002 г. № 40-ФЗ (с послед. изм.).
  - 25 Об обязательном страховании гражданской ответственности владельца опасного объекта за причинение вреда в результате аварии на опасном объекте: ФЗ от 27 июля 2010 г. № 225-ФЗ (с послед. изм.).
  - 26 Кодекс торгового мореплавания РФ: ФЗ РФ от 30 апр. 1999 г. № 81-ФЗ (с послед. изм.).
  - 27 Конституция РФ от 12 дек. 1993г. (с послед. изм.).
  - 28 Ищенко Е. П. Кто защитит потерпевшего? // Уголовное судопроизводство. – 2007. – № 3. – С. 2.
  - 29 Шафиров В. М. Законность в правовом государстве // Российская юстиция. – 2011. – № 4. – С. 41.
  - 30 Ищенко Е. П. Кто защитит потерпевшего? // Уголовное судопроизводство. – 2007. – № 3. – С. 2.

6. Кисленко С. Л. Правовой статус потерпевшего в отечественном уголовно-процессуальном законодательстве // *Налоги*. – 2010. – № 41.
7. Кодекс РФ об административных правонарушениях: ФЗ РФ от 30 дек. 2001 г. № 195-ФЗ (с послед. изм.) // *Собрание законодательства Российской Федерации*. – 2002. – № 1. – Ст. 1.
8. Кодекс торгового мореплавания РФ: ФЗ РФ от 30 апр. 1999 г. № 81-ФЗ (с послед. изм.) // *Собрание законодательства Российской Федерации*. – 1999. – № 18. – Ст. 2207.
9. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации: В 2 т. – Т. 1 / Под ред. Т. Е. Абовой, А. Ю. Кабалкина. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2010.
10. Конституция РФ от 12 декабря 1993 г. (с послед. изм.) // *Собрание законодательства Российской Федерации*. – 2009. – № 4. – Ст. 445.
11. Об обязательном страховании гражданской ответственности владельца опасного объекта за причинение вреда в результате аварии на опасном объекте: ФЗ от 27 июля 2010 г. № 225-ФЗ (с послед. изм.) // *Собрание законодательства Российской Федерации*. – 2010. – № 31. – Ст. 4194.
12. Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств: ФЗ от 25 апр. 2002 г. № 40-ФЗ (с послед. изм.) // *Собрание законодательства Российской Федерации*. – 2002. – № 18. – Ст. 1720.
13. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29 июня 2010 г. № 17 «О практике применения судами норм, регламентирующих участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве» (с послед. изм.) // *Российская газета*. – 2010. – 07 июля.
14. Танцеров М. В., Стойко Н. Г. Потерпевший и его функция в уголовном процессе Российской Федерации. – Красноярск, 2003.
15. Уголовно-процессуальный кодекс РФ: ФЗ РФ от 18 дек. 2001 г. № 174-ФЗ (с послед. изм.) // *Собрание законодательства Российской Федерации*. – 2001. – № 52. – Ст. 4921.
16. Франк Л. В. Некоторые теоретические вопросы становления советской виктимологии // *Потерпевший от преступления*. – Владивосток, 1974.
17. Шафиров В. М. Законность в правовом государстве // *Российская юстиция*. – 2011. – № 4.

Филиппова Ж. Д.
ЭТИМОЛОГИЯ И ОНТОЛОГИЯ ПОНЯТИЯ «ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО» В РОССИИ

Филиппова Ж. Д.

Анализируется этимология и онтология понятия «гражданское общество» в России.

Ключевые слова: гражданское общество, развитие исторических концепций гражданского общества, предпосылки возникновения и развития институтов гражданского общества в России.

Filippova J. D.
ETYMOLOGY AND ONTOLOGY OF THE CONCEPT OF «CIVIL SOCIETY» IN RUSSIA

The article analyzes the etymology and ontology of the concept of «civil society» in Russia.

Keywords: civil society, the development of historical concepts of civil society, the preconditions for the emergence and development of civil society in Russia.

Слово «civitas» (от латинского civis – «гражданин») обозначает гражданскую общину, члены которой были субъектами римского гражданского права (ius civile).

Слова «civitas», «civis», «ius civile» имели синкретичный (слитный) смысл, без различения их политических и неполитических значений¹. По мнению В. С. Нерсесянца, неполитическое значение вышеуказанных слов сохранилось в терминах «гражданское общество», «гражданское право», а политическое значение – в термине «гражданин».

Античные философы Платон, Аристотель и Цицерон использовали понятие «гражданское общество», обозначая сложившиеся в Древней Греции и Древнем Риме общественные системы.

Согласно трудам французского исследователя Д. Кола, впервые термин «гражданское общество» был упомянут во II в. до н.э. в «Политике» Аристотеля: «...Прежде чем определить, что есть государство, необходимо выяснить понятие “гражданин”, ибо государство есть не что иное, как совокупность граждан, гражданское общество»².

Таким образом, можно сделать вывод о том, что исследование проблем гражданского общества восходит к античной философской мысли.

Понятие «гражданское общество» было категорией юриспруденции в период Античности, в политической философии Средневековья – отражало отличие от религиозных институтов, а в XVI в. – от природного, естественного состояния. С XVII в. это понятие начинает вбирать в себя отдельные черты его современного содержания. Причем, по мнению Л. Ю. Грудичиной³, порой содержание совпадает с названием, как у А. Фергюсона в «Очерках истории гражданского общества», или, напротив, как у А. Смита, без упоминания термина «гражданское общество» с достаточной полнотой отражаются его сущностные характеристики: общество с выраженной частной активностью, отличное от семьи, отстоящее от государства.

Устойчивое употребление термин «гражданское общество» приобрел в XVIII в.

Гражданское общество – это «употребляемое в особом смысле некоторыми юристами обозначение совокупности лиц, которые в данное время и на данной территории участвуют в образовании гражданского права. Член гражданского общества выступает или в качестве субъекта гражданских

прав, или в качестве власти (законодательства и суда), которая по призыву субъектов защищает их права»⁴.

Представляется интересной точка зрения О. Г. Румянцев, рассматривающего гражданское общество в концепции конституционного строя России. По его мнению, существуют три начала гражданского общества – индивид, коллектив, цивилизованная власть. Само понятие «гражданское общество» он рассматривает как микромир конституционной модели, повторяющий указанное взаимодействие «на собственном этаже»⁵.

О. Г. Румянцев полагает, что проблема гражданского общества сводится к предотвращению форм организаций, в том числе государственных, при которых внутренние интересы членов общества подменяются внешними интересами аппарата⁶.

В. Д. Зорькин и В. А. Кикоть рассматривают гражданское общество как необходимый и рациональный способ социального существования людей, основанный на разуме, свободе, праве и демократии. В нем создается реальная возможность для самореализации личности и человеческих коллективов и тем самым устанавливается оптимальная мера вмешательства в экономический, социальный и духовный процесс⁷.

По мнению О. Е. Кутафина, «в условиях традиционной неразвитости институтов гражданского общества в нашей стране необходимо конституционное закрепление основ их свободного саморазвития»⁸.

Л. Карпов отмечает, что гражданское общество «есть совокупность независимых от государства производителей, а также саморегулирующихся организаций вроде профсоюзов, политических партий, культурных организаций, научных ассоциаций, а также семьи и церкви»⁹.

Е. Н. Гуренко и О. И. Шкаратан говорят о гражданском обществе как «системе общественных институтов», «особой сфере социального общения, сплачивающей людей в сообществе»

1 Нерсесянц В. С. Общая теория права и государства: Учебник. – М.: Норма-Инфра-М, 1999. – С. 279.

2 Аристотель. Политика. – М., 1965. – С. 5.

3 Грудичина Л. Ю. Исторические особенности возникновения и развития гражданского общества в России // Законодательство и экономика. – 2009. – № 6.

4 Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. – СПб., 1992. – С. 97.

5 Румянцев О. Г. Основы конституционного строя России. – М., 1994. С. 75.

6 Калашников С. В. Конституционные основы формирования гражданского общества в Российской Федерации: Дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 2001. – С. 35, 36.

7 Зорькин В. Д., Кикоть В. А. Новая Конституция - путь к свободе. – М., 1995. – С. 4.

8 Государственное право Российской Федерации / Под ред. О. Е. Кутафина. – М., 1993. – Т. 1. – С. 78.

9 Карпов Л. Россия и правовое государство // Свободная мысль. – 1992. – № 9. – С. 24.

ство на основе добровольных связей независимо от экономических отношений и обладающей собственными функциями: выражать различные общественные интересы, опосредовать отношения между личностью и государством, ограничивать всемогущество последнего»¹⁰.

В отечественной юридической литературе отмечается, что гражданское общество – это комплексное явление, регламентированное нормами не только права, но и морали, обычаями, содержание которого определяется историческим опытом, национальными традициями и уровнем развития демократии¹¹.

Три различных подхода к развитию исторических концепций и практических моделей гражданского общества эпохи Возрождения и Нового времени возникли на основе различных положений и опыта.

Первый уходит вглубь южноевропейской традиции с первыми зачатками гражданского общества в итальянских городах-государствах времен Ренессанса. Эта традиция хорошо выражена в трудах Н. Макиавелли.

Второй связан с континентально-европейской традицией, сформировавшейся под влиянием немецкого культурного круга. Появление свободного гражданина во многом способствовала гильдия как одна из первых форм объединения ремесленников и торговцев, как форма ассоциаций, защищавших их от произвола государства и оказавших влияние на процесс управления городами.

Третий – либеральная англо-американская традиция (Т. Гоббс, Дж. Локк, А. Смит, Т. Пейн, А. Токвиль, Д. Милль), внесшая большой вклад в разработку концепции гражданского общества.

По мнению отечественных ученых, развитие гражданского общества задержалось в Восточной Европе, России и странах СНГ.

Одни исследователи видят основания российского гражданского общества в крестьянской общине, православной идеологии и, следовательно, требуют восстановления соборности, общинности и других присущих только славянам черт, существовавших до октября 1917 г. Другие считают, что гражданского общества в пространствах Российской империи и СССР не существовало и его нужно создавать впервые.

По мнению Л. Ю. Грудичиной, особенности зарождения¹² гражданского общества в Европе и России были разными. Наиболее значимые из них:

- территория Российской Федерации, ее протяженность;
- государственное централизованное начало, усиливавшееся от центра к периферии, где губернатор был «больше, чем государь»;
- неразвитость в России рынка при господстве крестьянской общины и подавляющей доле крестьян в составе населения;
- недостаточное развитие частной собственности, стимулов сельскохозяйственного труда, предпринимательства;
- общинность и реформы, задумывавшиеся «сверху».

Б. Н. Чичерин, Е. Н. Трубецкой, П. И. Новгородцев, С. Л. Франк и др. рассматривали комплекс европейских идей о гражданском обществе, уделяя особое внимание его правовым аспектам. В своей трактовке гражданского общества они были оригинальны: в отличие от европейских авторов делали акцент не столько на правах, сколько на обязанностях личности по отношению к общественному целому, которое зависит именно от солидарности и взаимодействия граждан.

Одной из концептуальных предпосылок возникновения и развития институтов гражданского общества в России можно указать наличие в составе органов государственной власти Киевского государства народного собрания (вече), о роли которого в отдельных российских землях до сих пор в современной историко-правовой науке ведутся научные споры. В. И. Сергеевич полагал, что деятельность веча в древнерусских городах ограничивалась призыванием князя, законодательной функцией, объявлением войны и заключением мира¹³. Эту позицию в основном разделяет И. Я. Фроянов. Он считает, что в XI в. вече на Руси ведало вопросами войны и мира, санкционировало сборы средств для военных предприятий, меняло князей¹⁴. Однако И. Я. Фроянов не включает в компетенцию веча такую важную функцию, как законодательная, поскольку, по его мнению, относящиеся к XI в. летописи рисуют вече как верховный демократический орган власти, развивавшийся наряду с княжеской властью.

В гражданском обществе усматривается не естественное состояние свободы, но исторически складывающееся устройство нравственной жизни, охватывающее, по мнению И. Я. Фроянова и А. Ю. Дворниченко, «экономику, общественные группы давления и институты, ответственные за исполнение гражданского права и социальное обеспечение». Гражданское общество нуждается в институционально обособленном суверенном государстве и одновременно создает для него необходимые условия, а государство объединяет части гражданского общества в самоопределяемое целое и тем самым поднимает нравственную жизнь до всеобъемлющего, высшего единства¹⁵.

Начиная с последней трети XVIII в., когда от крепостной зависимости первым освободилось дворянство (указ Петра III 1762 г.), а затем, к концу века, духовенство и городское сословие, и до Октябрьской революции 1917 г. российское общество постепенно становилось субъектом управления.

В XVIII – XIX вв. в России сложились две альтернативы: предсказанная Ж.-Ж. Руссо этатизация общества, господство общей воли над частным интересом и развитие гражданского общества через экономические формы, чему противостояли крепостное право и разложение дворянства.

Роль катализатора экономической активности в форме относительно свободного предпринимательства в этих условиях должен был сыграть крестьянин, но это было возможно только после его освобождения от крепостной и корпоративной зависимости (соответственно с 1861 г. и со Столыпинских реформ начала XX в.). Времени, отведенного историей на этот процесс, явно не хватало: его прервал октябрьский переворот 1917 г.

Этатистские тенденции возобладали в общественной жизни России XIX в. Государству в его самодержавной форме пришлось идти на уступки общественности (особенно после поражения в Крымской войне), предоставляя ей право участия в управлении.

Российское общество конца XIX – начала XX в. стремилось к статусу гражданского: ограничения реформ Александра II и препятствия контрреформ Александра III оно пыталось обойти с помощью самостоятельных организаций (правда, также требовавших «высочайшего соизволения») – благотворительных, обществ и касс взаимопомощи, просветительских, вра-

10 Гуренко Е. Н., Шкартан О. И. От этатизма к становлению гражданского общества // Рабочий класс и современный мир. – 1990. – № 3. – С. 154, 155.

11 Новая Конституция России: два проекта // Конституционный вестник. – 1993. – № 16. – С. 1–25.

12 Черниловский З. М. Гражданское общество: опыт исследования // Государство и право. – 1992. – № 6. – С. 47.

13 Сергеевич В. И. Русские юридические древности. – СПб., 1900. – Т. 2. – С. 73–97.

14 Фроянов И. Я., Дворниченко А. Ю. Города-государства Древней Руси. – Л., 1988. – С. 166.

15 Милоков П. Н. История второй русской революции // Страна гибнет сегодня. Воспоминания о Февральской революции 1917 г. – М., 1991. – С. 6, 7.

чей и медицинских обществ, профессиональных объединений ученых и творческих работников.

С 17 октября 1905 г. появилась принципиальная возможность для России стать конституционной монархией в ряду десятка европейских монархий, но эта альтернатива не реализовалась до Первой мировой войны, кризис которой привел к полному крушению самодержавия. Реформы П. А. Столыпина заложили возможность «размывания» общины, препятствовавшей становлению гражданского общества, но и им не суждено было быть доведенными до конца.

Февральская революция 1917 г. дала мощный импульс развитию гражданского общества: в России начали развиваться демократические институты свободы слова, собраний, организаций, вероисповедания; возникли политические и неполитические организации¹⁶.

Однако уже в период с января по март 1918 г. одним из результатов октябрьского переворота стала монополизация большевистской партией политической жизни в Советской России. Идея классового противоборства полностью вытеснила идею гражданского общества, а формализация общественной жизни и отсутствие гарантий личных прав и свобод привели к уничтожению не только большинства элементов гражданского общества, но и почвы их возможного зарождения и развития.

Дальнейшее развитие исследований гражданского общества продолжилось после окончания Второй мировой войны, так как предшествующий период характеризовался беспрецедентным вмешательством государства в сферы частной жизни граждан, причем не только в тоталитарных государствах. Особое внимание в послевоенное время уделялось переосмыслению понятия гражданских прав, связанному со строительством социального государства.

В течение XX в. произошла следующая трансформация гражданского общества: в начале века оно играло роль щита для государства, которому угрожала революционная стихия, в конце столетия его задача – защищать свободу индивида от чрезмерной опеки государства.

Другим источником возрождения интереса к гражданскому обществу стало диссидентское движение, развернувшееся в авторитарных государствах, где ощущался острый дефицит демократии. Обе тенденции, имевшие левый и правый оттенок, способствовали широкому социальному экспериментированию в рамках гражданского общества и привели к возникновению новых общественных движений, зачастую с необычными формами общественно-политической мобилизации, развитием альтернативного сектора экономики, разработкой новых социально-этических норм.

В результате государство расширило свое влияние, сохранив структуру социального государства и дополнив ее нормами и механизмами контроля над гражданами в целях, например, противостояния терроризму.

Падение коммунистических режимов в конце 1980-х гг. вновь вызвало интерес к возможности гражданского общества противостоять тоталитаризму сначала у диссидентов, затем у политиков и теоретиков из числа разочаровавшихся марксистов: для одних это был рецидив индивидуалистического и конституционного либерализма, для других – признание превосходства свободного рынка над централизованной плановой экономикой. Как эхо, это отразилось и на Западе, где в большей или меньшей степени гражданское общество существова-

ло (в элементах) в течение нескольких столетий, но понятие и идея крайне редко использовались средствами массовой информации или академическими политологами.

Возрождение гражданского общества в России происходило в уникальной исторической ситуации: исчерпанность советской модели организации социума выражалась в процессах его самораспада. Облик гражданского общества складывался в начале 1990-х гг. под воздействием адаптировавшихся к новым реалиям старых (советских) структур, выпадения из социальных отношений массы людей и, конечно, разного рода тенденций, структурирующих новый тип социума.

В России гражданское общество формируется и развивается в особых социокультурных условиях. Прежде всего, следует отметить доминирующую роль государства в жизни общества в его историческом развитии, что определялось природно-географическими, ментально-правовыми, геополитическими условиями.

Пристатейный библиографический список

1. Аристотель. Политика. – М., 1965.
2. Государственное право Российской Федерации / Под ред. О. Е. Кутафина. – М., 1993. – Т. 1.
3. Гражданское общество в России: Структуры и сознание. – М., 1998.
4. Грудина Л. Ю. Исторические особенности возникновения и развития гражданского общества в России // Законодательство и экономика. – 2009. – № 6.
5. Гуренко Е. Н., Шкартан О. И. От этатизма к становлению гражданского общества // Рабочий класс и современный мир. – 1990. – № 3.
6. Зорькин В. Д., Кикоть В. А. Новая Конституция – путь к свободе. – М., 1995.
7. Калашников С. В. Конституционные основы формирования гражданского общества в Российской Федерации: Дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 2001.
8. Карпов Л. Россия и правовое государство // Свободная мысль. – 1992. – № 9.
9. Милуков П. Н. История второй русской революции // Страна гибнет сегодня. Воспоминания о Февральской революции 1917 г. – М., 1991.
10. Нерсесянц В. С. Общая теория права и государства: Учебник. – М.: Норма-Инфра-М, 1999.
11. Новая Конституция России: два проекта // Конституционный вестник. – 1993. – № 16.
12. Румянцев О. Г. Основы конституционного строя России. – М., 1994.
13. Сергеевич В. И. Русские юридические древности. – СПб., 1900. – Т. 2.
14. Фроянов И. Я., Дворниченко А. Ю. Города-государства Древней Руси. – Л., 1988.
15. Черниловский З. М. Гражданское общество: опыт исследования // Государство и право. – 1992. – № 6.
16. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. – СПб., 1992.

¹⁶ Гражданское общество в России: Структуры и сознание. – М., 1998. – С. 35.

Ерпылёв И. В.

МЕТОДОЛОГИЯ СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

В статье рассматриваются основные принципы компаративистского исследования, в том числе делается вывод о необходимости использования текстологических методов в правоведеии. Недостаточность описательных работ по сравнительному правоведеию приводит автора к заключению о необходимости создания обобщающих теорий на основе сравнительно-правового исследования.

Ключевые слова: сравнительное правоведеие, правовое текстоведеие, методы правовой науки, принципы компаративистики, сравнительно-правовое обобщение.

Erpylev I. V.

METHODOLOGY OF THE COMPARATIVE LEGAL STUDY

This article is devoted to the basic principles of comparative legal study. According to the author it is necessary to use textual methods in jurisprudence. Weakness of descriptive works on comparative law leads to a conclusion that generalizing theories based on comparative legal research should be created.

Keywords: comparative law, textual methods of jurisprudence, principles of comparative law study, comparative law generalization.

Ерпылёв И. В.

Методология любого гуманитарного исследования, если только она не оперирует математическими и статистическими выкладками, неизбежно подвергается критике по причине некоторой неопределенности основных методологических постулатов. Это связано с высокой сложностью и многофакторностью гуманитарных объектов исследования: «необходимо сравнивать лишь сравнимые вещи, в контексте гуманитарного исследования это приведет к упрощению вплоть до потери научности»¹.

Даже если допустить, что работа с источниками (установление фактов) в высокой степени поддается объективизации, то интерпретация указанных фактов лежит за рамками общепринятых методик: «В социальных и гуманитарных исследованиях интерпретация фактов конкретным ученым оказывает большее влияние на исследование, чем в естественных науках»². Указанная проблема возникает и при осуществлении правовых исследований. Этой неопределенностью объясняется небольшое количество работ по вопросу методологии правовой науки.

Большинство авторов сожалеет о недостаточности использования в правоведеии естественнонаучных методов: «Действительно научным методом мог бы стать метод правового эксперимента, но его использование в теории права затруднено, ведь эксперимент предполагает исследование альтернативных возможностей»³.

Однако вместо того, чтобы искать эксперименту или социологическому опросу место в системе методов юридической науки, мы предлагаем посмотреть на проблему «научности» юриспруденции с другой стороны.

Мы полагаем, что предметом научного интереса юриспруденции, по большей части, являются тексты, их прочтение, понимание, интерпретация, толкование и взаимное сопоставление.

В такой ситуации достойно сожаления, что юридическая наука, в большинстве своем предполагающая работу со строго определенными, однозначными текстами нормативных актов, не имеет разработанной текстологической методологии, тогда как литературоведение, имеющее дело с художественным словом, намного более сложным для анализа и толкования, выработало успешные методологические модели, благодаря которым возможна унификация научных литературоведческих исследований.

Разумеется, часть филологических методов (например, оценка сильных и слабых сторон текста, его художественности, правдивости образов и сюжета, стилистика, учение о мотивах) в правоведеии неприменимы, однако другие, направленные на однозначность понимания текста (метод контекста, предполагающий, что исследователь должен отследить все возможные оттенки идеи в её развитии на протяжении всего текста, метод сопоставления, метод морфологического анализа текста), вполне могут быть взяты на вооружение правоведом.

В сравнительном литературоведении для сравнения формально несопоставимых текстов (текстов разных объемов, написанных на различных языках и в разные эпохи) применяются понятия архетипов (героев – «Храбрца», «Труса», «Любовника», «Путешественника») и концептов (основных сюжетных линий – «Побег», «Поиск сокровища», «Поиск невесты»).

С помощью указанных средств можно описать сходство и различие произведений, выявить, созданы ли тексты самостоятельно друг от друга или идеи были заимствованы, показать совершенствование и усложнение «вечных» сюжетов применительно к духу времени⁴.

Применительно к сравнительному правоведеию вполне возможно принять за «архетипы» правовые явления действительности – «наследство», «договор», «преступление», «доказательство», а за «концепты» – правовые средства, с помощью которых законодатель описывает «архетипы» и отношения между ними.

Мы привели в качестве примера лишь один интересный метод литературоведения, однако литературоведами разработано и успешно применяется множество подобных концепций, методов и средств исследования текстов, которые ждут своего часа в юриспруденции.

1 Scientific Methods for the Humanities / Willie Van Peer, Jemeljan Hakemulder, Frank Hakemulder, Sonia Zyngier. – Amsterdam, 2012. – P. 16.

2 Kundu A., Nayar P. K. The Humanities: Methodology and Perspectives. – 2nd ed. – New Delhi: Dorling Kindersley, 2011. – P. 8.

3 Рычагова О. Е. О методологии российской правовой науки // Вестник Омского государственного университета. – 2003. – № 1. – С. 113.

4 Tötösy de Zepetnek S. Comparative Literature: Theory, Method, Application. – Amsterdam, 1998. – P. 35–40.

Специфика сравнительно-правового исследования, предполагающего изучение и цитирование большого количества источников на иностранных языках, побуждает изложить свою точку зрения на правила перевода текста с иностранного языка.

В иностранной литературе основным правилом перевода юридических текстов является интертекстуальность, под которой понимается «связь переводимого текста с другими юридическими текстами на языке перевода»⁵.

Иными словами, не следует произвольно вводить новые понятия для перевода уже известных в данной системе права юридических терминов. В связи с указанным принципом «admissibility of evidence» должно быть переведено как «допустимость доказательств», а не «приемлемость доказательств».

Если же правовое явление не имеет точных аналогов в отечественной юриспруденции, то термин, обозначающий данное явление, подлежит оставлению без перевода, например, немецкие «шеффены» – совсем не то, что «народные заседатели».

Отдельно следует сказать о герменевтическом принципе толкования текста: «Предметом герменевтики является смысл, а также нахождение правил освоения смысла, содержащегося в любом тексте»⁶. Из этого следует необходимость использования указанного общенаучного метода в сравнительно-правовом исследовании, что позволит обеспечить аутентичное толкование и передачу смысла текста на иностранном языке.

Нельзя не согласиться с тем, что методология правовых исследований находится в стадии становления. Общественные явления и процессы, к которым, несомненно, относится и развитие права, настолько сложны, что могут быть изучены только при помощи определенной формализации, упрощения.

За рамками исследования должны остаться определенные факторы, которые привели бы к излишней его детализации, например, сложно учесть статистические данные об эффективном применении тех или иных положений исследуемого законодательства. В такой ситуации единственным выходом будет полагать априори равными по правовому воздействию правовые предписания исследуемых государств, коль скоро правовые нормы изложены в официальном источнике права.

Следовательно, если какое-либо нормативное положение в африканской стране является декларативным, но содержится в законе, то, скорее всего, данная норма права будет рассмотрена на равных основаниях с другими аналогичными.

Поскольку сравнительное правоведение, как правило, является сугубо теоретическим исследованием, в ходе работы не предполагается использование достижений социологии (анкетирование, опрос, рейтинговый метод), теории вероятности, математических и социологических моделей.

Вместе с тем научную основу исследования традиционно составляют фундаментальные научные методы – логический (анализ, синтез), исторический, общеправовые методы: сравнительно-правовой, формализованный, метод построения юридической модели. Для решения частных задач исследования следует использовать методы технического перевода юридических текстов на русский язык, герменевтический метод, методы классификации и систематизации.

Отдельно отметим достижения сравнительно-правовой науки, на которых можно основывать компаративистское исследование.

Д. А. Керимов отметил, что «характерной особенностью современного развития научного знания является образование своеобразного поля пересечения, активного взаимодействия и взаимопроникновения различных, казалось бы, далеко друг от друга стоящих наук, теоретических концепций и методов познания»⁷.

Такое пересечение возможно не только между различными отраслями научного знания (исследования на стыке физики и биологии, права и социологии), но и между правовыми концепциями различных государств.

Активное взаимодействие национальных правовых систем происходит в сфере международного права, например, при решении вопросов правовой помощи.

Д. И. Дедов указывал на методологические проблемы современной юридической науки: «Огромный объем правовых знаний, так или иначе требующий заучивания и выдвигающий на первый план позитивизм и догматические установки, существенно ограничивает возможности самостоятельного правового мышления и появления новых правовых идей»⁸.

Вместе с тем сравнительно-правовое исследование должно быть одинаково далеко и от пренебрежения отечественными правовыми идеями в пользу положительного, но чуждого зарубежного опыта, и от полного неприятия иностранных способов решения общих проблем, стоящих перед законодателями всех государств.

Р. Леже предлагал рассматривать три уровня сравнительно-правового исследования: сравнение законов, судебной практики и практики применения закона в общем смысле, касающейся, в том числе, отношения к закону со стороны граждан и правоприменителей⁹.

Из трех уровней исследования в рамках традиционной научной работы могут быть реализованы полностью только два: мы имеем возможность изучить и проанализировать текст законов и судебную практику. Последняя представляется важным аспектом изучения положений о допустимости доказательств в странах англосаксонской системы права.

Что же касается третьего уровня, то установление вопросов, касающихся, по большей части, правосознания и правовой культуры, отношение к их нарушению со стороны общества не так важно в контексте формального исследования, особенно в сфере процессуального права. Например, если не соблюдены правила допустимости доказательства, то это неминуемо приведет к исключению доказательства из поля зрения суда, независимо от причины нарушения соответствующего требования (небрежность, сознательное несоблюдение), дальнейшая судьба нарушителя – предмет дисциплинарного, а не уголовного производства.

Наконец, нам хотелось бы отметить изначальную неполноту имеющихся описательных сравнительно-правовых исследований, которые уже не соответствуют задачам, стоящим перед сравнительным правоведением.

По верному замечанию Ю. А. Тихомирова, «в прошлые столетия знакомство “со стороны” с национальным правом носило скорее историко-познавательный характер и культивировало сохранение и бережное отношение к текстам законов, юридическим книгам, истолкованиям»¹⁰, тогда как сегодня описательности явно недостаточно.

5 Febrero J. L. S. Legal English and Translation: Theory and Practice. – San Vicente, 2003. – P. 62.

6 Шульга Е.Н. Когнитивная герменевтика. – М.: Directmedia, 2002. – С. 60.

7 Керимов Д. А. Общенаучная методология и методология права // Теоретико-методологические проблемы права. – М.: ИКД «Зерцало – М», 2007. – С. 15.

8 Дедов Д. И. Юридический метод. – М.: Волтерс Клувер, 2008. – С. 46.

9 Леже Р. Великие правовые системы современности. – М.: Волтерс Клувер, 2009. – С. 280–281.

10 Тихомиров Ю. А. Курс сравнительного правоведения. – М.: Издательство НОРМА, 1996. – С. 8.

Ввиду этого мы не можем признать достаточность исследований, в которых сравнительно-правовой аспект выражен лишь в описании (цитировании) зарубежных правовых установлений. Необходимо построение общей теории, в рамках которой получили бы объяснения все правовые феномены, обнаруженные исследователем.

Еще в дореволюционной правовой науке выдвигались положения о том, что «задача сравнительного метода... сводится к тому, чтобы, выделив в особую группу сходные у разных народов на сходных ступенях их развития обычаи и учреждения, дать тем самым материал для построения... развития форм общежития и их внешнего выражения права»¹¹.

Основываясь на изложенных позициях, мы можем вывести следующие принципы сравнительно-правового исследования, которыми можно руководствоваться в научной работе:

1. Изучение как правовых установлений, так и судебной практики репрезентативного числа зарубежных государств. В рамках сравнительно-правового исследования необходимо ограничиться определенным перечнем государств, перечень и число которых должны удовлетворять критерию репрезентативности. Так, обязательно следует изучить подходы к рассматриваемому вопросу в странах англосаксонской и континентальной системы права. Это минимальное требование полноты, которому должно отвечать компаративистское исследование. Мы полагаем, что в любом случае при изучении правовых подходов к изучаемому явлению необходимо проанализировать установления мусульманского (шариатского) права, своеобразное право Китайской Народной Республики и Японии, право африканской постколониальной страны, Соединенных Штатов Америки, латиноамериканской страны и государства Океании. Из европейских правовых систем следует рассмотреть, по крайней мере, по одной скандинавской, постсоциалистической, центральноевропейской и южноевропейской стране. Интерес к законодательству Великобритании, Франции, Германии стабильно высок, поэтому ссылки на законодательство данных государств можно найти в любом сравнительно-правовом исследовании.

2. Адекватный перевод иностранного текста на русский язык. В основу исследования должны быть положены принципы технического перевода, согласно которым используемые языковые обороты должны быть адекватны речевой ситуации (следовательно, при переводе нормативных актов и научных работ будет применяться официально-деловой стиль), а юридические термины должны быть «переконвертированы» в понятия, применяющиеся в российском праве, за исключением особо экзотичных, которые следует оставить без перевода, с объяснением.

3. Выделение существенных черт явления. Предлагаемые термины, а также рассматриваемые явления зарубежной правовой действительности следует вводить через описание ряда значимых признаков.

4. Создание научной классификации, построение теории. Следует приложить все усилия для обобщения полученных первичных сведений о правовом явлении, чтобы с помощью единой теории можно было объяснить и описать все подходы к реализации того или иного правового института.

5. Иллюстрация теоретических выводов практическими примерами. Насколько это возможно, все теоретические заключения должны быть сопровождаемы цитатами из нормативных актов или судебных актов, доказывающими правильность подобных допущений.

6. Отсутствие идеологических оценок, эмоциональная беспристрастность исследования. Сравнительно-правовое исследование предполагает постоянное сравнение зарубежного законодательства с реалиями российского права, поиск оптимальных правовых решений, которые могли бы быть реализованы в отечественной правовой системе. Точкой отсчета исследования является система российского права и деятельность отечественных органов государственной власти, ввиду чего возможные сравнения, выявление достоинств и недостатков производятся с учетом российских правовых принципов.

Р. Леже предостерегал от методологических опасностей сравнительно-правового исследования: когда исследователи «имеют потребность в познании зарубежных институтов и применении их норм, они зачастую не обращают внимания на методологические проблемы проведения параллелей с институтами и нормами их собственной системы, таким образом, качество их рассуждений может оказаться скомпрометированным»¹².

Мы полагаем, что обезопасить сравнительно-правовое исследование от подобного рода неточностей может лишь четкое следование изложенным в данной статье методологическим принципам.

Пристатейный библиографический список

1. Febrero J. L. S. Legal English and Translation: Theory and Practice. – San Vicente, 2003.
2. Kundu A., Nayar P. K. The Humanities: Methodology And Perspectives. – 2nd ed. – New Delhi: Dorling Kindersley, 2011.
3. Scientific Methods for the Humanities / Willie Van Peer, Jemeljan Hakemulder, Frank Hakemulder, Sonia Zyngier. – Amsterdam, 2012.
4. Tötösy de Zepetnek S. Comparative Literature: Theory, Method, Application. – Amsterdam, 1998.
5. Дедов Д. И. Юридический метод. – М.: Волтерс Клувер, 2008.
6. Керимов Д. А. Общенаучная методология и методология права // Теоретико-методологические проблемы права. – М.: ИКД «Зерцало – М», 2007.
7. Ковалевский М. М. Историко-сравнительный метод в юриспруденции. – М., 1880.
8. Леже Р. Великие правовые системы современности. – М.: Волтерс Клувер, 2009.
9. Рычагова О. Е. О методологии российской правовой науки // Вестник Омского государственного университета. – 2003. – № 1.
10. Тихомиров Ю. А. Курс сравнительного правоведения. – М.: Издательство НОРМА, 1996.
11. Шульга Е. Н. Когнитивная герменевтика. – М.: Directmedia, 2002.

11 Ковалевский М.М. Историко-сравнительный метод в юриспруденции. – М., 1880. – С. 19.

12 Леже Р. Указ. соч. – С. 271.

Бухаров М. Я.

ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ БАНКАМИ ПОТРЕБИТЕЛЬСКИХ КРЕДИТОВ ЧЕРЕЗ ИНТЕРНЕТ

В статье рассматриваются основные гражданско-правовые пробелы, которые препятствуют осуществлению банками операций по потребителскому кредитованию потенциальных заемщиков напрямую, через интернет, без обязательного посещения офисов банков. Предлагаются решения гражданско-правовых пробелов путем внесения поправок в нормативно-правовые акты РФ.

Ключевые слова: потребительский кредит, интернет-банкинг, кредитные истории, Web-Money Transfer.

BUHAROV M. Ya.

CIVIL LAW FEATURES OF GRANTING CONSUMER CREDITS BY BANKS VIA THE INTERNET

In the article main civil-law blanks are considered, which interfere with realization by banks of operations on consumer crediting of potential borrowers directly, through the Internet, without obligatory visiting of bank offices. Decisions of civil-law blanks by entering amendments into legal acts of the Russian Federation are offered.

Keywords: consumer credit, Internet-banking, credit histories, WebMoney Transfer.

Институт кредитования существует не один век и является системообразующим в финансовой жизни общества. Но, несмотря на признаки фундаментальности и системообразования кредитной системы, в финансовой жизни общества есть и такой двоякооцениваемый вид кредитования, как потребительский. К этому виду кредитования двоякое отношение из-за того, что одни оценивают этот вид позитивно¹, как позволяющий увеличивать сбыт товаров и услуг внутри страны, что стимулирует рост экономики, другие же считают, что этот вид «создает проблемы перекредитованности населения и невозврата кредитов»². Однако, если существует спрос на такого рода банковские услуги и развитие банковско-клиентских отношений идет одновременно в сети интернет, то необходимо рассмотреть правовые проблемы, связанные с предоставлением этого вида кредитов в интернете.

Как отмечает О.М. Марковой, «интернет-банкинг – это не новая услуга, оказываемая банком, а лишь изменение формы обслуживания клиентуры»³. Действительно, «впервые компьютеры в банках начали использоваться в США в конце 1950-х гг.»⁴. Но если в конце 1950-х гг. компьютеры служили для минимизации расходов банков по обслуживанию чекового обращения, то в дальнейшем компьютеры позволили реализовать целый комплекс услуг, которые предлагались потенциальным клиентам банков.

С развитием сети интернет и интернет-коммерции банки получили дополнительные возможности в виде новой рекламной площадки своих услуг, дополнительного канала привлечения и обслуживания клиентов, минимизации расходов на содержание персонала и офисов, круглосуточного обслуживания клиентов, возможности оказания услуг потенциальным

Бухаров М. Я.

клиентам в любой точке мира и соответственно увеличения прибыли через собственные и сторонние интернет-сайты. Банки смогли реализовать предоставление большинства своих услуг через интернет: открытие счета, возможность оплаты различного рода платежей через личный кабинет клиента, возможность перевода средств и т. д. Правда, в отношении потребительских кредитов банки начали предоставлять их не напрямую клиентам через интернет, а косвенно, путем сбора заявок на получение кредита с обязательным заключением кредитного договора в письменном виде в офисе банка. То есть интернет используется банками в сфере предоставления потребительских кредитов лишь как информационная площадка для оформления и сбора заявок на получение потребительских кредитов, а не для предоставления кредитов непосредственно и незамедлительно.

Эти регулятивные меры предприняты в целях обеспечения безопасности банков при выдаче ими потребительских кредитов через интернет, чтобы обеспечить проверку соответствия присланной клиентом в заявке персональной информации с той, что клиент должен подтвердить в офисе банка – данными паспорта, ИНН, справкой 2 НДФЛ, подписанием соглашения на сбор и обработку своих данных. Также отличительным моментом является и то, что правовое поле в отношении предоставления потребительских кредитов через интернет банками имеет свои пробелы, в частности отсутствие законодательного регулирования процесса потребительского кредитования через интернет. Наряду с ней, существует явная проблема, заключающаяся в том, что, с одной стороны, банки получили возможность для снижения издержек на офисы, операции, персонал, а с другой – невозможность из-за правовых пробелов предоставить клиентам услугу по получению потребительского кредита без посещения офиса банка.

Рассмотрим законодательные ограничения, которые мешают банкам предоставлять потребительские кредиты населению посредством интернета без посещения офиса. Во-первых, это п. 1 ст. 7 ФЗ РФ «О потребительском кредите», в которой говорится, что: «Договор потребительского кредита (займа) заключается в порядке, установленном законодательством Российской Федерации для кредитного договора, договора за-

1 Вишневский А. А. Современное банковское право: банковско-клиентские отношения: Сравнительно-правовые очерки. – М.: Статут, 2013. – С. 306.

2 Ъ-Власть – Захочешь одеваться, обуваться прилично – еще не на то пойдешь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.kommersant.ru/doc/2260489>

3 Маркова О. М. Банковские операции: учебник для бакалавров / О. М. Маркова, Н. М. Мартыненко, О. С. Рудакова, Н. В. Сергеева. – М.: Издательство Юрайт, 2012. – С. 370.

4 Там же. – С. 364.

йма, с учетом особенностей, предусмотренных настоящим Федеральным законом»⁵, это положение отправляет нас к ч. 1 ст. 808 Гражданского кодекса, где сказано: «Договор займа между гражданами должен быть заключен в письменной форме, если его сумма превышает не менее чем в десять раз установленный законом минимальный размер оплаты труда, а в случае, когда займодавцем является юридическое лицо, – независимо от суммы»⁶. Таким образом, при предоставлении кредита на сумму больше 55 540 рублей⁷ необходимо заключать письменный договор между физическими лицами, а в случае с юридическими лицами, к которым относятся и банки, – только в письменной форме.

Вместе с тем в п. 14 ст. 7 ФЗ РФ «О потребительском кредите» сказано, что: «Документы, необходимые для заключения договора потребительского кредита (займа) в соответствии с настоящей статьей, включая индивидуальные условия договора потребительского кредита (займа) и заявление о предоставлении потребительского кредита (займа), могут быть подписаны сторонами с использованием аналога собственноручной подписи способом, подтверждающим ее принадлежность сторонам в соответствии с требованиями федеральных законов, и направлены с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети «Интернет»...». Это положение дает возможность кредитным организациям (банкам) благодаря аналогу собственноручной подписи – «электронной подписи», которая закреплена законодательно в ФЗ РФ «Об электронной подписи», оформлять потребительские кредиты без посещения офисов банков, через интернет. Однако реализации процесса потребительского кредитования через интернет на практике со стороны банков не наблюдается, что может свидетельствовать о правовых пробелах в иных нормативно-правовых актах.

Во-вторых, это положение пп. 3 и 4 ст. 5 ФЗ РФ «О кредитных историях». В этих пунктах говорится: «3. Кредитные организации обязаны представлять всю имеющуюся информацию, определенную статьей 4 настоящего Федерального закона, в отношении всех заемщиков, давших согласие на ее представление, в порядке, предусмотренном настоящей статьей, хотя бы в одно бюро кредитных историй, включенное в государственный реестр бюро кредитных историй» и «4. Источник формирования кредитной истории представляет информацию в бюро кредитных историй только при наличии на это письменного или иным способом документально зафиксированного согласия заемщика. Согласие заемщика на представление информации в бюро кредитных историй может быть получено в любой форме, позволяющей однозначно определить получение такого согласия»⁸. То есть лицо, обратившееся за потребительским кредитом, может и не дать своего согласия на предоставление данных в бюро кредитных историй, что препятствует аккумулированию бюро кредитных историй кредитной информации о должнике в целях

минимизации кредитных рисков банков, а в случае с предоставлением потребительских кредитов через интернет – оперативному получению банками необходимой информации о потенциальном заемщике посредством сети интернет на сайтах бюро кредитных историй.

В-третьих, отсутствие законодательного регулирования в части возможности доказательства со стороны клиентов совершения ими банковских сделок в сети интернет. То есть в законе не закреплены положения о технической возможности доказательства клиентами – физическими и юридическими лицами совершения или несомнения ими банковских сделок через интернет. Например, законодательное признание снимков («screenshot») с экрана монитора компьютера, планшета или телефона или возможности законодательного признания видеозаписи, сделанной при помощи специальных программ с экрана перечисленных выше устройств, для доказательства заключения сделок со стороны клиента банка или незаключения таких сделок через интернет.

Для банковских организаций предусмотрены процедуры обеспечения безопасности и доказательства при совершении клиентами сделок через интернет путем идентификации клиентов и аутентификации электронных сообщений. Об этом сказано в Приложении к письму Банка России РФ от 23.10.2009 г. № 128-Т «О рекомендациях по информационному содержанию и организации Web-сайтов кредитных организаций в сети Интернет» в пп. 3.4.2. раздела 3.4: «Для доступа зарегистрированных клиентов к операционным Web-сайтам кредитным организациям рекомендуется использовать регламентируемые внутренними документами кредитной организации процедуры идентификации клиентов, а также аутентификации их электронных сообщений» и 3.4.3. «Документооборот между кредитной организацией и ее клиентами через операционные Web-сайты рекомендуется осуществлять с использованием шифровальных (криптографических) средств, а также средств аутентификации электронных сообщений (в том числе аналогов собственноручной подписи)». При этом в приложении даются определения терминов идентификации клиентов и аутентификации электронных сообщений. Под идентификацией клиентов понимается «процедура установления личности клиента». Под аутентификацией электронных сообщений понимается «процедура контроля целостности и подтверждения его подлинности»⁹.

Проблемы безопасности при совершении клиентами банковских операций и сделок в сети интернет отмечены в Письме Банка России от 31.03.2008 г. № 36-Т «О рекомендациях по организации управления рисками, возникающими при осуществлении кредитными организациями операций с применением систем интернет-банкинга». В частности, это абз. 9 раздела 2.2, в котором говорится, что причиной возникновения операционного риска при применении систем интернет-банкинга могут быть «хищения денежных средств путем неправомерного использования ключа электронной цифровой подписи»; абз. 6 раздела 2.3, где сказано, что причинами возникновения правового риска при применении систем интернет-банкинга могут являться: «недостаточность проработки кредитной организацией правовых вопросов при заключении договоров с провайдерами на оказание услуг по выполнению функций обработки, передачи, хранения банковской и другой

5 Федеральный закон РФ от 21 декабря 2013 г. № 353 «О потребительском кредите (займе)» // Российская газета. – 2013. – 23 декабря. – № 6265.

6 Российская Федерация. Законы. Гражданский кодекс РФ: [Федер. закон РФ: часть вторая от 26 января 1996 г. №14-ФЗ] // Собрание законодательства РФ. – 1996. – 29 января. – № 5. – Ст. 410.

7 Федеральный закон РФ от 2 декабря 2013 г. № 336 «О внесении изменения в статью 1 Федерального закона “О минимальном размере оплаты труда”» // Российская газета. – 2013. – 4 декабря. – № 273.

8 Федеральный закон от 30 декабря 2004 г. № 218-ФЗ (ред. от 23.07.2013) «О кредитных историях» // Собрание законодательства РФ. – 2005. – 03 января. – № 1 (часть 1).

9 Приложение к письму Банка России от 23.10.2009 г. № 128-Т «О рекомендациях по информационному содержанию и организации Web-сайтов кредитных организаций в сети Интернет» // Вестник Банка России. – 2009. – 28 октября. – № 61.

информации, в том числе определение ответственности провайдеров при невыполнении обязательств по обслуживанию в рамках интернет-банкинга» и абз. 8 «нахождение филиалов кредитной организации, ее клиентов, пользующихся услугами интернет-банкинга, и провайдеров под юрисдикцией различных государств»¹⁰.

Несмотря на то, что в Письме Банка России от 27.04.2007 г. «Об особенностях обслуживания кредитными организациями клиентов с использованием технологии дистанционного доступа к банковскому счету клиента (включая интернет-банкинг)» содержится положение, которое говорит, что: «Кредитным организациям рекомендуется после предварительного предупреждения отказывать клиентам в приеме от них распоряжений на проведение операции по банковскому счету (вкладу), подписанных аналогом собственноручной подписи, в случае выявления сомнительных операций клиентов. При этом кредитным организациям рекомендуется принимать от таких клиентов только надлежащим образом оформленные расчетные документы на бумажном носителе»¹¹, следует учесть то, что речь идет об операциях по вкладу, а не получению потребительского кредита, а также о возврате к письменной форме сделки, заключенной на бумаге. Эти положения также свидетельствуют в пользу того, чтобы была разработана законодательная возможность доказательства физическими и юридическими лицами совершения или несвершения банковских сделок по получению потребительских кредитов через интернет.

Для осуществления возможности предоставления потребительских кредитов через интернет банками можно рассмотреть пример работы кредитного сервиса международной системы расчетов – «WebMoney Transfer». Согласно положению на официальном сайте компании: «Долговой сервис дает возможность участникам системы WebMoney Transfer предоставлять друг другу титульные знаки WMZ на условиях возвратности, срочности и платности без посредников.

Все операции в Долговом сервисе производятся автоматически через специальные интерфейсы, реализующие «Правила проведения операций в Долговом сервисе» системы WebMoney Transfer. Выдавать займы в Долговом сервисе путем установления лимитов доверия может каждый участник системы WebMoney Transfer, который имеет: а) аттестат не ниже формального с подтвержденным номером мобильного телефона; б) WMZ (долларовый) – кошелек с достаточным для выдачи Займа количеством средств»¹².

Благодаря сервису системы WebMoney Transfer физические и юридические лица получили возможность предоставления кредитов друг другу на электронные кошельки, которые действуют внутри международной системы расчетов. Для этого понадобилась проработка следующих возможностей:

1) подтверждение своих персональных данных благодаря загрузке участником системы WebMoney Transfer в личном ка-

бинете на сервер компании отсканированных страниц паспорта. Эти данные проверяются сотрудником WebMoney Transfer на наличие того, совпадают ли они с теми персональными данными, которые были указаны при регистрации электронного кошелька клиентом WebMoney Transfer;

2) технологическая реализация программного обеспечения в виде электронного кошелька, который защищен не только вводом пароля, известного владельцу электронного кошелька, но также и тем, что электронный кошелек в полном функциональном режиме способен работать лишь на компьютере, где сохранен специальный электронный файл с ключами от электронного кошелька, позволяющий идентифицировать личность владельца. Также электронный кошелек позволяет в режиме реального времени сразу предоставлять кредиты и возможность запроса кредита досрочно или в установленный сторонами срок с уплатой процентов;

3) наличие долговой биржи WebMoney Transfer, на которой видны кредиторы, их условия, контактные данные, а также заемщики, их условия по взятию кредита и контактные данные. Тех, кто отказывается от исполнения обязанности по возврату кредита, система WebMoney Transfer регистрирует на специальной бирже просроченных кредитов и вносит публичную информацию о владельце электронного кошелька с указанием его регистрационных данных как о неплательщике. Наряду с долговой биржей реализована возможность по покупке проблемных задолженностей за процент от суммы взятого должником кредита. При этом сделки по покупке совершаются не только быстро, но и в режиме реального времени, безотлагательно;

4) реализована возможность автоматического списания средств с заемщика сразу после пополнения им своего электронного кошелька или поступления денежных средств от других участников системы, если заемщик не возвращает деньги сам в согласованный между сторонами срок.

Однако из-за того, что система WebMoney Transfer является частной компанией, которая сама прописывает удобные для себя нормы ведения предпринимательской деятельности, а также наличия рисков невозврата взятых кредитов, проценты по кредитам в системе WebMoney Transfer могут достигать 3 % и более в месяц или 36 % и более в год. Соответственно, приход банковских организаций в сферу предоставления кредитов через интернет позволил бы сократить столь высокие проценты, уменьшить риск невозврата кредитов за счет более высокого правового и системного регулирования банковской сферы. В этой связи уместно привести аргументы, которые были использованы для обоснования принятия ФЗ «О потребительском кредитовании» в Пояснительной записке к проекту Федерального закона «О потребительском кредитовании»: «Текущий этап развития сферы потребительского кредитования в России характеризуется следующими основными чертами: а) наличие повышенных кредитных рисков, обуславливающих в том числе высокую стоимость потребительского кредита; б) относительная слабость заемщика как стороны договора потребительского кредита, что обуславливает в том числе стремление кредиторов перенести на заемщика основные затраты и риски, связанные с развитием данного рынка»¹³.

Таким образом, для развития банковского рынка потребительского кредитования через интернет, а также минимиза-

10 Письмо Банка России от 31.03.2008 г. № 36-Т «О рекомендациях по организации управления рисками, возникающими при осуществлении кредитными организациями операций с применением систем интернет-банкинга» // Вестник Банка России. – 2008. – 9 апреля. – № 16.

11 Письмо Банка России от 27.04.2007 г. «Об особенностях обслуживания кредитными организациями клиентов с использованием технологии дистанционного доступа к банковскому счету клиента (включая интернет-банкинг)» // Вестник Банка России. – 2007. – 08 мая. – № 16.

12 Рекомендации для кредитора – WebMoney Wiki [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://wiki.webmoney.ru/projects/webmoney/wiki/Рекомендации_для_кредитора

13 Пояснительная записка «К проекту Федерального закона «О потребительском кредитовании» // Информационно-правовая база «Консультант».

ции стоимости потребительских кредитов и высоких процентов по ним, необходимо:

1) внести поправки в п. 14 ФЗ ст. 7 «О потребительском кредите», где предусмотреть не только возможность заключения договора путем аналога собственноручной подписи, но и собственно закрепить сам процесс совершения сделки по получению потребительского кредита через интернет;

2) внести поправки в пп. 3 и 4 ст. 5 ФЗ РФ «О кредитных историях», где заемщики будут обязаны давать согласие по предоставлению их кредитной истории в бюро кредитных историй. Это позволит кредитным бюро аккумулировать всю кредитную историю всех заемщиков без исключений, что будет способствовать в дальнейшем быстрому принятию банками решения о предоставлении или отказе потенциальным заемщикам потребительских кредитов через электронные системы баз данных кредитных бюро;

3) законодательно закрепить возможность доказательства клиентами банков при помощи снимков или видеозаписи с экрана компьютера, планшета или телефона как совершения сделки по получению потребительских кредитов в интернете, так и совершения банковских сделок в интернете вообще. Учитывая то, что на практике есть случаи оформления кредитов, в частности потребительских, по похищенным паспортным данным, необходимо предусмотреть возможность доказательства клиентами банков при помощи снимков или видеозаписи с экрана компьютера, планшета или телефона несовершения сделок через интернет по кредитам вообще и потребительским в частности. Существенным шагом будет создание специального государственного или банковского сервиса, который смог бы предоставлять физическим и юридическим лицам услуги по возможности фото- и видеofиксации с подтверждением подлинности сделанных доказательств. Это позволило бы не только ускорить процесс потребительского кредитования через интернет без посещения офисов, но также и способствовало бы эффективному распространению дистанционного банковского обслуживания в целом и доверия к нему со стороны населения;

4) предусмотреть в нормативно-правовых актах возможность списания заемных средств при просрочке с банковской заработной карты заемщика при наличии его письменного согласия, в том числе данного и в электронной форме. Это могло бы позволить банкам иметь дополнительные гарантии возврата заемных средств, уменьшить процент невозврата по проблемным кредитам и повысить ответственность заемщиков.

Пристатейный библиографический список

1. Маркова О. М. Банковские операции: учебник для бакалавров / О. М. Маркова, Н. М. Мартыненко, О. С. Рудакова, Н. В. Сергеева. – М.: Издательство Юрайт, 2012. – Серия: Бакалавр. Базовый курс.
2. Вишневский А. А. Современное банковское право: банковско-клиентские отношения: Сравнительно-правовые очерки. – М.: Статут, 2013.
3. Ъ-Власть – Захочешь одеваться, обуваться прилично – еще не на то пойдешь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.kommersant.ru/doc/2260489>
4. Федеральный закон РФ от 21 декабря 2013 г. № 353 «О потребительском кредите (займе)» // Российская газета. – 2013. – 23 декабря. – № 6265.
5. Федеральный закон РФ от 2 декабря 2013 г. № 336 «О внесении изменения в статью 1 Федерального закона “О минимальном размере оплаты труда”» // Российская газета. – 2013. – 4 декабря. – № 273.

6. Федеральный закон от 30 декабря 2004 г. № 218-ФЗ (ред. от 23.07.2013) «О кредитных историях» // Собрание законодательства РФ. – 2005. – 03 января. – № 1 (часть 1). – Ст. 44.
7. Российская Федерация. Законы. Гражданский кодекс РФ: [Федер. закон РФ: часть вторая от 26 января 1996 г. №14-ФЗ] // Собрание законодательства РФ. – 1996. – 29 января. – № 5. – Ст. 410.
8. Приложение к письму Банка России от 23.10.2009 г. № 128-Т «О рекомендациях по информационному содержанию и организации Web-сайтов кредитных организаций в сети Интернет» // Вестник Банка России. – 2009. – 28 октября. – № 61.
9. Письмо Банка России от 31.03.2008 г. № 36-Т «О рекомендациях по организации управления рисками, возникающими при осуществлении кредитными организациями операций с применением систем интернет-банкинга» // Вестник Банка России. – 2008. – 9 апреля. – № 16.
10. Письмо Банка России от 27.04.2007 г. «Об особенностях обслуживания кредитными организациями клиентов с использованием технологии дистанционного доступа к банковскому счету клиента (включая интернет-банкинг)» // Вестник Банка России. – 2007. – 08 мая. – № 16.
11. Пояснительная записка «К проекту Федерального закона «О потребительском кредитовании»» // Информационно-правовая база «Консультант».
12. Рекомендации для кредитора – WebMoney Wiki [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://wiki.webmoney.ru/projects/webmoney/wiki/Рекомендации_для_кредитора

Карпикова Л. В.

РАЗВИТИЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ И ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ ОБ ОБОСОБЛЕННЫХ ПОДРАЗДЕЛЕНИЯХ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ

Статья посвящена анализу исторического развития представлений о правовых конструкциях обособленных подразделений юридических лиц. Автором последовательно рассматриваются подходы к определению правового статуса данных образований у дореволюционных и советских цивилистов.

Ключевые слова: обособленное подразделение юридического лица; территориальная обособленность, филиал и представительство; структурное подразделение.

Karpikova L. V.

DEVELOPMENT OF THE ABSTRACT AND LEGAL CONCEPTS OF SEPARATE SUBDIVISIONS OF LEGAL ENTITIES

The article analyzes the historical development of ideas concerning legal structures of separate subdivisions of legal entities. The author successively reviews approaches for the definition of the legal status of these structures in the pre-revolutionary Russian and Soviet jurists' works.

Keywords: separate subdivision of a legal entity; territorial remoteness; branch and representative office; structural subdivision.

Карпикова Л. В.

Рассмотрение вопроса о правовой природе юридического лица продолжает оставаться краеугольным камнем юридической науки на протяжении длительного времени. По вопросу о том, что представляет собой юридическое («нефизическое») лицо, которому в жизни не соответствует что-либо физически осязаемое, единства мнений до сих пор не достигнуто.

В последнее время все чаще в литературе обращается внимание на то, что современное правопонимание требует изменения подхода к методологии познания правовых явлений¹. Юридическая теория длительное время формировалась на основе юридического позитивизма, нацеленного не на установление глубинных связей и взаимодействия элементов социально-правовой системы, а на констатацию и конструирование юридической практики. В настоящее время получает распространение комплексный подход к трактовке категориальной сути правовых явлений, выражающийся в «сопоставлении результатов, получаемых догмой права, социологией права, философией права, их сравнении, обобщении...»².

Филиалы и представительства как обособленные подразделения юридических лиц на сегодняшний день – довольно распространенные участники современного гражданского оборота. Об особой юридической актуальности и социальной значимости тематики, связанной с их правовым статусом говорит, тот факт, что большинство крупных и средних организаций в нашей стране имеют весьма разветвленную сеть обособленных подразделений, причем как на территории России, так и за рубежом.

Однако А.В. Мыскин справедливо отмечает, что «в настоящее время многие аспекты правового регулирования деятельности обособленных структурных подразделений юридических лиц, и в первую очередь филиалов, находятся в сфере правового вакуума. За внешней простотой филиалов скрывается достаточно много юридических проблем, которые, как это ни странно, в большинстве своем даже не поднимаются и не разрешаются в науке и законодательстве. Без преувеличения можно сказать, что отношения с участием филиалов могут быть охарактеризованы

как крайне сложные, запутанные и вызывающие неоднозначное толкование в цивилистической сфере»³.

Данная статья посвящена анализу исторического развития представлений о правовых конструкциях обособленного подразделения юридического лица у дореволюционных и советских цивилистов.

Стоит отметить, что потребность в образованиях, представляющих интересы юридического лица и осуществляющих его деятельность вне места расположения самого юридического лица как в торговой, так и в производственной сфере экономики, возникла давно.

В дореволюционных источниках по гражданскому и торговому праву многие авторы, среди которых особо можно выделить Шершеневича и Гордона, достаточно детально рассматривают институт представительства. Значение термина «представительство» у этих авторов (как и у других их современников) охватывает в равной мере представительство как физических, так и юридических лиц. В произведениях дореволюционных цивилистов представитель – это физическое лицо, которое на основании доверенности выполняет юридически значимые действия от имени лица, выдавшего доверенность, и в его интересах.

Начало отечественного законодательного закрепления норм о так называемых вспомогательных торговых деятелях можно отнести к первой половине XVIII века. Указом Петра I от 14 мая 1723 года предписывается «купецким людям, у которых приказчики и в лавках сидельцы торгуют именами хозяйскими, впредь тех сидельцев имена хозяевам их записывать в Таможне, объявляя именно, что они торговать будут их хозяйскими именами и за них они в торговых делах с посторонними купцами счет иметь будут и для того, если впредь от кого в таких счетах и в торговых делах на тех приказчиков и сидельцев будет челобитье, то повинны будут платить и отвечать те их хозяева»⁴.

Особо в данном случае следует подчеркнуть прежде всего признание непосредственной ответственности хозяина за действия приказчика, следовательно, непосредственный переход на него прав и обязанностей по сделкам, заключенных приказчиком от его имени (под фирмой). Таким образом, хозяин яв-

1 См.: Малахов В.П. Философия права. М., 2008. С. 112; Крусс В.И. Теория конституционного правоупотребления. М., 2007. С. 19.

2 Гревцов Ю.И., Козлихин И.Ю. Энциклопедия права: Учебное пособие. СПб., 2008. С. 6.

3 Мыскин А.В. Филиал юридического лица: организационно-правовые аспекты деятельности // Нотариус. 2012. № 1. С. 29 - 32.

4 Полное собрание законов Российской Империи. Собрание первое. Т.VII. С. 66. № 4224. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.nlr.ru/e-res/law_r/search.php (дата обращения 25.05.2014).

лялся юридическим объектом по всем сделкам, совершенным его представителями, т.е. торговыми приказчиками. Указанное впоследствии было прямо закреплено в Указе 1744 года «О записке в Таможне купцами приказчиков и сидельцев своих, торгующих их именами по силе прежних указов, и о даче им кредитных писем по прилагаемой форме»⁵, в конце которого также была закреплена форма общей доверенности, заканчивающаяся словами: «...что оный приказчик мой сторует, заключит и действие приведет, то все я хозяин совершенно и действительно приму и во всем ответви буду властно якобы сам все это учинил».

На несоответствие дореволюционного законодательства о представительстве новым правоотношениям по поводу организации филиалов юридических лиц, а также отсутствие упоминания о них в законодательных актах того времени обращено внимание Шершеневичем в его «Курсе торгового права», тем не менее ситуация вокруг правового статуса данных единиц оставалась неизменной до конца Российской империи.

Развитие теоретических представлений о филиалах юридических лиц в дореволюционной цивилистике проходило в русле учения об акционерных, в том числе торговых, обществах, корпорациях. По мнению выдающегося российского юриста профессора И.Т. Тарасова, на тот момент история акционерных компаний России была очень коротка и несложна⁶.

В своем фундаментальном труде, посвященном проблемам акционерного законодательства, который впоследствии не обошел вниманием ни один серьезный исследователь, И.Т. Тарасов на основе отечественного и зарубежного законодательства анализировал в том числе статус «филиалий и контор» акционерной компании.

Профессор писал: «Без сомнения, акционерная компания имеет право беспрепятственно держать агентов для исполнения разного рода поручений, которые имеют значение второстепенных органов управления, исполняя только возлагаемые на них поручения; но открытие постоянных отделений, контор или агентур, называемых обыкновенно филиалиями (*Zweigniederlassungen, comptoirs, Brachoffices, Filialen, Agenturen*), должно быть обставлено некоторыми формальностями, обеспечивающими как акционеров, так и третьих лиц от возможных в данном случае злоупотреблений»⁷.

Анализируя особенности, которые были присущи данным правовым образованиям, профессор И.Т. Тарасов отмечал следующее.

Во-первых, филиалы могли быть открыты только в том случае, если право на их открытие было предусмотрено уставом акционерной компании, причем с возможностью территориального ограничения места их расположения.

Во-вторых, филиалы могли быть открыты только теми акционерными компаниями, предмет деятельности которых не имел исключительно местного характера, как, например, у городского банка, местного театра и т.п.

В-третьих, открытие филиала должно регулироваться тем же правилами регистрации и публикации, как и учреждение самой компании, и регистрация должна быть произведена как в месте нахождения компании, так и там, где открывается ее филиал. Причем необходимость этого обосновывалась наличием «у филиалия особой фирмы, отличной от главной фирмы указанием на то, что это филиалия, и на местонахождение ее».

В-четвертых, «филиалии ни в каком случае не могут изменять главной цели предприятия» и сфера их деятельности может быть только уже, а не шире сферы деятельности главной конторы.

В-пятых, в документе о создании филиала определялся «капитал филиалии», который должен быть постоянным, так же, как и в самой акционерной компании, но из этого не следовало, что ответственность филиалов по их обязательствам падала на них отдельно от компании: без сомнения, компания отвечала по «оборотам своих филиалий», вследствие чего они иногда назывались командитами.

Различие между отделениями и конторами с одной стороны и агентствами с другой заключалось в том, что агентства с их агентами имели значение только посредников, а не самостоятельных правовых образований, они служили только для облегчения сообщений с главной конторой, тогда как отделения и конторы совершали самостоятельные операции в указанных для них границах, причем разница между отделениями и конторами заключалась еще и в том, что первые находились в большей зависимости от центра и были более ограничены в характере и размерах своей деятельности, чем вторые. Различие между этими тремя терминами на практике редко соблюдалось⁸.

Начало советских теоретических разработок конструкции обособленных подразделений юридического лица необходимо отнести лишь к 50-м годам XX века. Ранее упоминания обособленных подразделений социалистических предприятий в нормативных актах исчерпывались указаниями на возможность существования в трестах периода новой экономической политики (НЭПа) различных структурных подразделений (контор, отделений и т.п.).

Впервые понятия филиала и представительства встречаются в Постановлении СНК СССР от 09.12.1935 «О порядке открытия и регистрации филиалов и представительств хозяйственных организаций и предприятий»⁹. Этот нормативный акт предусматривал весьма сложный порядок образования филиалов и представительств и был рассчитан на борьбу с созданием последних без особой необходимости. Филиалы и представительства могли быть образованы организациями союзного значения – по приказу руководителя союзного министерства или ведомства и организациями республиканского или местного значения – с санкции Совета министров союзной республики, а если филиал или представительство создаются за пределами данной республики, требуется также согласие Совета министров той республики, на территории которой они будут находиться. Разрешение на открытие филиалов и представительств предоставлялось в пределах штатных контингентов, установленных для соответствующей хозяйственной организации.

Законодательное закрепление филиал и представительство получили лишь в Гражданском кодексе РСФСР 1964 года (далее – ГК РСФСР)¹⁰. Статья 31 ГК РСФСР предоставляла право юридическим лицам на открытие филиалов и представительств в порядке, предусмотренном законодательством Союза ССР и РСФСР. По мнению некоторых ученых¹¹, указания на филиал и представительство как возможные структурные подразделения юридического лица оказались включенными в ГК РСФСР с целью определить порядок их образования, а главное подчеркнуть, что ни то, ни другое не является субъектами гражданского права.

В юридической литературе того периода предусмотренные в законодательстве филиал и представительство рассматривались наряду с другими структурными подразделениями предприятий (цеха, участки, отделения), в основном в рамках проблемы внутривозвездского хозяйственного расчета. При

5 Полное собрание законов Российской Империи. Собрание первое. Т. XII. С. 45-48, № 8896 от 14 марта 1744. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.nlr.ru/e-res/law_r/search.php (дата обращения 25.05.2014).

6 Тарасов И.Т. Учение об акционерных компаниях. М., 2005. С. 581.

7 Там же. С. 581.

8 Тарасов И.Т. Указ. соч. С. 582.

9 Собрание Законодательства СССР. 1935. № 64. Ст. 518.

10 Закон РСФСР от 11.06.1964 «Об утверждении Гражданского кодекса РСФСР» // Ведомости ВС РСФСР. 1964. № 24. Ст. 406.

11 Якушев В.С. Институт юридического лица в теории, законодательстве и на практике // Антология уральской цивилистики, 1925 - 1989. Сборник статей. М.: Статут, 2001. С. 398.

этом относительно правовой природы данных структурных подразделений высказывались разные мнения. Некоторые авторы отрицали всякую правосубъектность подразделений, утверждая, что отношения внутри предприятия носят не правовой, а организационно-технический характер. Так, С.Н. Братусь писал, что «проблема внутризаводского, цехового хозрасчета – это скорее организационно-техническая, чем юридическая проблема»¹². Другие признавали за подразделениями, перешедшими на хозрасчет, самостоятельную правосубъектность, объясняя это тем, «что внутрихозяйственные отношения, осуществляемые в определенных правовых рамках, порождают права и обязанности участников этих отношений, значит, в процессе их осуществления возникают правовые отношения»¹³. Необходимо согласиться с И.В. Переваловой¹⁴, что в данном случае имелись в виду внутренние правовые отношения между звеньями предприятия, отличающиеся от внешних правовых отношений, в которые вступает предприятие с другими предприятиями и организациями.

Особо стоит обратить внимание на такую специфическую разновидность подразделений юридических лиц в советский период, как производственные единицы. Эти образования, входящие в состав производственного объединения (комбината), юридическими лицами не являлись, и на них не распространялось действие Положения о социалистическом государственном производственном предприятии¹⁵, тем не менее, с филиала и представительствам они также не относились. Специфика правового положения единицы заключалась, по мнению В.С. Якушева, в том, что, во-первых, на положении единиц оказались в прошлом самостоятельные предприятия со сложившимся относительно автономным циклом производства; во-вторых, в большинстве случаев это предприятия, территориально отдаленные от генеральной дирекции и, следовательно, необходимость оперативного принятия решений в отношении внутренней деятельности предприятия не позволяла переводить их на положение цеха; в-третьих, существовал такой фактор, как сохранение престижности коллектива и администрации¹⁶.

Стоит подчеркнуть, что производственные единицы не являлись развитием конструкции филиала и представительства, а существовали наряду с ними как самостоятельные понятия и занимали более высокую ступень имущественного и организационного обособления от юридического лица по сравнению с филиалом и представительством. Особенности статуса производственной единицы, отличавшими ее от иных структурных подразделений, были следующие.

Во-первых, собственное наименование, которое использовалось как внутри объединения, так и во взаимоотношениях с другими лицами. Данная возможность была закреплена в пункте 10 Положения о производственном объединении (комбинате)¹⁷ и «представляла собой правовую форму признания за единицей ее некоторых самостоятельных интересов»¹⁸.

Во-вторых, во внутриорганизационных отношениях производственная единица выступала от собственного имени и действовала без доверенности (пункт 23 Положения о производственном объединении(комбинате)). Во внешних отношениях механизм

осуществления правомочий зависел от связи с основным производством объединения. Так, в сфере основного производства директор производственной единицы все юридические действия совершал от имени и в пользу объединения. Соответственно, и все правовые последствия данных действий, в том числе и гражданско-правовая ответственность, возлагались на объединение. Вне сферы основной хозяйственной деятельности объединения директор единицы действовал от имени подразделения (например, при заключении договора текущего счета и т.п.).

Таким образом, за производственной единицей признавалась возможность собственного волеобразования, которая основывалась не на воле директора производственного объединения, в состав которого она входила, а была обусловлена волей государства, следовательно, не зависела от усмотрения директора. По словам В.С. Якушева, «социально-экономической основой названной юридической возможности самостоятельного волеобразования единицы служат ее интересы, которые оказываются обособленными в рамках объединения и признаны таковыми государством путем законодательного их оформления в виде прав единицы»¹⁹.

В-третьих, единицы были наделены правом иметь в своем распоряжении основные и оборотные средства, которые объединение вправе было изъять только при условии, что они являются для единицы излишними, и в случае изменения нормативов оборотных средств (пункты 40, 41 Положения о производственном объединении). В рассматриваемом случае право объединения на изъятие имущества, закрепленного за единицей, по существу сходно с правомочием собственника имущества, переданного на праве оперативного управления учреждению или казенному предприятию, которое также было сконструировано в советский период. Неслучайно данные юридические возможности по распоряжению закрепленным за производственными единицами имуществом характеризовались некоторыми авторами²⁰ в советский период как внутрихозяйственное право оперативного управления.

В-четвертых, на основании статьи 16 Правил рассмотрения хозяйственных споров государственными арбитражами²¹ производственная единица могла от собственного имени участвовать в арбитражном процессе со всеми правами и обязанностями соответствующей стороны.

Несмотря на перечисленные особенности статуса производственной единицы, единого мнения о правосубъектности данного образования в литературе не сложилось. В.Ф. Яковлева и А. А. Собчак утверждали, что «...все это не приводит к появлению у них нового правового качества – статуса особой организации, предполагающего такую степень имущественной самостоятельности, при которой создается возможность выступать в качестве субъектов права оперативного управления»²². О.С. Иоффе писал: «...не будучи юридическими лицами, производственные единицы могут все же заключать хозяйственные договоры. Но такие договоры считаются заключенными от имени объединения и под его ответственность. Они знаменуют поэтому не формирование специфической, ранее не встречавшейся правосубъектности производственных единиц, а использование таких методов осуществления право-

12 Братусь С.Н. Юридические лица в советском гражданском праве. М.: Юридат, 1947. С. 191.

13 Лаптев В.В. Правовое положение государственных промышленных предприятий в СССР. М., 1963. С. 249.

14 Перевалова И.В. Указ. соч. С. 26.

15 См.: постановление Совмина СССР от 04.10.1965 № 731 «Об утверждении Положения о социалистическом государственном производственном предприятии» // Свод Законов СССР. Т. 6. С. 339, 1990.

16 Якушев В.С. Указ. соч. С. 404.

17 См.: постановление Совмина СССР от 27.03.1974 № 212 «Об утверждении Положения о производственном объединении (комбинате)» // Свод законов СССР, т. 6, с. 306, 1990.

18 Якушев В.С. Указ. соч. С. 411.

19 Якушев В.С. Указ. соч. С. 408.

20 Заменгоф З.М. Имущественная самостоятельность хозяйственных органов и их подразделений // Советское государство и право. 1973. № 5. С. 46.

21 См.: постановление Совмина СССР от 16.04.1988 № 490 «Об утверждении Положения о Государственном арбитраже СССР и о Правилах рассмотрения хозяйственных споров государственными арбитражами» // Свод законов СССР, т. 10, с. 177, 1990.

22 Яковлева В.Ф., Собчак А. А. Правовая природа отношений с участием производственных единиц // Советское государство и право. 1975. № 5. С. 88.

субъектности объединений, которые доступны любым предприятиям только в случае образования филиалов»²³.

Ряд ученых считали, что правовой статус производственных единиц представляет собой незавершенный гражданско-правовой институт, который требует дальнейшей доработки.²⁴ Другие полагали, что производственные единицы, не будучи юридическими лицами, обладают всеми формальными признаками юридического лица, и, следовательно, признавали необходимым наделение их этим статусом либо рекомендовали признать их субъектами гражданского права²⁵.

Кроме того, для объяснения специфического статуса производственной единицы как структурного подразделения юридического лица в литературе предлагалось ввести понятие «внутрихозяйственного юридического лица» как субъекта права с ограниченной правоспособностью. При этом «если юридическое лицо – хозрасчетное предприятие в целом, то внутрихозяйственным юридическим лицом является цех, участок или аналогичное другое внутреннее звено предприятия»²⁶.

С.Н. Братусь при характеристике статуса производственной единицы в зависимости от вида хозрасчета, на котором функционировала та или иная единица, одних производственных единиц относил к самостоятельным юридическим лицам, других – к филиалам. Он отмечал, что на практике входящие в состав хозяйственной организации хозрасчетные единицы – производственные предприятия, выполняющие самостоятельные задачи, – зачастую именовались филиалами, хотя на самом деле являлись самостоятельными юридическими лицами. Если в состав отдельной хозяйственной организации входили переведенные на хозрасчет производственные единицы, то их и следовало «именовать тем, чем они являются в действительности, то есть предприятиями, а не филиалами». «Если же данная производственная единица находится на внутреннем хозрасчете, она ничем не отличается от цеха предприятия»²⁷.

Профессор В.В. Лаптев называл производственную единицу «новым видом субъекта права», ее права, уже, чем у предприятия, но шире чем у цеха. «Именно высокая степень экономической и правовой самостоятельности производственных единиц по сравнению с подразделениями предприятия является наиболее характерным признаком объединения, позволяющим четко отграничить его от предприятия»²⁸.

Изучение природы производственной единицы представляло достаточный интерес в силу того, что она была более сложным в отличие от филиала и представительства юридического лица явлением, имела «очень тонкую грань, отделяющую ее от признания такой организации (структуры) юридическим лицом или филиалом»²⁹. Поэтому представляется недостаточно верным последующее утверждение И.В. Переваловой о том, что в дальнейшем данная конструкция структурного подразделения юридического лица «не получила развития своего статуса, а наоборот, умерла в связи с изменениями, происходящими в современной хозяйственной практике»³⁰.

На наш взгляд, развитие производственных единиц не прекратилось в силу изначальной неразвитости института, а скорее, было исторически прервано перестроечными явлениями, происходившими в России в конце 80-х – начале 90-х годов. Можно

предположить, что данная разновидность подразделений была удачной основой для образования холдингов в узком смысле (с образованием отношений управления дочерними обществами холдинга) в период бурной приватизации государственных предприятий. Отношения экономической зависимости и контроля, присутствовавшие во внутрихозяйственных отношениях производственного объединения с единицами, были сохранены наряду с вполне обычной для самостоятельных хозяйствующих субъектов самостоятельностью в гражданском обороте. Есть примеры образования на базе производственных единиц, входивших в состав производственных объединений, самостоятельных юридических лиц. К примеру, ремонтно-механический завод, являвшийся производственной единицей Балаковского производственного объединения «Балаковорезинотехника», впоследствии был преобразован в самостоятельное юридическое лицо – ОАО «Балаковский завод «Полимерзапчасть».

Стоит подчеркнуть, что именно существование производственных единиц с их специфической правовой природой поставило перед наукой вопрос о правосубъектности подразделений юридического лица, в том числе филиала и представительства. В ходе дискуссий ученые пришли к выводу, что филиал и представительство юридическими лицами не являются, следовательно, не могут являться субъектами гражданского права, выступая в гражданском обороте от имени и в интересах юридического лица.

Однако необходимо согласиться с И.В. Переваловой в том, что правовой статус данных образований (филиалов и представительств) до конца не определен³¹. По справедливому утверждению В.В. Лаптева, «возможность вскрыть правовую природу внутренних звеньев предприятия» дает «только отказ от отождествления субъекта права с юридическим лицом»³².

Пристатейный библиографический список

1. Братусь С.Н. Юридические лица в советском гражданском праве. М.: Юриздат, 1947.
  2. Гревцов Ю.И., Козлихин И.Ю. Энциклопедия права: Учебное пособие. СПб., 2008.
  3. Заменгоф З.М. Имущественная самостоятельность хозяйственных органов и их подразделений // Советское государство и право. 1973. № 5. С. 46.
  4. Иоффе О.С. Избранные труды по гражданскому праву. М.: Статут, 2000.
  5. Крусс В.И. Теория конституционного правопользования. М., 2007.
  6. Лаптев В.В. Правовое положение государственных промышленных предприятий в СССР. М., 1963.
  7. Лаптев В.В. Правовое положение государственных промышленных и производственных объединений. М.: Наука. 1978.
  8. Малахов В.П. Философия права. М., 2008. С. 112.
  9. Медиков О.Н. Нетипичные институты в советском гражданском праве // Советское государство и право. 1979. № 2.
  10. Мыскин А.В. Филиал юридического лица: организационно-правовые аспекты деятельности // Нотариус. 2012. № 1.
  11. Тарасов И.Т. Учение об акционерных компаниях. М., 2005.
  12. Яковлева В. Ф., Собчак А. А. Правовая природа отношений с участием производственных единиц // Советское государство и право. 1975. № 5.
  13. Якушев В.С. Институт юридического лица в теории, законодательстве и на практике // Антология уральской цивилистики: Сб. науч. тр. М.: Статут, 2001.
  14. Советское государство и право. 1973. № 5.
- 31 Перевалова И.В. Указ. соч. С. 32.
32 Лаптев В.В. Указ. соч. С. 304.

23 Иоффе О.С. Избранные труды по гражданскому праву. М.: Статут, 2000. С. 315.

24 Яколев В.Ф., Собчак А.А. Указ. соч. С. 90.

25 Медиков О.Н. Нетипичные институты в советском гражданском праве // Советское государство и право. 1979. № 2. С. 38.

26 См. об этом Иоффе О.С. Указ. соч. С. 319.

27 Братусь С.Н. Указ. соч. С. 191.

28 Лаптев В.В. Правовое положение государственных промышленных и производственных объединений. М.: Наука. 1978. С. 249.

29 Перевалова И.В. Указ. соч. С. 31.

30 Там же. С. 31.

Гусейнова Эльнара ИНТЕРПОЛ И ЕГО ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В СФЕРЕ БОРЬБЫ С ФАЛЬШИВОМОНЕТНИЧЕСТВОМ

Фальшивомонетничество является преступлением, которое носит международный характер. Фальшивомонетничество существенно подрывает экономику страны, истощает ее финансовые ресурсы. Особую актуальность эта проблема приобретает в настоящее время, так как наша страна находится в условиях перехода к рыночной экономике, в связи с чем испытывает известные финансовые трудности. Фальшивомонетничество только усугубляет данное положение. Интерпол стал постоянным рабочим органом, действующим от имени международного сообщества государств по вопросам борьбы с такого рода преступлениями.

Ключевые слова: Интерпол, виды розыска, борьба с фальшивомонетничеством, Генеральный секретариат, фальшивые банкноты, Национальное центральное бюро, индексы фиктивности, циркуляры.

Huseynova Elnara INTERPOL AND ITS ACTIVITIES IN THE FIELD OF COMBATING COUNTERFEITING

Counterfeiting is a crime which has an international character. Counterfeiting significantly undermines the economy of the country, exhausts its financial resources. Today this problem is of special urgency, because our country is at the stage of transition to a market economy, for which reason feels specified financial difficulties. Counterfeiting only exacerbates this situation. Interpol became a permanent working body, acting on behalf of the international community of states on the issues of combating this kind of crimes.

Keywords: Interpol, types of investigation, the fight against counterfeiting, the General Secretariat, counterfeit banknotes, National Central Bureau, indexes of fictitiousness, circulars.

Гусейнова Эльнара

«Серый паук» – так почтительно называют Международную организацию уголовной полиции люди, идущие против закона. «Серый» – значит работающий по высшим законам секретности. Это очень не нравится многим фальшивомонетчикам, которые желали бы побольше узнать о работе Интерпола по борьбе с денежными ворами. Членами Интерпола состоят почти все страны мира¹.

Интерпол – сокращенное название Международной организации уголовной полиции (МОУП). Интерпол – это и механизм, и посредник в практическом сотрудничестве служб уголовной полиции разных государств в их повседневной работе над раскрытием конкретного преступления, в координации и кооперации предпринимаемых ими совместных действий по наблюдению, преследованию, розыску и задержанию международных уголовных преступников.

Следует отметить, что Международная организация уголовной полиции (Интерпол) была организована в 1923 г. и первоначально объединяла 17 государств. В дальнейшем по мере развития международного полицейского сотрудничества Интерпол стал глобальной организацией, объединяющей в настоящее время 181 государство мира.

Страны-участницы Интерпола за 75 лет своей истории создали широкую систему взаимодействия – от обмена письменной информацией до новейших информационных технологий с разветвленной сетью компьютерных баз данных².

Интерпол как международная организация действует на основании Устава, в котором определены его цели и задачи, структура и компетенция органов, условия членства, права и обязанности.

Согласно своему Уставу Международная организация уголовной полиции имеет целью: а) обеспечивать широкое

взаимодействие всех органов уголовной полиции в рамках существующего законодательства стран и в духе Всеобщей декларации прав человека; б) создавать и развивать учреждения, которые могут способствовать успешному предупреждению и борьбе с уголовной преступностью.

Статья 3 Устава устанавливает, что всякая деятельность или вмешательство в вопросы политического, военного, религиозного или расового характера категорически запрещаются организацией.

В организационном плане Интерпол представляет собой международную организацию, по своей структуре напоминающую специализированные учреждения ООН.

В соответствии со ст. 5 Устава Интерпол имеет высший пленарный орган – Генеральную ассамблею и административный орган с более узкими полномочиями и более узким составом – Исполнительный комитет, возглавляемый президентом. Постоянно действующим рабочим аппаратом организации является Генеральный секретариат, во главе которого стоит Генеральный секретарь³.

Вместе с тем в системе Интерпола есть орган, аналогичного которому нет в структуре других международных организаций, – национальные центральные бюро (НЦБ), хотя и действующие в полицейских системах стран-участниц, но являющиеся одновременно структурными единицами Интерпола. Замыкают структуру Интерпола так называемые консультанты (советники)⁴.

Сотрудники Интерпола не выполняют сугубо полицейских функций. Они подразделяются на две категории: офицерский корпус от лейтенанта до майора (выполняет оперативно-аналитические функции при обработке поступающей информации о преступлениях и исполняет просьбы о предо-

1 Пономарев В. Т. Тайны фальшивых денег: вчера, сегодня, завтра. – БАО, 2005. – С. 195.

2 Дайчман И. Интерпол. Всемирная система борьбы с преступностью. – М.: Рипол Классик, 2003. – С. 27.

3 Конвенция по борьбе с подделкой денежных знаков 1929 // СДД СССР. – 1933. – Вып. VII.

4 Родионов К. С. Интерпол: вчера, сегодня, завтра. – М.: Международные отношения, 1990. – С. 54.

ставлении информации из своих картотек) и обслуживающий персонал – секретари, машинистки, телефонистки, операторы картотек, фотографы, переводчики, библиотечные работники и др. Главная задача всех этих «канцелярских работников» – обеспечить сотрудничество ведомств уголовной полиции различных стран, снабдить их необходимой информацией в целях своевременного раскрытия, расследования и предупреждения преступлений⁵.

К основным направлениям деятельности Интерпола относятся, во-первых, уголовная регистрация – общепризнанное и наиболее эффективное средство раскрытия международных преступлений, розыска и задержания международных преступников. Она организуется Генеральным секретариатом по специальной методике в целях идентификации как преступников, так и некоторых преступлений. Объектом общей регистрации становятся сведения о международных преступниках и преступлениях уголовного характера, имеющих международный элемент. Специальная регистрация фиксирует отпечатки пальцев и фотоснимки преступников.

В практике Интерпола различают три вида розыска: обычный, срочный и смешанный. Обычный розыск включает в себя целый ряд стадий – собранные документы орган расследования или суд направляет в НЦБ своей страны с просьбой о розыске бежавшего за границу преступника. Здесь просьба проверяется, запрашиваются дополнительные сведения, составляется «красный циркуляр» (специальный бланк с красной эмблемой Интерпола в правом верхнем углу).

Срочный розыск организуется, как правило, по «горячим следам». Он отличается от обычного тем, что просьбы о начале розыска минуя Генеральный секретариат и направляются НЦБ через специальную радиосеть Интерпола в НЦБ соседних или других государств, куда бежал или может бежать преступник.

Смешанный розыск связан с тем, что далеко не все государства заключают двусторонние договоры о правовой помощи по уголовным делам и выдаче преступников. Поэтому при смешанном розыске секретариат Интерпола рассылает два скрепленных вместе циркуляра: «красный» с пометкой такого, например, содержания: «При обнаружении преступника в европейских странах и США подвергнуть предварительному аресту в целях выдачи» («красный циркуляр» рассылается в страны, имеющие соответствующий договор о выдаче преступников); «зеленый» с пометкой: «В других странах следить за его перемещениями и деятельностью. Во всех случаях извещать инициатора розыска и Генеральный секретариат» («зеленый циркуляр» рассылается в страны, не имеющие с таким государством договора о выдаче).

Одна из наиболее важных сфер деятельности Интерпола – борьба с фальшивомонетничеством⁶.

Борьба с фальшивомонетничеством лежала ещё в основании образования Интерпола. Можно сослаться на одну из старейших международных конвенций, принятую 20 апреля 1929 г. в Женеве, – Международную конвенцию по борьбе с подделкой денежных знаков. В её подготовке принимала участие Международная комиссия уголовной полиции. В соответствии с этой Конвенцией в каждой стране дознание по делам подделки денежных знаков должно вестись в рамках

национального законодательства особым центральным бюро. После 1950 г. Интерпол стал постоянным рабочим органом, действующим от имени международного сообщества государств по вопросам борьбы с такого рода преступлениями.

Указанная Конвенция на долгие годы определила всю политику международного сотрудничества в борьбе с фальшивомонетничеством. В деятельности Интерпола по этому вопросу можно выделить следующие направления:

- учёт случаев фальшивомонетничества, изготовителей и сбытчиков поддельных денег и ценных бумаг;
- сбор и распространение информации об изменениях в денежных системах стран мира;
- изучение способов подделки денежных знаков и ценных бумаг, используемых преступниками, с целью выработки защитных мер;
- подготовка рекомендаций странам-участницам по усложнению технологии изготовления денежных знаков и ценных бумаг и их защите от подделок;
- выработка рекомендаций по вопросам регулирования борьбы с фальшивомонетничеством на национальном и международном уровнях;
- обобщение опыта работы полиции по борьбе с подделкой денежных знаков и ценных бумаг и распространение наиболее эффективных методов;
- проведение мероприятий по повышению профессионального уровня полицейских служащих, занятых в сфере борьбы с фальшивомонетничеством;
- выработка тактики в отношении информирования населения о появлении поддельных денежных знаков;
- исследование поддельных денег с целью установления общего источника происхождения и присвоение учётного индикатива (с 1961 г., после организации при Генеральном секретариате Интерпола лаборатории для проведения экспертиз банковских знаков разных стран)⁷.

На 5-й Международной конференции Интерпола по вопросам борьбы с фальшивомонетничеством в 1969 г. принята резолюция, обязывающая полицейские аппараты внимательно следить за всеми техническими достижениями в отрасли полиграфического производства, собирать документацию по этим вопросам. По мнению секретариата Интерпола, учреждения, выпускающие деньги, несут ответственность за изготовление купюр и защиту от их подделки. Поскольку не все способы защиты засекречены и некоторые из них известны преступникам, было бы целесообразно печатать банкноты разной стоимости с помощью разных клише, материалов, процессов и машин, каких нет на промышленных предприятиях. При изготовлении денег не всегда используются краски, имеющие секретные защитные свойства, так как производство этих красок очень дорогостоящее. Металлические деньги необходимо чеканить из материалов, которые имеют электрические и магнитные свойства, причем монеты одной стоимости, выпускаемые разными странами, должны иметь одинаковые свойства. Рекомендовано также внести поправки в уголовно-процессуальное законодательство в той части, чтобы выводы экспертов разных стран, предоставленные письменно и под присягой, принимались судами в качестве доказательств.

В состав Генерального секретариата Интерпола входят две группы из 12 высококвалифицированных специалистов. Пер-

5 Бекашев К. А., Ануфриева Л. П., Устинов В. В. Международное публичное право: Учебник. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2005. – С. 323.

6 Бирюков П. Н. Международное право. – М.: Юристъ, 2006. – С. 197–198.

7 Волеводз А. Г. Международная организация уголовной полиции – Интерпол и тенденция формирования региональных правоохранительных организаций // Правоохранительные органы. – 2011. – № 7.

вая группа занимается делами, связанными с фальшивомонетничеством, и подготовкой соответствующей документации, а также проведением исследований, другая группа – подготовкой и выпуском бюллетеней.

С целью усовершенствования деятельности и повышения её эффективности сотрудниками Интерпола разработана специальная компьютеризированная программа с базой данных, содержащей свыше 40 тыс. случаев выявления фальшивых денежных знаков и финансовых документов, в результате чего в значительной степени упрощается: быстрое определение вида подделки и сравнение его с имеющимися аналогами; получение данных относительно распространения фальшивых банкнот по определённым регионам; сравнение имеющихся сведений по годам. Использование данной информационной системы значительно сокращает время на проверку и установление информации, а также обеспечивает доступ к ней всех национальных полицейских служб⁸.

Для предоставления помощи национальным правоохранительным органам в проведении борьбы с фальшивомонетничеством Интерпол стандартизировал информацию, которой обмениваются государства в случае появления на их территории поддельной валюты. Генеральный секретариат установил связи с эмиссионными учреждениями стран – участниц Женевской конвенции и получает информацию о выпуске в обращение новой валюты. Его сотрудниками ведется справочная коллекция образцов подлинной валюты разных стран мира. Исходя из собственного опыта борьбы с фальшивомонетничеством, Интерпол рекомендует эмиссионным учреждениям изготавливать бумажные деньги и ценные бумаги методом глубокой печати, меньше подающейся подделке; печатать их на бумаге высокого качества; наносить на бумагу хорошо видимые водяные знаки; использовать красители, обладающие высокой сопротивляемостью к физическим воздействиям (свету, трению, воздействию горячей или холодной воды) и к химическим реактивам. Рекомендуется также своевременно изымать все изношенные денежные знаки, полностью или частично утратившие многие из своих отличительных особенностей, так как в пачке старых банкнот легко могут остаться не узнаваемыми фальшивки⁹.

Информация, которая направляется сторонам – членам Интерпола, постоянно обновляется, дополнения и поправки рассылаются ежемесячно, уведомления об аннуляции отдельных сообщений – дважды в месяц.

В Интерполе существует и определённый порядок идентификации фальшивых денежных знаков. Считается, что две или больше фальшивые банкноты можно отнести к одному виду, если они имеют одинаковые характеристики из-за использования одной печатной формы. При определении вида подделки легко установить, относится ли она к уже известным аналогам или изготовлена впервые. Такая идентификация позволяет национальным службам определить уровень распространения в обиходе фальшивых банкнот, каналы их распространения, проследить источники их происхождения и прочее.

Для выявления подобных связей национальные органы полиции присваивают определённому типу подделки шифр своей страны. Генеральный секретариат Интерпола также

индексирует зарегистрированные фальшивки. В картотеку Интерпола введено более 12 тыс. международных индексов. Каждый код индекса состоит из двух элементов: именованной «приставки» – буквы и цифры, которые обозначают страну, денежные знаки которой подделаны, и номера, указывающего на хронологический порядок регистрации в деле данной подделки.

Генеральным секретариатом Интерпола разработаны также специальные международные индексы для классификации фальшивых банкнот и ценных бумаг: подделки денежных знаков, которые не причиняют значительных убытков экономике страны; подделки, выполненные грубо и легко распознающиеся; подделки ограниченного оборота из-за трудностей сбыта; подделки, выполненные кустарно и требующие много времени на изготовление.

Особые индексы, так называемые «индексы фиктивности», присваиваются таким видам подделок: подделки несуществующих банкнот; подделки денежных знаков несуществующей стоимости в валютной системе данной страны; подделки, изображения на которых не соответствует изображению на настоящих денежных знаках страны; банкноты, изготовленные для использования в театральные и телевизионные постановки.

О каждом зарегистрированном факте фальшивомонетничества Национальное центральное бюро оповещает Генеральный секретариат. Речь идёт лишь о случаях, в которых имеется так называемый иностранный элемент, то есть когда на территории государства установлены факты изготовления или сбыта в оборот денежных знаков (ценных бумаг, туристических чеков или других платёжных документов) другого государства. Если факт новый, то информация направляется на зелёном бланке формы F. Интерпол рекомендовал всем национальным центральным бюро информировать Генеральный секретариат Интерпола обо всех впервые зарегистрированных случаях подделки бумажных и металлических денег, банковских и туристических чеков, печатного изготовления бланков чеков от имени фиктивных банков; о больших кражах из банков бланков денежных и туристических чеков; об аресте или задержании лиц при получении или после получения денег по банковским или туристическим чекам, которые были украдены или подделаны в другой стране.

Интерпол просит национальные центральные бюро кроме описания факта фальшивомонетничества отправлять два-три образца фальшивых банкнот, монет или других платёжных средств (если не нужно, чтобы все они были присоединены к уголовному делу как вещественные доказательства). В лаборатории Генерального секретариата определяется способ подделки, качество и состав бумаги, проводится сравнение с имеющимися в «коллекции» Интерпола другими аналогичными по внешнему виду фальшивками на случай выявления общего их происхождения из одного «монетного двора». Каждой подделке присваивается свой индекс, который состоит из трёх частей, например 12.A.2436. Каждая часть этого индекса расшифровывается так: 12 – валюта США (доллар); буквой А в картотеке Интерпола помечаются подделки денежных знаков всех стран Американского континента; последнее число – порядковый номер, под которым зарегистрирована в картотеке конкретная подделка валюты одной и той же страны – в данном случае США. Поэтому все фальшивки одного происхождения, а с ними Интерпол часто встречается в своей практике, имеют одинаковый индекс. На подделки одного происхождения заводится регистрационная карточка, где указывается дата и страна, в которой она была изъята. Это помогает экспертам Интерпола следить за путями распро-

8 Аркуша Л. И., Макогончук В. П. Использование возможностей МОУП – Интерпол в противодействии преступной деятельности [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://inter.criminology.org.ua/?p=536>

9 Родионов К. С. Интерпол: миф и действительность. – М.: Международные отношения, 1986. – С. 77.

странения фальшивок, изготовленных одними и теми же преступниками, иногда предвидеть возможность их появления в определённых странах.

Перед индексированием фальшивок по всем вышеперечисленным категориям они проходят тщательную экспертизу: проводятся физические и химические анализы бумаги и красок, определяется способ печати, особенности и дефекты клише, используемых при печати подделанных банкнот, сравниваются полученные результаты с исследованиями ранее зарегистрированных подделок. В среднем ежемесячно Генеральный секретариат Интерпола получает более 50 заявок от стран-участниц на проведение экспертиз подделанных денежных знаков, а специалисты лаборатории проводят ежегодно 700—800 исследований банкнот и банковских чеков, которые были получены для исследования, установления их поддельности и возможного источника происхождения.

Лаборатория Интерпола также проводит экспертизы сомнительных денежных знаков по заказу отдельных стран, которые ещё не имеют своих специалистов. Но это делают лишь в тех случаях, когда изъяты деньги другого государства.

Хотелось бы отметить, что Конвенция 1929 г. и уголовные кодексы большинства стран признают только подделку действующих платежных средств, введенных в обращение государством, и ничего не говорят о подделке золотых монет, давно изъятых во многих странах из обращения. Из 188 стран мира золотые монеты имеют хождение только в 47. В ряде стран золотые монеты все еще котируются на бирже, не считаясь валютой, а на операции с золотом не требуется никакого разрешения. Под видом подлинных могут продаваться без каких-либо затруднений и фальшивые золотые монеты при условии, что их золотое содержание соответствует законному. Поэтому этот вид подделки широко бытует, так как он практически не наказуем. Для него чаще всего характерно изготовление монеты с тем же весовым содержанием золота, что и в подлинной монете. Прибыль, которую получает чеканщик от такой операции, образуется за счет продажи поддельной монеты, как и подлинной, по более высокой цене, чем стоит содержащееся в ней золото, и может достигать 50%¹⁰.

На сегодняшний день в предыдущей штаб-квартире Интерпола в Париже оборудован музей Интерпола, где экспонируются образцы фальшивых монет и банкнот, инструменты и приспособления, изъятые при ликвидации «мастерских» самых искусных фальшивомонетчиков. В музее собрано более 4 тыс. типов фальшивых денежных знаков, изготовленных в разных странах в послевоенные годы. В 1960 г. коллекция музея пополнилась специальной бумагой и тканью, которые используются фальшивомонетчиками при печати денег. Теперь коллекция насчитывает более 1 тыс. образцов.

Обработанная и систематизированная информация о случаях фальшивомонетничества приходит в национальные службы через бюллетень «Counterfeits & Forgeries» («Подделки и подлоги»), который издаёт Интерпол с 1924 г. на пяти языках. Бюллетень, который выходит в двух томах, содержит информацию о технических характеристиках обнаруженных фальшивых банкнот, описание настоящих денежных знаков, ценных бумаг и других документов из более 150 стран мира. Его выписывают теперь более 15 тыс. полицейских служб и финансовых организаций.

Кроме того, Генеральный секретариат Интерпола готовит и рассылает циркуляры о фальшивомонетчиках, которых необходимо держать под присмотром или арестовывать при их выявлении. С 1950 г. разослано более 2 тыс. таких циркуляров. По просьбе Национального центрального бюро Секретариат направляет обобщенную информацию об определённом виде подделки, а также о фальшивомонетчиках.

Фирма «Keesing Reference Systems B.V.», которая издаёт «Counterfeits & Forgeries», разработала компьютерную программу, которая позволяет проводить оперативную проверку долларов США и определить среди них поддельные — «The Smart US & Checker». Это постоянно функционирующая система, которая содержит определённый перечень характеристик поддельных долларов США, которые были опубликованы в течение многих лет в изданиях «Counterfeits & Forgeries».

Эта программа является простым и действенным способом проверки долларов США при получении их кассиром в пункте обмена валют, кассовом зале, других банковских и финансовых организациях. Программа распространяется в версиях как для Windows, так и для DOS.

Теперь также разработана новая версия официального издания Интерпола «Counterfeits & Forgeries», размещённая на компакт-диске типа CD-ROM. Создание этой версии в сравнении с полиграфическим изданием позволяет значительно ускорить проверку банкнот. В ней содержится информация о национальных валютах из более 180 стран мира.

Характеристики банкнот содержат информацию по всем категориям защиты, а именно: водяной знак; защитная полоса; интаглио-печать; реестр просмотра, микропечать, изображение в ультрафиолетовом луче; противоклопировальные защитные линии; гало-, кине-, пиксельграммы¹¹.

Интерпол обобщает опыт работы полиции разных государств по раскрытию фактов подделки денежных знаков и других платёжных средств, обнаружению типографий и мастерских, где они изготавливаются, установлению и разоблачению изготовителей, прикреплению вещественных доказательств. В 1965 г. Интерпол снял учебный фильм, где приведены подробные методические рекомендации полиции по организации работы при выявлении в обороте фальшивых денежных знаков. Проводятся семинары и учебные сборы для служащих полиции по вопросам предупреждения и раскрытия фактов фальшивомонетничества.

Сегодня Интерпол очерчивает 2 основных направления борьбы с фальшивомонетничеством: ликвидация центров, которые поставляют фальшивые деньги в международный оборот, и выявление лиц, которые занимаются изготовлением и сбытом поддельных денег. В связи с этим от следователей требуется довольно высокая компетентность, а от полиции разных стран — особо тесное сотрудничество со служащими национальных центральных бюро Интерпола, задача которых — сбор всей информации, которая будет способствовать раскрытию фальшивомонетничества.

В разных странах, которые входят в систему Интерпола, эти задачи решаются по-разному. В Канаде, например, при криминалистической лаборатории организовано три специализированных курса для следователей, которые дают им необходимые знания в области гравирования, печати, изготовления бумаги, краски и прочего. Канадская конная полиция выдаёт для служебного пользования бюллетень «Фальшиво-

10 Уголовная юстиция: проблемы международного сотрудничества. Международный научно-исследовательский проект. — М. : Издательство БЕК, 1994. — С. 246.

11 Ионов В. М. Внимание, деньги!. — PRO Intellect Technology, 2008. — С. 16.

монетки в Канаде», где излагается передовой опыт раскрытия этих преступлений.

По мнению Генерального секретариата Интерпола, при организации борьбы с фальшивомонетничеством необходимо поддерживать регулярные контакты полиции с ассоциациями, которые объединяют работников художественных мастерских и фабрик по изготовлению бумаги, краски и т. д. (чтобы получать информацию об агентах по продаже материалов и лицах, которые их покупают); доверять служащим полиции, которые хорошо разбираются в технике по изготовлению денег, периодически читать лекции для следователей; как можно быстрее информировать население об особенностях самых искусных подделок; поддерживать тесный контакт с организациями Интерпола в определённых странах¹².

Анализ уголовных дел свидетельствует о том, что наиболее качественно изготовленные поддельные купюры, в основном с использованием современной оргтехники и полиграфического оборудования, изготавливаются в России, Молдове, Польше, Венгрии, Турции и странах Азии.

В Интерполе давно дискутируется вопрос о том, следует ли уведомлять население о появлении в обращении поддельных денег и ценных бумаг. По этому вопросу в организации сложились две точки зрения. Согласно одной из них (так наказываемой европейской), население нужно учить безошибочно распознавать фальшивые деньги и отличать их от подлинных. Тем самым граждане избавят себя от возможного ущерба. С этой целью среди населения в ряде стран распространяются подготовленные специалистами брошюры на тему «Знаешь ли ты свои деньги?». Вместе с тем указывается, что информация о появлении фальшивых денег должна попадать лишь в руки полицейских, занимающихся борьбой с этими преступлениями.

Страны, разделяющие так называемую американскую точку зрения (США, Канада, Филиппины и др.), считают, что население не только должно хорошо знать свои деньги, но вместе с тем его следует информировать о появлении в обращении подделок: это будет способствовать повышению бдительности и приведет к участию граждан в выявлении сбытчиков.

Позиция Интерпола в этом вопросе сводится к признанию за каждой страной права самостоятельного выбора тактики по отношению к населению¹³.

К сожалению, фальшивомонетничество остается одной из ключевых нерешенных проблем мирового сообщества. Несмотря на проведенную колоссальную работу по разработке и принятию международных актов, необходимая сплоченность государств в отношении единых законов против подделки денежных знаков отсутствует. Такая разобщенность, естественно, снижает эффективность борьбы, поскольку глобализация рынков и финансовых потоков не позволяет противостоять указанному негативному явлению силами одного государства без взаимодействия с другими странами, а потому эффективная борьба с фальшивомонетничеством возможна только при условии полного взаимодействия правоохранительных органов государств¹⁴.

Пристатейный библиографический список

1. Аркуша Л. И., Макогончук В. П. Использование возможностей МОУП-Интерпол в противодействии преступной деятельности [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://inter.criminology.org.ua/?p=536>
2. Бекашев К. А., Ануфриева Л. П., Устинов В. В. Международное публичное право: Учебник. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2005.
3. Бирюков П. Н. Международное право. – М.: Юристъ, 2006.
4. Волеводз А. Г. Международная организация уголовной полиции – Интерпол и тенденция формирования региональных правоохранительных организаций // Правоохранительные органы. – 2011. – № 7.
5. Дайчман И. Интерпол. Всемирная система борьбы с преступностью. – М.: Рипол Классик, 2003.
6. Ионов В. М. Внимание, деньги! - PRO Intellect Technology, 2008.
7. Конвенция по борьбе с подделкой денежных знаков 1929 // СДД СССР. – 1933. – Вып. VII.
8. Родионов К. Интерпол: год нашего участия // Международная жизнь. – 1991. – № 12.
9. Родионов К. С. Интерпол: вчера, сегодня, завтра. – М.: Международные отношения, 1990.
10. Родионов К. С. Интерпол: миф и действительность. – М.: Международные отношения, 1986.
11. Пономарев В. Т. Тайны фальшивых денег: вчера, сегодня, завтра. – БАО, 2005.
12. Уголовная юстиция: проблемы международного сотрудничества. Международный научно-исследовательский проект. – М.: Издательство БЕК, 1994.

12 Родионов К. Интерпол: год нашего участия // Международная жизнь. – 1991. – № 12.

13 Родионов К. С. Интерпол: вчера, сегодня, завтра. – М.: Международные отношения, 1990. – С. 128.

14 Дайчман И. Интерпол. Всемирная система борьбы с преступностью. – Рипол Классик, 2003. – 480 с.

Третьяков К. В.

РОЛЬ ПРАВИЛ КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ И НАЗНАЧЕНИЯ НАКАЗАНИЯ ПРИ КОДИФИКАЦИИ УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Статья посвящена анализу роли правил квалификации преступлений и отдельных вопросов назначения наказания при конструировании статей Уголовного кодекса РФ с целью выработки оптимальной модели его внутренней структуры, позволяющей наиболее эффективно реализовать цели и принципы уголовного закона. В работе освещаются вопросы квалификации и назначения наказания при совокупности преступлений, конкуренции уголовно-правовых норм, рецидиве, затрагивается тема неоднократности. На их основе проводится анализ положений действующего Уголовного кодекса и предлагаются способы решения выявленных проблем правового регулирования.

Ключевые слова: квалификация преступлений, множественность, совокупность, конкуренция норм, рецидив, неоднократность, кодификация, наказание.

Tretyakov K. V.

THE ROLE OF RULES OF QUALIFICATION OF THE CRIMES AND SENTENCING IN CODIFICATION OF CRIMINAL LAW

The article is devoted to the role of rules of qualification of the crimes and the separate issues of punishment when designing articles of the Criminal Code of the Russian Federation with the aim of developing the best model of its internal structure to implement most effectively the objectives and principles of the criminal law. The work reveals the issues of qualification of crimes and assignment of punishment in case of aggregate of crimes, collision of criminal norms, relapses, touches upon the topic of repetition. On their basis, provisions of the Criminal Code were analyzed and the ways to resolve these problems of legal regulation were suggested.

Keywords: qualification of crimes, multiplicity of crimes, competition of norms, relapse, multiplicity, codification, punishment.

Nullum crimen, nulla poena sine lege (лат.)

«Нет преступления без указания на то в законе», – говорили древние. Эта юридическая максима является основополагающей в уголовном законодательстве и в общем виде она закреплена в ст. 1 Уголовного кодекса РФ. Суть проблемы, которой посвящена данная статья, заключается в том, что кодификация уголовного законодательства без учета правил квалификации преступлений приводит к тому, что в настоящее время УК РФ содержит значительное количество статей Общей и Особенной части, которые не только не находятся между собой в логическом взаимодействии, но и зачастую прямо создают трудности правоприменения. Это выражается в том, что квалификация преступлений по правилам, содержащимся в одних нормах Общей части УК, влечет за собой нарушение других уголовно-правовых норм и наоборот. Подобное обстоятельство нарушает основные принципы уголовного права, поскольку влечет неправильную квалификацию деяния, выражающуюся либо в излишнем вменении, либо в незаконном освобождении виновного лица от уголовной ответственности. Сложившаяся практика исправления таких огрех законодателя идет по пути того, что время от времени Верховный Суд РФ издает руководящие постановления, предписывающие, как поступать нижестоящим судам при рассмотрении той или иной категории дел. Однако такое положение вещей является, так сказать, исправлением ситуации подручными средствами, без решения проблемы в корне. Более того, документы, издаваемые Верховным Судом РФ, не являются уголовным законом, которым, как известно, в Российской Федерации является исключительно Уголовный кодекс. Не уменьшая роль ВС РФ, мы с пониманием относимся к тому, что судебные органы вынуждены фактически ставить заплатки на теле уголовного законодательства. Что касается роли науки в данном вопросе, то здесь ситуация складывается весьма интересным образом. Нагромождение несогласованных между собой уголовно-правовых норм, содержащихся в УК РФ, по-

Третьяков К. В.

рождает бесконечное количество исследований, касающихся создания новых правил соотношения их между собой. Между тем в УК появляются новые и новые статьи и имеющиеся правила их соотношения подгоняются под них. Происходит довольно бурная деятельность, которая, к сожалению, не затрагивает суть проблемы, поскольку остается в стороне тот факт, что нередко почва для исследований – те самые новые статьи в УК, конструируются без учета основополагающих правил квалификации преступлений и, зачастую, могут просто противоречить им. В свою очередь, неверная посылка порождает неверное следствие – нельзя априори воспринимать каждую новую статью в УК как незыблемую истину, поскольку она может быть изначально создана с правовыми дефектами. Для того чтобы не совершать подобных ошибок, следует определиться, что же является первичным, а что вторичным – что брать за основу, а что следует корректировать. Наше однозначное мнение заключается в том, что первичным является внутреннее содержание уголовного права, его истинное наполнение, статьи Уголовного кодекса являются лишь абстракцией, формулирование которой зависит от множества факторов – начиная от субъективного мироощущения, которое разное у каждого человека (а законы, как известно, пишут люди) заканчивая политическими, экономическими, социальными и другими обстоятельствами. Истинное же содержание данного деяния заключается в его негативной сути, именно это является основанием для того, чтобы признать содеянное преступлением, а размер наказания – это немаловажный, но вторичный фактор, производный от содержания деяния. Законодатель не производит законов, он лишь формулирует их в соответствии с природой вещей¹.

Существуют основные правила, в соответствии с которыми производится квалификация преступлений и решаются некоторые вопросы назначения наказания. Это касается совокупности преступлений, конкуренции уголовно-правовых

1 Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. – 2-е изд. – Т.1. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1955. – С.122, 162.

норм и рецидива преступлений. Наличие этих категорий не оспаривается в науке уголовного права, их обоснованность проверена временем, и по этой причине мы берем их за основу при анализе внутренней согласованности уголовного законодательства РФ.

Целью данной работы является изучение роли отдельных правил квалификации преступлений и назначения наказания при кодификации уголовного закона, в том числе при дополнении УК РФ новыми нормами либо при корректировке имеющихся положений Кодекса.

Итак, в соответствии с ч. 1 ст. 17 УК РФ совокупностью преступлений признается совершение двух или более преступлений, ни за одно из которых лицо не было осуждено, за исключением случаев, когда совершение двух или более преступлений предусмотрено статьями Особенной части Уголовного кодекса в качестве обстоятельства, влекущего более строгое наказание. Мы не случайно практически дословно воспроизвели текст статьи, поскольку в нем заложено одно из правил разграничения единичного преступления и совокупности. Как видно из текста статьи, единичное преступление имеет место быть «в случае, когда совершение двух или более преступлений предусмотрено статьями Особенной части Уголовного кодекса в качестве обстоятельства, влекущего более строгое наказание».

Казалось бы, что все понятно, однако на практике ситуация не так проста. Конструирование статей Особенной части УК РФ без учета правил квалификации зачастую приводит к тому, что разночтения между судебной практикой и теорией уголовного права, к сожалению, исключают однозначную квалификацию содеянного в строгом соответствии с уголовным законом.

В качестве примера предлагаем рассмотреть ситуацию, связанную с квалификацией умышленных убийств при отягчающих обстоятельствах. Ответственность за данное преступление установлена в ч. 2 ст. 105 УК РФ. Санкция этой статьи является одной из самых строгих в Уголовном кодексе и предусматривает максимальное наказание в виде смертной казни (с учетом позиции КС РФ, разумеется) либо пожизненного лишения свободы. При этом ряд пунктов ч. 2 рассматриваемой статьи содержит в качестве квалифицирующих обстоятельств указание на совершение убийства, *сопряженного* (курсив авт. – К. Т.) с совершением другого преступления – похищения человека (п. «в»), разбоя, вымогательства, бандитизма (п. «3»), изнасилования или насильственных действий сексуального характера (п. «к»). Таким образом, мы имеем как раз тот случай, когда совершение двух и более преступлений предусмотрено статьями Особенной части УК в качестве обстоятельства, влекущего более строгое наказание. Если следовать буквальному толкованию ч. 1 ст. 17 УК РФ, то в данной ситуации совокупность преступлений отсутствует, поскольку есть «объединяющая» простое убийство и вышеуказанные преступления уголовно-правовая норма – ч. 2 ст. 105 УК РФ. Иными словами, действия виновного лица должны быть квалифицированы только по соответствующему пункту ч. 2 ст. 105 УК, без совокупности с преступлениями, которые переводят «простое» убийство в разряд квалифицированных.

Вот тут и начинается самое интересное. Порядок квалификации убийств разъяснен в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 27.01.1999 г. № 1 (в ред. 03.12.1999) «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)». ² Согласно п. 7 данного Постановления, в случае совершения преступления, предусмотренного п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ по признаку «убийство, сопряженное с похищением человека», содеянное должно быть квалифицировано в совокупности с преступле-

нием, предусмотренным ст. 126 УК РФ. Аналогичным образом решается вопрос о квалификации убийства, сопряженного с разбоем, вымогательством и бандитизмом, и убийства, сопряженного с изнасилованием или насильственными действиями сексуального характера. Во всех этих случаях ВС РФ предписывает квалифицировать содеянное по совокупности преступлений.

Получается весьма неприглядная картина. С одной стороны, ч. 1 ст. 17 УК РФ прямо указывает, что в подобных ситуациях совокупность преступлений отсутствует, с другой стороны, нечеткая формулировка отдельных пунктов ч. 2 ст. 105 УК РФ влечет за собой квалификацию совершенных преступлений по совокупности, что нарушает требования вышеуказанной статьи Общей части УК.

Безусловно, лица, совершающие подобные преступления, должны быть наказаны максимально строго, но одновременно следует подчеркнуть недопустимость нарушения принципа «*nullum crimen, nulla poena sine lege*» – нет наказания без указания на то в законе. В данном случае в законе прямо указано, что совокупность преступлений отсутствует и квалифицировать содеянное надлежит по статье Особенной части УК, которая предусматривает совершение двух или более преступлений в качестве обстоятельства, влекущего более строгое наказание.

Анализ квалификации умышленных убийств мы подробно рассматривали в отдельной работе ³ и, чтобы не отклоняться от темы проводимого исследования, в самом общем виде укажем предложенные нами альтернативные варианты решения данной проблемы:

1. замена формулировки «сопряженное с...», не имеющей юридического определения, на термин «совершенное в совокупности с...» и последующей квалификацией содеянного по совокупности преступлений, как это происходит в настоящее время;
2. дополнение диспозиций статей УК РФ, которые выступают в качестве квалифицирующих обстоятельств умышленного убийства (статьи 126, 131, 132, 162, 163, 209 УК РФ) новым признаком: «повлекшее умышленное причинение смерти человеку» с установлением соразмерной санкции и одновременным исключением ссылки на эти статьи из ч. 2 ст. 105 УК РФ для того, чтобы квалифицировать деяние как единичное преступление, полностью охватываемое «новым» составом;
3. отказ от такого способа конструирования диспозиции статьи, как «преступление, сопряженное с совершением иного преступления» и обозначение повышенной опасности содеянного указанием на субъективные или объективные признаки деяния (к примеру, убийство «с целью похищения человека», «на сексуальной почве», «из корыстных побуждений» и т. д.), что устранил неясности при квалификации по совокупности преступлений.

Таким образом, как мы видим, единственным возможным путем устранения выявленных юридических дефектов уголовного закона является корректировка его содержания.

Описанная ситуация, к сожалению, является лишь одним из множества случаев внутренней рассогласованности норм, содержащихся в Уголовном кодексе РФ.

Следует отметить, что в доработке нуждаются не только положения Особенной части УК, но и отдельные статьи Общей части, которые также не согласованы между собой. Рассмотрим еще один наглядный пример. Как известно, в соответствии со ст. 3 УК РФ уголовный закон подлежит буквальному толкованию, применение его по аналогии не допу-

2 Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.01.1999 г. № 1 «О судебной практике по делам об убийстве» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=9454/>

3 См. Третьяков К. В. Убийство, сопряженное с совершением другого преступления: единичное преступление или множественность? // Вестник МГОУ. Серия «Юриспруденция». – 2014. – № 2. – С. 45–52.

скается. Так вот, если строго следовать букве закона, то, теоретически, в настоящее время существует совершенно легальный способ, позволяющий преступнику избежать наказания в виде пожизненного лишения свободы. Для этого необходимо... совершить еще одно преступление (возможно даже также карающееся пожизненным лишением свободы) или иметь неотбытое наказание по предыдущему приговору суда. Иными словами, обстоятельства, которые по логике вещей должны повлечь ужесточение наказания, в силу погрешностей законодателя, наоборот, влекут его снижение. Причем описанный абсурд полностью основан на законе – в соответствии с ч. 4 ст. 56 УК РФ в случае частичного или полного сложения сроков лишения свободы при назначении наказаний по совокупности преступлений максимальный срок лишения свободы не может быть более 25 лет, а по совокупности приговоров – 30 лет. Подобное положение частично дублируется в ч. 3 ст. 70 УК РФ. Таким образом, если совершено одно преступление соответствующей категории, за него может быть назначено наказание в виде пожизненного лишения свободы, а вот если совершено несколько преступлений, то наказание не может превышать 25 лет (по совокупности приговоров – 30 лет). Вряд ли такая ситуация соответствует принципу законности в его истинном смысле.

Другой аспект несогласованности логической конструкции составов преступлений касается соотношения общих и специальных норм Особенной части УК РФ. Согласно ч. 3 ст. 17 УК в случае, если преступление предусмотрено общей и специальной нормами, совокупность преступлений отсутствует и уголовная ответственность наступает по специальной норме. Таким образом, законодатель четко определил грань между совокупностью преступлений и конкуренцией общей и специальной уголовно-правовых норм. Однако зачастую в специальной норме отсутствуют квалифицирующие признаки, которые есть в общей норме, соответственно, специальная норма менее полно отражает состав совершенного преступления, по сравнению с общей нормой. Либо встречаются такие случаи, когда специальная норма, которая по смыслу является более тяжелой, предусматривает менее строгое наказание, чем общая норма, что опять-таки является неправильным с точки зрения теории уголовного права и элементарной логики. Стремясь исправить подобные пробелы, судебная практика идет по пути применения квалификации по совокупности преступлений – т. е. одновременного применения специальной и общей норм, что прямо запрещено вышеуказанными положениями ст. 17 УК РФ.

Для примера проведем небольшой анализ квалификации преступного насилия в отношении представителя власти. Уголовная ответственность за данное деяние предусмотрена ст. 318 УК РФ. Эта уголовно-правовая норма является специальной по отношению к целому ряду преступлений против личности – поби (ст. 116 УК), умышленное причинение легкого вреда здоровью (ст. 115 УК), умышленное причинение вреда здоровью средней тяжести (ст. 112 УК), умышленное причинение тяжкого вреда здоровью (ст. 111 УК). Это самые распространенные случаи конкуренции подобных посягательств. Основным разделяющим барьером между общей и специальной нормами в данном случае будет являться особый статус потерпевшего: если он будет являться представителем власти при исполнении служебных обязанностей, то усматриваются признаки преступления, предусмотренного специальной нормой – ст. 318 УК, если он таковым не является, то ответственность должна наступать по общей норме – статьям УК, предусматривающим преступления против личности. Казалось бы, ч. 3 ст. 17 УК не оставляет иного выбора, однако не все так просто.

Сравнивая составы преступлений, предусмотренных ст. 318 и статьями 111, 112 УК РФ, можно увидеть следующее. Как

уже указывалось выше, насилие, предусмотренное статьями 111 и 112 УК, относится к насилию, опасному для жизни или здоровья. Ответственность за подобное насилие в отношении представителя власти предусмотрена ч. 2 ст. 318 УК. Однако в ч. 3 ст. 111 УК имеется ряд квалифицирующих признаков, которые существенно повышают общественную опасность данного деяния, таких, как совершение преступления группой лиц, группой лиц по предварительному сговору или организованной группой (п. «а») и в отношении двух и более лиц (п. «б»). Данное преступление наказывается лишением свободы на срок до двенадцати лет с ограничением свободы на срок до двух лет либо без такового и относится к категории особо тяжких (что, кстати, влияет на назначение наказания). Подобных квалифицирующих признаков нет в ст. 318 УК, однако в силу ч. 3 ст. 17 УК ответственность за такие же деяния в отношении представителя (представителей) власти в любом случае должна наступать по специальной норме, т. е. по ст. 318 УК РФ. Получается, что для квалификации не имеет значения увеличение количества потерпевших представителей власти – размер ответственности такой же, как за насилие в отношении одного лица. Также законодатель закрыл глаза на такие отягчающие квалифицирующие признаки, как совершение преступления группой лиц, группой лиц по предварительному сговору или организованной группой. При этом максимальное наказание по ст. 318 УК РФ составляет значительно меньший размер, чем за преступление против личности – десять лет лишения свободы, хотя общественная опасность этого деяния больше – в силу особого статуса потерпевшего и наличия дополнительного объекта посягательства. Соответственно, данное преступление не относится к категории особо тяжких, а является просто тяжким. Получается, что в силу несовершенства логической структуры ст. 318 УК РФ, сформулированной без учета правил конкуренции уголовно-правовых норм, указанных в ч. 3 ст. 17 УК, за более тяжкое преступление установлено менее строгое наказание, что является неверным по своей сути.

Как уже упоминалось выше, стремясь исправить подобное положение вещей, суды фактически идут на нарушение положений Общей части УК РФ и квалифицируют содеянное по совокупности преступлений. Так, в Обзоре качества рассмотрения окружными (флотскими) судами уголовных дел по первой инстанции, утвержденном постановлением Президиума Верховного Суда РФ от 26 января 2005 г., указано, что «для правильной квалификации посягательств, совершаемых с применением физического насилия, важное значение имеет вопрос о случаях идеальной совокупности и конкуренции норм. Речь идет о том, какой объем физического насилия охватывается без дополнительной квалификации соответствующим признаком конкретного состава преступления, а когда требуется дополнительная квалификация по статьям о преступлениях против жизни, здоровья и физической свободы».

На практике основным способом решения указанной проблемы является сопоставление строгости конкретных санкций, поскольку характер общественной опасности преступления, степень важности того или иного объекта уголовно-правовой охраны, в том числе и опасность причиненного ему вреда, формально отражены в санкциях.

Квалификация сложного насильственного преступления производится по одной статье (или части) в тех случаях, когда санкция за такое преступление является более строгой по сравнению с санкциями за применение физического насилия в соответствующих статьях главы 16 УК РФ»⁴.

4 Обзор судебной практики Верховного Суда РФ от 26.01.2005 г. «Обзор качества рассмотрения окружными (флотскими) военными судами уголовных дел по первой инстанции» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ARB;n=5321>

Как видно из вышеизложенных обстоятельств, решающая роль при квалификации совокупности преступлений и отграничении ее от конкуренции уголовно-правовых норм и различных видов сложных единичных преступлений отведена санкциям статей Особенной части УК РФ. Однако, как мы уже отмечали выше, размер санкций обладает значительной степенью субъективности и зависит от множества факторов. Неизменной остается лишь суть преступления, его общественная опасность и те ценности, на которые посягает лицо, его совершившее. Многие авторы определяют правила квалификации преступлений в зависимости от санкций сравниваемых статей Особенной части Кодекса, исходя из этого решают вопрос о том, к примеру, что в данном случае имеет место быть совокупность преступлений, а не конкуренция норм или наоборот. Между тем данный подход видится нам неверным по своей сути, поскольку подобные вопросы можно решить только на основе анализа самого совершенного преступления, его составляющих элементов и их соотношения со спорными составами, то есть необходимо изучение более глубинных составляющих, нежели формальное сравнение санкций.

В англосаксонской системе права существует разграничение преступлений на две большие категории: «*Mala prohibita*» – деяния, являющиеся преступными лишь в силу наличия законодательного запрета подобного поведения, и «*Mala in se*» – деяния, являющиеся преступными по самой своей сути, такие, как убийство, кража, изнасилование. В свете рассматриваемого вопроса можно отметить следующее. Если простым волевым решением снизить санкцию за убийство, то оно не перестанет быть убийством, его истинная общественная опасность и причиняемый вред не изменятся, а дальнейшая попытка квалифицировать его по совокупности с другими преступлениями, чтобы назначить более высокое наказание за содеянное, будет представлять собой не что иное, как искусственное «натягивание» закона, его неестественное применение, противоречащее принципам уголовного права и влекущее за собой дальнейшие правовые коллизии.

Вывод о наличии совокупности преступлений, основанный на одном только сравнении санкций статей, нам представляется весьма поверхностным. Квалификация по совокупности преступлений при ее фактическом отсутствии с позиции норм Общей части УК прямо нарушает основной принцип уголовного права «*non bis in idem*», отраженный в ст. 6 УК РФ и указывающий на недопустимость осуждения дважды за одно и то же преступление.

Расхождения в санкциях тех или иных конкурирующих статей не свидетельствуют в обязательном порядке о совокупности преступлений. Данное обстоятельство может указывать на то, что имеется логически не выверенная конструкция того или иного уголовно-правового запрета, содержащегося в какой-либо конкретной статье Особенной части УК.

Исследуя проблемы несогласованности общих норм Уголовного кодекса РФ с нормами, содержащимися в Особенной части УК, нельзя оставить без внимания такую уголовно-правовую категорию, как рецидив.

Рецидив преступлений – это крайне опасное явление, которое специально выделено законодателем, поскольку представляет собой фактор, свидетельствующий о стойких антиобщественных установках виновного лица, его склонности к систематическому совершению преступлений и нарушениям закона. Правовая цель рецидива в оказании повышенного государственного воздействия на преступника, поскольку уже будучи ранее осужденным за совершение преступлений (и зачастую – неоднократно) он не встал на путь исправления, продолжил заниматься противоправной деятельностью и вновь совершил преступление. Между тем в соответствии с принципами гуманизма и необходимостью индивидуального

подхода к правовой оценке деяний каждого конкретного лица, совершившего преступление, необходимо дифференцировать тяжесть наказания, назначаемого лицам, впервые нарушившим уголовный закон, и размер наказания закоренелых преступников.

В соответствии с ч. 2 ст. 68 УК РФ при наличии рецидива преступлений назначенное наказание не может быть менее одной трети от максимального наказания, предусмотренного санкцией соответствующей статьи. Данное обстоятельство обусловлено тем, что в соответствии со ст. 63 УК РФ рецидив является обстоятельством, отягчающим ответственность за совершенное преступление. Рецидив, являясь своего рода показателем неисправимости преступника, характеризующим его склонность к повторному совершению преступлений, по замыслу законодателя должен иметь своим последствием усиление наказания для лица, не желающего вставать на путь исправления. Однако, ввиду несогласованности верхнего и нижнего пределов санкций статей Особенной части УК, зачастую не представляется возможным использовать правила назначения наказания при рецидиве преступлений, поскольку нижний предел санкции изначально заведомо выше одной трети от максимальной санкции. По указанной причине лица, впервые привлекающиеся к уголовной ответственности, и рецидивисты различных видов оказываются в одинаковом положении при назначении размера наказания с точки зрения ст. 68 УК РФ, в результате чего ее содержание теряет всякий юридический смысл.

Исходя из вышеизложенного, необходимо привести санкции статей Особенной части УК РФ к такой логической структуре, при которой правовая сила уголовно-правового запрета работала бы в полной мере, а не носила декларативный характер, который в настоящее время имеет ст. 68 УК. Соответствие нижнего и верхнего предела санкций должно позволять дифференцировать наказание рецидивистам и лицам, впервые привлекаемым к уголовной ответственности. Иными словами, нижний предел санкции статьи должен быть ниже минимального наказания, которое подлежит применению при наличии рецидива. И это правило должно приниматься во внимание законодателем при конструировании составов конкретных преступлений.

Кроме того, по нашему мнению, установленный на сегодня минимальный предел наказания для рецидивистов – не ниже одной трети от максимального наказания, предусмотренного санкцией соответствующей статьи, является чрезвычайно мягким и не отражающим в достаточной мере степени повышенной общественной опасности личности преступника-рецидивиста. Как нам видится, этот предел должен быть увеличен хотя бы до половины максимальной санкции, а при наличии опасного и особо опасного рецидива – до двух третей и трех четвертей соответственно.

И напоследок мы предлагаем обратить внимание на такой вид множественности, как неоднократность преступлений. Казалось бы, с исключением в 2003 г. понятия неоднократности из Уголовного кодекса РФ⁵ все вопросы в этой части должны быть сняты, если бы не одно «но» – неоднократность по прежнему указана в статьях 154 и 180 УК РФ в качестве обязательного составообразующего элемента. Как в данном случае трактовать понятие неоднократности остается загадкой, поскольку из Общей части УК более десяти лет назад были исключены все уголовно-правовые нормы, которые раскрывали суть этой юридической категории, и на сегодняшний день в российском уголовном законодательстве не существует

5 Федеральный закон от 08.12.2003 № 162-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=122992>

определения неоднократности преступлений. Это обстоятельство опять-таки свидетельствует об отсутствии системности в построении статей Особенной части УК, о несогласованности положений Общей и Особенной части Кодекса и об игнорировании теоретических положений, касающихся множественности преступлений при построении логической конструкции уголовно-правовых норм, содержащихся в УК РФ.

Некоторые аспекты неоднократности, упоминающейся в ст. 180 УК, были затронуты в постановлении Пленума Верховного Суда РФ, но особой ясности этот документ не внес. Верховный Суд лишь разъяснил, что неоднократность предполагает совершение лицом двух и более деяний, описанных в части первой или части второй данной статьи⁶. Однако всем и так было понятно, что сам по себе термин «неоднократность» предусматривает под собой совершение более одного деяния. Но подавляющее большинство вопросов осталось без ответа, к примеру, как определить неоднократное использование одного и того же средства индивидуализации – одновременное ли это деяние или с временными промежутками, если да, то с какими, образует ли состав преступления деяние, совершенное лицом, имеющим непогашенную судимость по этой статье и т. д. Касательно ст. 154 УК РФ вообще никаких разъяснений нет, что явно не способствует эффективности правоприменительной деятельности и оставляет в тени вопросы, касающиеся неоднократности преступлений.

Проведенное исследование выявило ряд причин, которые препятствуют эффективному правовому регулированию в области уголовного законодательства. В большинстве своем эти причины связаны с отсутствием внутренней согласованности положений Общей и Особенной частей Уголовного кодекса РФ и обусловлены бессистемным наполнением закона различными уголовно-правовыми нормами, без учета теоретических правил квалификации преступлений и назначения наказания. В дополнение ко всему перечисленному в значительной степени сказывается недостаточно проработанный понятийный аппарат, что существенно усугубляет описанные трудности. Выявленные обстоятельства свидетельствуют о необходимости выработки определенных правил квалификации уголовного закона, которых следует придерживаться при создании новых уголовно-правовых норм или корректировке имеющихся, во избежание подобных проблем впредь.

В самом общем виде эти правила можно сформулировать следующим образом:

– при конструировании новых составов преступлений необходимо точно определять объект посягательства во избежание нагромождения уголовно-правовых норм и установления двойной ответственности за посягательства на аналогичные объекты;

– перед включением новой статьи в Особенную часть УК РФ следует выявить для нее конкурирующие составы и установить ее роль при конкуренции уголовно-правовых норм;

– при определении размера санкции вводимой статьи следует исходить из выявленного соотношения при конкуренции норм, при этом санкция специальной нормы должна быть строже, а санкция привилегированной нормы мягче санкции общей нормы;

– диспозиция специального состава преступления должна, как минимум, включать все квалифицирующие признаки общего состава преступления, с размером наказания, установленным в соответствии с предыдущим пунктом;

– санкции составных преступлений должны быть строже санкций преступлений, из которых они образованы;

– составы преступлений следует формулировать с использованием дефиниций, прямо оговоренных в Кодексе, а в случае их отсутствия одновременно дополнять уголовный закон соответствующими определениями;

– верхний и нижний пределы санкций следует устанавливать таким образом, чтобы обеспечить возможность дифференцированного назначения наказания с учетом рецидива преступлений;

– при корректировке статей Общей части Кодекса следует согласовать эти нормы с корреспондирующими положениями Кодекса, в частности, виды и размеры наказаний следует согласовывать с правилами назначения наказаний по совокупности преступлений и приговоров.

Основной вывод представленной работы сводится к тому, что текстовое содержание уголовного закона является категорией, производной от внутренней сути правовых явлений, которые в ней описываются. Непосредственно текст каждой конкретной статьи закона зависит от множества субъективных факторов и может не всегда с достаточной точностью передавать смысл того, что он описывает. Санкции преступлений, в свою очередь, являются производными от уровня общественной опасности совершенного деяния, а никак не наоборот. По этой причине при кодификации уголовного закона, а также при его корректировке необходимо исходить именно из его «внутреннего» содержания и строго соблюдать связь уголовно-правовых норм между собой, которая обусловлена правилами квалификации преступлений и назначения наказаний. Такой подход позволит избежать нагромождения уголовного законодательства «юридическим мусором» в виде неработающих и противоречащих друг другу правовых норм и будет способствовать четкому и эффективному функционированию правоприменительного механизма.

Пристатейный библиографический список

1. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. – 2-е изд. – Т. 1. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1955.
2. Третьяков К. В. «Убийство, сопряженное с совершением другого преступления: единичное преступление или множественность?» // Вестник МГОУ. Серия «Юриспруденция». – 2014. – № 2.
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.04.2007 № 14 «О практике рассмотрения судами уголовных дел о нарушении авторских, смежных, изобретательских и патентных прав, а также о незаконном использовании товарного знака» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/12053266/>
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.01.1999 № 1 «О судебной практике по делам об убийстве» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=9454/>
5. Федеральный закон от 08.12.2003 № 162-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=122992>
6. Обзор судебной практики Верховного Суда РФ от 26.01.2005 «Обзор качества рассмотрения окружными (флотскими) военными судами уголовных дел по первой инстанции» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ARB;n=5321>

6 Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.04.2007 № 14 «О практике рассмотрения судами уголовных дел о нарушении авторских, смежных, изобретательских и патентных прав, а также о незаконном использовании товарного знака» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/12053266/>

Фесик П. Ю.

ВОЗМОЖНОСТЬ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СТАТИСТИЧЕСКИХ МЕТОДОВ ПРИ РАСКРЫТИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

В статье исследуется возможность использования статистических методов в криминалистике, рассмотрены вопросы использования понятий «корреляционные связи», «массовое событие» и «выборка» для расследования преступлений.

Ключевые слова: массовое событие, криминалистическая характеристика, выборка, генеральная совокупность, теории вероятностей.

Fesik P. Yu.

THE USABILITY OF STATISTICAL METHODS IN DETECTION OF CRIMES

This article deals with the applicability of statistical methods in criminalistics and handles the use of such notions as «correlations», «mass event» and «sampling» for crime investigation.

Keywords: mass event, criminalistic characteristics, sampling, general population, theory of probability.

Фесик П. Ю.

В криминалистической литературе значительное место уделено рассмотрению вопроса о возможности использования в криминалистике методов статистики.

Мы считаем, что рассмотрение данного вопроса является важным для дальнейшего развития науки криминалистики. В продолжение изучения данного вопроса мы бы хотели рассмотреть такие статистические понятия, как корреляционные связи, безусловная и условная вероятности и определить возможности их использования в криминалистике.

По поводу возможности применения статистических методов в криминалистике среди ученых имеются две противоположные позиции.

А.М. Ларин¹, С.А. Назаров² предлагают при формировании такого криминалистического института, как криминалистическая характеристика преступлений, не использовать корреляционные связи. Другие ученые (А.Ф. Лубин³, В.П. Бахин⁴, О.В. Чельшшева⁵) видят перспективу развития криминалистической характеристики в выявлении корреляционных зависимостей между структурными элементами криминалистической характеристики.

В. Ю. Толстолицкий указывает, что природа понятия «корреляционная связь» – статистическая и составляет предмет теории вероятностей⁶. Если обратиться к статистической литературе, то можно указать, что «корреляционная связь (которую также называют неполной, или статистической) проявляется в среднем, для массовых наблюдений, когда заданным значениям зависимой переменной соответствует некоторый ряд вероятных значений независимой переменной»⁷.

Возможность использования статистических методов в криминалистике доказывает Н. Е. Неволлина. На вопрос, для чего они нужны, Н. Е. Неволлина дает следующий ответ. Она указывает, что они «представляют возможность выдвинуть версии о еще не установленных обстоятельствах предмета доказывания»⁸.

С этой целью Н. Е. Невוליной было изучено 331 уголовное дело и установлено, что, например, «по источнику происхождения» связи в 22,5% изученных убийств представляют собой родственные отношения; в 12,7% фактические брачные связи; в 64,8% знакомства (в том числе случайные знакомства).

Связи «по продолжительности существования» в 88,2% являлись длительными, в 11,8% – кратковременными⁹.

Приведенное исследование Н. Е. Невוליной доказывает то, что использование «корреляционных связей» в криминалистике является вполне эффективным и позволяет установить криминалистически важные признаки, необходимые для раскрытия преступления. Также данный труд позволяет оценить силу «корреляционных связей», а значит, определить наиболее вероятную версию.

Следующим этапом трансформации в криминалистику математических теорий может стать использование теории вероятностей, в частности таких её ключевых понятий, как безусловная и условная вероятность.

Современная наука широко использует методы теории вероятностей для исследования закономерностей, имеющих так называемый случайный характер. Предмет криминалистики содержит указанные закономерности, в связи с чем криминалистика так же, как и иные науки, решая определенный класс задач, вынуждена применять методы теории вероятностей и математической статистики. Поэтому случайные события закономерно становятся предметом научного исследования криминалистики.

Б.В. Гнеденко и В.Я. Хинчин объясняют понятие вероятности следующим образом: «При однородных массовых операциях процент того или иного вида важных для нас событий при данных условиях почти всегда бывает одним и тем же, лишь в некоторых случаях уклоняясь сколько-нибудь значительно от средней цифры. Поэтому можно сказать, что эта средняя цифра является характерным показателем для дан-

1 Ларин А.М. Криминалистика и паракриминалистика: Науч.-практич. и учеб. пособие. – М.: БЕК, 1996.

2 Назаров С.А. О соотношении криминалистической характеристики и механизма преступления // Вестник криминалистики. – М.: Спарк, 2004. – Вып. 2 (10) – С. 18–20.

3 Лубин А.Ф. Оценка корреляции между элементами криминалистической характеристики преступлений // Криминалистика-расследование преступлений в сфере экономики: Учеб. пособие / Под ред. Грабовского В.Д., Лубина А.Ф. – Н. Новгород: Нижегород. ВШ. МВД России, 1995. – С. 61.

4 Бахин В.П. Криминалистическая методика // Следственная практика – Киев, 1999. – С. 12.

5 Чельшшева О.В. Механизм преступления и криминалистическая характеристика // Вестник криминалистики. – М.: Спарк, 2004. – Вып. 2(10) – С. 11–17.

6 Толстолицкий В.Ю. Статистические методы в криминалистической методике: Монография. – Н.Новгород: Арабеск, 2005. – С. 4.

7 Чернова Т.В. Экономическая статистика: Учеб. пособие. – Таганрог: Изд-во ТРТУ, 1999. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.aup.ru/books/m81/8.htm>

www.aup.ru/books/m81/8.htm

8 Неволлина Н.Е. Криминалистическое значение информации о личности информации жертвы убийства: Дис. ... канд. юрид. наук. – Екатеринбург, 2003 – С.10.

9 Там же. – С. 11.

ной массовой операции»¹⁰. Таким образом, вероятность характеризует а) некоторое множество событий; б) возможность наступления отдельного события в нем – в виде частоты (доли), то есть количественной характеристики.

Следуя логике указанных авторов и рассматривая событие преступления как «массовую операцию», можно проследить, насколько часто при совершении убийств встречаются те или иные значения признаков и насколько они связаны между собой.

При этом также важно отметить, что «вопрос о вероятности того или иного события имеет смысл только в точно определенных условиях, в которых протекает массовая операция. Всякое существенное изменение этих условий влечет за собой, как правило, изменение интересующей нас вероятности»¹¹. Приведенная цитата показывает, что теория вероятностей служит основой для анализа однородных явлений, которым свойственна «изменчивость».

Повторяемость явлений – это основа их познания и необходимое условие выделения научных закономерностей. Уникальные, не повторяющиеся события являются чудом и поэтому не попадают в область научных интересов¹².

При выдвижении следственных версий требуется оценить возможность появления какого-либо следа при известных сведениях по делу. Эта проблема решается в теории вероятностей следующим образом. Необходимо оценить «шансы» интересующего нас события А в ситуации, когда нам известно о том, что произошло некоторое другое событие В¹³. Для этого вводится понятие условной вероятности. Под событием В понимаются известные сведения, под событием А – выдвинутая версия.

Условной вероятностью события А относительно события В называется величина:

$$P(A|B) = [P(AB)]/[P(B)].$$

Если нам известна условная вероятность $P(A|B)$, мы можем вычислить вероятность произведения событий $P(AB)$, частота встречаемости двух признаков одновременно:

$$P(AB) = P(A|B) \cdot P(B).$$

Эта формула носит название формулы произведения и обобщается на случай произвольного числа событий:

$$P(A_1 A_2 \dots A_n) = P(A_1 | A_2 \dots A_n) P(A_2 | A_3 \dots A_n) \dots P(A_{n-1} | A_2 \dots A_n) P(A_n)$$

В теории вероятностей рассматриваются случайные величины с заданным распределением или случайные эксперименты, свойства которых целиком известны.

Для решения задач статистического исследования проводится статистический эксперимент (измерение, тестирование, анкетирование), в результате которого получают значение некоторой случайной величины (результаты тестирования, количество баллов). Если в исследовании участвуют все объекты генеральной совокупности, то такое исследование называют сплошным.

На практике обычно применяют выборочный метод, который заключается в том, что из генеральной совокупности

случайным образом извлекают n элементов. Эти элементы называются выборочной совокупностью или выборкой. Количество элементов в выборке называется ее объемом. Исследователь изучает и анализирует выборочную совокупность и на основании полученных показателей делает вывод о параметрах генеральной совокупности.

Для использования теории вероятностей в криминалистической характеристике преступлений в качестве выборки необходимо использовать определенное число уголовных дел, которое необходимо создать. При этом это число уголовных дел должно быть репрезентативно, то есть взаимосвязи, характерные для этой выборки, должны быть характерны и для генеральной совокупности.

Случайное событие – одно из основных понятий теории вероятностей. Математический энциклопедический словарь определяет случайное событие следующим образом: «Случайным событием называется событие, наступление или ненаступление которого в некотором испытании (эксперименте) зависит от ряда случайных факторов и для которого постулируется определенная вероятность его наступления при данных условиях». Поскольку мы оперируем понятием «случайное событие», то необходимо определить, насколько вероятно появление данного события. Это можно сделать с помощью методов теории вероятностей.

Подводя итоги, можно указать, что использование безусловной и условной вероятности в криминалистических целях направлено только на изучение массовых преступных событий, что позволяет из данных событий сделать репрезентативную выборку, при обработке которой можно выявить «корреляционные связи» между структурными элементами криминалистической характеристики преступлений.

Пристатейный библиографический список

1. Бахин В.П. Криминалистическая методика // Следственная практика – Киев, 1999. – С. 12.
2. Гмурман В.Е. Теория вероятностей и математическая статистика. – М.: Высш. шк., 1998.
3. Гнеденко Б.В., Хинчин А.Я. Элементарное введение в теорию вероятности. – М.: Наука, 1970.
4. Ларин А.М. Криминалистика и паракриминалистика: Науч.-практич. и учеб. пособие. – М.: БЕК, 1996.
5. Лубин А.Ф. Оценка корреляции между элементами криминалистической характеристики преступлений // Криминалистика-расследование преступлений в сфере экономики: Учеб. пособие / Под ред. В.Д.Грабовского, А.Ф. Лубина. – Н. Новгород: Нижегород. ВШ. МВД России, 1995.
6. Назаров С.А. О соотношении криминалистической характеристики и механизма преступления [Текст] // Вестник криминалистики. – М.: Спарк, 2004. – Вып. 2 (10).
7. Неволлина Н.Е. Криминалистическое значение информации о личности информации жертвы убийства: Дис. ... канд. юрид. наук. – Екатеринбург, 2003.
8. Толстоуцкий В.Ю. Криминалистические алгоритмические поисковые процедуры: монография. – Ижевск: Детектив-информ, 2005.
9. Толстоуцкий В.Ю. Статистические методы в криминалистической методике: монография. – Н.Новгород: Арабеск, 2005.
10. Чельшева О.В. Механизм преступления и криминалистическая характеристика // Вестник криминалистики. – М.: Спарк, 2004. – Вып. 2(10)

10 Гнеденко Б.В., Хинчин А.Я. Элементарное введение в теорию вероятности. – М.: Наука, 1970. – С. 8.

11 Там же. – С. 8.

12 Толстоуцкий В.Ю. Криминалистические алгоритмические поисковые процедуры: Монография. – Ижевск: Детектив-информ, 2005. – С. 100.

13 Гмурман В.Е. Теория вероятностей и математическая статистика. – М.: Высш. шк., 1998.

Мартыненко С. Е.

МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В БОРЬБЕ С НАСИЛИЕМ И ХУЛИГАНСКИМ ПОВЕДЕНИЕМ ВО ВРЕМЯ ПРОВЕДЕНИЯ СПОРТИВНЫХ СОРЕВНОВАНИЙ

В статье рассматриваются политико-правовые аспекты международного сотрудничества в борьбе с актами насилия и хулиганским поведением в спорте. Анализируются меры, принимаемые государствами и международными межправительственными и неправительственными организациями по поддержанию порядка для противодействия актам насилия и хулиганским действиям во время проведения спортивных состязаний, а также проблема координации сотрудничества по этим вопросам на национальном (уровень министерств, правительственных агентств и спортивных организаций) и международном уровнях.

Ключевые слова: Олимпийские игры, спорт, насилие в спорте, УЕФА, Европейская конвенция о предотвращении насилия и хулиганского поведения зрителей во время спортивных мероприятий и, в частности, футбольных матчей, Совет Европейского Союза, Европейский Парламент.

Мартыненко С.Е.

Martynenko S. E.

INTERNATIONAL COOPERATION IN THE FIGHT AGAINST VIOLENCE AND MISBEHAVIOUR DURING SPORTS COMPETITIONS

The article is devoted to the political and legal aspects of international cooperation against spectator violence and misbehavior at sports. The measures taken by the states and international intergovernmental and non-governmental organizations to maintain public order to prevent the acts of violence and misbehavior at sports is reviewed, as well as cooperation coordination problem on these issues at the national (the level of ministries, governmental agencies and sports organizations) and international levels.

Keywords: Olympic Games, sport, violence in sport, UEFA, European Convention on Spectator Violence and Misbehavior at Sports and in particular at Football Matches, Council of the European Union, European Parliament.

Вызовы XXI в. придают международному гуманитарно-культурному сотрудничеству, в том числе в области спорта, особое значение. Спорт является неотъемлемой частью физической культуры общества, организованной в соответствии с определенными правилами, важным средством укрепления взаимопонимания, выражения доброй воли и развития контактов между людьми. Уровень физической культуры в государстве также является имиджевым фактором, отражающим состояние экономики, образования, культуры в обществе, степень его привлекательности. Вместе с тем спорт, который всегда рассматривался как универсальная ценность с глубоким миротворческим началом, столкнулся с таким феноменом в современном обществе, как эскалация насилия и хулиганского поведения зрителей во время проведения спортивных мероприятий. Это явление вызывает особую озабоченность руководителей спорта и спортивных обществ, спортсменов, представителей гражданского общества, некоммерческих общественных организаций, международных межправительственных и неправительственных организаций и требует объединения усилий на национальном и международном уровнях для возвращения спорту его первоначального назначения.

Цели и задачи спорта нашли свое точное воплощение в соответствующих целях и задачах олимпизма. Олимпийские игры древности, насчитывающие 12 столетий, стали одним из важнейших факторов развития и существования великой античной цивилизации. Они оказали большое влияние на античную культуру, религию, зодчество, скульптуру, литературу, философию. Олимпийские празднества оказывали благотворное влияние на атмосферу общественной жизни античного общества, на его существование, в самой структуре Олимпийских игр было заложено глубокое миротворческое начало¹.

Цели и задачи спорта вообще очень близки целям и задачам олимпизма. Их можно свести к следующим основным положениям:

- спорт – это философия жизни, возвышающая и объединяющая в сбалансированное целое достоинства тела, воли и разума. Спорт, наряду с культурой и образованием, стремится к созданию образа жизни, основывающегося на радости от усилия, на воспитательной ценности хорошего примера и уважении к всеобщим основным этическим принципам;
- основная цель спорта – это пример содействия гармоничному развитию человека с тем, чтобы способствовать созданию мирного общества, заботящегося о сохранении человеческого достоинства и укреплении мира;
- спорт способствует построению лучшего мира посредством воспитания молодежи без какой-либо дискриминации, в духе взаимопонимания, дружбы и атмосферы солидарности;
- заниматься спортом – одно из прав человека. Каждый должен иметь возможность заниматься спортом в соответствии с его или ее потребностями;
- выше отмечалось, что в Олимпийских играх содержится глубокое миротворческое начало. Миротворческие принципы античного олимпизма реализовывались в разных формах: они органически включались в теологию и философскую концепцию праздника, воплощались в его общем художественном оформлении, были задействованы в процедуре его организации. Олимпийские игры в древности не были спортивными состязаниями как таковыми. Это было религиозное общеэллинское празднество, торжественное собрание представителей всех греческих городов-государств, демонстрация национального единства, глобальной идеи панэллинизма².

¹ ЕС и УЕФА против хулиганства. Опубликовано: среда, 28 ноября 2007, 18.35СЕТ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ru.uefa.com/uefa/stakeholders/europeanunion/news/newsid=628165.html>.

² Drees L. Olympia: Gods, Artists and Athletics. – N. Y., 1968.

Спорт – общечеловеческая ценность, явление, не связанное с политикой. Основатель современного олимпийского движения Пьер де Кубертен видел спорт вне политики, исключал всякое влияние политики на спорт. В тоже время, отмечая его автономность, он не исключал возможность использования спорта для решения важных политических проблем.

Таким образом, призванный возвышать и объединять народы, воспитывать уважение к человеку и его достоинству, заботиться об укреплении мира, – современный спорт столкнулся с набором вызовов, среди которых насилие в спорте и хулиганское поведение занимают далеко не последнее место, оказывая, в том числе, влияние на состояние межгосударственных отношений. Это обстоятельство требует повышения эффективности сотрудничества государств в борьбе с насилием и хулиганским поведением в спорте.

Начало такому сотрудничеству было положено в 1985 г. Связано это было с событием, послужившим мощным стимулом для разработки международно-правового документа, нацеленного на предотвращение и подавление насилия и хулиганского поведения зрителей во время спортивных мероприятий. Речь идет о финальном матче Кубка европейских чемпионов между итальянским «Ювентусом» и английским «Ливерпулем», который проходил на стадионе бельгийского города Хейзел 29 мая 1985 г. Ещё до начала игры между итальянскими тиффози и английскими фанатами произошло столкновение, переросшее в кровавую трагедию.

Беспорядки начались ещё перед матчем. Их причиной стали многочисленные локальные стычки между английскими и итальянскими фанатами, в том числе между теми из них, которые расположились в «нейтральном секторе». Кто именно начал драку, осталось невыясненным, и обе стороны того конфликта до сих пор винят друг друга. Организаторы матча не учли эти столкновения и не отделили болельщиков соперничающих команд. Полиция бездействовала. Среди итальянцев началась паника, они побежали. Толпа надавила на разделяющий сектора кирпичный барьер, и он обрушился, не выдержав людского напора³. В результате трагедии погибли 39 человек, 32 из которых были итальянцами, 4 – бельгийцами, 2 – французами и 1 – ирландцем. Около 600 человек получили ранения. Ответственность за кровавую драму лежит не только на болельщиках, но и на УЕФА, разрешившем проводить матчи на обветшавшей арене. «Хейзел» не отвечал требованиям безопасности. Не была готова и бельгийская полиция, но наказали исключительно англичан. УЕФА наложил запрет на выступление в турнирах, организуемых этим органом, всех клубов Англии в течение пяти лет (на сборную это не распространялось).

Это далеко не единственный случай массовой гибели болельщиков в результате беспорядков. Так, 16 октября 1996 г. в Гватемале состоялся матч отборочного турнира чемпионата мира-98 Гватемала – Коста-Рика. В беспорядках, сопутствовавших матчу, погибло 82 человека. 14 сентября 2008 г. в Бутембо (Демократическая Республика Конго) во время матча внутреннего чемпионата Демократической Республики Конго между клубами «Сокозаки» и «Ниуки» голкипер клуба «Ниуки» начал колдовать во время матча. Голкипер (его имя не называется) выбежал на поле и попытался наложить на соперников из команды «Сокозаки» чары, которые должны были помочь «Ниуки» одержать победу. В результате его действий между футболистами началась драка, которая спровоцировала беспорядки среди болельщиков. Полицейские применили

против болельщиков слезоточивый газ. В результате беспорядков 11 человек погибли, еще несколько получили ранения. 1 февраля 2012 г. в Порт-Саид, матч между клубами «Аль-Масри» и «Аль-Ахли», в котором хозяева одерживали победу со счётом 3:1, завершился массовым нападением зрителей на группу поддержки соперников, а затем – на тренерский штаб и игроков проигравшей команды. Драка началась в конце матча, выбежавших на поле болельщиков попытались сдерживать силы полиции. В результате инцидента 73 человека погибли, ранения получили более тысячи человек. Футбольная федерация Египта заявила, что откладывает матчи египетской премьер-лиги на неопределенный срок⁴.

Насилие в спорте является серьезной социальной проблемой наших дней, причины которой в основном находятся за пределами спорта. Именно события в Хейзеле–насилие и хулиганские действия зрителей во время спортивных мероприятий, а также вытекающие из этого последствия побудили Совет Европы разработать первую Европейскую конвенцию о предотвращении насилия и хулиганского поведения зрителей во время спортивных мероприятий, и в частности футбольных матчей, которая вступила в силу 1 ноября 1985 г.

В Конвенции отмечается важность вклада, который вносит спорт в международное взаимопонимание; во взаимодополняемость ответственности государственной власти и независимых спортивных организаций в борьбе против насилия и хулиганского поведения зрителей, поскольку спортивные организации имеют также обязательства в вопросах безопасности и, в более широком плане, должны обеспечивать нормальное проведение организуемых ими мероприятий.

В соответствии со ст. 1 целью Конвенции является предотвращение и подавление насилия и хулиганского поведения зрителей во время футбольных матчей и других спортивных соревнований по другим видам спорта, с учетом особых требований последних, в отношении которых существуют опасения насилия или хулиганского поведения. Государства-участники Конвенции обязаны принимать все необходимые меры для имплементации своих международных обязательств в национальном законодательстве. Определяющим в данном случае является принцип *pactasuntservanda* (договоры должны соблюдаться).

Успех борьбы с насилием и хулиганским поведением в спорте в значительной степени зависит от координации сотрудничества по этим вопросам на национальном (уровень министерств, правительственных агентств и спортивных организаций) и международном уровнях. Это положение отражено в ст. 2 Конвенции, которая гласит: «Стороны координируют политику и действия, предпринимаемые их министерствами и другими государственными органами, по борьбе с насилием и хулиганским поведением зрителей посредством создания, в случае необходимости, органов по координации».

Борьба с актами насилия и хулиганским поведением в спорте требует координации усилий государств-участников Конвенции в принимаемых мерах, которые имеют своей целью: обеспечение мобилизации в достаточном объеме сил по поддержанию порядка для противодействия актам насилия и хулиганским действиям как на стадионах, так и в непосредственной близости от них, а также вдоль путей следования зрителей; содействие тесному сотрудничеству и обмену соответствующей информацией между задействованными силами полиции различных населенных пунктов или теми силами,

3 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ru.wikipedia.org/wiki/>.

4 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://ru.wikipedia.org/wiki/Список_трагедий_на_футбольных_стадионах_мира

которые могут быть задействованы; применение или, в случае необходимости, принятие законодательства, предусматривающего соответствующие наказания или, в случае необходимости, соответствующие административные меры для лиц, признанных виновными в совершении правонарушений, связанных с насилием или хулиганскими действиями зрителей.

Особое внимание в Конвенции уделяется роли клубов болельщиков в обеспечении общественного порядка во время проведения спортивных мероприятий. В связи с этим государства-участники Конвенции взяли на себя обязательства поощрять организованность и хорошее поведение клубов болельщиков и назначать из их числа представителей, призванных содействовать контролю и информированию зрителей по случаю матчей, сопровождать группы болельщиков, выезжающих на матчи, проходящие в других местах.

В Конвенции с определенной оговоркой делается акцент на желательность, при наличии юридических возможностей, координации в вопросах организации поездок при сотрудничестве клубов организованных болельщиков и бюро путешествий в местах выезда зрителей, с тем чтобы не допустить выезда и присутствия на матчах потенциальных зачинщиков беспорядков.

Борьба с насилием и хулиганским поведением должна быть системной. Для придания этой борьбе системности требуется разработка и принятие нормативно-правовых актов разных уровней, регламентирующих спортивно-правовые отношения и включающих санкции за их несоблюдение или другие надлежащие меры. Такая совокупность нормативно-правовых актов необходима для того, чтобы спортивные организации и клубы, а также, в случае необходимости, хозяева стадионов и государственные власти на основе полномочий, установленных внутренним законодательством, могли предпринимать конкретные действия вокруг стадионов и на стадионах для предупреждения или подавления насилия или хулиганских поступков.

Системность такой борьбы предполагает также решение технических вопросов. К их числу относятся: проектирование и планирование стадионов таким образом, чтобы они гарантировали безопасность зрителей, не способствовали насилию среди них, позволяли обеспечивать эффективный контроль за толпой; установка соответствующих ограждений или перекрытий, которые позволяют обеспечить вмешательство служб безопасности и сил правопорядка.

Для групп приезжающих болельщиков должны выделяться отдельные трибуны, отделенные от групп болельщиков команд-соперников. Такое разделение должно обеспечиваться в обязательном порядке, в том числе и за счет строгого контроля за продажей билетов и особых мер предосторожности в период, непосредственно предшествующий матчу.

В среде болельщиков всегда есть известные и потенциальные зачинщики беспорядков. В значительной степени безопасность спортивных мероприятий зависит от доступности и достоверности информации о таких лицах. Безопасность на спортивных мероприятиях должна являться приоритетом, поэтому государства-участники Конвенции должны формировать правовые основы, достаточные для того, чтобы выводить со стадионов и с матчей или не пропускать на них таких лиц, а также лиц, находящихся в состоянии алкогольного опьянения или наркотического воздействия.

Серьезную озабоченность вызывают случаи применения болельщиками предметов, которые представляют опасность не только для здоровья, но и для жизни зрителей и спортсменов. В Конвенции содержится однозначно понимаемое тре-

бование обеспечивать контроль засоблюдением зрителями запрета проносить на стадионы предметы, которые можно использовать для актов насилия, а также пиротехнических средств или других подобных предметов.

Неверным было бы понимать борьбу с насилием и хулиганским поведением на спортивных мероприятиях как некую техническую работу. Проектирование и планирование, логистические решения, контрольные мероприятия должны обеспечиваться надлежащими мерами в социальной области и области образования. Бесспорную важность для предупреждения насилия в спорте или во время спортивных мероприятий имеют средства массовой информации, которые могут содействовать утверждению спортивных идеалов путем проведения образовательных и других кампаний, закреплению понятий честной игры, в особенности среди молодежи, в целях содействия взаимному уважению как среди зрителей, так и среди спортсменов, а также поощрению более широкого активного участия в спортивной деятельности.

Проблема насилия и хулиганского поведения на спортивных мероприятиях вышла за пределы национальных границ, но по содержанию, набору средств и методов, которые должны применяться для борьбы с ней, она является универсальной, и фактор международного сотрудничества играет здесь очень важную роль.

Статья 4 Конвенции обязывает государства-участников осуществлять тесное сотрудничество в областях, охватываемых Конвенцией, и поощрять аналогичное сотрудничество, в случае его целесообразности, между заинтересованными национальными спортивными властями.

Важным условием предупреждения актов насилия и хулиганства во время подготовки и проведения спортивных мероприятий является обмен информацией между заинтересованными сторонами. Статья 4 Конвенции предписывает заинтересованным сторонам перед началом международных матчей или соревнований между представителями клубов или командами предлагать своим компетентным властям, в частности спортивным организациям, указывать матчи, в связи с которыми следует опасаться актов насилия или хулиганского поведения зрителей.

Обмен информацией должен носить заблаговременный характер, и он предполагает проведение консультаций, выработку мер предосторожности и издание распоряжений, которые необходимо принять до и после матча, в том числе тех, которые не предусмотрены в Конвенции.

Важной является проблема установления личностей нарушителей и обращения с ними. Стороны, соблюдая существующие правовые процедуры и принципы независимости судебной власти, должны стремиться обеспечить, чтобы личность зрителей, совершающих акты насилия и другие наказуемые действия, была установлена, и они преследовались в соответствии с законом. Речь идет, прежде всего, о праве на справедливое судебное разбирательство, которое включает в себя:

- соблюдение принципов презумпции невиновности;
- право обвиняемого знать, в чем он обвиняется, и быть подробнейшим образом уведомленным о том, в чем он обвиняется;
- предоставление достаточного времени и возможностей для своей защиты;
- право допрашивать свидетелей и выбирать себе защитника или защищать себя лично;
- соблюдение во время судебного разбирательства принципа равенства сторон обвинения и защиты.

Конвенция предписывает в надлежащем случае в том, что касается присутствующих зрителей, с соблюдением международных Обязательств государствам-участникам предусматривать⁵:

- передачу судебного разбирательства, начатого в отношении лиц, задержанных в связи с актами насилия и другими наказуемыми действиями, совершенными во время спортивных мероприятий, стране, в которой проживают эти лица;
- требование о выдаче лиц, подозреваемых в совершении актов насилия или других наказуемых действий, совершенных в ходе спортивных мероприятий;
- передачу лиц, признанных виновными в насильственных действиях или других наказуемых актах, совершенных в ходе спортивных мероприятий, соответствующей стране для отбытия там наказания.

Конвенция предусматривает создание органа для реализации ее целей – Постоянного комитета (ст. 8). В его состав входят представители государств-участников Конвенции от одного до нескольких человек, но с правом одного голоса. В состав Постоянного комитета могут входить также по одному представителю в качестве наблюдателя любого государства-члена Совета Европы или участника Европейской конвенции по вопросам культуры, не являющегося участником Конвенции о предотвращении насилия и хулиганского поведения.

Постоянный комитет созывается на заседания Генеральным секретарем Совета Европы не реже одного раза в год, а также по просьбе большинства государств-участников, в случае необходимости. Постоянный комитет устанавливает свои внутренние правила и принимает их путем консенсуса. Кворум для проведения заседаний составляет простое большинство.

Европейская конвенция 1985 г. о предотвращении насилия и хулиганского поведения зрителей во время спортивных мероприятий, в частности футбольных матчей, способствовала сокращению случаев насилия среди зрителей – особенно на стадионах – и продолжает служить ориентиром для сотрудничества в этой области в Европе.

Поиски решения проблемы насилия и хулиганского поведения на спортивных мероприятиях является следствием социальных проблем, решение которых не может быть найдено исключительно в области спорта.

В 2012 г. в российском футболе произошла серия скандалов, связанных с насилием, хулиганскими действиями, и срывами матчей. Один из последних и известных случаев имел место во время матча команд «Динамо» (Москва) и «Зенит» (Санкт-Петербург), во время которого серьезную физическую и психологическую травму получил голкипер команды «Динамо».

Этот скандал был последним побудительным толчком к внесению в Государственную Думу РФ проекта федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с обеспечением общественного порядка и общественной безопасности при проведении официальных спортивных соревнований», который получил неофициальное название «Закон о болельщиках». По существу он является актом имплементации международных

обязательств России как государства-участника Европейской конвенции 1985 г. о предотвращении насилия и хулиганского поведения зрителей во время спортивных мероприятий, в частности футбольных матчей.

В проекте закона определяется понятие «зрители», их права и обязанности, регламентируются меры безопасности во время массовых спортивных мероприятий, в том числе проверка болельщиков при входе на стадионы, предусматривается наказание за нарушение общественного порядка во время соревнований в виде 100–200 часов общественных работ. За срыв матча фанатами предусматривается штраф от 1 до 2 тысяч рублей или арест на 15 суток. С принятием проекта закона может быть установлен административный запрет на посещение соревнований на срок до одного года. Следить за безопасностью на матчах могут обязать собственников спортивных объектов.

В Пояснительной записке к проекту Федерального закона «О внесении изменений в Федеральный закон «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» его авторы отметили, что основной целью законопроекта является обеспечение общественного порядка и общественной безопасности на стадионах, которой можно достичь только выстроив четкую, понятную, открытую систему взаимоотношений между всем сторонами, в том или ином качестве участвующими в спортивном соревновании⁶.

Законопроект также ставит цель определения механизмов взаимодействия, разграничения ответственности и создания атмосферы взаимного уважения и доверия, способности к компромиссным решениям при строгом соблюдении законодательства спортивными ассоциациями, спортивными клубами, организаторами спортивных соревнований, зрителями, спортивными болельщиками и сотрудниками полиции.

По мнению авторов законопроекта, система обеспечения общественного порядка и общественной безопасности на спортивных соревнованиях должна иметь два уровня.

Первый уровень – стратегический: воспитание культуры поведения болельщиков и зрителей. Данную работу должны проводить спортивные клубы. Они обязаны стать местом работы со зрителями и болельщиками.

Второй уровень – тактический: обеспечение порядка и безопасности на конкретном спортивном соревновании, на определенном объекте спорта. Указанная функция возлагается на организаторов спортивного соревнования. Для этих целей законопроект закрепляет обязанности организатора спортивного соревнования, в том числе определять порядок организации и правила проведения спортивного соревнования в соответствии с законодательством Российской Федерации; разрабатывать совместно с сотрудниками полиции, представителями спортивных клубов и клубов болельщиков план обеспечения общественного порядка и общественной безопасности на спортивном соревновании; организовывать координационный штаб по обеспечению общественного порядка и общественной безопасности на спортивном соревновании с участием стюардов, представителей спортивных клубов, клубов болельщиков, поддерживающих разные спортивные команды⁷.

5 Европейская конвенция о предотвращении насилия и хулиганского поведения зрителей во время спортивных мероприятий и, в частности футбольных матчей от 19 августа 1985 г. // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://conventions.coe.int/Treaty/rus/Treaties/Html/120.htm>.

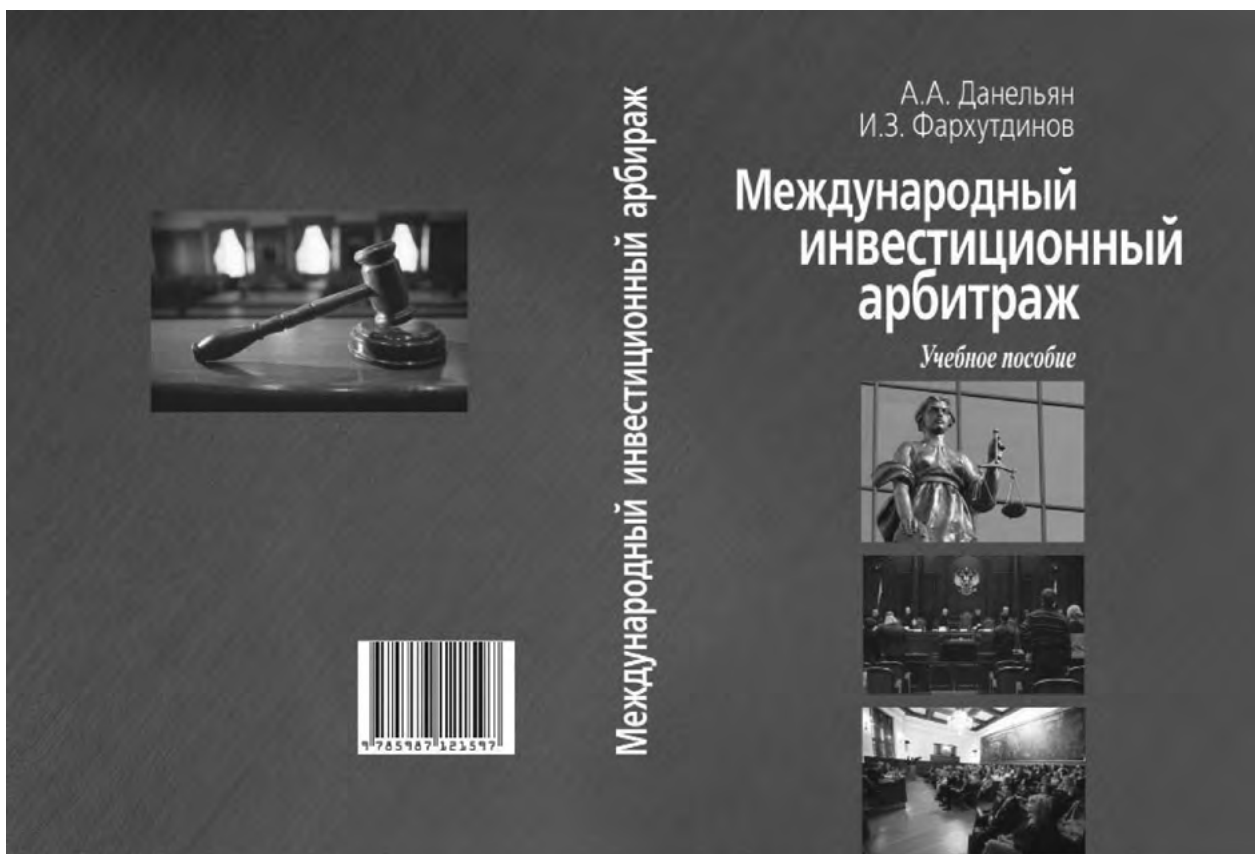
6 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://static.consultant.ru/obj/file/doc/fz_251212.pdf Проект Федерального закона «О внесении изменений в Федеральный закон «О физической культуре и спорте в Российской Федерации».

7 См. там же.

Борьба с насилием и хулиганским поведением в спорте требует объединения усилий всех заинтересованных сторон. На Международной конференции, состоявшейся в Брюсселе в ноябре 2007 г. по инициативе Европейской комиссии, Совета Европейского Союза, Европейского Парламента и УЕФА под лозунгом: «Навстречу стратегии ЕС по борьбе с насилием в спорте», вице-президент Еврокомиссии Ф. Фраттини отметил: «Очевидно, что насилие в спорте не приносит ничего, кроме ущерба. Мы должны сделать все возможное, чтобы искоренить насилие. Но, действуя своими силами, ни одна из стран не сумеет найти наилучшее решение по борьбе с хулиганством и насилием в спорте. Еврокомиссия может объединить усилия органов правопорядка, судебной власти, спортивных федераций и организаций болельщиков. Таким образом, мы сможем мирно наслаждаться спортом»⁸.

Пристайный библиографический список

- [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://conventions.coe.int/Treaty/rus/Treaties/Html/120.htm> Европейская конвенция о предотвращении насилия и хулиганского поведения зрителей во время спортивных мероприятий, и в частности футбольных матчей от 19 августа 1985 г.
- [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ru.uefa.com/uefa/stakeholders/europeanunion/news/newsid=628165.html>
- ЕС и УЕФА против хулиганства. Опубликовано: среда, 28 ноября 2007, 18.35СЕТ [Электронный ресурс]. – Режим доступа:
- <http://ru.uefa.com/uefa/stakeholders/europeanunion/news/newsid=628165.html>.
- [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://historystudies.org/2012/07/kuzishhin-v-i-drevnie-olimpijskie-igry-kak-mirotvorcheskij-faktor/> Кузищин В.И. Древние Олимпийские игры как миротворческий фактор.
- [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://ru.wikipedia.org/wiki/Список_трагедий_на_футбольных_стадионах_мира
- [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ru.wikipedia.org/wiki/Трагедия-на-Эйзеле>.
- [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://static.consultant.ru/obj/file/doc/fz_251212.pdf Проект Федерального закона «О внесении изменений в Федеральный закон «О физической культуре и спорте в Российской Федерации».
- Drees L. Olympia: Gods, Artists and Athletics. – N. Y., 1968.

⁸ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ru.uefa.com/uefa/stakeholders/europeanunion/news/newsid=628165.html>

Азизян В. Г., Журавленко Н. И.
ИССЛЕДОВАНИЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗРАБОТКИ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ
ХАРАКТЕРИСТИКИ КОМПЬЮТЕРНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

В статье исследуются актуальные проблемы разработки криминалистической характеристики компьютерных преступлений. В ней рассмотрены такие элементы криминалистической характеристики этих преступлений, как «информация» и «компьютерная информация», «машинный носитель информации», а также механизм идентификации компьютерной информации, данные о способе и механизме совершения компьютерных преступлений, об обстановке совершения преступления и о личности субъекта преступления. Знание этих элементов позволит сформировать представление о самом деянии, личности субъекта преступления, иных значимых обстоятельствах, что обеспечит успешное решение задач предупреждения, раскрытия и расследования компьютерных преступлений.

Ключевые слова: компьютерные преступления, криминалистическая характеристика, компьютерная информация, охраняемая законом информация, модель преступления, хакер, взлом.

Azizyan V. G., Zhuravlenko N. I.
STUDY OF THE PROBLEM OF DESIGN OF CRIMINALISTICS CHARACTER
OF CYBERCRIME

The article examines the current problems of the development of criminalistic characteristics of computer crimes. It examines such elements of forensic characteristics of these crimes as «information» and «computer information», «machine-readable medium» and a mechanism to identify the computer information, data on method and mechanism of committing computer crimes, about the crime situation and the identity of the subject crime. Knowledge of these elements will form an exposure of the act, the personality of the subject of a crime, other significant circumstances that ensure the success of the task of prevention, detection and investigation of computer crimes.

Keywords: computer crimes, forensic characteristics, computer information, information, protected by law, model of crime, hacker, hacking.

Как известно, криминалистическая характеристика преступления представляет собой систему описания криминалистически значимых признаков вида, группы и отдельно взятого криминального деяния, проявляющихся в особенностях способа, механизма и обстановки его совершения. Эта система призвана сформировать представление о самом этом деянии, личности субъекта, иных значимых обстоятельствах. Она имеет своей целью обеспечить успешное решение задач предупреждения, раскрытия и расследования преступлений.

Наиболее важными, базовыми в этой характеристике являются понятия «информация» и «компьютерная информация». В описании объекта преступного воздействия при совершении преступлений данного вида уголовный закон использует 3 различные формулировки, относящиеся к термину информация: «охраняемая законом компьютерная информация» (ст. 272 УК РФ); «информация» (ст. 273 УК РФ); «охраняемая законом информация ЭВМ» (ст. 274)¹.

С точки зрения криминалистики компьютерная информация – это сведения о лицах, предметах, фактах, событиях, явлениях и процессах независимо от формы их представления, находящиеся на машинном носителе, в электронно-вычислительной машине (ЭВМ), системе ЭВМ или их сети. Иными словами, это сведения, циркулирующие в вычислительной среде, зафиксированные на физическом носителе в форме, доступной восприятию ЭВМ, или передающиеся по каналам электросвязи посредством электромагнитных сигналов из од-

Азизян В. Г.

Журавленко Н. И.

ной ЭВМ в другую, из ЭВМ на периферийное устройство, либо на управляющий датчик оборудования.

Необходимо особо подчеркнуть, что компьютерная информация рассматривается также как совокупность формализованных сведений (знаний), предназначенных для передачи. Не является существенным, если информация не передается. Важно, что информация, предназначенная для передачи, всегда имеет определенную форму представления и отражается на конкретном носителе. Вне носителя она просто не может существовать.

Машинный носитель информации – это любое техническое устройство либо физическое поле, предназначенное для фиксации, хранения, накопления, преобразования и передачи компьютерной информации.

Основные криминалистические особенности компьютерной информации заключаются в следующем:

1) она достаточно просто и быстро преобразуется из одной объектной формы в другую, копируется на различные виды машинных носителей и пересылается на любые расстояния, ограниченные только радиусом действия современных средств электросвязи;

2) при изъятии компьютерной информации, в отличие от изъятия материального предмета, она сохраняется в первоисточнике, т. к. доступ к ней могут одновременно иметь несколько лиц (например, при работе с информацией, содержащейся в одном файле, доступ к нему могут одновременно иметь несколько пользователей сети ЭВМ).

1 Мелик Э. Компьютерные преступления: Информационно-аналитический обзор [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.melik.narod.ru/glava_2.html

Выделяется два основных вида компьютерной информации – общего пользования (общедоступная) и охраняемая законом (с ограниченным доступом).

К сведениям с ограниченным доступом относится та компьютерная информация, которая удовлетворяет двум обязательным условиям:

– она должна быть документированной – зафиксированной на материальном носителе, с реквизитами, позволяющими ее идентифицировать;

– доступ к такой информации должен ограничиваться в соответствии с законодательством Российской Федерации.

Конфиденциальная компьютерная информация всегда будет чужой для лица, не имеющего к ней доступа на законных основаниях, либо получившего его без соблюдения установленного порядка, с нарушением правил ее защиты².

Вместе с тем анализ содержания ст. 273 УК РФ, где при упоминании термина «информация» не употребляется ссылка на ее охраняемый статус, показывает, что в случае осуществления действий с вредоносными программами для ЭВМ уголовно-правовой защите подлежит любая информация, независимо от того, документирована она или нет, имеет ли она собственника или предназначена для использования неограниченным кругом лиц. Тем самым подчеркивается особая общественная опасность манипулирования вредоносными программами.

При совершении же двух других преступлений в сфере компьютерной информации, фигурирующих в статьях 272 и 274 УК РФ, уголовно-правовой защите подлежит только документированная информация, способ использования которой должен быть установлен ее собственником.

Предметом преступного воздействия может быть также информация в виде программных средств, обеспечивающих правильную работу компьютерной техники. Однако это обстоятельство не нашло отражения в научных комментариях УК РФ. Тем не менее известные случаи противоправного проникновения в ЭВМ показывают, что для воздействия на информацию злоумышленники обычно вынуждены, прежде всего, изменять различными способами программные средства (или порядок их работы), обеспечивающие взаимодействие устройств ЭВМ между собой и с пользователем. Воздействие данного вида осуществляется на операционные системы и сервисные программы, обеспечивающие коммуникационные задачи.

Вопрос об отнесении программ к категории компьютерной информации требует дополнительных пояснений. Дело в том, что программа для ЭВМ фактически имеет двойственную природу: с одной стороны, она является инструментом воздействия на информацию, а с другой – как совокупность команд и данных – сама представляет собой определенную информацию. С криминалистической точки зрения программа, хранящаяся в ЭВМ, как и всякий иной ограниченный объем сведений, может быть подвергнута любому из воздействий, предусмотренных уголовным законом (уничтожение, модификация, блокирование и др.). Нельзя не видеть, что программа для ЭВМ обладает и совокупностью признаков, характерных для документированной информации, и прямо охраняется соответствующими законами. Статья 273 УК РФ предусматривает и специальный случай неправомерного до-

ступа к компьютерной информации – внесение изменений в существующие программы.

На основании вышеизложенного можно сделать обобщенный вывод о том, что компьютерная информация – это сведения, знания или набор команд (программа), предназначенные для использования в ЭВМ или управления ею, находящиеся в ЭВМ или на машинных носителях, представляющие собой идентифицируемый элемент информационной системы и имеющие собственника, установившего правила их использования.

Механизм идентификации компьютерной информации не нашел своего отражения в законодательстве. Вместе с тем, криминалистам, осуществляющим поисково-познавательную деятельность, для получения доказательств, используемых в уголовном процессе, необходимо иметь четкое представление об идентификационных признаках подобной информации.

Следует напомнить, что криминалистический вопрос о тождестве решается с помощью установления индивидуальности и относительной устойчивости признаков идентифицируемых объектов. Под индивидуальностью объекта понимается его безусловное отличие от любых других объектов. Под устойчивостью его признаков – способность на протяжении длительного времени сохранять относительно неизменными свои существенные свойства.

Для информации, обрабатываемой компьютерными устройствами, одним из базовых является понятие файла. Под файлом принято понимать ограниченный объем информации, существующий физически в ЭВМ, системе ЭВМ или в сетях ЭВМ. Все операции, производимые компьютерной техникой, осуществляются над файлами, и именно они, как правило, являются хранителями информации. Для файлов, обрабатываемых компьютером, характерны следующие стандартные свойства:

- тип информации – текстовая, числовая, графическая и др.;
- местонахождение информации – описание места расположения на временном или постоянном носителе и указание типа носителя;
- наименование файла – символьное описание названия;
- размер (объем) хранимой информации (количество страниц, абзацев, строк, слов, символов или байт);
- время создания, время изменения;
- атрибуты информации (архивная, скрытая, системная, только для чтения и др.).

Факультативными признаками файла могут являться: тема; автор, создавший или изменивший информацию; группа, в которую включен данный файл; ключевые слова, заметки автора или редактора и т. д.

Приведенный набор свойств позволяет говорить о наличии необходимых с точки зрения криминалистики свойств файлов, позволяющих идентифицировать как их самих, так и содержащуюся в них информацию.

Важными элементами криминалистической характеристики компьютерных преступлений являются данные о способе и механизме их совершения. Под способом совершения преступления в криминалистике понимают объективно и субъективно обусловленную систему поведения субъекта до, в момент и после совершения преступления, оставляющего различного рода характерные следы, позволяющие с помощью криминалистических приемов и средств получить представление о сути происшедшего, своеобразии преступного поведения правонарушителя, его отдельных личностных данных и, собственно, определить наиболее оптимальные пути раскрытия преступления.

2 Криминалистическая характеристика преступлений в сфере компьютерной информации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.cyberpol.ru/public/metodica_vehov-p1.doc

Иными словами, способ совершения преступления складывается из комплекса специфических действий правонарушителя по подготовке, совершению и маскировке своих действий, представляющих в информационном плане своеобразную модель преступления.

Способ совершения преступления всегда является результатом совокупного действия значительного числа факторов. Чем больше будут они проявляться в действиях, тем больше следов будет оставлять преступник и тем большей информацией будут располагать следователь и оперативный работник для выдвижения следственных и розыскных версий.

Применительно к рассматриваемой проблеме наибольшую ценность будут представлять следы, указывающие на то, каким образом преступник осуществил следующие действия:

- как попал на место преступления, покинул его, преодолел различного рода преграды, использовал свое служебное положение, выполнил намеченную преступную цель;

- какие навыки, знания, физические усилия применил, пытался ли (или не пытался) скрыть следы совершенного деяния;

- следы, свидетельствующие о характере связи преступника с предметом преступного посягательства и др.

В уголовно-правовой характеристике способ совершения преступления представлен в общем виде, например, способ открытого или тайного похищения, проникновение в помещение и т. д., и для нее безразличны приемы тайного похищения, конкретные способы проникновения в помещение и т. п. С криминалистической же точки зрения способ совершения преступления всегда конкретен и у него имеется немало таких особенностей и нюансов, которые имеют важное следственно-оперативное значение. Среди них можно выделить следующие: распространенность данного способа; конкретные приемы его применения; используемые при этом технические и иные средства; их конструктивные особенности, методы использования при подготовке и исполнении преступления, а также сведения о том, как подготавливается преступление, каким образом проводятся тренировки, как и где изготавливаются или приспособляются необходимые орудия и другие технические средства совершения преступления, каковы источники их получения и т. п.

В настоящее время в отечественной и зарубежной криминалистической науке не существует сколько-нибудь определенных понятий в вопросах характеристики способов совершения компьютерных преступлений, их конкретных названий и классификации. Эта проблема настолько нова для теории и практики правоохранительной деятельности, что находится пока лишь в стадии осмысления и теоретических разработок. В особой мере это касается отечественной криминалистической науки, которая всерьез стала заниматься этими вопросами лишь с начала 90-х гг., тогда как зарубежные исследователи – примерно с конца 70-х гг. XX в.

У наших зарубежных коллег в этом плане уже имеется ряд ценных с научной и практической точек зрения разработок, которые необходимо использовать при изучении и решении аналогичных вопросов в отечественной криминалистической науке с учетом определенных реалий нашего общества. В настоящее время в юридической литературе высказываются различные точки зрения относительно выделения, классификации и названия способов совершения компьютерных преступлений. Обратимся к результатам опроса, проводившегося Американским национальным институтом компьютерной безопасности и ФБР относительно наиболее распространенных компьютерных преступлений. В опросе было учтено мнени-

ние только тех 269 компаний, которые сумели дать реальную экономическую оценку своим потерям вследствие совершения подобных деяний. Среди наиболее распространенных преступлений фигурировали: финансовое мошенничество (средний ущерб \$957 387 в год); кража конфиденциальной информации (\$954 666); мошенничество, касающееся средств связи (\$647 437); несанкционированный доступ (\$181 436); диверсия (\$164 840); проникновение в систему (\$132 250).

Основными способами несанкционированного получения информации, сформулированными в зарубежной печати, являются: применение подслушивающих устройств (закладок); дистанционное фотографирование; перехват электронных излучений; мистификация (маскировка под запросы системы); перехват акустических излучений и восстановление текста принтера; хищение носителей информации и производственных отходов (сбор мусора); считывание данных из массивов других пользователей; копирование носителей информации с преодолением мер защиты; маскировка под зарегистрированного пользователя; использование программных ловушек; незаконное подключение к аппаратуре и линиям связи; вывод из строя механизмов защиты и др.

В связи с отсутствием аналогичных отечественных статистических данных по рассматриваемому кругу вопросов можно с определенной степенью достоверности оперировать данными зарубежных исследований применительно к отечественной практике. Тем более что материалы конкретных уголовных дел подтверждают правоту выводов, сделанных зарубежными исследователями. На основе анализа конкретных уголовных дел по преступлениям, совершенным с использованием средств компьютерной техники, а также изучения специальной литературы можно выделить свыше 20 основных способов совершения компьютерных преступлений и около 40 их разновидностей, число которых постоянно увеличивается в связи с использованием преступниками их различных комбинаций и логической модификацией алгоритмов.

Все способы совершения компьютерных преступлений классифицируются по пяти основным группам. Причем в качестве основного классифицирующего признака выступает метод использования преступником тех или иных действий, направленных на получение доступа к средствам компьютерной техники с различными намерениями. Руководствуясь этим признаком, криминалисты предлагают подход, согласно которому выделяются следующие классификационные группы: 1) изъятие средств компьютерной техники (далее – СКТ); 2) перехват информации; 3) несанкционированный доступ к СКТ; 4) манипуляция данными и управляющими командами; 5) комплексные методы. Рассмотрим их более подробно.

К первой группе относятся традиционные способы совершения обычных видов («некомпьютерных») преступлений, в которых действия преступника направлены на изъятие чужого имущества. Под чужим имуществом в данном случае понимаются средства компьютерной техники. С уголовно-правовой точки зрения подобные преступления будут квалифицироваться соответствующими статьями Уголовного кодекса, например, шпионаж, хищение, разбой, вымогательство и т. п. Характерной чертой данной группы способов совершения компьютерных преступлений является то обстоятельство, что в данном случае средства компьютерной техники выступают только в качестве предмета преступного посягательства, а в качестве орудий совершения преступления (если таковые применяются) используются иные инструменты, технические устройства и приспособления, не являющиеся средствами компьютерной техники.

Ко второй группе относятся способы совершения компьютерных преступлений, основанные на действиях преступника, которые направлены на получение данных и машинной информации посредством использования методов аудиовизуального и электромагнитного перехвата. Необходимо отметить, что в данной и последующих группах способов средства компьютерной техники будут выступать в качестве как предмета, так и орудия совершения преступного посягательства.

К третьей группе относятся действия преступника, направленные на получение несанкционированного доступа к средствам компьютерной техники.

К четвертой группе относятся действия подозреваемых, связанные с использованием методов манипуляции данными и управляющими командами средств компьютерной техники.

К пятой группе относятся комплексные методы, под которыми понимается использование подозреваемым двух и более вышеуказанных способов, а также их различных комбинаций.

Одним из элементов криминалистической характеристики являются данные об обстановке совершения преступления. Под обстановкой совершения преступления понимается система различного рода взаимодействующих между собой до и в момент совершения преступления объектов, явлений и процессов, характеризующих место, время, вещественные, природно-климатические, производственные, бытовые и иные условия окружающей среды, особенности поведения не прямых участников противоправного события, психологические связи между ними и другие факторы объективной реальности, определяющие возможность, условия, обстоятельства совершения преступления.

Обстановка совершения преступлений в сфере компьютерной информации характеризуется рядом специфических факторов. Прежде всего, следует отметить, что эти преступления связаны с нарушением установленного порядка профессиональной деятельности, о чем подозреваемым должно быть хорошо известно, поскольку они, как правило, в совершенстве владеют не только специальными навыками в сфере управления ЭВМ и ее устройствами, но и специализированными знаниями, касающимися обработки информации в информационных системах. Кроме того, они, как правило, достаточно хорошо разбираются в финансовой, банковской, налоговой и некоторых других видах деятельности. Поэтому вопросы установления умысла при квалификации соответствующих противоправных деяний должны решаться следствием вполне однозначно.

Существенной проблемой в данном случае является характерное для большинства фактов покушения на целостность и конфиденциальность информации разнесение в пространстве и во времени моментов совершения преступления и наступления общественно-опасных последствий. Криминалистические методы раскрытия и расследования этих видов преступной деятельности могут быть эффективными лишь при условии проведения активных оперативно-следственных мероприятий, как на межрегиональном, так и межгосударственном уровне – в случаях, когда подозреваемые используют средства международного информационного обмена.

В силу действия отмеченных пространственно-временных факторов возникает также и сложная для решения проблема доказывания причинной связи между действиями лица и наступившим негативным результатом.

Важную роль в криминалистической характеристике компьютерного преступления играют данные о личности субъекта преступления. Выделение типовых моделей различных категорий подозреваемых, знание основных черт этих лю-

дей позволяет оптимизировать процесс выявления круга лиц, среди которых целесообразно вести их поиск и точнее определять способы установления и изобличения конкретных правонарушителей.

Уголовный кодекс РФ разделил «компьютерных преступников» на следующие категории:

- лица, осуществляющие неправомерный доступ к компьютерной информации;
- лица, осуществляющие неправомерный доступ к компьютерной информации в группе по предварительному сговору или организованной группой;
- лица, осуществляющие неправомерный доступ к компьютерной информации с использованием своего служебного положения;
- лица, имеющие доступ к ЭВМ, но осуществляющие неправомерный доступ к компьютерной информации или нарушающие правила эксплуатации ЭВМ;
- лица, создающие, использующие и распространяющие вредоносные программы.

Уголовной ответственности по УК РФ за преступления рассматриваемого вида подлежат вменяемые лица, достигшие 16 лет.

Сам факт появления компьютерной преступности в обществе многие исследователи связывают с появлением т. н. «хакеров» (англ. «hack» – рубить, кромсать) – пользователей вычислительной системы (обычно сети ЭВМ), занимающихся поиском незаконных способов получения несанкционированного доступа к СКТ и содержащимся в них данным в совокупности с их несанкционированным использованием в корыстных целях. К хакерам относятся увлеченные компьютерной техникой лица, преимущественно из числа молодежи – школьники и студенты, совершенствующиеся на взломах различных защитных систем СКТ. Из публикаций, характеризующих этих лиц, следует, что хакер – очень способный молодой человек, работающий за дисплеем по 12–16 часов подряд, до полного изнеможения. Его внешний вид свидетельствует о том, что он не обращает на него внимания и не слишком интересуется мнением окружающих: джинсы, мятая рубашка, нечесаные волосы. Блестяще знает все подробности операционной системы, языка ассемблера и особенности периферийного оборудования.

У одних хакеров основная продукция – маленькие недокументированные системные программы. Обычный метод их создания – «кромсание» чужих программ. После некоторых переделок в текст обычно вставляется экзотическое собственное прозвище. Цель деятельности – создание суперпрограммы (операционной системы, игры, вируса, антивируса, языка программирования и т. п.), которая может «все».

Для других сверхзадача – проникновение в какую-нибудь систему, снятие защиты с этой системы или иного программного продукта.

Третья группа, иногда называемая «информационные путешественники», специализируется на проникновении в чужие компьютеры и сети.

Наконец, четвертая группа – создатели троянских программ и компьютерных вирусов. Впрочем, этих людей уже нельзя назвать хакерами, т. к. «хакерский неформальный кодекс» запрещает использование их знаний во вред пользователям.

У хакеров имеется ряд своих принципов. Их этика в основном сводится к следующему:

- а) компьютеры – инструмент для масс. Они не должны быть собственностью только богатых;

б) информация принадлежит всем. Большинство хакеров начинали с университетской скамьи. Задача университета – создавать и распространять знания, а не держать их в секрете. Хакеры придерживаются этого взгляда независимо от того, являются они студентами или нет;

в) программный код – общее достояние. Хорошим кодом должны пользоваться все, а плохой код должен быть исправлен. Программы не должны быть защищены авторским правом или снабжены защитой от копирования;

г) программирование – это искусство;

д) компьютер – живой организм. За ним нужен уход, им нужно дорожить.

Согласно последним оперативным данным хакеры в России объединены в региональные группы, имеют свои электронные издания (газеты, журналы, электронные доски со срочными объявлениями), проводят электронные конференции, пользуются особым жаргонным словарем. Последний распространяется с помощью компьютерных бюллетеней, в которых также содержатся все необходимые сведения для повышения мастерства начинающего хакера – методики проникновения в конкретные системы и «взлома» их защиты. Российские хакеры тесно контактируют со своими зарубежными коллегами, обмениваясь с ними опытом по глобальным телекоммуникационным каналам.

Все перечисленные характерные особенности можно рассматривать в качестве элементов собирательного образа среднестатистического «компьютерного преступника». Вместе с тем по ряду оснований следует выделить и более самостоятельные, обособленные их группы. Рассмотрим эти группы подробнее.

К первой группе «компьютерных» преступников можно отнести лиц, отличительной особенностью которых является устойчивое сочетание профессионализма в области компьютерной техники и программирования с элементами своеобразного фанатизма и изобретательности. Характерной особенностью представителей этой группы является отсутствие у них четко выраженных противоправных намерений. Практически все криминальные действия совершаются ими в контексте реализации своих интеллектуальных и профессиональных способностей. Они весьма любознательны, обладают незаурядным интеллектом. При этом не лишены некоторого своеобразного озорства и «спортивного» азарта. Нарастающие меры по обеспечению безопасности компьютерных систем ими воспринимаются в психологическом плане как своеобразный вызов личности, их способностям.

К числу особенностей совершения преступления данной категорией лиц можно отнести следующие: 1) отсутствие целеустремленной, продуманной подготовки к преступлению; 2) оригинальность способа совершения преступления; 3) использование в качестве орудий преступления бытовых технических средств и предметов; 4) непринятие мер к сокрытию преступления; 5) совершение ничем не мотивированных действий на месте происшествия.

Относительно близко к рассмотренной группе подозреваемых примыкает и вторая группа, к которой относятся лица, страдающие новым видом психических заболеваний – информационными болезнями или компьютерными фобиями. Изучением природы этих болезней в настоящее время занимается новая, сравнительно молодая отрасль медицины – информационная медицина. По данным специальной комиссии Всемирной организации здравоохранения, негативные последствия для здоровья человека в ходе частой, продолжительной работы с персональным компьютером очевидны

и являются объективной реальностью. Как свидетельствует практика, лица, страдающие указанным видом заболеваний, также могут быть причастны к совершению компьютерных преступлений. Поэтому в процессе их раскрытия и расследования необходимо обязательное назначение специальной судебно-психиатрической экспертизы на предмет установления вменяемости подозреваемого в момент совершения им преступных деяний. Это, в свою очередь, должно повлиять на квалификацию содеянного в ходе судебного разбирательства (преступление, совершенное в состоянии аффекта или лицом, страдающим психическим заболеванием, и т. д.).

Как правило, компьютерные преступления, совершаемые лицами, которые относятся к данной группе, связаны с физическим уничтожением либо повреждением СКТ без наличия преступного умысла, с частичной или полной потерей контроля над своими действиями.

Третью группу составляют профессиональные «компьютерные преступники», обладающие устойчивыми криминальными навыками и четко выраженными корыстными целями. Их криминальные действия, как правило, характеризуются многократностью, а также дальнейшим сокрытием следов преступления.

Подозреваемые, относящиеся к данной группе, обычно являются членами хорошо организованных, мобильных и технически оснащенных преступных групп и сообществ. Это высококвалифицированные специалисты, имеющие высшее техническое образование. Именно эта категория лиц и представляет собой основную угрозу для общества, является кадровым ядром компьютерной организованной преступности как в качественном, так и в количественном плане.

Таким образом, при разработке криминалистической модели компьютерных преступлений следует руководствоваться приведенными рекомендациями, а также использовать опыт осуществления следственной и оперативно-розыскной практики. В дальнейшем на практике специалисты, осуществляющие борьбу с компьютерными преступлениями, ни в коем случае не должны замыкаться в своем корпоративном кругу. Для расширения профессионального кругозора в данной, постоянно совершенствующейся и видоизменяющейся области, необходимо регулярно знакомиться с научными, в том числе и зарубежными, публикациями, участвовать в научно-практических конференциях, обмениваться опытом со своими коллегами, а также приобретать личный исследовательский опыт. Только при этих условиях возможно добиться существенных успехов в работе.

Пристатейный библиографический список:

1. Мелик Э. Компьютерные преступления: Информационно-аналитический обзор [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.melik.narod.ru/glava_2.html
2. Криминалистическая характеристика преступлений в сфере компьютерной информации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.cyberpol.ru/public/metodica_vehov-p1.doc
3. Угланов Ю. А. Некоторые проблемы борьбы с преступлениями в сфере компьютерной информации и возможные пути их решения // Информатизация и информационная безопасность правоохранительных органов: Сборник трудов XIV конференции 24–25 мая 2005 г. – М.: Академия управления МВД России, 2005.

Киселев П. П.

НЕКОТОРЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ, РАСШИРЯЮЩИЕ ВОЗМОЖНОСТИ АДВОКАТСКОГО РАССЛЕДОВАНИЯ

В статье приводятся некоторые изменения, внесённые в Уголовно-процессуальный кодекс РФ, касающиеся участия адвоката-защитника в уголовном судопроизводстве, и даётся их оценка с точки зрения влияния на процессуальные возможности осуществления адвокатского расследования в контексте укрепления конституционных гарантий лица, подвергнутого уголовному преследованию в форме процессуальной проверки сообщения о преступлении. В заключении автор формулирует конкретные предложения по дальнейшему совершенствованию уголовно-процессуального регулирования.

Ключевые слова: адвокат, расследование, доказательства, Конституционный Суд, уголовное дело, судопроизводство.

Kiselev P. P.

SOME CHANGES IN THE RUSSIAN CRIMINAL PROCEDURE, EXPANDING POSSIBILITIES OF LAWYER INVESTIGATION

Some changes made to the Code of Penal Procedure of the Russian Federation, concerning participations of the lawyer defender in criminal trial are examined in the article, and their assessment from the influence on procedural opportunities of implementation of lawyer investigation point of view in a context of the constitutional guarantees of the person subjected to criminal prosecution strengthening in the form of procedural verification of the message on a crime is given. In the conclusion the author formulates specific proposals on further improvement of criminal procedure regulation.

Keywords: lawyer, investigation, proofs, Constitutional Court, criminal case, legal proceedings.

Киселев П. П.

Как известно, часть 1 ст. 53 УПК РФ определяет, что с момента допуска к участию в уголовном деле защитник¹, помимо прочего, вправе иметь с подозреваемым, обвиняемым свидания, собирать и представлять доказательства, необходимые для оказания юридической помощи, в порядке, установленном частью третьей статьи 86 УПК, привлечь специалиста в соответствии со статьей 58 УПК², то есть осуществлять адвокатское расследование.

Буквальное прочтение данных положений закона однозначно указывает на то, что собирать доказательства и тем более представлять их компетентному субъекту предварительного расследования или в суд адвокат вправе при соблюдении одновременно двух условий:

- после вынесения постановления о возбуждении уголовного дела;
- после допуска адвоката к участию в уголовном деле.

Что касается допуска адвоката к участию в деле, то, по мнению Конституционного Суда РФ, выраженного в его Постановлении от 25 октября 2001 года № 14-П и Определении от 22 апреля 2010 года № 596-О-О, действующее правовое регулирование закрепляет уведомительный, а не разрешительный порядок вступления адвоката в дело³.

Вопрос же о доказательственном значении сведений, полученных на стадии проверки сообщения о преступлении (доследственной проверки) до недавнего времени оставался открытым, а осуществлению адвокатского расследования до возбуждения уголовного дела препятствовала конструкция части 1 ст. 53 УПК РФ⁴.

Иными словами, начало участия адвоката в уголовном доказывании формально было ограничено процессуальными рамками, определяемыми решением о возбуждении уголовного дела.

Хотя ранее Конституционный Суд РФ в Определении от 6 июля 2000 года № 128-О разъяснял, что «...юридическая помощь адвоката (защитника) в уголовном судопроизводстве не ограничивается процессуальными и временными рамками его участия в деле при производстве расследования и судебного разбирательства...»⁵.

И вот, Федеральный закон от 04.03.2013 № 23-ФЗ «О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» внёс долгожданную поправку, а именно часть третью статьи 49 дополнил пунктом 6 следующего содержания: «6) с момента начала осуществления процессуальных

1 Кудрявцев В. Л. Защита в механизме назначения уголовного судопроизводства российской федерации // Евразийская адвокатура. – 2013. – № 6 (7). – С. 26–32.
 2 Рагулин А. В. «Профессиональные права адвоката-защитника»: формулирование определения понятия // Адвокатская практика. – 2012. – № 4. – С. 21–25; Рагулин А. В. К вопросу об определении понятия «профессиональные права адвоката-защитника // Правовая инициатива. – 2011. – № 2. – С. 16; Рагулин А. В. Рагулин А. В. Некоторые проблемы регламентации и практической реализации права адвоката-защитника на получение ответа на запросы // Юридический мир. – 2012. – № 8. – С. 14–19.
 3 Еникеев З.Д. Вопросы уголовного судопроизводства в решениях Конституционного Суда Российской Федерации / З. Д. Еникеев, Е. Г. Васильева, Р. М. Шагеева, Е. В. Ежова. Научно-практическое пособие. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2013. – 703 с. – Серия: Практика применения. – С. 180.

4 Закомолдин А. В. Адвокатская тайна и реализация права на квалифицированную юридическую помощь в уголовном процессе России // Евразийская адвокатура. – 2013. – № 6 (7). – С. 26–32; О совершенствовании законодательства в направлении охраны профессиональных прав адвокатов // Ученые труды Российской Академии адвокатуры и нотариата. – 2009. – № 4. – С. 14–19; Рагулин А. В., Шайхуллин М. С. Современные проблемы и тенденции профессионального развития адвоката // Евразийская адвокатура. 2013. № 5 (6). – С. 42–57.
 5 Определение Конституционного Суда РФ от 06 июля 2000 года № 128-О «По жалобе гражданина Паршуткина В. В. на нарушение его конституционных прав и свобод пунктом 1 части второй статьи 72 УПК РСФСР и статьями 15 и 16 Положения Об адвокатуре РСФСР» // [Электронный ресурс]. – Сайт: <http://zakon.kuban.ru/private/oks128o.htm>

действий, затрагивающих права и свободы лица, в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении в порядке, предусмотренном статьей 144 настоящего Кодекса».

В результате теперь защитник официально участвует в уголовном процессе с момента начала осуществления процессуальных действий, затрагивающих права и свободы лица, в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении, то есть до возбуждения уголовного дела и приобретения его доверителем конкретного процессуального статуса.

Видимо в развитие данного положения также была введена часть 1.1 ст. 144 УПК РФ, предусматривающая, что: лицам, участвующим в производстве процессуальных действий при проверке сообщения о преступлении, разъясняются их права и обязанности, предусмотренные настоящим Кодексом, и обеспечивается возможность осуществления этих прав в той части, в которой производимые процессуальные действия и принимаемые процессуальные решения затрагивают их интересы, в том числе права не свидетельствовать против самого себя, своего супруга (своей супруги) и других близких родственников, круг которых определен пунктом 4 статьи 5 настоящего Кодекса, пользоваться услугами адвоката, а также приносить жалобы на действия (бездействие) и решения дознавателя, органа дознания, следователя, руководителя следственного органа в порядке, установленном главой 16 настоящего Кодекса. Участники проверки сообщения о преступлении могут быть предупреждены о неразглашении данных досудебного производства в порядке, установленном статьей 161 настоящего Кодекса. При необходимости безопасность участника досудебного производства обеспечивается в порядке, установленном частью девятой статьи 166 настоящего Кодекса, в том числе при приеме сообщения о преступлении (часть 1.1 введена Федеральным законом от 04.03.2013 № 23-ФЗ).

Формирование приведенных нововведений, вероятно, берёт своё начало в правовой позиции, изложенной в Постановлении Конституционного Суда РФ от 27 июня 2000 года № 11-П (по жалобе В.И. Маслова)⁶. Тогда Конституционный Суд разъяснил, что: «По буквальному смыслу положений, закрепленных в статьях 2, 45 и 48 Конституции РФ право на получение юридической помощи адвоката гарантируется каждому лицу независимо от его формального процессуального статуса, если уполномоченными органами власти в отношении этого лица приняты меры, которыми реально ограничиваются свобода и личная неприкосновенность»⁷.

Исходя из смысла анализируемого Постановления Конституционного Суда, положения процессуального закона не соответствовали Конституции в той мере, в какой они связывали реализацию права на защиту не с моментом возникновения в этом объективной необходимости, а с оформлением официального процессуального статуса как лица, нуждающегося в юридической помощи, так и его защитника.

Отсутствие требования процессуального статуса адвоката для осуществления защиты прав и свобод лица, не являюще-

гося формальным участником уголовного дела, доказывается логическим приёмом: процессуальный защитник отстаивает интересы только участников процесса и не может защищать лицо, не являющееся таковым, которое в этом случае может рассчитывать только на юридическую помощь адвоката без статуса защитника.

В развитие своей позиции Конституционный Суд указал: «Закрепленное в статье 48 (часть 2) Конституции право пользоваться помощью адвоката (защитника) является конкретизацией более общего права, предусмотренного частью 1 той же статьи, – права каждого на получение квалифицированной юридической помощи. Поэтому статья 48 (часть 2) Конституции, дополнительно гарантирующая защиту от необоснованных ограничений предусмотренного статьей 22 Конституции права на свободу и личную неприкосновенность, не может толковаться как ограничивающая право на квалифицированную юридическую помощь адвоката. Ведь такая помощь должна быть предоставлена **каждому лицу**, в том числе в рамках уголовного преследования **в любых его формах**. Иное истолкование было бы умалением конституционного права каждого на получение квалифицированной юридической помощи, которое не может быть ограничено ни при каких обстоятельствах и противоречило бы статьям 55 (часть 3) и 56 (часть 3) Конституции РФ»⁸.

В целях реализации названного конституционного права, – резюмировал Суд, – необходимо учитывать не только формальное процессуальное, но и фактическое положение лица, в отношении которого осуществляется публичное уголовное преследование⁹.

В дальнейшем Конституционные разъяснения закрепились и в литературе: «Конституционное право пользоваться помощью адвоката возникает у лица с того момента, когда ограничение его прав становится реальным» – пишет Л.Ю. Грудцына¹⁰.

Последним на правовую позицию Конституционного Суда отреагировал Парламент, признав, наконец, что помощь адвоката в условиях практических реалий деятельности российских правоохранительных органов может понадобиться человеку раньше, чем будет возбуждено уголовное дело и составлены официальные протоколы, позволяющие допуск адвоката к участию в нём¹¹. Как говорится, лучше поздно...

И даже противоречивость введённого пункта 6 ч. 3 ст. 49 УПК, выражающаяся в явном терминологическом несоответствии участия защитника в уголовном деле – с одной стороны, и лица, в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении, – с другой, не затмевает излагаемую конституционную идею, поскольку результатом указанного нововведения в целом стало расширение процессуального поля для адвокатской деятельности.

В этой связи, предлагаем всё же скорректировать часть 3 ст. 49 УПК РФ, а вместе с ней и часть 1 ст. 53 УПК РФ, заменив в

6 Постановление Конституционного Суда РФ от 27.06.2000 года № 11-П «По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 47 и части второй статьи 51 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В.И. Маслова». Собрание законодательства РФ от 03.07.2000. – № 27. – Ст. 2882; «Российская газета». – 04.07.2000 года. – № 128; Вестник Конституционного Суда РФ. – 2000. – № 5.

7 Постановление Конституционного Суда РФ от 27.06.2000 года № 11-П «По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 47 и части второй статьи 51 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В.И. Маслова».

8 Постановление Конституционного Суда РФ от 27.06.2000 года № 11-П «По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 47 и части второй статьи 51 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В.И. Маслова».

9 Постановление Конституционного Суда РФ от 27.06.2000 № 11-П «По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 47 и части второй статьи 51 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В.И. Маслова».

10 Грудцына Л.Ю. Квалификационный экзамен на присвоение статуса адвоката: учебное пособие / Л.Ю. Грудцына. – М.: Эксмо, 2006. – (Юридический справочник). – С. 31.

11 Кузнецов В.Н. О реформе судебной системы России // Евразийская адвокатура. – 2013. – № 5 (6). – С. 66–69.

них слово «дело» на слово «процесс», в результате получится, что все полномочия, предоставленные процессуальным законом защитнику, включая право на собирание и представление доказательств, будут доступны ему не только с момента возбуждения уголовного дела и допуска к участию в этом деле, но и по вступлении в уголовное судопроизводство с момента начала проверки сообщения о преступлении, что будет способствовать укреплению гарантий прав человека, в первую очередь конституционного права на получение квалифицированной юридической помощи, независимо от его процессуального статуса.

В соответствии с действующим уголовно-процессуальным регулированием, установленным пунктом 2 ч. 1 ст. 53 во взаимосвязи с пунктом 6 ч. 3 ст. 49 УПК РФ, право собирать и представлять доказательства возникает у адвоката-защитника с момента его допуска к участию в уголовном деле, в том числе с момента начала осуществления процессуальных действий, затрагивающих права и свободы лица, в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении в порядке, предусмотренном статьёй 144 УПК РФ.

Такое нормативное положение является проявлением конституционного принципа равноправия и состязательности сторон, поскольку для дознавателя и следователя моменты собирания и представления (приобщения к материалам дела) доказательств юридически не отделены друг от друга, поэтому наличие у них полномочий по собиранию сведений, которые могут быть использованы в качестве доказательств, перечисленных в части 1 ст. 144 УПК РФ, соответственно предполагает аналогичные возможности другой стороны, то есть защитник вправе представлять доказательства в рамках оказания юридической помощи не только после, но и до возбуждения уголовного дела, как и было ранее истолковано Конституционным Судом: «Конституционное право гражданина на получение квалифицированной юридической помощи и право на самостоятельный выбор защитника подлежат обеспечению на всех стадиях уголовного судопроизводства и не могут быть ограничены ни при каких обстоятельствах»¹².

В Постановлении от 27.03.1996г. № 8-П Конституционный Суд на эту тему писал: «Из статьи 48 Конституции Российской Федерации следуют право каждого на получение квалифицированной юридической помощи и право пользоваться помощью адвоката (защитника) на всех стадиях уголовного судопроизводства. В соответствии со статьёй 14 Международного пакта о гражданских и политических правах, являющегося составной частью правовой системы Российской Федерации, каждый при рассмотрении предъявленного ему обвинения вправе сноситься с выбранным им самим защитником и защищать себя через его посредство»¹³.

Далее, в силу конституционных принципов равноправия и состязательности сторон в Федеральном законе от 04.03.2013 № 23-ФЗ «О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный

кодекс Российской Федерации»¹⁴ часть 1 ст. 144 УПК РФ изложена следующей редакцией:

Дознаватель, орган дознания, следователь, руководитель следственного органа обязаны принять, проверить сообщение о любом совершенном или готовящемся преступлении и в пределах компетенции, установленной настоящим Кодексом, принять по нему решение в срок не позднее трех суток со дня поступления указанного сообщения. При проверке сообщения о преступлении дознаватель, орган дознания, следователь, руководитель следственного органа вправе получать объяснения, образцы для сравнительного исследования, истребовать документы и предметы, изымать их в порядке, установленном настоящим Кодексом, назначать судебную экспертизу, принимать участие в ее производстве и получать заключение эксперта в разумный срок, производить осмотр места происшествия, документов, предметов, трупов, освидетельствование, требовать производства документальных проверок, ревизий, исследований документов, предметов, трупов, привлекать к участию в этих действиях специалистов, давать органу дознания обязательное для исполнения письменное поручение о проведении оперативно-розыскных мероприятий.

Предыдущая редакция выглядела куда скромнее и предусматривала, что при проверке сообщения о преступлении дознаватель, орган дознания, следователь, руководитель следственного органа вправе требовать производства документальных проверок, ревизий, исследований документов, предметов, трупов и привлекать к участию в этих проверках, ревизиях, исследованиях специалистов, давать органу дознания обязательное для исполнения письменное поручение о проведении оперативно-розыскных мероприятий (в ред. Федеральных законов от 09.03.2010 № 19-ФЗ, от 28.12.2010 № 404-ФЗ).

То есть новыми стали полномочия: получать объяснения, образцы для сравнительного исследования, истребовать документы и предметы, изымать их в порядке, установленном настоящим Кодексом, назначать судебную экспертизу, принимать участие в ее производстве и получать заключение эксперта в разумный срок, производить осмотр места происшествия, документов, предметов, трупов, освидетельствование. Правда, до этого часть 2 ст. 176 УПК РФ тоже предусматривала, что в случаях, не терпящих отлагательства, осмотр места происшествия может быть произведен до возбуждения уголовного дела.

Сейчас же, в связи с указанным законом, данная норма приобрела следующий вид: «Осмотр места происшествия, документов и предметов может быть произведен до возбуждения уголовного дела» (часть 2 в ред. Федерального закона от 04.03.2013 № 23-ФЗ).

Новая редакция части 1 ст. 144 УПК и её дополнение частью 1.2, похоже, стали следствием выражения, помимо упомянутых выше, правовой позиции Конституционного Суда в Определении от 20 октября 2011 года № 1449-О-О о том, что «Статья 74 УПК РФ, определяющая понятие и виды доказательств по уголовному делу, и ст. 71 ГПК РФ, регламентирующая использование письменных доказательств в гражданском судопроизводстве, не содержат каких-либо положений, ис-

12 Определение Конституционного Суда РФ от 06 июля 2000 года № 128-О «По жалобе гражданина Паршуткина В.В. на нарушение его конституционных прав и свобод пунктом 1 части второй статьи 72 УПК РСФСР и статьями 15 и 16 Положения Об адвокатуре РСФСР» // [Электронный ресурс]. – Сайт: <http://zakon.kuban.ru/private/oks128o.htm>

13 Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 27.03.1996г. – № 8-П. http://main-law.ru/ksrf/8-p_ot_27-03-1996.

14 Первоначальный текст документа опубликован в изданиях: Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 04.03.2013; Собрание законодательства РФ. – 04.03.2013. – № 9. – Ст. 875; «Российская газета». – № 48. – 06.03.2013; Парламентская газета. – № 8. – 07-14.03.2013.

ключающих доказательственное значение документов, полученных в результате проверки заявлений о преступлениях»¹⁵.

Согласно вновь введённой части 1.2 ст. 144 УПК РФ: «Полученные в ходе проверки сообщения о преступлении сведения могут быть использованы в качестве доказательств при условии соблюдения положений статей 75 и 89 настоящего Кодекса. Если после возбуждения уголовного дела стороной защиты или потерпевшим будет заявлено ходатайство о производстве дополнительной либо повторной судебной экспертизы, то такое ходатайство подлежит удовлетворению» (часть 1.2 введена Федеральным законом от 04.03.2013 № 23-ФЗ).

Причём, названное Конституционное Определение в субъектном смысле несколько шире своего законодательного преобразования (ч. 1 ст. 144 УПК), поскольку в последнем не указан прокурор, который вместе с тем, в соответствии с пунктом 2 ч. 2 ст. 37 УПК уполномочен выносить мотивированное постановление о направлении соответствующих материалов в следственный орган или орган дознания для решения вопроса об уголовном преследовании по фактам выявленных прокурором нарушений уголовного законодательства.

Судя по буквальному содержанию уголовно-процессуального закона (п. 2 ч. 2 ст. 37, п. 4 ч. 1 ст. 140 УПК), не исключается возможность получения доказательств путём прокурорской проверки, что в некоторой степени объясняет содержание части 1 ст. 86 УПК, где прокурор числится среди субъектов собирания доказательств, но при этом говорится, что таковое осуществляется в ходе уголовного судопроизводства дознавателем, следователем, прокурором и судом путём производства следственных и иных процессуальных действий, предусмотренных УПК, согласно части 1 ст. 151 которого («Подследственность») предварительное расследование производится только следователями и дознавателями.

Поэтому логичнее будет дополнить часть 1 ст. 144 УПК включением прокурора в субъектный состав проверки сообщения о преступлении, либо исключить его из части 1 ст. 86 УПК, что в большей степени соответствовало бы новой правоприменительной практике уголовного судопроизводства.

В целом, изменения в уголовно-процессуальном законе следует оценить как положительные, поскольку они снимают процессуальные ограничительные условия для осуществления адвокатского расследования, связанные с допуском адвоката к уголовному делу, что, в свою очередь, способствует укреплению конституционных гарантий получения квалифицированной юридической помощи каждым, кому она необходима, как это провозглашено в ст. 48 Конституции (часть 1), а не только формальным участником уголовного дела.

По результатам предпринятого исследования предлагается изменить уголовно-процессуальное регулирование следующим образом:

Часть 1 ст. 49 УПК РФ изложить в следующей редакции: Защитник - лицо, осуществляющее в установленном настоящим Кодексом порядке защиту прав и интересов подозреваемых, обвиняемых, лиц, в отношении которых проводится проверка сообщения о преступлении в порядке, предусмотренном статьей 144 настоящего Кодекса, и оказывающее им юридическую помощь в уголовном судопроизводстве.

В части 3 ст. 49 УПК РФ слово «дело» заменить словом «судопроизводство» (либо на слово «процесс») и изложить в следующей редакции (на примере пункта 6): Защитник участвует в уголовном судопроизводстве с момента начала осуществления процессуальных действий, затрагивающих права и свободы лица, в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении в порядке, предусмотренном статьей 144 настоящего Кодекса.

В части 1 ст. 53 УПК РФ слово «дело» заменить словом «судопроизводство» (либо на слово «процесс») и изложить в следующей редакции (на примере пункта 2): С момента допуска к участию в уголовном судопроизводстве защитник вправе собирать и представлять доказательства, необходимые для оказания юридической помощи, в порядке, установленном частью третьей статьи 86 настоящего Кодекса.

Пристатейный библиографический список

1. Грудцына Л. Ю. Квалификационный экзамен на приобретение статуса адвоката: учебное пособие. – М.: Эксмо, 2006. – (Юридический справочник). – С. 31.
2. Еникеев З.Д. Вопросы уголовного судопроизводства в решениях Конституционного Суда Российской Федерации / З. Д. Еникеев, Е.Г. Васильева, Р. М. Шагеева, Е. В. Ежова. Научно-практическое пособие. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2013. – 703 с. – Серия: Практика применения. – С. 180.
3. Закомолдин А. В. Адвокатская тайна и реализация права на квалифицированную юридическую помощь в уголовном процессе России // Евразийская адвокатура. 2013. – № 6 (7).
4. Кудрявцев В. Л. Защита в механизме назначения уголовного судопроизводства российской федерации // Евразийская адвокатура. – 2013. – № 6 (7).
5. Кузнецов В. Н. О реформе судебной системы России // Евразийская адвокатура. 2013. № 5 (6).
6. Рагулин А. В. «Профессиональные права адвоката-защитника»: формулирование определения понятия // Адвокатская практика. – 2012. – № 4.
7. Рагулин А. В. К вопросу об определении понятия «профессиональные права адвоката-защитника // Правовая инициатива. – 2011. – № 2.
8. Рагулин А. В. Некоторые проблемы регламентации и практической реализации права адвоката-защитника на получение ответа на запросы // Юридический мир. 2012. – № 8.
9. Рагулин А. В. О совершенствовании законодательства в направлении охраны профессиональных прав адвокатов // Ученые труды Российской Академии адвокатуры и нотариата. – 2009. – № 4.
10. Рагулин А. В., Шайхуллин М. С. Современные проблемы и тенденции профессионального развития адвоката // Евразийская адвокатура. – 2013. – № 5 (6).

15 Еникеев З.Д. Вопросы уголовного судопроизводства в решениях Конституционного Суда Российской Федерации / З.Д. Еникеев, Е.Г. Васильева, Р.М. Шагеева, Е.В. Ежова. Научно-практическое пособие. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2013. – 703 с. – Серия: Практика применения. – С. 237.

Арсанукаева М. С. РОЛЬ ОБЫЧАЯ И НОРМ ШАРИАТА В РЕГУЛИРОВАНИИ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ У НАРОДОВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА (XIX – НАЧАЛО XX ВВ.)

Интерес специалистов (историков, этнографов, юристов) и широкой общественности к традиционной правовой культуре народов Северного Кавказа в последние десятилетия продолжает нарастать. В этой связи необходимо выявить роль правового обычая (адата у мусульман) и шариата (мусульманского права) в регулировании общественных отношений народов данного региона в прошлом и настоящем. Особое значение имеет исследование подходов кавказской администрации и местных духовных лидеров, прежде всего имамов, к решению вопроса о применении норм адата и шариата в делах с участием горцев. Начиная с конца XVIII в. в судах, вводимых для новых поданных, при разборе большинства частных споров стали применяться, главным образом, нормы адата. Действие шариата ограничивалось узкой сферой семейно-брачных отношений. Горцы, совершившие тяжкие уголовные преступления, приговаривались к наказанию по законам Российской империи.

Ключевые слова: адат, шариат, российское право, горцы, Северный Кавказ, наказание.

Арсанукаева М. С.

Arsanukaeva M. S. THE ROLE OF TRADITION AND NORMS OF THE SHARIAH IN THE REGULATION OF THE SOCIAL RELATIONS AMONG THE PEOPLES OF THE NORTHERN CAUCASUS (19th – BEGINNING OF 20th CENTURIES)

Interest of experts (historians, anthropologists, lawyers) and the general public to the traditional legal culture of the peoples of the North Caucasus in recent decades, continues to grow. In this regard, it is necessary to reveal the role of customary law (Muslims' adat) and Sharia (Islamic law) in the regulation of social relations among the peoples of the region in past and present. Of particular importance are the research approaches of Caucasian administration and local religious leaders, especially the Imams, to the question of the application of the norm of adat and sharia in cases involving Highlanders. Since the end of the 18th century the courts imposed for the new nationals resolved the majority of private disputes using mainly adat rules. Action of Sharia was limited by the narrow sphere of family relations. Highlanders, who have committed serious crimes, were sentenced to punishment under the laws of the Russian Empire.

Keywords: adat, sharia, Russian law, the Highlanders, the North Caucasus, the punishment.

Изучение правовых обычаев, исторически существовавших у всех народов России, включая северокавказских горцев, всегда вызывало большой научный интерес и не потеряло своей актуальности в наши дни.

В научной литературе в течение многих десятилетий продолжается дискуссия по поводу основных понятий, используемых при анализе правовых обычаев отдельных народов. Одним из первых в России к этой теме обратился известный историк права Г. Ф. Шершеневич. В своем труде «Общая теория права» он писал: «Под именем правовых обычаев понимаются нормы права, которые устанавливаются самой общественной средой путем постоянного, однообразного соблюдения правил поведения»¹.

Юридический быт любого народа, как отмечает известный теоретик и историк государства и права профессор И. А. Исаев, традиционно складывается из различных обычаев (ритуалов). Его важнейшей составляющей служат судебная практика и правовой обычай². «В качестве культурного явления обычай, – пишет автор, – представляет собой порождение конкретной социальной общности, которая в виде акта его санкционирования, превращая его тем самым в правовой обычай, подчеркивает особую значимость данного вида отношений»³.

В научной литературе выделяется также понятие «обычное право». «Под обычным правом, – пишет советский этнограф А. М. Ладыженский, – надо понимать совокупность правил внешнего поведения, которые: 1) рассматриваются членами социального объединения как обязательные: а) на основании либо непосредственно влияющих условий общественной жизни или б) на основании какого-либо общественного авторитета; 2) исполняются членами данного общества, а если их нарушают, то против этого борются систематически, применяя против нарушителей репрессивные меры»⁴.

Другой известный автор, Д. Ю. Шапсугов, находит, что подлинное понимание сущности обычного права возможно лишь в контексте правосознания и культуры народа, в рамках которых оно формируется и реализуется⁵. И с такой позицией нельзя не согласиться.

Некоторые современные исследователи выделяют черты, наиболее характерные для обычного права в целом. В частности, А. Ю. Коркмазов указывает, что для него характерны: 1) повторяемость; 2) спонтанность; 3) обязательность; 4) публичность (все акты совершаются при народе); 5) примитивность; 6) коллективность и др.⁶

1 Шершеневич Г. Ф. Общая теория права. – Т. 1 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.pravo.vuzlib.org/book_z1617_page_53.html

2 Исаев И. А. История государства и права России: Учебник. – М.: Юрист, 1999. – С. 6.

3 Исаев И. А. «Пробелы в праве» как элемент правовой культуры // Пробелы в российском законодательстве. – 2008. – № 2. – С. 59.

4 Ладыженский А. М. Методы этнологического изучения права // Этнологическое обозрение. – 1995. – № 4. – С. 160.

5 См.: Шапсугов Д. Ю. Современные проблемы исследования обычного права народов Северного Кавказа // Обычное право народов Северного Кавказа: итоги и перспективы исследования. – Ростов-н/Д: Изд-во СКАГС, 2006. – С. 6.

6 См.: Коркмазов А. Ю. Обычное право и специфика его проявления в условиях Северного Кавказа [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.nestu.ru>.

Обычное право возникло и доминировало в обществах, находившихся на стадиях образования союзов племен, фратрий, конфедераций, т. е. догосударственного периода развития определенных социальных общностей, когда происходил отбор обычаев для внутри- и межплеменного общения и регулирования⁷. К такому можно отнести горские общества Северного Кавказа. Часть из них, будучи изолированной от внешнего мира, в наиболее чистом виде сохранила правовые обычаи, определилась со сферой действия конфессионального права, прежде всего шариата, и выработала механизм применения.

В результате правовые обычаи (у мусульман — адат), а с принятием ислама также шариат на протяжении длительного периода обеспечивали стабильность и правопорядок в горских обществах. Они регулировали общественные отношения на различных уровнях политической организации. Например, чеченских и ингушских обществ — «тукхумах», «тайпах», «гарах», «некьах» и отдельных семей («дъозал»).

Адат в отличие от шариата отличался динамичностью и восприимчивостью к новым условиям существования горцев. Не прижившиеся или устаревшие нормы можно было отменить. Новые нормы адатного права обсуждались на советах авторитетных членов местных обществ, пользовавшихся признанием и уважением в народе благодаря своим знаниям и жизненному опыту. Так, издревле в Чечне существовали места, где собирались представители отдельных тукхумов и тайпов для принятия важных решений, и в том числе адатов⁸. Аналогичные места имелись и у других народов. В XIX в. с согласия местной администрации в Терской области проводились собрания, на которых решались наиболее злободневные вопросы, включая разработку новых, изменение или отмену существующих адатов. Например, в 1887 г. на съезде доверенных сельских обществ Большой и Малой Кабарды и пяти горских обществ вводились штрафы для организаторов и соучастников похищений женщин. Не только штрафы, но и административную ссылку потребовали для похитителей участники собраний других сельских обществ Малой Кабарды в 1889 г.⁹

Следует отметить, что основу традиционной нормативно-регулятивной системы народов Северного Кавказа составили не религиозные, а морально-этические нормы, действие которых обеспечивалось силой обычая и традиций¹⁰.

По мнению историка государства и права Л. Г. Свечниковой, во всех горских обществах Северного Кавказа правовые обычаи, нашедшие свое отражение в адатах, выполняли следующие функции: 1) распределение материальных и духовных благ в соответствии со сложившимися общественными отношениями; 2) закрепление экономических и других общественных отношений¹¹.

Этнограф Ф. И. Леонтович, рассуждая о чеченских адатах вслед за дореволюционными авторами, имеет в виду суд «по некоторым принятым правилам или законам, установленным обычаем, освященным давностью»¹².

Правовые обычаи кавказских народов вызывали интерес давно. Отдельные сведения о правовых нормах народов Северного Кавказа, в том числе чеченцев и ингушей, появляются в период Средневековья (XIV—XV вв.), а в XVIII—XIX вв. — записи адатов, составленные европейскими и российскими авторами. Первые попытки собрать и систематизировать адаты российское правительство предприняло в конце XVIII в., когда активизировался процесс вхождения горцев в состав империи. Однако ощутимых результатов они не дали.

В начале XIX в. отдается новое распоряжение. В 1818 г. по поручению командира Отдельного Кавказского корпуса генерала от инфантерии А. П. Ермолова эта работа велась на всех участках Кавказской линии. Отдельные сведения о нравах, обычаях и традициях горцев содержатся в донесениях самого кавказского командования, например во всеподданнейших рапортах генерала А. П. Ермолова¹³, его преемника генерала графа И. Ф. Паскевича вышестоящему военному начальству¹⁴, отчетах других военных, включая офицеров и рядовых российской армии, побывавших в плену у горцев, дезертиров, а также путешественников и местных чиновников.

В 1828 г. император Николай I отдает приказ военному министру, генерал-адъютанту князю А. Н. Чернышеву, организовать работу по составлению свода материалов о горских и кочевых народах Кавказа¹⁵. В 30—40-х гг. XIX в. по специально разработанной программе проводился сбор адатов со слов «мирных» горцев, живущих на равнине. По мнению исследователей, программа не отличалась ни полнотой, ни конкретностью заданий¹⁶. И с этим нельзя не согласиться. В указанный период на большей части Дагестана и Чечни шли военные действия. Получение информации на неподконтрольных российским войскам территориях было невозможно. А ведь, как известно, несмотря на общие принципы и институты, нормы обычного права в горских обществах различались, в особенности на равнине и в горных районах. Нельзя также исключить тот факт, что языковой барьер, существовавший в общении с горцами, мог вызвать искажение информации. Более того, сами информаторы по разным причинам могли сообщить недостоверные сведения. Однако полученные данные имеют неопределимое значение для изучения правовой культуры народов Кавказа. Все собранные материалы поступили в Одесский университет, где подверглись систематизации и внимательно изучению. Впоследствии под редакцией Ф. И. Леонтовича были изданы два выпуска «Адатов кавказских горцев»¹⁷, значение которых для исследования общественного быта народов Северного Кавказа сохраняется и в наши дни.

7 См.: Мальцев Г. В. Очерк теории обычая и обычного права // Обычное право в России: проблемы теории, истории и практики [отв. ред.: Г. В. Мальцев, Д. Ю. Шапсугов]. — Ростов-н/Д : Изд-во СКАГС, 1999. — С. 40—41.

8 Лаудаев У. Чеченское племя // Сборник сведений о кавказских горцах : в 10 вып. Вып. 6. — Тифлис Тип. Глав. управл. наместника Кавказского, 1872. — С. 25; Россия и Кавказ. Сквозь два столетия / изд. сост. и подгот. Г. Г. Лисицына и Я. А. Гордин. — СПб. : Журнал «Звезда», 2001. — С. 9; Попов И. Ичкерия // Сборник сведений о кавказских горцах : в 10 вып. Вып. 4. — Тифлис : Тип. Глав. управл. наместника Кавказского, 1870. — С. 17 и др.

9 См.: Абазов А. Х. «Умыкание невесты» в правоприменительной практике кабардинцев в последней четверти XIX в. // В сб.: Российская гендерная история с «юга» на «запад»: прошлое определяет настоящее: мат-лы шестой междунар. конф. РАИЖИ И ИЭА РАН, 3-6 окт. 2013 г. — Нальчик. — Т. 2. — Нальчик: Каб.-Балкар. ун-т, 2013. — С. 161.

10 См.: Вертий М. Ю. Обычное право народов Северного Кавказа как феномен культуры: Автореф. дис. ... канд. филол. н. — Ростов н/Д, 2003. — С. 9.

11 См.: Свечникова Л. Г. Обычай в праве. Правовой обычай и обычное право в теоретико-правовых исследованиях зарубежной и отечественной научной мысли // Обычное право народов Северного

Кавказа: итоги и перспективы исследования. — Ростов-н/Д : Изд-во СКАГС, 2006. — С. 109.

12 Леонтович Ф. А. Адаты кавказских горцев: В 2 вып. — Одесса: Тип. П. А. Зеленого (б. Г. Ульриха), 1883. Вып. 2. — С. 90—91.

13 Российский военно-исторический архив (далее — РГВИА). — Ф. 846. — Оп. 16. — Д. 6209. — Лл. 1—2 об.

14 РГВИА. — Ф. 846. — Оп. 16. — Д. 6238. — Лл. 2—4 об.

15 Блокада и штурм замка Ахульго в 1839 г. // Кавказ. — № 7. — С. 107.

16 См.: Гарданов В. К. Обычное право как источник для изучения социальных отношений у народов Северного Кавказа в XVIII — нач. XIX в. // Советская этнография. — 1960. — № 5. — С. 19.

17 Адаты кавказских горцев. Материалы по обычному праву Северного и Восточного Кавказа. Вып. 1—2 / Ф. И. Леонтович. — Одесса: Тип. П. А. Зеленого (б. Г. Ульриха), 1882—1883.

Начиная с конца XVIII в. стал решаться вопрос о создании судов для новых подданных и правоприменении в них. В 20–40-х гг. XIX в. на территориях, подконтрольных российскому правительству, стали действовать новые суды, в частности, народный суд для «чеченских народов над Сунжею и выше к горам». В нем по частнопроводимым спорам применялись местные адаты и шариат, действие норм которого ограничивалось сферой семейно-брачных и наследственных отношений¹⁸.

Более активно процесс сбора, систематизации адатов проводился во второй половине XIX в., по мере завершения военных действий как на Северо-Восточном (1859 г.), так и Северо-Западном Кавказе (1864 г.). Во второй половине 60–70-х гг. XIX в. окончательно сложилась система судов для горцев (окружные, горские словесные, сельские (аульные) и третейские). Дела разрешались коллегией судей в составе русского офицера (представителя администрации), депутатов от горцев и духовных лиц, в соответствии с нормами адата и шариата (для мусульман). Российское право подлежало применению лишь при наличии пробела в адате. Образцом становится Чеченский народный суд (Мэхкемэ Чачани), учрежденный в 1852 г. в крепости Грозной по инициативе командующего Левым флангом Кавказской линии генерал-адъютанта князя А. И. Барятинского (будущего наместника на Кавказе)¹⁹. Суд имел целый ряд преимуществ и пользовался успехом у чеченцев.

В 1876 г. при отделении этнографии Русского географического общества создается особая комиссия для составления новой программы для собирания юридических обычаев с использованием ранее изданных программ по этому вопросу. Почти через десять лет, в 1889 г., указанная программа была издана Комиссией собрания народных юридических обычаев²⁰. В 1897 г. при Юридическом обществе в Санкт-Петербурге открывается отделение обычного права, сотрудники которого занимались сбором и систематизацией норм обычного права народов Российской империи. Те же задачи решали Комиссия по изучению обычного права при этнографическом отделении Русского географического общества и Императорское общество любителей естествознания, антропологии и этнографии. Они проводили глубокие исследования обычного права народов России. Однако, несмотря на всю свою огромную значимость для современной науки, эти исследования носили преимущественно историко-этнографический характер²¹. Систематизация адатов позволила решить проблему их отбора, приспособления к российскому законодательству и применения в новых судах для горцев²².

Известно, что местные имамы пытались утвердить в горской среде, главным образом, нормы шариата, используя для этого любые средства, включая угрозы. Так, еще в начале XIX в. Кази-мулла, первый имам Дагестана и Чечни, в одном из своих обращений к горцам, обличая адаты, писал следующее:

«Книги обычая — это кодексы рабов, коварного шайтана...»²³. Идеи имама были подхвачены его сторонниками в Дагестане и Чечне, в частности Ташов-хаджи²⁴. По некоторым сведениям, особенно жестко преследовал адат третий имам — Шамиль²⁵. Однако и ему приходилось идти на некоторые уступки, в особенности чеченцам, известным особым уважением к собственным адатам.

Напротив, представители российской администрации в вопросе о правоприменении по делам горцев отдавали предпочтение, прежде всего, адату. И это неслучайно. Ведь нормы адата можно было изменить, приспособить к новым условиям, оставив только те, которые не противоречили российскому праву. Напротив, нормы шариата оставались неизменными. Основанный на исламе и взятый на вооружение мюридизмом, под знаменем которого развивалось движение горцев-мусульман Северного Кавказа в 20–60-х гг. XIX в., шариат не мог сохранить свои прежние позиции. В декабре 1862 г. в письме новому наместнику на Кавказе великому князю Михаилу Николаевичу князь А. И. Барятинский писал о необходимости возрождения адата в противовес шариату²⁶.

Конечной целью российского правительства и его кавказской администрации становится окончательное слияние горских районов Северного Кавказа с внутренними губерниями, замена в судах адата и шариата нормами российского права, как это произошло еще в конце XVIII в. с правоприменением по делам, связанным с тяжкими уголовными преступлениями горцев. Наиболее активно такая политика проводилась с конца 70-х гг. XIX в. В то же время в высших органах власти империи сложилось понимание необходимости действовать в этом вопросе осторожно и постепенно, не пренебрегая особенностями региона. В начале XX в. на смену централизму пришла политика регионализма, сторонником и проводником которой стал последний наместник на Кавказе генерал-адъютант граф И. И. Воронцов-Дашков. И этот шаг во многом объясняется ситуацией в России и на Кавказе. Сами горцы оказались вовлеченными в качественно новые общественные отношения (товарного хозяйства, торговли, предпринимательства), которые могли регулироваться только российским правом.

Подводя итоги, следует отметить, что, несмотря на запрет устаревших норм и внесенные изменения, российское правительство, кавказская и местная администрации, сохранив адат и разрешив его применение в судах, во многом облегчили адаптацию горцев в составе империи. В более поздние периоды нормы адата и шариата продолжали действовать в основном на бытовом уровне.

В последние десятилетия некоторые национальные районы Северного Кавказа, прежде всего Дагестан и Чечня, переживают процесс возрождения старых и формирования новых адатов. Особенно четко данная тенденция проявилась в период военных действий в Чеченской Республике. В то же время усилившийся ислам вызывает у части верующих сомнения в значимости и легитимности норм адата. «В целом традиция («бытовой» и «правовой» адат) как нормативный регулятор

18 РГВИА. — Ф. 13454. — Оп. 8. — Д. 73. — Лл. 8 — 8 об.

19 См.: Зиссерман А. Л. Фельдмаршал Князь Александр Иванович Барятинский. 1815—1879: В 3 т. — М.: Университет. тип., 1888. — Т. 1. — С. 217.

20 См.: Гандарова Л. Б. Обычное право ингушей: Дис. ... канд. юрид. наук. — СПб., 2004. — С. 72.

21 См.: Нефедов В. Н. Обычное право адыгов и казаков Северо-Западного Кавказа: функционирование и преобразование (конец XVIII—XX вв.): Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — Ростов н/Д., 2001. — С. 10—11.

22 См.: Гарданов В. К. Обычное право как источник для изучения социальных отношений у народов Северного Кавказа в XVIII — нач. XIX в. — С. 19.

23 Хроника Мухаммеда-Тахира ал-Карахи / Пер. А. М. Барабанова; предисл. и ред. И. Ю. Крачковского. — М. — Л.: Изд-во АН СССР, 1941. — С. 36—37.

24 РГВИА. — Ф. 13454. — Оп. 8. — Д. 17. — Лл. 6—6 об.

25 См.: Ризванов Р. Дело Имама Шамиля. — Махачкала: Даг. кн. изд-во, 1992. — С. 77; Гаммер М. Шамиль. Мусульманское сопротивление царизму. Завоевание Чечни и Дагестана. — М.: Крон-Пресс, 1998. — С. 321.

26 См.: Россия в Кавказской войне. Исторические чтения [сост. Я. А. Гордин]. — СПб.: Журнал «Звезда», 2000. — С. 113.

общества будет и дальше терять свое значение, — пишет этнограф А. А. Ярлыкапов. — Однако это будет происходить не в результате дальнейшего развития модернизационных процессов, а в значительной мере как результат вытеснения религиозным правом в ходе конкуренции разных правовых систем»²⁷. Данный факт отнюдь не означает, по мнению исследователя, что наблюдающаяся в последнее время «истеричная пропаганда» по поводу тотальной шариатизации региона соответствует действительности. На самом деле, шариат имеет лишь ограниченную сферу влияния на общество²⁸. Безусловно, все жители региона, независимо от национальности или вероисповедания, являясь российскими гражданами, находятся в российском правовом поле, обязаны соблюдать Конституцию и законы Российской Федерации.

Пристатейный библиографический список

- Абазов А. Х. «Умыкание невесты» в правоприменительной практике кабардинцев в последней четверти XIX в. // В сб.: Российская гендерная история с «юга» на «запад»: прошлое определяет настоящее: Мат-лы шестой междунар. конф. РАИЖИ И ИЭА РАН, 3—6 окт. 2013 г. Нальчик. — Т. 2. — Нальчик: Кабардино-Балкарский ун-т, 2013.
- Адаты кавказских горцев. Материалы по обычному праву Северного и Восточного Кавказа. Вып. 1-2 / Ф. И. Леонтович. — Одесса: Тип. П.А. Зеленого (б. Г. Ульриха), 1882. — Вып. 1 — 2..
- Блокада и штурм замка Ахульго в 1839 г. // Кавказ. — 1849. — № 27.
- Вертий М. Ю. Обычное право народов Северного Кавказа как феномен культуры: Автореф. дисс. ... канд. филол. н. — Ростов н/Д, 2003.
- Гаммер М. Ш. Мусульманское сопротивление царизму. Завоевание Чечни и Дагестана. — М.: Крон-Пресс, 1998.
- Гандарова Л.Б. Обычное право ингушей: Дисс. ... канд. юрид. наук. — СПб., 2004.
- Гарданов В. К. Обычное право как источник для изучения социальных отношений у народов Северного Кавказа в XVIII — нач. XIX в. // Советская этнография. — 1960. — № 5.
- Зиссерман А. Л. Фельдмаршал Князь Александр Иванович Барятинский. 1815—1879: В 3 т. — М.: Университет. тип., 1888. — Т. 1.
- Исаев И. А. «Пробелы в праве» как элемент правовой культуры // Пробелы в российском законодательстве. — 2008. — № 2.
- Исаев И. А. История государства и права России: Учебник. — М.: Юрист, 1999.
- Коркмазов А. Ю. Обычное право и специфика его проявления в условиях Северного Кавказа [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.nestu.ru>.
- Ладыженский А. М. Методы этнологического изучения права // Этнологическое обозрение. — 1995. — № 4.
- Лаудаев У. Чеченское племя // Сборник сведений о кавказских горцах: В 10 вып. — Вып. 6. — Тифлис Тип. Глав. управл. наместника Кавказского, 1872.
- Мальцев Г. В. Очерк теории обычая и обычного права // Обычное право в России: проблемы теории, истории и практики [отв. ред.: Г.В. Мальцев, Д.Ю. Шапсугов]. — Ростов-н/Д: Изд-во СКАГС, 1999.
- Нефедов В. Н. Обычное право адыгов и казаков Северо-Западного Кавказа: функционирование и преобразование (конец XVIII—XX вв.): Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. — Ростов н/Д., 2001.
- Попов И. Ичкерия // Сборник сведений о кавказских горцах: в 10 вып. Вып. 4. — Тифлис: Тип. Глав. управл. наместника Кавказского, 1870.
- Попов И. Ичкерия // Сборник сведений о кавказских горцах: в 10 вып. Вып. 4. — Тифлис: Тип. Глав. управл. наместника Кавказского, 1870.
- РГВИА. — Ф. 13454. — Оп. 8. — Д. 17.
- РГВИА. — Ф. 13454. — Оп. 8. — Д. 73.
- РГВИА. — Ф. 846. — Оп. 16. — Д. 6238.
- Ризванов Р. Дело Имама Шамиля. — Махачкала: Даг. кн. изд-во, 1992.
- Российский военно-исторический архив (далее — РГВИА). — Ф. 846. — Оп. 16. — Д. 6209.
- Россия в Кавказской войне. Исторические чтения [сост. Я. А. Гордин]. — СПб.: Журнал «Звезда», 2000.
- Россия и Кавказ. Сквозь два столетия / Изд. сост. и подгот. Г. Г. Лисицына и Я. А. Гордин. — СПб.: Журнал «Звезда», 2001.
- Свечникова Л. Г. Обычай в праве. Правовой обычай и обычное право в теоретико-правовых исследованиях зарубежной и отечественной научной мысли // Обычное право народов Северного Кавказа: итоги и перспективы исследования. Вып. 2. — Ростов-н/Д: Изд-во СКАГС, 2006.
- Хроника Мухаммеда-Тахира ал-Карахи / Пер. А.М. Барабанова; предисл. и ред. И. Ю. Крачковского. — М. — Л.: Изд-во АН СССР, 1941.
- Шапсугов Д. Ю. Современные проблемы исследования обычного права народов Северного Кавказа // Обычное право народов Северного Кавказа: итоги и перспективы исследования. — Ростов-н/Д: Изд-во СКАГС, 2006.
- Шершеневич Г. Ф. Общая теория права. — Т. 1: сайт [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.pravo.vuzlib.org/book_z1617_page_53.html.
- Ярлыкапов А. А. Адат, шариат и российское право на современном Северном Кавказе: итоги и перспективы // Ислам в мультикультурном мире: Мусульманские движения и механизмы воспроизводства ислама в современном информационном пространстве: сб. ст. / Отв. ред. Д. В. Брилев. — Казань: Казанский университет, 2014.
- Ярлыкапов А. А. Современный Дагестан: актуальные этнополитические и этноконфессиональные проблемы // NB: Проблемы общества и политики. — 2012. — № 3. — С. 130—153 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://e-notabene.ru/pr/article_257.html

27 Ярлыкапов А. А. Современный Дагестан: актуальные этнополитические и этноконфессиональные проблемы // NB: Проблемы общества и политики. — 2012. — № 3. — С. 130—153 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://e-notabene.ru/pr/article_257.html

28 См.: Ярлыкапов А. А. Адат, шариат и российское право на современном Северном Кавказе: итоги и перспективы // Ислам в мультикультурном мире: Мусульманские движения и механизмы воспроизводства ислама в современном информационном пространстве: сб. ст. / Отв. ред. Д. В. Брилев. — Казань: Казанский университет, 2014. — С. 374.

Макаев Х. Ф., Макаева Г. З.

ФОРМИРОВАНИЕ ЛИНГВОКОМПЕТЕНТНОГО СПЕЦИАЛИСТА ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВА НА ОБРАЗОВАНИЕ

В статье рассматривается проблема формирования лингвокомпетентного специалиста в условиях современного мира на философско-лингвистическом подходе для разрушения барьеров непонимания между специалистами мирового общества. Особое внимание уделяется определению понятий «компетентность», «коммуникативная компетентность», имеющих множество толкований разными учёными. Показана важность наличия у любого специалиста коммуникативного «профиля» профессиональной деятельности.

Ключевые слова: философско-лингвистический подход, знания, умения и навыки, лингвокомпетентный, коммуникативная компетентность, коммуникативный «профиль».

Makayev Kh. F., Makayeva G. Z.

FORMING A LINGUISTICALLY COMPETENT SPECIALIST THROUGH REALIZATION OF THE RIGHT TO EDUCATION

In the article the problem of forming a linguistically competent specialist in the modern world is considered on the base of philosophical linguistic approach for breaking the barriers of misunderstanding between specialists all over the world. Great attention is given to the phenomena of «competence», «communicative competence», which are explained differently by many scientists. The importance of presence of communicative «profile» of professional activity of a specialist is shown.

Keywords: philosophical linguistic approach, knowledge, abilities and skills, linguistically competent, communicative competence, communicative «profile».

Согласно Всеобщей декларации прав человека, принятой Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 г., образование должно быть направлено к полному развитию человеческой личности и к увеличению уважения к правам человека и основным свободам. Образование должно содействовать взаимопониманию, терпимости и дружбе между всеми народами. Право на образование – одно из наиболее существенных конституционных социальных прав человека, создающее предпосылку для развития как его личности, так и всего общества, и оно закреплено практически во всех основных законах.

Изменения, происходящие в настоящее время в мире во всех сферах жизни человеческого общества, требуют повышения роли нравственной, духовной и профессиональной личности, сочетающей высокий уровень ответственности и свободы в определении своего жизненного предназначения. В настоящее время в вузы технического профиля приходят молодые люди с несколько притупившимся интересом к здоровой духовной жизни, в силу возрастных особенностей не имеющие прочных связей с прошлым, недостаточно чётко представляющие роль нравственных ценностей в мире, с которыми им придётся иметь дело в XXI в. Как верно заметил академик А. А. Логунов, «проблема бездуховности подрастающего поколения стучится в дверь, а мы её не замечаем»¹. Поэтому преподавание предметов гуманитарного цикла, а именно философии и иностранного языка, в технических вузах сегодня приобретает особую значимость. Ведь в процессе обучения наши студенты должны получать не только профессиональные знания, умения и навыки (ЗУН), но и формироваться как личности, приобретать комплекс качеств, необходимый им в дальнейшей жизни. Именно эти дисциплины призваны формировать общую культуру человека, гражданские и профессиональные качества личности, развивать интел-

лектуальные и творческие способности. Академик Д. С. Лихачёв чётко и точно сформулировал основные тенденции современного образования следующим образом: «Двадцать первый век должен стать веком гуманитарного мышления или его не будет совсем»².

Решение вышеобозначенной проблемы возможно, на наш взгляд, через формирование лингвокомпетентного специалиста на основе философско-лингвистического подхода. Принимая во внимание созидательную роль мыслительной деятельности в формировании личности специалиста, следует отметить, что язык, по мнению известного лингвиста XIX в. Карла Беккера, принадлежит всецело мысли как высшему проявлению человеческой жизни. Мышление, заявляет Карл Беккер, проявляется в языке, как зрение в глазах: зрение выражает понятие глаза, а мысль выражает понятие языка. Следовательно, язык – это воплощение человеческой жизни, поскольку в человеческом организме язык выражен «в такой полноте, какая невозможна в других организмах»³. И происходит это с помощью мышления.

Таким образом, философско-лингвистический подход нацелен на развитие у студентов мышления и навыков овладения культурным наследием человечества, на выработку у них собственной жизненной позиции и осмысленного, осознанного мировоззрения, на развитие у студентов интереса к фундаментальным знаниям, на стимулирование потребности

Макаев Х. Ф.

Макаева Г. З.

1 Логунов А. А. Об интеллигенции // Правда. – 1989. – 7 августа. – № 219 (25937).

2 Лихачев Д., Самвелян Н. Диалоги о дне вчерашнем, сегодняшнем и завтрашнем. – М.: «Советская Россия», 1988. [Электронный ресурс]. Режим доступа: svitk.ru/004_book_book/16b/3565...dne_vherahnem.php

3 Беккер К. Организм языка (перевод) 1860 г. // Филологические записки. – 1860. – № 2. – С. 13.

к философским оценкам исторических событий и фактов действительности, усвоение идеи единства мирового историко-культурного процесса при одновременном признании многообразия его форм.

Одной из важнейших задач философии является формирование здоровых этических, эстетических представлений обучающихся. Очень важным компонентом в процессе преподавания дисциплины является обращение к опыту народов, который передается из поколения в поколение, при реализации которого неопределима и незаменима роль языка.

Формирование лингвокомпетентного специалиста, т. е. его коммуникативной компетентности, является важнейшим условием развития мирового общества посредством разрушения барьеров непонимания между людьми. Оно призвано обеспечивать эффективную коммуникацию между представителями разных стран и народов. Именно коммуникативная компетентность может обеспечить специалиста возможностью пользоваться, согласно новому закону «Об образовании в Российской Федерации», вступившему в силу 1 сентября 2013 г., правом на образование в течение всей жизни в соответствии с его потребностями, адаптируя систему образования к уровню его подготовки, особенностям развития, способностям и интересам.

Поэтому повышение качества профессионального образования, особенно его коммуникативной составляющей, основанной на философских и лингвистических ЗУН, является одной из актуальных проблем не только для России, но и для всего мирового сообщества, так как на современном этапе успех может быть достигнут только благодаря росту высоких технологий и информационно-интеллектуальному развитию общества, основанному, в первую очередь, на коммуникативных умениях. Философские и лингвистические ЗУН для любого специалиста, и вообще для каждого гражданина общества – это основа не только его личной социальной и профессиональной успешности, но и эффективности общественного развития в целом.

В связи с этим необходимо по-новому взглянуть на вопрос подготовки кадров в вузе с целью получить высококвалифицированного лингвокомпетентного специалиста, который с первых шагов будет хорошо ориентироваться в трудовом процессе, самостоятельно находить и анализировать необходимую информацию, рационально использовать ЗУН для успешного решения профессиональных задач.

Результатом обучения в вузе сегодня должны быть не просто ЗУН, а формирование вдумчивой, свободной, образованной, творческой личности, способной жить в современном мире, готовой к саморазвитию как в своих собственных интересах, так и в интересах общества, что возможно только благодаря наличию коммуникативных навыков, подкреплённых философским взглядом на жизнь. Компетентность в процессе коммуникации становится одной из составляющих высокого профессионального уровня практически во всех сферах деятельности, так как любой специалист участвует в информационном обмене, взаимодействует с другими.

Проблемы коммуникации, общения, коммуникативной компетентности глубоко изучены и детально освещены в теоретических трудах философов (М. Шелер, К. Ясперс, М. Бубер, М. Бахтин и др.), психологов (Б. Г. Ананьев, А. А. Леонтьев, С. Л. Рубинштейн, Б. М. Теплов, В. А. Якунин и др.), педагогов и педагогов-лингвистов (В. И. Гинецинский, М. И. Лисина, Г. И. Михалевская, А. В. Мудрик, Г. С. Трофи-

мовой и др.), социальных педагогов (Б. З. Вульф, Г. А. Кудрявцева, В. А. Фокин и др.).

Несмотря на то, что проблема коммуникативной компетентности хорошо освещена в педагогике, психологии, социальной педагогике, социальной психологии, её формирование с точки зрения философского и лингвистического подходов в связи с переориентацией системы образования на новые ценности приобретает сегодня новое звучание. При освещении этого вопроса учёные, рассматривая то или иное лингвистическое явление, не ограничиваются только констатацией фактов, а стараются заглянуть в глубинные процессы мыслительной деятельности.

Отмечая общие черты речепорождения, важно учитывать не только глубинные структуры в виде грамматических правил, но и смысловое содержание сообщений. Практика показывает, что обучающиеся зачастую не владеют навыками речепорождения даже на своём родном языке по причине отсутствия у них навыков речевой мыслительной деятельности, предполагающей формирование мыслей с последующей передачей их в речи. Следовательно, в процессе вузовской подготовки необходимо повышать их способности формулировать мысли для воспроизведения их в речи, что, несомненно, способствует формированию коммуникативной компетентности студентов вузов.

Существуют различные подходы к пониманию компетентности. Многие определяют компетентность как готовность, способность, ответственность, уверенность и т. д. Дж. Равен определяет компетентность, состоящую «из большого числа компонентов, многие из которых относительно независимы друг от друга... могут заменять друг друга в качестве составляющих эффективного поведения»⁴.

Особое место в анализе проблемы коммуникативной компетентности занимает концепция К.-О. Апеля, согласно которой все участники коммуникации ориентируются на обобщённые, интересубъективно понятые нормы коммуникации, что в совокупности с коммуникативной компетентностью и наличием рациональных мотивов делает возможным сам этот процесс.

Немецкий философ Ю. Хабермас подчеркивает, что его «коммуникативное действие», являясь мегатипом всех типов социальных действий, не сводится к одной лишь коммуникации и что оно охватывает все виды интеракций, которые осуществляются совместно и согласованно с другими людьми.

По Г. С. Трофимовой, лингвистическая компетентность – это способность понимать (продуцировать) неограниченное число правильных в языковом отношении предложений с помощью усвоенных языковых знаков и правил их соединения⁵.

Г. М. Коджаспирова и А. Ю. Коджаспиров рассматривают коммуникативную компетентность как «способность устанавливать и поддерживать необходимые контакты с другими людьми; систему внутренних ресурсов, необходимых для построения эффективной коммуникации в определённом круге ситуации межличностного взаимодействия»⁶.

Коммуникативная компетентность личности – это знание и понимание норм и правил общения, в том числе и невер-

4 Равен Д. Компетентность в современном обществе. Выявление, развитие и реализация. – М., 2002. (англ. 1984). – С. 253.

5 Трофимова Г. С. Дидактические основы формирования коммуникативной компетентности обучаемых. Дисс. ... д-ра пед. наук. – С.-Петербург, 2000. – С. 36.

6 Коджаспирова Г. М., Коджаспиров А. Ю. Словарь по педагогике. – М.: ИКЦ «МарТ»; Ростов н/Д: Издательский центр «МарТ», 2005. – С. 133.

бального языка общения, высокий уровень речевого развития, позволяющий человеку в процессе общения передавать и воспроизводить информацию, умение вступать в контакт с окружающими людьми с учетом их половозрастных, социально-культурных, статусных характеристик, умение убеждать собеседника, способность правильно оценивать собеседника как личность, как конкурента или партнера, способность вызывать у собеседника положительное отношение к собственной личности.

В нашем понимании коммуникативная компетентность – это способность специалиста определенной области эффективно и со всей ответственностью общаться с коллегами в конкретной ситуации профессионального речевого общения по конкретному деловому вопросу, включающему общепрофессиональные и узкоспециальные профессиональные знания, умения и навыки⁷.

Решение проблемы формирования коммуникативной компетентности является актуальным не только для каждого конкретного человека, но и для общества в целом, поскольку общество немислимо вне общения. Именно в сфере коммуникации человек осуществляет и свои профессиональные, и личные планы, получает подтверждение своего существования, помощь в реализации жизненных планов и потребностей. Поэтому коммуникативные умения и навыки – это ключ как к успешной деятельности субъекта, так и к успешной жизни в целом.

Сегодня от человека требуется умение жить, сосуществовать в обществе, достижение которого возможно посредством создания в среде обитания, учебной среде конкретных ситуаций речи, требующих от него осознанного самостоятельного выбора вида действия, ценностей и целей, мотивов и способов поведения, проб на выстраивание разнообразия круга общения, требующих творческого проявления как групповых, так и индивидуальных коммуникативных навыков. Необходим учёт степени осведомленности слушателя, общих целей коммуникации и т. д., то есть учёт той совокупности экстралингвистических факторов, которые также влияют на положительный результат осуществления коммуникации.

Лингвокомпетентному человеку важно уметь осознавать и контролировать свое социальное поведение, понимать поведение других, причины возникновения того или иного эмоционального состояния, владеть механизмами коммуникации, необходимыми для успешного выполнения данной деятельности, видеть коммуникативные проблемы в своей деятельности, уметь их формулировать и искать пути их адекватного разрешения. Все эти элементы характеризуют коммуникативный «профиль» профессиональной деятельности любого специалиста, поскольку он должен уметь устанавливать психологический контакт с собеседником, управлять процессом общения, а также иметь сформированные речевые и рефлексивные умения, основанные на таких личностных качествах, как доброжелательность, тактичность, объективность, толерантность, организованность, инициативность⁸. Он должен быть способным

эффективно решать нестандартные задачи, возникающие в процессе коммуникативных действий.

Таким образом, для формирования лингвокомпетентного специалиста необходим учёт философских и лингвистических факторов, определяющих возможность подготовки данного специалиста с правильным мировоззрением, отношением к окружающему миру, умеющего устанавливать адекватный контакт с любым собеседником.

Пристатейный библиографический список

1. Беккер К. Организм языка (перевод) 1860 г. // Филологические записки. – 1860. – № 2.
2. Коджаспирова Г. М., Коджаспиров А. Ю. Словарь по педагогике. – М.: ИКЦ «МарТ»; Ростов н/Д: Издательский центр «МарТ», 2005.
3. Лашкова Л. Л. Концепция развития коммуникативного потенциала будущих педагогов дошкольных образовательных учреждений: Дисс. ... докт. пед. наук. – Челябинск, 2011.
4. Лихачев Д., Самвелян Н. Диалоги о дне вчерашнем, сегодняшнем и завтрашнем. – М.: «Советская Россия», 1988 Официальный сайт svitk.ru/004_book_book/16b/3565...dne_vherahnem.php
5. Логунов А. А. Об интеллигенции // Правда. – 1989. – 7 августа. – № 219 (25937).
6. Макаев Х. Ф. Формирование иноязычной коммуникативной компетентности как условие подготовки профессионально-мобильных специалистов // Поликультурное образовательное пространство Поволжья: пути и формы интеграции: сб. науч. трудов Международной научно-практической конференции (Казань, КФУ, 1 ноября 2013 г.) / Под ред. Г. Ж. Фахрутдиновой, Е. Г. Соловьевой. – Казань: Отечество, 2013.
7. Равен Д. Компетентность в современном обществе. Выявление, развитие и реализация. – М., 2002. (англ. 1984).
8. Трофимова Г. С. Дидактические основы формирования коммуникативной компетентности обучаемых: Дисс. ... докт. пед. наук. – С.-Петербург, 2000.

7 Макаев Х. Ф. Формирование иноязычной коммуникативной компетентности как условие подготовки профессионально-мобильных специалистов // Поликультурное образовательное пространство Поволжья: пути и формы интеграции: Сб. науч. трудов Международной научно-практической конференции (Казань, КФУ, 1 ноября 2013 г.) / Под ред. Г. Ж. Фахрутдиновой, Е. Г. Соловьевой. – Казань: Отечество, 2013. – С. 354.

8 Лашкова Л. Л. Концепция развития коммуникативного потенциала будущих педагогов дошкольных образовательных учреждений: Дисс. ... докт. пед. наук. – Челябинск, 2011. – С. 106–108.

Ильясов Р. Р., Измайлова Е. Н.

АБНЕГИЗМ: ОПЫТ ПРАВОВОГО И ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Имитационные практики в образовательном пространстве легитимизируют явление «абнегизма» как целенаправленной ориентированности субъекта на контролируемую им самим онтологическую посредственность. Причины активного появления данного феномена следует искать в деятельности социальных институтов, в отсутствии четких мировоззренческих оснований образовательной системы. Абнегизм вызывает целый ряд негативных последствий, в числе которых нарастающее отчуждение субъектов образования.

Ключевые слова: законодательство, юридическое образование, кризис образования, имитация, социальная игра, знание и информация, абнегизм, отчуждение.

Ilyasov R. R., Izmailova E. N.

ABNEGISM: EXPERIENCE OF LEGAL AND PEDAGOGICAL RESEARCH

Simulation practices in the educational space legitimize the phenomenon of «abnegism» as a person's purposeful focus on self-controlled ontological mediocrity. The causes for the upsurge of this phenomenon are to be searched for in the activities of social institutes, in the absence of clear-cut world-view bases of the educational system. Abnegism causes a wide range of negative consequences including growing alienation of subjects of education.

Keywords: legislation, juridical/law department education, educational crisis, simulation, social play, knowledge and information, abnegism, alienation.

Федеральный закон «Об образовании» четко определил сущность образования как совокупности приобретаемых знаний, умений, навыков, ценностных установок, опыта деятельности и компетенций и задачи высшего образования как обеспечения подготовки высококвалифицированных кадров по всем направлениям общественно-полезной деятельности.

Сейчас, когда в стране самыми распространенными словами являются «инновация», «инновационное развитие», «инновационный путь», на самом деле не наблюдается инновационного поведения граждан.

Человек с инновационным поведением обладает достаточным уровнем развития интеллекта и креативности, эффективен, как в производстве мыслительной и творческой продукции, так и на поведенческом уровне во взаимодействии с такими продуктами.

Вспоминается произведение Ульяма Тенна «Нулевой потенциал» (1915 г.) про Джорджа Абнега – абсолютно среднего человека, приход к власти которого спровоцировал увядание человеческой цивилизации, возврат к натуральному хозяйству и последующее исчезновение человека с планеты.

Абнегизм понимается нами как целенаправленная ориентированность субъекта на контролируемую им самим онтологическую посредственность в действиях. Абнегизм не признает подлинной образованности, подлинного сподвижничества и познавательного энтузиазма, он предполагает минимальный уровень вовлеченности в действие и с равной вероятностью ориентирован и на успех, и на поражение в конечном результате¹.

К числу новых атрибутов образовательной реальности в постсоветское время относится следующий феномен: группы студентов на каждом курсе, в каждом потоке, внешне выполняющих роль студентов и искусно имитирующих учебную и познавательную активность. Стоит отметить, что имитаторы-студенты, как и школьники-имитаторы, постоянно присутствовали в образовательной среде. В настоящее время их численность сопоставима с «настоящими» студентами, именно они в силу своей активности определяют настроение и активность всей группы. Исторически этот аспект раскрывается

О. Шпенглером: «Имитация родилась из тайного ритма всего космического. Бодрствующему существу единство представляется разорванным и распряженным: неким “здесь” и неким “там”, чем-то собственным и чем-то чужим, микрокосмом, соотношенным с макрокосмом, как полюсами жизни, протекающей в ощущениях, и этот раскол восполняется ритмом подражания»².

Причины появления данного феномена следует искать не в самих индивидах, этот путь тупиковый, так как личность во многом есть следствие конкретных общественно-экономических обстоятельств и отражает их в своей индивидуальной жизненной сценарии. Причины имитации находятся в общественно-экономической обстановке, которая у субъектов формирует соответствующие мировоззренческие и ценностные ориентации. В первую очередь это продукты действия мощных средств визуальной и аудиальной информации, они во многом автономно от действия других социальных институтов формируют устойчивую и деонтологизированную установку субъекта на гедонистические варианты организации жизни. Вследствие этого именно досуговые, развлекательные и увеселительные способы времяпрепровождения становятся ведущими социальными регуляторами успешности и эффективности в жизни субъекта. В экранной культуре произошла смена героев, так области малозаметного, внешне невыразительного, повторительного и рутинного труда во многом оказываются вынесенными на периферию интересов, более того, признаются «как бы» несуществующими в «этой жизни». С другой стороны, до сих пор подавляющее большинство видов материального и духовного производства изначально отрицают творчество и инновации, они во многом с самого начала воспроизводят монотонность, однообразие, вне результативности, и никак не могут по содержанию даже приблизиться к активно пропагандируемым «свободным» типам активности, когда каждый день новое и каждый день как праздник.

Под влиянием пропаганды примитивного гедонизма ценности фундаментальной науки постепенно вытесняются на периферию жизнесмысловых оснований студента, для по-

1 Ильясов Р. Р. Абнегизм как антиинновация // Инновации в образовании. – 2011. – № 1. – С. 47–63.

2 Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. 1. Тештальт и действительность / Пер. с нем. – М.: Мысль, 1993. – С. 356.

следних учебная активность переводится в разряд упрощенных квазиигровых практик в получении зачета, экзамена. На первых же занятиях активно изучается преподаватель и вычисляется, как на него можно воздействовать, чтобы, не обучаясь, получить заданный результат в конце семестра, изучается его неформальные показатели, степени пристрастия, «слабые» качества, чтобы потом их использовать для достижения поставленной прагматической цели. Игровые формы замещения подлинности события становятся весьма распространенным явлением, так как игра уже выступает в качестве основы организации взаимодействия субъектов в целом на макро и микроуровнях. Стоит также отметить, что и компьютерные симуляции выстроены на игровых принципах, и именно они во многом и формируют духовный облик молодого человека.

К тому же, допустимо и другое уже не воспринимающееся как уникальное положение, когда студент даже формально не исполняет учебный ритуал, ему достаточно обратиться в специализированные фирмы (рекламные объявления обещают многое, если не всё...), заказать и выкупить готовые, качественно выполненные полноценные по форме и по содержанию контрольные работы, рефераты, дипломные проекты, эссе, портфолио, сочинения по многим, и возможно, по всем дисциплинам Госстандарта образования. Соблазн не принимать учебу как личное, затратное и длительное усилие, а подменить её искусной имитацией имеет тенденцию к совершенствованию. Электронные помощники зачастую и выступают в роли таких заменителей и заместителей.

Полноценно учиться и затем трудиться на пределе своих потенциалов становится не так привлекательно, как не учиться и не трудиться, а отдыхать и развлекаться. Моральный релятивизм уже принимает как должное, что обучение лишилось своей сакральности, оно во многом не воспринимается как продуктивный, и тем более единственный способ организации благополучной личной жизни, карьерного роста, материального изобилия и безопасности. Псевдоучебные, имитационные, пустые практики постепенно легитимизируют абнегизм как целенаправленную ориентированность личности на контролируруемую и контролируемую им онтологическую минимизированную посредственность в личном образовательном дискурсе. Она принципиально не признает трудозатратной, подлинной образованности как цели, и как задачи – сподвижничества, душевного порыва и познавательного энтузиазма.

Второй из причин развития абнегизма выступает запрограммированное образовательными институтами психологическое отчуждение преподавателей от студентов в общем потоке деиндивидуализации и формализации. Современный вузовский преподаватель и не должен знать, кого и для чего именно он учит, многолетними усилиями реформаторов его деятельность была успешно приравнена к простому оказанию коммерческой образовательной услуги. Если ранее учитель обучал и одновременно воспитывал ученика, будучи в основном убежденным в безусловной правоте доводимых аудитории мировоззренческих, профессиональных, этических установок, то теперь, в условиях плюрализма и аморальности, такое положение становится утопичным. Преподаватель и не может воспитывать, так как отсутствуют установленные единые формы, нормы, ценности в организации социальной реальности. Из этого тезиса проистекает психологическое и морально-этическое отстранение ментора от духовного мира обучаемого. Учебный, воспитательный процесс выстраивается по схеме: я обучаю содержанию дисциплины, но никак не духовным основаниям организации внутреннего мира, более того, я заявляю, что не принимаю на себя ответственность за

успешное будущее субъекта, которое не гарантировано во всех вариантах: и его прилежанием, и его имитацией. Успех в жизни сопутствует не обязательно трудолюбивым, одаренным и способным людям. Успешными зачастую становятся интриганы, комбинаторы, имитаторы, способные манипулировать человеком не как целью, а как средством для достижения.

Стоит также заметить, что в общественную жизнь нового тысячелетия весьма успешно включились явные лженаучные, откровенно догматические, разрушающие душу и тело институты. Повсеместно наблюдается упрощение, опрощение, и даже полная элиминация фундаментального, объективного, научного дискурса из жизни. Его искусно подменяют или заменяют паранаучными и венаучными спекуляциями. А что делать носителю научной картины мира, если самые массовые программы радиопередач дополняются астрологическими прогнозами, если в массовых газетах печатаются «волшебные» объявления жрецов, магов, которые «могут всё за один сеанс»: вернуть любовь, возратить мужа, укрепить бизнес, привлечь удачу, защищаться от наговоров.

Возвращаясь к исходному тезису статьи, отметим, что проблема повышения степени усвоения, освоения и демонстрации учебного материала до сих пор не имеет эффективных механизмов решения. На каждой сессии, в каждом семестре имеет место отчисления студентов за неуспеваемость. Стало традицией основной причиной считать установку студента на отождествление сложно приобретаемого знания с информацией. Дело в том, что «работать» на компьютере ребёнок (наш будущий абитуриент и студент) начинает в раннем возрасте, еще не даже вполне овладев способностью говорить и выражать собственное отношение к объектам в речевой и моторной деятельности. В силу исключительной доступности для оперирования информационная машина становится для него источником ценной информации о строении окружающего мира, более того – непреерекаемым авторитетом. В отличие от родителей и тем более требующих постоянной рефлексии преподавателей, машина «молчалива», полностью послушна, постоянно готова искать, представлять разнообразный текстовый, графический и иной материал. С другой стороны, студент только на сессии соглашается с многократно доводимой до него мыслью, что полноценное и устойчивое истинное знание, в отличие от информации, «добывается» крупными в течение многих напряженных лет обучения в высшей школе. Следовательно, наличие доступных виртуальных гигабайтов вовсе не гарантирует получение из них ценного, обоснованного, верифицированного знания, эта доступность во многом фиктивная, и по многим предметам авторами выявлены границы эффективности машины в поиске и представлении знания. Так, по предметам сутубо технического цикла бессилие машины начинается с момента перевода теоретического знания в практически-предметную плоскость. Положение усугубляется и тем, что в школе, видимо, и не может проводиться серьезная деятельность по различению знания и информации, зачастую эти области различного уровня рефлексии некритически выдаются как синонимичные.

Итак, только на промежуточной аттестации у студента возникают сложности в идентификации знания и информации при демонстрации им сформированных компетенций за семестр. Студент, возможно, впервые задумывается над непреодолимым для него противоречием: если весь или почти весь материал в готовом виде уже «лежит в Интернете» (именно эта идея и формируется как абсолютная истина в среднем школьном образовании), то почему же до сих пор обучение прямо связывается с его личными усилиями, с напряжением,

с безусловным отказом от некоторых цивилизационных благ? Почему приходится заставлять себя упорно учить сложный, противоречивый, порой нелогичный материал, запоминать, связывать, систематизировать, классифицировать, верифицировать мыслительные конструкты в систему научного знания в индивидуальной картине мира? При этом сами студенты приходят к выводу, что для мыслящего субъекта очевиден не столько его успех в образовании, сколько его неуспех, его нереализованность даже в уже полностью освоенных компетенциях. С этих позиций исследования формирования полноценных компетенций в условиях явного информационного доминирования выступает отдельной дидактической задачей, требующей дополнительного исследования. Поэтому как гипотетичный выдвинем тезис: образование не поддается произвольному информационному конструированию, оно лишь нелинейным и противоречивым образом конституируется, следовательно, и соответствующая ему реальность индивидуально создается субъектом для себя и встраивается в единую картину мира. Информационное накопление не приводит к событиям, конституирующим смысл личностного образования. Корректно организованный учебный процесс убеждает студента, что наличие громадных объемов доступной информации вовсе не свидетельствует о легкости её освоения, и тем более усвоения. Более того, выясняется, что информация отчуждена от личности, она во многом аналог метафизическому «ничто», и что качество жизни лишь опосредованно зависит от наличия гигабайтов информации.

Путь формирования системной совокупности активных знаний по одному предмету даже при условии напряженного учебного труда студента сложен. Для преодоления опасных последствий абнегизма каждому студенту следует постоянно объяснять, почему так различаются «скорость» и «глубина» усвоения материала, почему его сознание «естественно» запоминает то, что не следовало бы запомнить, и не фиксирует те фрагменты знания, что так долго и упорно заучивается именно с целью запомнить и адекватно воспроизвести на экзамене. За последние годы из учебной практики вымывается разъяснительная деятельность. Студентов следует подвести к умозаключению о необходимости систематических занятий с каждым предметом и каждый день в течение всех пяти лет обучения, и вне зависимости от того, какой это день – праздничный, выходной, рабочий, и независимо от эмоционального и иного состояния. Также следует время от времени конструировать ситуации, которые демонстрируют ошибочность их юношеской веры в «волшебные» свойства экрана. Понимание цели и задач социализации есть во многом результат личного постоянно обновляемого познавательного действия, и рефлексия ценности своего участия в преобразовании достигается только в результате постоянной мыслительной работы над поиском истины. Только при этом молодой человек будет представлять ценность не декларируемыми абстрактными качествами, а в переживаемых индивидуально критериях истинности и ложности.

Иной аспект, претендующий на недостаточную исследованность данного феномена, связан с наличием жесткой, обусловленной однозначной экономической необходимостью исполнения имитационных моделей поведения как единственно допустимой ответной реакции на неспособность субъекта к полноценному труду даже в очевидных для многих областях жизни. Этот модус наиболее явно проявляется у работника, искусственно удлиняющего свыше 8 часов рабочее время, одновременно работающего в нескольких учреждениях, точнее можно высказаться так: даже не работающего, а обозначающе-

го себя как работающего. Трудовое законодательство не ограничивает количество одновременных «подработок» рядового сотрудника, при этом ответственность за безопасные условия труда и за результаты возлагается в большей степени на самого работника и в меньшей степени – на работодателя. Рассмотрим описываемую в педагогических журналах типичную ситуацию: студент очного отделения параллельно с выполнением своей роли студента оказывается способным подрабатывать официантом, разносчиком, грузчиком, этот факт надо расценивать как начало имитации в его учебной деятельности. Даже одно пропущенное лекционное или семинарское занятие уже привносит необратимую деформацию в структуру формирующихся компетенций будущего специалиста.

В общей массе студенты даже очного отделения и не задумываются, где и кем они будут работать. Для части молодёжи характерна стойкая установка как можно больше не работать самим, пока есть источники финансирования их продолжения в бесконечность и в никуда обучения. Подобная изначальная демотивированность приводит к парадоксам социального действия: выпускник в целом активно отрицает накопленные им знания, относительно легко соглашаясь на профессии, в которых его знаниевый потенциал не задействован. Тем самым формируется частичный работник, которому уже нет дела до аксиологических измерений собственного труда и его конечных результатов, который уже отчужден от навязанной ему профессии и должности.

Стоит процитировать современного авторитета в этой области. Ю. А. Левада указывает: «Думаю, имитация – ключевое слово при анализе действий и оценок в различных сферах и на разных уровнях общественной жизни страны. Имитация означает использование формы, вывески, слов, лишенных реального содержания. Поэтому в одно и то же время можно имитировать какие-либо либеральные перемены и отказ от них в пользу государственной монополии, соблюдение демократических принципов и стремление к авторитаризму, уважение к правовым институтам и сохранение “телефонного права”, сближение с Западом и отгораживание от него»³.

По нашему мнению, в студенческой среде активно продуцируются различные варианты жизнедеятельности, в числе которых модусы абнегизма постепенно становятся значимой ценностной ориентацией для части юношей и девушек. Именно они и легитимизируют облик уже «другого» субъекта без личных познавательных интенций. С чисто юридической точки зрения, причиной перехода к незнаниевой имитации выступает сознательный и целенаправленный отказ субъекта от установленных правил и норм, от той реальности, которую задают эти правила и нормы.

Пристатейный библиографический список

1. Ильясов Р. Р. Абнегизм как антиинновация // Инновации в образовании. – 2011. – № 1.
2. Левада Ю. А. Стабильность в нестабильности // Общественные науки и современность. – 2003. – № 2.
3. Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. 1. Гештальт и действительность / Пер. с нем. – М.: Мысль, 1993.

3 Левада Ю. А. Стабильность в нестабильности // Общественные науки и современность. – 2003. – № 2. – С. 6.

Шкель С. Н. АВТОРИТАРИЗМ КАК КАТЕГОРИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ

В статье рассматриваются основные подходы политической науки к определению таких категорий, как политический режим и авторитаризм. Дается критический обзор существующих концептов и представлены авторские дефиниции исследуемых понятий. Делается вывод, что для исследования современных форм авторитаризма продуктивным может являться подход, основанный на синтезе электорального и неопатримониального концептов в понимании сущности политического режима.

Ключевые слова: авторитаризм, политический режим, политическая наука, государственное управление.

Shkel S. N. CATEGORY OF AUTHORITARIANISM IN POLITICAL SCIENCE

This article discusses the main approaches to the definition of political science categories such as political regime and authoritarianism. A critical review of existing concepts is presented as well as the author's definitions of studied concepts. The conclusion is made that for the study of contemporary forms of authoritarianism the approach, based on the synthesis of electoral and neopatrimonial concepts in understanding the nature of the political regime may be productive.

Keywords: authoritarianism, political regime, political science, public administration.

В политической науке направление по изучению политических режимов является одним из самых разработанных и динамично развивающихся. Сама категория «политический режим» в общественном сознании имеет самые разнообразные определения. Весь спектр предложенных дефиниций можно в самом общем смысле разделить на два направления: минималистское (процедурно-электоральное) и широкое (политико-социальное).

Минималистское направление берет начало с элитистской теории демократии, изложенной в трудах Й. Шумпетера¹, а также концепта «полиархии» Р. Даля². Оба теоретика понимают режим, прежде всего, как механизм (метод) ротации элит. Так, например, демократический режим Й. Шумпетер определяет как «политический метод (институциональная структура), позволяющий принимать политические решения определенным индивидам, добившимся успеха в привлечении голосов избирателей»³. Р. Даль строит типологию политических режимов на основе двух ракурсов: степени конкуренции политических субъектов и уровня допуска масс к участию в политическом процессе. Максимальные значения этих двух критериев являются минимальными признаками демократии (полиархии), а отсутствие всех или какого-либо из них позволяет зафиксировать недемократические типы режимов: закрытую гегемонию, открытую гегемонию и конкурентную олигархию⁴.

Легко заметить, что согласно данному подходу политический режим понимается как набор правил и процедур, определяющих каналы доступа к власти. Минималистское определение режима стало одним из самых распространенных в политической науке. Так, достаточно общепринятой стала формулировка Г. О'Доннелла и Ф. Шмиттера, которые понимают под данной категорией «совокупность явных и скрытых моделей, которые определяют формы и каналы доступа к ведущим правительственным постам, а также характеристик акторов и используемых ими стратегий»⁵. Следуя этой традиции

и определяя в качестве ключевых независимых переменных акторов институты, ресурсы и стратегии, В. Гельман понимает политический режим как «совокупность акторов политического процесса, институтов политической власти, ресурсов и стратегий борьбы за достижение или удержание власти»⁶.

Широкое направление в определении понятия «политический режим» исходит из более многомерной его трактовки не только как канала доступа к властным государственным позициям, но и включает в это понятие такие аспекты, как методы осуществления власти, административное управление и широкий спектр механизмов взаимодействия между властью и обществом. Наиболее известным примером данного подхода является концепт Х. Линца и А. Степана, в рамках которого ученые предложили четыре измерения режимов: степень политической мобилизации населения, рамки социально-экономического плюрализма, наличие или отсутствие господствующей идеологии и роль конституционализма в осуществлении власти⁷. С этой точки зрения тип режима определяется не только на основе оценки качества избирательных процедур и электорального процесса, но учитывается также более широкий круг показателей социально-экономического, властно-управленческого и культурного характера.

Несколько упрощая, можно сказать, что разница в определении категории «политический режим» в рамках указанных двух направлений заключается в степени акцентирования того или иного уровня государственного взаимодействия с обществом. Процедурно-электоральный подход концентрируется на взаимодействиях «снизу-вверх» в рамках отношений «общество-власть», оценивая каналы доступа к властным позициям и уровень их конкуренции. Более широкое понимание режима подразумевает также учет взаимодействий «сверху-вниз» как совокупности интеракций от власти к обществу с акцентом анализа не только на каналы доступа к власти, но и на оценку методов осуществления властвования. Аналитически разделяя эти два аспекта, С. Маззула предлагает каналы до-

Шкель С. Н.

1 Шумпетер Й. А. Капитализм, социализм и демократия: пер. с англ. / Предисл. и общ. ред. В. С. Автономова. — М.: Экономика, 1995.

2 Даль Р. А. Полиархия: участие и оппозиция / Пер. с англ. С. Деникиной, В. Баранова; Гос. ун-т – Высшая школа экономики. — М.: Изд. дом Гос. ун-та – Высшей школы экономики, 2010.

3 Шумпетер Й. А. Указ. соч. — С. 269.

4 Даль Р. Указ. соч. — С. 9–12.

5 O'Donnell G., Schmitter Ph. Whitehead L. Transition from Authoritarian Rule: Prospects for Democracy. — Baltimore, 1986. — P. 73.

6 Россия регионов: трансформация политических режимов / Гельман В., Рыженков С., Бри М. — М., 2000. — С. 19–20.

7 Linz H., Stepan A. Problems of Democratic Transition and Consolidation. Southern Europe, South America and Post-Communist Europe. — Baltimore and London: Johns Hopkins University Press, 1996.

ступа к власти обозначать как «режим», а обратное движение от власти к обществу в виде механики осуществления принятых решений определять как «администрирование». В рамках такой логики каналы доступа к власти согласно критерию уровня конкуренции будут градироваться по шкале от авторитарного до демократического режима. В свою очередь, методы управления исследователь предлагает классифицировать на основе теории патримониального господства и бюрократии М. Вебера⁸, что подразумевает рассмотрение качества государственного управления в рамках континуума от традиционного патриомонизма до рационально-бюрократической модели модернизированного управления, основанного на формальных институтах и господстве права (power of law)⁹.

Хотя аналитическое разделение областей и функциональной сущности «режима» и «администрирования» является полезной стратегией для операционализации рассматриваемых понятий и их эмпирической верификации, необходимо отметить, что в реальности обе сферы являются взаимосвязанными и зависимыми друг от друга. Поэтому для понимания причин утверждения в той или иной стране авторитарного режима и дефицита демократии, а также для определения конкретного режимного типа необходимо включать в поле анализа не только сферу доступа к властным позициям, но и область государственного управления, связанного с таким параметром, как качество бюрократии. Как показано ниже в этой работе на примерах постсоветского развития, эрозия качества электоральных практик часто является следствием незавершенности процесса рационализации бюрократии¹⁰ и доминирования не столько силы права (power of law), сколько права сильного (law of power).

Таким образом, для более четкой фиксации не только самой общей природы режима, то есть его авторитарной или полиархической (демократической) сущности, но и отображения специфики авторитарных практик важен учет также такого критерия, как тип управленческой модели и уровень ее формальной институционализации. В этой связи *политический режим* можно определить как *совокупность формальных и неформальных правил, регулирующих каналы доступа к властным позициям и формирующих модели осуществления государственного управления*.

В политической науке существует давняя традиция теоретизации демократии, в то время как авторитаризм до последнего времени оставался некоей остаточной категорией, к которой принято относить все режимные формы, которые не отвечают базовым демократическим характеристикам. В результате элементы и признаки авторитаризма до сих пор остаются недостаточно систематизированными и концептуально обоснованными.

Р. Даль, определяя демократию, указывает, что ее ключевой характеристикой является «непрерывная способность правительства реагировать на предпочтения своих граждан, которые в политическом отношении рассматриваются как равные»¹¹. Эта способность правительства обуславливается наличием совокупности институций и правовых гарантий, главными из которых можно признать регулярность проведения честных и справедливых выборов, которые создают вертикальную подотчетность элит по отношению к обществу и минимизируют их автономию от социальных субъектов. Хотя сами по себе честные и справедливые выборы еще не гарантируют того, что правительство будет чувствительно к предпочтениям граждан, что требует также го-

ризонтальной подотчетности в виде разделения властей, доминирования конституционализма (power of law), свободных СМИ, развитого гражданского общества и прочих институциональных ограничений исполнительной власти, тем не менее, конкурентные выборы можно признать исходным признаком, без которого политический режим не может априори быть признан демократическим и, следовательно, подпадает под иную категорию.

Взяв за основу электоральный критерий оценки режимов, М. Алварес, А. Чейбуб, Ф. Лимонджи и А. Пшеворский определяют демократию как систему, при которой высшие государственные посты занимают на основе конкурентных выборов. Теоретики выдвигают три правила, согласно которым они проводят грань между демократией и авторитаризмом: 1) глава исполнительной власти должен быть всенародно выбран или выбран всенародно избранным представительным органом; 2) легислатура должна быть всенародно избранной; 3) выборы должны быть с участием более чем одной партии или листа избирателей и проведенными по справедливым правилам для каждого из участников¹². Противоречие хотя бы одного из этих правил служит основанием для определения режима в качестве авторитарного. Схожим образом, используя электоральный подход, Дж. Ганди определяет авторитарный режим как ситуацию, в которой политические элиты приобретают власть иными способами, нежели конкурентные выборы¹³.

Эти максимально удобные с точки зрения эмпирической фиксации и измерения режимных форм положения могут быть отправной точкой для определения авторитаризма. В рамках этой логики *авторитарный режим* можно понимать как *совокупность формальных и неформальных правил, определяющих каналы доступа к властным позициям, согласно которым конкурентные выборы либо отсутствуют, либо не являются ключевым механизмом ротации элит*.

Приставленный библиографический список

1. Вебер М. Избранное. Образ общества. – М.: Юрист, 1994.
2. Даль Р. А. Полиархия: участие и оппозиция / Пер. с англ. С. Деникиной, В. Баранова; Гос. ун-т – Высшая школа экономики. – М.: Изд. дом Гос. ун-та – Высшей школы экономики, 2010.
3. Россия регионов: трансформация политических режимов / Гельман В., Рыженков С., Бри М. – М., 2000.
4. Шумпетер Й. А. Капитализм, социализм и демократия / Пер. с англ. / Предисл. и общ. ред. В. С. Автономова. – М.: Экономика, 1995.
5. Alvarez M., Cheibub J., Limongi F., Przeworski A. Classifying Political Regimes // Studies in Comparative International Development. – 1996. – Vol. 31. – № 2.
6. Gandhi J. Political Institutions under Dictatorship. – NY: Cambridge University Press, 2008.
7. Linz H., Stepan A. Problems of Democratic Transition and Consolidation. Southern Europe, South America and Post-Communist Europe. – Baltimore and London: Johns Hopkins University Press, 1996.
8. Mazzula S. L. Reconceptualizing Democratization: Access to Power Versus Exercise of Power // Regimes and Democracy in Latin America: Theories and Methods / Ed. by G. L. Munck. – Oxford Univ. Press, 2007.
9. O'Donnell G., Schmitter Ph. Whitehead L. Transition from Authoritarian Rule: Prospects for Democracy. – Baltimore, 1986.
10. Weber M. Economy and Society. An Outline of Interpretive Sociology. – Berkeley: University of California Press, 1978. – P. 226–241.
11. Mazzula S. L. Reconceptualizing Democratization: Access to Power Versus Exercise of Power // Regimes and Democracy in Latin America: Theories and Methods / Ed. by G. L. Munck. – Oxford University Press, 2007. – P. 39–49.
12. Вебер М. Избранное. Образ общества. – М.: Юрист, 1994. – С. 109.
13. Даль Р. А. Полиархия: участие и оппозиция / Пер. с англ. С. Деникиной, В. Баранова; Гос. ун-т – Высшая школа экономики. – М.: Изд. дом Гос. ун-та – Высшей школы экономики, 2010. – С. 6.
12. Alvarez M., Cheibub J., Limongi F., Przeworski A. Classifying Political Regimes // Studies in Comparative International Development. – 1996. – Vol. 31. – № 2. – P. 7–8.
13. Gandhi J. Political Institutions under Dictatorship. – NY: Cambridge University Press, 2008. – P. 7.

Чистяков К. В.

ЭКСТРЕМИЗМ КАК РЕАКЦИЯ НА ПРОИЗВОЛ ВЛАСТИ

В статье рассматриваются идеи правовой государственности, цели создания государства, место человека в государстве. Анализируются особенности принуждения в государстве, система правовых ценностей. Изучается произвол власти и ее облик.

Ключевые слова: государство, власть, право, произвол, принуждение, ценности, ответственность, экстремизм.

Chistyakov K. V.

EXTREMISM AS A REACTION TO THE ARBITRARINESS OF POWER

This article discusses the idea of legal statehood, the goal of the state, the place of the human in the state. The author analyzes the characteristics of coercion in the state system of legal values. The abuse of power and its appearance is examined.

Keywords: state, power, law, tyranny, coercion, values, responsibility, extremism.

Чистяков К. В.

Представления о государстве как организации, действующей на основе закона, стали развиваться на ранних этапах развития человеческой цивилизации.

Афины при помощи законодательства строили демократию, Спарта успешно препятствовала ей также при помощи законодательства. До правового государства в данном обществе было еще далеко, поскольку правосознание опиралось на необходимость управления завоеванными народами и модернизационный процесс. Расцвет правосознания произошел после заката демократической идеи. Вначале она была сменена имперской идеей Рима, а позднее, в Средневековье, идеей княжеской власти. Однако в Средневековье была зарождена предпосылка правосознания — появилось понятие священного закона. В период Ренессанса произошло развитие антропоцентристского элемента средневекового сознания. Поэтому идеи правового государства в Новое время успешно произросли в европейской культуре.

В период начавшегося разложения феодализма идеи правовой государственности с позиций историзма изложили прогрессивные мыслители того времени Н. Макиавелли и Ж. Боден. В своей теории Н. Макиавелли на основе многовекового опыта существования государства прошлого и настоящего предпринял попытку объяснить принципы политики. Цель государства он видел в возможности свободного пользования имуществом и обеспечении безопасности для каждого¹.

Позднее цели создания государства были рассмотрены Д. Локком, отмечающим, что государство устанавливает законы для устройства и учреждения собственности, а также использует общественные силы для исполнения этих законов и для защиты от внешних нападений. В таком государстве господствует закон, обеспечивающий естественные неотчуждаемые права собственности, индивидуальной свободы и равенства². Свобода людей в государстве характеризуется отношениями — разрешено все то, что не запрещено, либо запрещено все то, что не разрешено.

С развитием общественных отношений меняется и отношение к месту человека в государстве. В нем гражданин

должен обладать той же возможностью принуждения власть предержащих к точному исполнению закона, какой обладает властвующий в его отношении к гражданину³. Принуждение должно осуществляться на основе права, оно является показателем государственного суверенитета, исключает беззаконие и произвол, но следует отметить, что произвол может способствовать развитию беззакония, в связи с тем, что пришедшие во власть будут проталкивать свои интересы, не озираясь на мнение населения.

Определяя в законах меру свободы личности, государство в этих же пределах ограничивает себя в собственных решениях и действиях. Государство обязуется обеспечивать справедливость в обществе. Государственные органы не могут нарушать правовые предписания и несут ответственность за невыполнение этих обязанностей или их нарушения. Существует также системы гарантий, которые обеспечивают обязательность соблюдения закона государственной властью, дабы предупредить административный произвол. К ним относятся: ответственность правительства перед представительными органами; ответственность депутатов перед избирателями, а также ответственность должностных лиц государства за невыполнение или нарушение своих обязанностей.

Произвол властей хорошо представлен на примере Древнего Рима сначала борьба за власть расколола империю на две части, а потом и просто уничтожила. Произвол власти порождает бескультурие у подданных, поскольку все, что нужно было римскому гражданину для полного счастья — «хлеба и зрелищ». Но пока народ наслаждался гладиаторскими боями, власть менялась.

Следует привести свидетельство римского историка Марцеллина, писавшего о современном ему Риме (383—390 г. н. э.): «Людей образованных и серьезных избегают как людей скучных и бесполезных. Немногие дома, славившиеся в прошлые времена вниманием к наукам, погружены теперь в забавы позорной праздности. Вместо философа приглашают певца, вместо оратора — мастера потешных дел. Библиотеки заперты навек. Когда в виду опасения нехватки продовольствия, принимались меры к быстрому удалению из Рима всех чужеземцев, первым делом выслали представителей образованности и науки, хотя число их было незначительно, но были оставлены в городе.

1 Головистикова А. Н., Дмитриев Ю. А. Проблемы теории государства и права. — М., 2005.

2 Хлебалина Е. А. и др. Энциклопедия для детей. Универсальный иллюстрированный энциклопедический словарь Аванта+. — Т. 23. — М., 2004. — С. 456.

3 Аргёмов В. М. Государство и право. — М., 2007. — № 3 март. — С. 127.

Три тысячи танцовщиц со своими музыкантами... Книг же, за исключением немногих занимательных, не читают совсем»⁴. Произвол власти, взяточничество, утрата интереса к делам государства – все это способствовало падению Западной Римской империи. Под конец своего существования полное бесправие охватило Рим, и его уничтожили германские племена.

Основой природы государственного властвования является сознание зависимости. Сознанию зависимости идет навстречу стремление всеми средствами закрепить это сознание в умах окружающих людей и сделать эту связь нерасторжимой. Власть становится одной из величайших ценностей, одним из самых непреодолимых соблазнов.

Борьба за существование невольно переходит в борьбу за преобладание, удержание своего места под солнцем. В современную эпоху государство представляется как организация власти, и неудивительно, если именно эта власть мыслится как железная грань для личной свободы. Анархизм, который объявляет войну всякому принуждению и в нем видит первородный грех человеческих обществ, легко забывает о деспотизме других союзов; он склонен изображать в произвольно светлых чертах эпохи, отмеченные слабостью государственной власти, и сосредоточивает силу своего отрицания на государстве. Но и для современного человека вообще проблема власти в ее отношениях к личной и общественной свободе представляется прежде всего в форме проблемы именно государственной власти.

Власть в современном государстве старается принять все более и более правовой облик, проблемы заключаются в том, что главные ограничения власти создается самой властью. Существует множество определений понятия «право», мы понимаем под ним систему правил поведения, установленных государством и обеспеченных силой государственного принуждения.

Определений власти так же много, как и определений права, мы придерживаемся следующего: Государственная власть есть система отношений господства и подчинения, концентрированное выражение воли и силы доминирующего социального, национального слоя (класса, нации) или народа, воплощенные в государственно-правовых институтах. Она обеспечивает стабильность и порядок в обществе, защищает его граждан от внешних и внутренних посягательств путем использования различных методов и средств, в том числе государственного принуждения и военной силы⁵.

Власть можно рассматривать в двух значениях: как способность и как возможность оказывать определяющее воздействие на деятельность, поведение людей с помощью каких-либо средств – воли, авторитета, права, насилия (родительская власть, государственная, экономическая и др.), и как политическое господство, систему государственных органов.

Принято различать легальную и легитимную власть.

Легальность государственной власти – юридическая характеристика государственной власти, означающая ее официальное провозглашение, правомерное установление, функционирование в режиме законности⁶.

Легитимность – признанность или оправданность какого-либо политического института, решения или факта. Несмотря на происхождение слова, она не тождественна законности. Легитимность характеризует то, что общество воспринимает не-

кие политические структуры, персоны, факты и действия как обоснованные, и потому приемлемые. Основой легитимности может быть не только законность, но и истинность, аргументированность, харизма, признанность. Противоположностью легитимности является нелегитимность, делегитимизация – утрата доверия, обоснованности⁷.

Совпадение легальности и легитимности происходит далеко не всегда, поскольку легитимность может быть и неполной, поскольку тот или иной закон, лидер и т.д. поддерживаются определенной частью населения.

Легитимность власти следует определять как способность поддерживать доверие к себе. Легитимность власти предполагает, что она установлена демократичным путем, является справедливой, объективной, полезной для населения. Без этого власть несет лишь произвол.

В каждом обществе установлены свои правила поведения, и человек обязан их соблюдать, независимо от того, является ли он представителем данной группы или нет.

Нелегитимной власти ксенофобия нужна для решения самых разных социальных и политических задач. Выделяют три функции современной ксенофобии, национализма и фашизма.

Во-первых, они служат «страшилкой» для режима.

Во-вторых, «инородцы» – превосходный «козел отпущения» для бездарной власти.

В-третьих, фашисты, скинхеды – социальная база, «резерв главного командования» в борьбе с предполагаемой оранжевой революцией, до смерти напугавшей власть. Да и сегодня их можно использовать против «несогласных»⁸.

Одним из примеров властного произвола, послужившего развитию экстремизма, который вышел на государственный уровень, является фашистский режим.

В основе государственной идеологии фашистского режима лежит идея национализма, при которой уничтожаются враги нации.

Фашизм «озабочен» судьбой мирового сообщества, полагает, что избранная нация должна играть ведущую роль не только в своем государстве. Вначале у них появляется цель «облагородить» этой нацией мир, зачастую они начинают осуществлять свои замыслы на практике.

Стоит подчеркнуть, что вражда естественна для человечества, как и дружба, и неизбежна до конца времен.

Враг связан вовсе не только с простой эмоцией ненависти. Гамма чувств к врагу может включать уважение к нему, как к участнику смертельной схватки. Но вражда может нисходить и до презрения, как к подлецу, не знающему благородства и чести, нисходить до брезгливости к ничтожеству.

Другой формой властного произвола служит авторитарный режим, при котором власть не контролируется народом. Представительные органы реально в государстве ничего собой не представляют. Они выполняют декоративную функцию. Реально же жизнь в стране подчинена воли лидера правящей элиты. Лидер обычно является сильной личностью. Его влияние очень значительно, однако он не склонен принимать решения единолично.

Некоторые государства в настоящее время пропагандируют национализм и возвышают своих «ветеранов», которые истребляли других людей лишь за то, что они другого цве-

4 Батыр К. И. История государства и права зарубежных стран. – М., 2005. – С. 98.

5 Перевалов В. Д. Теория государства и права. – М., 2005.

6 См. указ соч. – С. 453.

7 Хлебалина Е. А. и др. Энциклопедия для детей. Универсальный иллюстрированный энциклопедический словарь Аванта+. – Т. 23. – М., 2004. – С. 312.

8 Антонян Ю.М. Архетип и преступность. – М., 2009. – С. 383.

та кожи или религии. Назначение наказания экстремистам должно соответствовать тяжести их деяний, но недопустимо, чтобы экстремистами признавали политических оппонентов и людей, «неудобных» режиму. Необходимо учитывать возможность исправления экстремистов, поскольку если такой возможности нет, то своим пребыванием в местах лишения свободы они создают потенциальную угрозу для остального населения страны, поскольку кто угодно может быть захвачен в качестве заложника с целью обмена.

Суд в таком государстве — вспомогательный инструмент. Используются также внесудебные методы расправы (сталинские «тройки», психиатрические больницы, незаконное лишение гражданства и выдворение за границу).

Оппозиция при авторитарном режиме не допускается. В политической жизни могут участвовать и несколько партий, но они должны ориентироваться на линию, выработанную правящей партией, в противном случае они разгоняются.

Провозглашается полный приоритет интересов государства над личностью, и в массах культивируется фанатизм по отношению к власти, с использованием демагогии и превращением населения в простой объект манипуляций.

Ответственность в прошлом рассматривалась преимущественно как духовное, нравственно-психологическое качество («чувство ответственности») свободной и зрелой личности, определяющей свою жизнь, ее содержание и направление. Это осознание человеком своей призванности посвятить жизнь осуществлению цели, дающее ему «самоусиление», и одновременно способность преодолевать внутренние и внешние препятствия на пути к ней. Это чувство заставляет постоянно сверять сделанное с должным, судить свои дела и поступки по совести и чести. Считалось, что оно должно быть развито у всех, но особенно у государственных деятелей.

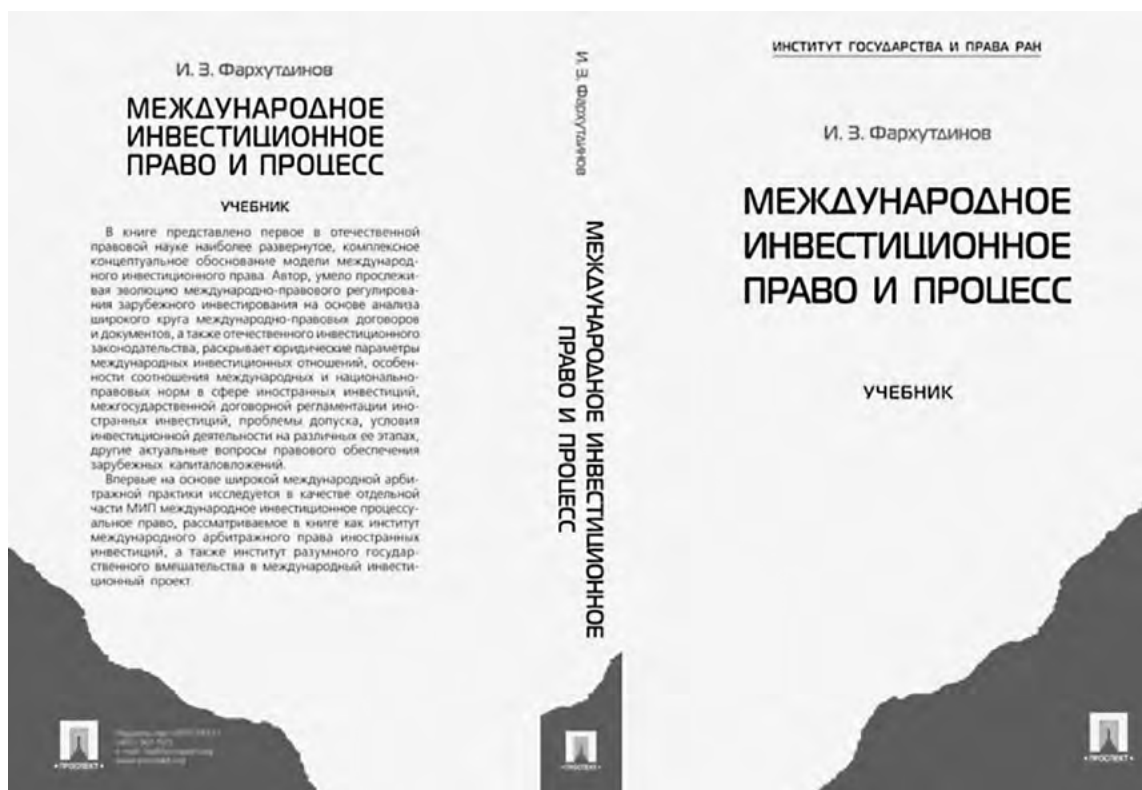
В самом широком плане ответственность государственной власти есть соответствие ее качеств (в том числе устройства) и деятельности условиям и задачам, вставшим перед страной (ответ на вызовы времени, на объективные требования к ней). Это глубокое осознание субъектами власти жизненно важных интересов общества и страны, своего призвания самоотверженно бороться за их осуществление, способность вырабатывать качественную политику, принимать наилучшие решения, осуществлять их с максимальной пользой для общего блага.

Во власть нередко идут с расчетом укрыться от наказания за преступления; власть все более криминализируется.

Но отбор во власть лучших людей, каким бы качественным он ни был, дает максимальный эффект лишь когда подкрепляется системой норм и институтов, оберегающих властителей от ложных путей. Без этого власть может сильно уродовать людей, ею обладающих, возбуждать в них чувства вседозволенности, пренебрежения к людям, амбициозности, лени, верхоглядства, жестокости. Давно замечено, какие громадные беды способна причинить власть, предоставленная сама себе.

Пристатейный библиографический список

1. Антонян Ю. М. Архетип и преступность. — М., 2009.
2. Артёмов В. М. «Государство и право». — 2007. — № 3.
3. Батыр К. И. История государства и права зарубежных стран. — М., 2005
4. Головистикова А. Н., Дмитриев Ю. А. Проблемы теории государства и права. — М., 2005.
5. Первалов В. Д. Теория государства и права. — М., 2005.
6. Хлебалина Е. А. и др. Энциклопедия для детей. Универсальный иллюстрированный энциклопедический словарь Аванта+. — Т. 23. — М., 2004.

Мехдиева Улькер

АЗЕРБАЙДЖАНСКАЯ ДИАСПОРА В КОНТЕКСТЕ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ РОССИИ И АЗЕРБАЙДЖАНА

После распада Советского Союза был запущен процесс диаспоризации России. Сегодня одной из крупнейших диаспор в Российской Федерации является азербайджанская диаспора. В данной статье проанализирована роль диаспоры в налаживании гуманитарного сотрудничества между Россией и Азербайджаном. С этой целью рассмотрена ее история, проблемы и перспективы развития, исследована степень интеграции азербайджанцев в российское общество.

Ключевые слова: азербайджанская диаспора в России, Азербайджан, Россия, Гейдар Алиев, Всероссийский Азербайджанский Конгресс.

Mehdieva Ulker

AZERBAIJANI DIASPORA IN THE CONTEXT OF SOCIAL AND CULTURAL INTERACTION OF RUSSIA AND AZERBAIJAN

After the Soviet Union's dissolution the process of Russia's diasporisation was launched. Today, one of the largest Diasporas in the Russian Federation is the Azerbaijan Diaspora. This article analyzes the role of the diaspora in promoting humanitarian cooperation between Russian Federation and Azerbaijan. To this end, the author considers its history, problems and prospects, investigates the degree of integration of Azerbaijan into the Russian society.

Key words: Azerbaijan diaspora in Russia, Azerbaijan, Russia, Heydar Aliyev, All-Russian Azerbaijan Congress.

Мехдиева Улькер

В 1991 г., после распада СССР, многие этнические группы оказались отрезанными от территорий компактного расселения своих соотечественников. Одновременно возникли условия для свободного передвижения людей на постсоветском пространстве, что способствовало образованию мощных миграционных потоков, прежде всего из бывших республик Средней Азии и Закавказья. В результате был запущен процесс диаспоризации России, по темпам которого наша страна, несомненно, занимает одно из первых мест в мире¹. Более того, Россия представляет собой одну из самых полиэтнических стран мира. Здесь проживает около 200 этносов, каждый из которых имеет характерные особенности материальной и духовной культуры.

Уже с конца 1970-х годов национальные диаспоры стали объектом для исследования. В России, тем не менее, исследовательский интерес к этой тематике проявился лишь во второй половине 1990-х годов. В СССР понятие «диаспора» было не слишком популярно. Объяснением этому может служить тот факт, что как для российской, так и для советской империй было характерно территориальное расселение народов, и это не способствовало образованию диаспор.

Только после распада Советского Союза феномен диаспоры стал привлекать пристальное внимание историков, этнографов, политиков, представителей различных региональных конфессий. Данное обстоятельство объясняется тем, что употребление термина «диаспора» стало удобным для описания различных процессов полиэтнического размежевания на постсоветском пространстве.

Становление независимого Азербайджана в новейший период сопровождалось интенсивным развитием азербайджанской диаспоры в России, странах СНГ и «дальнем зарубежье». С одной стороны, военно-политические и социально-экономические события начала 1990-х годов способствовали

отъезду азербайджанцев за пределы республики. По официальным данным, Азербайджан покинуло более 800 тыс. человек, начиная с 1994 г.² По оценке азербайджанского политолога А. Юнусова, с 1991 по 1997 гг. только в РФ из Азербайджана выехало более 1,5 млн человек, то есть почти четверть от общей численности населения государства³.

Процессы «возрождения» государственности, формирования властных и управленческих институтов Азербайджана как инструментов этнонационального самоопределения азербайджанцев актуализировали для нового государства проблему консолидации соотечественников. Политическая элита постсоветского Азербайджана позиционировала себя в качестве главного выразителя и защитника интересов всех этнических азербайджанцев.

Одним из основных политических лозунгов нового государства стал «Азербайджан – Родина всех азербайджанцев». В 1991 г. по инициативе Г. А. Алиева (на тот момент главы Парламента Нахичеванской автономии в составе Азербайджана) был учрежден День солидарности азербайджанцев всего мира, после чего 31 декабря азербайджанцы ежегодно отмечают этот праздник. Позже, возглавив руководство Азербайджанской республикой, Г. А. Алиев обозначил проблему консолидации диаспоры как одну из приоритетных государственных задач.

Отметим, что и на сегодняшний день существует огромная потребность в организации соотечественников, проживающих за рубежом, в виде национальной диаспоры. В различных странах действует около 300 азербайджанских общин и объединений, и процесс организации азербайджанской диаспоры продолжается и сегодня.

Государственный комитет по работе с азербайджанцами, проживающими за рубежом, уделяет особое внимание вопросу создания новых общин. Одним из важнейших результатов

1 Кондратьева Т. С. Диаспора в современном мире: эволюция явления и понятия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.perspektivy.info/srez/val/diaspory_v_sovremennom_mire_evolyucija_javlenija_i_ponatija_2010-02-27.html

2 Маркедонов С. Во имя независимого Азербайджана [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.milli-firka.org/content>

3 Караваев А. Диаспора за солидарность и плюрализм культур [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.izvestia.ru/azerbaijan/article3136908/>

работы Комитета стало проведение в ноябре 2001 г. под эгидой президентской администрации Всемирного съезда азербайджанцев в Баку.

По словам известного азербайджанского деятеля Назима Ибрагимова, «первый съезд запомнился как отправная точка движения азербайджанской диаспоры»⁴. Впервые за многовековую историю азербайджанцев мира соотечественники собрались вместе. Г. А. Алиев дал им необходимые поручения касательно организации работы по пропаганде Азербайджана во всем мире, усилению деятельности диаспоры. В течение пяти лет, прошедших с момента Первого съезда, в результате выполнения его рекомендаций голос азербайджанцев стал слышен во всех уголках планеты.

Примечательно, что одной из наиболее мощных азербайджанских диаспор является диаспора на территории РФ. Г. А. Алиев, выступая на Учредительном собрании Всероссийского Конгресса Азербайджанцев, оценил численность своих соотечественников приблизительно в 1–2 млн. человек. Азербайджанцы расселены в 55 субъектах РФ. Наиболее крупные их общины находятся в Москве, Санкт-Петербурге, Волгограде, Тверской области.

Азербайджанская диаспора – важный экономический фактор развития самого Азербайджана. По подсчетам руководителя Института международных экономических и политических исследований РАН Р. С. Гринберга, только денежные переводы в Азербайджан составляют 1,8–2,4 млрд долларов США⁵. В середине 1990-х гг. обозначились тенденции институционализации азербайджанских диаспор. Диаспоральная элита, по сути, стала представлять собой квазигосударственную структуру, претендующую на роль посредника в отношениях между официальной властью, правоохранительными структурами и рядовыми азербайджанцами (прежде всего мигрантами).

Как свидетельствует опыт истории, самые прочные и взаимовыгодные межнациональные связи и отношения складываются тогда, когда они строятся и сверху, и снизу, когда в процессе строительства межгосударственных отношений активно задействована сама общественность, различные организации и движения. Азербайджанская диаспора в России глубоко заинтересована в полномасштабном развитии российско-азербайджанских связей и отношений во всех сферах жизни.

В последнее время наблюдается возрастающий интерес историков к взаимоотношениям между Российской Федерацией и Азербайджанской Республикой. Этому есть объяснение. Сотрудничество двух стран заложено исторически. Особенно важно то, что после прихода к власти в Азербайджане Г. А. Алиева отношения между государствами стали складываться уже в новой системе⁶. Курс сотрудничества с Россией продолжил и нынешний президент Азербайджанской Республики Ильхам Алиев.

На сегодняшний день азербайджано-российские отношения – многомерная реальность, вобравшая в себя широкий спектр экономических, политических, военно-стратегических и иных вопросов. Они имеют долгую историю, в ходе которой многое изменилось. Одним из наиболее динамично развивающихся направлений сотрудничества России и Азербайджана

является социокультурная сфера. Прочным фундаментом взаимодействия в данной области выступает сохранение русскоязычного пространства в Азербайджане, а также общее историко-культурное наследие.

Благодаря политике, проводимой главами государств, Азербайджан и Россию на протяжении уже довольно долгого времени связывают крепкие двусторонние связи. Однако есть сферы, в которых участие государства не может покрыть пустующие зоны взаимодействия и требуется общественная активность.

Эффективная работа по созданию неформальных сетевых связей между сообществами двух стран ведется Азербайджанской Молодежной Организацией России и представительством фонда имени Гейдара Алиева в РФ. Большую роль в этом процесс также играют программы межвузовского и иного образовательного сотрудничества. В частности, в Баку стал функционировать филиал МГУ. В странах Содружества начали появляться специализированные магазины русской книги, первый из них, что символично, открылся в столице Азербайджана.

В августе 2009 г. была восстановлена работа Общества дружбы «Россия-Азербайджан», временно прекращенная в связи с уходом из жизни его основателя, знаменитого «генерала» советской экономики Николая Константиновича Байбакова. В том, что азербайджанская диаспора в России не забывает о своих традициях, обычаях и культуре, немаловажную роль играют национально-культурные организации, самой большой из которых является Всероссийский Азербайджанский Конгресс (ВАК).

Он объединяет азербайджанцев Российской Федерации с целью содействия реализации их национально-культурных интересов и гражданских прав, выступает за всемерное укрепление дружбы между Россией и Азербайджаном, развитие глубоких экономических, политических и культурных связей двух стран⁷.

ВАК был создан в марте 2001 г. Это позволяет сказать, что азербайджанская диаспора в России – довольно молодая, если сравнивать ее с теми же армянской или же еврейской диаспорами. Конгресс имеет региональные отделения в 68 субъектах Российской Федерации. Его деятельности оказывают содействие исполнительные структуры России и Азербайджана. Идея создания организации возникла в 1999 г. Ее авторами были крупные бизнесмены, ученые, общественные деятели, являющиеся выходцами из Азербайджана, известные не только в России, но и в Азербайджане.

Российский президент В. В. Путин, выступая на II съезде Всероссийского Азербайджанского Конгресса, подчеркнул, что и ВАК, и азербайджанская диаспора в целом «способны заметно повысить результативность нашего экономического, делового сотрудничества, способны серьезно повлиять на рост гуманитарных связей, на укрепление самого духа доверия в отношениях между нашими государствами»⁸.

Как известно, точных данных о количестве азербайджанцев в России нет. По мнению посла РФ в Азербайджане В. Дорохина, число азербайджанцев в России составляет 2,5 млн человек, из которых 700–800 тыс. имеют гражданство РФ. До

4 Дятлов В.И. Диаспора: судьба термина [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.statusquo.ru/689/article_786.html/

5 Караваев А. Диаспора за солидарность и плюрализм культур [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.izvestia.ru/azerbaijan/article3136908/>

6 Всероссийский Азербайджанский Конгресс [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://azerbaydjanvak.fo.ru/blog/26435/29949>

7 Владимир Дорохин: «Отношения Азербайджана и России – пример другим странам», интервью газете «Неделя» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.embrus-az.com/intervyu/673-vladimir-doroxin-otnosheniya-azerbajdzhana-i.html>

8 Выступление В. Путина на II Съезде Всероссийского Азербайджанского Конгресса // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://archive.kremlin.ru/text/appears/2004/10/78247.shtml>

рохин считает, что пребывание такого большого числа азербайджанцев на территории России не создает проблем политического характера для двусторонних отношений, так как «эти люди составляют своеобразный актив российско-азербайджанской дружбы»⁹.

За последние годы азербайджанская диаспора в России совершила своеобразный скачок в своем развитии. К неоспоримым успехам диаспоры можно отнести расширение ее информационных возможностей, усиление взаимодействия с органами государственной власти и общественными организациями России.

Тем не менее азербайджанская диаспора еще довольно молодая, вследствие чего существует ряд проблем, которые ей предстоит решить. Если в 90-х годах стоял вопрос о том, что нет ни одной структуры, которая могла бы консолидировать азербайджанцев на территории страны пребывания (России), то теперь суть в том, что таких организаций уже несколько. С одной стороны, все они, по сути, служат единой цели – сохранению азербайджанской культуры и традиций в среде своих соотечественников, проживающих в РФ. Основной задачей перечисленных общественных объединений является сплочение азербайджанцев в рамках единого сообщества.

Однако порой они выполняют противоположную функцию. Если раньше соотечественники сплачивались только в рамках одной организации, ВАК, который и по сей день является единственной официальной диаспоральной структурой азербайджанцев в России, то теперь они, в силу тех или иных причин, рассеиваются по многочисленным, более мелким объединениям.

За каждым из этих объединений стоят разные группы людей, преследующие разные интересы. Много, конечно же, остается вне поля зрения простого азербайджанца, который, вливаясь в ряды той или иной организации, неосознанно начинает выполнять задачи, стоящие перед властными группами, которые возглавляют диаспоральные организации.

Казалось бы, наличие в России сразу нескольких организаций, объединяющих азербайджанцев, свидетельствует об успешном развитии азербайджанской диаспоры в России. Но это не совсем так. Подобное положение дел способствует в определенной степени и разрозненности диаспоры. В этой ситуации самая большая ответственность ложится на плечи Всероссийского Азербайджанского Конгресса, организации, официально признанной Государственным Комитетом по работе с диаспорой АР, организации, сумевшей за более чем 10 лет своего существования объединить в своих рядах азербайджанцев из более чем 70 регионов Российской Федерации.

Так или иначе, азербайджанская диаспора успешно интегрировалась в российское общество, став его полноценной частью, и уже сказала свое слово в деле укрепления гуманитарного сотрудничества России и Азербайджана.

Реализация в ближайшем будущем ряда перспективных проектов в социокультурной сфере может стать существенным вкладом в стратегическое партнерство России и Азербайджана, еще раз подтвердив слова президента АР Ильхама Алиева о том, что «отношения между нашими странами могут быть примером отношений между соседями, между великой стра-

ной и страной, которая бурно развивается, между странами, которые когда-то жили в одном государстве и сегодня как два независимых государства строят отношения на основе дружбы, добрососедства, взаимопомощи, взаимной поддержки и равноправия»¹⁰.

Пристатейный библиографический список

1. Владимир Дорохин: «Отношения Азербайджана и России – пример другим странам», интервью газете «Неделя» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.embrus-az.com/intervyu/673-vladimir-doroxin-otnosheniya-azerbajdzhana-i.html>
2. Всероссийский Азербайджанский Конгресс [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://azerbaydjanvak.fo.ru/blog/26435/29949>
3. Выступление В. Путина на II Съезде Всероссийского Азербайджанского Конгресса [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://archive.kremlin.ru/text/appears/2004/10/78247.shtml>
4. Диаспора: общая информация [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.azerbaijan.az/_Society/_Diaspora/diaspora_01_r.html
5. Дятлов В. И. Диаспора: судьба термина [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.statusquo.ru/689/article_786.html/
6. Измоденов И. А. Российско-азербайджанские отношения (1991–2003) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.dissercat.com/content/rossiisko-azerbaidzhanskie-otnosheniya-1991-2003-gg>
7. Караваев А. Диаспора за солидарность и плюрализм культур [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.izvestia.ru/azerbaijan/article3136908/>
8. Кондратьева Т. С. Диаспора в современном мире: эволюция явления и понятия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.perspektivy.info/srez/val/diaspory_v_sovremennom_mire_evolyucija_javlenija_i_ponatiija_2010-02-27.html Маркедонов С. Во имя независимого Азербайджана [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.milli-firka.org/content/>
9. Назаров Р. Р. Феномен диаспоры. – М., 2003.

⁹ Владимир Дорохин: «Отношения Азербайджана и России - пример другим странам», интервью газете «Неделя» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.embrus-az.com/intervyu/673-vladimir-doroxin-otnosheniya-azerbajdzhana-i.html>

¹⁰ Полоскова Т. В. Современные диаспоры: внутриполитические и международные проблемы. – М., 2000.

Нечевин Д. К.

РЕЦЕНЗИЯ НА РУКОПИСЬ УЧЕБНОГО ИЗДАНИЯ ПО ПРОГРАММЕ УЧЕБНОЙ ДИСЦИПЛИНЫ «АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО» ПОД РЕДАКЦИЕЙ ЗАСЛУЖЕННОГО ДЕЯТЕЛЯ НАУКИ РОССИИ, ДОКТОРА ЮРИДИЧЕСКИХ НАУК, ПРОФЕССОРА Л. Л. ПОПОВА

Nechevin D. K.

REVIEW OF THE MANUSCRIPT OF ACADEMIC MANUAL ON THE PROGRAMME OF «ADMINISTRATIVE LAW» DISCIPLINE, 030900 «JURISPRUDENCE» (QUALIFICATION (DEGREE) BACHELOR) TRAINING COURSE, EDITED BY HONORED SCIENTIST OF RUSSIA, DOCTOR OF LAW, PROFESSOR L. L. POPOV

Нечевин Д. К.

Сформулировать проблему часто бывает важнее, чем найти ее решение. Умение ставить новые вопросы, видеть новые возможности, рассматривать старые проблемы под новым углом зрения требуют творческого воображения и приводит к подлинным успехам в науке.

*А. Эйнштейн
Res ipsa loquitur*

Профессорами Л. Л. Поповым и Ю. И. Мигачевым¹ опубликовано немало научных трудов, включая многочисленные работы по истории и теории современной науки административного права. Ученые полагают, что административное право – важнейшая, ключевая отрасль правовой системы Российской Федерации, регулирующая особую группу общественных отношений, складывающихся в области публичного (государственного) управления. Оно воздействует на те общественные отношения, которые возникают в процессе реализации одной из ветвей государственной власти России, а именно исполнительной власти. Как отрасль публичного права административное право обладает собственным предметом и методом: системой государственно-управленческих отношений и способами и средствами воздействия на них, поскольку государственное управление реализуется через категории публичных интересов, потребностей, целей, стимулов и норм, теоретическая значимость проведенного авторами исследования заключается в анализе генезиса и развития института административного права в общественной жизни общества как отрасли законодательства, как отрасли правовой науки и как учебной дисциплины. Но если административное право как совокупность юридических норм предписывает соответствующее поведение, то наука административного права исследует нормы административного права, классифицирует и систематизирует их, объединяет в правовые институты и представляет в определенной системе. Наука административного права, по мнению авторов, выявляет эффективность административного законодательства и практики его применения, и более того, ее необходимо рассматривать как систему взглядов и представлений о государственно-правовом содержании процессов и явлений, складывающихся в различных сферах исполнительно-распорядительной деятельности государства. Кроме того, она раскрывает теоретические положения об отрасли административного права и предмете ее регулирования.

Действительно, и это отмечают авторы в своем труде, наука как отрасль учебной дисциплины административного

права исследует такие правовые проблемы, как сущность государственного управления, его организация в различных областях государственной деятельности, формы и методы его осуществления; административно-правовой статус органов исполнительной власти, граждан и организаций; прохождение государственной службы и статус государственных служащих; административный процесс и ряд других.

Нормативную основу науки и отрасли учебной дисциплины административного права составляют Конституция Российской Федерации, законодательные и нормативные правовые акты Российской Федерации, регулирующие различные стороны государственного управления. Теоретической основой науки административного права являются философские и общесоциологические науки, теория права, а также работы общественных и зарубежных юристов прошлого: И. Канта, Ж.-Ж. Руссо, Дж. Локка, Ш. Монтескье, Л. Штейна и др. Методологической основой работы авторов являются исторический, сравнительно-правовой, логический, формально-юридический и другие методы научного исследования. Институт административного права вырабатывает конкретные пути оптимизации государственного управления, всего механизма административно-правового регулирования. Он тесно связан с другими отраслями правовой науки и отрасли учебной дисциплины, прежде всего с теорией государства и права, конституционным правом, гражданским и трудовым правом и др., которые содержат общие базовые принципы для всех отраслей юридической науки.

Как отметил в своем Предисловии Ректор Университета имени О. Е. Кутафина профессор В. В. Блажеев, образование должно быть истинным, полным, ясным и прочным, поэтому издание настоящего учебника представляется актуальным, своевременным и важным в свете совершенствования административной реформы в России. Научный труд Л. Л. Попова и Ю. И. Мигачева выполнен с опорой на современные научные институты, нормативные и правовые акты в данной области, и будет очень полезен как для преподавателей административного права по курсу бакалавриата, так для студентов данной специализации. Учебник подготовлен по учебной дисциплине

¹ Л. Л. Попов, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки России. Ю. И. Мигачев, доктор юридических наук, профессор.

не вариативной части и является основой образовательной программы Университета имени О. Е. Кутафина.

Действительно, в учебнике нашли свое отражение как общие положения об административном праве (его понятие, специфические признаки, отличающие его от других отраслей права), так и специальные административно-правовые вопросы, непосредственно касающиеся государственного управления, субъектов административного права, поступления на государственную службу, прохождения государственной службы, правового статуса государственных служащих, обеспечения государственного контроля, административной ответственности и других вопросов административного права.

Авторы отмечают, что современное российское административное право регулирует отношения, возникающие в процессе государственно-управленческой деятельности в различных сферах – экономики, социально-культурной и административно-политической. В связи с этим курс административного права, изложенный в учебнике, состоит из двух частей: *общей и особенной*.

В *общей части курса* (с. 6-338) особое место уделяется анализу предмета и метода административного права, его особенностям и источникам. Особое внимание авторы уделяют вопросу развития в России административного права как науки. В этой части рассматриваются такие вопросы, как понятие, принципы и содержание государственного управления; соотношение государственного управления и исполнительной власти; понятие административно-правовых норм и административно-правовых отношений; источники административного права; механизм и особенности административно-правового регулирования; административно-правовой статус субъектов административного права (граждан, органов исполнительной власти, некоммерческих организаций, предприятий и учреждений, государственных служащих); административно-правовые формы и методы государственного управления; административное правонарушение и административная ответственность; правовые основы административно-процессуальной деятельности, а также обеспечение законности в государственном управлении.

Особенная часть курса (с. 341-553) посвящена вопросам организации и функционирования государственного управления в сфере экономики, социально-культурной и административно-политической деятельности, где авторы особо отметили, что основным объектом государственного управления является общество. Главная цель управленческого воздействия – обеспечение необходимого прогрессивного развития общества, создание благоприятных условий его жизнеобеспечения. Элементы объекта государственного управления связаны между собой как составные части одного целого и представляют собой отдельные сферы жизнедеятельности общества. Именно с ними мы связываем наиболее удачную типологию элементов объекта государственного управления – это экономика, социально-культурная и административно-политическая сферы.

Важнейшая разница субъектов и объектов государственного управления состоит в их функциональном предназначении: если органы государственной власти имеют соответствующую иерархию, вертикаль власти, то эти показатели для общества не характерны. Здесь преобладают горизонтальные, диспозитивные отношения.

Кроме того, отмечают авторы, в последние годы все чаще употребляется термин «гражданское общество», под которым мы понимаем систему институтов самоуправления, придающих свободной деятельности человека созидательный смысл. Гражданское общество – совокупность относительно независи-

мых от государства общественных институтов, выражающих и защищающих интересы граждан. Степень развития гражданского общества является показателем зрелости всего государства.

Значение для России гражданского общества состоит в том, что оно разрушает монополию государства на власть, уравнивает государственную власть с властью частных лиц и независимых организаций. Гражданское общество по отношению к государству должно использовать весь арсенал компенсаторных средств в виде создания независимых общественных организаций, массовых общественных движений, независимых СМИ. В конечном итоге это приводит к изменению государственной политики или созданию новых законов, заимствованию властными структурами демократических принципов, методов, к усилению контроля за соблюдением государственными органами и их представителями правовых процедур и права.

Важной характеристикой гражданского общества, и это особо отмечают авторы в своем труде, является эффективность его взаимодействия с государством. В основу взаимодействия положена конституционная норма: носителем суверенитета и единственным источником власти в Российской Федерации является ее многонациональный народ (ст.3, ч.1 Конституции Российской Федерации). Стратегия взаимодействия состоит в том, чтобы государство максимально вовлекало общественные институты в управление государством, в его реформирование.

Основной субъект гражданского общества – человек, его права и свободы. Именно они составляют основу современного понимания гражданского общества и нашли свое отражение, например, в теории общественного договора. Содержание этой теории состоит в том, что от природы люди равны и нет естественных оснований для деления их на группы и сословия для специальных властных полномочий. Именно народ является носителем суверенитета и единственным источником власти. Государство подчиняется законам, являющимся выражением воли всего общества. В случаях нарушения условий общественного договора властью народ вправе бороться за свои политические свободы. Общественный договор отражает признание всеми общих правил общежития, которые должны выполняться.

Гражданское общество в современной России должно взять на себя решение части социальных проблем, освободив от них государство, смягчив при этом социальную напряженность. Давно было замечено, что свободы, частная собственность и справедливые законы составляют основу гражданского общества. При этом большая часть собственности зиждется на договоре, формальности которого твердо определены.

Гегель подчеркивает, что справедливость составляет нечто великое в гражданском обществе: хорошие законы ведут к процветанию государства, а свободная собственность есть основные условия его блеска.

Учебник хорошо проработан с научной точки зрения. Материал, изложенный в учебнике, позволяет на высоком уровне изучить вопросы государственного управления, государственной службы, административной ответственности, административного процесса, а также иные институты административного права.

Учебник имеет четкие разделы; последовательное, логически выверенное, лаконичное изложение тем, в свете действующего законодательства, имеющего большой динамизм. Это позволило авторам учебника достаточно полно осветить актуальные вопросы современного развития институтов административного права.

Очевидным достоинством рукописи учебника является простота и доступность материала для понимания. Это обстоятельство является чрезвычайно важным для образовательного процесса в целом, так как учебный материал рассчитан прежде всего на студентов, аспирантов, работников правоохранительных органов.

Учебник имеет гриф «допущен Учебно-методическим объединением по юридическому образованию вузов Российской Федерации в качестве учебника для студентов высших учебных заведений, обучающихся по специальности и направлению подготовки юриспруденция и предназначен для студентов, изучающих учебную дисциплину «Административное право» и обучающихся по направлению подготовки 030900 «Юриспруденция» (квалификация (степень) «бакалавр»). Однако, как любое творческое исследование, представленная на рецензирование рукопись учебного издания по программе учебной дисциплины «Административное право» имеет ряд недостатков, на которые необходимо обратить внимание в будущем.

По мнению рецензента, в любой научной деятельности есть два взаимосвязанных направления: фундаментальные инновационные исследования и прикладные разработки по практической реализации фундаментальных достижений. Между ними нет «китайской стены», они взаимосвязаны и взаимопроникают друг в друга. Результаты фундаментальных исследований могут иметь прикладное применение, а прикладные разработки – дать толчок новым фундаментальным изысканиям и их уточнениям.

Поэтому говоря о состоянии науки административного права в современных условиях, следует сказать, что оно связано с кардинальным обновлением, происходящим в настоящее время конституционным закреплением разделения властей, переосмыслением и реформированием ее традиционных институтов, постановкой вопросов о необходимости новых правовых институтов. В связи с этим возникает необходимость разработки более углубленных теоретических основ административного права, от правильного анализа которых зависит будущее данной отрасли права, а это значит: *во-первых*, что одной из ключевых проблем в науке административного права является *проблема анализа сущности государственного управления и его соотношения с категорией исполнительной власти*, закрепленной в Конституции Российской Федерации. Следует иметь в виду, что власть – исключительно сложное и многоаспектное явление. Современная философия, политология и социология исследуют власть как общесоциологическую категорию, выделяя при этом субстанциональные основания властных отношений и их существенные признаки, выражающиеся в любом типе, виде и форме власти и придающие ей объективно-закономерный характер. Тема исполнительной власти авторами исследована явно не достаточно. Отсутствует интегральный взгляд на данную категорию, не выявлены особенности данной ветви власти.

Заслуживает внимания авторов учебника и всех ученых-административистов категория «единая система исполнительной власти», о которой говорится в части 2 статьи 77 Конституции Российской Федерации. Эта система образуется федеральными органами исполнительной власти и органами исполнительной власти субъектов Федерации, а также исполнительными органами местного самоуправления. Для понимания соотношения категории «государственного управления» и «исполнительной власти» весьма важным представляется дальнейшее научное исследование исполнительной власти, ее сущности и основных черт.

Кроме того, нуждается в новом освещении и вопрос о предмете административно-правового регулирования с учетом включения в него общественных отношений, возникающих в сфере применения административных регламентов, административного принуждения, в частности, мер административной ответственности за совершенные административные правонарушения, административной юстиции;

во-вторых, в стране осуществляется административная реформа, связанная с реорганизацией государственного управления, и прежде всего исполнительной власти, как федеральной, так и субъектов Российской Федерации. Целью этой реформы, по мнению рецензента, является простота и эффективность работы государственных органов; совершенствование отношений между федеральными органами исполнительной власти и органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации, исполнительными органами местного самоуправления, между государственными органами и хозяйствующими субъектами; демократизация управления, его открытость и доступность для граждан. Достижение этих целей требует новых соотношений, с одной стороны, между централизацией и децентрализацией, с другой – между формами и методами правового регулирования разных сфер общественной жизни.

Сегодня проведена большая работа по анализу, оценке и упорядочению функций федеральных органов исполнительной власти. Сформирована новая система федеральных органов исполнительной власти, которая включает министерства, разрабатывающие государственную политику в соответствующей сфере и осуществляющие нормативно-правовое регулирование, федеральные агентства для оказания публичных услуг, федеральные службы, и положения о них. Изменяется законодательство, определяющее государственное управление на уровне субъектов Российской Федерации, а также административные отношения между федеральным центром и регионами.

В настоящее время, по мнению рецензента, требуется научный анализ полученных результатов, а также научная проработка дальнейших направлений реформирования государственного управления в России;

в-третьих, в Российской Федерации продолжается реформа государственной службы. Роль государственной службы в стране очень велика, и это особо отражено авторами в своем научном труде, однако развитие представлений о системе органов исполнительной власти, повышение эффективности их деятельности, оптимизация компетенции и административно-правового статуса в целом невозможны без параллельного совершенствования законодательства о государственной службе, и прежде всего – без четкого законодательного закрепления этого понятия. Требуется дополнительной научной проработки и вопрос о таких видах государственной службы, как «военная служба» и «правоохранительная служба» и их особенностях;

в-четвертых, актуальной и сложной для науки административного права является проблема административно-правового регулирования в экономической сфере.

В современных условиях, как предлагают авторы, при переходе к новой экономической системе концепция государственного управления, базировавшаяся на едином производственно-хозяйственном комплексе, устарела и должна быть коренным образом пересмотрена. Развитие рыночной экономики потребовало создания соответствующей правовой базы. При этом следует отметить, что современное государственное управление экономикой проявляется не столько в форме прямого командного воздействия, сколько в других формах, к которым относятся, в частности, регулирование деятельности

хозяйствующих субъектов; стандартизация продукции, работ, услуг; осуществление контрольно-надзорных функций. Эти формы можно отнести, считает рецензент, к разновидности государственного управления – к сфере государственного регулирования. В то же время в Российской Федерации сохраняются отрасли хозяйства, где сохраняются функции государственных органов по управлению хозяйствующими субъектами (государственные корпорации), в частности, атомная энергетика, производство военной продукции, авиа- и судостроение, а также ряд других;

в-пятых, актуальной в административном праве остается проблема общественного порядка, требующая в условиях функционирования всех форм собственности более глубокого изучения и понимания, что недостаточно отражено в научном труде.

Этот порядок не возникает спонтанно, в силу одного факта существования рыночных отношений, но устанавливается при активной и разумной государственной деятельности, поддержке соответствующих органов. Предпринимательская деятельность, развитие любых форм собственности возможны при условии того, что государство обеспечивает порядок и общественную безопасность, защищает бизнес от коррупции, рэкета, рейдерства, недобросовестной конкуренции, обеспечивает личную и имущественную безопасность и прочее.

Вместе с тем, по мнению рецензента, экономический порядок предполагает для предприятий и объединений всех форм собственности четкие юридические правила, в пределах которых они обязаны действовать. Эти правила должны исключать действия хозяйствующих субъектов, направленные во вред интересам потребителей и государства, а также предусматривать за совершение таких действий юридическую ответственность;

в-шестых, в настоящее время актуальна проблема административно-правового регулирования миграционных процессов. Эта проблема требует, по мнению рецензента, научного осмысления. Однако специальных работ по данной проблематике написано крайне мало. Между тем в этой области немало вопросов, связанных с более точным определением таких понятий, как «беженец», «вынужденный переселенец», с контролем над миграционными процессами, компетенцией МВД России и других государственных органов в этой сфере. Нерешенными остаются теоретические вопросы о связи миграционных процессов с правами граждан, в частности, с их правом на свободу передвижения и выбор места жительства и рядом других;

в-седьмых, острейшей становится научная и учебная проблема, связанная с административным процессом, его пониманием, соотношением с административной юстицией и административным судопроизводством, а также проблема административной деликтологии, обусловленной огромным масштабом административных правонарушений. Подготовленные представителями науки и практики проекты соответствующих законодательных актов пока остаются без своего разрешения.

Представляется, что если любая наука, в том числе и наука административного права, может развиваться на трех основополагающих постулатах: что было, что есть и что будет, то новое поколение ученых административистов в своих исследованиях не может не обращаться к трудам таких видных ученых, как С. С. Студеникина, И. Н. Ананова, А. Агапова, Ц. А. Ямпольской, Г. И. Петрова, Л. Л. Попова, Б. В. Россинского, Ю. М. Козлова, В. Н. Манохина, Ю. И. Мигачева, Н. Г. Салищевой, Б. И. Лазарева, М. И. Еропкина, Д. Н. Бахрах, Ю. Н. Старилова и других. Их идеи, концепции,

предвидения образуют тот научный фундамент, который делает возможным решение сегодняшних актуальных проблем науки административного права.

По мнению рецензента, авторами были рассмотрены основные вопросы истории развития этой отрасли права и теории административно-правового регулирования: содержание публичного и государственного управления; сущность и основные признаки исполнительной власти; предмет и методы регулирования; нормы и отношения; субъекты, реализующие установленный законодательством правовой статус; органы исполнительной власти; государственные служащие; формы и методы управленческих действий; административный процесс.

И главное: работа, научным редактором которой выступил профессор Л. Л. Попов, несомненно – высокий теоретический, методологический, научный и практический уровень, который восполнит дефицит научной информации и научной дисциплины.

Прав был И. Кант, сказавший, что два человеческих изобретения можно считать самыми трудными, а именно: искусство управлять и искусство воспитывать.

Боголюбов С. А.

**МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ О ПРАВАХ НА ПРИРОДНЫЕ РЕСУРСЫ
(г. ЛИНЦ, ИЮНЬ 2014 г.)**

В австрийском городе Линц в Университете Кеплера состоялась международная конференция «Права на природные ресурсы в Чехии и Австрии», на которой были рассмотрены актуальные юридические проблемы использования и охраны земель, недр, вод, лесов, животного мира, атмосферного воздуха, общие для всего евразийского пространства. Обсуждались проблемы использования нетрадиционных источников энергии, способы ее сбережения, правовые средства предупреждения камнепадов, загрязнения вод Дуная, регулирования генно-модифицированной продукции. Рассматривались правовые формы общественной активности граждан, осуществления публичными органами властных полномочий, перспектив развития экологического права на Евразийском пространстве.

Ключевые слова: экологическое право, охрана прав на природные ресурсы.

Bogolyubov S. A.

**INTERNATIONAL CONFERENCE ON THE RIGHTS TO NATURAL RESOURCES
(LINZ, AUSTRIA, JUNE 2014)**

In the Austrian town of Linz at the Kepler University the international conference «The rights to natural resources in the Czech Republic and Austria» was held, which considered relevant legal issues of use and protection of land, subsoil, water, forests, wildlife, air, common to the entire Eurasia. The problems of non-conventional energy sources, ways of savings, legal means to prevent rockfalls, Danube water pollution, regulation of genetically modified products were discussed. There were considered the legal forms of social activity of citizens, exercise of the powers by public authorities, prospects of development of environmental law in the Eurasian space.

Keywords: environmental law, the protection of natural resources.

В австрийском городе Линц в Институте экологического права Университета Кеплера состоялась международная научно-практическая конференция «Права на природные ресурсы в Чехии и Австрии», на которой были рассмотрены актуальные юридические проблемы использования и охраны земель, недр, вод, лесов, животного мира, атмосферного воздуха, общие для всего евразийского пространства; информация о некоторых (прозвучавших в докладах, прениях, беседах, на семинарах) предложениях и проектах правовых решений может быть полезной для читателей ЕЮЖ.

Природа предполагает внимательное и уважительное к себе отношение: ее следует не только охранять, использовать для блага граждан и юридических лиц, но и им самим убеждать от ее отрицательного, порой неожиданного, «поведения». В условиях преобладания горных местностей привлекла внимание защита населения от негативных природных и антропогенных явлений – камнепадов, селей, обвалов, оползней и т. п. Данная сфера оказывается недостаточно урегулированной с точки зрения защиты граждан от вредного воздействия и возмещения причиненного (кем? чем? кому?) ущерба; ставятся задачи по возложению обязанностей предупреждения и преодоления отрицательного состояния горных природных объектов, недопущения опасных для посещения мест, обустройства инфраструктуры на юридических и физических лиц по их родовому признаку и местоположению.

Прозвучало настороженное отношение к генно-модифицированным организмам, используемым в качестве компонентов для лекарств, медицинских изделий, продовольственного сырья, добавок, подкормок для растений. В европейских странах генная инженерия расширяется для создания новых сортов растений, устойчивых к болезням: 80 % мировой сои и 40% кукурузы являются ГМО; производители продуктов обязываются указывать на этикетках информацию о наличии в продуктах компонентов, полученных с применением ГМО, если их содержание составляет определенные величины. Правовое регулирование их использования дополняется раз-

Боголюбов С. А.

работкой методик для экспертизы, учитывающих достижения науки и международный опыт, оснащением приборно-лабораторной базы, государственной регистрацией. Как и во многих других странах, в России ею должны заниматься несколько государственных органов: Минздрав – лекарствами, Росздравнадзор – медизделиями, Роспотребнадзор – продуктами, Россельхознадзор – кормами для животных, что предполагает объединение и координацию их усилий в этой области.

Большую тему представляет многоводный Дунай с десятками судоходных притоков, берущий свое начало в ФРГ, огромный водосборный бассейн которого находится в Болгарии, Венгрии, Молдавии, Приднестровье, Румынии, Словакии, Чехии, Украине и др. Тем самым обуславливается международно-правовое согласование его использования: это – многовековой положительный пример мирного использования трансграничных вод, предотвращения их негативного воздействия, защиты от него граждан, поскольку весеннее половодье (таяние снега), летние и осенние паводки (дожди, таяние в горах) приводят к амплитуде колебаний воды до 8 метров, наводнениям, затоплениям населенных пунктов. Десятки гидроэлектростанций на Дунае в какой-то мере используют 680 метров общего падения, обеспечивая возобновляемой энергией прибрежные страны, и нивелируют разливы реки, ложе которой местами находится выше окружающей равнины и окаймлено дамбами, требующими постоянного внимания публичных органов и населения.

Находящийся на Дунае город-порт Линц имеет крупнейший металлургический комбинат, судостроительную, судоремонтную, машиностроительную, электротехническую, химическую, текстильную и стекольную промышленность, выбросы которых в атмосферу и сбросы в водные объекты вызывают озабоченность и активность жителей. Обсуждение и уяснение правовых форм их общественной деятельности позволяют делать выводы об основном направлении проявления их заботы о природе – участие в выборах, в поддержке партий и депутатов, отстаивающих экологические интересы избира-

На семинаре в Линце (Австрия) выступают С.А.Боголюбов и Н.В.Кичигин

телей; митинги, демонстрации и пикеты применяются в спокойной и древней Австрии реже; основное внимание уделяется здоровому образу жизни, велосипедному и иным видам спорта, туризму, заботе о создании благоприятной здоровой среды для инвалидов; давление на владельцев загрязняющих предприятий осуществляется через средства массовой информации, через реализацию властных запретительных полномочий органов Земли Верхняя Австрия, через муниципальные органы города и районов. Баланс использования природных ресурсов и охраны окружающей среды, как правило, находится, но весьма зыбок и постоянно нуждается в бдительности всех участников экологических отношений.

Обсуждалось правовое стимулирование использования нетрадиционных возобновляемых источников энергии – солнечных, ветровых, приливных. Во многих населенных пунктах распространено и является привычным дровяное отопление: австрийское государство предоставляет гражданам скидки на газ в случаях его использования в быту, поддерживает «Южный поток» из России через Черное море. Все большее внимание уделяется правовому регулированию энергосбережения через соответствующее новое строительство, строительные материалы, теплотрассы, устройство надлежащих дверных и оконных проемов; ставится задача увеличить экономию и снизить потребление энергии за пять лет до двадцати процентов. Население активно и решительно выступает против атомных станций, которые в Республике отсутствуют, несмотря на их многочисленность в соседних странах.

В регулировании природоресурсных и природоохранных отношений немаловажное значение имеет распределение функций по институтам, ветвям публичной власти. В Австрии к ведению Федерации относятся законодательство, установление общих принципов горного права; лесного хозяйства, включая пастбища; водного права; регулирование состояния и содержание водохранилищ в целях обеспечения безопасности при половодьях, а также для судоходства и лесосплава; строительство и содержание плотин, водных путей. К ведению земли (субъекта Федерации) относится исполнительная деятельность по вопросу проверки на совместимость с окружающей средой проектов, предполагающих значительное воздействие на окружающую среду; если существует необходимость в издании единых предписаний, то требу-

Проф. Эрика Вагнер и проф. С.А.Боголюбов

ется одобрение таких проектов; издание конкретизирующих актов и деятельность по вопросам природных источников, земельной реформы, в частности земельных преобразований, защиты растений от заболеваний и вредителей (подобное положение предусматривается в п. «е» ст. 71 и п. «в» ч. 1 ст. 114 Конституции РФ).¹

Руководитель Института профессор Эрика Вагнер ознакомила с учебным процессом и направлениями научных исследований магистрантов и студентов; обращают на себя внимание конкретность и практическая направленность целей и тем, принятых к разработке по заказу предпринимателей, муниципальных и земельного органов, непосредственный выход для внедрения результатов с рекомендациями и предложениями правового и технического характера, кооперация юристов, экологов, химиков, физиков для осуществления комплексности работы и ответов на поставленные вопросы и задачи.

Нашлось время и для изложения правового опыта Казахстана, Китая, России и других евразийских государств в сфере охраны прав граждан на рациональное использование и охрану природных ресурсов. Им служат гармонизация (сближение? унификация?) экологических законодательств евразийских стран, преодоление их пробелов, коллизий и внутренних противоречий, развитие информационного пространства, возмещение причиненного окружающей среде ущерба, регулирование экологического страхования, обращения отходов производства и потребления, инвестиций в природоохранную деятельность, то есть принятие реальных правовых мер, направленных на фактическое обеспечение права граждан на благоприятную (здоровую, естественную, отвечающую стандартам) окружающую среду. Была представлена посвященная этим темам книга Евразийского национального университета им. Л. Н. Гумилева (г. Астана) и Института законодательства и сравнительного правоведения (г. Москва) «Гармонизация и развитие экологического законодательства Казахстана и России»².

1 Подробнее см.: European Environmental Law. – Austria: Sammelband. Institut Kepler. Linz university, 2012.

2 Отв. ред. С. А. Боголюбов (зав. отделом ИЗиСП, проф.), Б. Ж. Абдраим (вице-министр юстиции, проф.), А. А. Мукашева (зав. каф. ЕНУ, проф.). – Астана: Мастер-По, 2013.

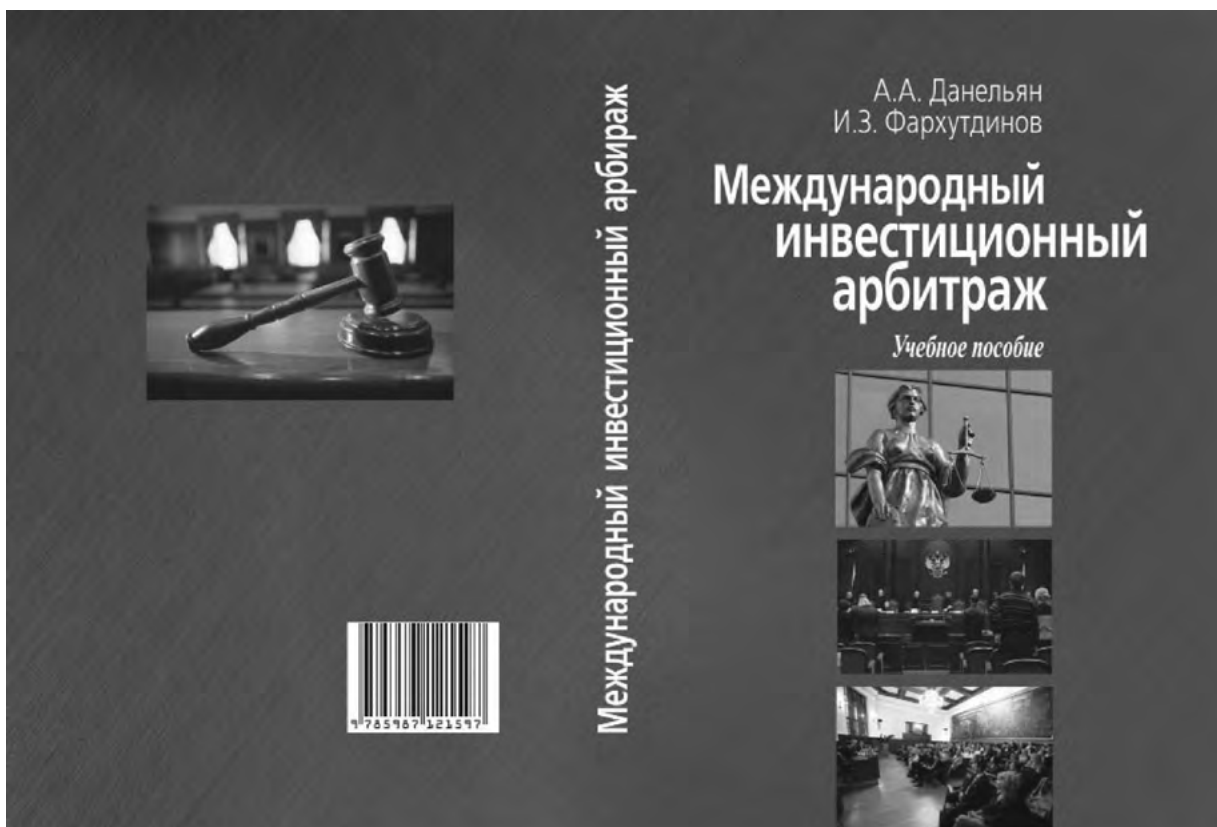
Слушатели в зале с проф.Э.Вагнер
(Университет Кеплера. Линц. Австрия).

На международной конференции, на ее семинарах (как и в указанной книге) рассматривались и более общие вопросы экологического права – повышение эффективности юридической ответственности за экологические правонарушения, экономическое стимулирование природоохранной деятельности, регулирование нанотехнологий, застройка земель, ка-

дастрового учета и арендной платы за использование земель и других природных ресурсов, экологического государственного надзора и муниципального, производственного, общественного контроля – все эти феномены являются факторами формирования социального, правового, демократического государства, провозглашенного в большинстве стран евразийского континента. Состоявшийся обмен мнениями демонстрировал общность большинства природоохранных проблем, пути их решения и специфику, необходимость учета исторического развития, менталитета граждан, на охрану прав которых должны быть направлены законодательство, вся деятельность публичных органов.

Пристатейный библиографический список

1. European Environmental Law. – Austria: Sammelband. Institut Kepler. Linz university, 2012.
2. Гармонизация и развитие экологического законодательства Казахстана и России / Отв. ред. С. А. Боголюбов, Б. Ж. Абдраим, А. А. Мукашева. Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилева (г. Астана), Институт законодательства и сравнительного правоведения (г. Москва). – Астана: Мастер-По, 2013.

Малеев Ю. Н.
ИЗ ПОЭТИЧЕСКОЙ ТЕТРАДИ Ю.Н. МАЛЕЕВА
FROM YU. N. MALEEV'S POETIC WRITING-BOOK

Юрий Николаевич Малеев, доктор юридических наук, профессор, уроженец города Петродворца Ленинградской области. Его отец погиб под Ленинградом в начале войны. В 1941–1943 гг. находился в блокадном Ленинграде. С 1949 по 1956 гг. был суворовцем, затем (с 1956 по 1958 гг.) – курсантом Киевского суворовского офицерского училища. Оканчивал срок службы в армии, после расформирования офицерского училища, рядовым в г. Смела Черкасской области.

С 1960 по 1966 гг. – студент МГИМО МИД России, где и в настоящее время работает профессором кафедры международного права.

Стихи пишет с десяти лет с таким ощущением, что в нем живут четыре разных личности: одна – философ, вторая – лирик, третья – патриот, четвертая – юморист и просто хулиган, поющий под гитару. Одна из его песен («Она по бережку идет, по голубому...»), сочиненная на отдыхе в Крыму в 1964 г., стала народной.

«Евразийский юридический журнал» продолжает знакомить своих читателей с творчеством профессора Юрия Николаевича Малеева, как он сам пишет, с одной из его «личностей» – лириком, которому отчасти помогает философ.

Малеев Ю. Н.

ВЧЕРА – СЕГОДНЯ

Вчера был снег.	Сегодня – дождь.	Вчера был лён.	Сегодня – мот.
Вчера был раб.	Сегодня – вождь.	Вчера был нуль.	Сегодня – мёд.
Вчера был гром.	Сегодня – тишь.	Вчера был миф.	Сегодня – мрак.
Вчера был лев.	Сегодня – мышь.	Вчера был Рим.	Сегодня – так.
Вчера был друг.	Сегодня – враг.	Вчера был здесь.	Сегодня – кнут.
Вчера был бег.	Сегодня – шаг.	Вчера был Сим.	Сегодня – круг.
Вчера был день.	Сегодня – ночь.	Вчера был фас.	Сегодня – быль.
Вчера был гость.	Сегодня – прочь!	Вчера был век.	Сегодня – пыль.
Вчера был мой.	Сегодня – твой.	Вчера был нем.	Сегодня – там.
Вчера был пир.	Сегодня – бой.	Вчера был юн.	Сегодня – Хам.
Вчера был я.	Сегодня – он.	Вчера был ад.	Сегодня – лик.
Вчера был звук.	Сегодня – звон.	Вчера был «бис».	Сегодня – миг.
Вчера был бит.	Сегодня – бью.	Вчера был смысл.	Сегодня – яр.
Вчера был трезв.	Сегодня – пью.	Вчера был шанс.	Сегодня – стар.
Вчера был зов.	Сегодня – крик.	Вчера был грех.	Сегодня – рай.
Вчера был ум.	Сегодня – пшик.	Вчера был шах.	Сегодня – хай.
Вчера был конь.	Сегодня – вол.	Вчера был скуп.	Сегодня – бред.
Вчера был тих.	Сегодня – зол.	Вчера был яд.	Сегодня – нет.
Вчера был цвет.	Сегодня – шип.	Вчера был свет.	Сегодня – свят.
Вчера был шик.	Сегодня – влип.	Вчера был сыт.	Сегодня – мат.

АСТРОЛЁТ

*С. А. Малинину,
воину-добровольцу
и выдающемуся юристу*

За кругом круг вершит наш астролёт
Над этою Землей, небесной птицей.
Прошли века, как начался полёт.
И вот мы здесь – и негде приземлиться.

Потребны нам не суша и вода
(Они для нас не место для посадки),
А плотная духовная среда.
Она же здесь в безумном беспорядке.

Религии... Власть... Помпезные слова...
Политики... Безумства бытовые...
И все вразнос. «Кто в лес – кто по дрова»
Сказали б обитатели земные.

Мы терпеливо кружимся пока,
Хотя в запасе топлива немного.
Не зря же мы потратили века
На эту транс вселенскую дорогу.

Но с каждым кругом убывает шанс
Грядущего земного единения.
И с каждым кругом убывает в нас
Надежда на возможность приземленья.

И не случайно капитан вчера
Смотрел на карту неба до утра.

Ну, что же, мы, по космосу пыля,
Не первый раз такое наблюдаем.
Готовы произнести: «Прощай, Земля!
Мы были здесь. Прощай! Мы улетаем!»

БОЙ ЧЕСТИ

По-другому нельзя. Нет дороги иной!
Выбор сделан: идем на засаду.
С нами честь! И Россия у нас за спиной!
Попрощаемся, братья! Так надо.

Посылаем друзьям свой последний привет.
И врагов неразумных прощаем.
Шанса выжить сегодня практически нет.
Мы не жизнь, честь свою защищаем!

Это тело итак, одряхлевши, умрёт.
Бог с ним, с телом. Россия дороже.
Вот и начался бой. Застрочил пулемёт.
Побежал и мурашки по коже.

Страх, естественно, жив. Он в потёмках души,
Как дурная привычка, с рожденья.
Но для тех, кто поднялся, решился, решил –
Как последнее развлечение.

В этом гордом броске оправдание есть:
Вслед за нами пойдут и другие.
Пусть мы в поле одни – спасена наша честь!
И твоя, дорогая Россия!

ЧЕТВЕРТЫЕ СУТКИ

Ползут, как столетия, четвертые сутки.
Я вызвал себя на решительный бой.

Четвертые сутки ни грамма в желудке.
Четвертые сутки сражаюсь с собой.

Да чтобы герои сражались с собою?! –
Такого ещё не знавал человек.

Античный Геракл не пошёл на такое.
А я – вот решился. Хоть вовсе не грек.

Вы только представьте: Коньяк. Чебуреки.
Селедка и водка. Вино и икра...

Мы разве не знаем, что делали греки
С таким натюрмортом? А я – хоть бы грамм!

При этом я сам же (какая нелепость!)
При виде стакана в истерике бьюсь.

И сам же стою нерушимо, как крепость.
И оба истошно вопим мы: «За Ру-у-у-сь!»

Какое сражение! Какие герои!
В одном человеке какой винегрет!

«Позвольте, коллеги, ведь было вас трое»
Хотя бы для рифмы сказал бы Поэт.

Действительно, ежели в зеркало глянуть,
Там – двое, я – третий. И что, стало быть?

А то, что придется тащить три стакана.
И выпить за то, что бросаю я пить.

НА САВЕЛОВСКОМ ВОКЗАЛЕ

На Савеловском вокзале
Немцы помощь раздавали.
Гуманитр...Мытр...Литр...
Ч-черт! – не знаю, как сказать.

Я, когда узнал об этом,
Побежал за пистолетом
К капитану Иванову,
Помяная мою мать.

Капитану Иванову
Я сказал одно лишь слово.
«Немцы», – шепотом сказал я.
Не входя, еще в дверях.

И уже через мгновенье
Он летел, как лист осенний,
По проспектам и бульварам.
На трофейных костылях.

Я догнать его пытался.
Но немного задержался
У ближайшего буфета
(Чтоб душа была смелей).

А когда предстал на месте,
Шел там бой не ради чести
И совсем не ради славы –
Ради жизни на земле.

На Савеловском вокзале
Даже нищие дрожали.
(Это ж надо умудриться
Испугать таких пройдох!).

Пистолет наш был при деле.
Над вокзалом пули пели.
Немчура кричал: «Геноссе!»
Капитан же: «Хенде хох!»

А ещё кричал орлино,
Что дошли мы до Берлина
Не затем, чтобы ушвабов
Помощь поддую просить.

«Эй, ханурик подворотный,
Что стоишь, как пень болотный!?
Эту дрянь куда подальше
Ну-ка, быстро уноси!»

Это мне он так сердечно.
Я обиделся, конечно.
Так, чтоб всем понятно было:
Подчиняюсь, но плюю.

И уже через мгновенье,
Я летел, как лист осенний,
Вместе с помощью немецкой,
Помяная мать мою.

Ну, а дальше даже странно
Объяснять, что к капитану
Я стопы свои направил.
Путь мне, главное, родной.

А потом, горя отмщеньем,
Мы с приятным отвращеньем
Помощь поддую пропили
За ближайший выходной.

Об авторе

Александр Михайлович СОЛНЦЕВ

Кандидат юридических наук, доцент, заместитель заведующего кафедрой международного права Российского университета дружбы народов. В 2005 г. с отличием окончил магистратуру РУДН по специальности «Международное право». В 2008 г. защитил кандидатскую диссертацию под руководством профессора А. Х. Абашидзе на тему «Роль международных судебных учреждений в разрешении международных экологических споров». Проходил стажировку в Университете Амстердама (University van Amsterdam, Нидерланды, 2011–2012 гг.) и в Управлении Верховного комиссара ООН по правам человека (Женева, 2012 г.). Член Российской ассоциации международного права. Сфера научных интересов: проблемы теории и практики международного права, в особенности вопросы международного экологического права, международного космического права, мирного разрешения споров; проблемы защиты прав человека; африканистика. Автор и соавтор более 150 работ, опубликованных в России и за рубежом.

А. М. Солнцев

**СОВРЕМЕННОЕ МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО
О ЗАЩИТЕ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ
И ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ПРАВАХ ЧЕЛОВЕКА**

Наше издательство предлагает следующие книги:

117335, Москва, Издательский проспект, 56. Телефон / факс (инкоgnитивный) +7 (499) 724 25 45

URSS

Копию можно заказать по адресу: info@urss.ru

5-й этаж: URSS@URSS.ru

ISBN 978-5-7835-9703-8

9 785397 038867

Уважаемые авторы! Редакция журнала готова принять к публикации ваши произведения (статьи, информационные сообщения, обзоры научных конференций, круглых столов, интервью, рецензии и т. п.) при соблюдении следующих требований:

ПРАВИЛА ПРЕДСТАВЛЕНИЯ РУКОПИСЕЙ АВТОРАМИ

(разработаны в соответствии с Информационным сообщением Высшей аттестационной комиссии Министерства образования и науки РФ от 14.10.2008 г. № 45.1-132)

1. К публикации принимаются только материалы, соответствующие профилю научного периодического издания, т. е. только материалы юридической тематики. Они должны быть актуальными, новыми, иметь научную и практическую значимость.
  2. Статьи представляются в электронном виде (по электронной почте на адрес eurasialaw@mail.ru) либо в письменной форме в адрес редакции с приложением электронного варианта работы на дискете или компакт-диске.
  3. Объем публикации – до 1 а. л. (40 000 знаков с пробелами). В случае представления материала, большего по объему, чем предусмотрено настоящим Порядком, редакция оставляет за собой право сократить его или вернуть автору для сокращения.
  4. Шрифт основного текста работы – 10 pt шрифт Palatino Linotype через 1 интервал. Курсив, выделение, подчеркивания в основном тексте не допускаются. Формат документа: MS WORD 1997–2010 (.doc). Файлы, представляемые в редакцию, должны быть поименованы по фамилии автора (например: Иванов В.В.doc). Поля документа: верхнее – 2, нижнее – 2, левое – 2, правое – 1. Переносы проставляются автоматически. Все материалы представляются в одном файле.
  5. На первой странице (над названием статьи) в левом верхнем углу указывается фамилия и инициалы автора 10 pt полужирным шрифтом Palatino Linotype через 1 интервал. Название статьи печатается после ФИО автора 10 pt полужирным курсивным шрифтом Palatino Linotype через 1 интервал в левом верхнем углу. Страницы не нумеруются. Основной текст, текст сносок, текст аннотаций и ключевые слова выравниваются по ширине страницы.
  6. После фамилии автора и названия статьи через один интервал необходимо поместить текст аннотации статьи на русском языке (не более 0,5 страницы текста, набранного через 1 интервал) и ключевые слова (3–10 слов) – шрифт Palatino Linotype 10 pt, курсив. Затем через один интервал в левом верхнем углу следует указать фамилию и инициалы автора и название работы на английском языке (полужирный шрифт Palatino Linotype 10 pt через 1 интервал), далее – резюме и ключевые слова на английском языке (шрифт Palatino Linotype 10 pt, курсив).
  7. Кавычки в тексте и в сносках проставляются в едином формате в следующем виде: « ».
  8. Сноски и примечания помещаются постранично, со сквозной нумерацией и оформляются в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5-2008, а в необходимых случаях согласно ГОСТ 7.1-2003 и практике ЕврАзЮжа по оформлению сносок в неучтенных ими случаях. Шрифт сносок – 8 pt Palatino Linotype через 1 интервал. При оформлении сносок следует указывать фамилию и инициалы автора работы, ее название, год издания, номер страницы, иные сведения. Все библиографические элементы иностранных источников следует указывать на языке оригинала, по возможности избегая аббревиатур. При использовании электронных ресурсов сети Интернет следует указывать заголовки титульной страницы ресурса (<в угловых скобках>), полный адрес местонахождения ресурса и (в круглых скобках) дату последнего посещения веб-страницы.
  9. После завершения статьи необходимо привести Пристатейный библиографический список, то есть список работ, цитировавшихся автором в представленном к публикации материале, шрифтом Palatino Linotype 10 pt.
  10. Диаграммы, таблицы, рисунки должны прилагаться к статье в формате JPG (JPEG) или TIFF.
  11. Все аббревиатуры и сокращения, за исключением заведомо общеизвестных, должны быть расшифрованы при первом употреблении в тексте.
  12. В конце следует привести справку об авторе с указанием фамилии, имени, отчества, должности и места работы (учебы), ученой степени и (или) звания, а также контактную информацию, которую автор желает сообщить о себе. Эти сведения публикуются в журнале. В справке отдельно от вышеуказанных сведений также следует указать почтовый индекс, адрес, номер контактного телефона, адрес электронной почты. Эти сведения в журнале не публикуются и необходимы для связи сотрудников редакции с Вами.
  13. Представляя текст работы для публикации в журнале, автор гарантирует правильность всех сведений о себе, отсутствие плагиата и других форм неправомерного заимствования в рукописи произведения, надлежащее оформление всех заимствований текста, таблиц, схем, иллюстраций.
  14. В случае если статья (материал) одновременно направляется в другое издание либо была опубликована ранее, автор должен сообщить об этом в редакцию при представлении материала.
  15. Убедительно рекомендуем авторам тщательно проверять перед отправкой в журнал общую орфографию материалов, правильность написания соответствующих юридических терминов и оформления текста работы и ссылок. Редакция настоятельно просит авторов проверять соответствие представленного материала настоящим Правилам, а также электронные файлы – на отсутствие вирусов.
  16. Статьи в обязательном порядке рецензируются членами редакционного совета журнала в соответствии с профилем представленной работы и (или) привлеченными редакцией учеными или специалистами в соответствии с порядком рецензирования рукописей.
- Редакция по электронной почте сообщает автору результаты рецензирования, по его просьбе отправляет текст рецензии, а в случае отрицательной рецензии на представленную работу возвращает ее текст автору. Отрицательная рецензия является основанием для отказа в публикации текста представленной работы.
17. Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается.
  18. Гонорар за публикации не выплачивается (кроме случаев опубликования статьи, подготовленной по заказу редакции и в соответствии с заключенным договором). Автор получает один бесплатный экземпляр журнала при условии указания им своего адреса и просьбы о высылке экземпляра. В этом случае экземпляр будет направлен почтой.
  19. Авторы передают редакции исключительное право на использование произведения следующими способами: воспроизведение статьи (право на воспроизведение); распространение экземпляров статьи любым способом (право на распространение); перевод статьи (право на перевод). Представление материала, поступившего в адрес редакции, является конклюдентным действием, направленным на возникновение соответствующих прав и обязанностей. Согласие автора на опубликование материала на указанных условиях, а также на размещение его в электронной версии журнала предполагается. Редакция оставляет за собой право размещать материалы и статьи журнала в электронных правовых системах и иных электронных базах данных. Автор может известить редакцию о своем несогласии с подобным использованием его материалов при представлении материала или не позднее даты подписания соответствующего номера в печать. Редакция оставляет за собой право вносить в текст незначительные изменения без согласования с автором.
  20. В случае нарушения предъявляемых к оформлению требований материал может быть возвращен автору на доработку. Рукописи, направленные авторам на доработку, подлежат возврату в редакцию в рекомендованный срок. О внесенных изменениях автор должен сообщить в прилагаемом к рукописи письме. В случае несоблюдения автором предъявляемых требований редакция имеет право отклонить представленный автором материал с мотивированным объяснением причин такого отказа.

АЗАНОВ Берик Куралбаевич – аспирант Санкт-Петербургского государственного архитектурно-строительного университета

АЗИЗЯН Виген Гарникович – аспирант кафедры информационной безопасности Башкирского государственного университета

АНАНИДЗЕ Фридон Ревазович – кандидат юридических наук, доцент кафедры международного права Российского университета дружбы народов

АНДРЕЕВА Екатерина Сергеевна – Советник директора по международным вопросам Армянского национального представительства Института Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ), бакалавр востоковедения и африканистики, студентка I курса магистратуры Восточного факультета СПбГУ, студентка I курса магистратуры Факультета востоковедения Ереванского государственного университета, студентка V курса ВЗФ ФЕНГО Санкт-Петербургского государственного морского технического университета (юриспруденция)

АРСАНУКАЕВА Малика Султановна – доктор юридических наук, кандидат экономических наук, доцент, профессор кафедры предпринимательского права, гражданского и арбитражного процесса Российской правовой академии Минюста России

БАТЛЕР Уильям Эллиотт – заслуженный профессор права Школы права Диккинсон, Университет штата Пенсильвания; Профессор Emeritus сравнительного правоведения Лондонского университета, иностранный член Национальной Академии наук Украины и Российской академии естественных наук

БЕКАШЕВ Камиль Абдулович – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой международного права Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА)

БОГОЛЮБОВ Сергей Александрович – доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, заведующий отделом аграрного, экологического и природоресурсного законодательства Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, профессор НИУ «Высшая школа экономики»

БУХАРОВ Михаил Яковлевич – аспирант юридического факультета Университета управления «ТИСБИ»

ВИЛЬДАНОВ Руслан Раисович – кандидат политических наук, доцент кафедры истории и культурологии Уфимского государственного нефтяного технического университета

ВОЛОВА Лариса Ивановна – доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой международного права Южного Федерального университета (РГУ)

ГАНИЕВА Роксана Буяновна – выпускница, магистр права Московского государственного института международных отношений (университета) МИД России – МГИМО

ГУСЕЙНОВА Эльнара Исмет кызы – соискатель кафедры Международного и европейского права, Казанского (Приволжского) федерального университета

ДЖАПАРИДЗЕ Ушанги – аспирант кафедры международного права Российского университета дружбы народов

ДИХТЯР Ангелина Ивановна – кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры гражданского права и процесса ФГБОУ ВПО «Госуниверситет – учебно-научно-производственный комплекс», г. Орел

ЕРПЫЛЁВ Иван Владимирович – аспирант Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации

ЖУРАВЛЕНКО Николай Иванович – кандидат юридических наук, доцент кафедры информационной безопасности Башкирского государственного университета

ИВАНОВ Дмитрий Владимирович – кандидат юридических наук, профессор кафедры международного права Московского государственного института международных отношений (университета) МИД России – МГИМО

ИЗМАЙЛОВА Евгения Николаевна – кандидат педагогических наук, доцент Уфимского государственного университета экономики и сервиса

ИЛЬЯСОВ Радик Равилович – доктор философских наук, профессор Уфимского института путей сообщения – филиала Самарского государственного университета путей сообщения

КАДЫШЕВА Ольга Владимировна – кандидат юридических наук, доцент кафедры международного права юридического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова

КАРПИКОВА Людмила Валериевна – помощник судьи Четырнадцатого арбитражного апелляционного суда, преподаватель кафедры гражданского и семейного права Северо-Западного института (филиала) Университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Вологда

КИСЕЛЕВ Павел Петрович – адвокат, соискатель Института права Башкирского государственного университета

КИСЕЛЕВА Екатерина Вячеславовна – кандидат юридических наук, доцент кафедры международного права Российского университета дружбы народов

КОПЫЛОВ Михаил Николаевич – доктор юридических наук, профессор кафедры международного права Российского университета дружбы народов, академик Российской академии естественных наук, Российской экологической академии и Международной академии наук экологии и безопасности жизнедеятельности

ЛАДЕЙЩИКОВ Александр Александрович – магистр права (LLM) King's College London, младший юрист ООО «Лемчик, Крупский и Партнеры»

ЛЕВШИН Владимир Владимирович – научный сотрудник сектора международного права Центра правовых проблем СОПС РАН и Минэкономразвития России

МАКАЕВ Ханиф Фахретдинович – кандидат педагогических наук, доцент кафедры гуманитарных наук филиала Уфимского государственного нефтяного технического университета в г. Стерлитамаке

МАКАЕВА Гузаль Зайнагиевна – кандидат философских наук, доцент кафедры гуманитарных наук филиала Уфимского государственного нефтяного технического университета в г. Стерлитамаке

МАКСИМОВА Ольга Дмитриевна – кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права Московского гуманитарного университета. Научный консультант – Новицкая Татьяна Евгеньевна, доктор юридических наук, профессор кафедры истории государства и права юридического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова

МАЛЕЕВ Юрий Николаевич – доктор юридических наук, профессор кафедры международного права Московского государственного института международных отношений (университета) МИД России – МГИМО

МАРТЫНЕНКО Станислав Евгеньевич – аспирант кафедры теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов

МЕХДИЕВА Улькер Мустафа кызы – аспирант кафедры истории стран ближнего зарубежья исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова

МИШЛАНОВА Валерия Андреевна – студентка юридического факультета Российского университета дружбы народов

МУРЗАГАЛИЕВ Ердос Чарипович – старший преподаватель кафедры международного права юридического факультета Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева, г. Астана, Республика Казахстан

НЕЧЕВИН Дмитрий Константинович – доктор юридических наук, профессор Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА)

ПЕТРОВ Андрей Федорович – кандидат биологических наук, заведующий Лабораторией Арктики и Антарктики Всероссийского научно-исследовательского института рыбного хозяйства и океанографии

ПИСАРЕВ Александр Николаевич – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой государственно-правовых дисциплин Московского городского университета управления Правительства Москвы

СВЯТОГОРОВА Анастасия Эдуардовна – кандидат юридических наук, доцент, и.о. заведующего кафедрой отраслей права Санкт-Петербургского государственного университета профсоюзов

СМБАТЯН Анаит Сергеевна – кандидат юридических наук, заведующая кафедрой торгового права и основ внешнеэкономической деятельности Дипломатической академии МИД России

СОЛНЦЕВ Александр Михайлович – кандидат юридических наук, доцент, зам. заведующего кафедрой международного права Российского университета дружбы народов

ТОЛБУЗИНА Татьяна Викторовна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры социальной работы, психологии и социального права филиала Российского государственного Социального университета в г. Дедовске

ТОЛСТЫХ Анна Степановна – ассистент кафедры теории государства и права юридического факультета Сибирского федерального университета

ТРЕТЬЯКОВ Константин Викторович – кандидат юридических наук, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Сызранского филиала Самарского государственного экономического университета

УРЮПОВА Екатерина Федоровна – кандидат биологических наук, старший научный сотрудник Лаборатории Арктики и Антарктики Всероссийского научно-исследовательского института рыбного хозяйства и океанографии

УТЕНКОВА Екатерина Владиславовна – студентка кафедры международного права Российского университета дружбы народов

УШАКОВ Сергей Алексеевич - юрист ООО «Лемчик, Крупский и Партнеры»

ФАРХУТДИНОВ Инсур Забинович – доктор юридических наук, ведущий научный сотрудник Института государства и права РАН, Главный редактор Евразийского юридического журнала

ФЕСИК Петр Юрьевич – кандидат юридических наук, преподаватель кафедры судебной экспертизы юридического факультета Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского

ФИЛИППОВА Жанна Дмитриевна – аспирант Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов, помощник судьи Ленинградского областного суда

ХАЛЕД Миари – аспирант кафедры международного права Российского университета дружбы народов

ХОРХЕ Луис Перес Альвардо - аспирант кафедры международного права Российского университета дружбы народов

ЧЕРНЫХ Ирина Алексевна – студентка кафедры международного права Российского университета дружбы народов

ЧИСТЯКОВ Константин Владимирович – аспирант кафедры уголовно-правовых дисциплин Института гуманитарного образования и информационных технологий

ШКЕЛЬ Станислав Николаевич – кандидат политических наук, доцент кафедры политологии, социологии и связей с общественностью Уфимского государственного нефтяного технического университета

ШУСТ Константин Викторович – доктор биологических наук, главный научный сотрудник Лаборатории Арктики и Антарктики Всероссийского научно-исследовательского института рыбного хозяйства и океанографии

About the authors

ANANIDZE Fridon Revazovich – Dr of Law (candidate), associate professor of International Law sub-faculty of the Peoples' Friendship University of Russia

ANDREEVA Ekaterina Sergejevna – Adviser to the director of the Armenian National Representative Office of the CSTO Institute on international issues, student of the first year Master's Programme at the Sankt-Petersburg State University, Faculty of Asian and African studies, student of the first year Master's Programme at the Faculty of Oriental Studies of Yerevan State University, student of the fifth year of evening and correspondence faculty - Faculty on natural sciences and humanities at Sankt-Petersburg State Marine Technical University (Law specialty)

ARSANUKAEVA Malika Sultanovna – Dr of Law (candidate), Dr of Economics, associate professor, professor of Business Law, Civil and Arbitration Procedure sub-faculty of the Russian Legal Academy of the Ministry of Justice of the Russian Federation

AZANOV Berik Kuralbaevich – postgraduate student of the Saint-Petersburg State University of Architecture and Civil Engineering

AZIZYAN Vigen Garnikovich – postgraduate student of the Information security sub-faculty of the Bashkir State University

BEKYASHEV Kamil Abdulovich – Dr of Law, Professor, Head of International Law sub-faculty of the O.E. Kutafin Moscow State Law University (MSLA)

BOGOLYUBOV Sergey Aleksandrovich - Dr of Law, Professor, Honoured Science worker of the Russian Federation, Head of the Agricultural, Environmental and Natural Resources Legislation branch of the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Professor of NRU «Higher School of Economics»

BUHAROV Mikhail Yakovlevich – postgraduate student of Law Faculty of the University of Administration «TISBI»

BUTLER William Elliott - John Edward Fowler Distinguished Professor of Law, Dickinson School of Law, Pennsylvania State University, Emeritus Professor of Comparative Law in the University of London, foreign member of the National Academy of Sciences of Ukraine and the Russian Academy of Natural Sciences

CHERNYKH Irina Alexejvna – student of International Law sub-faculty of the Peoples' Friendship University of Russia

CHISTYAKOV Konstantin Vladimirovich - postgraduate student of the Criminal Law sub-faculty of the Institute of Humanities Education and Information Technology

DIHTYAR Angelina Ivanovna – Dr of Law (candidate), Professor of the Civil Law and Procedure Law sub-faculty of the «State University – Education-Science-Production Complex», Oreol

ERPYLEV Ivan Vladimirovich – postgraduate student of the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation

JAPARIDZE Ushangi – postgraduate student of the International Law sub-faculty of the Peoples' Friendship University of Russia

FARKHUTDINOV Insur Zabirovich – Dr of Law, leading researcher of the Institute of State and Law of the RAS, Editor-in-chief of the Eurasian Law Journal

FESIK Petr Yuryevich – Dr of Law (candidate), lecturer of Legal Expertise sub-faculty of the Faculty of law of the National Research N.I. Lobachevskiy Nizhniy Novgorod State University

FILIPPOVA Janna Dmitrievna – postgraduate student of the Sankt-Petersburg Trade-Unions' University of Humanities and Social Sciences, the assistant to the Judge of the Leningrad oblast Court

GANIEVA Roxana Buyanovna – graduate, Master of Law of the Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation – MGIMO – University

GUSEINOVA Elnara Ismet guzu – pretender for Dr of Law (candidate) degree of the International and European law sub-faculty of the Kazan (Povolzhye) Federal University

ILYASOV Radik Ravilovich – Dr of Philosophy, Professor of Ufa Institute of Railways - branch of Samara State University of railways

IVANOV Dmitry Vladimirovich – Dr of Law (candidate), professor of the International Law sub-faculty of the Moscow State Institute of International Relations (University) of the MFA of Russia – MGIMO – University

IZMAILOVA Evgeniya Nikolaevna – Dr of Pedagogical Sciences (candidate), associate professor of Ufa State University of Economics and Service

JORGE Luis Perez Alvarado - postgraduate student of the International Law sub-faculty of the Peoples' Friendship University of Russia

KADYSHEVA Olga Vladimirovna – Dr of Law (candidate), associate professor of the International Law sub-faculty of the Faculty of Law of the M.V. Lomonosov Moscow State University

KARPYKOVA Lyudmila Valerievna – Deputy Judge of the Fourteenth Arbitration Court of Appeals, lecturer of the Civil and Family Law sub-faculty of the North-Western Institute (Branch) of the O.E. Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

KHALED M.M. MIARI – postgraduate student of the International Law sub-faculty of the Peoples' Friendship University of Russia

KISELEV Pavel Petrovich – advocate, pretender for Dr of Law (candidate) of the Institute of the Right of the Bashkir state university

KISELEVA Ekaterina Viacheslavovna – Dr of Law (candidate), associate professor of the International Law sub-faculty of the Peoples' Friendship University of Russia

KOPYLOV Mihail Nikolaevich – Dr of Law, professor of the International Law sub-faculty of the Faculty of Law of the Peoples' Friendship University of Russia, Academician of the Russian Academy of Natural Sciences, Russian Ecological Academy and International Academy of Sciences of Ecology and Life Safety

LADEYSCHIKOV Alexander Alexandrovich – LL.M. King's College London, junior associate at Lemchik, Krupskiy and Partners LLC

LEVSHIN Vladimir Vladimirovich – researcher of the International Law sector within the Center of legal problems at the Council for the Study of Productive Forces (SOPS) of the Academy of Sciences of Russia and the Ministry of Economy of the Russian Federation

MAKAYEV Khanif Fahretdinovich – Dr of Pedagogic (candidate), associate professor of the humanities sciences of the branch of Ufa State Petroleum Technical University in Sterlitamak city

MAKAYEVA Guzal Zainagievna – Dr of Philosophy (candidate), associate professor of the Humanities sub-faculty of the branch of Ufa State Petroleum Technical University in Sterlitamak

MAKSIMOVA Olga Dmitrievna – Dr of Law (candidate), associate professor of the Theory and History of State and Law sub-faculty of the Moscow University of Humanities. Scientific head - Novitskaya Tatiana Evgenievna – Dr of Law, professor of the History of State and Law sub-faculty of the Faculty of Law of the M.V. Lomonosov Moscow State University

MALEEV Yuri Nikolaevich – Dr of Law, Professor of the International Law sub-faculty of the Moscow State Institute of International Relations (University) of the MFA of Russia – MGIMO – University

MARTYNENKO Stanislav Evgenievich – postgraduate student of the Theory and History of International Relations sub-faculty of the Peoples' Friendship University of Russia

MEHDIEVA Ulker Mustafa gizi – postgraduate student of the History of Neighbouring Countries sub-faculty of the Faculty of History of the M.V. Lomonosov Moscow State University

MISHLANOVA Valeria Andreevna – student of the Faculty of Law of the Peoples' Friendship University of Russia

MURZAGALIEV Erdos Charipovich – senior lecturer of the International Law sub-faculty of the Faculty of Law of the L.N. Gumilyov Eurasian National University, Astana, Republic of Kazakhstan

NECHEVIN Dmitry Konstantinovich – Dr of Law, professor of the O. E. Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

PETROV Andrey Fedorovich – Dr of Biological Sciences, Head of the Laboratory of the Arctic and Antarctic of the All-Russian Scientific Research Institute of Fisheries and Oceanography

PISAREV Aleksandr Nikolayevich – Dr of Law, professor, Head of State and legal disciplines sub-faculty of the Moscow City University of Administration of the Government of Moscow

SHKEL Stanislav Nikolaevich – Dr of Political Sciences (candidate), associate professor of Political Sciences, Sociology and Public Relations sub-faculty of the Ufa State Petroleum Technical University

SHUST Konstantin Viktorovich – Dr of Biological Sciences, Principal Scientific Researcher of the Laboratory of the Arctic and Antarctic of the All-Russian Scientific Research Institute of Fisheries and Oceanography

SMBATYAN Anait Sergeevna – Dr of Law (candidate), Head of the Trade Law and basics of foreign economic activity of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation

SOLNTZEV Alexander Mikhaylovich – Dr of Law (candidate), associate professor, Deputy Head of the International Law sub-faculty of the People's Friendship University of Russia

SVYATOGOROVA Anastasia Eduardovna – Dr of Law (candidate), associate professor, Acting Head of the Branches of Law sub-faculty of Sankt-Petersburg State University of Trade Unions

TOLBUZINA Tatiana Viktorovna – Dr of Pedagogical Sciences (candidate), associate professor of Social work, Psychology, and Social Law sub-faculty within the branch of the Russian State Social University in Dedovsk

TOLSTYKH Anna Stepanovna - assistant of the Theory of State and Law sub-faculty of the Faculty of Law of the Siberian Federal University

TRETYAKOV Konstantin Viktorovich – Dr of Law (candidate), associate professor of the Humanitarian and Social-Economic disciplines sub-faculty of the Syzran branch of Samara State University of Economics

URUPOVA Ekaterina Fedorovna – Dr of Biological Sciences (candidate), senior researcher of the Laboratory of the Arctic and Antarctic of the All-Russian Scientific Research Institute of Fisheries and Oceanography

USHAKOV Sergey Alexeevich - associate at Lemchik, Krupskiy and Partners LLC

UTENKOVA Ekaterina Vladislavovna - student of the International Law sub-faculty of the Peoples' Friendship University of Russia

VILDANOV Ruslan Raisovich – Dr of Political Sciences (candidate), associate professor of the History and Cultural Science sub-faculty of the Ufa State Petroleum Technical University

VOLOVA Larissa Ivanovna – Dr of Law, professor, Head of the International Law sub-faculty of the Southern Federal University (RSU)

ZHURAVLENKO Nikolay Ivanovich – Dr of Law (candidate), associate professor of the Information security sub-faculty of the Bashkir State University